Время жить. Книга вторая: Непорабощенные

Время жить - 2

Виктор Вадимович Тарнавский

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Нелегкие испытания выпали на долю героев этой книги, однако им никак, никак нельзя сдаваться. Они должны искать свой путь, преодолевать трудности и побеждать, ибо у них нет иного выхода. Им досталось тяжелое, страшное, кровавое время, но это их время и, значит, для них оно – ВРЕМЯ ЖИТЬ!

- Пролог
- Глава 41. Сожженные мосты
- Глава 42. Тяжелая работа
- Глава 43. Сын черной звезды
- Глава 44. Как это было… и как это было на самом деле
- Глава 45. Своя тема
- Глава 46. Большая часть правды
- Глава 47. Положение за номером 676 дробь Пегас (При попытке к бегству)
- Глава 48. Воздух свободы
- Глава 49. Образ жизни
- Глава 50. Гостеприимный остров Валез
- Глава 51. Вопросы выживания
- Глава 52. Обжигающий свет
- Глава 53. Начала
- Глава 54. Потрясение основ
- Глава 55. Новая жизнь
- Глава 56. Бессмысленность сбывшейся мечты
- Глава 57. Богатые гости
- Глава 58. Воздушная война
- Глава 59. Железная пята над олигархией
- Глава 60. Встречи на полпути
- Глава 61. Последней умирает надежда
- Глава 62. В конце пути
- Глава 63. Времени больше нет
- Глава 64. Свадьба в благородном семействе
- Глава 65. Суд идет
- Глава 66. Государственные интересы
- Глава 67. Слово и дело
- Глава 68. Ржавчина
- Глава 69. Нарушение законов
- Глава 70. Прыжок в неизвестность
- Глава 71. Плато Пурона

Непорабощенные

Пролог

Долинка была чудесной.

Справа и слева – покатые холмы, покрытые лесом, прекрасным в своем осеннем убранстве. Все оттенки блекло-зеленого, желтого, рыжего и широкие размашистые мазки темно-зеленой хвои. По обеим сторонам дороги в живописном беспорядке рассыпались симпатичные беленькие домики под темно-красными крышами – все в окружении сочной зелени аккуратно подстриженных лужаек и пестроты заботливо ухоженных фруктовых садов. По склонам тянутся ухоженные поля, у кромки одного из них застыл забытый комбайн.

Все было настолько мирным, тихим и безлюдным, что старший-один, возглавлявший танковую колонну, немедленно заподозрил здесь засаду. И не ошибся.

Просмотр архива спутниковых снимков показал, что двое суток тому назад здесь кипела жизнь. На увеличенных изображениях можно было легко различить длинный ряд тягачей с орудиями на прицепах, несколько танков и более трех дюжин грузовиков с кузовами, покрытыми брезентом. Одни машины, похоже, занимались эвакуацией жителей деревни, другие, наоборот, везли сюда солдат. Много-много солдат с лопатами, кирками и топорами.

Ознакомившись со снимками, старший-один почувствовал неудовольствие: неужели он стал настолько предсказуемым, что даже филиты смогли легко предвидеть его действия? Новый взгляд на карту немного улучшил его настроение. Через эту гряду лесистых холмов было всего четыре более-менее подходящих прохода. Сунься он в какой-либо другой, его бы наверняка ждала такая же встреча.

Можно было бы еще посетовать на недостаточность данных – спутниковая группировка была не полной и не обеспечивала постоянного отслеживания действий противника, но старший-один был не из тех, кто жалуется на неблагоприятные обстоятельства. Остановив колонну, он отправил вперед два малых разведчика, распорядившись вести их повыше – у нижней кромки легких белых облачков, медленно тянущихся над землей в красках осени.

Разведчики, сами напоминающие при взгляде снизу маленькие клочки тумана, быстро засекли противника. Такая мирная и тихая долинка на самом деле была набита людьми и оружием. На опушке леса справа была оборудована хорошо, но все-таки недостаточно хорошо замаскированная орудийная

позиция. Среди беленьких домиков виднелись силуэты грузовых автомашин. А шесть вытянутых пятен поперек поля, показанные металлодетекторами, судя по всему, означали вкопанные в землю и спрятанные под маскировочной сетью танки.

Оставив разведчиков наблюдать за будущим полем боя, старший-один дал команду к выдвижению. Тридцать восемь танков "Громовержец", взвывая моторами, двинулись вперед, на ходу перестраиваясь из колонны в боевой веер.

Очевидно, за ними наблюдали. На орудийных позициях началась суета. Старший-один не колебался. Возможно, две дюжины дней тому назад он бы позволил филитам сделать первый выстрел, но сейчас он не собирался предоставлять им это право. Две передовые шестерки танков, в которых, правда, вместе осталось всего девять машин, открыли огонь по опушке леса. Благодаря наведению с разведчиков они с первого же залпа добились накрытия цели. Ответить им успело только одно орудие, но снаряд, просвистев высоко над имперскими танками, бессильно и бесполезно разорвался где-то вдалеке.

Рассчитывать на беспрепятственный проход уже не приходилось, и старший-один приказал операторам расчистить дорогу. Две шестерки нанесли удар по деревне. Несколько залпов разметали белые домики с укрывшимися между ними грузовиками, вспыхнуло несколько пожаров. Одновременно целый лес разрывов вырос в том месте, где скрывались зарытые в землю филлинские танки. Огонь имперских машин был, как всегда, точен. В небо поднялись шесть новых столбов дыма от чадно горящего топлива.

Один из операторов на всякий случай выпустил дюжину снарядов в сторону леса по левую сторону деревни. Возможно, раньше старший-один не преминул бы высказать ему неудовольствие за зряшный расход боеприпасов, но сейчас он промолчал, что было равносильно одобрению. За дни боев филиты научили его осторожности. То, что в том лесу не был обнаружен противник, еще ничего не означало.

Огневой налет был выполнен безукоризненно. Со стороны филитов больше не прозвучало ни единого выстрела. И это немного беспокоило старшего-один: победа не могла быть настолько легкой. По его приказу операторы опустили разведчиков почти к самым верхушкам деревьев, увеличив разрешающую способность аппаратуры до предела. Дюжина ударных беспилотников, ранее державшихся чуть сзади танков, рванулась вперед, чтобы еще раз пройтись над разгромленной артиллерийской позицией, перемешав с землей все, что еще могло подавать там признаки жизни.

Предчувствие и на этот раз не обмануло старшего-один. Прямо из лесной чащи навстречу разведчикам и ударникам запульсировали огоньки пулеметных очередей. Изображение на экране дрогнуло, пошло пятнами и вдруг исчезло: это филиты сбили обоих разведчиков, и колонна на некоторое время лишилась средств наблюдения и целеуказания. Впрочем, это не помешало танкам открыть огонь по лесу, а беспилотникам – прошерстить вражеские огневые точки из иглометов, забросать их бомбочками и ракетами.

Лес горел, изрытый воронками и лишившийся разноцветных крон под натиском ударных волн. Горела деревня. Поля заволакивал дым от подожженных танков, ветер постепенно относил его в сторону. Имперские машины продолжали свое неспешное и неумолимое движение. И вдруг сами оказались под огнем!

Лес на левой стороне, никак не отреагировавший на обстрел несколькими минутами ранее, вдруг ожил. Прямо из чащи внезапно открыли огонь крупнокалиберные минометы. Старший-один, конечно, не мог знать, что позиции для них выбирали с особым тщанием, буквально, по веточке удаляя мешающий стрельбе подлесок, но он оценил искусное коварство филитов. Минометы были рассредоточены по всему лесу и ударили как раз в тот момент, когда имперские танки оказались без воздушного прикрытия.

Филлинские артиллеристы продемонстрировали высокую квалификацию. Первые выстрелы легли с небольшим недолетом, но уже второй залп дал накрытие. Сработала защитная автоматика, и над танками вспухли серые облачка.

Будь это обычные снаряды, облачная защита, очевидно, смогла бы сбить их с курса или вызвать преждевременный разрыв. Но против мин, которые падали вниз по крутой траектории и имели взрыватели с установкой на замедленное действие, она оказалась недостаточно эффективной. Поэтому танкам оставалось уповать лишь на последнюю линию защиты – свою собственную броню.

Зловредные минометы давили сосредоточенным огнем всех шестерок и подоспевших на выручку беспилотников. Однако самый живучий из них успел сделать целых семь выстрелов. Теперь лес полыхал с обеих сторон. Всю долину заволокло дымом, в котором смутно белели уцелевшие домики.

Морщась, словно от зубной боли, старший-один принял рапорта о повреждениях. Три прямых попадания и два близких разрыва. Но поцарапанная броня и аварийная перезагрузка программы от неожиданных сотрясений – не в счет, есть и более

серьезные проблемы.

Один из танков как следует получил по башне, потерял зенитную установку и лишился половины приборов наблюдения. Но он еще сохраняет ограниченную боеспособность и, по крайней мере, может самостоятельно передвигаться. Два других повреждены намного сильнее. Конечно, ему не надо ставить их на самоликвидацию, эвакуаторы заберут их через час и доставят на базу. Но для него они, считай, потеряны. Ремонтные службы зашиваются, не справляясь с обрушившимся на них объемом работ. Поэтому в починку идут, прежде всего, машины, которые можно достаточно быстро вернуть в строй

Тридцать шесть танков продолжают движение. По ним никто не стреляет. Победа?! Как бы не так! Будь он на месте филитов, обязательно бы перекрыл узкий проход минными полями. Вздохнув про себя по поводу неизбежного перерасхода энергии, старший-один приказывает операторам поднять машины на антигравы.

Сохраняя боевой порядок, танки медленно пересекают широкое поле, на котором продолжают чадить шесть дымных костров. Пользуясь случаем, старший-один подводит беспилотного разведчика, чтобы взглянуть на вражеские машины вблизи. К его удивлению, они не похожи на те, с которыми он сталкивался раньше. Эти заметно меньше по размеру, у них странные угловатые башни с короткими стволами орудий, слабая – это видно по характеру повреждений – броня. Похоже, дела у филитов совсем плохи, если они вздумали остановить его танки этими жестяными коробками! Или…

Проверяя внезапно вспыхнувшую у него догадку, старший-один лично проводит разведчика над каждым из шести горящих филлинских танков. Точно! Ни один из них не был разрушен внутренним взрывом. Значит, либо так и не сдетонировали боеприпасы… либо внутри вообще не было никаких боеприпасов, и эти горе-танки на самом деле — очередная хитрость для отвлечения его внимания. Тогда где же настоящая ловушка?! Две засады уже обозначили себя и были уничтожены, но есть ли третья?…

Тем временем, танки оказываются перед большой плантацией каких-то вьющихся растений. От леса и почти до самой деревни тянутся ряды высоких — более чем в полтора метра — кольев. Между ними натянуты проволочки, за которые цепляются тонкие плети, покрытые увядающими листьями и множеством мягких светло-коричневых шишечек.

Повинуясь какому-то неясному предчувствию, старший-один останавливает колонну и пускает вперед разведчиков, которые

разве что не обнюхивают плантацию, опускаясь, порой, почти до верхушек кольев. Там тихо и пусто. В междурядьях видны следы ног и колес, но это само по себе еще ничего не значит. Здесь уже пытались собирать урожай: некоторые плети сняты с проволочек и лежат на земле, кое-где валяются большие корзины, наполовину заполненные шишечками.

И все равно старший-один неспокоен: уж очень подходящим для засады выглядит это место. По его приказу танки отключают антигравы и садятся на грунт, экономя энергию, а передовая четверка медленно выдвигается вперед. Машины тяжело идут через плантацию, оставляя за собой полосы следов из поваленных кольев. Они прошли уже треть пути.

Крайний слева танк подминает под себя очередной кол. Внезапно прямо под ним словно разверзается вулкан. По ушам бьет слитный гул множества разрывов – такое впечатление, будто взорвалась вся плантация.

Старший-один чувствует, как его лоб покрывается испариной. Не прояви он осторожность, и половина его колонны осталась бы там, на этом проклятом поле. Что это было?! Вряд ли радиовзрыватель: от этого танки защищены, да и подрывник, наверняка, подождал бы, пока на минное поле не втянутся все танки. Похоже, филиты замкнули заряды в цепь, и при срабатывании одного взорвались все.

К счастью, потери не так уж и велики. Танк, налетевший на мину, превращен направленным взрывом нескольких десятков килограммов тротила в груду металлолома. Еще один, попав под близкий разрыв, рухнул вниз с метровой высоты и повредил двигатель. Его могли бы подобрать эвакуаторы, но они вряд ли полезут на мины, и старший-один со вздохом дает команду на самоликвидацию.

Два уцелевших танка пятятся назад по своим следам. Однако один из них за какие-то две дюжины метров от кромки поля опять наталкивается на мину. В отсеке управления начинается легкая паника. Четвертый танк, последний уцелевший, неподвижно висит на антиграве в нескольких шагах от межи, сжигая энергию в накопителях. Оператор, видя, как падают столбики на индикаторах, осторожно сажает его на грунт. Взрыва не происходит.

Старший-один буквально покадрово просматривает запись с воздушного разведчика. Вот оно! В землю воткнут длинный гибкий прут. Двигаясь через плантацию, танк наклонил его, но тот снова распрямился. А когда танк отступал, прут наклонился снова, уже в другую сторону. Очевидно, этим и приводился в действие заряд. И не менее очевидно, что такой прут здесь не

один. А может, плантация таит и другие пакостные сюрпризы.

Хорошо было раньше — тогда можно было бы вызвать девятку "Молний", чтобы та ракетами пропахала все это поле, расчистив путь танкам. Но сейчас это невозможно: у воздушных машин иные задачи, да и боеприпасы у них строго нормированы. Вздохнув про себя, старший-один поворачивает колонну. Остается только протиснуться в узкий, не шире ста метров, проход между плантацией и деревней. Еще одно подходящее место для засады…

Что же, придется потратить еще немного боеприпасов. Танки открывают огонь по поселку, громя там все, что уцелело после предыдущего удара. Рушатся стены домов, валятся вырванные с корнем плодовые деревья, разлетается на мелкие части брошенный кем-то грузовик… Еще дюжины три снарядов перепахивают подозрительный участок между плантацией и крайними садами. Теперь можно быть уверенным: мин там нет.

Танки обходят горящую деревню растянутой колонной. Машины тяжело переваливаются, перебираясь через свежие воронки и кучи вывороченной земли. Беспилотники барражируют над развалинами поселка, готовые немедленно открыть огонь в ответ на малейшее движение. Но беда приходит совсем с другой стороны. На "заминированной" плантации в одном из междурядьев словно приоткрывается крышка люка, а из темноты показывается короткий ствол орудия.

Блямс! От выстрела в упор не спасает никакая защита, и в колонне становится еще на один танк меньше.

Возмездие следует немедленно. В сторону орудийной позиции устремляется поток высокотемпературной плазмы из каскадной пушки, сжигающий все на своем пути. Мгновенно иссохшие от термического удара стебли растений вспыхивают, и весь ближний край плантации охватывает пламя. Последние машины идут словно в огненном коридоре.

Сразу же за поселком поредевшая колонна перестраивается в походный порядок. Ее никто больше не атакует, но старший-один мрачно хмурится. Он не доволен собой. Он попался во все расставленные ловушки и потерял шесть танков — больше, чем в любом другом бою с самого начала кампании. К тому же, через несколько километров колонну придется останавливать и вызывать техников для ремонта пострадавших машин, пополнения резерва боеприпасов и замены израсходованных топливных элементов.

Однако вскоре старший-один успокаивается. На самом деле, все не так уж и плохо. Да, он понес немалые потери, но противник потерял вообще всё! И что он выиграл этими самоубийственными атаками? В лучшем случае — несколько

часов времени. Что бы ни делали филиты, их сопротивление безнадежно и бессмысленно…

Это была последняя попытка организованного сопротивления имперской военной машине со стороны филлинских армий. На огромном пространстве — от океана на западе до Шестиречья на востоке и от северной тайги до Великой пустыни и гор Великой Южной Стены — больше никто не мог противостоять мощи и силе Звездной Империи. Война против безнадежно уступающего в техническом плане и не имеющего общего командования противника была выиграна.

Но на всей этой территории, над которой простерлась мрачная тень Империи, продолжали жить люди — миллионы людей. Они потеряли многих родных и близких, их города, дома, дороги и заводы были разрушены, они исчерпали возможности для вооруженного противостояния, но они еще не были побеждены. Они все еще оставались свободными и НЕПОРАБОЩЕННЫМИ.

Глава 41. Сожженные мосты

Кисо Неллью проснулся от холода. Тщетно пытаясь свернуться в клубок, чтобы сохранить остатки тепла, он ворочался и ворочался, пока его голова не соскользнула с рюкзака, игравшего роль подушки. Соприкосновение щеки с сырыми холодными досками прогнало остаток сна, и Неллью сел, обхватив руками колени и зябко кутаясь в пластиковое полотнище, как в одеяло.

Помогало плохо. Вернее, совсем не помогало. Пронизывающая сырость легко проникала сквозь неприятно влажную одежду, так и не подсохшую за ночь. Неллью с завистью покосился на спящего Ворро. Дрыхнет себе и дрыхнет, невзирая на холод и сырость, словно у себя в постели под одеялом, а не в открытой со всех сторон беседке в лесу.

Неллью с тоской вспомнил уютный гостиничный номер в Чонори. Увы, это было так давно и, кажется, неправда. Они шли в Тарануэс уже семь суток, и чем дальше, тем труднее становилось с ночлегом. Прошлую ночь они, например, провели в вонючем сарае рядом с храпящей скотиной. Сейчас это уже казалось недостижимым блаженством. Запах запахом, но они спали в тепле, под надежной крышей и на мягкой соломе. Вчера же, когда Неллью буквально наткнулся на эту беседку, отойдя с дороги в кустики по нужде, Ворро решил не рисковать, а устраиваться на ночь в ней.

Возможно, Ворро тогда был прав. Уже начинало темнеть, они все никак не могли выйти из леса, а дождь лил и лил, не давая никакой возможности развести костер. Садовая беседка в кустах с не совсем мокрым дощатым полом и почти не протекавшей крышей показалась им тогда спасением. Но еще одна такая ночка, и ревматизм вкупе с воспалением легких можно считать обеспеченным…

И тут Неллью с облегчением вспомнил, что второй такой ночи не будет. Они почти дошли. До Тарануэса осталось меньше двадцати километров – дело одного дня. Дома (он воспринимал аэропорт как дом) можно будет и отоспаться, и отдохнуть по-человечески, и почистить зубы щеткой, а не веточкой и, наконец, как следует вымыться. Странно: холодно вроде бы, а потеешь ничуть не меньше, чем в летнюю жару.

Но и эти километры еще нужно было пройти. Сидеть, закутавшись в негреющее покрывало, было ничуть не теплее, чем лежать, и Неллью встал, чувствуя, как не желает ему повиноваться одеревеневшее тело, и, осторожно переступив через

спящего Ворро, вышел из беседки. Дождь перестал, но погода ничуть не улучшилась. Прямо над вершинами деревьев нависали тяжелые темно-серые тучи, а от мокрой земли тянуло промозглой сыростью. Да, костер продолжал оставаться недостижимой мечтой.

Не снимая куртки, Неллью умылся – плеснул в лицо водой из фляжки. Вода показалась жутко холодной, несмотря на то, что он ночью держал фляжку под курткой. Сразу же захотелось есть, и он подтянул к себе рюкзак, по пути зацепив Ворро.

— Который час? — пробурчал Ворро, не отрывая глаз.

Неллью оттянул рукав.

— Без десяти шесть, — виновато сказал он. — Извини, я не хотел тебя будить.

— Ладно уж, — Ворро завозился, выпутываясь из полотнища. — Дома отоспимся.

Он сел, сердито глядя перед собой и протирая заспанные глаза. Пытаясь встать, угодил одной рукой в натекшую с потолка лужу и коротко выругался. Потом пошел прямо в кусты и долго ворочался там, как медведь, не переставая ворчать себе под нос. Когда он вернулся, на ходу застегивая штаны, Неллью уже успел расстелить на полу одно из полотнищ и разложить на нем продукты для завтрака.

— Думаю, сегодня нет смысла экономить, — сказал он. — Все равно, к вечеру уже будем дома.

— Нет, тушенку лучше спрячь, — распорядился Ворро. — Достало уже меня, эту пакость без хлеба лопать. Да и оставить что-то надо до вечера. Ребята там, небось, до сих пор одни конфеты жрут, вот будет им подарочек.

Неллью послушно положил две банки тушенки обратно в рюкзак. Продуктов и без нее хватало. По плитке питательной смеси, которую им дал дед Тимо неделю назад, немного овощей и фруктов, собранных вчера на разбомбленной ферме, несколько колечек домашней жареной колбасы, выменянной третьего дня Неллью на туфли в одной деревне – сам он, как и Ворро, еще в Чонори купил себе удобные и крепкие ботинки – и вода из фляжек.

— Что-то совсем мало у нас осталось воды, — озабоченно заметил Неллью. — Надо будет где-нибудь по дороге обязательно набрать.

— Надо, значит наберем, — пожал плечами Ворро. — Ты лучше вот что скажи, штурман: как нам дальше идти?

Ворро вынул из рюкзака "Атлас автомобильных дорог…" и открыл нужную страницу.

— Через пару километров свернем с дороги, а там двинемся в

направлении на Кенеран. Потом пройдем немного по окружной, а там и до аэропорта рукой подать. Будет немного длиннее, но зато ни одного моста.

Неллью знал, о чем говорил. Позавчера они потеряли целый день, пытаясь найти переправу через одну неширокую, но противную речушку. В конце концов, им пришлось перейти ее вброд по пояс в воде, а затем остаток дня сушиться у костра.

— А ну, покажи, — Ворро забрал у Неллью атлас и несколько минут изучал его, методично пережевывая колбасу. — Нет, так не пойдет.

— Почему? Это, по-моему, самый удобный путь.

— Ты что, думаешь выйти к аэровокзалу со стороны площади?! А как ты потом собираешься попасть внутрь? Нас же там разорвут! К тому же, я вовсе не горю желанием близко знакомиться с нашей внешней охраной. Ребята еще те.

Неллью снова склонился над атласом.

— Тогда… Тогда после Кенерана повернем не к окружной, а направо, на Эрречо и Ласу. Затем перейдем железную дорогу, а там, кажется, есть проселок, что выведет нас прямо на радарный пост. Правда, так будет еще длиннее.

— Насколько длиннее? На пять, десять, двадцать километров?

— Примерно, на семь-девять. А отсюда нам придется пройти не меньше тридцати.

— Так много? Тогда скорее доедай, прячь все в мешок и пошли! Нечего время терять!

Поселок открылся перед ними, как только они свернули с шоссе Кьеве – Тарануэс, по которому они шли (если не считать позавчерашнего крюка с переправой) уже четверо суток. Выглядел он так же, как и все пригороды вокруг столицы: много аккуратных одно- или двухэтажных частных домиков с гаражами и небольшими садиками, асфальтированные улицы, большой супермаркет недалеко от шоссе, бензоколонка, вдали виднеется храмовая башенка.

Большая часть таких поселков, попадавшихся им на пути раньше, была уже разбомблена, но этот выглядел на редкость целым. Только супермаркет, видимо, показался кому-то заслуживающей внимания целью и был разрушен прямым попаданием ракеты. Домики вокруг совершенно не пострадали, по улицам ходили люди, а где-то ближе к храму поднимался к небу дымок походной кухни и виднелся хвост длинной очереди.

— Жлобское место, — пробормотал Ворро.

Это была их классификация. Все населенные пункты

делились на хорошие, где можно было рассчитывать на еду и ночлег, жлобские – там на них просто не обращали внимания и просить что-либо было бесполезно, и ублюдочные, от которых вообще нужно было держаться подальше, так как чужих там прогоняли прочь. Как уже показал их опыт, на хорошие или же ублюдочные деревни и городки легче было наткнуться в глубинке, вдали от больших дорог. А вот вдоль шоссе попадались все больше жлобские.

По крайней мере, через этот поселок можно было спокойно пройти. Они и шли, даже не пытаясь свернуть к центральной площади, где, видимо, происходила какая-то раздача продуктов. Как они знали, в этом месте в общую очередь их не пустят. Уже недалеко от окраины, где дорога выходила в чистое поле, Ворро вдруг свернул к небольшому домику, где во дворе была видна водонапорная колонка, а на лавочке перед крыльцом сидел немолодой мужчина и что-то обтесывал небольшим топориком.

— Бог в помощь, отец, — сказал Ворро, подходя к забору.

Он и сам бы не мог сказать, почему он выбрал именно этот дом и этого человека. Но в последние дни они уже на глаз могли определить, к кому можно обращаться, а к кому – лучше не стоит.

— И вам того же, — мужчина настороженно оглядывал их. — Кто такие? Куда путь держите?

— В Тарануэс, — важно ответил Ворро. — Из-под Савино. Уже восьмой день идем.

— Далеко. Но странно что-то, все из Тарануэса идут, а вы – в него.

— Так надо, — пояснил Ворро. — У нас работа такая. Мы летчики, Воздушный мост обслуживаем, слышали? Нас неделю назад пришельцы сбили, вот мы обратно и возвращаемся. Вы нам разрешите воды набрать?

— Набирайте, — разрешил хозяин. — Только осторожнее, там рычаг туго идет и напор большой. Летчики, говорите? Так вроде бы, больше не летает никто, с нашего-то аэропорта.

— Как не летает?! — Ворро даже остановился. — Кто вам это сказал?

— Кора! — громко позвал хозяин. — Ты не помнишь, это Мерро нам говорил, что самолеты больше не летают?! Тут летчики, сбитые. Домой возвращаются.

Из домика выглянула полная женщина в домашнем халате.

— Не помню. Это ты с ним разговаривал, а не я. Так вы действительно летчики? А где вас сбили?

— Недалеко от Савино, — нервно сказал Ворро, — Семь дней назад. Так вы вспомните, кто вам говорил, будто самолеты не летают? Вы же понимаете, как для нас это важно!

Мужчина почесал затылок.

— Да не помню я точно. Кажется, это Мерро был, третьего дня. Сказал так, промежду прочим, что раньше его все время самолеты беспокоили, то и дело прямо над домом пролетали, а теперь тихо стало. Может, просто в другую сторону летать начали? Или, может, он ошибся. Он в Раниче живет, знаете, где это?

— Знаю, знаю, — кивнул Неллью. — Но это не так уж и близко от аэропорта. Да и к западу, не по гессенарской трассе. Может, посадку раньше не всем сразу давали, вот у него над домом и кружили?

— Может, может, — перебил его Ворро. Он уже набрал во фляжки воды и стряхивал воду с обшлагов плаща. — Спасибо вам, хозяева. Вы уж извините, но нам идти надо. Путь еще неблизкий.

Ворро долго не мог успокоиться.

— Конечно же, он ошибся! Сегодня только тридцать второе, а Воздушный мост – до шестнадцатого числа следующего месяца! Не мог он прекратить работу! Вот старый козел, кто-то наплел ему, а он и рад, все настроение испортил!

Но чем ближе был аэропорт, тем больше в них нарастала нервозность. Они даже не стали останавливаться, чтобы пообедать, и продолжали идти вперед. Снова пошел дождь, что тоже никак не способствовало улучшению настроения.

— Ненавижу этот дождь! — ворчал Ворро, пытаясь получше закутаться в свой порванный в десятке мест плащ. — Ненавижу! Черт бы побрал эту дерьмовую погоду!

У Неллью были другие заботы.

— Ты что-нибудь слышишь?

— Нет. А что я, черт возьми, по-твоему, должен слышать?!

— Двигатели. Мы уже почти рядом. И за все время не видели ни одного самолета.

— Какие, к черту, двигатели!? Погода нелетная! Или Гессенар не принимает! Смотри лучше по сторонам! Для пришельцев-то никакая погода не помеха!

Неллью грустно покачал головой. Плохие предчувствия нарастали в нем со страшной силой. А пришельцы? Что пришельцы? За семь дней они ни разу не встречали танки и совсем перестали их бояться, а воздушные машины всегда пролетали где-то в вышине. Даже бомбежки им приходилось слышать всего несколько раз, и то издали. Это была не та опасность, с которой нужно было всерьез считаться.

Летное поле было окружено высоким бетонным забором, и Неллью был рад этому. Так для них еще оставалась надежда. За

оградой была видна радарная антенна. Она не вращалась. И все вокруг было по-прежнему тихо.

— Здесь где-то есть калитка, — хрипло сказал Ворро. — Такая небольшая калитка…

Калитка оказалась широкими запертыми воротами с расположенной рядом проходной. Дверь проходной была приоткрыта, словно приглашая войти. Медленно и неуверенно они шли к этой двери, оттягивая неизбежное.

— Ну чё телитесь, заходите, — прозвучал вдруг грубый голос сзади. — Кто такие? И чего вам здесь надо?

Обернувшись, Неллью увидел трех человек в одинаковых черных плащах с капюшонами. У всех троих были полицейские резиновые дубинки на поясе и короткие десантные автоматы, висящие за плечом прикладом вверх. Ворро нервно облизал губы.

— Так что замолчали? — насмешливо спросил самый высокий из троицы, очевидно, старший, с грубым голосом и выбивающимися из-под капюшона длинными светлыми волосами. — Чего вам надо? Только не говорите, что ошиблись.

Очевидно, он сказал что-то забавное, так как на лицах его спутников появились довольные ухмылки.

— Мы… — несмело начал Неллью.

— Стой! — прервал его Ворро. — Говорить буду я. Вы из внешнего кольца охраны аэропорта?

— Ну, — старший охранник настороженно посмотрел на него. — А вы кто?

— Мы отсюда, — сказал Ворро. — Летчики. Меня зовут Ли Ворро, а это – мой штурман Кисо Неллью. Двадцать четвертого мы вылетели на сто тридцатом вывезти людей с аэродрома Нэтави в округе Савино. За пределами безопасной трассы нас обстреляли пришельцы, пришлось идти на вынужденную посадку. Самолет наш сгорел, а нам самим пришлось возвращаться пешком. Вот мы и пришли.

В подтверждение своих слов Ворро распахнул плащ, демонстрируя темно-синий форменный китель с командирскими крылышками в петлицах.

— С ума сойти! — рассмеялся один из охранников, по виду самый молодой. — Настоящие летчики! Сами явились! А я уже и надеяться перестал… Ты слышишь, Ваго?

— Слышу, — из двери проходной высунулась недовольная рожа. — Я все слышу. Так как, вы их теперь…

— Тихо! — прервал его старший. — Спокойно. Так вас, говоришь, двадцать четвертого сбили? Издалека шли?

В его глазах, как показалось Неллью, мелькнуло что-то, похожее на жалость.

— Издалека, — Ворро не нравился этот разговор, и не только из-за автоматов у охранников. — Почти двести пятьдесят километров за восемь дней отмахали.

— Как много! — издевательски ухмыльнулся молодой охранник. — И все зря. Нет здесь больше ваших.

— Как нет?! — не выдержал Неллью. — Куда они делись?!

— Улетели. Сели в самолеты и улетели.

— Кто? Все? — тупо спросил Ворро. Он уже понял, что их снова постигла катастрофа, но не хотел в нее верить.

— Ну что ты такой непонятливый? — лениво заметил охранник, стоящий в дверном проеме проходной. — Тебе говорят, все. Пилоты, клерки всякие, обслуга, техники, бабы ихние, даже с биржи всех уволокли. На прошлой неделе…

— Двадцать седьмого, — вставил молодой.

— Да, двадцать седьмого сели в самолеты и рванули отсюда. Иньюко, пес старый, только своих забрал. А нас здесь оставили.

— И вас, значитца, тоже, — снова добавил молодой. — Не дождались, а?

— Не дождались, — спокойно подтвердил старший. — И что мне теперь с вами делать?…

— А может!…

Молодой охранник одним ловким движением перебросил автомат на грудь.

— Погодь, — остановил его старшой. — Не суетись. Ваго, отведешь их к боссу?

Охранник, стоящий в дверях проходной, широко зевнул.

— Ла-адно. И без того скукота. Ну чё, пошли?

Аэродром выглядел заброшенным. Даже не заброшенным – вымершим. Полосы были по-прежнему чистыми, вдоль летного поля стояли несколько самолетов, у одного из них застыл бензозаправщик, и шланги тянулись по бетону мертвыми змеями. Но нигде не было ни души.

— У нас еще есть шанс, — прошептал Ворро. — Самолеты на месте.

— На месте, на месте, — лениво подтвердил охранник. — Вначале мы их спалить хотели сгоряча, а босс не разрешил.

— Только уж больно пустынно вокруг, — поморщился Неллью. — Мы здесь как мухи на скатерти.

— Дождь, — пожал плечами охранник. — И время уже позднее. А то у нас здесь каждое утро занятия. По полосам этим бегаем.

Говорить никому не хотелось, и остаток пути они прошли в молчании. Только перед самым входом в здание аэропорта их проводник (или конвоир, кто его тут знает?) вдруг забеспокоился.

— Надо, наверное, мне сначала в казарму зайти. А то ремень в караулке оставил и ботинки не чищены. У нас с этим строго. Приду к боссу не по форме, так он мне таких нарядов впишет! Пошли лучше отсюда!

Вместо корпуса вылета они пошли в соседнее здание, зону прилета. Здесь уже начали попадаться люди – охранники аэропорта в форменных серых комбинезонах, стайка девушек в коротких платьях и какие-то странные оборванные личности с ведрами и половыми тряпками. На их компанию внимания никто не обращал. Очевидно, появление здесь посторонних людей в сопровождении местных охранцев было делом обычным, а Ворро предусмотрительно снова застегнул плащ, чтобы не показывать свою летную форму. Реакция молодого охранника, направившего – то ли в шутку, то ли всерьез – на них автомат, поразила его до глубины души и зародила нехорошие предчувствия.

После подъема по неработающему эскалатору (хотя электричество кое-где все же горело) к залу для транзитных пассажиров их проводник попросил их встать где-нибудь в сторонке и подождать пару минут. Вернулся он, действительно, очень скоро, уже без мокрого черного плаща, но при ремне, в тщательно вычищенных ботинках и даже причесанный. Ворро одобрительно покачал головой.

Дальше был уже знакомый путь по галерее в соседний корпус. На самой галерее Ворро вдруг остановился.

— А эти что здесь делают? — удивился он, показывая на все тот же табор на площади перед аэропортом, ничуть не уменьшившийся по сравнению с картиной восьмидневной давности. — Вы же говорили, самолеты больше не летают! Почему они не уходят?

Кажется, у Ворро еще оставалась какая-то надежда.

Охранник пожал плечами.

— Кто его знает? Одни уходят, другие приходят. Место обжитое, не бомбят, порядок какой-то есть. Народ здесь барахолку организовал, так мы за порядком следим. И подкормиться при нас можно. Вот и не уходят.

— А чем же вы сами тут кормитесь? — снова спросил Ворро. — У нас, помню, еще до нашего отлета было со жратвой неважно.

— Так то у вас, — ухмыльнулся охранник. — Вы же безвылазно здесь сидели, вот и лопали одни конфетки с печеньем. А грузовой склад наш был. Мы там одних чинетских копченостей два контейнера отыскали. Даже обидно. До войны дорогущие были, заразы, а теперь – лопай, не хочу. Надоели прямо.

— Неплохо вы устроились, — оценил Ворро. — И электричество у вас есть, и еды навалом, и базар под боком. А чем вы еще занимаетесь?

На этот раз охранник не пожелал продолжать разговор.

— Это вам уже босс расскажет.

Босс, естественно, обитал в бывшем кабинете начальника аэропорта, и Неллью, заходя в кабинет, подивился – вот, как иной раз поворачивается судьба. Где началась их дорога, там и заканчивается. Чем заканчивается – пока думать не хотелось. После встречи с охранцами он испытывал постоянную тревогу, хотя вряд ли мог объяснить, чем она вызвана. Ему просто здесь не нравилось.

Бывший начальник внешнего кольца охраны обладал запоминающейся внешностью, во всяком случае, Неллью его помнил. В отличие от большинства вилкандцев, светловолосых и коренастых, он был худощавым, смуглым, темноволосым и черноглазым, а короткие усики над верхней губой окончательно выдавали в нем немалую толику заморской крови. Одетый в ту же самую темно-серую форму, что и его подчиненные, только с шевронами на рукавах, он полусидел-полулежал в удобном мягком кресле начальника аэропорта, а незнакомая светловолосая девушка, одетая в строгий серый костюм (как определил Ворро, из магазина беспошлинной торговли) делала ему педикюр.

— Докладываю, босс! — сопроводивший их охранник вытянулся, демонстрируя неплохую выправку. — Патруль в составе сержанта Ламисо и рядовых Аррагено и Мочирога возле калитки задержал этих двоих, представившихся как летчики Ли Ворро и Кисо Неллью, служившие раньше в отряде Воздушного Моста и сбитые пришельцами во время полета за пределами безопасного коридора. Согласно вашему распоряжению, препровождены к вам.

Вышло у охранника очень лихо, а Ворро подумал, что их проводник, очевидно, не зря молчал всю дорогу, видимо, готовил в уме свою речь.

Начальник внимательно осмотрел Ворро и Неллью.

— Личность наших гостей выясняли? Документы проверили?

— Э-э-э… Никак нет, босс… — охранник сник на глазах. Импровизация, похоже, не была его сильным местом. — Мы это… не спрашивали. Они в форме были, летной, вот… И мы решили…

— Что выдавать себя за летчиков могут только летчики, — спокойно продолжил начальник. — Согласен. Завтра будете патрулировать рынок. Все четверо. Можете идти.

— Есть!

Охранник, явно обрадованный, выскочил из кабинета, а босс обратил свое внимание на Ворро и Неллью. Ворро, словно невзначай, снова расстегнул свой плащ.

— Я вам и так верю, — засмеялся босс. — Просто ребят надо постоянно держать в форме. Я помню вас, вы действительно здесь работали. И ваше исчезновение восемь дней назад произвело на ваших товарищей довольно гнетущее впечатление. В ваше возвращение не верили. Но вы вернулись.

— Вы, кажется, не совсем нам рады, — заметил Ворро.

— Не совсем. Вы должны понимать. Нас бросили здесь, и это произошло слишком недавно. Эмоции еще не улеглись. Могу сказать, вам повезло, что вас встретил Ламисо.

— Я могу попросить вас о конфиденциальном разговоре? — напрямик спросил Ворро.

Босс оценивающе посмотрел на него.

— Сели, можешь идти.

Девушка выскользнула из кабинета, при этом, кажется, с облегчением вздохнув.

— Мы можем исправить несправедливость, которую допустили в отношении вас, — заявил Ворро. — Здесь остались самолеты. Мы – опытные летчики, и сможем доставить вас в Гессенар по безопасной трассе даже без чьей-либо помощи.

— Здесь нет ни литра горючего, — хмыкнул босс. — Ваши коллеги убрались отсюда на последних каплях. Все хранилища пусты.

— Восемь дней назад в одном из ангаров стоял старый бомбардировщик бэ-эр десятый, — спокойно сказал Ворро. — Эти машины летают на всем, что горит. В гараже стоят автомобили – из их баков можно слить бензин. Кроме того, ни одну цистерну нельзя вычерпать досуха. Там должен остаться осадок, я знаю, как его отфильтровать и очистить. Я обещаю, я доведу самолет до Гессенара. На нем полетите вы и пять или шесть дорогих для вас людей. Или, если у вас есть деньги, вы уже в Валезе сможете нанять вместительный самолет. Я готов его снова повести сюда и вернуться обратно в Валез со всеми вашими людьми.

— Появись вы три или даже два дня назад, я бы, наверное, прислушался к вашему предложению, — медленно сказал босс. — Но теперь я думаю иначе. Мы останемся здесь.

— Но… — начал Ворро, но был остановлен одним взглядом яростных черных глаз.

— Мне не нужен ваш занюханный Валез, где круглый год идет дождь и ничего нет, кроме вонючей рыбы! Или Гордана, где я всегда буду считаться человеком второго сорта! Что я там буду делать?! Вести тихую жизнь рантье, трясясь над каждой монетой?

Или снова пойти охранником в аэропорт, на должность рядового топтуна?! Наш Вилканд – прекрасная страна, где всем наплевать, какой у тебя цвет кожи. И у меня под началом сотня парней, которые быстро становятся настоящими солдатами! В этой каше никто не сможет, да и не захочет мне противостоять! Людям нужен порядок, и я дам им порядок. Пока мы контролируем только рынок там, на площади, и ближайшие окрестности, но это только пока. Я не гоняюсь за химерами, мне нужна территория, которая сможет прокормить мой отряд, и которой смогу управлять я сам, без всяких наместников и чиновников. И у меня она будет. Мои ребята еще не понимают этого, но я дам им жизнь, как господам в старые времена. Я создам из них новую элиту! Я учу их повелевать – вы сами это увидите. У них не всегда получается, но это только начало. Они еще научатся пользоваться своей властью!

Он коротко засмеялся, и Ворро воспользовался этой паузой.

— А что вы думаете о пришельцах? Вы полагаете, они позволят вам вести такую жизнь вольного атамана?

— Я не боюсь пришельцев! Они выдыхаются. Тарануэс перестали бомбить уже на прошлой неделе, народ там лезет изо всех щелей, что-то пытается разгрести, даже устроили переправу на месте бывшего Цепного моста. Я не верю в эту страшную сказочку, что пришельцы хотят истребить всех нас. Да, они завоевывают Филлину. Но они придут сюда как колонизаторы. Как приходил Барганд в Заморье. Им будут нужны местные администраторы, те, кто будет управлять от их имени. Если они столковались с горданцами, почему бы им не сделать это и здесь? Я уверен, я смогу с ними договориться! А если и нет – такое дело стоит риска, верно? Что я теряю? Скучную жизнь в какой-нибудь цивилизованной стране? Мои ребята верят мне – не зря они почти все остались со мной, никто не разбежался!

— Почти все? — уточнил Ворро.

— Восемь или десять человек вздумали идти к побережью. Не будем больше о них, это были слабые души. Мне нужны сильные. Вы возвращались сюда восемь дней. Это хорошо. Я отвергаю ваше предложение, но делаю вам свое! Оставайтесь со мной. Мне будут нужны умные люди. У меня здесь есть несколько парней, они занимаются отоплением, электричеством, они имеют все права моих солдат, но мне нужно нечто большее! Вы повидали мир, разбираетесь во всяких технических штучках и вы парни не робкого десятка, так? Я предлагаю вам стать моими советниками, потом разберемся, какие советы вы будете мне давать. Вы получите те же привилегии, что и мои сержанты – через несколько дней я произведу их в офицеры. Отдельные комнаты,

любых баб, каких только захотите, личную обслугу. И главное, власть! Власть над теми, кто снаружи! Я введу здесь порядки, как во времена королей. Вы будете дворянами, а все остальные – простолюдины! Устраивает? Ладно, думайте до утра. Я прикажу, чтобы вас устроили, как подобает. На ужин приходите в общий зал, расскажете о своих приключениях, это поможет вам наладить контакт с моими ребятами. Какие-то просьбы еще есть?

— Есть, — подал голос Неллью. — Вы не скажете, где тут у вас баня?

— …После этого пройти оставшиеся тридцать километров было делом техники, и вот мы тут, перед вами, — закончил Ворро свой рассказ.

— Очень хорошо.

Босс, сидящий рядом с Ворро, несколько раз лениво хлопнул в ладоши, и весь зал огласился шумными аплодисментами.

Пока Ворро рассказывал об их странствиях, Неллью украдкой разглядывал собравшихся. В длинном слабо освещенном зале, где раньше происходила выдача багажа, находилось около восьмидесяти человек в одинаковой серой форме, сидящих прямо на полу, скрестив ноги, вдоль неподвижных лент багажных транспортеров, словно за большими столами. Настоящий стол в зале был только один. За нем, помимо гостей – Ворро и Неллью, сидели сам босс и его помощники – заведующий строевой частью старший сержант Губуран, бритоголовый амбалистый мужик лет тридцати, и еще один мощный парень чуть помоложе, заместитель босса по административно-хозяйственной части. Как уже знал Неллью, на ужине присутствовал весь личный состав за исключением находящихся в наряде или на дежурстве.

Босс встал со своего места, повелительно подняв руку. Аплодисменты тут же сменились полной тишиной.

— Вы все видели этих людей, — босс широким жестом показал на Ворро и Неллью. — Вы слышали, что они говорили. Они вернулись сюда, хотя могли удрать за границу. Они совсем не похожи на тех подонков и предателей, которые, трусливо прячась за нашими спинами, тайком улизнули со своих боевых постов! Тем людишкам не ждать от нас ничего, кроме презрения! Но я спрашиваю вас! Достойны ли эти люди (снова жест в сторону Ворро и Неллью) того, чтобы сидеть с нами за одним столом?!

— Достойны! — прокатилось по залу. — Достойны! Достойны!

— Тогда приступим же к нашей братской трапезе! Кем мы были раньше?!

— Никем!!!

— Кем мы стали?!

— Воинами!!!

— Кем мы будем?!

— Повелителями!!!

— Кто вам все это дал?!

— Босс!!!

Казалось, сами стены дрожат от рева восьми десятков молодых здоровых глоток.

— А что ждет трусов?!

— Смер-р-рть!!!

Неллью невольно вжал голову в плечи. В замкнутом помещении крику некуда было деваться, и он резонировал, отражаясь от стен и потолка, будто бы готового обрушиться от мощных воплей.

Дождавшись, пока эхо в последний раз прокатится по залу, босс негромко хлопнул в ладоши. Это, видимо, было сигналом – двери, ведущие в зал таможенного контроля, распахнулись, и в них показались девушки в коротких платьях с разномастными столиками на колесах, заставленными подносами. И подносы, и столики были, похоже, собраны со всех кафе аэропорта.

Девушки покатили свои столики к импровизированным столам, расставляя на них подносы перед сидящими людьми. При этом было хорошо заметно, что некоторые из них выглядят испуганными и забитыми, другие, наоборот, сами заигрывали с охранниками, норовя коснуться кого-то из них бедром или грудью.

— Наш стол всегда получает свои порции последним, — негромко заметил босс, повернувшись к Ворро. — Это неплохой прием, люди видят, что я забочусь, в первую очередь, о них, а уже потом о себе. Впрочем, долго ждать не приходится. С каждым днем эти девки управляются все лучше и лучше.

Ужин состоял из ломтиков копченого мяса нескольких сортов, твердой чинетской колбасы с нежно-розовыми пятнышками сала, жареной рыбы, в которой Ворро с удивлением признал радужную форель, которую доставляли самолетами живой для посетителей столичных ресторанов, и еще некоторых других деликатесов. На отдельной тарелочке лежали крохотные ломтики серого хлеба и ярко-желтые кубики масла. На десерт подали тропические фрукты, уже немного переспевшие и очень сочные.

— Немного странно, — вполголоса заметил Ворро. — Как-то все переменилось. Такое впечатление, что хлеб с маслом – и есть самое изысканное блюдо, а остальное так, только закуски.

— Так оно и есть, — усмехнулся босс. — Нас по-прежнему

кормят запасы грузового склада, а снабжение местными ресурсами только налаживается. Но теперь у нас появилось больше времени на разведку и уверяю вас, продовольственное снабжение скоро перестанет быть проблемой. Обратите лучше внимание на этих красавиц. Я специально отбираю самых лучших женщин, чтобы они прислуживали моим людям. Конечно, для рядовых есть свой контингент, но иногда, в качестве поощрения, я разрешаю отличившимся выбрать кого-то из них, как это делают мои сержанты. Сегодня вы уравнены в правах с ними, так что тоже можете взять себе подругу на ночь. Все они уже достаточно выдрессированы и совершенно не строптивы!

— Наверное, не сегодня, — непринужденно сказал Ворро (Неллью при этом облегченно вздохнул). — У нас был тяжелый поход, и мы хотели бы отдохнуть. А кстати, жены ваших людей не возражают против такой свободы нравов?

— Среди моих людей нет женатых. Никогда не любил их иметь среди своих подчиненных. Вам вообще не кажется, семья ослабляет мужчину? Вместо своей службы он начинает думать о своей бабе, стремится проводить время с ней, а не со своими товарищами – настоящему воину это только мешает. Я поступлю по-другому. У моих людей будет столько девок, сколько они захотят; и здесь, и там – за воротами. Самые лучшие станут нашими подругами, всякими там портнихами, поварихами, подавальщицами, а их дети будут общими детьми всего отряда и со временем вольются в него. Может быть, я заведу себе даже женскую гвардию, читал о такой в какой-то книжке…

Ужин тем временем шел своим чередом. В зале появились музыканты, игравшие мелодии на мотив популярных шлягеров. Несколько девушек принялись танцевать прямо на лентах транспортеров, что играли роль столов, постепенно раздеваясь под музыку. Ворро поморщился – музыканты играли неплохо, а вот стриптиз был крайне непрофессиональным. Девушки были скованными, плохо двигались, а у одной из них под глазом темнел плохо припудренный синяк. Какой-то мужчина лет сорока-пятидесяти в измятом и перепачканном костюме бродил между "столами", отпуская пошлые шуточки. На них отзывались гоготом, бросали в него кусками колбасы, которые он ловко ловил ртом, как собака.

— У моих людей непритязательные запросы, — ухмыльнулся босс. — Они простые люди, и предпочитают простые развлечения. Я подумываю над тем, чтобы организовать бои. Собачьи, например. Или, скажем, устроить бой без правил с участием парочки лохов оттуда, с площади. Мои люди – профессионалы, и драка дилетантов будет для них очень веселым аттракционом.

Наконец, мой основной резерв – всевозможные наказания. У нас уже третий день сидит под замком один тип, что хотел украсть с кухни палку колбасы, никак не могу придумать, что с ним сделать. Может, вы посоветуете? Вы бывали за границей и, наверное, знаете, как там принято поступать. Говорят, на Круглом океане ворам отрубают кисть правой руки, но это слишком быстро и неинтересно. Вот мой помощник, например, хочет заставить его отрезать самому себе все пальцы на одной руке тупым ножом. Только мы никак не можем придти к согласию, что предложить ему в качестве альтернативы…

— С вашего позволения, мы подумаем над этим вопросом позже, — дипломатично сказал Ворро. — А пока я хотел бы попросить вашего разрешения, чтобы покинуть вас. Наша дорога была еще более трудной, чем я изобразил, и за восемь дней у нас накопилась сильная усталость.

— Не буду настаивать, — пожал плечами босс. — Отдыхайте. Ваго! — негромко позвал он. — Ты их привел, ты и проводишь. Устроим их…

Снова проходя по галерее между двумя корпусами аэропорта, Ворро заметил на летном поле отблески пламени.

— Это босс приказал, — равнодушно зевнул охранник. — Какой-то старый самолет выкатили из ангара, обложили всякими досками и подожгли. Не знаю, зачем. Говорят, бомбардировщик, сохранился еще со времен войны, кому он только мешал?…

Ворро и Неллью молча переглянулись. Что им было сказать?

Устроили их и в самом деле хорошо. Отдельные комнаты в служебной зоне, мягкие матрасы, постельное белье, одеяла – отдыхай не хочу. Но до сна ли теперь?

— (тихо) Ли-и.

— Это ты, Кисо? Заходи.

— Что будем делать, Ли?

— Думать! Нам, в конце концов, сделали предложение.

— Какое предложение?! Это же самая настоящая банда! А босс – псих ненормальный! У него же манечка!

— Не спорю, — спокойно согласился Ворро. — Только ненормальный может строить планы на двадцать лет вперед, когда неизвестно, что будет завтра. Хотел бы я посмотреть, что они будут делать, когда у них кончится или окончательно испортится жратва, а пришельцы разбомбят вдребезги наш аэропорт – мне что-то не верится, что они о нем забудут.

— Но ты ведь не собираешься оставаться, чтобы посмотреть?

— Не собираюсь. И вот почему. То, что босс – законченный псих, это не главное. Как раз такие психи частенько добиваются

успеха. Где-нибудь в глубинке у него был бы неплохой шанс. Но у него хватило ума планировать свои художества в двух шагах от столицы, где наверняка сохранились какие-то власти! Как только они попробуют поднять башку, их пристукнут.

— Значит, уходим?

— Да. Но тут есть одна проблема. Мы еще должны выбраться отсюда. Этот босс предложил нам стать его советниками, но в случае отказа он точно так же может приказать нас казнить. Причем, каким-нибудь экзотическим способом, чтобы получить бесплатное развлечение.

— О черт! Я об этом не подумал! Что же делать?! Вот вляпались мы!

— Как вляпались, так и выляпаемся. Иди спать, Кисо. А я что-нибудь придумаю.

Ворро думал все утро и в течение всего завтрака, который проходил в том же багажном зале, но уже в более деловой обстановке – с девушками-подавальщицами, но без музыки и стриптиза. И наконец, придумал. Наскоро просчитав варианты, он решился. То, что он задумал, было рискованным, но оставляло какую-то надежду на успех.

Когда завтрак уже подходил к концу, и рядовые охранники уже посматривали на босса, ведущего неспешный разговор со своим заместителем по хозяйственной части, Ворро встал со своего места.

— Послушайте, что я вам скажу, — громко заявил он (Ворро так и не смог придумать, как обратиться к охранникам: "господа" прозвучало бы слишком интеллигентно, "ребята" – чересчур фамильярно, а называть их солдатами или воинами было бы излишне высокопарно). — Мы хотим сказать, что очень благодарны всем вам. Мы прошли наш путь, а это был нелегкий путь, зная, что в конце его мы встретим своих, и мы встретили вас. Вы признали нас равными себе и достойными сесть за один стол с вами, и мы этого не забудем. Для нас было бы честью присоединиться к вам, но дорога снова зовет нас. Мы – летчики, и это не профессия, а призвание. Мы не можем жить без неба, и ради надежды снова вернуться в небеса мы продолжим свой путь. Это тяжелая и долгая дорога, она тяжелее той, что нам уже пришлось одолеть, но мы не ищем легких путей. И прощаясь с вами, мы говорим – спасибо за все! И желаем вам удачи.

Выпалив все это одним духом, Ворро сел на свое место. В зале стояла тишина. Неллью показалось, что все взгляды обращены на них. И еще на босса, сидевшего с ними за одним столом.

Наконец (прошло секунд двадцать, мучительно долгих и почти бесконечных) босс зашевелился.

— Что же, призвание – это хорошо, — сказал он ровным голосом. — Я полагаю, нам стоит проявить уважение к стремлению вернуться к своему призванию. Тогда мы говорим вам – до свидания. И даже готовы помочь вам, чем можем. Что вам нужно – продукты, одежда?

— Все нужно, — заявил Ворро. — Я не жадный, я предусмотрительный. В долгой дороге все пригодится.

Его слова вызвали смех в зале, и Неллью понял: все обошлось. Пока.

Сборы были недолгими (Ворро особенно настаивал на том, что им надо уходить немедленно), и меньше, чем через час они уже шли в обратный путь к задним воротам, сопровождаемые тремя рядовыми охранниками. Им, очевидно, не надо было отчитываться перед боссом о выполнении поручения, и всю дорогу парни травили анекдоты, а Ворро в комических тонах описывал некоторые эпизоды из их недавних приключений.

Неллью молчал, прилежно подсмеиваясь в нужных местах или скупыми репликами поддерживая Ворро. Хотя все, вроде бы, шло нормально – им даже дали по паре чистого белья и немного продуктов, — Неллью все время был на взводе. Он побаивался охранников, как всегда, вооруженных своими короткими десантными автоматами. Такие все могут – сейчас смеются, а потом как полоснут из автоматов, прикопают их где-то в кустах, а потом пойдут обратно, опять рассказывая друг другу анекдоты.

Сложнее всего было как ни в чем не бывало прощаться со своими проводниками за воротами, выслушивать их советы и пожелания, а потом уйти, не оглядываясь. Неллью никак не мог избавиться от ощущения, что вот-вот кто-то сзади спокойно поднимет свой автомат и выстрелит ему в спину. Только когда они повернули за угол забора, огораживающего летное поле, Неллью обернулся и, не увидев никого позади, с облегчением расслабился.

— Чего стал, пошли скорее! — набросился на него Ворро. — Шевелись!

— Что?

— Ногами, говорю, шевели! Смываться отсюда надо, и поскорее! Слишком легко они нас выпустили! Как говорил мой препод по матчасти, если все приборы показывают то, что должно быть в идеале, жди аварии!

Не говоря больше ни слова, Ворро свернул с дороги и что есть силы припустил прямо по полю к видневшейся в полукилометре лесопосадке. Он задал такой высокий темп, что

Неллью смог поравняться с ним только квинту спустя.

— А куда… мы идем?… — выдохнул он, стараясь не сбить дыхание.

— Домой, конечно.

— Домой… это куда?

Ворро чуточку сбавил шаг.

— Домой – это домой, — объяснил он обстоятельно. — В один небольшой дом на улице Арие. Если ты не забыл, мы когда-то там жили.

— А зачем? — удивленно спросил Неллью, снова пытаясь нагнать друга.

Ворро вздохнул.

— Можешь считать это моей блажью. Ну, не могу я уйти, не заглянув напоследок домой. Вдруг, там что-то сохранилось. К тому же, если на месте Цепного моста действительно сделали переправу через реку, нам это почти по дороге.

Наверное, им повезло, что они жили недалеко от аэропорта. Иначе они вряд ли нашли бы свой дом так легко. Тарануэс после бомбежек превратился в однообразный лабиринт развалин, завалов, воронок и немногих сохранившихся кварталов. Как не спешил Ворро, они потратили больше двух часов, с трудом находя дорогу в развалинах и пытаясь найти какие-нибудь ориентиры. Ни Ворро, ни Неллью почти не узнавали мест, мимо которых они много раз проезжали, и выбирали направление почти наугад. Люди навстречу не попадались: что бы не говорили охранники в аэропорту, но эта часть города казалась полностью вымершей и покинутой.

С трудом преодолев полосу сплошных разрушений, они, наконец, оказались в своем районе, застроенном двух-трехэтажными домиками стандартной послевоенной постройки. Здесь развалин было меньше, попадались совершенно неповрежденные улицы, начали встречаться и люди, которые провожали их равнодушными взглядами. Теперь можно было и ускорить шаг, благо состояние дороги позволяло, а они уже точно знали, куда идти.

— Поздравь меня, — скромно сказал Ворро, когда они вышли на свою улицу. — Я гений!

— Поздравляю, — Неллью не верил своим глазам. Их дом уцелел, война и многодневные бомбежки пощадили его, а в окнах их квартиры на втором этаже даже сохранились стекла, за которыми виднелись плотно задернутые шторы.

Дверь их подъезда была привычно заперта.

— Нет, но согласись, как я угадал! — Ворро, все еще переживая свой триумф, выудил из кармана связку ключей. — Я

как знал! Живем, Кисо!

Везение продолжалось. Их квартира была цела и никем не разграблена. Только на столе в кухне покрылась плесенью тарелка, которую Ворро, как обычно, забыл вымыть перед уходом.

— Как хорошо! — Неллью с удовольствием развалился на своей кровати. — Ли, ты представляешь, как это хорошо – дома! Даже уходить никуда отсюда не хочется.

— А уходить надо, — Ворро появился на пороге комнаты, собранный и деловитый. — Можешь считать меня параноиком, но мне кажется – надо спешить. Те типы в аэропорту могут знать наш адрес. Вряд ли наши, когда улетали, вывезли документы отдела кадров.

— Ты думаешь? — Неллью нехотя поднялся с кровати.

— Думаю! Не расслабляйся, соберем все, что нужно, и снова в дорогу.

Что должен взять с собой человек, когда он уходит навсегда и может взять только то, что способен унести на себе? Немного, совсем немного одежды – все самое нужное и удобное; сменную обувь – немного поколебавшись, Неллью засунул в округлившийся рюкзак свои зимние ботинки; все продукты, что есть в доме, даже забытый в незапамятные времена на полке кухонного шкафа пакет сахара – в дороге все пригодится; зубную щетку, мыло, наполовину израсходованный тюбик зубной пасты – просто потому, что от старых цивилизованных привычек можно избавиться только вместе с головой…

Неллью еще раз прошелся по комнате. Все ли он взял? Таблетки от кашля, живота и головной боли – на месте, в одном из кармашков рюкзака. Диплом, документы, банковская сберкнижка с золотым счетом – там же. Может, захватить с собой в дорогу пару любимых книг? Неллью снял с полки несколько томиков, помялся, но три из них – двухтомник его любимого Каррионе и справочник штурмана – все же с трудом запихнул в рюкзак. Альбом! Альбом с фотографиями – память о маме! Неллью достал его из ящика, бережно перелистнул пару страниц. Альбом был слишком велик, он понимал это, и тогда он осторожно вырвал несколько фотографий и расстегнул китель, чтобы спрятать их во внутренний карман.

Стоп. Форма… Зачем она ему теперь, этот осколок прежней жизни? Лучше одеть вместо нее что-то поудобнее и потеплее, например, этот старый, но такой теплый, хотя и тяжеловатый свитер – нечего ему оставаться покинутым в шкафу…

Переодевшись, Неллью заглянул в комнату к Ворро. Тот, видимо, решал ту же проблему: стоя на коленях перед доверху забитым рюкзаком, вертел в руках свой пилотский китель.

— Я свой оставил, — сообщил Неллью. — Зачем он теперь?

— Нет! — Ворро решительно свернул китель и с усилием затолкал его в рюкзак. — Пусть будет. Он же с этими, с крылышками!… Я, может быть, к ним всю жизнь шел.

— Ты уже готов? — спросил Неллью. Теперь, когда со сборами было покончено, он чувствовал, что не может оставаться дома ни минуты.

— Готов, — проворчал Ворро. — Но ты проникнись, какой я молодец! Никогда не доверял этим банкам, а теперь – смотри! — Ворро помахал в воздухе пачкой бумаг. — Шестьсот шестьдесят пять граммов, все в золотых сертификатах! Теперь нам бы только до побережья добраться, а там нам никакой черт не страшен! Вот он – наш проезд! Ты мне руки целовать должен!

— Сначала дойди до побережья, — посоветовал Неллью.

— А что, дойду. Помоги мне с рюкзаком… Эк, тяжелехонек… Ну что, пошли? Самому жаль покидать, три года почти здесь прожил…

Уже спускаясь по лестнице, Ворро вдруг схватил Неллью за рукав.

— Они! За нами!

— А может быть… — Неллью тоже разглядел через подъездное окно знакомую серую форму охранников аэропорта, но еще надеялся.

— Никаких может быть! — яростно прошептал Ворро.

Медленно и осторожно они поднялись на площадку третьего этажа – больше им негде было скрываться. Дверь в подъезд уже ходила ходуном под градом тяжелых ударов. После очередного из них она слетела с петель, и лестничную клетку заполнили грубые голоса.

— Здесь это?

— Здесь. В деле так написано. На втором этаже.

— Все равно, дохлый номер. Упустил ты их, Гиро.

— Да они сами куда-то пропали! Только что были, а завернул за угол, словно провалились куда-то!

— Глянь! Открыто.

Ворро беззвучно выругался. Из какого-то сентиментального побуждения он не стал запирать дверь, рассчитывая на то, что их квартирой кто-нибудь воспользуется. И даже оставил записку, вот дурак…

А голоса этажом ниже продолжали шуметь.

— Точно! Они здесь были! Вещи везде валяются!

— …….! Опоздали!

— (злобно) Не-ет! Они не могли уйти далеко! За ними!

— А куда?

Ворро затаил дыхание. Стоит им только подняться на следующую площадку…

— К переправе они пошли, больше некуда! — перекрыл все начальственный голос внизу. — Уходим! Перехватим их по дороге!

Тяжелые ботинки прогрохотали по ступеням и все стихло. Ворро облегченно сел прямо на ступеньки, упершись рюкзаком в стену.

— Обошлось! — выдохнул он еле слышно. — Переждем пару минут, и ходу!

Поздно вечером, сидя у костра в безопасном далеке от столицы и столичного аэропорта, Неллью задумчиво листал "Атлас автомобильных дорог…"

— Через Таране нам переправляться, конечно, надо, — сказал он. — Но я вот что думаю. Завтра выйдем опять на наше знакомое шоссе Кьеве-Тарануэс, пройдем по нему немного, а вот здесь повернем сюда, к Савино. Этот город в безопасном коридоре, и хоть один мост там наверняка сохранился. А там уже прямая дорога до побережья.

Ворро лениво ковырял в зубах тоненькой щепкой.

— А далеко до Савино?

— Если идти по дороге, километров двести двадцать – двести сорок и еще около трехсот до моря. Всего пятьсот с гаком. Дойдем, а, Ли?

— Конечно, дойдем. А что нам теперь остается?

Глава 42. Тяжелая работа

Где-то в вышине ветер посвистывал в кронах исполинских мачтовых сосен, но здесь, внизу, все звуки скрадывались мягким шорохом падающих снежинок. Снег валил густыми мокрыми хлопьями, погребая под собой моховые кочки, жухлые кустики черницы и засыпая глубокие колеи, выбитые колесами грузовиков и тракторными гусеницами в те дни, когда земля еще была мягкой и податливой.

Все это выглядело красиво. Высокие безупречно прямые стволы зеленовато-кирпичного цвета, подлесок – редкие листья всех оттенков оранжевого и коричневого на почти голых ветвях, и девственно белый снег, налипающий на ветки причудливыми комками, превращая заурядный лес в таинственную зимнюю сказку.

Но людям, работающим в лесу, было не до красот. Не первый снег в этом году и, уж конечно, не последний. Теперь это до весны, которая наступит в этих краях не раньше, чем через четыре с лишним месяца. Люди спешили. Они стремились опередить необычно рано пришедшую в этом году зиму. Им надо было успеть, пока снегопады не сменились сухой поземкой, а легкий морозец, покусывающий щеки, не стал мертвящей тридцатиградусной стужей.

И работа здесь шла круглые сутки, при свете короткого предзимнего дня или неярких керосиновых прожекторов. Тракторы тащили связки только что срубленных, еще неошкуренных бревен, сочащихся смолой. Мохнатые рыжие мамонты из восточных степей, фыркая, тянули за собой сани и волокуши с мешками и ящиками. За деревьями пыхтел вагончик дизель-электростанции, со всех сторон звенели, жужжали и зудели пилы, и где-то приглушенно грохотали взрывы – далекие и нестрашные. Хотя земля еще не успела промерзнуть, котлованы под землянки готовили для скорости с помощью динамита.

Дарин Кедерис, пропуская очередной обоз, сошел с дороги, тут же провалившись в сугроб по колени, и потом долго, нарочито долго отряхивал штаны и сбивал снег с голенищ унтов. Кедерису отчаянно не хотелось идти дальше. Но он был бригадиром и не имел права перекладывать свои обязанности на кого-то другого. Обругав себя за малодушие, он ускорил шаг.

Госпиталь, как и все долговременные убежища в северных лагерях для эвакуированных, представлял собой землянку. На только что расчищенном месте экскаватор вырыл большой котлован метров сорока в длину, восьми-десяти в ширину и

трехметровой глубины. Его накрыли бревнами в два наката, вывели наружу печные и вентиляционные трубы, засыпали крышу землей, внутри настелили полы из рубероида, минеральной ваты и щитовой фанеры, выгородили операционные и отдельные комнатки для персонала, провели электричество – вот и получился настоящий госпиталь, рассчитанный более чем на сотню пациентов. Госпиталь отнюдь не пустовал: за спешку в проведении работ приходилось платить повышенным травматизмом, а наступившие холода привели к целой эпидемии простуд среди эвакуированных, многие из которых не имели теплой одежды.

Прямо ко входу вела широкая накатанная дорога и пологий ребристый – чтобы не скользить – пандус, заканчивающийся площадкой перед двойным брезентовым занавесом, заменяющим дверь. Кого-то только что привезли, перед госпиталем стояли легкие аэросани, и несколько санитаров суетились вокруг носилок с человеком, закутанным в одеяла – видны только бледное лицо с прикушенной губой и голова, забинтованная до самых бровей.

На Дарина Кедериса никто не обращал внимания. Зайдя в просторные сени, он отряхнул веником снег с унтов и громко спросил, ни к кому конкретно не обращаясь:

— Могу я видеть доктора Кэрт Станис?

Наступала самая тяжелая часть его миссии.

Кэрт Станис была не одна, а со смутно знакомой светловолосой девушкой, от чего Кедерису стало еще тяжелее на душе – он совсем забыл о том, что у Гредера Арнинга здесь тоже есть родственница. Они сразу все поняли по его лицу и молча смотрели на него сухими тревожными глазами.

— Они… погибли? — наконец спросила Кэрт Станис.

— Не знаю…

Кедерису уже не раз приходилось сообщать родственникам погибших о смерти их близких, но произнести эти два коротких слова было труднее всего.

— Мы должны были уехать утром… утром двадцать третьего, — глухо продолжил он. Слова не хотели выходить, и он с усилием выталкивал их наружу. — Они – Тайдемар, Гредер, еще двое ребят – не пришли на место встречи. Мы… ждали. Потом пошли у Нейлу, Нейлу Вифинису, все они заночевали у него, в бомбоубежище… Там упала бомба, засыпало оба входа – и основной, и аварийный. Один парень подтвердил, они были там, все… Я не знаю, живы они или нет. Мы не могли надолго оставаться, чтобы откопать их. Нас ждали здесь…

Кедерис замолчал. Он мог бы рассказать, как они пытались

прокопаться внутрь – голыми руками, лопатами, кирками. Как выворачивали из земли обломки бетона. Как, словно живого врага, атаковали массивную плиту, как пробкой, закупорившую путь вниз… Но какое это имело теперь значение? Он, лично он, Дарин Кедерис, впервые бросил объект, не закончив работу. Он принял решение уходить, зная, что для того, чтобы добраться до товарищей – живых или мертвых – им вшестером понадобится еще не меньше двух полных суток или техника, которой у них не было.

— Значит, они, может быть, живы? — с надеждой в голосе спросила вдруг девушка.

— Может быть, — Кедерис работал спасателем уже больше пятнадцати лет и знал всю цену надеждам. — У них крепкое убежище, могло выдержать. Если они живы, они выберутся.

— Конечно, выберутся, — Кэрт Станис успокаивающе положила руку на плечо Вирты Эрилис. — Тайдемар, Гредер – не такие люди, чтобы просто так сгинуть.

Она строго посмотрела на Кедериса.

— Вы давно здесь?

— Со вчерашнего дня.

Ответ дался Кедерису уже легче. Самое тяжелое было позади.

— Долго, — сказала Кэрт Станис. — Мы добрались сюда за пять дней.

— Мы ехали целых одиннадцать, — Кедерис знал, что люди, тревожащиеся за своих близких, часто сами стараются перевести разговор на нейтральную тему, чтобы успокоить себя. — Вы, наверное, успели переправиться через Нельгаву до того, как переправу разбомбили, а нам пришлось искать обходные пути. А потом мы немного задержались в одном небольшом городке южнее Флонтаны…

Кедерис не стал говорить, чем была вызвана эта задержка. Город только что бомбили, и они не могли не остановиться, чтобы помочь. Там он потерял еще одного члена бригады, раздавленного рухнувшей стеной…

Кэрт Станис была уже почти полностью спокойна.

— Вы примете меня в свою бригаду? — спросила она напрямик. — Вместо Тайдемара. Когда он выберется, он доберется сюда. И будет сначала искать вас.

— А вас отпустят?

В принципе, Дарин Кедерис не возражал бы. Женщин среди спасателей было мало, но они все же были. К тому же, не стоило забывать, что Кэрт Станис была дочерью самого президента, и ее работа в спасательной службе могла бы очень помочь решению многих проблем, особенно, бытового плана. В квалификации и

силе характера Кэрт Станис он не сомневался – видел ее в деле, когда она работала врачом "Скорой помощи".

— Отпустят, — Кэрт невесело улыбнулась. — Сюда эвакуировали весь Галанский Медицинский, так что врачей здесь даже избыток. Говорят, нас распределят по лагерям, но когда это будет? Тут пока такая неразбериха… Лишь бы ваше начальство не было против.

— Не будет. Я теперь сам начальство.

Кедерис и в этот раз не стал вдаваться в детали. Потери среди спасательной службы были очень велики, и по прибытии его назначили руководителем всего флонтанского округа. По сути, службу теперь надо было создавать заново, и Кедерис начал создавать, комплектуя бригады из добровольцев и назначая бригадирами опытных спасателей.

— И я с вами, — вдруг решительно сказала Вирта Эрилис. — Гредер будет вместе с Тайдемаром.

— Нет, — Кедерису уже не впервой приходилось выслушивать подобные просьбы от романтически настроенных мальчиков и девочек, и он знал, что лучшим ответом на них был решительный отказ без всяких дискуссий и объяснений.

— Но почему?! — воскликнула Вирта. — Потому что я не мужчина, да? Но вы же берете доктора Кэрт!

— Эта работа – не для молодых девушек, — строго сказал Кедерис. Он сделал ошибку, нарушив собственное правило и вступив в спор – видимо, сказалась усталость. — Там требуются сила и выносливость.

— Я сильная! — Вирта сердито посмотрела на Кедериса. — Я греблей занималась! И на длинные дистанции бегала! Я ничуть не слабее любого парня! И медицину три года изучала! Я справлюсь!

— Причем здесь спорт? — устало вздохнул Кедерис. — Разве ты не понимаешь, девочка? В профессии спасателя нет никакой романтики. Поверь, на самом деле, это кровавая, страшная, грязная и чудовищно тяжелая работа.

— А разве наша работа здесь не такая? — не сдавалась Вирта. — Не страшная, не тяжелая, не кровавая?! Скажите ему, доктор Кэрт! Разве я не справлюсь?!

Кедерис перевел взгляд на Кэрт Станис. Она-то уж наверняка сумеет дать девочке исчерпывающий ответ…

— Для расчистки завалов или снежных заносов она, конечно, не подходит, — серьезно сказала Кэрт Станис. — Молодая еще, понятия во многом детские, ветер в голове гуляет, руки к труду не приучены. Не слабачка, понятно, но для такой работы силенок все равно недостаточно.

Дарин Кедерис, глядя на Вирту, развел руками. Сама видишь,

мол…

— Есть и плюсы, — продолжала тем временем Кэрт Станис. — В отличие от многих девушек ее возраста, излишним романтизмом не страдает, воспринимает все трезво. Бесстрашная. Когда во время бомбежки одной женщине осколком перебило артерию, первая бросилась останавливать кровь. И главное, остановила. Выносливость имеется. В госпитале работала по двенадцать-четырнадцать часов подряд. Другие с ног валятся, а она – поспит пару часов и снова в порядке. Подготовка медика у нее, конечно, слабенькая, хотя теорию – то, что учила, — знает неплохо. И если что-то умеет, делает решительно и без ошибок. Могу еще сказать – крепенькая. Холод переносит без жалоб, ест все, что дают, носом не крутит. Многие девочки с ее курса тут свалились, а Вирта наша – хоть бы один чих какой…

— Спасибо, доктор Кэрт, — покрасневшая Вирта опустила свои неправдоподобно длинные ресницы.

— Так что же мне с ней делать? — Дарин Кедерис совсем растерялся. Не того он ждал от Кэрт Станис, совсем не того…

— Испытайте меня, — попросила Вирта, глядя прямо в глаза Дарину Кедерису. — А там и решайте.

— Испытать?…

Кедерис огляделся по сторонам. Какие-то лари вдоль стен, дальше ряды кроватей, сколоченных из досок… Что бы такое придумать?

И вдруг он увидел. Стены у госпиталя были из тех же фанерных щитов, и они не прилегали к откосам котлована вплотную. Отсюда, из сеней, было видно, что между земляной стенкой и фанерной перегородкой в самом низу остался проем, похожий на узкую нору, — человеку еле-еле протиснуться.

Кедерис вынул из кармана мелкую монетку и, прицелившись, зашвырнул ее в темную дыру.

— Принесешь обратно, приму, — сказал он Вирте. — Если надо, вот фонарик. Только не потеряй его там.

— И это все? — Вирта задорно улыбнулась. — Да я у бабушки в Нескадах все пещеры в детстве облазила! А тут столько места – танцевать можно!

Скинув с себя светло-голубой медицинский халат и толстый свитер, она опустилась на пол и ловко и быстро скользнула в проем – словно гибкая ласка в расщелину. Через несколько минут послышалась возня, и Вирта так же сноровисто начала выбираться наружу. Причем, головой вперед. В узкой и низкой норе она ухитрилась еще и развернуться.

— Ваша? — в кулаке Вирты Эрилис поблескивала монетка. Вся ее одежда была выпачкана в земле, волосы растрепаны, но

она победно улыбалась.

— Моя, — Дарин Кедерис мрачно посмотрел на Вирту. — Что же, тогда завтра с утра жду вас у себя в бараке спасательной службы. Это по дороге мимо вырубки, километров пять отсюда. Не найдете – спросите.

— Найдем, найдем, — засмеялась Вирта.

Ей было совсем легко. Неразбериха и суматоха в лагере очень раздражала ее, и она была рада, что в ее жизни, наконец, появилась определенность. А Гредер… Гредер жив и обязательно вернется, в этом она почему-то не сомневалась. В последние три года она привыкла чувствовать рядом его надежное плечо, он взял ее под свою опеку сразу же после того, как она приехала учиться в Галану из родного Фраувенга. Но только сейчас она вдруг поняла, что испытывает к Гредеру не только сестринские чувства…

Выглядело все это даже немного жутковато. Откуда-то из-под земли начали доноситься глухие неритмичные удары, прерываемые неясными шуршаще-скребущими звуками. Затем покрытие на краю обширной пустой автостоянки, засыпанной обломками разрушенного дома, вдруг вспучилось и пошло мелкими трещинами. Так прорастают сквозь асфальт особо настойчивые грибы или в фильмах ужасов выбираются на вольный воздух некачественно убитые вурдалаки.

Нарыв все рос и рос и вдруг прорвался, и наружу высунулось толстое железное жало лома. Теперь дело пошло быстрее. Лом взламывал асфальт, разрывая его трещинами на куски, некоторые из обломков исчезали в расширяющейся на глазах дыре. После того, как отверстие достигло, примерно, метра в поперечнике, лом исчез, и из-под земли показались руки, а затем голова и все остальное.

Цепляясь за обломки асфальта, Нейл Вифинис выбрался из ямы. Впрочем, теперь уже было хорошо видно, что это вовсе не яма, а подземный ход, круто уходящий куда-то вглубь. Потом Вифинис помог вылезти наружу Гредеру Арнингу и Леттеру Ярки, а втроем они вытащили всех остальных. Предпоследней выбралась наверх Ланта Вифинис. Она едва не застряла в узком проходе, и ее подталкивал сзади доктор Тайдемар Станис.

Все молча сидели кружком у дыры в асфальте, словно в походе у костра. Говорить и вообще двигаться не хотелось. Наверное, они должны были радоваться, ощущать удовлетворение или праздновать триумф, но на самом деле чувствовалось только облегчение от завершения тяжелой и грязной, но жизненно важной работы и огромная усталость.

Они пробивались наружу четырнадцать дней. От первоначального намерения копать на месте бывшего главного входа пришлось вскоре отказаться. И не только из-за сильно мешавших им обломков лестничной клетки – просто вырытую землю было некуда девать, а Нейл Вифинис наотрез отказался засыпать ею жилые помещения. Пришлось начинать заново в противоположной стороне. Там хватало пустых отсеков, земля поддавалась лопатам и киркам (хотя от последних в узком туннеле было мало толку), но массу хлопот им доставлял сыпучий грунт. Неделю назад ход обвалился на протяжении почти трех метров, едва не засыпав Леттера Ярки, и с тех пор они под руководством инженера Диля Адариса крепили потолок досками, оторванными от нар. Труднее же всего было в последние дни, когда ход уже прилично удлиннился, но конца работе все не было видно, а из-за затхлого воздуха в подземелье, против которого не помогали даже поглотители углекислоты, все жаловались на головную боль.

— Хорошо сидим, — сказал наконец Леттер Ярки. — Светло-то как.

На дворе стоял ясный солнечный день, какие иногда бывают поздней осенью, когда все уже дышит прохладой, деревья почти голые, а солнце словно прощается с людьми до весны, пытаясь избытком света компенсировать недостаток тепла.

— Свежо, — поежилась Ланта Вифинис.

Чтобы не застрять в узкой норе, она не стала надевать теплых вещей, и после ровных четырнадцати градусов в убежище на улице ей было холодновато.

— Ладно, посидели, пора и вставать, — Нейл Вифинис медленно и с усилием поднялся на ноги. — Пройтись надо, посмотреть, что и как. Только…

— Я понял, — кивнул Диль Адарис. — Я останусь. Нечего мне тут смотреть.

— Вот и хорошо, — Вифинис протянул руку Арнингу, помогая ему подняться. — А ты, Рита, смотри, отсюда ни на шаг. Если что – все вниз, а ты будешь маме помогать. Дядя Диль ее будет тянуть, а ты сзади подталкивать. Поняла?

— Поняла, — недовольно ответила Рита. — Ладно. Я никуда не пойду, папа. Обещаю.

Арнинг усмехнулся. Насколько он уже успел узнать Риту, сдержать обещание этой десятилетней непоседе, сующей свой носик во все щели, будет непросто.

— Тихо-то как, — вдруг заметил Леттер Ярки. Он тоже уже был на ногах.

— И верно… — Нейл Вифинис почесал затылок, будто

вспоминая что-то. — Не бомбят, вот оно что! Потому и тихо. Да и чего им бомбить еще?…

Окружающая местность, и верно, сильно изменилась по сравнению с картиной двухнедельной давности. Из двух пятиэтажек, стоявших во дворе, осталась только одна, и то наполовину разрушенная. Вместо второго дома виднелась груда развалин, похожая на курган.

Деревья, росшие вокруг автостоянки, пережили бомбежки лучше зданий. Старый гершун, стоявший у въезда, все так же тянул к небу свои ветви, лишь немного посеченные осколками, а вся земля вокруг была усеяна листьями, кусками толстой кожуры, почерневшей от дождей, и темно-коричневыми плодиками.

— Любил я их в детстве собирать, — задумчиво сообщил Вифинис, подняв с земли один из гершунчиков. — Они, когда прямо с дерева, такие красивые, глянцевые. Прямо жаль, что ни для чего не пригодны. Я как-то раз даже печь их в золе пробовал.

— И как? — поинтересовался Леттер Ярки.

— Горько.

— А я в одной книге читал, их есть можно. Надо только по-особому приготовить, — сказал Гредер Арнинг. — Сначала их размалывают в такую грубую муку и заливают водой на несколько часов, чтобы сошла горечь. А потом эту муку сушат и пекут из нее что-то вроде лепешек. Только их переворачивать сложно, они хрупкие, клейковины в гершунах практически нет.

— Вот, значит, как, — уважительно протянул Вифинис. — Оказывается, в книжках и такое пишут. Надо будет Ланте сказать, пусть попробует. Сейчас все в дело должно идти…

— Смотрите, — позвал Ярки. — Похоже, кто-то нас пытался откопать.

Они стояли на краю кольцевого вала, проходящего там, где раньше был спуск в бомбоубежище. Вопреки устоявшемуся поверью, ракета угодила почти точно в воронку от предыдущей, образовав странный сдвоенный кратер. Верх этого кратера в одном месте пересекала узкая выемка глубиной почти в три метра.

— Точно, копали, — Ярки прохаживался вокруг выемки, словно охотник у звериной норы. — И по делу так… А вот почему они прекратили – видите, в самом низу широкая плита. Тут без твоего крана, Нейл, и не справиться.

— Во всяком случае, старались, — подвел итог Станис. — Интересно, кто это был – наша бригада или твои, Нейл, как их – стальные крысы?

— Скоро узнаем, — хмуро сказал Вифинис. — Пойдем-ка мы, наверное, сейчас к Лефу…

В дороге они растянулись цепочкой. Первым – Вифинис, последним, замыкающим – доктор Тайдемар Станис. Так, наверное, ходят путешественники по горам или джунглям, а им здесь пришлось прокладывать дорогу через развалины – сплошные завалы, ямы-воронки и пожарища. Арнинг почти сразу же перестал понимать, где они находятся, и только удивлялся, как Вифинис ухитряется находить здесь дорогу.

Идти, впрочем, было недалеко. Преодолев полосу развалин, они перебрались через невысокий каменный забор, разрушенный в нескольких местах, и оказались в небольшом дворике между наполовину обвалившимися трехэтажными домами.

— Вот мы и на месте, — удовлетворенно заявил Вифинис. Он внимательно оглядывался по сторонам. — Кажись, живы они.

— Почему ты так думаешь? — спросил Арнинг.

По дороге они не видели ни одного человека, да и вокруг не было заметно никаких признаков жизни.

— Следы, — Вифинис небрежно махнул рукой в сторону забора. — Видишь, там и Лефа, и жены его. И свежие совсем, не оплыли еще.

Приглядевшись, Арнинг и в самом деле увидел на чуть присохшей полоске грязи отпечатки широких рубчатых подошв, перемежающихся с каблучками женских ботинок. Следов было много – по этой полоске проходили не один раз, причем, в обе стороны.

Кто бы мог подумать, что и в городе нужно быть следопытом? Арнинг вздохнул про себя. Он остро чувствовал свою ущербность. Он не умел лечить людей, как доктор Станис, работать лопатой или ломом, как Леттер Ярки, не знал, как можно укрепить досками подземный ход, даже не обладал хозяйской жилочкой, крестьянской сметкой и работящими руками Нейла Вифиниса. А кому здесь и теперь нужны его знание иностранных языков и умение разбираться в финансовых документах? Ценность собственного образования и профессии казалась ему равной нулю.

Пока он предавался самоуничижению, они пересекли дворик, зашли в подворотню и спустились по узкой лестнице в полуподвал.

— Эй, кто там? — Вифинис бесцеремонно забарабанил в дверь. — Отпирайте! Это я, Нейл! Мы выбрались!

С полминуты было тихо. Затем дверь тихонечко заскрипела, и в образовавшуюся щелочку осторожно выглянула пожилая женщина.

— Что-то я не разберу, — с подозрением проговорила она. — Вроде бы, и знакомый кто, а не пойму.

Дверь все это время оставалась запертой на цепь, достаточно толстую, чтобы удержать дюжину волкодавов.

— Да это же я, — радостно сообщил Вифинис. — Узнаете, тетя Галла? Я в одном доме с Лефом жил, мы сейчас в бомбоубежище устроились, вместе с ребятами. Вспоминаете?

— Ну, конечно! — цепь с лязгом упала. — Заходите. Живы, значит, а то Леф говорил, будто бы вас засыпало. Проходите, мальчики. Лефа и Нис нету дома, они на площадь пошли.

— На какую такую площадь? — остановился Вифинис. — Может, мы его там найдем?

— Площадь Барениса, конечно. Там сейчас мэр выступает.

— Кто выступает?

— Мэр, кто-кто. Наш мэр. Он наш город восстанавливает. Или ты, Нейл, совсем как я тугой на ухо стал?

Сказать, что площадь Барениса, место их несостоявшегося отъезда, была полна народу, было бы очевидным преувеличением. Число людей, собравшихся вокруг памятника великому открывателю севера, не превышало трех-четырех сотен, но после зловеще-пустынных улиц с разрушенными домами толпа казалась просто громадной. Еще бросалось в глаза то, что площадь выглядела относительно целой. Ее, конечно, тоже окружали только остовы зданий, но большая часть завалов была расчищена, мостовая освобождена от обломков, а на тротуаре перед сравнительно мало пострадавшим пятиэтажным зданием универмага "Саркис и Мэнсер" стоял грузовик с уродливыми коробками газогенераторов по бокам кабины.

Пьедестал памятника Баренису напоминал капитанский мостик, и на нем хватало места еще для нескольких человек, казавшихся спутниками знаменитого капитана. Одним из них был мэр – невысокий, сутуловатый, похожий на университетского преподавателя, в известном по телепередачам серо-коричневом свитере и распахнутой куртке.

— …Мы с вами не дикие звери, чтобы жить в развалинах, — говорил мэр. У него не было ни мегафона, ни рупора, но его голос разносился по всей площади. — Поэтому нашей основной целью должно стать приведение города в пригодное для жизни состояние. Это нелегко, но никто не сделает этого, кроме нас самих. В городе остались неповрежденные или мало пострадавшие здания. Все они, независимо от их прежнего назначения или принадлежности, станут основой нашего будущего жилого фонда. Нашей задачей должно стать возобновление водо- и теплоснабжения, мы должны создать и наладить новую промышленную базу, которая сможет обеспечить

нам пристойное существование. И самое главное, нам надо восстановить дороги, соединяющие нас с окружающим миром. Для нас дорога – это жизнь в самом буквальном смысле слова…

— Вот понес, — недовольно пробурчал Нейл Вифинис.

— А чего тебе не нравится? — сразу же вскинулся Леттер Ярки. — Он дело говорит.

— Ну, не нравится мне он, — признался Вифинис. — Что это за мэр – мелкий, худой, в очках – ни вида, ни стати. И говорит всегда гладко как по писаному. Разве такой дело сделает?

— А какого мэра тебе надо? — огрызнулся Ярки. — Как вице-спикер парламента Вергинис, он же Райнер Два Центнера? И чтобы говорил, запинаясь после каждого слова? Я за него голосовал! И мусор после того, как его выбрали, сразу лучше вывозить стали!

Ярки покосился в сторону Арнинга, ища у него поддержку, но Гредер Арнинг молчал. Почему-то он вспомнил, как несколько лет назад подрабатывал на каникулах вместе с Томи Ларнисоном – где он сейчас, жив ли? — разгрузкой посылок. Их забирали без двадцати четыре утра и везли на окраину города, к огромному помещению, похожему на ангар. Там они разгружали фуры с разнообразными посылками, ставя их на движущуюся ленту наклейкой вверх, чтобы водители многочисленных мини-фургонов могли распознать код, а затем развезти посылки по своим районам. Тогда, проезжая по Галане ранним утром, он всегда удивлялся обилию разнообразных грузовиков, фургонов, трейлеров, развозящих тысячи тонн грузов, необходимых для жизни пятимиллионного города. Даже если мэр восстановит дороги, возобновится ли этот поток? Или город, да что город, весь мир уже умер, словно человек, в одночасье лишившийся всей своей крови?…

— Гредер, — Тайдемар Станис тронул его за рукав. — Пойдем. Там Нейл, кажется, нашел своего Лефа.

Лефандур Герцен стоял возле самого пьедестала, полуобняв за плечи жену – невысокую изящную женщину с коротко остриженными темными волосами. Увидев Вифиниса, он не стал ни удивляться, ни даже радоваться, а как ни в чем не бывало дружески хлопнул его по плечу.

— Привет, Нейл. Здорово всем. Я так и знал, что вы выберетесь.

— А чтобы помочь, так нет? — хмуро заметил Вифинис. — А если бы мы все там загнулись?

Кажется, Герцен немного смутился.

— Это ваши копали, — пряча глаза, сказал он. — Я им только показал. Целый день работали, а потом главный их увел. Сказал,

что без техники не пробиться, а времени нет. Ну а мы, уж не обессудь, продолжать не стали. Если профессионалы не смогли, что уж нам… Да и знал я, если вы живы, выберетесь!

Вифинис тяжело молчал, в упор глядя на Герцена. Темноволосая женщина теснее прижалась к мужу, словно желая защитить.

Только над ухом звенел голос мэра.

— …Все, участвующие в восстановительных работах, будут обеспечены продовольствием и спецодеждой. Для всех членов семьи…

— Воздух! — вдруг истошно крикнул кто-то поблизости.

Подняв голову, Арнинг увидел прямо над площадью девятку стремительных "Молний". Внезапно они окутались белым дымом – выпустили ракеты. На площади началась суматоха.

— Не туда! — Лефандур Герцен потащил их прямо к подножью памятника. — Сидим здесь. Если что завалится, так это развалины вокруг, а мы будем целы.

Не стал никуда бежать и мэр. Он только еще сильнее вцепился в бронзовые поручни, словно помощник капитана Барениса во время шторма. Земля слабо содрогнулась. Раздались приглушенные расстоянием взрывы.

Продолжения не последовало, и Арнинг, ничего не опасаясь, встал на ноги. Было слышно, как наверху пищит рация, и один из спутников мэра разговаривает с кем-то в микрофон.

— Что? — жадно спросил мэр.

Арнингу показалось, что радист колеблется.

— Мост. Тот самый, что мы почти восстановили. И развязка на Садовой.

Мэр молчал. Арнинг слышал, как он тяжело дышит.

— И все же я не сдамся, — тихо сказал мэр. — Не сдамся! Мы будем работать скрытно, будем лучше маскироваться, но я не отступлю! Галана должна быть восстановлена!

Арнинг с удовольствием слушал бы и дальше, но Нейл Вифинис потянул его за собой.

— Восстанавливать город – это хорошо. Но у меня есть свои восстановительные работы.

— Ну, нельзя жить с такой крысиной норой, — говорил Вифинис. Все они, включая Лефандура Герцена, уже вернулись в бомбоубежище и сидели за большим столом в общей комнате. — Ланта в нее еле пролазит, да и вообще, трудно это – все время вниз-вверх! А если дожди пойдут – что тогда?… И бросить жалко. Переехать – так это же все припасы переносить придется! И все через ту же дыру. Да и места лучше нашего убежища в округе не

найти. Поэтому вот что я думаю. Надо прокопать еще один ход, снаружи. Из воронки этой – прямо к главному входу. Чтобы это… горизонтально! Как вы на это смотрите, Диль?

— Никак, — покачал головой Диль Адарис. — Мне уходить надо. Сами знаете. И так столько времени потерял.

— Пожалуйста, Диль, — Вифинис умоляюще посмотрел на Адариса. — Задержитесь еще немного, помогите нам. Ведь кроме вас, с этим никто не справится. А мы потом соберем вас в дорогу, как подобает. Все дадим, ничего не пожалеем, прошу вас… Ведь и в Откровениях говорится, не отказывай просящему…

— Не отказывай просящему, ежели просит он не умом, а сердцем своим, так ведь там сказано? А вы, Нейл, чем просите? Да и не гожусь я для этой работы. Чтобы такой туннель прокопать и ни на один метр не ошибиться, нужен профессиональный маркшейдер. Или хотя бы архитектор. А я даже не строитель. Были бы планы хотя бы… А на глазок не справлюсь. И не просите.

— Есть, есть планы, — настаивал Вифинис. — Все есть, все схемы, обмеры, все здесь, в нашем убежище! И инструмент есть, и этот, теодолит, и люди будут! Правда, Леф? Ну, нет среди нас ни маркшейдеров, ни архитекторов, только на вас вся надежда! Помогите, прошу вас! Ради Ланты, ради Риты, чтобы хоть им не мыкаться погорельцами! Ну что вам эти несколько дней?!

Адарис молчал.

— Попробую сделать, что могу, — наконец сказал он. — Я постараюсь все рассчитать. Но не больше пяти дней, максимум, неделя. И не держите, прошу вас. Поймите вы тоже…

А позже, когда все уже было обсуждено и проговорено, необычно тихий Лефандур Герцен подошел к доктору Тайдемару Станису.

— Вы простите, время уже позднее, но могли бы вы сейчас посмотреть мою маму? Она в последние дни что-то стала себя плохо чувствовать, не может даже подняться по лестнице наверх. Так получилось, что кроме вас у нас нет больше врачей. Вы поможете?

— Обязательно, — мягко сказал ему Станис. — Я просто не имею права поступить иначе.

Глава 43. Сын черной звезды

— Воздух! — глухо прозвучало-простонало в ночи. — Тревога!… Бегите!… Да бегите же!…

— Тревога?!

Кен Собеско рывком сел на постели. Сердце бешено колотилось.

Совсем нервы ни к черту. Конечно же, это только сон, чей-то плохой сон. Такие снятся здесь почти каждому…

— Что там? — пробормотала в полусне Лада Вакену, поворачиваясь к Собеско. — Кто-то кричал?

— Ничего. Опять у кого-то кошмары, — наклонившись, Собеско ласково погладил ее по волосам. — Спи.

Лада повернулась на другой бок и покорно заснула. А вот к Собеско сон не шел. Некоторое время он просто лежал, вслушиваясь в сопящую темноту за тонкими фанерными стенками их загородки, а затем снова сел и нашарил на табуретке перед постелью свои брюки.

В обширном помещении бывшего склада было темно. Только через узкие окошки под самым потолком еле пробивался свет далеких фонарей, освещавших центральную площадь, канцелярию и ограду лагеря, да горел крохотный огонек свечи на столике ночного дежурного, который дремал, положив голову на руки.

Осторожно лавируя среди людей, спящих вповалку на тощих матрасах, Собеско толкнул приоткрытую дверь и вышел наружу. На его любимом месте на узком бордюрчике сбоку от входа сидел Дилер Даксель. Обхватив руками колени, он смотрел на чуть отблескивающую лунным светом морскую гладь.

Кен Собеско молча сел рядом с Дакселем.

— Не спится? — спросил Даксель, не поворачивая головы.

— Нет. И тебе тоже?

Даксель не ответил. В руках он вертел небольшой лист бумаги, машинально складывая его вчетверо и снова расправляя.

— Опять ничего? — сочувственно спросил Собеско.

— Ничего, — Даксель яростно комкал ни в чем не повинный клочок бумаги. — Кен, мне надо возвращаться. Ее здесь нет. Я чувствую.

— О чем ты? — Собеско встревоженно посмотрел на Дакселя. — Прошла ведь всего неделя! И ты получил ответы только на три своих запроса.

— Этот – четвертый.

— Все равно. Лагерей для беженцев десятки. И кроме

Горданы, они есть в Телларне, Легуанте, Лииве. Ты ведь понимаешь…

— Понимаю, — безучастно кивнул Даксель. — И во всех этих лагерях миллионы людей. И каждый занят поиском своих родных и посылает запросы во все места. Из-за этого происходят ошибки и задержки… Я даже точно не знаю, под какой фамилией ее записали. В Шуане или Телларне она носила бы мою фамилию – Кара Даксель, по горданским законам оставалась бы, как и до замужества, Карой Деррин, а по-нашему, по-баргандски, так и вообще – Кара Деррин-Даксель. И еще дети… Я везде пишу – двое, я не хочу и думать об ином, но вдруг…

Даксель не договорил. Листок бумаги с ответом на запрос превратился в совсем уже бесформенный комочек, и Даксель щелчком отбросил его в сторону.

— Иди лучше спать, Дилер, — предложил Собеско. — Ночь – тяжелое время, а утром ты снова придешь в себя.

— Не приду, — понуро вздохнул Даксель. — Кен, ты можешь не верить, но я чувствую. Ее здесь нет. Она там, в Макьелине, она все еще ждет меня. Я ведь обещал ей, что вернусь. Я должен вернуться! Я не прощу себе, если этого не сделаю!

— Дилер, не изводи себя. Я знаю, что с собой происходит…

— Я тоже знаю. Это называется одержимость. Она заставляет людей совершать безумные поступки. Но я не могу ей противиться, Кен. Сегодня – двадцать шестой день с начала вторжения пришельцев. Все безопасные коридоры и зоны будут действовать еще только одиннадцать суток. Если я не успею попасть домой до истечения этого срока, я уже никогда не доберусь туда!

— И как ты думаешь добраться? — печально спросил Собеско. Он видел, что Дакселя не переубедить.

— Сначала мне надо выбраться отсюда! — прошептал Даксель. — Мне необходимо попасть в Реперайтер, в "Ренгер"! Там мне помогут. Я ведь их сотрудник, я занимался приемом делегаций из Горданы, они должны меня помнить! Хороший корабль пересечет океан за пять или шесть дней, а от Тюйера до Макьелина всего семьдесят километров. Я успею!

— Хм, выбраться из лагеря… — скептически протянул Собеско. — Допустим, это не так сложно. Но что дальше? Как ты попадешь на материк? Без денег, без документов… Да любой местный тебя сдаст, а любой полицейский возьмет и за ручку приведет обратно.

Собеско знал, что так оно и будет. Желающих покинуть лагерь для беженцев хватало, но все они максимум через двое суток возвращались.

— Я знаю! Я знаю, как! — возбужденно прошептал Даксель. — Я записался в рабочую бригаду, их часто отправляют на континент. Там я сбегу или дам взятку. У меня еще есть это кольцо. Оно свадебное, золотое, оно дорого стоит! К тому же, я буду не один. Со мной будет наш Чирр, Чирр Чолль! А хочешь и ты с нами?

— Я?! — Собеско удивленно посмотрел на Дакселя. — Но я не могу… У меня…

— Понимаю, — грустно кивнул Даксель. — У тебя здесь Лада.

— Ла-ада, — медленно повторил Собеско. — Знаешь, Дилер, мы ведь совершенно чужие друг другу. И оба это прекрасно понимаем. Нас просто вместе выбросило на берег, словно щепки прибоем…. Завтра… Нет, уже сегодня она уходит. Нашла кого-то из старых знакомых через стену объявлений…

— Тогда чего же ты…

— Я не могу уйти отсюда, Дилер. Здесь моя служба. Я…

Собеско вдруг задумался. Последние дни он откровенно тяготился своей должностью старшого по бараку. Почти все обитатели бывшего склада были жителями одного небольшого городка в южной Граниде. Они привычно подчинялись своему мэру и начальнику полицейского участка, которые реально заправляли всеми делами, и Собеско чувствовал себя лишним.

Не сложились у него отношения и с первыми лицами лагеря – бригадным генералом Симу Койво и его командой. Все они прибыли в Гордану с первым же судном, не успев увидеть массированных бомбежек и потока беженцев, не почувствовав хаоса и отчаяния, оставшихся у них за спиной. Рассказ Собеско, вместо своей воинской части попавшего за океан, казался им неправдоподобным. Не то, что бы в его словах открыто сомневались, нет, этого не было, но Собеско явно ощущал, что полностью ему не доверяют.

И все же, будь это несколько лет назад, ему бы и в голову не пришло покинуть опостылевшую должность. Где поставили, там и служи. Но после пяти лет эмиграции, после нескольких экспедиций за спиной, когда вокруг только пустыня, джунгли или горы и никакого начальства, он разучился слепо повиноваться приказам. Почувствовал, так сказать, вкус свободы, разболтался на гражданке…

И правда, ради чего ему сидеть в лагере? Чего и зачем ему здесь ждать? У него – нужная и дефицитная в этой стране профессия, он совсем недавно сам был сотрудником горданской компании, кстати, того же "Ренгера". И разве не поможет ему бывший начальник? Конечно же, поможет! Он поймет, у самого

оба деда из Граниды…

— Я бы, пожалуй, отправился бы вместе с вами, — осторожно сказал Собеско. — Только вот…

— Я так и знал, что ты согласишься, — с удовольствием кивнул Даксель. — Я тебя тоже записал, в ту же бригаду.

— Шустрый ты, однако, — хмыкнул Собеско. — А что за бригада хоть?

— Строительная, Кен, строительная. Да ты не кривись, не кривись, я тебе объясню сейчас, что там и как…

— Вы, главное, не волнуйтесь так, — убежденно говорил Чирр Чолль, стараясь не отставать от широко шагающего Собеско. — Если что, держитесь поближе ко мне. Я о стройке все знаю. Отец в прошлом году дом перестраивал, так я ему во всем помогал.

— Все ты знаешь, — проворчал Собеско. — А Дилер вообще чуть ли не сам стройкой руководил. Один я среди вас неумеха.

— Будто мы большие умехи, — хмыкнул Даксель. — Да не беспокойся ты, действительно. Дом строить нам не поручат. Мы здесь только неквалифицированная рабочая сила.

— Вот-вот. Очень здорово. Из пилотов – в подсобные рабочие на стройке…

— Ну и что? — пожал плечами Даксель. — Тебе, может быть, напомнить, кем до войны был я? Тем более, это не надолго. Или может… Подумай, еще не поздно переиграть.

— Поздно, — хмуро сказал Собеско. — Поздно мне уже переигрывать. Не обращай внимания, Дилер. Это все от дурного настроения. Когда я зол на весь свет, меня лучше не трогать.

Даксель понял намек и замолчал. Так, в молчании, они прошли бесконечные ряды палаток и оказались на центральной площади, вернее, свободной от палаток площадке примерно сорок метров на двадцать вдоль длинной стены бывшего портового склада.

Стена, ранее темно-серая, стала пестрой из-за сотен мелких клочков бумаги. Возле стены всегда толпился народ, особенно, на закате, когда служащие канцелярии вывешивали простыни пришедших за день запросов из других лагерей. Люди искали родственников, друзей, просто знакомых, даже тех, кого раньше терпеть не могли. В лагере, этом громадном человеческом муравейнике, тяжелее всего было переносить одиночество.

По объявлению на этой стене кого-то разыскала и Лада Вакену. Кого – родственника, сослуживца, бывшего любовника – Собеско не спрашивал. Она ушла ранним утром, тепло попрощавшись и поблагодарив "за все". Ушла не оглядываясь, и

оставила после себя тоскливую пустоту, подействовавшую на Собеско сильнее, чем он ожидал. После ее ухода официальная передача должности старшого по бараку бывшему мэру не вызвала у Собеско ни малейших эмоций.

Здесь же, на площади, обычно паслись и вербовщики, предлагавшие работу за пределами лагеря. К некоторому удивлению Собеско, желающих было мало. Одни еще не пришли в себя, других не устраивали условия – большинство вербовщиков честно не обещали ни постоянной занятости, ни горданского вида на жительство, а предлагаемая ими зарплата была смехотворно низкой по сравнению с ценами лагерного черного рынка. Третьи же – а их тоже было немало – все еще выжидали, надеясь на лучшее.

В лагерях для беженцев не хватало многих вещей – питьевой воды, продовольствия, медикаментов, палаток, но чего всегда было в избытке, так это слухов. Согласно самому распространенному из них, правительство Граниды в обмен на свой золотой запас приобрело у Горданы землю где-то на Дальнем Западе, у подножья хребта Край Мира, и скоро беженцев начнут переправлять туда. По другой, не менее популярной версии, на том же Дальнем Западе сами горданцы дадут каждой семье по участку земли и сельскохозяйственный инвентарь. Многие в лагере всерьез раздумывали, принимать такое предложение или нет. С одной стороны, горданцы, судя по слухам, предоставляли все это бесплатно. С другой – подавляющее большинство беженцев составляли горожане, и перспектива превращения в фермеров их не радовала.

Вербовщиком у Собеско, Дакселя и Чирра Чолля был маленький толстый горданец, говорящий по-гранидски свободно, но с полным пренебрежением к правилам грамматики. Он едва сдерживал нетерпение.

— Тринадцать, четырнадцать, пятнадцать! — вербовщик по очереди ткнул каждого из троих в грудь толстым коротким пальцем. — Наконец-то! Все в сборе! Теперь – пошли! Живо-живо, быстро-быстро!

Вербовщик, по видимому, действительно спешил, и все дальнейшие процедуры прошли моментально. В канцелярии все они расписались в каком-то документе, написанном на горданском. Как успел заметить Собеско, он был озаглавлен "Контракт" и содержал в себе два десятка пунктов, набранных мелким шрифтом. Затем чиновник горданской иммиграционной службы сверил их имена, сделал какие-то пометки в своих гроссбухах, и отобрал у всех документы, выдав взамен справки на горданском и гранидском языках, подтверждающие, что такой-то

вынужденный переселенец временно передан в распоряжение компании такой-то. Названия Собеско так и не разобрал, потому что все справки у них немедленно конфисковал вербовщик. Затем двери наружу отворились, и все они оказались на причале – том самом, на который они высадились восемь дней тому назад с борта парохода "Капитан Заман".

Дверь за спиной захлопнулась, и Собеско понял: что бы ни случилось в будущем, назад он уже не вернется. С этой частью своей жизни он расставался навсегда и без сожалений.

Они, вероятно, в самом деле были последними. Крохотный пароходик уже проворачивал винты. Едва они успели перебраться гуськом по узким сходням, он отвалил от пристани, и вскоре бухта и лагерь для беженцев остались далеко за кормой. Впереди был открытый океан, а часа через полтора где-то вдали, в облачной дымке, появились очертания пологих холмов континента, а на их фоне – небольшой живописный остров с высокими береговыми утесами.

Кен Собеско равнодушно смотрел, как судно замедляет ход, подходя к острову, матросы быстро и сноровисто спускают с борта штормтрап, а навстречу им скачет по волнам маленький белый катерок. На пароходе находились, по меньшей мере, три сотни человек из лагеря беженцев – добрая дюжина рабочих бригад. При таком раскладе можно было смело положиться на удачу.

Однако удача была в этот день явно не на их стороне. Словно ниоткуда появившийся толстенький вербовщик энергично погнал их к трапу.

— Живо-живо, быстро-быстро! Наша приехала! А ты что ждать? Тебя тоже касаться. Совсем глухой стал, да?

Последняя фраза была адресована Дилеру Дакселю. Баргандец был в отчаянии. На него было жалко смотреть. Он поставил все на эту поездку – и проиграл. Все, что ему удалось, — это сменить один остров, одну тюрьму, на другую.

Остров, куда их привезли, выглядел довольно странным местом. В крохотной бухточке еле помещались причал из широких понтонов, пришвартованные к нему каботажный пароход и землечерпалка и стоящий у самого берега плавучий кран. На вершинах утесов, окружавших бухту, виднелись какие-то странные сооружения, покрытые, похоже, маскировочной сетью. Рядом с ними были заметны фигуры людей, но что это за люди, что они там делают, было непонятно из-за дальности расстояния.

Долго любоваться пейзажем им не дали. В конце причала их уже ждал могучий верзила лет пятидесяти, сразу же начавший

распекать маленького вербовщика за опоздание. Чувствовалось, что этот верзила здесь – большое начальство.

— Эй вы, слушайте сюда, — рыкнул он по-гранидски, небрежным жестом отодвинув в сторону вербовщика. — Вам здорово не повезло, парни, но из самого глубокого дерьма вы уже выбрались. Отныне вы будете называть меня господин бригадир и слушаться меня как отца родного. Кто будет хорошо работать, не пожалеет. Теперь слушайте дальше. Забудьте все, что вам говорил этот мелкий… У меня – никакой повременной оплаты. Вам сейчас дадут задание, и после того, как вы его выполните, каждый получит по двадцать пять брасов. Уложитесь в три дня, до шести часов утра восьмого, добавлю еще по пятерке премии. Время, чтобы потратить эти денежки, у вас будет. Следующий наш объект – в Реперайтере, и работы там начнутся с девятого числа. Все всё поняли?

— Да, — ответил за всех Дилер Даксель.

В последние дни он уже начал понимать гранидский, и услышав о Реперайтере, тут же воспрянул духом.

— Поняли – прекрасно. Тогда пошли.

Идти оказалось недалеко, чуть больше километра, но странностей вокруг только прибавлялось. Из бухты наверх шла узкая колея, выбитая колесами машин, но на середине пути они вдруг увидели бульдозеры, асфальтоукладчики, катки и целую армию рабочих, строивших на месте колеи широкую асфальтированную дорогу. Небольшой отросток с дороги вел на обширную забетонированную площадку, размер которой вызвал у Собеско недоумение. Похоже на посадочную полосу, но для самолета слишком коротка, а вертолетов на ней может поместиться не меньше двух десятков. Зачем так много на таком маленьком островке? Дальше за площадкой виднелось еще одно странное сооружение – башенка высотой метров десяти, а над ней – широкая чаша, что-то вроде раскрытого цветка с торчащим наружу пестиком. Подобное Собеско видел только в одном журнале, на фотографии новейшего радиотелескопа.

Однако версия о научной станции или военной базе никак не стыковалась с четырехэтажной белоснежной виллой, умело вписанной в окружающие скалы. О том, что это была именно вилла, свидетельствовали заметная даже снаружи роскошь сооружения, огромные окна и лоджии, широкие террасы с гранитными парапетами, прямоугольная выемка будущего плавательного бассейна, декоративные горки и лестницы и, наконец, большая смотровая площадка с видом на море.

Но для чего бы не строили эту виллу, было хорошо видно, что построили ее буквально только что. Повсюду валялись целые

горы строительного мусора, оконные стекла были в пятнах краски и штукатурки, а гранитные парапеты и ступени многочисленных лестниц были обильно заляпаны цементом.

— Всем видно? — громогласно осведомился бригадир. — Ваша задача, чтобы к утру восьмого все здесь блестело, как… как… ну, вы поняли, как. Шмотки можете забросить вон в тот вагончик. Там же сменная одежда. И через десять минут, чтобы всем быть здесь готовыми!

Поначалу, оценив масштаб работ, Собеско подумал, что им не справиться с ней и за неделю, не то что за два дня. Уж очень неряшливо поработали неведомые строители, которые, похоже, слишком торопились. Однако вскоре все наладилось. К удивлению Собеско, Дилер Даксель, почти не зная гранидского, за какие-то полчаса объяснил каждому, где и чем ему следует заниматься, и дело пошло. Дакселя слушались, признавая в нем лидера. Горданский бригадир не возражал и не вмешивался, оставив за собой общий контроль и приемку сделанного.

За полдня совместными усилиями они привели в порядок весь четвертый этаж виллы и начали расчистку комнат на третьем. Темп работ к тому времени, правда, значительно снизился. С непривычки болела спина, ломило в боку, руки больше никак не желали совершать осмысленные действия. Но только когда у Чирра Чолля вырвались из рук носилки, на которых они стаскивали вниз мусор, бригадир, наконец, сжалился и объявил перерыв на обед.

Побросав инструмент, все они устало, но с облегчением спускались по парадной лестнице, как вдруг бригадир, выглянув в окно, как-то съежился и словно стал ниже ростом.

— Эй, вы! А ну, скорее вниз! Постройтесь там сбоку от входа, быстро! Заказчики приехали, чтоб их…

По лестницам и террасам неспешно поднималась к вилле группа людей. Солнце светило прямо в глаза, и только когда они поднялись на верхний ярус, Собеско заметил, что у идущего впереди длинное тонкое лицо светло-сиреневого цвета и узкие голубые губы. Это был пришелец!

Пришелец поднимался по лестнице уверенно и спокойно, словно бы он был здесь хозяином. Немного позади него шли еще четверо инопланетян в одинаковых черно-серебристых костюмах, вооруженные знакомыми короткими автоматами. За пришельцами следовали около двух десятков филитов, одни в штатском, другие в горданской военной форме.

Пришельцы поравнялись с бригадой, застывшей шагах в десяти от входа. Передний равнодушно скользнул взглядом по шеренге усталых людей в грязной рабочей одежде. И тут строй

сломался. Сжимая в руке свой кинжал, навстречу пришельцам бросился Чирр Чолль.

Департаментский советник Буонн прилетел на остров, чтобы ознакомиться с будущей резиденцией имперской наблюдательной миссии на Западном континенте Филлины. Пока что все ему здесь нравилось. За какие-то две дюжины дней бесплодный каменистый островок превратился если не в цивилизованное, то, по крайней мере, в весьма приличное место. Посадочная площадка, залитая термостойким керамито-бетоном, уже была готова принимать орбитальные шаттлы и даже малые курьерские корабли. Недалеко от ее края выросла башенка узла космической связи. На вершине утесов угадывались под маскировочным покрытием очертания следящих станций охранного периметра. Оставалось только завезти мобильную энергоустановку и дополнить периметр системами активной защиты – и можно переезжать.

Напоследок департаментский советник изъявил желание посетить саму резиденцию. Он знал, что стройка еще не завершена, но четырехэтажное здание немного непривычной архитектуры, умело вписанное в ландшафт, смотрелось издали очень выигрышно. Ему вдруг захотелось самому подняться по всем этим лестницам и террасам, постоять, опершись на поручень, на смотровой площадке, и пройтись по пустынным, пахнущим свежей краской и штукатуркой комнатам, прикидывая, что будет в них через две дюжины дней – кабинет, спальня, узел связи или зал для торжественных приемов.

Немного задумавшись, Буонн ускорил шаг и не заметил, как на несколько шагов оторвался от горданских сопровождающих. Позади еле поспевала за ним четверка охранников. Не то, чтобы он действительно нуждался в охране, совсем нет; за две дюжины дней он научился находить общий язык с филитами и чувствовал себя среди них в безопасности – просто четверо охранников полагались ему по протоколу.

Поднявшись на верхний ярус, Буонн равнодушно скользнул взглядом по неровной шеренге филитов в неряшливой, покрытой пылью одежде. Нет, он отдавал должное умению и сноровке местных рабочих, но обращать на них внимание было ниже его достоинства.

Он уже проходил мимо, как вдруг уловил краем глаза резкое движение кого-то из них. Один из филитов стремительно бросился ему навстречу, и в руке у него блеснул металл.

Дальше Буонн действовал автоматически. Разворот! Уклонение! Попытка захвата руки с ножом! Он делает все, все

правильно, но потерявшее гибкость и погрузневшее тело подводит его, и он опаздывает на какую-то долю секунды. Все, что ему удается, это немного отвести в сторону лезвие, и вместо того, чтобы пронзить сердце, кинжал вонзается в верхнюю часть живота.

Какая боль! Буонн сгибается напополам, хватаясь руками за жаркое от крови – его крови – лезвие. Совсем рядом бешеное юное лицо филита. Он продолжает сжимать кинжал, и кричит что-то в лицо Буонну. Но переводчик департаментского советника настроен на горданский язык, и он не понимает.

Удар сердца.

Ноги не держат, и Буонн валится на бок, кинжал выскальзывает из раны и скрюченных пальцев советника, и снова оказывается в руке филита.

Охрана! Во имя черных звезд, где охрана?!

Буонн не видит. Все происходит у него за спиной. Двое охранников, бросившись ему на помощь, сталкиваются между собой и падают прямо под ноги третьему. Четвертый смещается, открывая директрису для стрельбы, но оружие по-прежнему стоит на предохранителе, и выстрела не происходит.

Еще один удар сердца.

— Подохни, тварь! — кричит Чирр Чолль, замахиваясь, чтобы нанести второй удар.

Выстрел! Выстрел! Выстрел! Это не охранник. В руке одного из филитов появляется маленький черный пистолетик с чуть дымящимся стволом. Чирр Чолль вздрагивает от толчка, вернее, от трех толчков, одного за другим. На груди у него набухают красные пятна. Но кинжал все еще у него в руке, и он продолжает движение сверху вниз, из последних сил стремясь достать ненавистного пришельца.

Снова выстрелы. Два выстрела, один за другим. Кинжал вылетает из руки Чирра Чолля и, вращаясь, летит куда-то в сторону. Сам Чирр Чолль ломается и валится навзничь в шаге от лежащего пришельца.

Пульсирующая жгучая боль отдается во всем теле, но Буонн заставляет себя оторвать одну руку от раны и приподняться, опершись на нее. Не смотреть вниз! Он не должен, не имеет права терять сознание! Начальник его охраны, наконец, снял свой игломет с предохранителя и в бешенстве водит стволом из стороны в сторону, готовый открыть огонь. Остальные трое тоже на ногах и взяли на прицел горданских сопровождающих и группу рабочих. И те, и другие стоят, не шевелясь, и это спасает им жизнь.

По имперским законам, представителям низших рас под

страхом смерти запрещено носить оружие в присутствии имперских граждан, а при покушении на людей высшей расы немедленной казни подлежат не только преступники, но и их родственники до третьего колена, соседи и свидетели преступления.

— Мы не на Кронтэе, — негромко напоминает Буонн, и начальник охраны приходит в себя и чуточку расслабляется.

Вот и хорошо, по крайней мере, палить направо и налево он теперь не станет.

А пока нужно заняться другим делом. Как старший в чине, он имеет полное право провести на месте дознание. И вынести приговор.

— Где его родственники? — спрашивает Буонн.

Его голос звучит слабо, но автоматический переводчик работает безукоризненно, и динамик, закрепленный на правом плече, громко повторяет вопрос на горданском.

Кен Собеско чувствует, как вокруг них с Дакселем словно сгущается вакуум. Все стараются отстраниться от них, спрятаться друг за друга, а великан-бригадир изо всех сил пытается стать маленьким и незаметным.

Собеско яростно сжимает кулаки, не замечая, как ногти впиваются ему в ладони. Поздно! Ничего сделать уже нельзя! Проклятый пришелец жив, он полулежит-полусидит, прижимая одну руку к животу, а из-под его пальцев обильно сочится густая синяя жидкость, по цвету напоминающая немного разведенные водой чернила. Чирр, их юный товарищ Чирр Чолль умирает, сраженный пулями своих же, филитов – хотя какие они теперь, к черту, свои?!

Губы пришельца шевелятся. Он шепчет что-то в крошечный микрофон сбоку от тонкогубого рта.

— Где его родственники? — вдруг спрашивает по-горданski ровный механический голос.

— У него нет родственников! — яростно кричит Собеско. — Вы убили их всех!

Кажется, в глазах пришельца мелькнуло что-то похожее на сочувствие. Или это ему только показалось?

— Сын черной звезды, — шепчет Буонн.

Переводчик и в этот раз повторяет его слова на горданском, но никто из филитов не понимает.

Откуда им знать, что так называют в Империи мстителя, мстителя-одиночку, потерявшего все и отринувшего жизнь ради чистой, холодной, яростной мести. Месть – это благородно. Рабы,

трусливо цепляющиеся за жизнь, не мстят.

— Старший-три, — подзывает к себе Буонн начальника охраны. Ему трудно говорить, и слова приходится выдавливать из себя по одиночке. — Пусть… свершится… правосудие… В отношении… преступника.

Начальник охраны вскидывает игломет и мелкими шагами подходит к лежащему навзничь Чирру Чоллю. Чирр Чолль еще жив. Грудь его окровавлена, лицо искажено от боли, но он в сознании и тяжело дышит, хватая воздух широко раскрытым ртом.

Начальнику охраны очень жалко себя. Настолько жалко, что просто хочется взять и заскулить подобно обиженному псу. Две дюжины… Две дюжины лет беспорочной службы, вся его карьера летит под откос из-за какого-то филлинского сопляка с железякой в кармане. Прощайте теперь надежды на повышение: все, что его ждет, — это трибунал, разжалование, постылая служба в глухом углу или позорная отставка без пенсии…

Не сдержавшись, начальник охраны испускает-таки тонкий скулящий звук, поспешно обрывает себя и со злостью смотрит на лежащего филита. И получает в ответ взгляд, исполненный такой ненависти, что отшатывается назад. Чтобы избавиться от этого взгляда, он поспешно поднимает игломет и стреляет – раз, другой, третий. Жалея только об одном: его оружие заряжено не разрывными, а обычными иглами, убивающими противника не менее эффективно, но не так эффектно.

И все же, что-то говорит ему, что от этого взгляда он уже не избавится никогда.

В толпе Дилер Даксель выкрикивает страшное, черное ругательство на баргандском и порывается куда-то вперед. Собеско хватает его за руку, и Даксель обмякает. Рабочие смотрят на них со страхом и пытаются отодвинуться еще дальше. Пришельцы не реагируют.

— Правосудие свершилось, — произносит ритуальную фразу Буонн, стараясь, чтобы его услышали и свои.

Один из охранников, проявляя запоздалую сметку, уже сидит на корточках возле него, держа в руке оранжевую капсулу болеутолителя.

— Но, господин департаментский советник! — вдруг протестует начальник охраны. — Они ведь тоже обязаны понести наказание.

Буонн вздыхает. У него нет сил спорить. Боль по-прежнему разрывает его тело, в голове шумит, и волнами прокатываются приступы слабости от потери крови. К тому же, формально старший-три прав. Законы Империи не знают исключений, а

наличие Филлины в них пока не предусмотрено.

С трудом он снова поднимает голову. Горданские сопровождающие стоят тесной кучкой шагах в десяти, не решаясь подойти ближе. Они потрясены и напуганы, хотя, конечно, не подозревают, что им грозит. Просто, думает советник, им, очевидно, не поздоровится, если высокий инопланетный гость вдруг возьмет и откинет копыта у них на глазах.

Но пока он жив, он не даст и пальцем тронуть никого из горданцев. И вовсе не потому, что кто-то из них своими выстрелами спас ему жизнь. Взаимопонимание, достигнутое с Горданой, необходимо сохранить любой ценой.

Буонн переводит взгляд на рабочих. Двое из них стоят отдельно от остальных, в глазах – только горе и боль утраты. Родственники? Нет, родственников нет в живых. Тогда знакомые? Соседи? Друзья? Какое это теперь имеет значение?

Департаментскому советнику не хочется новых смертей. Особенно, когда собственная жизнь висит на тонкой ниточке.

— Все эти люди… неплохо потрудились, — негромко говорит он, еле заметным жестом показывая на группу рабочих. — Так пусть же они теперь…так же потрудятся… и на наших объектах… Приказываю… доставить всех на Центральную базу…

И только убедившись, что его приказ правильно понят и выполняется, он, наконец, раскусил упругую капсулу болеутолителя, отправившую его в успокоительный целебный сон.

"Наши объекты? Центральная база? О чем это он?" – мелькнуло в голове у Собеско.

И вдруг он понял, что имел в виду пришелец. И грустно переглянулся с Дилером Дакселем, который, конечно, тоже быстро догадался, что это означает.

— Нет, я не осуждаю, не могу осуждать его, — прошептал Даксель. — Эх, Чирр, Чирр…

Он не договорил, горько махнув рукой.

В это время дошло и до верзилы-бригадира. Тихо, бочком, бочком, он попытался выбраться из толпы, но наткнулся спиной на ствол оружия одного из пришельцев.

— Я гражданин Горданы, я не с ними, отпустите меня! — истошно завопил он, но новый тычок стволом в бок заставил его замолкнуть.

Потом их долго вели по узким тропинкам и дорожкам вниз к берегу. Скалы и расщелины вокруг казались очень соблазнительными, но позади мрачно топали двое пришельцев с оружием наизготовку, оба на голову выше почти любого из

филитов, и это парализовывало волю. Да и куда бежать на маленьком острове?…

На берегу их ждал летательный аппарат, похожий на самолет с раздутым фюзеляжем и короткими треугольными крыльями. Снизу на песок опускался узкий пандус. Их заставили взойти по нему, и пандус медленно поднялся, отрезав их от мира и оставив в кромешной темноте.

Все.

И еле слышный шепот Дакселя.

— Знаешь, Кен, если поискать, во всем можно найти что-то хорошее. По крайней мере, я попаду, куда хотел, — на Восточный континент, и причем очень быстро.

Наверное, и сам Собеско вряд ли мог сказать, почему ему вдруг стало так смешно. Очевидно, потому что в безвыходном положении, когда все потеряно и исправить ничего нельзя, смеяться все же лучше, чем жаловаться на судьбу и плакать.

Глава 44. Как это было… и как это было на самом деле

— Привет болящему!

— (вяло) Ну, привет.

— Слушай, ты чего такой скучный? Хочешь, хохму тебе расскажу?

Вялый кивок.

— В общем, заступил я вчера помощником дежурного по посадке. Работка – не мне тебе объяснять – муторная и беготная до невозможности. Так сегодня утром, за пару часов до смены, подзывает меня шеф. Спрашивает, ты, мол, принимал вчера катер с раненым?… Да, ты же знаешь, одного нашего ранили вчера?!

— Знаю. Он в соседнем отсеке лежит. Интенсивных процедур. Говорят, через полдюжины дней выпишут.

— А ты знаешь, как его ранили?

— Не. Слышал только, куда. В живот.

— Во даешь! Лежишь тут рядом, а ничего не знаешь! Так слушай! Этот тип – какая-то большая шишка, из штатских. Он на Западном континенте был, с нашей миссией, и поехал осматривать какую-то стройку. А там, представляешь, один из местных ткнул его ножом прямо в брюхо!

— Представляю.

— Вот. Так его и привезли сюда, значит, лечить. Вот я и говорю, спрашивает меня шеф, ты, мол, вчера катер принимал? Ну, говорю, я. А он мне: а ты знаешь, что в катере еще груз был? Я говорю, нет, никто мне об этом грузе не сообщал, как отогнали катер на восьмую площадку, так он там и стоит. Тогда мне шеф и говорит: пойди, мол, и доставь это груз по назначению. И знаешь, что это был за груз?

— Ну?

— Что ну, головой думать надо, мозги разрабатывать! Филиты это были, понял?! Пленные. Это знаешь, закон есть такой, если кто-то из низшей расы совершит покушение на представителя высшей расы, так не только его самого в расход, вместе с родственниками, но и всех, кто рядом был и не помешал. Так тот штатский добрый был, их казнить не захотел, а приказал всех доставить сюда, чтобы трудом вину свою искупили. Понял?

В общем, пошел я за ними. Прихожу, а там возле этого катера кто-то из техников крутится. И так крутится, и сяк, чуть ли со всех сторон его не обнюхивает. И вид у него совершенно очумелый. Что, спрашиваю, проблемы? Да, говорит, есть немного.

Звуки тут какие-то странные. Будто бы в грузовом отсеке кто-то есть. Только сказал – вдруг в грузовой люк изнутри как забарабанят! Техника этого так прямо в сторону унесло! Глазищи – во! А я ему – так, спокойно: пустяки, дело-то житейское, это груз немножко буянит, ничего особенного.

Открыл я люк, смотрю – вываливаются. Целая куча, все какие-то грязные, оборванные и воняют, знаешь так, прилично. Точнее, неприлично… И все чего-то галдят по-своему. Обступили, руками машут, чего-то, видать, требуют. Тут мне не по себе стало. Восьмая площадка – она же на отшибе, с одной стороны – склады, с другой – склады, а с двух остальных – чистое поле. И не души вокруг. А оружия у нас с техником – один мой игольный пистолет с дюжиной зарядов на двоих.

Вытащил я этот пистолет, помахал им – угомонились. Отошли на положенное расстояние. Но галдеть не перестали. Один мне что-то все время пытался втолковать, потом как плюнет, повернулся ко мне задом, спустил штаны и прямо на бетонку наложил здоровую такую кучу!

— Что наложил?

— Не что, а чего! Дерьма наложил, целую кучу! У меня так челюсть и отпала. Гляжу, а остальные тут же рядышком устраиваются, ну… и в том же духе. Техник мне, шепотом чего-то: это что, обычай у них такой? А я и сказать что, не знаю. Вспомнил только, когда мы в детстве в войнушки играли, у нас было особым шиком во вражеском штабе наделать. Может, и у них так принято? Если, мол, к врагу в плен попал, так нагадить прямо у него под носом…

В общем, закончили они свои дела, отошли в сторонку и смотрят, что мы делать будем. Один тут знаками показывает: мол, облегчиться мы облегчились, а теперь неплохо было бы и заправиться. Техник тут взвился. Нагадили тут, кричит, прямо на полосу, а убирать кто будет?! Пусть сами же и за собой, и ручками, ручками! Ну, тут я ему напомнил, кто есть кто. Я, в конце концов, хоть и третьего ранга, но младший офицер, а он – унтер второго разряда. Это они уберут, а потом мне же их в барак конвоировать? Дудки!

Короче, сгреб я их в кучу и пистолетом машу – пошли, мол. Пусть техник с их делами сам разбирается. Оставили мы его там, а сами двинули. Решил я их напрямик вести, а не через площадки. Немножко нервничаю, знаешь, вдруг разбегутся? Там всякого барахла навалено, час в прятки играть можно. Никуда они, конечно, не уйдут, но оно мне надо, это счастье? А так – везде открытое место, все там еще при посадке сгорело, идти удобно. Они и идут. Смирненько так, между собой, конечно, о

чем-то балакают, но это пусть. И на корабли наши посматривают. Там хорошо они как раз видны, и флагман наш, и "Всемогущий". Жаль, транспорт уже ушел…

Довел я их, наконец, до бараков. Вызываю тамошнего дежурного. Мол, так и так, принимайте. А дежурным там какой-то младший-один, я его не знаю. Его к пленным, похоже, в наказание отправили, вот он и злой на весь мир и на коротышек в особенности. Что мне, говорит, за сброд привел? Не хочу я, мол, таких брать – грязных и вонючих. Вот приведи мне, говорит, их в порядок, тогда и посмотрим. И так я ему, и сяк – и никак.

А ребята эти, пленные, то есть, возле входа сгрудились и на машину смотрят. Да, ты же не знаешь, это уже после твоего… ну, когда тебя сюда отправили, случилось. Где-то в канаве на стройке филлинскую легковушку нашли. Ну, машину их наземную. Совсем целенькую. Только мелкую очень. И наш начальник строительства приказал разрезать ее напополам и переднюю половину над входом в зону прикрепить, типа козырька. Так если новенькие, только что прибывшие, эти полмашины видят, непременно галдеть начинают. Кто кричит, кто смеется, говорят, некоторые даже молятся или что у них там. Что они в этой машине видят, понятия не имею! И самое обидное, спросить не у кого! Тайна и все тут.

В общем, мои тоже смотрят. Наконец, один что-то говорит так, с досадой, второй подхватывает, и вдруг как начинают все хохотать! Веселый они народ, эти коротышки. Я бы на их месте поостерегся. Отсмеялись, а я им пистолетом – идем, мол, обратно. Тут у меня идея появилась. Раз этому младшему-один их запах не нравится, отправлю-ка я их в мойку. Ну, для катеров которая, сбоку от седьмой площадки. Все равно она сейчас пустует.

Привел я их туда, загнал внутрь, включил агрегат… Криков было, не передать. А потом затихли, кайф начали ловить, похоже. Водичка-то тепленькая, хоть и с напором, так что баньку я им устроил знатную.

Подождал я с четверть часа, вырубил установку, смотрю, выползают. Чистенькие уже такие, мокренькие, пар с них валит. И все такие зеле-еные, ртом воздух хватают, и показывают все жестами: пить, пить. Нахлебались, наверное, водички с моющим раствором, вот им и поплохело. Ну, я тут им навстречу пошел, шланг подтянул, еще и самому отпить пришлось, чтобы поверили. Напились они, проблевались, я их в сушилку отправил, товарный вид восстанавливать, и снова в бараки веду. И уже поторапливаться надо, смена моя в полдень по местному заканчивается, пора и дежурство сдавать…

Привожу я их к тому же младшему-один. Посмотрел он на них так недовольно, обнюхал со всех сторон. Ладно, говорит, давай сюда документы на партию. Я ему: какие еще документы? Он мне: ну, как какие? Они же не с неба сюда свалились, их должны были принять, занести в базу данных, а затем уже передавать, согласно акту и описи. Я ему было, объяснять, да, упали, и притом с неба, пятнадцать голов, все на месте, руки-ноги в комплекте, я есть помощник дежурного по посадке, лицо, значит, полномочиями и ответственностью наделенное. А он уперся: без документов не приму, и все. И вообще, уводи их отсюда, у меня, мол, вот-вот бригады на кормежку возвращаться начнут.

И повел я их обратно в мойку… Ну, а куда еще, не в грузовой же отсек их снова запихивать?! Вызываю по браслету моего шефа – так мол и так, без документов ни в какую. Он, конечно, ругаться начал, а потом поостыл. Ладно, говорит, смену я за тебя сдам, но с этими сам разбирайся. Оформи уж все документы, сдай, и можешь идти отдыхать.

Отдыхать, как же… Вызываю помощника по хозчасти, докладываю. Спрашиваю: как быть? Он помялся так, подумал, и говорит: принять-то мы их сможем, а кто сдаст? По инструкции положено: кто привез, тот акт сдачи-то и подписывает! А кто привез? А эта вот шишка из штатских, что сейчас в госпитале лежит, в отсеке интенсивной терапии. Как придет в себя, так пусть акт сдачи и подпишет. А когда еще он придет? Интенсивная терапия – это тебе не что есть как, а как есть – пара суток и не меньше!

В общем, сижу я, на местных смотрю. И они на меня смотрят. И показывают, знаками опять, что хорошо бы и перекусить. Я им: вы ж, сволочи, нигде не числитесь, кто на вас еду выдаст?! И вдруг вспоминаю: есть у нас в дежурке специально для таких случаев целый ящик с походными пайками! Командую им: сидите здесь смирно и никуда не вылезайте, а то хуже будет! И про себя уже думаю: да пропади они все пропадом! Лучше бы, действительно, смотались! Так отловят их, глядишь, и найдется, кому акты подписывать.

Возвращаюсь с упаковкой пайков – нет, все на месте. Дисциплинированные, значит. Раздал им, сам один взял, из-за всех этих дел завтрак-то я пропустил, а есть тоже надо. Ну, думаю, сейчас хоть повеселюсь, как они эти пайки вскрывать будут. Нет, доперли, хотя инструкция и не по-ихнему написана. Язычок желтенький нашли, дернули. Я, конечно, тоже. Сидим, ждем. Я – пока не разогреется, они, видимо, жратву изучают. Хотя что там изучать – паек он паек и есть. Брикет из комбикорма,

колбаска из эрзац-мяса и пакет с напитком этим витаминным – гадость страшная, конечно, но голод и жажду утолить можно.

Поели. Я даже разочаровался. Галдели они, конечно, по-своему, удивлялись, но никто ложкой закусить не пытался и даже напитком из пакета не облился. Будто сто раз уже паек этот ели. Скомкал я, как по инструкции положено, упаковку, вышвырнул в угол, чтобы там распадалась, и все думаю, что с ними делать. Тут ко мне один подлез, все просит что-то по-своему, просит. А здоровый же – выше меня! Голодный, видно, одной порции ему мало. Ну, в упаковке как раз два пайка лишних осталось, дал я ему один. Заткнулся, наконец.

И тут у меня идея появилась! Взял я и вызвал нашего старшего-три! Проблема, говорю. Спасайте. Он тоже думал-думал, переговорил с кем-то, а потом и сообщает: есть, мол, выход. Надо их по другим базам распихать. Там только акт передачи нужен. Подпишешь ты его, мол, как помощник дежурного, и дело с концом.

Так оно и вышло. Позвонил я куда надо и пристроил: десять – на базу "Север", а остальных – на "Восток". И двух часов стандартных не прошло – являются мои спасители. Тут с местными вдруг заминка вышла – не хотелось им в катер лезть, еле загнали. Парочку глушить пришлось, ну, этими, нейрохлыстами. Но запихнули. Я расписался, где надо, и помахал им всем ручкой. Летите, голуби… Ну, как тебе история?

— (равнодушно) Ничего.

— Слушай, Первый, что-то ты мне совсем не нравишься! Видно, слишком долго здесь лежишь. Ничего, старший-три говорит, больше полутора дюжин дней в медотсеке не держат. А как выпишут, все опять в норму придет.

— Нет, не придет. И никакой я уже не Первый, да и ты больше не Второй. Я рапорт хочу подать. Об увольнении из рядов.

— Да ты что?! Первый! Что с тобой творится?! Что они с тобой сделали?!

— Меня убили, — серьезно сказал бывший Первый. — Убили в том филлинском городке. Тот солдат, что стрелял последним, он попал не в танк, в меня. Меня прежнего больше нет, Второй.

— Да что ты глупость говоришь?! — Второй чуть не плакал. — Вспомни, что нам в училище говорили, не отождествлять себя с танком! Да и что ты будешь делать на гражданке?

— Работать. Я – дистанционщик, и не из самых худших. Для меня работа найдется.

— Ну да! На шахте комбайном управлять, руду дробить! Очнись, Первый! Вспомни, как тебе нравились наши миссии! Как

ты мечтал о звездах! Ты же танки водить учился, танки! *Это* твоя работа!

— Это *была* моя работа. И знаешь, в чем она заключалась? Мы должны были убивать, убивать по-настоящему, убивать, не рискуя самому быть убитыми! Я больше не могу. И не стану. А звезды… Я их уже увидел. Да и куда они от меня денутся?! Я решил.

Уже за порогом медотсека Второму пришла в голову странная мысль. Они с Первым провели шестнадцать дней назад один и тот же бой, но как по-разному они его восприняли! А интересно, как бы рассказали сегодняшнюю историю филлинские пленные? Те самые, рядом с которыми он провел сегодня несколько часов, но так и не сумел их понять?…

Они провели в кромешной тьме целую вечность. Если бы не светящиеся стрелки часов, Собеско никогда бы не поверил, что на самом деле прошло немногим более полусуток. Страх, отчаяние, истерика, слепой полет в никуда – все это было уже позади, и на всех навалилась тяжелая дремотная апатия. Несколько часов назад, когда их летающая тюрьма поднялась в воздух, кого-то стошнило, и весь тесный отсек, где они сидели почти вплотную друг к другу, заполнял кислый запах рвоты, от которого самому хотелось блевать. Но оказалось, что и к этому запаху можно притерпеться.

— Эй, мужики, что делать будем? — внезапно прозвучал из темноты чей-то неуверенный голос.

— А что делать? — прогудел ему в ответ рассудительный бас. — Ждать, наверное.

— Да не могу я ждать! — в голосе говорившего ощущались подлинно трагические нотки. — Приспичило, сил нет! Пусть выпускают, нелюди, а то я не выдержу, обделаю тут все, им же хуже будет!

Вопрос оказался актуальным, и в темноте вспыхнула оживленная дискуссия. Проходила она с небольшим преимуществом осторожных, предлагавших терпеть и ждать, дабы не нарываться.

— В чем проблема? — вполголоса спросил Даксель Кена Собеско. — О чем они спорят?

Кратко и тоже вполголоса, чтобы не привлекать излишнего внимания, Собеско посвятил Дакселя в суть спора.

— И всего-то делов?

Даксель, судя по издаваемым им звукам, поднялся во весь рост.

— Эй, вы, там, олухи синерожие! А ну открывайте, тут

человек в парашу просится! — закричал он, изо всех сил замолотив кулаками по загудевшему металлу.

Все спорщики испуганно затихли.

— Зря это он, — с укоризной произнес рассудительный бас.

И вдруг снаружи что-то лязгнуло, и широкий люк – ворота их тюрьмы – начал медленно открываться.

— Выходит, надо было только постучать – они и открыли? — громогласно удивился кто-то, судя по голосу, Рико, простецкого вида мужик лет сорока, который отличался несколько замедленной реакцией или, попросту говоря, тормозил.

Эти слова и, особенно, интонация, с которой они были произнесены, вызвали всеобщий немного истеричный смех. Так, смеясь, все высыпали наружу, с удовольствием подставив лица прохладному ветру, особенно приятному после смрадного отсека.

Кажется, Кен Собеско был готов ко всему. Он ожидал увидеть невероятную технику пришельцев, концлагерь с бараками, вышками и колючей проволокой, вооруженных конвоиров или вообще что-то неожиданное и невероятное. Однако выглядело все как-то очень буднично. Широкая ровная площадка, покрытая чем-то вроде очень гладкого бетона, серого с коричневым оттенком, с двух сторон – глухие стены каких-то длинных низких зданий, сложенные из огромных прямоугольных блоков. Справа и позади – если стоять спиной к доставившему их сюда самолету – обширное выжженное плоское пространство. Очень ровное, очень чистое пожарище, только кое-где нарушают однообразие еле заметные кочки – остатки сгоревших дотла кустов. Вдали виднеется полоса черных остовов деревьев.

И только двое пришельцев. Одеты в совершенно нормальную одежду, без всяких футуристических серебряных комбинезонов. У одного, совсем молодого на вид, серо-голубой френч с рядом металлических застежек и стоячим воротничком, узкие прямые штаны того же цвета и черные полусапожки без шнурков и застежек. На втором – постарше, пониже и поплотнее – явно рабочая форма. Темно-серая, почти черная, со множеством карманов, из одного торчат рукоятки каких-то инструментов.

Собеско машинально поискал на форме пришельцев (а в том, что это была именно военная форма, он почему-то не сомневался) знаки различия и обнаружил на обоих рукавах серо-голубого френча синие треугольники вершиной вверх. Такой же треугольник был нашит и на нагрудном кармане. У второго пришельца на груди были две вертикальные полосы – широкая и узкая, а на рукавах от плеч к локтям тянулись по два серых шнура – один витой и толстый, а второй узкий и напоминающий шнурок для ботинок. Собеско решил, что пришелец со шнурами,

очевидно, имеет звание, в лучшем случае, сержанта, а вот серо-голубой, наверное, офицер, но вряд ли в больших чинах – что-то вроде лейтенанта. Похоже, особого интереса их прибытие не вызвало.

Тем временем бригада сгрудилась в тесную кучку на полпути между люком и пришельцами. Некоторое время двое пришельцев и филиты молча смотрели друг на друга.

— Пи-ить! — внезапно нарушил тишину чей-то жалобный голос.

Это послужило сигналом. Все вдруг заговорили, разом и вразнобой.

— Пить дайте, пи-ить! — надрывались одни.

— В парашу пустите, нелюди! — гнул свое Шелни, хулиганистого вида парень лет тридцати, до войны служивший то ли проводником на железной дороге, то ли шофером-дальнобойщиком.

— Отпустите, я горданский гражданин! — просительно гудел верзила-бригадир.

— Постойте, замолчите, давайте по очереди! — пытался навести порядок рассудительный бас, но все его усилия пропадали втуне.

Каждый при этом пытался не только перекричать соседа, но и вылезти вперед из-за чужих спин, поэтому все стали понемногу приближаться к неподвижно стоящим пришельцам, охватывая их полукольцом.

Собеско, стоящий вместе с Дакселем несколько поодаль, заметил, как лицо пришельца в серо-голубом френче начинает приобретать затравленное выражение. В его руке вдруг появился небольшой пистолетик с длинным и тонким стволом. Выглядел этот пистолетик совершенно несерьезно, но Собеско уже хорошо знал, что к оружию пришельцев следует относиться с уважением.

— Отойдите назад, — негромко посоветовал он, но этот совет прозвучал как приказ. — Тихо все. А то еще выпалит с перепугу…

Собеско послушались. Не захотел угомониться только один Шелни, просто приплясывающий от нетерпения.

— Параша где тут у вас, параша?! Да не смотри ты так, идиот! Не могу я больше, не мо-гу! Вот придурок, не понимает!…

Сплюнув от негодования, Шелни с совершенно отчаянным видом повернулся спиной к пришельцам и спустил штаны.

— Чего это он? — вдруг удивился Рико.

— Ну, приспичило человеку, — терпеливо объяснил сосед. — Ждать уже сил не было.

— Так и у меня нет! — Рико несмело потоптался и неторопливо присел рядом с Шелни.

Через минуту стоять оставались только Собеско с Дакселем и пришельцы, наблюдающие за всем этим с видом полнейшего обалдения.

— Пожалуй, не стоит отрываться от коллектива, — шепотом посоветовал Собеско Даксель. — Тем более, что следующая возможность, думаю, представится не скоро.

Покончив со всеми делами, бригада снова собралась несколько в стороне от загаженного участка. Собеско, глядя на по-прежнему оторопело молчащих пришельцев, показал себе на рот, живот и сделал несколько жевательных движений. Он и в самом деле был очень голоден, так как не ел уже почти сутки.

Его жесты вызвали неожиданно бурную реакцию пришельца в черном. Он что-то яростно завопил, размахивая руками и показывая то на филитов, то на плоды их трудов.

— Ох, не стоило им напоминать, — испуганно прошептал Кену Собеско обладатель рассудительного баса. — А то еще заставят свое же дерьмо есть…

Однако у второго пришельца было на этот счет свое мнение. Выслушав тираду напарника, он что-то коротко сказал ему, надменно отвернулся и недвусмысленно махнул пистолетом в сторону пустоши – пошли, мол.

Идти по пожарищу было нетрудно – дожди успели прибить пыль, а земля уже в меру просохла и не липла к подошвам. Длинные одноэтажные здания без окон по левую сторону кончились, и взорам предстали два исполинских космических корабля, стоящих посреди обширного поля. До ближайшего из них было, наверное, не меньше двух километров, но он все равно казался чудовищно громадным, возвышаясь над короткими пузатыми башенками, длинными коробками зданий и штабелями каких-то материалов. Знакомые серебристые самолеты пришельцев с короткими крыльями, выстроенные рядами на широкой бетонной площадке, казались рядом с ним игрушечными, а снующие вокруг них люди – муравьями.

— Вот это да! — с благоговением прошептал Даксель. — Кен, это и в пустыне был такой?

— Нет, — покачал головой Собеско. — В пустыне был поменьше, типа того, дальнего. Но этот, конечно, — настоящий гигант. Высотой, наверное, с десятиэтажный дом, а то и выше, а кажется почти плоским!

— Вот силища! — пробормотал Даксель. — Не понимаю, как мы еще могли думать, чтобы с ними воевать…

— Я не понимаю другого, — пробормотал в ответ Собеско. — Зачем они с нами начали воевать? Достаточно было посадить парочку таких кораблей недалеко от Шилги, и можно было уже

выдвигать любые требования и ждать их выполнения.

Даксель ничего не ответил. Остальные тоже шагали молча или вполголоса переговаривались о чем-то. Очень хотелось пить и есть, но никто не отваживался напомнить пришельцу об этом. Гигантские корабли на горизонте притягивали к себе взгляды и отнимали волю.

Наконец, впереди появились несколько темно-серых длинных одноэтажных бараков (похоже, любимая архитектура пришельцев), обнесенных забором из частых нитей проволоки с необычно высокими столбами, на вершинах которых что-то поблескивало.

— Пришли, похоже, — вздохнул Даксель. — Интересно, куда же это мы попали?

— В местный мини-концлагерь, — мрачно сказал Собеско. — Вот тебе и бараки с колючей проволокой, а за ними – явно какие-то каменоломни или что-то в этом роде.

— Я не о том, — отмахнулся Даксель. — Как ты думаешь, в какой мы стране?

— Интересный вопрос, — задумался Собеско. — Давай будем рассуждать логически. Во-первых, мы на равнине, я бы сказал, очень ровной равнине. Ни гор, ни даже возвышенностей вокруг не видно. Значит, не северная Гранида и не западные провинции Шуана. Добрая половина Вилканда, западный Барганд, картайские горные районы, понятно, тоже исключаются. Второе. На моих часах – половина шестого по горданскому времени. Небо затянуто тучами, так что положение солнца определить нельзя. Но мне кажется, что полдень еще не скоро, значит, очень далеко на восток нас завезти не могли. Опять же, довольно прохладно и сыро, поэтому мы вряд ли намного южнее Срединного моря… В общем, мое мнение таково: центральный Вилканд, южная или центральная Гранида либо северное Заморье где-то в районе границы между Картаем и Шуаном. Жаль, все вокруг выгорело, по растительности можно было бы точнее сказать…

Бараки, тем временем, были уже совсем рядом. Было видно, что проволока между столбами покрыта не привычными колючками, а загнутыми крючками, острыми и зазубренными как гарпуны. На вершинах некоторых столбов стали заметны маленькие блестящие шарики с рожками, напоминающие миниатюрные морские мины. Между бараками были протянуты веревки, на которых сушилось чье-то белье, но нигде за проволокой не было видно ни души.

Затем перед ними появились самые обычные двухстворчатые ворота, выкрашенные мерзкой грязно-зеленой краской, и что-то вроде проходной. Над входом в проходную нелепо торчала из

стены передняя часть обычной валезской малолитражки "Аско Дексия".

— Вот уроды! — засмеялся кто-то рядом. — Нашли украшение!

Дилер Даксель не без интереса осмотрел висящую на высоте трех метров половину автомобильчика.

— А номер-то не шуанский, — задумчиво сказал он как бы между прочим. — И не баргандский…

— Что? — Кен Собеско тоже поднял голову.

Номер как номер: прямоугольная табличка, толстые белые буквы и цифры на черном фоне – две буквы, четыре цифры, снова буква…

— А номер, похоже, наш, — громко сказал он, перейдя на родной язык. — Две первые буквы – "ТА". Тамо?

— Точно, наш, — авторитетно подтвердил Шелни. — Я везде ездил, знаю. Такого номера, белое на черном, ни у кого больше нет. Только в Арахойне, кажется.

— Выходит, мы опять дома оказались, — подытожил рассудительный бас. — Вот уж, воистину, каждый путник рано или поздно возвращается…

— Так мы где, в Граниде? — перебил его Рико. — Опять?! Да что же это такое! Это же сколько ехали, браслет золотой, бабкин, за проезд отдать пришлось! Серьги женины, с камушками! А тут обратно вернули!…

— Знал бы, никуда и не ехал! — Шелни очень точно воспроизвел и голос Рико, и его жалобно-негодующую интонацию, заставив всех окружающих покатиться со смеху.

За всем этим Собеско даже не заметил, как из двери проходной вышел еще один пришелец, одетый точно так же, как и их конвоир, но не с одним, а с тремя синими треугольниками на рукавах. Со скучающим видом он оглядел смеющихся филитов, зачем-то помахал рукой перед лицом сверху вниз (в Граниде этот жест означал дружеское приветствие), скорчил брезгливую мину и вступил в какие-то препирательства с первым пришельцем. В это время он больше всего походил на работорговца, встретившего новую партию невольников, а Собеско поймал себя на том, что подсознательно ждет, когда пришельцы, наконец, ударят по рукам, и один из них полезет в кошелек за деньгами.

Однако со сделкой так ничего и не вышло. Пришелец с тремя треугольниками вдруг развернулся и скрылся в домике проходной, захлопнув за собой дверь.

— Что, сорвалось? — громко позлорадствовал кто-то, кажется, Шелни.

Собеско был настроен менее легкомысленно. Судя по

растроенно-озлобленному виду конвоира, у него и в самом деле что-то сорвалось. Пришелец с тремя треугольниками, очевидно, офицер более высокого ранга, в чем-то отказал ему, и Собеско опасался, что это может отразиться и на них.

Около минуты они стояли на месте. Затем пришелец, по-видимому, принял какое-то решение. Достав свой пистолет, он махнул им в обратном направлении – вернемся, мол, на исходные позиции. На новые просьбы пить, подкрепляемые жестами, он не прореагировал.

На этот раз пришелец привел их к одному из зданий между кораблем-гигантом и пожарищем. Серая безликая коробка ничем не отличалась от десятка своих соседок и имела в торце огромные ворота во всю стену и крохотную калитку сбоку. Повозившись, пришелец отворил ее и красноречивым жестом приказал заходить.

Внутри было довольно светло – крыша у здания-коробки была прозрачной. При этом напоминало оно, правда, не оранжерею или теплицу, а какое-то промышленное сооружение. Сходство с заводским цехом придавал ему некий агрегат непонятного назначения, находящийся метрах в десяти напротив запертых ворот. Почти от одной стены до другой и от стеклянной крыши до пола протянулась завеса из грязно-белых вертикальных пластиковых лент, за которой по бокам виднелись ряды высоких цилиндров, опутанных трубами. От ворот к завесе вел длинный низкий помост шириной около пяти метров, на котором стояло что-то вроде салазок.

По команде пришельца все они немного с опаской поднялись на помост. Не то, чтобы они чего-то всерьез боялись – убивать их явно никто не собирался, да и установка посреди помещения не выглядела зловещей – пугали неизвестность и полная невозможность понять логику и предугадать поступки пришельцев. Внезапно что-то лязгнуло, и помост под ними пришел в движение. На самом деле он оказался лентой транспортера, медленно подтягивавшего их к таинственному занавесу. Кто-то испуганно втянул голову в плечи, Шелни попытался соскочить, но грозный окрик пришельца и отмашка пистолетом заставили его отпрянуть обратно.

Белые пластиковые ленты, неожиданно мягкие и гибкие, проскользнули по ним, и они въехали внутрь неведомого агрегата. Транспортер остановился, и Собеско с интересом огляделся по сторонам. Впереди – точно такой же занавес из белых пластиковых лент. Сверху и с боков – ряды широких пушистых валиков, через щели между которыми просачивается свет. "Да это же мойка! — понял вдруг Собеско. — Обычная

автомойка, только большая!" И тут в подтверждение его догадки отовсюду ударили струи воды.

Вода! Что может быть приятнее?! Собеско подставил пересохший рот потокам воды и тут же понял свою ошибку. Вода была горячей, почти обжигающей, но, хуже всего, она была мыльной и скользкой на ощупь и оставляла после себя мерзейший привкус моющего раствора. В довершение всего эта жидкость (водой ее называть, пожалуй, не стоило) издавала мощный аромат, похожий на запах свежей зелени. Этот запах не раздражал, его можно было назвать приятным, но его, если можно так выразиться, было слишком много.

Более издевательско-утонченной пытки для страдающих от жажды людей нельзя было и придумать. Тугие горячие струи били по лицу и пытались сбить с ног, в воздухе стоял ароматный зеленый туман, вода была со всех сторон, вода была всюду, но ее нельзя было пить! Спотыкаясь, падая и кашляя, Собеско добрался до стены из вращающихся валиков и, не обращая внимания на жесткую щетину, елозящую по ушам, всунул голову в промежуток между ними, подальше от ревущих водяных струй. Так, по крайней мере, можно было дышать.

К счастью эта, с позволения сказать, душевая длилась не так уж и долго. Потоки воды, наконец, перестали обрушиваться на них, рвущий горло туман всосали мощные вытяжные трубы, а транспортер под ногами снова задвигался, вывозя полуживых филитов на свежий воздух. Пришельцам следовало отдать должное хотя бы в одном – их моющий раствор не раздражал ни глаза, ни кожу даже в самой зверской концентрации, но вкус у него был преотвратнейший. Говорить никто не мог – все мычали, показывая пальцами на свой рот, и только тогда пришелец, кажется, смилостивился.

Не особенно-то и торопясь, он подтянул откуда-то тонкий длинный шланг и пустил в пол слабую струйку. Рико, наверное, пострадавший больше всех, отталкивая остальных, первым прорвался к вожделенной струе и начал жадно глотать вытекающую из шланга воду, но тут же его стошнило пузырящейся зеленой жижей.

Остальные поспешно отпрянули от шланга, как от змеи – какую еще гадость придумал пришелец?! Кто-то корчился, пытаясь вызвать у себя рвоту, но не получалось. У пришельца на лице появилось выражение брезгливости. Он поспешно приподнял шланг и начал сам пить из него, обливая свой серо-голубой мундир. Сделав с десяток глотков, пришелец снова развернул шланг в сторону филитов и сделал понятный приглашающий жест: хотите, мол, пить – подходите. На этот раз

отказываться не стал никто.

После прохладной и достаточно чистой воды всем стало легче. Во всяком случае, стоять на ногах могли все. Пришелец тем временем, увеличив напор, смыл все следы рвоты, затем выключил воду и снова показал в сторону транспортера, который упирался в еще одну завесу.

— Ему что, недостаточно? — простонал кто-то.

Вставать на ленту не хотелось никому.

Пришелец, кажется, покровительственно усмехнулся (мимика, вот что было у них неожиданно понятным). Взяв большой переносной пульт, он подошел ко второму занавесу, раздвинул в стороны пластиковые ленты (стали видны дырчатые металлические стенки) и нажал на пульте какую-то кнопку. Раздалось гудение, и со стороны завесы повеяло теплым воздухом.

— Сушилка! — догадался Шелни.

Против сушилки никто не возражал. Почти все разделись догола, подставляя мокрую одежду и обувь потокам горячего воздуха. Сохло все удивительно быстро.

После сушилки снова захотелось пить, но пришелец уже не обращал внимания на просьбы и знаки. Еле дождавшись, пока все оденутся, он вывел своих поднадзорных наружу и снова повел их к баракам.

Пришелец с тремя треугольниками на рукавах и на этот раз был больше всего похож на опытного работорговца. Как минимум, дважды он обошел вокруг выстроенной у ворот бригады, придирчиво оглядел их, чуть ли не обнюхал и, очевидно, удовлетворенный осмотром (после санобработки бригада благоухала как молодая весенняя роща, а их рабочая одежда, по-прежнему оставаясь старой и рваной, по крайней мере, стала чистой), буркнул их конвоиру что-то одобрительное.

— Наконец-то, — проворчал Собеско с явным облегчением.

Походы туда и обратно на голодный желудок изрядно утомили его. Теперь хотелось, чтобы все поскорее закончилось – все равно, чем.

Однако пришельцам и в этот раз не удалось договориться. Офицер с тремя треугольниками после короткого спора что-то сказал собеседнику, вполне по-человечески развел руками и снова скрылся в проходной, захлопнув за собой дверь. "Их" пришелец, мрачно проводив его взглядом, с досадой хлопнул ладонями по бедрам, а затем, повернувшись к филитам, устало махнул им рукой – пошли, мол, назад. Пистолет он уже и не вытаскивал.

"Издевается, — сердито думал Собеско, пока они тащились

обратно по своим следам. — Да нет, впрочем, это не издевательство. Просто пришелец считает нас не людьми, а скотом или, скорее, машинами. Как они назывались в той книжке, роботами, что ли?… А интересно, есть ли у пришельцев роботы? Нет, наверное. Иначе им вряд ли были нужны мы. А вот какие-то рабы у них есть наверняка, уж очень привычно они с нами обращаются…

— Плохо не знать инопланетные языки, — негромко сказал бредущий рядом Даксель.

— Что? — Собеско сбился с мысли.

— Говорю, плохо, что мы не знаем языка пришельцев. Мы не понимаем их, они – нас. Мы даже не в состоянии уяснить, что происходит.

— Ты думаешь, тебе бы очень помогло, понимай ты их язык? — хмыкнул Собеско. — Они чужие, совсем чужие. Они совершенно не такие как мы. Да и ты что, думаешь о чем-то с ними договариваться?

— С горданцами они как-то договорились, — заметил Даксель. — И ты не прав, Кен. Они не настолько отличаются от нас. У нас и у них очень похоже выражаются эмоции, и я уверен, что мы бы смогли понять их логику, если бы понимали их речь. Да и будь они хоть десятиногими тараканами, но раз у них есть какая-то общественная структура, есть родственные или дружественные связи, есть иерархия, все эти отношения укладываются в известные нам схемы. Понимаешь, Кен? Их начальники, наверняка, так же как и у нас поощряют или наказывают подчиненных. Их различные службы наверняка соперничают и интригуют друг против друга. У них есть какие-то законы, привычки, традиции, которым они подчиняются. Я уверен, если бы мы понимали, о чем только что говорили два пришельца, мы бы поняли, почему они не договорились ни в первый, ни во второй раз.

— Пусть так, — пожал плечами Собеско. — Но что это тебе дает?

— Узнаю военного, — засмеялся Даксель. — Врага не изучают, его уничтожают. Но если мы сможем понять их, мы научимся предугадывать их поступки и, вероятно, нам удастся этим воспользоваться. Хороший управленец – всегда немного психолог, Кен. А что такое управление людьми как не умение влиять на них, теми или иными способами заставляя делать их то, что нужно тебе? И учти, авторитет начальника – это только один из способов управления, причем не самый оптимальный.

— Ты, однако, оптимист, — усмехнулся в ответ Собеско. — Чтобы влиять на пришельцев, нужно, чтобы они хотя бы

обращали на нас внимание. А вот ты попробуй, скажем, заставить этого пришельца накормить нас!

— Представится возможность, попробую, — серьезно сказал Даксель.

Собеско скептически пожал плечами. По его мнению, говорить с пришельцами было не о чем, а искать в них человеческие чувства – бесполезно.

Тем временем пришелец, не мудрствуя лукаво, снова привел их к той же мойке. Опять немного повозившись с боковой калиткой, он широко распахнул ее, жестом приглашая всех внутрь.

— Не надо! Я больше не хочу! Я уже чистый! — запротестовал Рико, вызвав несколько коротких смешков, но пришелец, не обращая на него внимания, махнул рукой куда-то в угол.

Все с облегчением уселись прямо на покрывающие пол большие квадратные плитки, похожие на керамические, а пришелец, не глядя ни на кого, расстегнул и оттянул рукав мундира. Обнажился широкий черный браслет. По-прежнему не обращая внимания на филитов, пришелец деловито нажал на бока браслета, и из него внезапно выдвинулись в сторону локтя и ладони два небольших черных прямоугольника. Видно было плохо, но на одном из этих прямоугольников, похоже, находились какие-то кнопки. Пришелец потыкал в него пальцем – при этом раздалось несколько тихих писков разной тональности, а затем приложил руку с браслетом к уху и начал с кем-то беседовать.

— Рация или переносной телефон, — с интересом прошептал Даксель. — Здорово! Впервые вижу у пришельцев что-то по-настоящему новое и полезное.

— Ага, полезное, — проворчал Собеско. — Это с такой штукой бесполезно говорить, что, мол, дома не было или на работе. Найдут тебя где угодно.

Пришелец закончил говорить. Судя по всему, он услышал совсем не то, на что рассчитывал, так как вид у него был явно невеселый. Приведя браслет в прежний вид и снова застегнув рукав, он мрачно посмотрел на сидящих у стеночки филитов. Даксель немедленно воспользовался этим, чтобы показать себе на рот и притягательно подвигать челюстями.

Пришелец отреагировал на это длинной ворчливой фразой и вдруг его лицо оживилось, будто он внезапно вспомнил о чем-то. Поискав глазами, он выбрал горданского бригадира, даже в сидячем положении возвышавшегося над всеми как башня, показал на него пальцем, обвел рукой всех сидящих вокруг филитов, а затем ткнул пальцем в пол. Подумав, еще раз повторил всю процедуру, добавив к ней еще несколько жестов.

Показал на выход, затем вытащил и погрозил своим пистолетом, еще раз вытянул палец в сторону горданского бригадира и, наконец, приложил сложенные щепотью пальцы к губам и скорчил гримасу.

Ладонь у пришельца была какая-то очень широкая, и Собеско вдруг сообразил, что у него на руках не пять пальцев, а шесть.

Закончив наставления, пришелец еще раз ткнул пальцем в пол и быстро вышел, почти выбежал, захлопнув за собой боковую калитку.

— Что это он? — снова удивился Рико.

— Это он за едой для нас пошел, — важно объяснил бригадир-горданец. — А меня старшим оставил. Приказал сидеть здесь и ждать его. И не поднимать шума.

Шелни встал и, крадучись, подошел к двери. Он осторожно открыл ее, выглянул наружу и снова закрыл.

— С ума сойти! — возбужденно проговорил он. — Никого нет! А давайте все чухнем отсюда – на рывок! А? Что нам терять?!

— А ну, сядь на место! — свирепо рявкнул бригадир. — Пока я здесь старший – никаких побегов! Садись, я кому сказал?!

Но Шелни оставался стоять, переводя взгляд то на одного, то на другого из сидящих и ожидая поддержки.

— Побег – это слишком рискованно, — поддержал бригадира рассудительный бас. — Мы даже не знаем точно, где находимся. Садитесь, не стоит раздражать пришельцев, пока мы находимся в их власти.

Собеско переглянулся с Дакселем.

— Без шансов, — пробормотал Даксель. — Кругом открытое место. Не уйти.

Собеско молча покачал головой, но Шелни по-прежнему стоял, поглядывая на дверь.

— На место сядь, я сказал! — бригадир, массивный как медведь, стал медленно приподниматься.

В ответ зашевелился и Собеско. Идею о побеге он не поддерживал, но дать отпор зарвавшемуся горданцу было необходимо. Пусть он еще не полностью здоров, но этот тяжеловес, немолодой и обладающий грацией комода, вряд ли был опасным противником.

— Бежать? — вдруг проснулся Рико. — А куда бежать? Не позавтракав?

Это разрядило обстановку. Все рассмеялись. Шелни, хлопнув Рико по плечу, сел на свое место, а Собеско впервые подумал, что Рико, возможно, не так прост, как кажется.

Пришелец отсутствовал около двадцати минут. Вернулся он с большой картонной коробкой, наполненной пакетами из фольги,

размерами и формой напоминающими кирпичи.

На одной стороне пакета было несколько рядов непонятных черных знаков.

— Очень интересно, — пробормотал Даксель. — Пришельцы пишут как мы, слева направо. И у них есть алфавит, только букв что-то маловато…

Собеско пожал плечами. Он не чувствовал себя достаточно компетентным в этих вопросах.

— Скажи лучше, что теперь с ним делать? — прошептал он.

Пришелец тоже взял себе один пакет, но не торопился его открывать, с интересом наблюдая за филитами.

— А что делать? — хмыкнул Даксель. — Видишь этот желтый язычок? Нужно взяться за него и тянуть.

— Почему за него?

— А больше не за что.

В подтверждение своих слов Даксель потянул за желтый язычок, за которым легко отошла узкая полоса фольги по периметру пакета. Глядя на Дакселя, все остальные повторили его действия, а затем то же самое сделал и заметно разочарованный чем-то пришелец.

— Посмотрим дальше, — Даксель входил в роль первооткрывателя.

Внутри пакет состоял из трех отделений. В одном, самом большом, был прямоугольный белый брикет, состоящий, судя по всему, из чего-то наподобие спрессованной мелкой крупы, в другом – длинная тонкая колбаска, в третьем – еще один пакетик из фольги, сбоку к которому была прикреплена запаянная в целлофан пластиковая трубочка со срезанным наискось краем. В отдельном гнезде лежал и столовый прибор – пластмассовая вогнутая прямоугольная лопаточка с острыми боковыми краями.

Внезапно Собеско почувствовал, как пакет отвердевает у него в руках, а изнутри его вдруг пошел легкий пар.

— Спокойно! — скомандовал он больше для себя, но его слова возымели действие и на остальных.

Рико, готовый отбросить парящий пакет от себя, словно ядовитую змею, шумно перевел дух и слегка расслабился. Возможно, ему помогла и невозмутимость пришельца, не обращавшего на поведение своего пакета ни малейшего внимания.

Пакет был уже совсем жестким, и Собеско ощутил исходящий от него жар. Вынув из гнезда лопаточку, он осторожно отломил ей кусочек брикета и, сопровождаемый взглядами всех остальных, отправил его в рот. Повторил операцию с колбаской и, наконец, проткнув малый пакетик трубочкой в том месте, где это явно

указывал белый кружок, сделал несколько глотков.

— Съедобно, — сообщил он во всеуслышание.

Брикет был чуть солоноватым на вкус и во рту распадался, действительно становясь похожим на кашу. Колбаска вряд ли целиком состояла из мяса, но в горячем виде была совсем не дурна. Лучше всего был напиток. Горячий, густой, он походил на наваристый мясной бульон и хорошо утолял жажду. Собеско старался только соблюсти приличия и не слишком торопиться – перед пришельцем надо было держать марку.

Одним из первых расправился со своей порцией горданец-бригадир. Он смотрел, как пришелец, доев, скомкал потерявший к тому времени жесткость пакет и зашвырнул его в дальний угол, и вдруг каким-то неожиданно быстрым движением подполз на коленях к нему.

— Господин офицер, — просительным тоном произнес бригадир по-гордански. — Вы разберитесь, пожалуйста. Я гражданин Горданы, ваш союзник, выходит, попал сюда по недоразумению. Сообщите вашему начальству, прошу вас. Пусть меня отправят домой. Снизойдите, окажите милость, покорнейше просим. Я ведь за порядком проследил, помните?…

Пришелец недоуменно смотрел на бригадира, а затем… вытащил из коробки еще один пакет с пайком и протянул его горданцу. Тот оторопело взял его, молча вернулся на свое место и начал есть. Несколько человек обидно захохотали.

В это время пришелец поднялся на ноги и возобновил свои манипуляции с браслетом. Собеско, прислушиваясь к интонации, попытался угадать, о чем он может говорить.

Разговор. Явно у него какие-то проблемы… Даксель прав: таким тоном может говорить только подчиненный с непосредственным начальником. Докладывает… Запрашивает инструкции… Хотя не факт, что это он о нас, не факт!… Долгая пауза. Очень долгая… Вот, наконец. Продолжил. Короткие реплики, паузы. Интонация обрадованная. Что-то хорошее ему там сказали, знать бы, что…

Закончил. Взгляд влево, взгляд вправо, глубокий вздох. Это он с духом собирается, что ли?… Есть контакт. Что-то голос у него какой-то подрагивающий… Что же для него до такой степени важно?! Даксель снова прав: эх, знать бы, о чем он просит!…

Похоже, получилось. Снова набирает… Разговор. Интонация уверенная, тон вполне деловой. Длинные паузы… Голос дрогнул, ох, не спроста это, не спроста. Что-то для него очень важное там решается и, похоже, опять в его пользу…

Перерыв минут на пять. И еще два разговора, один за другим.

Короткие, вопрос – ответ. Интонация спокойная, деловая. Явно что-то только что решилось. Вопрос: касается ли это нас? Очень может быть, но не факт, не факт…

Затем больше часа не было ничего. Они все так же сидели, подпирая стену, наблюдая за нервно расхаживающим взад и вперед пришельцем. Кто-то, впрочем, негромко беседовал с соседом, другие дремали. Неугомонный Шелни попробовал опять заикнуться о туалете, но не был понят и поддержан и утих. По истечении этого часа пришелец начал проявлять все большее возбуждение – садился, вновь вставал, ходил по помещению, сжимал и разжимал кулаки. Когда раздался длинный прерывистый писк, как оказалось, — сигнал браслета, он чуть не разорвал себе рукав мундира. После короткого разговора пришелец обрадовано махнул рукой – подымайтесь. И чуть ли не бегом повел их мимо одноэтажных зданий-коробок на посадочную площадку, кажется, ту самую, на которой они были утром.

На площадке стояли два странных на вид летательных аппарата. Остроносые каплевидные машины, стоящие не на колесах, а на коротких полозьях, с крохотными треугольными крылышками, напоминающими стабилизаторы, и неким подобием хвостового оперения на тонком конце капли. Они казались вытащенными на сушу миниатюрными подводными лодками и, по мнению Собеско, были просто не в состоянии летать.

Однако пришельцев это, похоже, не смущало. С кормы каждого из аппаратов спускался на покрытие широкий трап, и двое пилотов, одетых в серебряные комбинезоны, беседовали о чем-то возле застекленной кабины одной из машин.

Дальше дело пошло быстро. От общей группы отделили пятерых (Собеско, Даксель, Шелни, Рико и молодой невысокий молчаливый мужчина, имя которого Собеско не знал или забыл), и один из серебряных повел оставшихся десять человек к своей машине.

Уже перед самым трапом горданец-бригадир вдруг заартачился.

— Нет! Не надо! Я горданский гражданин, понимаете, гор-дан-ский! Здесь говорит кто-нибудь по-гордански?!

— Успокойтесь, прошу вас, — немедленно попытался его урезонить рассудительный бас. — У вас еще будет возможность заявить свои претензии! Не нарушайте…

— А ты заткнись! — горданец ухватил рассудительного за грудки и как следует встряхнул. — Не лезь! Господин офицер…

Развязка получилась неожиданной. У пилота в серебряном в

руках появилась короткая металлическая трубка, внезапно выросшая в длину до метра с лишним. Конец этой трубки попал в плечо горданцу, раздался негромкий треск, и бригадир рухнул на землю. Рассудительный, потеряв равновесие, взмахнул руками и наткнулся ладонью прямо на кончик трубки. Снова треск, и второе тело валится на бетон.

Что было дальше, Собеско уже не видел. Второй пришелец в серебряном гостеприимным жестом показал их пятерке в сторону трапа другой машины. Ему повиновались молча и быстро.

"Ехать так ехать", — сказала птичка, когда рисса потянула ее из клетки за хвост. Кен Собеско надеялся, что их новое путешествие завершится более удачно.

Глава 45. Своя тема

Часы, деликатно звякнув, пробили половину восьмого, и Майдер Билон поднял голову, отрываясь от пишущей машинки. Ах, да, он же хотел посмотреть выпуск последних известий. Он поспешно включил телевизор и устроился напротив, на низком мягком диванчике, занимавшем немалую часть его крохотной комнатки.

Начало выпуска, как всегда, было неинтересным. Дебаты в парламенте, конфликт в руководстве партии Процветания, очередное продолжение скандала с показом на одном из телеканалов безнравственной картины "Император Гукали", бесчисленные интервью с депутатами… Билон не удивился бы, если бы ему сказали, что все эти сюжеты прямо направлены на дискредитацию в глазах населения института парламентаризма как такового – настолько все было серо, тускло, ограниченно и заполнено склоками и самой дешевой демагогией. Впрочем, будучи здравомыслящим человеком, Билон не верил в заговоры. Этот канал просто показывал народных избранников такими, какими они есть, без всяких прикрас.

Очередная тягомотина наконец сменилась на картинку студии со схематичной картой мира за спиной диктора.

— Продолжается эвакуация населения из стран Восточного континента, — сообщил диктор – Министр иностранных дел Горданы Корчер Бауль в ходе своего рабочего визита в Лиив встретился с премьер-министром Буршуном Танги. Стороны подписали коммюнике, предусматривающее повышение квоты Лиива на прием вынужденных переселенцев до пяти миллионов человек…

Досматривать сюжет, перешедший в протокольное изложение визита, Билон не стал. Можно было прождать еще десять минут и переключиться на новости по другому каналу, но от этого ничего бы не изменилось. Война на Восточном континенте, пришельцы, десятки миллионов смертей, миллионы беженцев – все это находилось под негласным, но строжайшим запретом. Когда без этого нельзя было обойтись, беженцы обтекаемо назывались вынужденными переселенцами, пришельцев с придыханием именовали Звездной Империей, а война вдруг превращалась в "установление контроля" над некой "зоной интересов".

Как профессионал, Билон понимал, что имеет дело с импровизированной, но весьма неплохо срежиссированной пропагандистской кампанией. Горданцев явно старались убедить, что а: на Восточном континенте ничего заслуживающего

внимания не происходит; б: пришельцы, в принципе, славные ребята и желают Гордане только добра; в: "вынужденные переселенцы" благодаря активным и точным действиям правительства Горданы эвакуируются на Западный континент, но г: интересы простого налогоплательщика от этого никак не пострадают. Эта кампания длилась уже почти четыре недели, начавшись с самого вторжения и реализовывалась, в основном, методом дозирования информации. Ничего конкретного телезрителям не сообщалось, но их внимание ловко отвлекалось на хорошо продуманные и внешне эффектные сюжеты. Например, как вчера, когда показывали супругу президента, раздающую теплые вещи в некоем лагере для беженцев, промелькнувшем на экране в виде нескольких аккуратных рядов армейских палаток.

То же самое происходило и в прессе. Даже Билон, сам журналист одной из ведущих газет страны, почти ничего не знал о том, что происходит на Востоке. Все, что ему удавалось услышать, приходило на уровне слухов, шла ли речь о голоде в Валезе, голодных бунтах и бойнях в "безопасных коридорах", распаде государств на изолированные анклавы или о налаженной эвакуации в северные и восточные районы Чинерты либо реставрации монархии в Барганде.

Не больше он знал, впрочем, и о том, что делается у него на родине. Ходили слухи, что на островах и в отдаленных районах севера и юга страны организованы сотни лагерей для беженцев, где уже скопилось несколько десятков миллионов человек. Поговаривали о том, что их пошлют осваивать Дальний Запад или договорятся с Урумбидой – самым малонаселенным государством Западного континента. Правительство не сообщало по этому поводу ничего определенного, туманно обещая только, что будет способствовать воссоединению родственников, однако в парламенте уже четвертую неделю шли ожесточенные дебаты о финансировании обустройства переселенцев и, в частности, о введении со следующего года пятипроцентного налога с продаж.

Билон не возражал против налога. Он уже успел получить свою первую зарплату за полмесяца в новой должности и чувствовал себя восхитительно богатым человеком. В первые дни после вторжения он испытывал такое чувство, словно бы с кем-то из его близких случилась страшная и непоправимая беда, но через некоторое время боль притупилась. Сейчас, если бы не постоянные раздражающие воспоминания о пришельцах, он мог бы считать себя довольным жизнью.

Слава снова нашла Майдера Билона. Статья о СОП, к его искреннему изумлению, вызвала широкий резонанс. О СОП вдруг стали много писать и говорить по телевидению, Билон даже как-

то видел Ренсера Элаво в каком-то ток-шоу. Приглашали на телевидение и самого Билона, но он отказался. Официально, поскольку журналисту, пишущему на криминальные темы (Билон уже вполне свыкся, что его будущая карьера лежит именно в этой области), не стоит излишне "светиться". В действительности же Билон чувствовал, что здесь сыграло свою роль что-то вроде профессиональной ревности. Билон был газетным журналистом, и ему претила мысль, что для завоевания известности в наши дни нужно обязательно появиться на телеэкране.

Тем более, что на недостаток известности в профессиональных кругах Билон не жаловался. Он знал, что за глаза его называют везунчиком, дважды подряд ухватившим за хвост невероятную удачу, но это его не волновало. Его беспокоило другое: после наделавшего шума материала о СОП в Гамбруке он написал еще две статьи, для подготовки одной из них ему даже пришлось поехать в родной Тиринак (иронично, но свершилось то, о чем он говорил в клубе у Донациллы: в одном из районов Тиринака тоже появился свой СОП), но все это были "не его" темы. В обоих случаях он получал задания от главного редактора. Он выполнил их, и выполнил великолепно, но чувство неудовлетворенности оставалось.

Его нынешняя работа тоже была заданием. Вначале оно показалось ему неинтересным. Обычная бытовая история. Двое подростков развлекались тем, что дразнили собаку своего соседа, и в конце концов разозленный хозяин ударами железного прута раскроил голову одному и раздробил локоть другому.

Билон уже успел встретиться со всеми оставшимися в живых участниками трагедии, видел даже виновника всей истории – небольшого, лохматого и очень энергичного песика, так и просящегося на газетный лист. Его хозяин сидел в камере предварительного заключения. Я больше не мог терпеть, тупо и устало повторял он. Они, эти двое, постоянно измывались над ним, дразнили, бросали в него комьями сухой земли. Когда он пытался делать им замечания, они только дерзили и убегали. Он даже обращался в полицию, но те ничего не захотели сделать…

Домашнего вида мальчик лет шестнадцати, который, наверное, уже никогда не сможет владеть рукой как прежде, был тоже оглушен и подавлен смертью товарища и своим увечьем. Мы в самом деле не хотели ничего плохого, говорил он. Эта собака почему-то невзлюбила их, она постоянно рычала, когда они проходили мимо, несколько раз бросалась или делала вид, что бросится. К тому же она постоянно лаяла, даже ночью, от нее не было всем покоя. Взрослые не хотели портить отношения с ее хозяином, а сам он не реагировал ни на какие просьбы…

Усталый пожилой полицейский, отвечающий за этот участок, печально разводил руками. Да, он знал об этом конфликте, но что он мог сделать? Ребята, действительно, не совершали ничего противоправного, к тому же, они были по-своему правы. А у него не было ни времени, ни полномочий, чтобы сделать что-то реальное. На его участке хватает и хулиганов, и алкоголиков, и наркоманов, они занимают у него все время, а принимать превентивные меры или мирить спорщиков не входит в его обязанности. Без ордера он даже не имеет права придти к ним домой или вызвать кого-либо на беседу, а получить от прокурора разрешение на действия в отношении несовершеннолетних не так-то просто…

Статья уже была почти готова. Билон снова перечитал ее, хотя обычно и не любил вторично просматривать написанные материалы. Получилась грустная и, к сожалению, обыденная история о человеческом взаимонепонимании и о тлеющих конфликтах, перерастающих в трагедии. Конечно, себе в актив ее трудно занести, но пожилые домохозяйки, по сведениям маркетингового отдела составляющие немалую долю читателей "Курьера", будут рыдать и слать прочувственные письма. Авось, под шумок и хозяин пса, производящий впечатление глубоко раскаивающегося человека, получит минимальный срок наказания.

И все-таки, чего-то в статье не хватало. "А интересно, — вдруг подумал Билон. — Сумел бы СОП как-то предотвратить трагедию?" Это была недостающая концовка к его материалу, и Билон, не долго думая, пододвинул к себе телефон и набрал номер Ренсера Элаво.

Элаво был дома.

— Это вы? — обрадовано спросил он. — Вы верите в телепатию? Знаете, я только что о вас думал. Как здорово, что вы позвонили. Благодаря вам…

Он внимательно выслушал рассказ Билона.

— Знаете, мне бы хотелось ответить "да", — задумчиво сказал он. — Понимаете, мы не полиция, мы просто соседи, люди с улицы, мы не связаны никакими предписаниями. И мы, действительно, иногда занимаемся устранением подобных ссор. Пытаемся примирить людей, заставить их как-то договориться друг с другом или, в конце концов, рассудить, если не удается найти взаимоприемлемого решения. Но, честно говоря, я не знаю, сумели бы мы вовремя осознать всю взрывоопасность именно этого конфликта. Правда, теперь мы будем больше заниматься такими вопросами. Можно сказать, вы мне открыли глаза.

— Вас можно будет процитировать? — спросил Билон.

— Пожалуйста, сколько угодно. Мы все перед вами в большом долгу. Кстати, вы не сильно заняты на этой неделе?

— Да пожалуй, нет. — Статья была практически готова, даже с фотографиями, а сдавать материал Билону надо было только через три дня.

— Тогда, если хотите, приезжайте. У нас выборы вскоре намечаются.

— Какие еще выборы?

— Районного префекта. Мы тут одного парня поддерживаем. И вообще, масса интересного. Так как, ждать вас?

Билон задумался. С одной стороны, выборы всего лишь районного префекта в рабочем районе решительно не обещали ничего стоящего. Но с некоторых пор его стало особенно интересовать все, связанное с СОП.

— Я приеду, — уверенно сказал он. — Где и когда нам лучше встретиться?…

В конце концов, все, что он теряет, — это время, которого у него и так в избытке. А вдруг, с кем черт не шутит, эти выборы окажутся его первой самостоятельной темой?

Ренсер Элаво встретил Билона у входа в парк в двадцать минут десятого. Там завершались последние приготовления. Облупленная трибуна, на которой в праздники выступал духовой оркестр, была убрана флагами и плакатами, по ветру колыхались разноцветные воздушные шарики, а из динамика на столбе разносились по всей округе мелодии модных шлягеров. Перед трибуной уже собралось около сотни зевак, и несколько человек сновали среди них, раздавая листовки.

— Странное время и странное место, — заметил Билон. — Будний день, время между завтраком и обедом. На что вы рассчитываете?

— Не скажите, — покачал головой Элаво. — Время как раз самое подходящее. Пенсионеры и мамочки с детьми уже стянулись сюда подышать свежим воздухом, домохозяйки закончили покупки, но еще не слишком спешат. К тому же, прямо напротив – самый дешевый в районе супермаркет и рядом станция метро. Если не здесь проводить митинг, то где же? Да, вы, наверное, не знаете. Это же районные выборы, они по закону считаются состоявшимися, если на них придет хотя бы один избиратель и отдаст голос за одного из кандидатов. Так что все эти бабушки с дедушками для нас – драгоценный резерв.

— Вы меня убедили, — рассмеялся Билон. — Ну что, подойдем поближе?

— Конечно, за тем и пришли. К тому же, сейчас уже

начинают.

Популярная песенка прервалась на полуслове. На трибуне появился плотный мужчина лет сорока пяти с невыразительным и малоподвижным лицом. Агитаторы с листовками бешено зааплодировали, раздалось несколько приветственных криков. Над толпой взмыли два плаката с приветственными надписями: "Дуган Хави – наш префект" и "Хави – это порядок".

— Я приветствую всех вас! Спасибо, что пришли! — мужчина на трибуне воздел руки жестом проповедника, правда, без присущих настоящему проповеднику экспрессии и искренности. — Мое имя Дуган Хави. Я занимаюсь оптовой торговлей продуктами питания, поэтому ваше процветание – это мое процветание! Голосуйте за меня, и я принесу вам это процветание и, особенно, порядок, в котором так нуждается наша страна в это непростое и тяжелое время! Власть в наши дни должна принадлежать энергичным и решительным людям, а не пресыщенным пенсионерам и не разжиревшим и облепившимся чиновникам…

Билон слушал, чувствуя, как в нем нарастает недоумение.

— Послушайте, — наконец, прошептал он Ренсеру Элаво. — Это, конечно, здорово, порядок в государстве, борьба с безработицей и все такое прочее. Но к чему это здесь? Ведь этот ваш кандидат баллотируется не в парламент и не в президенты, а всего лишь на пост районного префекта.

Элаво пожал плечами.

— Не знаю. Так говорят все. Народу это нравится. Да и что еще можно сказать в предвыборной речи? Все равно, решаться все будет не болтовней, а тем, как мы сможем оказать ему поддержку. Эти выступления – только возможность показаться, не более того, а основная работа пойдет в частных беседах, семьях, рабочих коллективах наших дружинников. Мы ведем переговоры со многими предприятиями в районе, чтобы они создали прямо у себя избирательные участки или разрешили сотрудникам отлучиться, чтобы проголосовать. Вы же знаете, выборы состоятся в самый обычный рабочий день.

Билон послушал еще. Первоначальный запал Дугана Хави уже прошел, голос его все больше принимал скрипучую неприятную интонацию, и зажигательные призывы к наведению порядка и борьбе против преступности стали восприниматься как нудная лекция на давно известную тему.

— А вы уверены, что подобрали наилучшего кандидата? — снова поделился он своими сомнениями с Элаво. — Я уже молчу, что он не умеет говорить, в конце концов, не всем же быть ораторами. Но он пытается делать из себя политика, будучи

совершенно не подходящим к этой роли. По-моему, префект – это должность, скорее, управленца, чем политического деятеля, и для него было бы лучше говорить о чем-то конкретном. Неужели он этого не понимает? Откуда вы его вообще взяли? И почему – его?

— Не знаю, — Элаво выглядел немного смущенным. — Этим занимался Дон… то есть, Майдер Донацилла, помните его? Когда старый префект ушел с должности, Харт… Хартен Ринше сказал как-то, что неплохо было бы нам выдвинуть собственного кандидата. Вот Дон и нашел кого-то из своих знакомых. Я его рекомендациям доверяю. Да и в конце концов, не так уж и важно, кто он. Главное, чтобы он нам помогал, когда станет префектом. Будь у нас такая поддержка, вы знаете, что бы мы могли сделать?! Это уже не торговцев травкой гонять или всяких мелких воришек прищучивать. Мы бы тут всю жизнь попробовали бы наладить по-человечески!… А хотите, сами у него спросите? После выступления. Я устрою…

— Хочу, — сказал Билон. — Устройте.

Выступление кандидата тем временем подошло к концу. Дуган Хави спустился с трибуны и пошел в толпу, пожимая руки зрителям. За ним в кильватер двигались несколько человек, которые раздавали большие пакеты с его портретом и броской надписью "Хави – это порядок".

Билон и Элаво стояли несколько в стороне, и Дуган Хави подошел к ним чуть ли не в последнюю очередь.

— Большое спасибо за то, что вы пришли, — заученно и поэтому неискренне улыбаясь, сказал он, пожимая руку Билону.

— Э-э-э… господин Хави, — пришел Билону на помощь Ренсер Элаво. — Это наш человек. Журналист из "Курьера".

— Журналист? — подозрительно переспросил Хави. — Мы не договаривались о журналисте. А о чем вы будете писать?

— Очевидно, о выборах, — сухо сказал Билон.

Хави ему не понравился. Он вспомнил, что с такой же подозрительной интонацией говорил с ним начальник городской пожарной охраны два года назад, когда он собрался взять у него интервью по какому-то пустяковому вопросу. Через месяц этого начальника сняли с должности за растрату.

— Боюсь, у меня нет времени для разговора с вами, — тем временем заявил Хави. — Я тороплюсь.

— Вы хотите, чтобы я так и написал, что вы отказались ответить на пару вопросов? — вкрадчиво спросил Билон.

Этот прием срабатывал почти всегда. Сработал и сейчас.

— Хорошо, — нехотя согласился Хави. — Если пару вопросов, я готов. Только, если можно, недолго.

Билон уже доставал блокнот. Жаль, что он так и не успел

обзавестись дорогим компактным диктофоном, а свой магнитофон величиной с хороший том энциклопедии он сегодня не взял.

— Господин Хави, — сказал он, поспешно строча в блокноте. — Что вы хотите сделать для жителей района в случае своего избрания префектом?

Было видно, что этот вопрос заставил господина Хави глубоко задуматься.

— Префект – это должность государственная, — важно сообщил он. — И моя задача – это навести порядок.

— А что вы вкладываете в это понятие? — немедленно спросил Билон. — Уточните, пожалуйста, для наших читателей.

— Порядок – это порядок, — доходчиво разъяснил Хави. — Чтобы преступности вокруг не было. И люди чтоб порядок знали, не делали, что не положено. Чтобы чиновники над честными бизнесменами не измывались. Все эти постоянные проверки, ревизии, поборы просто губят любое дело в стране. Наша задача – поднять деловых людей на ту высоту, которую они заслуживают. Оградить их от мздоимцев и жадной бюрократии. Прекратить порочную практику, когда всю выгоду получают фирмы, напрямую связанные с властью. Мы можем даже назвать эти фирмы в нашем районе! Но когда мы придем к власти, их развеселой жизни наступит быстрый конец!…

Дуган Хави воодушевился. Все его косноязычие куда-то мигом исчезло. Было видно, что эта тема задевает его за живое.

— Прошу прощения, — Майдер Билон остановил поток его красноречия. — А здесь нет противоречия в том, что вы, кандидат в префекты, сами, как я слышал, занимаетесь бизнесом?

— Честному бизнесмену бояться нечего, — немного невпопад ответил Хави и замолчал, всем своим видом показывая, что ужасно торопится.

Билон понял, что на эту тему он больше не скажет ни слова.

— Последний вопрос. А что, так сказать, подвигло вас на то, чтобы выставить свою кандидатуру на пост префекта? Насколько я знаю, в этом сыграл определенную роль известный нам Майдер Донацилла?

— Э-э-э… — Билон с удивлением понял, что этот невинный вопрос представляет для кандидата в префекты чуть ли не наибольшую сложность. — Э-э-э… Меня… э-э-э… попросили… зная все мои достоинства… И вообще, я извиняюсь, я спешу.

Дуган Хави еще раз пожал руку Билону и словно испарился. Надо сказать, сделал он это очень ловко. У Билона не было практически никакого шанса задержать его новым вопросом.

— Странно… Не понимаю, что на него нашло, — Ренсер

Элаво выглядел очень разочарованным. — Извините, я не думал, что все так повернется.

— Да ничего страшного. — Билону нравился бывший полицейский, и ему не хотелось его смущать. — Я вижу, митинг еще не закончился. Тут еще кто-то будет выступать?

— Да. Еще один кандидат.

— Их всего двое?

— Их четверо. Но один из них – нынешний исполняющий обязанности префекта, а второй – мелкая сошка из префектуры. Так всегда делают, чтобы было, как по закону, минимум, два кандидата. Между прочим, нас долго не хотели регистрировать. Хотите, я расскажу?

— Да как-нибудь в следующий раз, — мягко сказал Билон. — Я пока послушаю следующего кандидата. А почему не будут выступать двое других?

— А оно им надо? Мелкой сошке вообще ничего не светит, он здесь только для галочки. А этому, исполняющему обязанности – да зачем ему вообще нужны эти выступления? За него и так проголосуют все госслужащие в районе, всякие фирмы, которые зависят от префектуры, жители муниципальных домов. Пару тысяч голосов они вообще собираются приписать. Только в этот раз у них ничего не выйдет, мы проследим!… Да, я прошу прощения, мне нужно идти. Если будет желание, найдете меня в нашем предвыборном штабе, помните, где это?

— Да, вы мне говорили адрес.

Билон повернулся к трибуне. Там уже стоял высокий седой человек с жестким, словно вырубленным из камня лицом. С его партийной принадлежностью все было ясно. Поднявшийся ветер развевал за его спиной флаги с эмблемой Движения за демократию. Где-то с краю толпы поднялся одинокий транспарант с солнцем в сложенных чашей ладонях.

— Доброго дня вам всем, — сказал человек на трибуне. Голос у него был громкий и звучный. — Я вижу, здесь присутствует кое-кто из тех, что уже посещал мои выступления, для остальных представлюсь. Меня зовут Элвин Такус, мне пятьдесят девять лет. Признаться, я не стремился к этой должности, за свою жизнь я уже достаточно наработался и достаточно заработал и считал, что заслужил право на отдых. Но я – не чужой человек в этом районе. Я родился здесь, мои родители до сих пор живут в нашем старом доме на Двенадцатой Северной улице, и мне не безразлично, что здесь происходит. Я полагаю, мой опыт может пригодиться в решении проблем района. Больше тридцати лет я занимался кризисным управлением – поднимал почти обанкротившиеся компании и приводил их к рентабельности. Последней из них

была фирма "Витрон", производящая окна и магазинные витрины, с оборотом в три миллиона брасов в год. Два с половиной года назад, когда я пришел к ним, они не могли даже выплачивать зарплату своим рабочим. В прошлом месяце я оставил их с прибылью в сто сорок тысяч брасов в квинтал и стабильным положением на рынке…

— "Ли-ги-нор"! "Ли-ги-нор"! "Ли-ги-нор"! — перебили его выкрики из толпы. — Банкрот!

— Да, каюсь, — Элвин Такус повысил голос. — Признаю, пятнадцать лет назад я не сумел спасти от разорения компанию "Лигинор", причем, частично, и по своей вине. Не могу не испытывать уважения перед своими противниками, которые не поленились изучить мою биографию, чтобы найти в ней этот прискорбный факт. Предвидя то, что последует за этим, хочу сказать, что еще десяток названий, которые будут сейчас выкрикнуты теми же, так сказать, любителями справедливости, не имеют ко мне ни малейшего отношения. Не считая нужным углубляться в этот частный вопрос, скажу только, что после истории с "Лигинором" прошло уже пятнадцать лет, в течение которых я отнюдь не был безработным. По-моему, это о чем-то говорит, так?

Ответа не последовало, и Элвин Такус продолжил.

— Наш район и в самом деле выглядит довольно запущенным. Но разве мы все так привыкли жить в грязи, что уже не хотим ничего менять? Между прочим, годовой бюджет района Гамбрук составляет более десяти миллионов брасов. Это огромные деньги, если только использовать их на нужды района! Первое, что я хочу сделать в случае своего избрания на должность префекта, — это благоустроить район. Наши женщины ходят в резиновых сапогах, чтобы пробраться через болота, которые образуются в наших дворах после каждого дождя. Я хочу видеть их в красивой и удобной обуви, идущих по сухим и широким асфальтовым дорожкам. По вечерам наш район погружается во тьму. Я хочу вернуть на наши улицы свет фонарей, чтобы никому не приходилось пробираться к своему дому в потемках, шарахаясь от каждого встречного!…

Из толпы раздался возмущенный свист. Присмотревшись, Билон с удивлением узнал в одном из свистунов Сарифа Круэля.

— Эй, вы! — громыхнул с трибуны Элвин Такус, перекрыв своим мощным голосом свист. — У вас, видимо, не осталось аргументов, которые можно было бы членораздельно изложить?! Я так понимаю, вам не нравятся уличные фонари? Что же, это логично: темные дела удобнее вершить в темноте. Или, может быть, вы относитесь к обществу любителей грязи?!

Послышался смех. Многие в толпе зааплодировали. Свист прекратился. Вытянув шею, Билон увидел, как сплоченная группа свистунов удаляется прочь.

— Слушаете? — прозвучало у Билона прямо под ухом.

Стремительно обернувшись, Билон увидел улыбающегося Хартена Ринше.

— Рад видеть вас, — "Главный шпион" слегка поклонился Билону. — Неужели вас снова заинтересовало наше захолустье.

— А почему бы и нет? Все это достаточно интересно.

— Собираетесь об этом писать? — поинтересовался Ринше.

— Пока не знаю.

Если бы Ринше попытался изобразить равнодушие, Билон ему бы не поверил. Но тот пока держался совершенно естественно, и Билон тоже дал ему честный ответ.

— Боюсь, это будет не слишком интересно вашим читателям, — с сомнением сказал Ринше. — Борьба за должность районного префекта. Споры о мощении дворов и чистке выгребных ям. Мелкие проблемы и копеечные страсти. Буря районного масштаба. Вам не кажется, что для всех, кого это непосредственно не касается, подобная тема просто скучна?

— Это просто риторический вопрос или рекомендация? — улыбаясь, спросил Билон.

— Да как я могу вам что-либо рекомендовать? У нас в стране свободная пресса. Но если бы мы хотели огласки, то обратились бы к вам за помощью сами. Или не к вам. Понимаете? Ренсер – прекрасный человек, но он не всегда понимает потребности текущего момента.

— Значит, мой материал на эту тему был бы для вас нежелательным? — прямо спросил Билон.

— Не буду скрывать. Был бы. И все по той же причине – еще не время. Публикация в такой влиятельной газете, как ваша, о том, что СОП активно поддерживает одного из кандидатов на выборах районного префекта, привлекла бы к нам излишний интерес и могла бы повредить нашему делу. У нас еще слишком много влиятельных противников.

— Тогда не могли бы вы ответить мне на один вопрос? Чисто для удовлетворения собственного любопытства. Почему именно этот кандидат? Разве вы не могли бы наладить контакт с Движением? Как мне кажется, этот Такус действительно озабочен делами района или… он настолько хороший актер, что достоин заседать в парламенте, а не стоять на этой трибуне. Разъясните, чем он хуже вашего Хави, который производит впечатление весьма скользкого типа?

— Нам нельзя идти на союз с Движением, — нехотя сказал

Ринше. — Ни на стратегический, ни на тактический. Ни на какой. А что касается Дугана Хави, его личность, признаюсь, не имеет никакого значения. Мы поддерживаем его, он – нас. Поймите, имея поддержку префекта, мы могли бы принести району куда больше пользы, чем сейчас.

— Вы все-таки не ответили на мой вопрос, — заметил Билон. — Почему Хави? Почему личность кандидата не имеет значения?

— Не знаю, — вдруг развел руками Ринше. — Поймите, я не принимаю решения, я только их выполняю. Сожалею, но я не могу выйти за пределы своей компетенции. Но вы поняли мои аргументы?

— О, да, — сказал Билон и пошел к выходу из парка.

Если бы Хартен Ринше ответил бы ему на последний вопрос, он бы этим удовлетворился. Но недомолвки заинтриговали Билона. Кто имел право приказывать Хартену Ринше? Кто выдвинул в кандидаты Дугана Хави? Почему ни Элаво, ни Ринше, ни он сам не могут или не хотят ответить, кто и как выдвинул его кандидатуру? Почему СОПу нельзя быть союзником Движения? Чем вызвано нежелание огласки? И что вообще, в конце концов, стоит за всем этим делом? Ответов не было, и Майдер Билон решил обратиться к другому источнику информации. Он позвонил Стоу Вигесу, и руководитель ячейки Движения за демократию в районе Гамбрук согласился встретиться с ним через полтора часа.

— К сожалению, ничем не могу вам помочь, — сказал Стоу Вигес. — Сам не знаю, почему ваш СОП заинтересовался этим Хави. Признаться, я был о них лучшего мнения. Заявляют, что борются с преступностью, а сами связались с этим водочным королем.

— Кем-кем? — переспросил Билон. — Он, кажется, говорил, что торгует продуктами.

— И продуктами тоже. Но это только ширма. Ему принадлежат пять цехов, в которых делают паленую водку из контрабандного спирта. Между прочим, пару месяцев назад он здорово прокололся – купил по дешевке три цистерны, а это оказался метанол, причем выяснилось все только тогда, когда из него уже была произведена водка. Надо отдать ему должное – ни одна бутылка из той партии не появилась в продаже, но он потерял большие деньги и кому-то крупно задолжал. Так что должность перфекта для него просто спасение.

— Странно, — Билон недоуменно посмотрел на Вигеса. — Я слушал сегодня вашего кандидата, видел ваши листовки. Но об

этом в них ни слова. Почему же вы не используете такой козырь?

— Это не наш метод, — отрезал Вигес. — Мы не занимаемся тем, что мажем грязью наших противников. Избиратель должен голосовать за нашу программу, а не против скомпрометированного кандидата.

— С такой тактикой вам не выиграть.

— А мы и не стремимся выиграть любой ценой. Люди должны делать сознательный выбор. И если голосуют не в нашу пользу – что же, народ заслуживает то правительство, которое он выбирает. Или вы думаете, что мы должны уподобиться продажным политиканам, которые не брезгуют ничем ради власти?

— Я ничего не думаю, — устало сказал Билон.

Он уже жалел, что пошел на эту встречу. Ничего нового он пока так и не узнал, а только укрепился в своем мнении относительно Движения. Как все идеалисты, это были люди негибкие, недипломатичные и не склонные к компромиссам. Их можно было уважать за твердые принципы и убеждения, но держаться от них все-таки стоило подальше.

— Прошу прощения, — вдруг виновато улыбнулся Вигес. — Я не хотел нападать на вас. Извините за резкость. Просто все мы в последнее время очень взвинчены. Это все выборы. У нашего кандидата есть реальные шансы на победу, так что борьба идет нешуточная, причем на два фронта. Нам везде стараются вставить палки в колеса. Даже встречаться с избирателями приходится только на улице, потому что никто в районе не осмеливается сдать нам в аренду какой-нибудь зал. И всегда приходится опасаться провокаций… Впрочем, извините, это вам, наверное, неинтересно… Да, знаете, мне очень понравилась ваша статья, о СОП в нашем районе. И следующие. Вы верите в то, о чем пишете, и это очень выгодно отличает вас от многих ваших коллег. Если можно так выразиться, вы вкладываете душу в свои статьи.

— Спасибо, — смущенно поблагодарил Билон.

— Да, а вы теперь убедились, что я был прав? СОП – это и в самом деле баронская дружина, а где-то есть и барон.

— Барон есть, — согласился Билон. — Хотя я пока не знаю, кто это может быть.

— И мы не знаем. А вопрос, конечно, интересный. Знаете, что меня больше всего удивило в связи с нашими выборами? Они досрочные. Старый префект, которого всего полгода назад переизбрали, вдруг подает в отставку, якобы по состоянию здоровья.

— А на самом деле?

— Вот не знаю, что было на самом деле. Но эта версия

кажется мне подозрительной. Нашего бывшего префекта я хорошо знаю. Здоровый мужик, всего лишь шестьдесят с небольшим, ничем никогда не болел, ни на что не жаловался, всех секретарш регулярно перетрахивал, а тут вдруг отставка, причем по собственному желанию.

— Значит, кто-то ему посоветовал подать в отставку, — пожал плечами Билон.

— Да, но кто? Районный префект – это не такая уж и мелкая сошка, особенно в столице. Все, что делается в районе, обязательно согласовывается с префектурой. Любое строительство, ремонт, аренда муниципальной собственности, лицензии на занятие бизнесом – везде требуется подпись префекта. А кроме того, районная власть – это благоустройство, коммунальные службы, управление жильем для малообеспеченных…

— И десять миллионов годового бюджета, — добавил Билон.

— Естественно. Наш отставник занимал свой пост восемь лет, держал в кулаке весь район, с мэром был на короткой ноге. Отгрохал себе роскошную домину в Вейнстоке. Даже не знаю, кто его так турнул.

— Вы думаете, это связано с СОП?

— Думаю. И, как мне кажется, здесь поработал именно их покровитель.

— Почему?

— СОП хочет стать властью, — серьезно сказал Вигес. — Я говорил вам, что она хорошо приспособлена для этого. Эта отставка расчистила ей путь. В то же время, СОП сама еще недостаточно сильна, чтобы свалить человека, имеющего обширные связи в городской верхушке. Насколько я знаю, бывший префект там ни с кем не ссорился, никто под него всерьез не копал, и даже для его подчиненных этот уход стал неожиданностью. Это сделал барон, господин журналист, больше некому. И он не мог не оставить след. Вы не хотите заняться его поиском? Чисто из любопытства.

— Посмотрим, — сухо сказал Билон.

Он по-прежнему не слишком доверял адвокату из Движения и не хотел признаваться, что это дело вызывает у него все больший интерес.

По дороге домой Билон строил версии. Рассуждения Стоу Вигеса были логичными, но в них было, по крайней мере, одно слабое место. Билон не верил, что неизвестный высокопоставленный покровитель СОП приложил руку к скоропостижной отставке прежнего префекта. Завоевание власти

в одном отдельно взятом районе благодаря поддержке откровенно "левого" кандидата было слишком ничтожной целью, чтобы оправдывать столь мощные средства. Префект мог уйти в отставку действительно по болезни, он мог перейти дорогу кому-то в верхах, против него могло быть выдвинуто какое-либо обвинение – Билон не считал эту тему заслуживающей серьезного внимания.

Намного больше его волновал Дуган Хави. В этом Билон верил Вигесу и был согласен, что водочный король районного масштаба идет в префекты, чтобы поправить пошатнувшиеся дела. Это объясняло и категорический отказ от альянса с Движением – при всех своих недостатках оно всегда боролось со злоупотреблениями чиновников. Но тогда получалось, что СОП и в самом деле превращается в инструмент в руках какого-то нечистоплотного дельца.

Билон буквально разрывался на части. Ему нравилась СОП, и он опасался, что разоблачительный материал о ней может нанести ему смертельный удар. В то же время Билону не хотелось, чтобы искренний порыв и энтузиазм рядовых членов организации цинично использовался кем-то в корыстных целях. Конечно, оставался вариант, что инициатором выдвижения Дугана Хави мог быть сам Майдер Донацилла, который весьма подходил на роль кредитора, но Билону все же не верилось, что владелец загородного клуба играл роль тайного руководителя СОП – для этого он был слишком на виду.

Только дома за чашкой скайры Билон принял окончательное решение. СОП уже прочно стоит на ногах, благодаря его же статьям он получил известность, у него появились подражатели. Он выдержит удар, а разрыв с коррумпированной верхушкой только повысит его популярность. Несмотря на предостережение Хартена Ринше, Билон решил заняться поисками "барона". Даже если ему не удастся сделать из этого статью для газеты, он, по крайней мере, сможет предоставить данные Ренсеру Элаво, который, по мнению Билона, возглавлял в СОП "здоровые" силы, а он уже найдет им применение.

Оставалось только воплотить принятое решение в жизнь. Подобно большинству его коллег, Майдер Билон никогда в жизни не занимался журналистскими расследованиями. Дело это сложное и длительное, и отвлекать на него сотрудников может себе позволить только крупная газета, обладающая обширным штатом и немалым влиянием. Впрочем, "Курьер" обладал и тем, и другим, и Билон решил, что он справится. Единственное, что его беспокоило, — это время. Ему оставалось только двое суток до сдачи заказанного материала, и оставалось только положиться на

везение и проверить, так ли оно велико, как об этом говорят.

Глава 46. Большая часть правды

"Если хочешь собрать о ком-то информацию, ступай к его конкурентам", — вспомнил Билон расхожую истину и на следующий день с самого утра засел на телефон. С помощью обаяния, лести и легкого шантажа он без особого труда добился желаемого результата: исполняющий обязанности префекта и кандидат на выборах Стоян Эрренджер согласился принять его в тот же день, в девять часов.

Исполняющий обязанности префекта района Гамбрук Стоян Эрренджер больше всего походил на обычного работягу с завода. Крепкий мужик лет пятидесяти, большие руки с толстыми сильными пальцами, простецкое лицо, незамутненный взор честных серых глаз под неровными кустиками бровей, чуть хитроватая усмешка… Как часто случается, первое впечатление оказалось обманчивым и растаяло без следа, стоило только господину Эрренджеру открыть рот.

В течение последующего разговора Майдеру Билону не раз и не два чудилось, что он вернулся на два года назад, в прежнюю жизнь, где не было ни дальних стран, ни космических пришельцев, а была суетная репортерская беготня в отделе городских новостей. В те времена ему неоднократно приходилось брать комментарии по разным вопросам у бесчисленного множества подобных городских чиновников. Все они были речисты и вальяжны, все как на подбор говорили округлыми обтекаемыми фразами, а информацию из них надо было буквально выдавливать по капле.

За тридцать с лишним минут, проведенных Билоном в начальственном кабинете, исполняющий обязанности префекта успел довольно подробно и толково рассказать о достижениях и проблемах района, с десяток раз пошутить, отвлечься на два телефонных разговора и одно подписание срочного документа, пожурить Движение за неуемность, умело уйти от ответа на парочку скользких вопросов о бюджете района и направлениях его использования, а также выразить глубокую признательность к газете "Курьер" и ее обозревателю. Однако он при этом ухитрился не сказать ни единого словечка ни о приближающихся выборах, на которых он должен был считаться фаворитом, ни о СОП.

— А насколько уверенно вы чувствуете себя в преддверии выборов? — в конце концов напрямую спросил потерявший терпение Билон. — Насколько серьезную угрозу представляют для вас соперники?

Стоян Эрренджер слегка нахмурился. Поняв намек, Билон

выключил магнитофон и демонстративно снял приемную бобину.

— Любые досрочные выборы вносят определенный элемент дезорганизации, — уклончиво сказал Эрренджер.

— Ваше мнение может быть совершенно неофициальным, — подбодрил его Билон. — Я даже не собираюсь вас цитировать. Меня, признаться, больше всего интересует информация о вашем сопернике Дугане Хави и причинах поддержки, которую ему оказывает известная вам Служба Охраны Порядка.

— Это вы в прошлом месяце написали статью о СОП? — вдруг спросил Эрренджер.

— Я.

— В ней вы строго придерживались правды и старались быть объективным, насколько это возможно. Весьма нечастое явление для вашей газеты. Однако вы должны понимать: если ты занимаешь государственную должность, то обязан совершать некие действия, которые с точки зрения обывателя могут выглядеть как м-м-м… злоупотребления. Это не хорошо и не плохо. Это неизбежно. Пока существуют государство и бизнес, они неминуемо будут вступать в определенные взаимоотношения.

— Я понимаю. Так делают все, — вставил Билон.

— Совершенно верно. И не мне или вам это менять. Таковы правила игры. Любой, кто занял бы мое место, будет делать то же самое.

— А Хави…

— Хави – это мелкий деляга, озабоченный только собственным мелким бизнесом. Вы, кстати, знаете, что у него за бизнес?

— Знаю.

— Это мелко и примитивно, но вполне обычно. Это я понимаю. Все ясно и с Движением, которое играет в свою игру по собственным правилам независимо от того, будут ли остальные соблюдать эти правила или нет. Однако что хочет во всей этой истории СОП, я решительно не могу понять! Это не их игра! Что они будут делать, если посадят в префекты своего человечка?… Вы знаете, в чем больше всего нуждается бизнес?

— В предсказуемости?

— В самую точку! Вы быстро схватываете, это мне нравится! Деловые люди приспособятся ко всему, но им нужна определенность. Вы, может быть, удивитесь, но их вполне устроила бы победа Движения. Понимаете? Движение хочет поменять правила игры, но эти изменения всем известны, они, как вы выразились, предсказуемы. Это вполне разумные люди, они не отказываются от компромиссов ради интересов дела и, самое главное, от них не ждешь подвоха. Но что будет делать

Хави после того, как сосредоточит в своих руках всю торговлю спиртным в районе? Ни мне, ни кому другому это совершенно не понятно! Из-за этих выборов весь район находится в состоянии какого-то тягостного ожидания! Сплошная неуверенность в завтрашнем дне. Это очень неприятно, поверьте.

— Вы опасаетесь проиграть? Но ведь…

— Вы хотите сказать, ведь у меня есть все преимущества моего положения? Может быть. Но я не могу играть по правилам с людьми, которые не признают никаких правил вообще! Если у нас пошел уж такой разговор, я вам скажу, но это будет не для печати! Я опасаюсь СОП и тех, кто за ним стоит.

— А кто, по вашему мнению, стоит за ними? Обещаю, что никогда и ни при каких обстоятельствах не сошлюсь на вас как на источник информации.

— Не знаю. И никто не знает. Мне кажется, это кто-то чужой. Тот, у кого нет непосредственных деловых интересов ни в районе, ни, может быть, даже в городе. Это игра не моего уровня! Я буду бороться до конца, я не отдам просто так это кресло, но я не хочу оказаться на пути силы, которая вышвырнула моего предшественника в отставку как мусор в корзину!

— Почему вы считаете, что это сделали именно неведомые покровители СОП? У вас есть какое-то подтверждение?

— Какое еще подтверждение?! Я проработал со своим бывшим шефом полтора десятка лет и знаю его как… ну… этого самого! Он никогда бы не позволил себе уйти *так* — не подготовив преемника, не передав ему дела по всем правилам, даже не предупредив… Он просто лег на обследование в больницу на неделю, а вернувшись, сообщил, что немедленно подает в отставку по состоянию здоровья!

— Это официально. А как он объяснял свой уход в действительности?

— Да никак! Он талдычил, что устал и болен, хотя всем было ясно, что это не больше, чем отмазка! Я бы знал, если бы у него были какие-то неполадки со здоровьем. На него надавили, дело ясное, причем, это сделал кто-то со стороны.

— Но разве…

— Нет. Так это не делается. Если бы у него были противники, они бы на прошлых выборах поставили против него своего кандидата. Но ведь шефа переизбрали всего полгода с небольшим назад, и тогда не возникло никаких проблем. Вообще никаких! Здесь он всех устраивал, на городских выборах победили его друзья… Сейчас они шарахаются от меня как от заразного. Они уверяют, что для них эта отставка была такой же неожиданностью, как и для меня, и я им верю. Но они

отстранились, они не знают, кто стоит за СОП, и пока не хотят с ним связываться.

— Прошу прощения, но если никто ни в чем не уверен и ничего точно не знает, почему отставку вашего предшественника так однозначно связывают с СОП? И если эти покровители так могущественны, зачем им нужен на должности районного префекта какой-то мелкий делец? Слишком сложная комбинация, чтобы быть правдоподобной.

— Давайте по порядку, а? Насчет СОП – просто логика. Их поддерживает кто-то со стороны, и моего бывшего начальника отправил в отставку кто-то со стороны. Чтобы сразу две силы с неясными устремлениями заинтересовались нашим Гамбруком… Простите, я в это не верю. Следовательно, логично предположить, что в обоих случаях действовали одни и те же люди.

— Допустим. Но зачем им нужен Хави?

— Не знаю. Это очень нервирует, не люблю иметь дело с непонятными вещами. Правда, у меня сложилось впечатление, что та сила, что стоит за СОП, в самом Хави не слишком заинтересована. Или не хочет раскрывать себя. Или… Не знаю. Его, во всяком случае, поддерживает только СОП и исключительно СОП, и это вселяет в меня определенную надежду.

— Что если вы победите, у вас не вырвут победу из рук?

— Именно! Иногда мне даже кажется, что этот таинственный некто просто следит за СОП и смотрит – справятся они или нет. И не станет переигрывать, если этот торговец водкой потерпит поражение. Надеюсь, я слишком мелок для него… Но вы обязательно покажите мне, что вы напишете. Лучше, если я вообще не буду фигурировать. Я знаю, кто вас читает, и не хочу торчать на виду, так спокойнее. Хорошо?

— Хорошо, — пообещал Билон, хотя теперь он был совсем не уверен, что вообще сможет собрать достаточно информации, чтобы хватило для статьи. Не говоря уже о том, что такую статью, скорее всего, не опубликуют.

Однако у него оставалось еще полтора дня, и он не собирался сдаваться. Отставного префекта звали Брук Меллин, и жил он на улице Адмирала Скайнирда на самой окраине фешенебельного пригорода Вейнсток. Поразмыслив, Билон решил нанести ему краткий визит.

Дверь Билону открыл полный пожилой человек в шлепанцах и темно-бордовом домашнем халате.

— Господин Брук Меллин? — уточнил Билон.

— Он самый, — хозяин неприязненно смерил его взглядом. — Чем обязан?

— Майдер Билон, обозреватель газеты "Курьер". Я готовлю статью о выборах префекта в районе Гамбрук. Вы не могли бы прокомментировать ход предвыборной борьбы?

— Не могу, — хмуро сказал Меллин. — Я уже в отставке. Это меня больше не касается, и я не слежу за событиями.

Он сделал движение, чтобы закрыть дверь, но Билон опередил его.

— Скажите, а в чем причина вашей досрочной отставки?

В лице бывшего префекта что-то дрогнуло. Или это только показалось?

— Плохое здоровье, — наконец сказал Меллин. — И вы должны это знать.

— Однако ваш уход был таким скорым и неожиданным, что породил различные слухи…

— Это только слухи, — поспешно, может быть, слишком поспешно заявил Меллин. — В моем возрасте нет ничего удивительного в резком ухудшении здоровья. Как мне разъяснили, для его сохранения мне необходимо было покинуть выборную государственную должность.

Глядя на румяное толстощекое лицо Брука Меллина, трудно было поверить, что у него могли возникнуть проблемы со здоровьем.

— Прошу прощения, а что такого страшного нашли у вас врачи? — как можно более вежливо спросил Билон. — Если это, конечно, не тайна.

— Сердечную недостаточность, — отрезал Меллин и, бесцеремонно отодвинув в сторону ногу Билона, захлопнул дверь.

Майдер Билон был вынужден ретироваться, ни на шаг не приблизившись к решению загадки. Неприязненное отношение префекта к его вопросам могло объясняться как и стремлением что-то скрыть, так и обычной человеческой реакцией на беспардонное вторжение бестактного журналиста.

Билон уже даже не мог сказать, что именно он расследует. Он интересовался Дуганом Хави, а вместо этого ему все время упорно подсовывали отставку прежнего префекта, причем у него пока не было ни единого факта, подтверждающего связь между тем и другим. Билон чувствовал, что все больше запутывается, и в попытке добиться хоть какого-то прояснения он отправился в городскую администрацию, с начальником пресс-службы которой он неоднократно встречался в бытность репортером отдела городских новостей.

Начальник пресс-службы горадминистрации встретил Билона приветливо, но ясности не внес. Этими выборами никто здесь специально не занимается, немного удивленно говорил он. Да,

конечно, восприняли их без особой радости: досрочные выборы – это лишние заботы, дополнительная нагрузка на бюджет района, различные расстройства управленческой вертикали и прочие неприятности. Отставка? Естественно, по состоянию здоровья, а что, были и другие версии? (здесь, по мнению Билона, он слегка переигрывал, демонстрируя свою неосведомленность). Конечно, он постарается раздобыть информацию о кандидатах. Скажем, через неделю. Или две. Что, через две недели уже выборы? К сожалению, раньше не получится. Мэрия готовит благотворительный концерт в пользу вынужденных переселенцев с Востока, и это отнимает слишком много времени. Кстати, не нужен ли свежий пресс-релиз по этому поводу?…

Билону снова пришлось признать свое поражение. Стоян Эрренджер был прав, как минимум, в одном: в городской администрации не хотели интересоваться выборами в Гамбруке, пассивно ожидая, чем все кончится. Правда, из этого еще не следовало, что он был прав во всем остальном. Билон по-прежнему не хотел верить в то, что старого префекта устранили, чтобы дать дорогу СОП и Хави. Это слишком напоминало плохой детективный роман, чтобы быть правдой.

По дороге домой Билон вспомнил о полиции. Она, по его мнению, была обязана обладать информацией о кандидатах в префекты. Проблема была в том, что он мог обратиться только к одному полицейскому – старшему капитану Прейну из гамбрукского районного отделения, и притом, не было никакой уверенности, что Прейн согласится рассказать ему о чем бы то не было.

Впрочем, до Прейна Билон так и не добрался. Как ему объяснил вежливый голос по телефону, старший капитан был чем-то очень занят и вряд ли мог освободиться до конца недели. Да, ему передадут, и если он найдет время, то обязательно сам выйдет на связь. Билон не сомневался, что этого не произойдет.

Уже совершенно отчаявшись, Билон набрал номер Ренсера Элаво, но его телефон не отвечал. Дозвонившись до предвыборного штаба Дугана Хави, Билон выяснил, что Элаво на несколько дней уехал из Реперайтера, чтобы помочь в организации отряда СОП где-то в провинции.

Получить информацию о Хави наверняка можно было у его конкурентов в сфере бизнеса, но Билон не знал, кто они и как на них выйти. Это был тупик. Билон понимал, что его расследование уже практически не имеет шансов на успех. У него оставались только одни сутки, и не было ни одной зацепки, с которой можно было что-то начинать.

Наутро Билону, тем не менее, пришла в голову новая идея. По крайней мере, он мог проверить, произошла ли отставка прежнего префекта действительно по состоянию здоровья. Достав телефонный справочник, он отыскал в нем 4-ю городскую больницу, в которой, как он знал, лечились все городские чиновники, и набрал номер.

— Доброе утро, — послышался в трубке приятный женский голос. — Четвертая городская больница. Чем могу помочь?

— Это звонят из страховой компании, — неожиданно для самого себя сказал Билон (у журналистов, по крайней мере, в серьезных изданиях, не принято выдавать себя за другого и скрывать свою профессию, так что его поступок был нарушением журналистской этики). — Я бы хотел уточнить некоторые моменты, связанные с пребыванием у вас в прошлом месяце Брука Меллина, бывшего префекта района Гамбрук.

— Одну минуту, я свяжу вас с канцелярией…

Женский голос в трубке исчез, и его сменил чей-то простуженный тенор. Билон, чувствуя себя немного глупо (и что его дернуло назвать себя представителем страховой компании?), повторил вопрос. После этого наступила новая пауза, продлившаяся почти две минуты.

— Прошу прощения, кхе-кхе, — немного удивленно сказал голос в трубке. — Но господин Брук Меллин в этом году вообще ни разу не навещал нас. Это какая-то ошибка.

— Это точно? — недоуменно спросил Билон. — По моим данным, он целую неделю находился на обследовании.

— Возможно, это было не у нас, — в трубке снова раздался короткий кашель. — Извините. Проверьте ваши данные еще раз. Но у нас его не было, я вам даю гарантию.

— Спасибо, — растерянно сказал Билон и повесил трубку на рычаг.

Это снова был тупик. Брук Меллин мог пройти свое обследование в какой-нибудь частной клинике, каковых в городе было несколько десятков, причем, далеко не все из них значились в телефонном справочнике. Тем не менее, Билон решил довести дело до конца, начав с заведений, расположенных в районе Вейнсток.

После трех бесплодных звонков Билон набрал номер некоего "Медицинского центра Хальворда" и был вознагражден за упорство.

— Брук Меллин? — переспросили на другом конце провода. — Подождите, я сейчас свяжу вас с доктором Вилном.

— Я слушаю, — раздался в трубке жизнерадостный голос. — Что именно вы хотите узнать?

— Я из страховой компании, — повторил Билон завязшую в зубах фразу. — У вас в прошлом месяце был на обследовании Брук Меллин, бывший префект района Гамбрук?

— Был. И что?

— Прошу прощения, — Билон с трудом поверил в свою удачу. — У нас, очевидно, произошла какая-то ошибка, не хватает некоторых данных. Вы не могли бы уточнить диагноз?

— А-а? Тут нет никакой ошибки, — жизнерадостно объяснил доктор Вилн. — Это было обычное профилактическое обследование, поэтому никакого диагноза не указано. И вам должны были представить счет только за проведение анализов и оздоровительных процедур. Пребывание в клинике в течение семи дней господин Меллин оплатил самостоятельно.

— Так у него со здоровьем все в порядке?

— Целиком и полностью, насколько это возможно в его возрасте. Всем бы такое в шестьдесят лет! Что-то еще?

— Нет, спасибо, — Билон прервал разговор.

Бывшего префекта и в самом деле заставили уйти в отставку. Однако что это ему давало? Почти ничего. Он только получил подтверждение тому, о чем уже слышал, А являться с подобными "разоблачениями" к самому Меллину, похоже, не имело смысла. Как хорошо понимал Билон, чтобы прижать к стенке бывшего префекта, требовалось нечто большее.

Тем не менее, Билон снова поехал в Вейнсток. Он медленно проехал мимо дома Брука Меллина до конца улицы и вдруг оказался на знакомом перекрестке с кафе-стекляшкой посреди скверика. Вон с того поворота начинался полукилометровый отрезок дороги, ведущей в загородный клуб Майдера Донациллы. Билон остановил машину и несколько минут сидел, положив руки на руль и бездумно глядя перед собой. Брук Меллин наверняка посещал клуб, расположенный так близко от его дома. Но – что это могло значить, да и значило ли вообще что-нибудь?…

Внезапно Билон обратил внимание на небольшой белый автомобиль, появившийся из-за поворота дороги, ведущей к загородному клубу. Насколько помнил Билон, на той дороге не было никаких ответвлений, значит, автомобиль наверняка ехал прямо из клуба. "Может, заехать и самому прямо спросить у Донациллы?" – лениво подумал Билон. Бессмысленно. К тому же, Донацилла должен помнить его как кузена Ренсера Элаво из Тиринака. Да и не скажет он ничего…

Билон тоскливо проводил взглядом белый автомобиль, но тот вдруг замедлил ход и остановился. Из него вышли двое мужчин в длинных плащах и не спеша отправились в сторону кафе. Не совсем понимая, зачем он это делает, Билон проследовал за

ними. В кафе ему удалось сесть за соседний столик, спиной к подозрительной паре.

Долгое время они молча пили скайру, и Билон снова почувствовал, что тянет пустышку.

— Я все-таки считаю, что перерасход был оправдан, — вдруг негромко сказал один из мужчин у него за спиной.

— Перерасход есть перерасход, — пробурчал второй. — Шеф будет недоволен.

— У шефа сейчас другие заботы, поважней. А кандидата так или иначе необходимо продвигать.

— Необходимо. Но в пределах сметы.

— Будь это нормальный кандидат, и перерасхода бы не было, — проворчал первый. — А этого приходится за уши тянуть.

Майдер Билон весь обратился в слух. Неужели это они о…

— Нет, ты не понял, — засмеялся второй. — Кандидат как раз и нужен был самый завалящий. Понимаешь, шефу наплевать, выиграет он или нет. Шеф говорит, все, что выше двадцати пяти процентов, можно будет считать успехом.

— Что-то я совсем запутался, — признался первый. — Так чего мы все-таки добиваемся? Если нам не нужна победа нашего кандидата, так в чем же тогда наш интерес?

— Ну-у… — второй тоже задумался. — Знаешь, я так понимаю. Шеф просто проверяет способность Службы мобилизовать население на поддержку чего-либо. В конце концов, этот район не зря зовут полигоном. Поэтому, я так думаю, и подобрали самого никчемного типа. Для чистоты эксперимента.

— Чудны дела твои, — судя по интонации, первый удивленно покачал головой.

— Начальству виднее, — засмеялся в ответ второй.

Через минуту они расплатились и покинули кафе. Билон остался сидеть, переваривая неожиданно свалившуюся на него новую порцию информации. Если речь шла о выборах в Гамбруке (а Билон в этом почти не сомневался), все странности получали объяснение, все вставало на свои места. Неясным оставалось только, кто такой этот таинственный шеф и что именно отрабатывается на полигоне в районе Гамбрук. Ответы на эти вопросы Билон решил искать у Брука Меллина – все равно, ему больше не к кому было обратиться.

Он вернулся на улицу адмирала Скайнирда и припарковал автомобиль напротив дома бывшего префекта. Билон опасался, что новый визит опять завершится захлопнутой перед носом дверью, поэтому он решил подловить Меллина на улице. Он ждал больше часа и когда уже начал терять терпение, дверь дома вдруг распахнулась, и на пороге появился Брук Меллин собственной

персоной и с небольшим лохматым псом на поводке.

Билон нагнал его через два квартала.

— Господин Меллин, — мягко сказал он, поравнявшись с бывшим префектом. — Я бы хотел продолжить наш вчерашний разговор.

— Разговора не будет, — отрезал Брук Меллин, не останавливаясь и даже не поворачивая головы. — Я не буду говорить с вами ни о выборах, ни об обстоятельствах моей отставки.

— А я и не требую, чтобы вы говорили, — с победной улыбкой сказал Билон. — Я хочу только, чтобы вы меня выслушали. Немногим более месяца назад в загородном клубе Майдера Донациллы к вам обратились с требованием тихо и не привлекая к себе излишнего внимания подать в отставку. Я не знаю, чем они вас шантажировали, но это и не важно: как у всякого государственного чиновника, у вас хватало мелких грешков, из которых можно было при желании раздуть большое дело. По вашему мнению, люди, которые к вам обратились, имели возможность исполнить эту угрозу, и вы покорились. У вас просто не было иного выхода. Чтобы сохранить лицо и избежать кривотолков, вы легли на обследование в Медицинский центр Хальворда, где провели неделю. После этого вы сообщили об уходе в отставку по состоянию здоровья, хотя на самом деле врачи не нашли у вас никаких серьезных болезней. Вскоре после вашего ухода организация, известная вам под названием СОП, выдвинула своего кандидата в префекты – мелкого бизнесмена Дугана Хави, который, как я понимаю, задолжал некую сумму денег хозяину загородного клуба Майдеру Донацилле или кому-то из его друзей и в случае избрания мог бы рассчитаться с долгами. Причем, что должно было быть вам особенно обидно, люди, заставившие вас уйти, совершенно не заинтересованы в том, чтобы пост префекта занял их протеже. Все, что им требуется, — это выяснить, насколько СОП в состоянии "раскрутить" никчемного кандидата, и проверить ее способности в манипулировании общественным мнением в районе.

Брук Меллин остановился. Его пес тут же стал недовольно обнюхивать ботинки Билона.

— Так вот для чего им был нужен этот торговец водкой, — наконец невыразительно сказал он. — Я этого не знал.

— Выходит, я все изложил правильно? — возбужденно спросил Билон.

Только сейчас до него окончательно дошло, что его невероятная версия оказалась верной.

— Вы хотите получить от меня подтверждение?

— Я его уже получил, — широко улыбнулся Билон. — Я хочу получить от вас ответ на один вопрос. Последний. Кто те люди, что хотели и добились вашего ухода в отставку? Почему вы так легко уступили им, не сделав даже попытки использовать ваши связи?

— Вы никогда не сможете это опубликовать, — хмыкнул Меллин.

— Возможно, сейчас – нет. Но времена могут измениться, не так ли? Я обещаю, никто и никогда не узнает, что эту информацию я получил от вас. В крайнем случае, можете считать, что я хочу удовлетворить собственное любопытство.

— Значит, любопытство, — насмешливо повторил Меллин. — Да вы хоть понимаете, во что вляпываетесь?

— Более не менее.

— Ни черта вы не понимаете, — устало сказал Меллин. — Это были люди Сеймора Скэба.

— Простите, — Билон почувствовал, что краснеет. — Я последние полтора года провел за границей. Кто это?

— Сеймор Скэб – это глава аппарата сотрудников президента, — терпеливо объяснил Меллин. — Его правая рука и одновременно левая, которая не знает, что делает правая. Теперь вы получили ответы на все ваши вопросы? Интересно, что вы с ними будете делать? Хуф, пошли.

Дернув за поводок, он оторвал пса от изучения билоновых ботинок, и оба они медленно, почти торжественно удалились, оставив Билона в состоянии прострации.

Билон узнал правду, всю правду, по крайней мере, большую ее часть, но совершенно не представлял, что с ней делать. Брук Меллин был прав: такую статью никто и никогда не опубликует, особенно, в откровенно пропрезидентском "Курьере". Впрочем, как подумал Билон, у него нет особых причин для огорчения. Он доказал самому себе, что может самостоятельно найти тему для статьи, успешно провести журналистское расследование, и что везение, в конце концов, по-прежнему на его стороне. Да и кстати, почему бы президенту не поддержать такое полезное дело как СОП?

Единственное, во что Билон так и не мог поверить до конца, — это в то, что президент лично интересуется событиями в одном отдельно взятом столичном районе. По мнению Билона, у него должны были быть и более важные заботы.

Президент Горданы Лерид Кирстен был сильно не в духе. Он раздраженно расхаживал по своему кабинету, сердито глядя на Сеймора Скэба и развалившегося в кресле толстого министра

иностранных дел Корчера Бауля.

— Вы идиот, Бауль, — с отвращением произнес президент. — Какого черта вы полезли сами на переговоры с этим хитрецом Танги?! Ваша забота – протокол, а делом должны заниматься специалисты! Такие вопросы не решаются в два часа! Вам что, не терпелось?!

Массивный Бауль недовольно засопел в своем кресле.

— Какого… вы так переполошились, Кирстен? Пока ваши… специалисты неделями корпели над каждой запятой, я добился всего, что надо. Лиив примет пять миллионов беженцев, как мы и требовали. Что вас еще не устраивает?

— А кто……., вас уполномочивал сулить Лииву финансовую помощь на их обустройство?! Вы что, думаете, наш бюджет безразмерный?!

— А, пункт третий, — пренебрежительно махнул рукой Бауль. — Это будет чисто символическая сумма, Танги это было нужно, чтобы провести договор через парламент. Посмотрите пункт одиннадцатый. Там ясно говорится, что Лиив берет на себя все расходы на содержание лагерей для беженцев.

— Лиив берет на себя только эти расходы, вы, идиот! А после того как беженцы покинут лагеря, они что, по-вашему, ни в чем не будут нуждаться?! Да после того, что вы там понаподписывали, лиивцы могут построить для каждого из них по отдельному трехэтажному дому, и мы, по вашему договору, будем обязаны оплатить им все счета!

— Хм, я об этом не подумал, — почесал в затылке Бауль. — Но я думаю…

— Вы должны были думать до, а не после! — рявкнул Кирстен. — Я запрещаю вам впредь, слышите, запрещаю самостоятельно проводить переговоры с кем бы то ни было! Подписывайте документы, надувайте щеки и излагайте ваши обычные благоглупости перед телекамерами – это у вас хорошо получается. Но не лезьте в большую политику, в которой вы ни черта не понимаете! Это вам не плести интриги в парламенте!

— Вы забываетесь, Кирстен! — неожиданно тонко взвизгнул Бауль. — Я требую немедленно оставить этот тон! Не забывайте, кто выдвинул вас в президенты и чьи голоса обеспечивают вам поддержку в парламенте! Мы, наша фракция, выдвинули вас с задних рядов на сцену и мы же, если понадобится, задвинем вас обратно! Вы слишком много берете на себя, Кирстен! Не ссорьтесь с нами или мы потребуем отчета, о чем это вы с вашим любимчиком (кивок в сторону Скэба) секретничаете с пришельцами. Это неприлично, вы не должны замыкать все на себя, от единомышленников не должно быть секретов. Остыньте,

Кирстен, тогда мы с вами и продолжим разговор.

Бауль встал и, топая по паркету так, что в стенных шкафах зазвенели стекла, покинул президентский кабинет, мягко затворив за собой дверь.

— Недурственно, — ухмыльнулся Кирстен, глядя на Скэба. — Любопытные же вещи можно узнать от собеседника, если его хорошенько разозлить.

— Не перестарайся, Лерид, — озабоченно заметил Скэб. — Нарыв набухает. Скоро он должен лопнуть.

— Не-ет. Пока мы с тобой держим все контакты с пришельцами, все эти типчики не осмелятся выступить против меня. Они их боятся. А если что-то и задумают, то не успеют. Как там наши приготовления?

— Идут полным ходом, Лерид. Правда, ускорение темпов отрицательно сказывается на маскировке.

— Плевать. Главное, мы выигрываем темп. Пусть идет, как идет. Давай лучше подумаем, что делать с Лиивом. Если этот хитрожопый Танги решил, что обвел нас вокруг пальца, он жестоко ошибается. Лиив должен быть примерно наказан. Так, чтобы преподать урок всем остальным. Помнишь, ты как-то говорил, что пришельцы сами предлагают небольшую демонстрацию?

— Да. Но пока их главный переговорщик лечится после того идиотского нападения, об этом больше не было разговоров.

— Тогда возобнови их, как только он вернется. Я подключу Ленни Чоллона, а ты поговори с генералом Могли, у него на этот счет есть несколько хороших идей. Пора выстраивать новую модель международных отношений, Сеймор. Если пришельцы и в самом деле отдают нам половину мира, пора это продемонстрировать!

Глава 47. Положение за номером 676 дробь Пегас (При попытке к бегству)

То, что день складывается неудачно, стало ясно еще за завтраком. Во-первых, им достался "плохой" пришелец. Как уже уяснил Кен Собеско, пришельцы, руководящие работами, делились на "плохих" и "хороших". С "хорошими" можно было о чем-то договориться, они не слишком подгоняли за работой и не запрещали разговаривать друг с другом. Этот же глядел на них даже не сверху вниз, что было бы совсем легко с учетом его почти двухметрового роста, а как бы сквозь, брезгливо морща верхнюю губу и зловеще поигрывая короткой металлической трубкой, которая за долю секунды могла превратиться в полутораметровый хлыст. Одно прикосновение этого хлыста лишало сознания на добрых полчаса и на несколько часов оставляло после себя болезненную ломоту во всем теле.

Очевидно поэтому их бригадир, бывший картайский военный, попавший в плен к пришельцам в один из первых дней вторжения, старался как никогда. Он споро выстроил бригаду по стойке смирно, свирепо рыкнул на тугодума Рико, посмевшего выпятить живот, и, печатая четкий строевой шаг, приблизился к пришельцу на установленную дистанцию в пять метров.

— *Таанхтагаи наэрмугдолнистоу*, бригада номер семь выстроена и готова к выполнению ваших приказаний, — доложил он, мешая слова из языка пришельцев с баргандскими. — Разрешите приступить к завтраку?

Пришельцам нужно было докладывать исключительно по-баргандски. Почему-то их автоматические переводчики были настроены только на этот язык. Здесь, где-то в Северном Заморье (где именно, Собеско еще не выяснил), это было довольно неудобно, так как большинство пленных составляли местные жители, не понимающие баргандского. Зато самого Собеско это вполне устраивало: было бы хуже, если бы пришельцы общались со своими пленниками, скажем, на картайском.

Пришелец брезгливо разглядывал застывший строй не меньше минуты, но так, похоже, и не нашел, к чему придраться.

— Разрешаю, — невнятно проскрипел динамик на его плече.

— Й-есть! — бригадир четко сделал поворот кругом. — *Лмири!… Нта!*

Все общие команды отдавались только на языке пришельцев и начинались со слова *"лмири"*. Что означает это слово, Собеско не знал, но если бы кто-то сказал ему перевод – "рабочий отряд,

состоящий из представителей низшей расы", — наверное, не удивился бы.

"Лмири… Нта!" означало, что они могут занять свои места за столом под широким навесом, разбитым перегородками на несколько клетушек. Сделать это надо было быстро и сноровисто, иначе процедуру пришлось бы повторить.

Однако на этот раз все было сделано, как полагается. Никто не опоздал, не споткнулся и не уронил лавки из легкого и непрочного пластика. Теперь можно было сидеть и ждать, пока двое дежурных не принесут картонный ящик с пайками.

— О, это что-то новенькое. Наконец-то хоть какое-то разнообразие, — прошептал рядом Дилер Даксель.

Собеско уже перестал удивляться тому, как быстро Даксель овладел искусством "речи заключенных" – говорить, почти не шевеля губами. Сам он пока не освоил этот метод, поэтому только кивнул.

Вместо знакомого ящика дежурные несли большое пластиковое корыто. Они с натугой приподняли его и… вывалили на стол целую гору зерна, от которой шел пар.

— Вот и кашка, — громко сказал Шелни, сидящий по другую сторону от Собеско.

Ни ложек, ни других столовых приборов им не дали, поэтому есть приходилось руками.

Или не есть.

На другом конце стола, где сидели местные, раздалась длинная возмущенная тирада.

— Вот-вот, — поддержал Шелни. — У нас таким только скотину кормят!

Зерно, похоже, просто обдали кипятком, чтобы оно чуть-чуть размягчилось. Кроме того, в нем было полно шелухи, сорняковых семян и даже мелких камешков.

Похоже, такой завтрак получили сегодня все бригады. Где-то за перегородками послышались громкие раздраженные голоса и резкие щелчки хлыстов. Их пришелец тоже выдвинул хлыст и держал его перед собой обеими руками, покачивая из стороны в сторону. Лицо его было напряжено, и Собеско вдруг подумал, что пришелец, кажется, их боится.

— Ешь, — шепнул над ухом у Собеско Дилер Даксель. — Нам нельзя голодать. Сейчас ничего другого нам не дадут, поэтому ешь, сколько успеешь.

Собеско поспешил последовать совету. Он помнил, как позавчера прямо на марше упал без сил худой невысокий юноша, шедший в предпоследнем ряду. В барак он не вернулся.

Однако таких, как Собеско и Даксель, было немного.

Большинство ритмично стучали кулаками по столу. Пока они не двигались с места, это было почти безопасно. По утрам пришельцы не любили пускать в ход хлысты, так как наказанного в итоге приходилось освобождать от работы на целый день.

— *Лмири… Нгэх!* — вдруг выкрикнул бригадир, перекрывая стук.

Повинуясь команде, все привычно вскочили с мест, опрокинув лавки. К навесу неторопливо приближался "главный пришелец" с двумя горизонтальными нашивками на рукавах. Как уже знал Собеско, такие полоски были знаками различия офицера достаточно высокого ранга. Кроме того, он был вооружен не хлыстом, а иглометом (который Собеско про себя называл автоматом).

— Что произошло? — воспроизвел динамик вопрос главного, остановившегося прямо напротив их бригады. — Это ваша пища. Почему она вам не подходит?

— *Мшида ахтантагаи,* — старательно выговорил чужие слова бригадир, делая два шага вперед. — Мы не можем есть сырое зерно. Из него надо испечь хлеб.

Главный посовещался с несколькими пришельцами менее высокого ранга, обычно руководящими работой бригад.

— Здесь есть наказанные. Они займутся приготовлением пищи, — огласил он вердикт. — Днем вы получите пайки. А теперь – за работу!

— Й-есть! — откликнулся бригадир. — *Лмири… Хнау!*

Это означало строиться по-походному.

Приближался самый волнующий момент дня. Гигантская человеческая змея, шестнадцать бригад – почти полтысячи человек в колонне по три – медленно ползла по направлению к воротам, которые нужно было проходить непременно по одному и с интервалом в несколько шагов.

Кен Собеско внутренне сжался. Это был его шестой день в плену и пятый выход на работу, но ожидание перед воротами по-прежнему вызывало у него чувство мучительного томления, подобно тому, что он испытывал в детстве, когда его класс водили к зубному врачу.

Оттянув воротник рабочего комбинезона, Собеско осторожно дотронулся до прохладного пластика ошейника. Вообще-то, он мало чего боялся в жизни, но эта штучка у него на шее – личный сторож и по совместительству персональный палач – вызывала почти мистический ужас.

В узеньком, невзрачном, дешевом на вид ошейнике был заряд взрывчатки. Это знали все, поскольку перед отправлением в барак каждому пленному показывали короткий фильм из трех эпизодов.

Эпизод первый. Ошейник одет на манекен, даже, скорее, чучело, грубо сколоченное из каких-то угловатых пластиковых деталей и обрывков материи. Пришелец, стоя на расстоянии около двух метров, с помощью штыря и длинной гибкой проволочки пытается открыть замок ошейника. Крупный план. Видно, как проволочная петля прочно обхватила защелку. Рывок! Замок открывается и тут же весь ошейник исчезает во вспышке взрыва. Звука нет, но словно слышится горячий упругий хлопок. Круглая пластиковая голова, оторванная у чучела, отлетает на несколько шагов и нелепо шлепается, словно сдувшийся мяч.

Эпизод второй. Тот же пришелец стоит перед проволочной оградой зоны. Ошейник у него в руках. Камера крупным планом показывает шипастые шары на вершинах столбов ограды. Снова общий план. Пришелец размахивается и бросает легкий ошейник через забор. Не долетев до земли, он скрывается в беззвучной вспышке взрыва.

Эпизод третий. На этот раз ошейник надет на круглый деревянный чурбачок. Пришелец стоит в отдалении, камера наезжает на него, фокусируясь на его руках и небольшом черном предмете с матовым окошком и несколькими рядами кнопок. Общий план. Пришелец быстро набирает на пульте какую-то комбинацию и вытягивает руку в сторону чурбачка с ошейником. Крупно: палец, лежащий на ярко-оранжевой кнопке, медленно нажимает на нее. Снова скачок изображения. Взрыв! Чурбачок слабо дымится, из него торчат острые щепки.

После подобной наглядной агитации все боялись даже приближаться к ограде, а ежедневный выход на работу воспринимался как лотерея. Теоретически, при прохождении через ворота охранная аппаратура отключалась, а контроль над ошейниками переходил на переносные пульты. Но как бывший военный летчик, Собеско не доверял никакой аппаратуре. Безотказной техники не бывает. То, что, насколько он знал, ошейники пока ни разу не убивали своих носителей, ни в чем его не убеждало.

Однако и в этот раз ограда благополучно осталась позади, и бригада, подобрав последних, двинулась в свой обычный путь. Все в колонне угрюмо молчали – сказывался испорченный завтрак, к тому же, следовало опасаться пришельца, топавшего сзади с хлыстом наготове. Конечно, он вряд ли пустил бы его в ход за такое пустячное нарушение, как разговоры в походной колонне, но вот лишил бы ужина – запросто. Впрочем, как мрачно подумал Собеско, сегодня это наказание не выглядело таким уж страшным.

Налетевший порыв холодного ветра заставил его поежиться и

поплотнее застегнуть рабочий комбинезон. Это помогло, хотя и не очень.

Выданная им спецодежда, по мнению Собеско, была одним из самых полезных изобретений пришельцев. Изготовленная из какого-то странного материала, похожего на плащевую ткань с очень мелкой структурой, гладкого и упругого на ощупь, эти комбинезоны не пачкались, словно отталкивая от себя пыль и грязь, не впитывали запах пота, не пропускали воду и неплохо защищали от холода и ветра, который сегодня, правда, с удвоенной яростью атаковал неприкрытые руки, лицо и шею. Собеско даже был готов простить комбинезонам их идиотскую раскраску – сизо-зеленый фон цвета гниющей болотной тины и невыносимо яркие розово-оранжевые горизонтальные полосы на груди и рукавах.

На спинах комбинезонов такой же яркой и вдобавок, фосфоресцирующей в темноте краской были выведены какие-то непонятные символы, не похожие на уже знакомые буквы на упаковках с пайками. Дилер Даксель полагал, что на спинах комбинезонов изображены номера, и на основании этой догадки даже делал вывод, что у пришельцев не десять, а целых двенадцать цифр.

Собеско был вполне согласен с Дакселем – иначе как бы пришельцы могли так легко называть перед ужином и удалять из строя всех провинившихся за день. Разделял он и еще одно предположение Дакселя – о том, что комбинезоны, равно как и бараки для пленников, изначально предназначались не филитам и не самим пришельцам, а таинственной расе их рабов. Об этом говорили, хотя бы, размеры комбинезонов, рассчитанные на рост метр шестьдесят – метр семьдесят. Более рослым филитам одежда была мала. Относительно невысокому Собеско комбинезон приходился почти впору, но был узковат в плечах, из-за чего его приходилось застегивать не до конца. В то же время, у пришельцев средний рост приближался к двум метрам, и даже самые маленькие из тех, кого приходилось видеть Собеско, были не ниже метра восьмидесяти.

Собеско не сомневался, что этих таинственных рабов на Филлине нет. Иначе зачем пришельцам были нужны пленные? Много раз он пытался представить их себе, но так и не продвинулся дальше невысокого роста и хрупкого телосложения. Впрочем, даже Даксель с его дедуктивными способностями тоже не смог добиться большего.

За размышлениями четырехкилометровый марш прошел быстро. Впереди вырос невысокий известняковый обрыв, словно изгрызенный глубокими шрамами. Это было место их работы.

На пятый день тело уже приноровилось и действовало автоматически. Наклон – лопата со скрежетом загребает щебень напополам с пылью, поворот – высыпать гравий в корыто, выпрямиться, секунду передохнуть – и повторить все снова. И так – весь длинный световой день с коротким обеденным перерывом. Пыль скрипит на зубах, холодный ветер леденит пот на разгоряченном лбу, противно ноет не до конца залеченный бок, тяжело дышит и хрипло ругается рядом Дилер Даксель, а стоит на полминуты выпрямиться, как бригадир тут же начинает сердито зудеть над ухом на ломаном баргандском: "Работать, работать, иначе не будет ужина. Вперед!" Каторга.

Вот уже пятый день Собеско не переставал удивляться примитивной организации работ. После комбинезонов из необычного материала, бараков с горячим душем и автоматическими стиральными машинами, от которых не отказался бы и миллионер, наручных телефонов, космических кораблей, наконец, их рабочий инвентарь воспринимался дико. Одни кувалдами дробят большие камни, другие лопатами насыпают щебень в пластиковые корыта с ручками, третьи носят эти корыта (или пришельцы не знают, что такое тачка?!) и высыпают содержимое в длинные коробообразные тележки на шести широких колесах. Время от времени какое-то странное транспортное средство, выглядящее как помесь гусеничного трактора с трехколесным велосипедом, привозит пустые тележки и забирает полные.

Если им так нужен этот ракушечник (а интересно, что они с ним делают?), пригнали бы лучше вместо сорока человек один экскаватор. Честное слово, толку было бы больше…

Во второй половине дня они почти подобрали щебень, оставшийся со вчера, и получили заслуженный короткий отдых. Всех их отвели на две сотни метров от обрыва, и на сцене появился взрывник – плотный и сравнительно невысокий пришелец с тремя офицерскими треугольниками на рукавах. Он был вооружен длинным выдвижным буром с удобной пистолетной рукояткой. В мягком известняке этот бур проделывал шурфы полутораметровой глубины меньше чем за минуту. Пробурив с полдюжины таких шурфов, взрывник медленно, методично и осторожно разместил в них заряды, похожие на короткие толстые колбаски.

Взрыв, как обычно, обвалил с полсотни метров известняковой стены, но что-то в этот раз сработало не так, как надо: в одном месте на высоте примерно десяти метров образовался неустойчивый козырек из нескольких глыб, покрытых трещинами.

После короткого разговора со взрывником пришелец,

руководящий работами, подозвал к себе бригадира.

— Требуется доброволец, — так, кажется, сказал пришелец. — Нужно взобраться на стену и заложить заряд в какую-нибудь щель. Дополнительные пайки, освобождение от работы – за нами не встанет.

Однако бригадир решил по-своему. Не долго думая, он ткнул пальцем в Шелни.

— Пойдешь ты.

Как поначалу показалось Собеско, бригадир сделал правильный выбор. Невысокий, легкий Шелни был явно не новичок в скалолазании. По практически отвесному неровному обрыву он продвигался медленно, но уверенно, и уже через несколько минут оказался чуть выше и сбоку от козырька. Ему оставалось только продвинуться немного в сторону и заложить полученный от взрывника заряд куда-то между глыбами, странным образом зависшими в воздухе. Еще более медленно и осторожно Шелни преодолел и этот отрезок. Распластавшись на стене, он протянул руку в карман.

И тут над всей бригадой, напряженно следящей за Шелни, прокатился многоголосый полустон-полувздох. Одна нога Шелни вдруг соскользнула, и он, пытаясь удержаться, схватился свободной рукой прямо за нависшую над обрывом глыбу. Раздался сухой шорох, глыба качнулась… и весь козырек внезапно рухнул вниз, увлекая за собой Шелни.

Собеско беспомощно выругался. Весь день он чувствовал и ждал беду и, бросившись вместе со всеми к обрыву, он знал – бесполезно. Шелни уже не помочь.

Первым к телу Шелни, неловко лежащему среди камней, подоспел пришелец-взрывник. Свирепым криком и резкими жестами он заставил всех отойти и сам опустился перед телом на колени прямо в острый щебень. Взрывник осторожно перевернул Шелни на спину и медленно вынул у него из кармана заряд. Держа маленькую темную опасную колбаску в вытянутой руке, пришелец медленно встал и таким же медленным плавным жестом провел ладонью перед лицом снизу вверх. Собеско впервые видел этот жест, но легко понял: Шелни мертв.

У Шелни был перелом основания черепа и, кажется, сломана рука, но последнее уже не имело значения. Его на руках вынесли из завала, обтерли лицо, залитое кровью из рассеченного лба, и словно в открытый гроб, уложили в пустой короб, один из тех, в которые ссыпали щебень. Странный гусеничный полувелосипед-полутрактор подцепил тележку и потащил ее за собой, но перед этим пришелец-надзиратель снял с Шелни ошейник и, сложив его вдвое, рассеянно засунул в карман, а взрывник вдруг, к

изумлению Собеско, поднял правую руку раскрытой ладонью вверх над плечом – отдал честь погибшему.

Бригадир тронул Собеско за рукав.

— Иди работать, — сказал он вполголоса на своем ломаном баргандском. — Уже недолго. Завтра отдохнешь.

— А что будет завтра? — механически спросил Собеско.

— Как что? А, ты же новенький. Завтра выходной. Один день из двенадцати мы не работаем, а пришельцы обещают вскоре и второй добавить.

Собеско равнодушно пожал плечами.

— Разве на каторге бывают выходные?

Даксель пригласил Собеско прогуляться где-то в промежутке между ужином и отбоем, когда пленные были предоставлены самим себе, и можно было заниматься стиркой, принимать душ, тихо тосковать о прошлом или, наоборот, нанести визит в соседний барак.

Дул сильный ветер, и Собеско поплотнее застегнул комбинезон. Из узких забранных сеткой окошек барака лился яркий свет и доносились возбужденные пьяные голоса. Перед выходным пришельцы выдали своим пленникам по большой пластиковой колбе мутного, плохо очищенного, но достаточно крепкого пойла и по пачке солоноватых галет, напоминающих по виду и по вкусу картон, так что внутри шел пир горой.

— Кен, надо бежать отсюда, — тихо и серьезно сказал Даксель, когда они завернули за угол и встали за торцевой, лишенной окон стеной.

— Бежать? С этой штучкой на шее? — Собеско встревожено посмотрел на Дакселя. — Дилер, попробуй успокоиться. Ты только погубишь себя и ничего не добьешься.

Даксель негромко рассмеялся.

— Да нет, Кен, успокойся. Я не сошел с ума и не хочу покончить с собой. Просто подумай: что нас держит здесь? Не охрана – ее нет. Не ограда – перебраться через нее – раз плюнуть. Одни только ошейники, верно? А что, если никакой взрывчатки в них нет, и все это – просто блеф?!

— Ди-илер! Ты же сам все сидел собственными глазами!

— Это ты о фильме? В самом деле, после такого кино трудно было не поверить. Я тоже верил. До сегодняшнего дня.

— Что же такое случилось сегодня?

— Ты не заметил? Вспомни, как осторожно пришелец доставал заряд из одежды Шелни. А второй совершенно спокойно снял с него ошейник и положил себе в карман. С предметами, которые могут взрываться, так беспечно не поступают.

— Я бы не стал делать такие серьезные выводы на основании всего лишь одного случая, — подумав, сказал Собеско. — Тот пришелец по какой-то причине мог быть абсолютно уверен, что ошейник не взорвется. Скажем, он сам его дезактивировал. Многим людям свойственно безоглядно доверять технике, а у пришельцев это, наверно, проявляется еще сильнее.

— Кен, для меня сегодняшний случай – не первое, а последнее звено в цепи доказательств. Ты никогда не думал, что эти якобы взрывающиеся ошейники выглядят совершенно не натурально? Они не вписываются в нормальную жизнь, они какие-то чересчур зловещие, я бы сказал, киношные. А пришельцы – они совсем не похожи на киношных злодеев. Видя то, что они делают в нашем мире, очень легко представить их демонами, злобными извергами, одержимыми убийством. Но на самом деле, они – люди, а не монстры, не вижу я у них этакой, знаешь, злодейской изощренности, в которую вписались бы и ошейники со взрывчаткой.

— Дилер, Дилер, — покачал головой Собеско. — Ты слишком склонен очеловечивать пришельцев. Я за последние пять лет побывал в нескольких экспедициях и неоднократно встречался с людьми, у которых и логика, и образ мышления были совсем не такими, как у нас. А ведь это были такие же филиты, как и мы. И что тогда говорить о пришельцах? Даже то, что один из них сегодня отдал посмертные почести Шелни, меня ни в чем не убеждает. Пойми, Дилер, дело не в отдельных людях, а в системе, которая может быть сколь угодно бесчеловечной. Почти все те, кто пять лет назад вышвыривал меня в эмиграцию, были вполне приличными людьми. Некоторые даже сочувствовали мне… когда не выполняли свои служебные обязанности. Ты понимаешь разницу?

— Так мы можем спорить до бесконечности, — криво усмехнулся Даксель. — Что же, есть, по крайней мере, один способ проверить все сразу и до конца.

И прежде, чем Собеско успел остановить его или даже что-то сказать, Даксель расстегнул свой ошейник.

И ничего не произошло.

— Видишь, я был прав, — севшим голосом сказал Даксель, застегивая ошейник обратно. — Теперь можно начинать предметный разговор?

— Можно, — ошеломленно пробормотал Собеско, пытаясь собраться с мыслями.

— Кен, нужно бежать отсюда, сегодня же! — возбужденно прошептал Даксель. — Это шанс, может быть, единственный! Нельзя ждать еще двенадцать дней, за это время о том, что нас

дурят, может догадаться кто-то еще. А пока пришельцы не ждут побега. Лагерь существует уже почти четыре недели, и за это время не было ни одной попытки. Они наверняка расслабились и снизили бдительность. За ночь мы уйдем далеко, день где-нибудь переждем, а может быть, у нас будет в запасе и вторая ночь! Завтра выходной, проверки не будет, я спрашивал. Наш бригадир сейчас квасит вовсю – я ему свою порцию отдал. Вряд ли он будет завтра в той форме, чтобы заметить наше отсутствие. А без него заложить нас пришельцам будет не так-то просто. Для этого нужно, как минимум, знать баргандский.

— Можно и не знать, — проворчал Собеско. — Достаточно будет показать два пустых ошейника.

— А зачем их оставлять? — удивился Даксель. — Их можно выкинуть и где-нибудь за оградой.

— Нет, — покачал головой Собеско. — Ошейники наверняка выполняют какую-то иную, настоящую функцию, помимо того, что пугают нас. Они могут быть радиофицированными, да мало ли что. Я не хочу рисковать.

— Ладно. Если ты так думаешь, оставим их в койках под подушкой. Но все равно, нас могут не хватиться до послезавтра. Местные, наверняка, привыкли, что мы всегда держимся отдельно от них. Может, подумают, что мы гостим где-то у земляков.

— Допустим. Как ты думаешь преодолеть проволоку?

— Я уже нашел место! Вон там, за бараком второй бригады, есть небольшая промоина. Если ее немножко подкопать, можно пролезть под нижним рядом. Я все продумал. Мы наденем комбинезоны пришельцев – они теплые и непромокаемые, а поверх них – нашу старую одежду, чтобы прикрыть яркие полосы. К счастью, ее у нас не отобрали.

— Хорошо, — медленно сказал Собеско. — Мы прорвались через проволоку. Что дальше?

— Дальше – на запад.

— Не зная местности, без компаса и карты?

— Кен, главное – выбраться, а там что-нибудь придумаем. В конце концов, ориентироваться не так уж и трудно: с одной стороны – горы, с другой – море. Не промахнемся.

— Я не об этом. Как ты думаешь ориентироваться сейчас, сразу же после бегства из лагеря? Ни лун, ни звезд сейчас не видно. Ты когда-нибудь пробовал ходить ночью по незнакомой местности?

Даксель молчал.

— И это еще не все. Я, может быть, плохо понимаю пришельцев, но я по профессии военный. Есть такое понятие – боевое охранение. Пришельцы не могут не охранять свою базу.

Мы знаем хоть что-нибудь о том, что представляет собой эта охрана? Как она организована? Нет! Это авантюра, Дилер. Авантюра с минимальными шансами на успех.

— Шелни в свое время не решился на подобную авантюру. И где он теперь?!

Тогда замолчал уже Собеско.

— Ты все же рискнешь? — наконец спросил он.

— Да.

— А я, наверное, нет. Будь шансы хотя бы один к десяти, я бы тоже пошел. Но здесь… Я не верю в удачу, Дилер. Мы исчерпали ее еще там, в Граниде.

— У меня нет другого выхода, — спокойно сказал Даксель.

— Я понимаю. Но у меня нет никого, кто ждал бы меня за проволокой. И в Гордану мне, очевидно, уже не попасть. Я не вижу смысла в таком побеге, Дилер. Прости.

— Хорошо, тогда я пойду один. Только… Кен, если я потерплю неудачу и если ты когда-нибудь выберешься отсюда, разыщи моих и… расскажи. Они в Макьелине, улица Белой Радуги, 21. Ее зовут Кара. И дети – Стэн и Ларга.

— Я помню, — кивнул Собеско. — Обещаю.

— И еще одно. Застели завтра утром мою постель, ладно? Пусть меня хватятся как можно позже.

Их барак всегда напоминал Собеско старинный спальный вагон, какие еще попадались на гранидских железных дорогах в дни его детства. По обе стороны неширокого длинного прохода – три яруса спальных ячеек, похожих на большие прямоугольные ящики, и – чего не было в вагонах – возле входа маленький столик дневального, а напротив, в торце – большой стол в виде буквы "П", за которым сейчас гуляла веселая компания.

Барак производил впечатление типовой конструкции (Собеско уже успел побывать в других бараках – там было все то же самое), рациональной и продуманной до мелочей. Например, в каждой ячейке в головах была лампа с переменной яркостью, позволяющая даже читать (если бы было, что), а в ногах – шкафчик для личных вещей, где у Собеско лежала выстиранная и аккуратно сложенная рабочая одежда, полученная еще в Гордане.

Забравшись в такую ячейку и задернув за собой шторки, можно было почувствовать полную иллюзию уединенности. Кое-кто этим, кстати, и пользовался – в одной из ячеек задернутая шторка слегка колыхалась, и оттуда доносились ритмичные вздохи. Это заместитель бригадира, мрачный долговязый картаец, встречался с женой, попавшей в плен одновременно с ним, но работавшей в другой бригаде.

Отбой здесь объявлялся просто: белые плафоны под потолком начинали медленно, как в кинотеатре, гаснуть, пока не превращались в тусклые зелено-оранжевые огоньки. Собеско залез в свою ячейку в среднем ярусе – на нижней располагался Даксель, а на верхней было место покойного Шелни – но заснуть, понятное дело, не мог. Он ждал целую вечность, пока пьяная компания за большим столом окончательно не угомонится, потом еще одну вечность тишины и, наконец, дождался, когда Даксель, уже одетый, раздвинул шторку и осторожно опустил ноги на пол. Ошейника на Дакселе уже не было.

Встретившись взглядом с Собеско и махнув ему рукой на прощанье, Даксель, быстро, но осторожно ступая, пошел к выходу. Еле слышно хлопнула дверь, и снова наступила тишина, нарушаемая только чьим-то сонным бормотанием.

Собеско, не мигая, смотрел в близкий потолок. Он не знал, что только что сделал: не ввязался в безнадежную авантюру или добровольно отказался от близкой и желанной свободы.

Ограда зоны для пленных была освещена яркими фонарями на верхушках каждого шестого столба, но Дилера Дакселя это не беспокоило. Снаружи зона не патрулировалась, это он знал точно. Очевидно, пришельцы привыкли во всем полагаться на веру в смертоносные ошейники. От любопытных же взглядов изнутри его скрывали глухая торцевая стена одного из бараков и высокая высохшая трава.

Действуя быстро, но не суетливо, Даксель опустился на землю и, разгребая ее в обе стороны ладонями, как крот, начал углублять широкую промоину, образовавшуюся после позавчерашнего ливня. Земля, не успевшая до конца просохнуть, поддавалась легко, и через несколько минут Даксель, не поднимая головы и извиваясь, подобно змее, смог проползти под нижним рядом усеянной крючками проволоки. Уже на той стороне он осторожно подтянул ноги, привстал и, пригибаясь, бросился в темноту, прочь от предательского света. Сердце его бешено колотилось, ноги, казалось, сами несли его, уши лихорадочно ловили малейшие шорохи, однако позади по-прежнему было тихо. Побег удался!

Даксель не знал и не мог знать, что в этот вечер ему трижды повезло. Следящая аппаратура уловила и зафиксировала двойное выключение и повторное включение одного из ошейников, которые на самом деле действовали как сигнальные маячки. Кроме того, все то время, пока Даксель прорывал себе путь к свободе, он был виден как на ладони на одном из обзорных экранов в дежурном помещении.

К счастью для Дакселя, дежурный не следил за обзорными экранами, которые за все время существования зоны еще ни разу не показывали чего-либо стоящего. Чтобы скрасить скучные часы ночного бодрствования, он одолжил у приятеля диск с порнухой и был всецело увлечен просмотром, не обращая внимания ни на что вокруг.

Впоследствии это будет стоить ему витого шнура унтер-офицера, однако случится это еще не скоро. В эту ночь он получит свою порцию удовольствия. А Дилер Даксель – свой шанс.

Глава 48. Воздух свободы

Высокая стерня не мешала бежать, но, пару раз споткнувшись, Даксель был вынужден замедлить шаг. Ему хотелось как можно скорее убраться с открытого места, откуда еще хорошо просматривалась зона для пленных, но подвернуть ногу в самом начале пути было бы слишком глупо.

Наконец, сжатое поле осталось позади и, перейдя узкую ленту дороги, Даксель оказался в роще. Не в роще – в саду. Правильные ряды низких, корявых, словно скрученных из толстенных канатов стволов могли принадлежать только веленсинам и, едва не поскользнувшись на упавшем переспелом плоде, Даксель тут же убедился в правильности своего вывода.

Осторожно ступая по почти сплошному ковру из упавших плодов и листьев, Даксель пересек сад, распугивая по пути всякую мелкую живность, наверняка собравшуюся на бесплатное угощение со всей округи. Немало веленсин еще висело на ветках, и Даксель на ходу срывал те из них, что попадались ему под руку, и складывал за пазуху, хотя в темноте не было видно, спелые они или нет.

За садом снова начиналось поле или луг, и Даксель остановился, чтобы сориентироваться. Еле заметное световое пятно немного впереди и справа было, без сомнения, широкой забетонированной посадочной площадкой перед кораблем пришельцев. Чтобы двигаться в желаемом западном направлении, надо было иметь корабль по правую руку, но Даксель, приняв решение, трусцой побежал по выходящей из сада тропинке по направлению к большой группе деревьев, находящейся справа от него и ближе к кораблю пришельцев. Зато, как подумал Даксель, деревья представляли собой неплохое укрытие.

В роще (а это уже была именно роща, а не новый сад) Даксель свернул с тропинки, все больше забиравшей вправо, и тут же потерял направление. Деревья росли не густо, но часто, кругом были заросли стелющегося кустарника, ветки которого так громко хрустели под ногами, что Даксель даже испугался, что его услышат.

Продравшись через заросли, он с облегчением выбрался на более-менее открытое место. Некоторое время назад здесь явно что-то происходило. Поляну пересекал широкий след – будто по ней прошелся исполинский утюг, по ходу зарываясь в землю. По одну сторону от следа трава была вытоптана, а два молодых деревца – и вовсе сломаны, хотя острые отщепы уже успели потемнеть.

Даксель осторожно пощупал смутно белеющую выбоину в древесном стволе сантиметрах в двадцати выше уровня его макушки. Выглядело это так, будто бы в дерево попал осколок снаряда. Что это было? Когда? Он не знал и, пожалуй, не стремился узнать. Это было просто очередное напоминание о том, что пришельцы близко и пора продолжать путь.

Пробираясь, как ему казалось, в правильном направлении, через несколько минут Даксель снова увидел свет, мелькнувший где-то справа среди деревьев. Инстинктивно свернул влево, он вдруг оказался на открытом месте. Роща кончилась, и он вышел на грунтовую проселочную дорогу, вливавшуюся метрах в четырехстах от него в широкое асфальтированное шоссе.

По другую сторону шоссе находился тот самый источник света – длинный трехэтажный дом, похожий на коробку, с ровными рядами окон. Некоторые из них светились странным бело-лиловым светом. Дом был окружен внушительной на вид оградой из нескольких рядов проволоки и проволочной сетки, а за оградой ворочалось и взревывало, словно исполинский зверь, некое транспортное средство, похожее на грузовой трейлер, но чуть ли не с дюжиной пар широченных колес.

Даксель поспешно отпрянул обратно и присел за кустами, думая только об одном: увидели его или нет. За оградой были видны несколько пришельцев, суетившихся вокруг металлического монстра. Ему открыли ворота, и он с достоинством выехал на шоссе и, напоследок взревев мотором, не спеша покатил куда-то вправо. Ворота заперли и пришельцы один за другим скрылись в таинственном здании. Даксель облегченно перевел дух и, держась в тени деревьев, двинулся вдоль обочины дороги, подальше от пришельцев.

Примерно через полкилометра он опять оказался в поле. Даксель снова огляделся по сторонам и чуть не рассмеялся. Он знал, где находится, и куда идти. Вон та группа деревьев слева была ничем иным, как веленсиновым садом, через который он недавно проходил. Он сделал большой крюк по роще и потерял немало времени, но, по крайней мере, усвоил урок.

Теперь Даксель шел по дорогам вдоль лесопосадок, узкими полосами отделявших одно большое поле от другого. Там, где посадка сворачивала в сторону, он перебежками преодолевал открытое место – до новой посадки, ведущей в правильном направлении. Наверное, он должен был испытывать какие-то положительные эмоции по поводу вновь обретенной свободы, но на самом деле он чувствовал только беспокойство и страх, гнавшие его все дальше и дальше. И еще его очень раздражали испачканные землей руки. Несколько раз он пытался вытереть их

об одежду, но полностью очистить их так и не получилось.

"Час приходит… любой ценой… человек добывает волю. Умереть бы – но за стеной… застрелили б, но в чистом поле…" – вспомнились ему строчки из прочитанного в юности стихотворения забытого автора. "Нет, только не это. Мне совсем, ну никак нельзя умирать. Я должен дойти…" Но назойливый рефрен продолжал звучать в голове, как тиканье часов.

Часы… Сколько уже времени? Даксель поднес руку к глазам, но практически ничего не увидел, хотя ему показалось, что часовая стрелка уже смотрит почти точно вниз. В любом случае, скоро рассвет, и пора подумать о том, что делать днем.

Сколько он уже отмахал за эту ночь? Пятнадцать? Двадцать километров? Наверняка, не меньше пятнадцати. А сколько еще надо пройти, чтобы почувствовать себя в безопасности?

Где умный человек прячет лист? В лесу. А где лучше всего спрятаться самому человеку? Среди других людей. И пока он не выйдет к людям, не будет ему ни отдыха, ни покоя. Кроме того, Даксель хорошо помнил слова Собеско о боевом охранении пришельцев. Где оно? За всю ночь он ни разу не видел и не слышал ничего подозрительного. Преодолел ли он уже линию патрулей, или она еще впереди? Тогда идти дальше днем слишком опасно, надо переждать светлое время суток в каком-то укрытии…

И все же, он еще слишком близко от корабля пришельцев. Когда его хватятся? Как будут искать? Собак у пришельцев он не видел и сомневался, что они у них есть. Однако пришельцы – это такие ребята, что могут додуматься и до механического пса.

Хорошо бы набрести на какую-нибудь речку. Тогда можно было бы уйти по воде, оборвав след. Но пока ему попадались только заросшие травой канавы, к которым не хотелось даже спускаться, чтобы помыть руки…

Очередной сад кончился, и Даксель оказался на окраине деревни, вернее, того, что от нее осталось. На месте домов, садиков, сараев и гаражей было одно большое пожарище, от которого даже сейчас еле заметно тянуло горелым. Скелеты обгоревших высоких деревьев торчали, как надгробные памятники.

Чтобы не тратить время на обход, Даксель пошел напрямик через развалины. На другом конце деревни, пострадавшем менее сильно, ему посчастливилось наткнуться на уцелевшую колонку. Нажимая рычаг, он извлек из погнутого крана тонкую струйку воды и с наслаждением вымыл руки, ополоснул лицо и всласть напился из горсти. Невдалеке в разбитом и поваленном набок почтовом ящике он заметил полуобгоревший клочок газеты и

взял его с собой. Дакселя сильно беспокоило, что он до сих пор не знает, даже в какой стране находится, и с помощью газеты он надеялся получить ответ на этот вопрос.

Рассвет наступил быстро. Солнца не было видно за тучами, но полоска неба почти прямо за спиной Дакселя окрасилась в оранжевый цвет. Вначале это вызвало у него чувство законной гордости – ночью, без каких-либо ориентиров он точно выдержал направление. Однако затем он вспомнил, что в это время солнце встает, скорее, на юго-востоке, чем на востоке, и понял, что немного отклонился к северу.

Вокруг стало совсем светло, и Даксель решил, что ему не стоит маячить на дороге между рощей и сжатым полем. Кроме того, ему не мешало бы передохнуть и слегка подкрепиться.

Устроившись на небольшом и поэтому слегка неудобном пеньке, Даксель съел несколько веленсин из своего запаса, выбросил корки подальше в кусты и приступил к изучению клочка газеты. Язык, на котором она была напечатана, не был ни картайским, ни шуанским, но благодаря характерным рисочкам над гласными Даксель узнал в нем венсенский. Это привело его в некоторое замешательство – от столицы Венселанда города Пюйк до Эррела было немногим менее трех тысяч километров – это он помнил точно, — а от Эррела до Макьелина – еще четыреста с лишним.

Только сейчас Даксель с полной ясностью почувствовал, какое огромное расстояние отделяет его от дома. Однако делать было нечего – он сам выбрал этот путь. Нужно было только помнить, что каждый пройденный километр приближает его к цели.

Наверное, под впечатлением этих мыслей Даксель решил не ждать вечера, а двигаться дальше, пока усталость не так велика и не хочется спать. Он снова вышел на дорогу, но пошел не по ней, а по кромке травы на обочине, готовый при малейшей опасности спрятаться в посадке.

И дойдя до перекрестка, сразу же увидел на проселочной дороге следы танковых гусениц.

Это неприятное открытие снова поставило перед ним ту же дилемму. Что делать – идти вперед, чтобы постараться преодолеть боевое охранение пришельцев засветло, или передохнуть или дождаться темноты? Поразмыслив, он склонился ко второму варианту. Чтобы играть в прятки с танками пришельцев, нужно быть бодрым и отдохнувшим, поэтому ему необходимы хотя бы несколько часов сна для восстановления сил. Да и, как подумал Даксель, хотя днем танки пришельцев заметны издали, они сами тоже могут его увидеть, а оптика у них

наверняка мощная. Темнота же – его истинный друг и союзник.

Рассуждения Дакселя были логичными и правильными, однако основывались на неполных предпосылках. Даксель не знал, что помимо обычной оптики танки пришельцев были оснащены инфракрасными датчиками и биоискателями, для которых темнота – не помеха.

Возвращаться к месту завтрака Даксель не стал, справедливо полагая, что в такой близости от корабля пришельцев безопасного места для отдыха не может быть по определению. Забравшись в самую глубину очередной лесополосы, то есть, туда, где поля в промежутках между стволами деревьев просматривались с обеих сторон, он отыскал неглубокую ямку, сгреб в нее сухие листья, снял и положил под голову куртку и лег спать, понадеявшись, что комбинезон, выданный пришельцами, не пропустит ни влаги, ни холода.

Предпоследней мыслью, посетившей его перед сном, было то, что он раньше никогда не спал прямо на голой земле. А последней – что в ближайшие дни и недели ему наверняка придется делать впервые и многие другие вещи.

Даксель проснулся, когда на часах было начало второго. Ощущения были не из приятных: все тело ломило, гудели натруженные от ходьбы ноги. Очевидно, кучу листьев ни с какой точки зрения нельзя было признать нормальной постелью.

Немного поприседав, чтобы размяться, Даксель почувствовал себя лучше. Он съел все оставшиеся у него веленсины за исключением одной подгнившей (только поноса ему тут не хватало!) и с сожалением понял, что ни в коем случае не наелся. Сейчас он не отказался бы не только от стандартного пайка пришельцев, но даже и от пресных лепешек из грубо перемолотого зерна, которые им дали вчера на ужин.

Однако чего нет, того нет. Похоже, в ближайшие один-два дня питаться ему придется исключительно фруктами. Хорошо хоть, садов вокруг много…

В любом случае, долго сидеть на одном месте Даксель не мог. Три тысячи километров, отделяющие его от дома, прочно засели в мозгу и он, вопреки собственному решению, не стал ждать темноты.

Вначале он пробовал идти прямо по посадке, но очень скоро отказался от этой идеи. Лесополоса густо поросла лианами и кустарником, так что преодоление каждого десятка метров требовало немалого времени и усилий. В конце концов, Дакселю пришлось вернуться на дорогу. Понятно, шел он с удвоенной осторожностью, в тени деревьев и старательно обходя лужи и

пятна грязи, чтобы не оставлять за собой никаких следов.

Примерно километр спустя посадка кончилась. Дорога вывела его на берег небольшой речки, заросшей травой и камышом. Местность вокруг была совершенно открытая, километрах в двух-трех выше по течению виднелись развалины довольно большого села или мелкого городка, а еще дальше угадывались на горизонте очертания горных вершин. Прямо напротив через речку был переброшен узкий мостик, а за ним дорога пересекала большой луг и ныряла в распадок между двумя пологими возвышенностями, поросшими кустарником.

Даксель набирался смелости не меньше получаса, прежде чем решился преодолеть открытый участок. "Надо дождаться темноты", — говорил его рассудок, но что-то внутри гнало и гнало его вперед, и в конце концов Даксель рискнул.

Пригибаясь, он одним броском преодолел сорок или пятьдесят метров до речного берега и по невысокому склону скатился под мост. Это было какое никакое, но укрытие, и Даксель потратил еще несколько минут, чтобы сполоснуть лицо и руки и даже напиться прямо из речки прохладной, чистой, хотя и слегка мутноватой воды с почти незаметным привкусом. Это тоже было для него в новинку: раньше он никогда бы не стал пить такую воду, в которой неизвестно что содержалось. Что же, бродягой быть, по-бродяжьи жить.

Вокруг было по-прежнему тихо, и Даксель почувствовал себя увереннее. Он трусцой перебежал мост, пересек луг и, наконец, с облегчением нырнул в кусты, растущие по склонам пригорка. Там он и провел следующие две квинты, напряженно прислушиваясь к окружающему. Однажды ему показалось, что за щебетом птиц и шорохом листьев он слышит отдаленный звук мотора, но это ощущение ушло так же быстро, как и пришло.

Сидеть в кустах было не совсем приятно и даже немного стыдно, и Даксель снова выбрался на дорогу, которая вскоре вывела его на перекресток. Там он снова увидел следы войны – несколько сожженных дотла автомобилей и грузовиков, сброшенных на обочину. На асфальте опять были следы танковых гусениц.

Местность за шоссе начала меняться. Она стала выше и несколько суше, лесополосы исчезли, равнину сменили невысокие возвышенности и распадки, а дорогу вместо полей обступили плантации винной ягоды.

Даксель не преминул сорвать несколько кистей и теперь шел, сплевывая в траву мелкие косточки. Аппетит у него, впрочем, совсем пропал. Его беспокоило, что он идет по дороге слишком открыто, но свернуть и двигаться прямо через плантации мешали

сразу три вещи. Во-первых, пробитые среди растений широкие колеи показывали, что танки пришельцев не обращают внимания на подобные препятствия. Во-вторых, Даксель боялся, что его демаскируют птицы: даже двигаясь по дороге, он то и дело спугивал небольшие стайки. Наконец, ровные ряды шпалеров тянулись почти под прямым углом к его маршруту, и движение вдоль них почти не приближало его к цели.

Будучи человеком, далеким от сельского хозяйства, Даксель не знал, что солнцелюбивую винную ягоду всегда высаживают рядами по направлению "восток – запад", лицом к югу, чтобы полуденное солнце освещало сами растения, а не промежутки между рядами. Другое дело, что Даксель, не имея ориентиров, не заметил, как отклонился с нужного направления и двигался теперь не на запад, а скорее, на северо-северо-запад, тем не менее, все приближаясь к границе тридцатикилометровой зоны безопасности.

Проклятые виноградники наконец кончились, и Даксель со счастливым вздохом облегчения сошел с дороги, чтобы передохнуть в небольшой рощице. Почва здесь была суше, кустарник рос не так густо, как на равнине, но толстые светло серые стволы и раскидистые кроны заморской чинары представляли собой неплохое укрытие.

Дорога впереди снова выходила на открытое место, и Даксель решил, что ему вначале необходимо получше осмотреть окружающую местность. Следы танков попадались на каждом шагу и, хотя они перестали так сильно пугать его, как в первый раз, опасность ни в коем случае нельзя было преуменьшать.

Оглянувшись по сторонам, Даксель посчитал, что лучшего наблюдательного пункта, чем невысокий пологий холм примерно в полукилометре впереди и справа, ему не найти. Роща, в которой он находился, дотягивалась до подножья холма, а вершина его поросла кустарником, что должно было обеспечить нужную степень скрытности.

Не слишком торопясь и стараясь держаться наиболее густых зарослей, Даксель двинулся по направлению к холму. Он преодолел примерно половину пути, как вдруг уловил на вершине какое-то движение. Спрятавшись за толстый ствол дерева и присев на корточки, Даксель осторожно высунул голову и увидел, как, подминая кустарник, в беспорядке росший на вершине холма, на край склона выбирается танк пришельцев.

Даксель мысленно схватился за голову. Он и на самом деле не подумал, что таким хорошим наблюдательным пунктом может воспользоваться и кто-то еще. Впрочем, особого страха он не испытывал. В роще преобладала вечнозеленая растительность,

которая должна была надежно скрывать его от самой чувствительной оптики, а толстые стволы деревьев давали надежную гарантию, что танки не станут углубляться в заросли. Выдать себя он мог только случайно, резким движением, поэтому Даксель затаился, рассчитывая, что танки рано или поздно уйдут сами.

Почти спокойно Даксель снова выглянул из-за ствола и был неприятно поражен до глубины души. Обращенный к нему склон холма казался слишком крутым для тяжелой машины, но танк и не собирался по нему спускаться. Вместо этого он поднялся в воздух и начал медленно планировать вниз. Как показалось Дакселю, прямо на него!

"…А танки летают? Если господин майор сказал, значит летают. Только низко-низко", — вспомнился Дакселю старый анекдот, но тут ему стало совсем не до смеха. Справа и слева послышался рокот двигателей, и он понял, что его засекли и по всем правилам берут в клещи.

Каким образом? Почему? Не важно! Надо что-то делать! Даксель начал медленно отступать вглубь рощи. Спрятаться? Бесполезно! Обложат, вызовут подмогу и найдут. Бежать? Но куда? В виноградники? Безнадежно! Догонят и поймают. Наверное, остается только перебежать дорогу и попробовать скрыться на той стороне. Может быть, там роща побольше и получится играть в кошки-мышки до темноты, когда можно будет попробовать уйти, или, вообще, найти местность, непроходимую для танков… А для летающих танков?… Удача! Вот, что необходимо сейчас больше всего! Удача, где ты?!… "Умереть бы, но за стеной… Застрелили б, но в чистом поле…" Нет! Только не это! Нет!…

Бежать было уже поздно. Даксель был уже засечен биоискателями и запеленгован танками дозорной шестерки. Разорвавшийся неподалеку снаряд со снотворным газом отправил его в темноту.

…А после ужина всех вдруг вызвали на общее построение. Кен Собеско чувствовал себя отвратительно. Он догадывался, в чем дело.

Обычно он стоял между Шелни и Дакселем, но теперь его соседями в строю стали Рико и какой-то местный, удивленно протирающий заспанные глаза. Недопроспавшийся бригадир тоже уже знал, что одного человека не хватает. Он был бледен и обильно потел, постоянно зыркая по сторонам, будто надеясь где-то углядеть не явившегося на построение Дакселя.

Наконец, ворота в зону открылись. Первыми появились два

десятка вооруженных пришельцев. Рассыпавшись редкой цепочкой, они взяли строй под прицел иглометов. Лица у пришельцев были строгие и суровые: было видно, что в случае малейшего неповиновения они начнут стрелять сразу и без колебаний.

Затем в воротах появилась еще одна группа. Впереди шел "главный" пришелец с очень недовольным и слегка растерянным лицом. Его сопровождала свита из нескольких офицеров, обычно руководящих работой бригад, а за ними… за ними еще двое вооруженных пришельцев конвоировали Дилера Дакселя!

Наверное, Собеско было бы легче, если бы он знал, что побег Дакселя вызвал на корабле пришельцев преизрядный переполох. Поимка танковым патрулем неизвестного (тогда еще неизвестного) филита превратилась в грандиозный скандал, особенно грандиозный, поскольку пришелся он на вечер выходного дня. Командующий охранением был вызван к командиру корабля генералу второй величины Пээлу и был подвергнут жуткому разносу за замечательное состояние периметра безопасности, через который, как оказалось, местные жители могут незамеченными проникать в якобы полностью зачищенную 30-километровую зону.

Защищаясь, командующий охранением выдвинул версию, что неизвестный вовсе не пересекал периметр, а с самого начала кампании прятался в зоне и только сейчас попался патрулю. За этим опрометчивым заявлением последовал разнос номер два: чем, во имя Черных Звезд, занимается охрана периметра, насчитывающая целых девять полных шестерок танков "Охотник", если ей понадобилось более тридцати местных суток, чтобы найти и поймать одного злостного нарушителя?! Командующий охранением оскорбился и, хотя этого не следовало бы делать, напомнил командиру, что пятьдесят четыре танка на всю зону безопасности – это не просто мало, а очень мало, и что он лично еще две дюжины дней назад рекомендовал провести в зоне большую облаву с привлечением экипажа.

Этот спор, наверное, продолжался бы еще долго, но тут на связь вышла группа, отправленная за пленным. Согласно ее сообщению, на задержанном был стандартный рабочий комбинезон, в какие одеты пленные, работающие на строительстве, а на его шее – слабый, но заметный след от радиофицированного ошейника.

Генерал Пээл переваривал эту информацию с полминуты, но затем проявил себя справедливым начальником. Он извинился перед командующим охранением, с ходу объявил ему и оператору патрульной шестерки благодарность за поимку беглеца, а затем

скандал разгорелся с новой силой и с новыми участниками…

Собеско не знал об этом и не думал о таких вещах. Все его мысли занимал Дилер Даксель, друг, с которым он познакомился чуть больше месяца назад и прожил рядом три недели. Даксель был спокоен и чуть насмешливо смотрел на застывший напротив него строй, освещенный прожекторами. Он – это было заметно – ни о чем не жалел и был готов ко всему.

Глядя на Дакселя, Собеско пропустил какую-то часть церемонии, и речь начальника зоны он начал воспринимать где-то с середины.

— …Этот человек, один из вас, проявил ум и смелость. Он догадался, что в ошейниках, которые надеты на каждого из вас, нет взрывчатого вещества…

В строю слышится какое-то шевеление. Пришельцы с иглометами крепче сжимают оружие.

— …Я повторяю, в ваших ошейниках нет взрывчатого вещества. Они предназначены для того, чтобы мы знали, где вы находитесь, и контролировали ваши передвижения. Однако! — начальник зоны повышает голос или, может быть, увеличивает громкость динамика, — Я не советую вам снимать их. Любые отключения, а расстегнуть ошейник – значит, отключить его, отлично выявляются нашей аппаратурой. Тому, кто попробует снять ошейник, радиодатчик будет вшит под кожу!

Снова оживление в рядах. Несколько человек, было потянувшие руки к ошейникам, немедленно опускают их, отшатываясь, как от раскаленного железа.

— …Я понимаю, что вас больше всего волнует неизвестность вашего будущего… — на этот раз начальник делает паузу, давая возможность перевести его слова тем, кто не понимает баргандского. — Я обещаю, что по окончании работ, примерно, через три четверти вашего года, вам будет возвращена свобода. Вы получите выбор – покинуть зону колонизации или остаться в ней в качестве вольнонаемных рабочих, получающих за свой труд справедливую оплату…

Снова ропот, еще более сильный, но никто не трогается с места. Пришельцы с иглометами – тоже.

Зона колонизации? Это что-то новенькое… Выходит, пришельцы и в самом деле хотят тут поселиться?…

— …Поэтому, надеясь на ваше понимание, я хочу предупредить вас, что любая попытка побега будет не только бесполезна, но и бессмысленна. Вокруг корабля находится круглосуточно наблюдаемая и патрулируемая зона безопасности. Как вы можете видеть на примере этого человека, проникнуть через нее невозможно…

Не факт это, не факт. Еще неизвестно, как они поймали Дилера. Может быть, случайно попался. Но зона безопасности и патрули – это правдоподобно. Запомним…

— …Что касается этого человека, то за побег он получит очень суровое наказание. Мы вынуждены передать его Отделу специальных исследований Службы Безопасности Империи. Проявите сочувствие к нему. Он поступил смело, но глупо. Теперь, в отличие от всех вас, он не имеет никаких шансов вернуться на свободу.

Короткая команда на языке пришельцев. Дакселя медленно проводят вдоль строя и уводят за ворота. Он не оборачивается.

Однако сколько же новой информации! Империя, Служба Безопасности, Отдел специальных исследований (судя по названию – на редкость мрачная организация), возвращение домой через семь с половиной месяцев… Можно ли им верить? Вряд ли… Но все же – еще не все потеряно. Эх, Дилер, Дилер…

Церемония заканчивается. Вооруженные пришельцы четко разворачиваются и уходят, окружив кольцом начальника зоны со свитой. Кто-то из чужой бригады командует по-баргандски: "Разойдись!"

Что же, теперь можно и расходиться. Эх, Дилер, Дилер…

Война – это когда ты теряешь, теряешь и теряешь друзей. Сначала – Билон, потом – Эргемар, Урган, Чирр Чолль, Шелни, теперь вот – Даксель. Кто следующий?

Никого. Друзей больше нет. Рядом – нет.

Зато есть, ради чего нужно вырваться отсюда. Хочешь не хочешь, а теперь его путь лежит в одном направлении – в Макьелин.

Но день на этом не кончился. Сразу же после окончания церемонии бригадир и его заместитель были вызваны к начальнику зоны и не вернулись. Затем посыльный – молодой расторопный паренек, по капризу судьбы получивший от пришельцев эту непыльную должность, — передал приглашение и Собеско.

Домик начальника походил на небольшую крепость, и Собеско в очередной раз подумал, что пришельцы, похоже, слегка побаиваются своих пленников. Чтобы попасть туда из зоны, надо было сначала нажать кнопочку у входа, затем дождаться зуммера и разрешающего сигнала оранжевой лампочки и только потом потянуть на себя тяжелую массивную дверь. И даже после этого оказываешься не внутри, а в узком коридорчике, отделенном от остального помещения толстым стеклом.

— *Миида ак… ах…* — попытался выговорить Собеско сложное

слово.

— Не надо, — оборвал его голос начальника зоны из динамика. — У вас будет время это выучить. Я вижу, что вы прибыли.

Кроме начальника, в помещении было еще трое пришельцев. Само помещение было заполнено незнакомой аппаратурой и почему-то напомнило Собеско вычислительный центр в здании правления компании "Ренгер" в Реперайтере.

— Не отвлекайтесь, — недовольно сказал голос из динамика. — Вы знаете язык, и это хорошо. Вы не пошли в побег со своим товарищем – значит, вы осмотрительны и благоразумны. Вы военный – значит, вы умеете приказывать и подчиняться. Ваш прежний бригадир и его заместитель сняты со своих постов и отправлены рядовыми в другие бригады. Я назначаю на должность бригадира вас. Письменные инструкции и знаки отличия вам передадут. Заместителя назначите себе сами. Идите!

— Есть! — ошеломленно сказал Собеско и от неожиданности впервые в жизни сделал поворот "кругом" через правое плечо. Он ожидал всего, что угодно, но только не этого.

"Жизнь – ироничная штука", — пробормотал про себя Собеско.

Вероятно, он бы еще сильнее утвердился в этом мнении, если бы знал, что происходило в этот момент примерно в восьми тысячах километров к западу.

— Извините, — Лада Вакену несмело подошла к столику дежурного. — Вы не скажете, где сейчас Кен… Кен Собеско?

— Собеско? — дежурный с интересом посмотрел на Ладу и, кажется, узнал ее. — Нет его.

— Я вижу, что его нет. А где он есть?

— В лагере его нет. Совсем. Он на работу завербовался.

— Когда? — ошеломленно спросила Лада. Ей показалось, что ее сердце с размаху ухнуло куда-то вниз. — Когда это случилось?

— Когда? — переспросил дежурный. — Да неделя уже, наверно, прошла. Кажется, он с вами попрощался, и в то же утро они и ушли, все втроем. Точно.

— И когда они вернутся? — в голосе Лады явственно послышались просительные нотки.

Дежурный нахмурился.

— Говорят, что-то плохое с их бригадой случилось, — нехотя сказал он. — Не знаю, что, но плохое. Так что, может быть, они уже и не вернутся больше… Подождите! Что с вами?! Вам плохо? Присядьте.

— Нет, все нормально, — сквозь зубы процедила Лада. — Со

мной все в порядке.

"Успокойся, — уговаривала она себя. — Что ты так разнервничалась? Ну, уехал он. Ну и что? Это же был обычный грубый бесчувственный вояка, с ним почти невозможно было разговаривать о чем-то отвлеченном. Он не читал те же книги, что и ты, не смотрел те же фильмы, не ходил в театр, не посещал выставки, да и в постели был – прямо скажем – хорош, но не более того…"

Но на самом деле Лада Вакену знала, что все это вторично, третично, десятерично. Главное, Кен был сильным и надежным, с ним она всегда чувствовала себя спокойно. И рядом с Кеном она никогда не была одинокой. Не была…

"Боже, какую ошибку я совершила! — подумала она. — Какую ошибку…"

Никогда не возвращайтесь к тому, что оставили позади. Никогда…

Глава 49. Образ жизни

Пир во время чумы… Тот, кто первым додумался до этого, был мудрым человеком. Только во время чумы и может быть настоящий пир, когда веселье бьет через край, когда душа нараспашку и когда наслаждаешься каждой минутой, забыв обо всех бедах, но в глубине души помня, что каждая такая минута может оказаться последней.

Такая вот себе гамма чувств… Гредер Арнинг иронично усмехнулся над собственной фантазией. И чумы никакой нет – бомбить уже недели полторы, как прекратили, и пир, в общем-то, так себе – обычная среднестатистическая пьянка, пусть даже и по большому поводу – завершение прокладки подземного входа и проводы Диля Адариса.

Застолье уже достигло той стадии, когда единый коллектив разбивается на группы и пары. Леттер Ярки, сидевший по правую руку от Арнинга, был всецело поглощен своей соседкой – хорошенькой Нитой Серенис. Отец Ниты, старый Рон, беседовал о чем-то с Нейлом Вифинисом, в то время как Ланта Вифинис уточняла какие-то последние детали с Дилем Адарисом. Дальше увлеченно рассказывал что-то свое Лефандур Герцен, а за ним все терялось в сумраке, с которым не под силу было справиться одинокой керосиновой лампе, стоящей на ближнем конце стола.

Гредер Арнинг оставался вне компаний, но его это устраивало. Он не любил подобные пьянки – беспорядочные, бессмысленные, затеваемые по всякому поводу и без повода. Посидеть с друзьями за пивом или бутылкой хорошего вина – вот это было в его вкусе. Но накачиваться самогоном в компании полузнакомых и вовсе незнакомых людей – нет, этого он решительно не принимал.

Сегодня Арнинг вообще чувствовал себя не в своей тарелке. Наверное, все дело было в Адарисе.

Инженер выполнил обещание – проложил подземный ход из воронки прямо в тамбур бомбоубежища, и теперь его неудержимо тянуло в дорогу. А вместе с ним – и Гредера Арнинга.

Возможно, даже он сам вряд ли мог бы внятно выразить овладевшие им противоречивые мысли и чувства. С одной стороны, Галана стала ему невыносимой. Он не мог больше видеть любимый город, превратившийся в развалины, и не мог больше жить в месте, где погибла Рэл и где их сын так и не дожил до своего третьего дня рождения. В последние дни, когда спало безумное напряжение, он чувствовал вокруг себя страшную зияющую пустоту. И Рэл, и малыш незримо оставались с ним,

словно фантомная боль в ампутированной руке. Воспоминания приходили непрошенными и приносили с собой невыносимую боль и тоску. Днем Гредер Арнинг мог забываться в тяжелой и не привычной для него работе, но бесконечными бессонными ночами он мог только вцепляться зубами в подушку, содрогаясь в беззвучных рыданиях. Уйти означало попытаться оставить все это позади, заполнить пустоту в душе новыми заботами и проблемами.

Это было на одной чаше весов. Однако другую властно тянула вниз надвигающаяся зима, уже напоминающая о себе заморозками и холодными ветрами. Зима, и еще расстояния. Огромные просторы его родины, вдруг ставшие непреодолимыми. От Самодонеса, где жили его родители, до Галаны было триста семьдесят километров по автостраде. Раньше он преодолел бы их на машине чуть больше чем за два часа. Сейчас каждый из этих километров казался бесконечным.

Если бы Гредер Арнинг был уверен, что его родители живы и остались в Самодонесе, он бы, наверное, решился. Но их могли и эвакуировать, а бесцельного похода он почему-то боялся больше всего. Но где тогда цель? До Флонтаны, куда увезли Вирту Эрилис, почти тысяча километров. До Фраувенга, куда так рвался Диль Адарис, — еще больше. Нет, чтобы решиться на такой поход, надо было быть Адарисом, с его непоколебимой уверенностью в том, что раз он верует в Бога, с ним не может случиться ничего плохого. Арнинга очень раздражал этот наивный оптимизм. Несколько раз он порывался высказать Адарису все, что он об этом думает. Но – сдерживался.

Арнинг не верил ни в бога, ни в удачу. Он понимал, что ему не под силу тысячекилометровый путь. Но Адарис с его решимостью и убежденностью искушал его, беспокоил, неудержимо манил несбыточным шансом.

Арнингу было бы легче, если бы здесь его что-то держало. Но он, наоборот, чувствовал себя лишним и ненужным. Когда он работал спасателем, ему не хватало навыков, опыта и умения, но были силы, выносливость и огромное желание. Сейчас этого желания он в себе больше не находил.

Он знал, что с ним происходит. Комплекс отличника, отягощенный неблагоприятными условиями. Он привык всегда и во всем быть первым или, по крайней мере, добиваться успеха – в школе, в университете, в работе, в спорте, в личной жизни… Несчастья, обрушившиеся на него, не сломали, но надломили его. К тому же, впервые в жизни он оказался в ситуации, где все его знания и умения бесполезны и, по большому счету, никому не нужны.

Ну да, чего здесь и сейчас стоит его умение разбираться в сложных финансовых документах или знание трех иностранных языков? Даже учить детей он не в состоянии. Пожилая супружеская чета, живущая в двух кварталах отсюда, — он учитель математики, она – чинетского, делают это куда лучше и профессиональнее.

А еще эти – так называемые "стальные крысы", а на самом деле – обычные обитатели подвалов и помоек. Все, на что их хватает, — это рыскать по развалинам в поисках поживы, да по вечерам хвастаться своей крутостью за стаканом самогонки. Если бы не эти постоянные пьянки, они бы закончили проход намного скорее. А так, им пришлось возиться целых десять суток, причем по-настоящему работали только трое – он сам, Адарис и Нейл Вифинис. Остальные только заглядывали и то – больше чесали языками, чем махали лопатой. Зато праздновать уж приперлись все, кому не лень…

Гредер Арнинг знал, что его формулировки резки и несправедливы. "Стальные крысы" существовали на самом деле. Это была сплоченная группа из трех десятков семей, поддерживающих и помогающих друг другу. И пока Нейл Вифинис трудился в туннеле, кто-то приносил его жене и дочери часть найденных в развалинах вещей и съестных припасов, а кормить землекопов обедом несколько раз приходили совсем незнакомые Арнингу женщины.

Беда в том, что он никак не мог себя почувствовать своим среди этих людей. Он много раз ругал себя за высокомерие и чистоплюйство, но он – человек другого круга и ничего не может с этим поделать. И пока не приспособится – а это может занять не один месяц – он постоянно будет ощущать дискомфорт.

Конечно, никто его тут не держит. Но есть ли альтернатива? В Галане осталось не так уж и мало людей, но он не знает, как найти среди них друзей или знакомых. Где-то все еще идут восстановительные работы, но за последнюю неделю пришельцы трижды бомбили город, всякий раз с необъяснимой точностью разрушая то, что удавалось с таким трудом возродить. По слухам, упрямый и несгибаемый мэр все еще не сдается, надеясь на что-то. Гредер Арнинг больше не надеялся ни на что.

Где-то в темноте послышалась возня. Лязгнула дверь, и в круге света появился доктор Тайдемар Станис, встреченный приветственными криками.

Еще один чужой в этой компании. Но Станиса это не волнует, у него есть свое дело, все относятся к нему с подлинным благоговением, всякий готов ради него в лепешку разбиться, а Лефандур Герцен – тот и в глаза уважительно и с восхищением

называет его спасителем… И чего он не пошел в свое время на медицинский? Было же, было такое желание! Нет же, потянуло учиться на экономиста…

Ответив на приветствия и отказавшись от выпивки – все восприняли это как должное – доктор Станис сел на свободное место. Рядом с понурым Гредером Арнингом.

— Тоскуешь? — спросил Станис.

Он был весь какой-то веселый и возбужденный, аж зависть брала.

— Тоскую, — мрачно сказал Арнинг, делая попытку отвернуться.

— И зря, — веско заявил Станис, накладывая в тарелку салат.

— Что зря?

— Тоскуешь зря.

Арнинг пожал плечами. Сейчас ему ни с кем не хотелось разговаривать. Даже с Тайдемаром Станисом – самым близким для него здесь человеком, можно сказать, родственником.

Оставил бы его в покое, что ли.

Как же.

— Зря, говорю, тоскуешь, — весело повторил Станис. — Тут такие дела вокруг делаются, праздновать надо.

— Тоже мне, свершение, — пробормотал Гредер Арнинг. — Прокопали, подумаешь, еще одну крысиную нору.

— Да я не об этом, — рассмеялся Станис. — Люди говорят, сегодня электростанцию запустили!

— Какую еще электростанцию?

— Гидро. На реке, там где каскад. Там, оказывается, до прошлой войны электростанция была. Вот ее восстановили и запустили.

— Толку-то? — устало пожал плечами Арнинг. — Снова прилетят пришельцы, все разбомбят.

— Не-ет, — хитро прищурился Станис. — Не разбомбят. Там хорошо замаскировано. Я, конечно, сам не видел, но мне рассказывали, что все под землей спрятано. И никаких проводов вокруг – одни кабели. Да и парк там был, помнишь? Вряд ли пришельцы догадаются.

— Это хорошо, — сказал Арнинг, надеясь, что Станис, наконец, угомонится.

— Так это еще не все! — Тайдемар Станис словно не замечал плохого настроения Арнинга. — Теперь радиосвязь есть! И с Флонтаной, и с Фланконде и даже с Элертой! Я попросил, чтобы от нашего имени радиограмму отправили. Для Кэрт и Вирты. Чтобы они знали, что мы живы и здоровы.

— Послушай, Тайд, — Гредер Арнинг изо всех сил пытался

оставаться вежливым. — Я, конечно, благодарен тебе за попытку поднять настроение, но… не надо. Оно у меня сейчас такое… неподнимаемое. Это пройдет. Диль завтра уходит, и тогда мне станет легче.

— Тебе хочется уйти вместе с ним?

— Я не могу быть здесь, — признался Арнинг. Он снизил голос до шепота, чтобы не слышали остальные сидящие за столом. — Это не жизнь! Я не могу весь день копаться в земле или бродить по развалинам, а по вечерам наливаться под горло этой мерзостью! Но что самое паскудное, ни на что больше я не способен. Я здесь никто, неквалифицированная рабочая сила… Все равно, тебе этого не понять!

— Отчего же? — Станис с интересом рассматривал Арнинга. — Я понимаю. Как врач, я бы посоветовал тебе сменить образ жизни.

— Очень смешно, — скривил губу Арнинг.

— Я не шучу. Работу над подземным ходом вы, как я понимаю, закончили, так что сходи завтра в мэрию. Знаешь, где она сейчас? На улице Рамелиса, недалеко от цирка, в здании спортивной школы. Я ручаюсь, что там ты сможешь найти себе занятие, которое полностью поглотит все твое время и избавит тебя от душевных страданий.

— Я представляю, что это будет за работа, — зло сказал Арнинг. — Опять копать землю или считать банки с тушенкой на складе. Для чего-то другого у меня не хватит квалификации.

— Жалеть себя – это самое непродуктивное в мире занятие, — жестко сказал Станис. — Перестань, Гредер. Тебе это не идет. Не уподобляйся растерянным интеллигентам времен гражданской войны. Почти все они плохо кончили. Ты сам обязан на волосы вытащить себя из болота, в котором ты сейчас благополучно мокнешь. Старая жизнь кончилась, и тебе необходимо найти себе место в новой. Считай, что ты просто собираешься еще раз переквалифицироваться.

— Знать бы, в кого, — проворчал Арнинг. — Сомневаюсь, что здесь и сейчас мне найдется занятие по душе.

— А ты поменьше сомневайся. Люди вообще плохо осведомлены о собственных возможностях. Вот увидишь, ты еще сам себе удивишься. А сейчас как врач прописываю тебе крепкий и здоровый сон.

Забрав у кого-то бутылку, Станис молча набулькал Арнингу полстакана самогона.

— Какая гадость! — поморщился Арнинг. — Вот с этого – и здоровый сон?

— А ты когда-нибудь слышал про нездоровый? Было время,

такую микстуру вместо наркоза принимали. А я тебе – всего лишь вместо снотворного. Так что пей и иди спать. А завтра у тебя уже появятся другие проблемы.

Однако первым, кого увидел Гредер Арнинг, зайдя поутру в общую комнату, был Диль Адарис. Он сидел за столом, еще носившим следы вчерашнего пиршества, и завтракал вместе с Лантой Вифинис и Ритой.

— Доброе утро, — немного растерянно поздоровался Арнинг. — Вы не ушли?

— Я проспал, — смущенно признался Адарис. — Но я не хочу уподобляться одному литературному герою, который каждый день собирался уходить послезавтра. Я ухожу сегодня. Сейчас.

— А где остальные? — спросил Гредер Арнинг, присаживаясь за стол. — Тоже проспали?

— Нет, папа с дядей Леттером ушли еще раньше, — немедленно пояснила Рита. — Папа сказал, что вчера нашли что-то интересное, но не успели откопать. Вот они и пошли откапывать.

"Меня даже не стали будить, — кольнула Арнинга непрошеная мысль. — Видно, совсем не считают за работника…"

Он почувствовал, что снова заводится и поспешно оборвал себя.

— Ну что же, — Диль Адарис медленно и торжественно встал из-за стола. — Пора мне собираться.

— Да-да, — рассеянно отозвалась Ланта Вифинис, собирая со стола. — На дорожку не хотите?

Адарис молча покачал головой. Стоя посреди комнаты, он не спеша одевался. Застегнул до горла теплую фланелевую рубашку, надел один свитер, второй, натянул унты, запахнул полы теплого полушубка слегка не по размеру, сунул руки в лямки огромного рюкзака с пристегнутой к нему свернутой палаткой…

Гредера Арнинга не покидало ощущение какой-то неправильности. Диль Адарис уходил как-то слишком буднично, словно впереди его ждал не почти безнадежный тысячекилометровый путь, а обычный турпоход с ночевкой. Ланта Вифинис спокойно продолжала собирать со стола, и только любопытная Рита, прекратив жевать, смотрела на одевающегося Адариса во все глаза.

Так не уходят. По крайней мере, не уходят навсегда.

Адарис тем временем надвинул на глаза меховую шапку с наушниками.

— Ну, не поминайте лихом, — глухо сказал он. — Да сохранит вас Единый.

— Подождите! — вдруг вскочил с места Гредер Арнинг. — Давайте, я провожу вас. Хотя бы до окраины. Мало ли, что может случиться в городе.

И торопясь, бросился одеваться.

— Дядя Гредер, — остановила его Рита. — А вы скоро вернетесь? А то мне по математике задачку трудную задали. Вы поможете?

— Конечно, помогу, — уверенно сказал Гредер Арнинг. — Как только приду. Я скоро вернусь, Рита.

Кажется, в этот момент он сам в это верил.

Холодный ветер бросил им в лицо пригоршню снега.

— Зима, — с удивлением сказал Арнинг.

Ночью выпал снег, отчего все вокруг сделалось красивым и немного нереальным. Снег превратил развалины в таинственную зимнюю крепость, закрыл собой кучи обломков и закрасил пятна копоти. Мир стал черно-белым и необычно пустым и тихим. Только узкая дорожка полузанесенных ветром следов напоминала о том, что в этом мире еще сохранились люди.

— Вы идете? — окликнул Арнинга Диль Адарис.

— Да-да, конечно, — Арнинг поспешно поднялся наверх из воронки, куда выходил немного наклонный подземный ход. — Я иду.

Снег изменил пейзаж, исказив и засыпав привычные ориентиры, но Адарису это не мешало. Он уверенно шел среди развалин и покрытых снегом пожарищ, точно придерживаясь заданного направления. В своей зимней одежде он казался здесь полностью на месте и выглядел, словно полярник, упорно пробирающийся по бесконечным льдам к далекой цели. А вот Арнингу, в его легкой кожаной куртке, было довольно прохладно. Перчаток он не надел, и холодный металл охотничьей двустволки, которую он взял с собой (Адарис отказался от оружия наотрез), обжигал руки. Однако Арнинг был втайне рад этому. Теперь ему никуда не хотелось уходить. Он даже пожалел Адариса, обрекшего себя на холод и одиночество.

Площадь Барениса открылась, как всегда, неожиданно. Снега там намело особенно много, и отважный капитан словно вернулся в полярный океан, на обледеневший мостик своего корабля. Снег прятался в складках его бронзового реглана и покрыл острым холмиком капюшон.

— Спасибо, что проводили меня, — Диль Адарис повернулся к Арнингу. — Дальше я могу пойти и один.

Одна из широких улиц, выходящих на площадь, через несколько километров выводила из города, превращаясь в

автомобильную магистраль, ведущую на юг. Заблудиться здесь, действительно, было невозможно.

— Нет, я, наверное, еще немного пройду с вами, — сказал Арнинг. — Право, меня это не затруднит.

Он чувствовал, что, попрощавшись с Адарисом и повернув назад, он навсегда закроет для себя что-то важное, оставит нереализованным подвернувшийся ему шанс. Чувствовал и хотел отдалить этот момент.

От площади кто-то уже успел протоптать тропинку в нужном направлении, и они могли идти плечом к плечу.

— Вы неспокойны, — вдруг сказал Адарис, не поворачивая головы. — Хотите, я дам вам на прощание хороший совет?

Арнингу не понравилось это "на прощание".

— Нет, спасибо, — сухо поблагодарил он. — Я представляю, какой это будет совет. Не надо.

— И очень зря, — с неожиданным жаром сказал Адарис. — Вы совершенно напрасно отвергаете Бога. В вашей душе нет спокойствия. Бог любит вас. Поймите это, почувствуйте эту любовь, и вам станет легче.

— Простите, — покачал головой Арнинг. — Но это не для меня. Я, признаться, недолюбливаю церковь. Она претендует на то, чтобы быть моральным оплотом нации, но я не вижу за ней ничего, кроме людской суеты. Вся та же борьба за власть, приправленная лицемерием и ханжеством. В нашей стране четыре официальные церкви, и все они постоянно грызутся друг с другом, хотя еще полторы тысячи лет назад всеми церквами Единого был принят Тогродский Ковенант о взаимной терпимости.

— Но ведь это только внешнее, то, что отражает несовершенство людей, — возразил Адарис. — Когда вы включаете свет, то ведь не думаете о свойствах электропроводки. Точно так же, любой священнослужитель независимо от его личных качеств – это проводник, по которому нисходит божья благодать. А если вам не нравятся сухость и надмирность официальных церквей, приходите к нам, в нашу церковь Живого Слова. У нас народная, демократическая церковь, мы обходимся без роскошных храмов, статуй святых и парадных облачений. Мы все – одна большая семья…

"О, да, — подумал Арнинг. — А еще, добавим, и отлично функционирующее коммерческое предприятие. С собственными печатными изданиями, учебными заведениями, квалифицированными проповедниками и пропагандистами, отлаженной до мелочей системой привлечения неофитов. И аккуратно взимающее со всех своих прихожан не обычный

церковный налог, который равен 7,5 % от налога на заработную плату, а полноценную десятую часть доходов. И это не считая периодических пожертвований на аренду залов, на форменную одежду для церковных хоров, на приглашение зарубежных гостей, да мало ли на что…". Впрочем, не его это дело, да и Адарису, похоже, там нравится, так что он знает, за что платит деньги.

— Дело не в обрядах и храмах, — сказал он вместо этого. — Я, наверное, слишком атеистически образован, чтобы поверить в бога так, как верите вы. Я интересуюсь историей и знаю, когда и каким образом возникла вера в Единого, почему она стала востребованной и как выросла до одной из мировых религий. Кстати, то, что мы говорим "Единый" – не совсем правильный перевод. На самом деле, его имя на языке оригинала – "Алохим" – "Единственные", с окончанием абстрактного множественного числа. Так что, сводить все к Откровениям, искать в них ответы на все вопросы я не могу. Простите, я не могу поверить, что бог создал человека из земли, когда существуют найденные в той же земле кости наших далеких предков.

— Вы ошибаетесь, — мягко заметил Адарис. — Вы, вероятно, плохо читали Откровения. Это святая книга, книга на все времена и для всех ситуаций. Даже про нас там написано так: "Когда народ твой в беде и когда смерть грозит отовсюду, призови Бога на помощь. И если не покинет надежда сердце твое, она придет". Вам нужно только поверить и попросить о помощи, когда это будет действительно необходимо. И помощь придет. Когда я пришел в нашу церковь, я потерял работу и был в отчаянии. И Бог помог мне, я нашел новую работу, еще лучше прежней. А то, что в Откровениях написано, что Бог сотворил человека из земли, это аллегория. Она означает, что все мы имеем корни на этой земле, и что мы все разные и, порой, несовершенные как она сама.

"А не за это ли, случайно, прокляли Крэя Делама, творца эволюционной теории? — вспомнил Арнинг. — Тот, вроде бы, тоже рассуждал, какие в Откровениях скрыты аллегории и что они означают. А что касается божьей помощи – сколько истинно верующих людей погибло в этом городе за последний месяц?! И каждый из них, наверное, надеялся, что Бог поможет ему…". Но говорить это было бы запрещенным приемом, и Арнинг промолчал.

А вот для Адариса не было запрещенных приемов.

— Бог не смог помочь вашей семье, потому что вы не попросили Его об этом. Но вы еще можете спастись. Ответьте Богу на его любовь к вам. Возлюбите Его всем сердцем. И вы станете совсем другим человеком. Все зло в мире не от Бога, и тот, у кого Он в душе, никогда не совершит злодейства.

— Разве атеисты так сильно отличаются от верующих? — довольно резко спросил Арнинг. Эта беседа уже начинала его раздражать. — Или вы думаете, что люди не воруют и не убивают друг друга только потому, что это им запрещает Бог? Я, например, не нуждаюсь в Боге как в моральной подпорке и не приемлю мысли, что надо мной существует некая сверхъестественная сила, которой я должен вручить свою волю. И я не верю в помощь откуда-то извне. Человек, по-моему, должен верить не в далекого Бога, а в человека, в самого себя, в своих близких. И надеяться на людей.

— Вы заблуждаетесь, — сочувственно покачал головой Адарис. — Вам пока не дано этого понять. Но вы еще придете к Богу, просто для этого еще не настало время.

"А почему не вы – к атеизму?" – чуть было не спросил Арнинг, но промолчал. С убежденным человеком, вообще, трудно спорить, особенно, с таким искренним и хорошим человеком как Диль Адарис. К тому же Арнинг, в отличие от него, не был столь уверен в своей правоте. "Кто знает, — думал он, — может быть, у этой вселенной и есть разумное начало. Только вряд ли оно выглядит как наш Бог, которого создали люди по своему образу и подобию. Но если эта разумная сила Вселенной все же существует, есть ли ей дело до судьбы, поступков и мыслей одного-единственного человека по имени Гредер Арнинг? Или для нее даже нападение пришельцев на Филлину – не более чем война между муравейниками или, тем паче, схватка между двумя амебами в капле воды?…"

Арнингу даже стало смешно. Два человека идут по заснеженному разрушенному войной городу – и спорят о религии. Он поймал себя на том, что все это время он не смотрел по сторонам и наверняка прозевал бы приближающуюся опасность.

В этом он был прав, но настороженные взгляды по сторонам вряд ли помогли бы ему. Впрочем, даже если бы он задрал голову вверх, еще не факт, что он заметил бы в вышине на фоне туч маленькое беспилотное устройство, похожее на клочок тумана.

Разведка была организована по всем правилам, пусть даже и этим правилам, разработанным после катастрофы в Нейсе и ряда других чувствительных поражений, было не больше дюжины дней от роду. Головной дозор осуществлял беспилотный разведчик "Крошка" под управлением выделенного для этой цели оператора. Примерно в километре позади разведчика находилось ядро группы – две шестерки танков "Охотник", разбитые на пары и развернутые строем веера, каждая шестерка в сопровождении своего "Крошки". Замыкала отряд группа огневой поддержки –

шестерка "Громовержцев", разбитая на пары, движущиеся строем уступа. Над "Громовержцами" кружил еще один "Крошка", наблюдающий за флангами и тылом. Наконец, воздушное прикрытие осуществлялось дюжиной ударных беспилотников и ползущим где-то в небесах "Драконом", имеющим на вооружении два типа боеприпасов – управляемые глайдер-бомбы для нанесения высокоточных точечных ударов и малые бомбовые кассеты для накрытия площадей.

Пока что случая применить их не возникало, что несколько разочаровывало и даже раздражало командира группы – молодого младшего офицера первого ранга. Его танки уже углубились в город километров на восемь-десять, но так и не встретили ничего достойного внимания. В самом начале пути далеко в стороне от своего маршрута он засек небольшую группу филитов, занимающихся расчисткой снега, но не посчитал их достойной целью. Сейчас ему не попадалось даже таких. Все, что ему удалось пока обнаружить, — это несколько одиночек, к тому же, тут же скрывающихся в глубине разрушенных кварталов.

Людей загнала в убежища непогода. Однако когда сидишь в теплом и уютном отсеке на корабле, холод и снег воспринимаются на довольно абстрактном уровне, и младший офицер даже не думал о таких вещах. Внезапно вымерший город – один из крупнейших городов планеты – казался подозрительным. Дозорные "Крошки" сновали взад и вперед как челноки, детекторы скользящей частоты непрерывно сканировали эфир, но упорно не находили никаких признаков жизни.

Младшему офицеру очень хотелось найти такие признаки. Это была его третья самостоятельная миссия, и он мечтал совершить нечто такое, о чем будут говорить вечерами в кают-компании. Хотя бы, как минимум, ему хотелось найти неопровержимые доказательства того, что этот город, где разведчики и наблюдатели постоянно отмечали подозрительную активность, и в самом деле является коварно замаскированным оплотом филлинского сопротивления (под этим понималась любая организованная деятельность) и нуждается в повторной зачистке.

Поэтому сообщение "Крошки" о двух филитах, идущих посреди улицы прямо навстречу одной из пар его "Охотников", весьма заинтересовало младшего офицера. Он даже приказал немного снизить скорость, чтобы уменьшить шум двигателей, и стал ждать. В конце концов, в кромешной тьме и зажженная спичка солнцем покажется.

Утоптанная в снегу тропинка давно кончилась, и они шли

гуськом, держась середины улицы, откуда ветер сдувал снег и его покров доходил только до щиколоток. Шагая впереди, Гредер Арнинг чувствовал спиной удивленный взгляд Адариса. Он понимал, что ему давно пора возвращаться. "Вот дойдем до конца квартала – и назад, — говорил он сам себе. — Нет, вон до того дома…". И продолжал идти дальше.

Из низких, быстро несущихся по небу туч снова повалил снег. Он падал не слишком густо, но крупными, тяжелыми хлопьями, облепляя одежду, налипая на ствол ружья и превращая развалины города в белую фантасмагорию.

Чтобы летящий снег не попадал в лицо, Гредер Арнинг шел, опустив голову и надвинув на глаза капюшон. Из-за этого он не сразу увидел, что впереди что-то движется. Остановившись, он приставил ладонь козырьком к бровям и только тогда разглядел за пеленой снега две медленно приближающиеся машины странных очертаний. Машины были еще довольно далеко, но ему показалось, что он слышит глухой рокот, похожий на шум автомобильного двигателя на холостом ходу.

— Что это? — спросил Диль Адарис, остановившись рядом с Арнингом.

— Не знаю, — Гредер Арнинг с интересом разглядывал незнакомые машины. — Похоже, танки, но какие-то широкие, плоские. Может, это новые Т-63, я месяца два назад читал, что у нас создали танк нового поколения.

О пришельцах Гредер Арнинг не думал. Они прочно ассоциировались у него с самолетами и бомбами, а их наземные боевые машины он видел только пару раз, да и то мельком, в довоенных телевизионных выпусках новостей. К тому же, танки пришельцев там были серо-песочного цвета, припорошены пылью и копотью, а приближающиеся к ним машины были раскрашены в камуфляж из белых, серых, коричневых и черных неправильных пятен, мешающих даже вблизи определить точные очертания.

Первые сомнения у Гредера Арнинга появилась только тогда, когда неизвестные машины уже были менее, чем в ста шагах от него. Он все никак не мог понять, что "не так" в приближающихся танках. И вдруг его словно окатило ледяной волной: на плоских башнях странных пятнистых машин не было люков! Все несообразности вдруг бросились ему в глаза – и броня, словно покрытая прямоугольной черепицей, и странной формы пулеметы, выглядывающие из полушаровидных башенок, и широченные гусеницы в виде множества крошечных роликов, так не похожие на привычные железные траки… И окраска! Конечно! Пятнистая раскраска танков не была раскраской. Вблизи было хорошо заметно, что белые и цветные пятна переливались друг в

друга, ползли, меняя очертания и размер.

— Это не наши, — пробормотал помертвевшими губами Гредер Арнинг.

Ему было страшно, но больше всего он чувствовал досаду – только он мог так легко попасться в ловушку! Бежать было уже поздно – танки были не больше чем в тридцати-сорока метрах – да и некуда. Вокруг были только груды камня на месте рухнувших зданий, да торчащие обломки стен, где не было ни прохода, ни укрытия.

Лицо стоящего рядом Диля Адариса было спокойно, губы беззвучно двигались – очевидно, он молился. Гредеру Арнингу было не до молитв, мысли его путались и неслись кувырком.

Что делать?! Как, как не повезло! Как же можно было так попасть?! А как, наверно, обидно Адарису, он ведь даже не успел выйти из города… Но что же делать?! Ружье! У него есть ружье!… Но чем оно поможет?!… Надо, наверное, снять его с предохранителя или, как это называется, взвести курки. А как это делается?! Не знаю!!!

Гредер Арнинг никогда не имел дела с охотничьим оружием и не знал, как у него взводятся курки. Тем временем танки пришельцев обошли их слева и справа и остановились. Шум двигателей поутих, вместо этого раздался лязг и в корме одного из танков открылся широкий проем, из которого приятно пахнуло теплом.

— Они хотят, чтобы мы полезли туда, — спокойно сказал Адарис и сделал шаг.

— Постойте! — Гредер Арнинг схватил его за руку. — Вы полезете туда?! К пришельцам?!

— На все воля Единого, — Адарис сотворил знак спирали. — Господь не оставит меня и в этом испытании. В поле много тропинок, но только Он знает правильный путь.

Гредер Арнинг остался один. Он чувствовал, как страх обволакивает его липкой пеленой. С ужасом он понял, что знает слишком много. Электростанция, мэрия на улице Рамелиса, даже их убежище – что сделают пришельцы, когда узнают об этом?

Арнинг уже знал, что он должен сделать. Вскинуть ружье, целясь в ближайший танк. Или броситься бежать, чтобы получить гарантированную пулю в спину. Знал и не мог решиться. Как страшно умирать, когда тебе всего лишь двадцать семь лет, и даже жизнь после конца света кажется бесконечно краше неизвестности, ожидающей по ту сторону…

Два ближайших пулеметных ствола чутко сдвинулись, нацеливаясь на него, и Гредер Арнинг сдался. Широко размахнувшись, он отбросил ружье – оно зарылось в снег где-то у

подножья стены разрушенного дома – и, ругая себя за малодушие и задыхаясь от позора, покорно побрел к ожидающему его танку.

Броневая плита задвинулась обратно, внутри было темно и тепло, все было покрыто шершавым на ощупь мягким материалом, поглощающим звуки, и Гредер Арнинг постепенно начал погружаться в сон. Под конец он успел с горечью подумать, что его даже никто не хватится – все решат, что он ушел вместе с Адарисом.

Так, собственно говоря, и будет. Нейл Вифинис и Леттер Ярки, вернувшись в убежище нагруженные припасами из раскопанного магазина, только пожмут плечами. Мягкосердечная Ланта Вифинис немного всплакнет, вспомнив, что Гредер Арнинг ушел без ничего, даже без теплых вещей. Неудобно почувствует себя доктор Тайдемар Станис, посчитав уход свояка чем-то вроде своей врачебной неудачи. Только маленькая Рита заподозрит что-то неладное, потому что дядя Гредер всегда выполнял обещание помочь ей с уроками, но ее мнения никто не будет спрашивать.

О пришельцах же никто из них так и не узнает. Младший офицер, которому в плен сами сдались два филита, полностью удовлетворит свое тщеславие. Такое случалось в этой войне, но не на его корабле, и целый вечер он будет героем кают-компании. Стремясь побыстрее получить заслуженную славу, младший офицер перестанет интересоваться Галаной и не станет обстоятельно обследовать город, как собирался вначале, а только пройдет его насквозь, никого и ничего не обнаружив, поскольку падающий снег снизит чувствительность инфракрасных детекторов и биоискателей. Снег же засыплет и следы танковых гусениц, а немногим свидетелям никто не поверит. Начальство на корабле получит рапорт о том, что город чист и его можно не заносить в список целей для повторного удара, и будет этим удовлетворено. Допрашивать же пленных никому, естественно, и не придет в голову. Их просто занесут в базу данных и отправят на базу Восток, где требуются новые поступления.

Наверное, если бы Гредер Арнинг узнал, что благодаря его пленению на Галану не обрушились бомбы, он смог бы восстановить пошатнувшееся самоуважение. Однако этого не произошло, и ему пришлось искать душевное равновесие другими способами.

Гредера Арнинга забрали первым. Филит в странной одежде (зеленовато-серый комбинезон с яркими глянцевыми розово-оранжевыми полосами и такого же цвета большим треугольником на правой стороне груди) и с серым пластиковым ошейником

внезапно появился в дверях их камеры и, ткнув в Арнинга пальцем, жестом показал ему – пошли, мол. Диль Адарис должен был остаться, и Арнинг был втайне рад этому. Инженер был свидетелем его позора, и Арнингу не хотелось его больше видеть.

Однако уже на пороге он обернулся (Арнинг уходил, не прощаясь: когда уводят из камеры с вещами, нужно не прощаться, чтобы потом не вернуться обратно). Диль Адарис медленно и плавно творил знак спирали – благословлял Арнинга на дорогу.

— Спасибо, Диль! — срывающимся голосом крикнул Гредер Арнинг. — Удачи вам! До свидания!

Пусть он и нарушил традицию, но это было не важно. И в самом деле, разве у пришельцев должны работать филлинские приметы?

Что сказал в ответ Адарис, Гредер Арнинг уже не услышал. Дверь за его спиной закрылась, сухо щелкнув, и провожатый повел его по узкому тускло освещенному коридору, в конце которого виднелась еще одна дверь. За ней оказался лагерь. Самый настоящий лагерь для военнопленных, точно такой, как он видел в кино. Высокая ограда из частых рядов проволоки, длинные серые бараки, не хватало только сторожевых вышек по углам. Время от времени навстречу попадались филиты в таких же серо-зеленых комбинезонах с яркими полосами, но, как заметил Арнинг, без треугольников на груди.

Впрочем, Гредер Арнинг не особенно смотрел по сторонам. Он полагал, что его ведут на допрос, и лихорадочно думал о том, как избежать ответов на самые неприятные вопросы. Конечно, у пришельцев должны быть детекторы лжи – он неоднократно читал о них в фантастических рассказах. Правда, в одном таком рассказе главный герой обманул это устройство, всякий раз говоря правду, но не всю правду. Но сможет ли он проделать то же самое? Наверное, лучше всего будет отвечать на вопросы максимально лаконично, чтобы не сказать ничего лишнего.

Тем временем, провожатый привел его к одному из одинаковых темно-серых бараков и бесцеремонно распахнул дверь. Гредер Арнинг немного приободрился: если бы внутри его ждали пришельцы, конвоир вряд ли бы вел себя настолько уверенно.

Зайдя вслед за ним в барак, Гредер Арнинг оказался в небольшом тамбуре с лавками вдоль стен. Провожатый жестом приказал Арнингу сесть и прошел через следующую дверь, оставив его в одиночестве. Вернулся он через несколько минут в сопровождении еще одного человека в комбинезоне и с ошейником, попрощался с ним по-баргандски и удалился.

Гредер Арнинг оставался сидеть, откровенно разглядывая

человека в комбинезоне – про себя он решил называть его "начальником" из-за большого яркого ромба на том же месте, где у конвоира был треугольник. Начальнику на вид было лет тридцать пять, он был невысоким, широкоплечим, коротко стриженым, с открытым привлекательным загорелым лицом и печальными серыми глазами. Гредер Арнинг мысленно вздохнул. Начальник вызывал в нем симпатию. Обидно, если это всего лишь новый тюремщик или, еще того хуже, подручный пришельцев.

— И кто ты такой будешь? — вдруг негромко спросил начальник словно бы про себя. — Понимаешь по-баргандски?

— Понимаю, — ответил Арнинг. Он давно не говорил на этом языке, и слова выходили из него с трудом. — Меня зовут Гредер Арнинг. Я из Чинерты.

— Кен Собеско, Гранида, — представился начальник. — Бригадир. Интересно, чинетов у меня еще не было.

— Где мы? — спросил Гредер Арнинг. Язык вспоминался тяжело, и поэтому поневоле приходилось быть лаконичным. — В какой стране?

— Не знаю, — пожал плечами Кен Собеско. — Где-то в Северном Заморье. То ли Фидбаллор, то ли Венселанд. Во всяком случае, здесь много и тех, и других.

— А… какой сегодня день? — снова задал вопрос Арнинг. После пленения он потерял счет времени и не знал даже, утро сейчас или вечер.

Собеско оттянул рукав комбинезона и посмотрел на часы. Гредер Арнинг почувствовал что-то вроде зависти – у него самого часы отобрали пришельцы, которые заодно обшарили рюкзак Диля Адариса и конфисковали все металлические предметы, включая иголки и котелок.

— Четырнадцатое, — наконец сказал Собеско. — Начало седьмого утра. Скоро завтрак.

— Скажите, скоро меня будут опрашивать? — решился Гредер Арнинг.

— Что? — не понял Собеско.

— Опрашивать. Задавать вопросы. Выяснять, — попытался разъяснить Арнинг, подбирая слова.

— А!… Допрашивать?! Нет, здесь никого не допрашивают. Мы пришельцам не интересны. Мы здесь работаем. Дробим щебень и грузим. Понимаешь?

— Понимаю, — сказал Гредер Арнинг. То, что все секреты останутся при нем, принесло ему огромное облегчение. — Извините, я давно не говорил по-баргандски. Нужно время вспомнить. Вообще-то, это у меня второй иностранный язык.

— Второй? — переспросил Собеско. — А какой тогда первый?

— Картайский. И чуть-чуть гранидский. Но я его почти забыл.

— Вспомнишь, — заявил Собеско по-гранидски. — Слушай, да ты просто бесценный человек. Я сам картайского не знаю, а местные не понимают баргандского. А с пришельцами только баргандский проходит. Понял?

— Понял, — покорно кивнул Арнинг, хотя на самом деле он не понял ничего.

— Вот и отлично. Ты кем был до войны?

— Бизнесменом, — нехотя признался Гредер Арнинг, отчаянно чувствуя свою ненужность.

— Здорово! — восхитился Собеско. — Вот это мне и нужно! Будешь моим заместителем. Правда, меня самого только вчера бригадиром назначили, но ничего. Будем учиться вместе. Идет?

Идет! — Гредер Арнинг с удовольствием пожал крепкую ладонь Собеско.

Нежданно-негаданно он выбился в начальство, а его знания вдруг оказались востребованными. И где?! Гредер Арнинг рассмеялся, а потом и вовсе захохотал во весь голос, размазывая слезы по щекам. Кен Собеско сначала удивленно смотрел на него, а затем засмеялся и сам.

Гредеру Арнингу было немного неудобно перед своим новым знакомым. Но он опасался, что его знаний баргандского не хватит, чтобы объяснить Собеско весь юмор ситуации.

Когда спустя полчаса после утренней поверки дверь снова отворилась, почти никто даже не повернул головы. Ну и что? Всего лишь еще один новичок. Сколько их здесь было и сколько еще будет, и какое это имеет значение, когда впереди еще целый день жизни и, что, может быть, еще важнее, покоя?

Драйден Эргемар вполголоса следил за новеньким. После того как вчера вечером на пороге вот так же появился Дилер Даксель, он постоянно ждал от каждого новоприбывшего чего-то необычного.

Этот человек подходил под понятие необычного. Он был одет в полушубок на меху, толстые штаны и меховые сапоги, которые, как вспомнил Эргемар, называются унтами. На голове его криво торчала самая настоящая меховая шапка с полуопущенными ушами. В руках он держал за лямки набитый чем-то рюкзак. Такое Эргемару приходилось видеть только в кино и на картинках, и мысленно он назвал новичка "полярником".

"Полярник" неподвижно стоял у двери. Что он видит? — подумалось Эргемару. Большая комната, почти зал, несколько рядов разобранных и застланных коек, три десятка человек – мужчин и женщин, пожилых и почти подростков. Два широких

окна, забранных мелкой сеткой, грязно-белые стены с нацарапанными черенками ложек надписями на нескольких языках и непристойной картинкой, в фигурантах которой при желании можно угадать пришельцев. Две кабинки – туалет и душевая – в углу. И, если он задерет голову вверх, крошечный глазок следящей камеры.

Потоптавшись с минуту у порога, "полярник" неуверенно пошел по направлению к одному из окон. Там, рядом с уголком, который занимали Эргемар, Даксель и Эстин Млиско, стояла аккуратно застеленная пустая койка. Таких коек было несколько, но новенький почему-то выбрал именно эту.

Эргемар продолжал следить за тем, как "полярник", встав у свободной койки, неуверенно окинул взглядом комнату и наконец положил на кровать свой рюкзак. Подождал еще немного и начал, не спеша, раздеваться. Снял шапку, полушубок, стянул через голову один за другим два свитера, начал было расстегивать рубашку, но остановился – и правильно: комната не отапливалась, и в ней было довольно прохладно. Покончив с верхней одеждой, стянул с себя унты и штаны, оставшись в темно-серых спортивных брюках.

После этого "полярник" перестал быть полярником и превратился в невысокого немолодого человека непримечательной наружности. На вид ему можно было дать лет пятьдесят, но Эргемар знал, что новенькие, доставленные прямо с воли, часто выглядят старше, чем на самом деле. Ему было интересно, откуда прибыл этот новичок, но он пока воздерживался от вопросов. Кроме родного горданского и нескольких слов по-зермандски, он не знал ни одного иностранного языка и поэтому не торопился начинать разговор.

Молчал и новенький. Он забрался с ногами на койку и следил, как Эстин Млиско пытается перетасовать самодельные карты, сделанные из листков блокнота. Затем он молча покопался в своем рюкзаке… и протянул Млиско почти новенькую колоду карт в прозрачном плексигласовом футляре.

— Это серьезная заявка, — сказал по-баргандски Млиско, принимая дар. — Я так понимаю, вы хотите присоединиться к нашей компании?

— Не так быстро, — попросил новенький. — Я плохо знаю баргандский. Только школа, да. Я – Чинерта, Диль Адарис. Кто-то говорит по-чинетски?

Признанные полиглоты Даксель и Млиско развели руками.

— Увы, — сказал Млиско. — Здесь нет твоих. Но ничего, посидишь с нами – выучишь баргандский. Если, конечно, не заберут вниз.

— Вниз? — переспросил Адарис. — Это что – вниз?

Млиско замялся, и Эргемар его понимал. Рассказать это нельзя. Надо самому пройти через утреннюю поверку, когда пришельцы выдергивают из комнаты людей и отправляют их на первый этаж, в залитые ярким фиолетовым светом боксы, полные странной аппаратуры. Одни потом возвращаются наверх – кто через несколько часов, кто через несколько дней, другие не возвращаются никогда, покидая это здание в виде трупов, упакованных в прозрачные пластиковые коконы. Эргемар несколько раз видел, как их ночью грузят в огромный трейлер на шести парах толстых колес. И как объяснить новичку, что ты чувствуешь, когда идешь в группе таких же бедолаг по коридору к лифтам, гадая, суждено ли ему пройти по этому коридору еще раз или нет?…

Млиско попытался.

— Вниз – это когда пришельцы утром забирают кого-то для опытов, — он старался говорить медленно и подбирать простые слова. — Внизу (он показал жестом) есть всякие… э-э-э… кабинеты, там делают с нами разное. Иногда просто берут кровь на анализ, кровь, вот так – изучать. Иногда – всякие тесты, ну… бегать или ездить на велосипеде. Вот ему (он показал на Эргемара) ногу вылечили…

Драйден Эргемар хмыкнул. Он действительно несколько суток подряд по полдня лежал в каком-то странном аппарате, гудящем и колющем его сломанную ногу какими-то иглами, к которым тянулись длинные тонкие шланги. Нога зажила за неделю, и теперь его каждые три дня уводили вниз – изучали, облепляли датчиками, брали кровь, просвечивали ногу какими-то приборами, заставляли бежать по движущейся ленте или крутить педали велостанка. Эргемар уже привык к этому, но каждое утро его не оставлял страх, что пришельцы уже изучили его до конца, и следующий спуск вниз окажется последним.

— …А бывает, снизу не возвращаются. Не знаю, что происходит там, но некоторые не приходят обратно, — хмуро закончил рассказ Млиско. Помолчал и добавил: – Они умирают.

Диль Адарис не стал переспрашивать. Около минуты он сидел неподвижно и вдруг сказал на неожиданно хорошем баргандском.

— Пришельцы делают добро, пришельцы делают зло. Им все равно. И сказано в Откровениях: "Люби друзей своих, уважай врагов своих, бойся же равнодушных".

Глава 50. Гостеприимный остров Валез

Кисо Неллью поверил, что они дошли, только когда увидел море. Оно вдруг появилось в конце неглубокого, но расширяющегося подобно воронке овражка – серое, угрюмое и холодное на вид, но все равно волшебное и желанное. Неллью даже остановился.

— Ты чего? — удивленно обернулся Кисо Неллью.

— Море… вон…

— Чудак человек! — засмеялся Ворро. — Ты же сам час назад сказал, что мы свернули на Приморское шоссе, а теперь удивляешься.

— Одно дело знать, а другое – увидеть самому, — Неллью все еще стоял, не в силах оторвать взгляд от покрытой рябью морской глади. — Мы уже столько дней идем и вот наконец дошли. Даже как-то не верится.

— Почему не верится? Чтобы такие опытные путешественники как мы, да не дошли? Кстати, нам еще до города добраться нужно. Так что не стой, пойдем.

Неллью молча признал справедливость слов друга. Три недели, проведенные в дороге, и в самом деле превратили их в опытных путешественников. Они научились ночевать под открытым небом, без всяких будильников подниматься до рассвета, чтобы с восходом солнца выйти в дорогу, и преодолевать за короткий осенний день по тридцать – тридцать пять километров. Научились обходиться без горячей воды, туалетной бумаги и чистого белья, научились разбираться в людях, добывать еду и находить ночлег, не бояться живых и мертвых и, наконец, самое главное, научились осторожности и осмотрительности.

Они понимали, что не имеют права на ошибку. Ранение, болезнь или даже мозоль на пальце – и герой-первопроходец тут же превращался в неудачника, одного из тысячи тех несчастных, что заполняли все города и деревни в безопасных коридорах. Этим людям было не под силу идти вперед и некуда было возвращаться. Они или медленно умирали от голода, холода и безысходности, ютясь под самодельными навесами, или бессмысленно слонялись, выпрашивая милостыню у проходящих мимо, или сбивались в злобно-агрессивные толпы, крушащие все на своем пути и ведомые только одним стремлением – сдохнуть не сегодня, а завтра. Военные, сохраняющие в коридорах некое

подобие порядка, расстреливали такие толпы без жалости и колебаний.

Неллью хорошо помнил тот страх, который он испытал неделю назад, после того как очередная ночевка в лесу под дождем вызвала у него рвущий горло кашель, головную боль и ломоту во всем теле. Ворро тогда влил в него полкотелка кипятка с разведенной в нем последней плиткой питательной смеси, полученной от хозяина лесного заповедника, а затем заставил его встать и пробежать три километра до ближайшей деревни. К счастью, деревня оказалась не "плохой", а "жлобской", и за щедрую плату в виде охотничьего ножа, двух кусков мыла и летного кителя Ворро (с крылышками!) хозяева одного из домов разрешили им остаться на сутки. За это время Неллью выпил, наверное, целое ведро обжигающе горячего отвара из трав с добавлением водки и меда (тоже выменянных Ворро на что-то из их вещей), насквозь пропотел в растопленной хозяевами баньке, но на следующее утро почувствовал себя здоровым и готовым идти дальше.

Вот они и шли – ровным и скорым шагом, с изрядно похудевшими рюкзаками за плечами. Ноги уже автоматически поддерживали нужный темп и даже перестали болеть по вечерам. По обеим сторонам дороги виднелись следы прошедшей здесь двумя-тремя неделями раньше армады беженцев – брошенные автомобили, гниющие по обочинам груды тряпья, кострища, проплешины на месте вырубленных на дрова деревьев и кустов.

Людей на дороге было немного. Это были, в основном, опоздавшие – те, кто не сразу ушел из разбомбленных и опустошенных городов и сел, или беглецы с севера, из крупного портового города Валикона, где заканчивался безопасный коридор. По их словам, в Валиконе, переполненном людьми, царили голод и анархия, а иностранные суда перестали приходить в порт после того, как несколько дней назад обозленная толпа захватила и случайно сожгла валезский пароход.

Ворро и Неллью прислушались к этим предостережениям. Вместе со всеми они шли на юг, к другому крупному порту под названием Каилен, до которого оставалось еще около пятидесяти километров. По слухам, в Каилене, избежавшем такого наплыва беженцев, как Валикон, было получше и с едой, и с порядком, а уехать оттуда можно было не только в Валез, но и в Гордану, о которой на вилкандских дорогах говорили как о земном рае.

Сзади послышался редкий для здешних мест звук работающего двигателя, и Ворро и Неллью сошли с дороги, чтобы пропустить медленно ползущую по шоссе колонну

бронетранспортеров, облепленных людьми. Неллью завистливо вздохнул. Четыре дня назад они так же проехали на броне почти сорок километров – целый дневной переход – благодаря земляку – водителю БТРа. Больше им такой возможности не представилось.

Армия понемногу подтягивалась к побережью, оставляя коридоры и оставшихся в них беженцев на произвол судьбы. Впрочем, обвинять их Неллью не стал бы. Установленный пришельцами тридцатишестидневный срок действия безопасных коридоров и зон уже подходил к концу.

— Воздух! — вдруг истошно крикнул кто-то.

Из туч вынырнула девятка воздушных машин пришельцев с короткими крыльями и с утробным злым гудением гигантских ос спикировала на дорогу и ползущие на ней бронетранспортеры. Шоссе сразу же стало напоминать развороченный муравейник. Люди сломя голову бежали во все стороны – подальше от асфальтированной ленты.

Ворро и Неллью, впрочем, не поддались общей панике, укрывшись за небольшим автобусом, брошенным на обочине то ли по причине какой-то поломки, то ли из-за отсутствия бензина. Бежать не имело смысла – местность вокруг была весьма пересеченной, и вывихнуть или даже сломать ногу на здешних буераках было раз плюнуть. К тому же, бронетранспортеры, наверняка вызвавшие внимание пришельцев, уже успели уйти достаточно далеко.

Навстречу падающим с небес "Молниям" с одного из концевых БТРов развернулся зенитный пулемет, и Неллью опасливо вжал голову в плечи. Стрелку за пулеметом наверняка было страшно, очень страшно, но открывать огонь по пришельцам было бы самоубийством. Два дня назад Неллью приходилось видеть место, где кто-то неосторожно обстрелял такую же девятку. В отместку пришельцы выжгли все вокруг в радиусе километра.

Игра на нервах завершилась вничью. Пулеметчик так и не открыл огонь, и девятка серебристых машин, едва не врезавшись в землю и оглушив всех ревом двигателей, вынырнула из пике и так же стремительно исчезла в тучах. Либсли Ворро, вовремя подхватив снесенное воздушным потоком кепи, разразился им вслед проклятиями.

— Подонки! — вопил Ворро, почему-то смешно подпрыгивая на месте и грозя кулаком исчезнувшим "Молниям". — Дерьмо летающее! Пугать вздумали, орлы ощипанные! Это еще наша земля! Наша! И небо здесь наше! И вообще, пошли отсюда.

— Что? — не понял Неллью.

— Ты что, оглох совсем? Пошли, говорю. Видишь, дорожка от шоссе отходит? Так давай скорее, пока никто не обращает внимания. Терпеть не могу, когда за спиной шлепает целая толпа…

Это была обычная грунтовая дорога с накатанными неглубокими колеями, ведущая куда-то в сторону моря. Уже метров через двести она, круто вильнув, спускалась на дно широкой балки, и шоссе скрылось из глаз.

— Я вот что думаю, — деловито сказал Ворро. — Нечего нам с тобой ловить в этом Каилене. Сегодня уже тридцать третий день, а дойдем мы туда только завтра к вечеру, понимаешь? Это же какой там бардак будет! А здесь, в этих рыбацких поселках на побережье, наверняка и людей поменьше и лодка какая-нибудь всегда найдется. Погляди, что тут есть поблизости.

Неллью послушно снял рюкзак и извлек из него "Атлас автомобильных дорог…".

— Вот, — наконец сказал он. — Кажется, мы сейчас здесь. Через два километра должен появиться поселок под названием Текерана. От пятисот до тысячи жителей.

— Вот и отлично. Текерана так Текерана. Я думаю, мы тут найдем транспорт. Только ты, главное, молчи, не раскрывай рот. Говорить буду я!

Текерана оказалась довольно большим рыбацким поселком, обхватившим, словно клещами, узкую бухту, наполовину перегороженную молом. Выглядела она удивительно мирно и спокойно – в гавани чуть покачивались на легких волнах около двух десятков небольших одномачтовых суденышек, во дворах небольших, но аккуратных домиков сушилось белье, из трубы большого двухэтажного здания промышленного вида, стоявшего у самого уреза воды, шел дым. О войне, катастрофе и всеобщем бегстве напоминала только кучка разноцветных палаток на дальнем берегу бухты.

— Конкуренты, — недовольно проворчал Ворро, энергично мотнув подбородком в сторону палаток.

— Кто?

— Конкуренты, говорю, — Ворро повысил голос. — Не один я такой умный. Народ мигом просекает, где хорошее место.

Неллью молча кивнул. Поселок выглядел "хорошим", то есть таким, где беженцев не только не прогоняют, но и дают им еду и ночлег. Однако сейчас им было нужно нечто большее.

— Ли, а как мы отсюда попадем в Валез? — задал Неллью беспокоящий его вопрос. — Тут одни только рыбачьи лодки.

— Разберемся, — оптимистично ответил Ворро. — Пошли в

порт. В любом порту есть как это, таверна, где собираются все моряки. Там мы все и узнаем.

Однако в Текеране порт оказался каким-то нетипичным. В маленькой гавани густо пахло рыбой разной степени несвежести, стояли какие-то сараи, на берегу сохли (или гнили, смотря как это понимать) несколько лодок, а большая матерая рисса, рывшаяся в большой куче рыбных голов, оторвалась от своего занятия и проводила Ворро и Неллью длинным подозрительным взглядом. Единственное, что походило под определение таверны, — длинное одноэтажное здание с вывеской "Магазин" – было закрыто на большой висячий замок.

— Как вымерло будто все, — прошептал Неллью.

— И ничего вовсе не вымерло, — сердито бросил Ворро. — Не видишь разве? Вон там, на том причале.

На палубе небольшой шхуны с высокими грязно-зелеными бортами трое мужчин чинили некий механизм, который Неллью про себя решил условно назвать лебедкой. Рядом, на причале, стояли еще пятеро – то ли смотрели, то ли помогали советами. На подошедших Ворро и Неллью они поначалу не обратили внимания.

— Бог в помощь, — громко поздоровался Ворро.

— Спасибо, — невнятно отозвался самый старший из ремонтников, крепкий мужик лет пятидесяти в грубой брезентовой куртке. — Рьяни, держи ключ ровнее…

Было видно, что появление новых зрителей никого особенно не заинтересовало.

— Эй, люди, — негромко позвал Ворро. — В Валез кто-то сегодня идет?

— Нет, — коротко бросил кто-то из стоящих на причале.

— А вообще? — по-хозяйски осведомился Ворро. — Нам с другом нужно на ту сторону. Можем заплатить.

— Ух ты! — засмеялся молодой рыбак в длинной фуфайке. — А чем?

— Помолчи, — оборвал его мужчина постарше. — Мы не по тем делам, ребята. В Валез мы не ходим.

— Слушайте, мужики, — проникновенно сказал Ворро. — Не тяните душу. Скажите, сколько, и будем говорить дальше.

— Деловой, — с усмешкой бросил реплику кто-то на палубе.

Молодой рыбак снова засмеялся.

— Не ходим мы в Валез, — терпеливо повторил его сосед. — Это вам в город нужно. Мы рыбу ловим. Вечером выходим в море, ставим сети. Утром вытягиваем. Нет у нас времени в Валез ходить. Скоро зима, шторма начнутся. Рыба в глубину уйдет. Ясно?

— Так неужели никто не хочет заработать? — все никак не мог понять Ворро. — Мы заплатить можем. Золотом.

— А зимой что жрать? — недовольно спросил еще один рыбак. — Тоже золото? Это вы, городские, в магазин привыкли ходить. А нам тут горбатиться. Мы пассажиров не берем, слыхал?

— Так что идите вы лучше дальше, — миролюбиво предложил самый старший из рыбаков, старик с обветренным и морщинистым лицом. — А хотите, здесь оставайтесь. Нам рабочие руки нужны. Раньше консервный завод наш на электричестве работал, а теперь опять все руками делай. Вы парни крепкие, издалека, видать, шли. Здесь вы справитесь.

— Не можем мы оставаться, — сказал Неллью. — У нас тоже своя профессия есть. Мы летчики, нас пришельцы сбили. Потому нам в Валез и нужно, что здесь больше летать нельзя. Так что, наверное, мы дальше пойдем.

Ворро вздохнул и выразительно посмотрел на Неллью.

— Скажите лучше… — начал он, но его перебил молодой рыбак.

— Так вы летчики? Здорово! Тогда вам, наверное, к Чоко нужно.

Лица остальных мгновенно поскучнели. Один из рыбаков скривился и сплюнул в воду.

— Кто такой Чоко? — немедленно спросил Ворро.

— Есть тут один… такой, — неопределенно сказал молодой. — Он в Валез ходит.

— И где его найти?

— Вон там, — махнул рукой один из рыбаков. — Свернете вон на ту улицу, дойдете до конца, потом повернете направо. Серый такой дом, под зеленой крышей. Раз вам и верно в Валез надо, попробуйте. Только осторожно.

— А чего осторожно? — обстоятельно спросил Ворро. — Он что, обмануть может?

— Нет, — проворчал молодой. — Только…

— Мики! — позвал мужчина с палубы. — У тебя ключ на тридцать шесть есть?

После этого к незваным гостям окончательно потеряли интерес. Ворро, окончательно убедившись, что о неведомом Чоко, который ходит в Валез, никто не хочет говорить, махнул рукой Неллью и пошел с причала в указанном направлении.

— Советчики, мать их! — раздраженно ругался Ворро. — Попробуй тут пойми, если здесь все дома одного цвета и под зеленой крышей. А последний дом вообще какой-то грязно-песочный.

— Мне кажется, он и есть то, что нам нужно, — спокойно сказал Неллью.

— Это еще почему?

— Палатки. Они все собрались именно вокруг этого дома. Кроме того, это единственный дом, из трубы которого не идет дым.

— Ну, если ты так думаешь… — неуверенно протянул Ворро.

Толкнув незапертую калитку, он зашел в небольшой грязный дворик и несколько раз стукнул в дверь.

— В чем дело? — на пороге появился высокий мужчина лет сорока в свитере и рабочих штанах из светло-синей парусины. Как с беспокойством отметил Неллью, на поясе у хозяина висела потертая кобура, из которой высовывалась рукоятка револьвера.

— Вы – Чоко? — спросил Ворро, подбоченясь и приняв независимый вид.

— Ну, я, — хозяин свысока (в прямом смысле) смерил Ворро взглядом. — И что надо?

— Нам говорили, вы ходите в Валез, — Ворро тоже было не занимать уверенности.

— Хожу. И если тебе туда надо, ты пришел по адресу. Три сотни граммов сертификатами или двести наликом и ты, считай, уже на месте.

— Однако не дешево, — заметил Ворро. — За сто пятьдесят граммов можно было улететь из Тарануэса.

— Разве я сказал сто пятьдесят? — усмехнулся Чоко. — Я сказал, триста. С каждого.

— А не больно ли круто? — язвительно осведомился Ворро. — Триста граммов за двоих – это, пожалуй, многовато, но мы бы, думаю, согласились.

— Парень, я не торгуюсь, — презрительно хмыкнул Чоко. — Если тебя не устраивает цена, проваливай. Попытайся уговорить кого-то их этих охотников на селедку. Или отправляйся в город, Там, говорят, могут посадить и бесплатно. Вы туда доберетесь как раз завтра к вечеру. Представляешь, как там будет весело? Или ты, как все эти местные придурки, думаешь, что пришельцы через три дня не устроят здесь хороший прочухон?

— Мы тоже так думаем, — заявил Ворро. — Именно потому нам и нужно попасть в Валез. Но за разумную цену.

— Только не говори, что у вас не найдется шестисот граммов на двоих, — издевательски рассмеялся Чоко. — Это будет очень грустно. Бедные – в рай. Так что, парень, решайся. Здесь тебя больше никто не подберет. Я – твой последний шанс.

— Не-ет, это я – твой последний шанс, — в тон ему ответил Ворро. — Последний шанс заработать на дурняк еще триста

граммов золота. Ты уходишь уже сегодня, не так ли? И обратно уже не вернешься. — Ворро показал на виднеющуюся в глубине прихожей туго набитую сумку. — Так что, это тебе решать, берешь ты нас за нашу цену или нет. И это тебе надо еще поискать платежеспособных клиентов. А я лучше совсем не попаду в Валез, чем попаду по такой цене, понял? Ну что, соглашаешься? Нет? Ну и черт с тобой! Пошли, Кисо.

Ворро развернулся и пошел к выходу из дворика, увлекая за собой Неллью. Дверь за ним захлопнулась.

— Не больно ли ты резко? — опасливо прошептал Неллью. — В конце концов, нам бы хватило и при такой цене. И даже еще бы осталось.

— Я сделал все как надо, — так же тихо ответил Ворро. — Вот увидишь, как только мы выйдем за ворота, он сам позовет нас обратно.

Однако Ворро ошибся. Чоко не стал их звать. Не появился он даже тогда, когда они дошли до конца улицы.

— Вот гнида, — прошипел Ворро сквозь зубы. — Кисо, не оборачивайся. Будем хотя бы держать марку до конца. Потом посмотришь в атласе, где есть поблизости другие такие поселки.

— Они тут наверняка есть, — поддержал Неллью. — Я незадолго до войны читал в газете статью о рыбаках западного побережья, что они разоряются, не выдерживают конкуренции с большими компаниями. Там еще говорилось, что потеря работы угрожает почти тридцати тысячам человек. Так что таких поселков, наверняка, много. Жаль, что времени столько потеряли.

— Ничего, — оптимистично заявил Ворро. — Сорвалось в одном месте, повезет в следующем. Вот увидишь, еще до завтра мы будем в море.

Уже за окраиной, когда они побрели по ведущей к шоссе грунтовой дороге, их нагнал молодой коротко стриженый парнишка.

— Возвращайтесь! — выпалил он одним духом, — Чоко согласен на сто пятьдесят.

— Зато я теперь не согласен! — триумфально ухмыльнулся Ворро. — Передай ему – сто двадцать или мы уходим.

— Сто двадцать пять! Чоко сказал, что на меньшее он не согласится.

— Ладно, — Ворро чувствовал себя победителем. — Идет.

— Тогда отходим на закате. Половина суммы на борту, половина – на берегу в Валезе. Не опаздывайте. Мы ждать не будем.

— Ладно, ладно, — покровительственно сказал Ворро. — Передай Чоко, мы обязательно придем. И запомни, двести

пятьдесят граммов сертификатами за двоих, и не лимией больше!

У Чоко оказалась точно такая же шхуна, что и у остальных рыбаков. Длиной чуть больше десяти метров, одномачтовая, с крошечной надстройкой на самом носу и лебедкой для подъема сети на корме.

— Ну что, заценили?

Чоко был уже на палубе со всем своим экипажем – сонным здоровяком с замедленными движениями и стриженым парнишкой, оказавшимся мотористом. Сам он, одетый в длинный черный клеенчатый плащ, синие парусиновые штаны и высокие сапоги, выглядел заправским моряком.

— Поднимайтесь! Этой стервочке уже не терпится в свой последний путь. Видите, как она дергается. Хочет догнать своих товарок.

В маленькой гавани больше не было ни одного суденышка. Только далеко в море виднелись несколько парусов. С моря шла длинная пологая волна. Проникая в полузакрытую бухточку, она заставляла шхуну приподниматься и, скрипя, тереться о шины от грузовиков, подвешенные между причалом и бортом.

Сонный матрос перебросил на причал узкие сходни, и пассажиры по одному стали перебираться на борт. Пассажиров, считая Ворро и Неллью, было десять человек. Двое похожих друг на друга молодых людей, мордатых и коротко стриженных – явные братки; старающаяся держаться от них подальше женщина с мальчиком лет четырех-пяти; пожилая чета интеллигентного вида; худой мужчина в очках, с натугой тащивший на себе рюкзак чуть ли не с него самого, и молодой парень в спортивных штанах и яркой плащевой куртке, которого Неллью сразу решил называть про себя туристом. Все они едва поместились на узкой палубе. Захоти Чоко набрать еще двоих пассажиров, их бы пришлось везти на буксире в крохотной лодочке, висящей за кормой.

Матрос, не спеша, затащил сходни обратно на палубу, отвязал причальные канаты, где-то внизу затарахтел мотор, и шхуна начала медленно отдаляться от берега.

— Прощай, родимая земля! — глумливо заголосил Чоко. — Прощайте, придурки! Оставайтесь тут и ждите пришельцев!

На берегу никто не отозвался, только где-то за сараями залаяла вслед собака. Пассажиры молчали.

— Какие же вы все, однако, сентиментальные, аж жуть берет, — вполголоса сказал Чоко, обращаясь к Ворро. — Эти чудаки из общества друзей селедки смотрели на меня как на врага народа, после того как я решил не дожидаться пришельцев и свалить, попутно немного подзаработав на будущее. По мне, так

лучше жить где-то за морем, чем подыхать дома. Ты тоже так думаешь?

— Да, — сухо ответил Ворро.

— Это точно! Ты молодец, парень! Ты единственный, кто стал торговаться. Ты мне нравишься! А теперь держись, сейчас начнется!

Шхуна вышла из бухточки, и тут же началась качка. Волны были не больше полутора метров высотой, но они легко приподнимали маленькое суденышко, а затем опускали его обратно, окутывая облачком брызг. "Турист", позеленев, подполз к борту и, скорчившись, перегнулся через него. Одному из братков тоже было явно не по себе, но он держался.

— Господин капитан, — слабым голосом позвала пожилая женщина, прижимающая к себе баул. — Нам нужно спуститься в каюту. Где здесь можно лечь?

— Ложитесь прямо на палубу! — захохотал Чоко. — Вы не на пассажирском лайнере, мадам! Это обычная рыбацкая лайба. Здесь нет каюты, а в той каморке в носу будем попеременно спать я и мой матрос. А хотите вниз – пожалуйста!

Чоко, двигаясь по палубе так, словно никакой качки не было и в помине, галантно откинул в сторону крышку большого люка. Оттуда шибануло мощным запахом гнилой рыбы. Браток, и без того нежно зеленый, не выдержав, опрометью бросился к борту.

— Не хотите? Так я и думал. А вот рыбке нравится, ха-ха! Сцепите зубы, мадам, и думайте о чем-то приятном. Например, о Валезе. Или, еще лучше, расслабьтесь и постарайтесь получить удовольствие. У вас, наверное, еще не было такой романтичной морской прогулки, ха-ха!

Солнце быстро зашло, и все вокруг окутала мокрая темнота. Ни берега, ни его огней уже не было видно. Время от времени шел дождь, а волны начали плескать через борт. Ветер усилился и пробирал до самых костей.

— Выпейте, — из темноты вдруг появился Чоко с большой кружкой в руке. — Это горячий грог. Пусть не говорят, что я не забочусь о пассажирах, ха-ха. Еще не раздумал идти в Валез?

— А ты? — лязгая зубами, спросил Ворро. — Держу пари, что у тебя тоже давно не было такой милой ночки?

— Ерунда! — засмеялся Чоко. — Ты не видел, что такое настоящий шторм! Тогда ты бы у меня вспотел у помпы! Сейчас самая нормальная погода, а для конца осени так вообще прекрасная. Пей скорей, освобождай посуду!

Ворро залпом выпил горячий крепкий напиток, и ему сразу стало лучше. Вытащив из рюкзака пластиковое полотнище, он завернулся в него как в кокон и задремал. Рядом кое-как

устроился Неллью. Свое полотнище он отдал женщине с ребенком и щелкал от холода зубами до самого рассвета.

Весь следующий день суденышко двигалось под парусами, каждые полчаса меняя галс и подставляя волнам то правую, то левую скулу. Ветер посвежел и нес с собой водяную пыль, которую он срывал с верхушек невысоких острых волн, время от времени взбухающих белыми гребешками. Всеми пассажирами овладела апатия, и к обеду, щедро предложенному Чоко (каменные сухари, соленая рыба и много-много кипятка), почти никто не притронулся. Сам же Чоко был в прекрасном до безобразия настроении и постоянно шутил, прохаживаясь по поводу то одного, то другого пассажира. Отвечал ему только Ворро и иногда пожилой интеллигент, которого шуточки, похоже, доставали больше всех. Лучше всех чувствовал себя маленький мальчик. Он бесстрашно лазил по всей шхуне, и мать то и дело испуганно кричала ему, чтобы он обязательно держался и не выглядывал за борт.

Поздно вечером, когда уже стало темнеть, на горизонте появились огни, вызвавшие коллективный вздох облегчения.

— Нет-нет, — засмеялся в ответ Чоко. — Это не про нас. Мы сейчас ляжем в дрейф и пристанем к берегу рано утром.

— Это невозможно, — простонала пожилая женщина. — Я не переживу здесь второй ночи.

— Почему мы так медленно плыли днем? — немедленно подхватил ее муж. — Если бы вы не выключили двигатель, мы бы уже давно были на берегу.

— Ага, — решил не остаться в стороне один из братков, тот, что покрепче. — Ты это, в натуре, рули к берегу!

— Тихо, ша! — Чоко крепко стоял на ногах, держа руку на рукоятке револьвера. — Будет все так, как я сказал! Днем мы шли под парусом, потому что иначе нам бы не хватило горючего. Кто хочет сейчас плыть к берегу – вон лодка, садитесь и гребите! В порт мы не пойдем. Если кому-то охота в лагерь для беженцев, я никого не неволю. Но я лично не собираюсь там торчать, поэтому мы высадимся на берег завтра утром. Я перевез в Валез больше спирта, чем весит эта посудина, и знаю здесь все. А если кто-то ночью вздумает откинуть копыта, это его личное горе. Гарантирую роскошные похороны в открытом море. Всем ясно?!

Ясно было всем.

Вторая ночь в море была еще более тяжелой, чем предыдущая. Дождь шел, почти не переставая, к тому же ветер усилился, и суденышко немилосердно качало. Серый рассвет застал шхуну, на палубе которой скорчились в разных позах девять измученных до предела взрослых и один сладко спящий

ребенок, скользящей под стук мотора по слегка поутихшим волнам вдоль неприветливого скалистого берега.

Грозно шумящий прибой, казалось, не допускал даже мысли о высадке, но Чоко и в самом деле знал здешние места. Войдя в узкий проход между скалами, шхуна оказалась в крошечной бухточке. Мотор стих, и она по инерции мягко прокатилась вперед, почти уткнувшись носом в берег. Под килем заскрипела галька. Небольшая волна, пробравшаяся в бухту с моря, легко стукнула в корму.

— Поезд прибыл на конечную станцию. Господам пассажирам просьба заплатить за проезд и покинуть вагоны! — весело произнес Чоко.

Он уже снял свой клеенчатый плащ и зюйдвестку, облачившись в неприметную коричневую куртку, доходящую до середины бедер. В руках он держал небольшую дорожную сумку и пару ботинок.

— Вы тоже сходите на берег? — удивился Неллью. — А свое судно вы что, бросаете?

— А ты думаешь, я до конца жизни собирался возить на нем контрабандный спирт и ловить рыбку? — засмеялся Чоко. — Нет, в Гордане у меня будет собственная яхта, а богатые туристы будут называть меня господин Чоко! Ладно. Хорош болтать. Домари, где ты, черт тебя возьми?!

Сонный матрос, тоже уже переодевшийся в гражданскую одежду, сбросил сходни, по которым все перебрались на берег, почти не замочив ног.

— Вот что, — деловито сказал Чоко. Он уже сменил обувь и теперь походил то ли на сельского учителя, то ли на горожанина, выбравшегося на природу. — Здесь мы с вами расстаемся. Идите по кромке берега, переберетесь вон за тот мыс – увидите небольшой городок. Если не знаете языка, советую сразу же сдаться властям. На то, чтобы самим добраться куда-то дальше, у вас нет никаких шансов.

— А ты? — подозрительно спросил один из братков, тот самый, что всю дорогу страдал от морской болезни.

— А я язык знаю. Поэтому волен делать все, что захочу. И не стоит, кстати, делать резких движений. Я не хочу неприятностей, но положу каждого, кто попробует двинуться в мою сторону! Поэтому все повернулись, и пошли по бережку. А я за вами пока отсюда понаблюдаю.

— Пошли, — Неллью тихонько тронул Ворро за рукав. — Я думаю, нам ничего другого не остается. И чем скорее мы уйдем, тем лучше.

Неллью не нравились, ни Чоко, ни, особенно, братки. От них

хотелось держаться как можно подальше, и это желание подавляло в нем все радостные чувства, которые он должен был испытывать по поводу прибытия в Валез. Может быть, он просто слишком сильно устал.

Но уйти далеко им не дали.

— Всем стоять! Не двигаться! — раздался откуда-то сверху громкий голос, произносящий вилкандские слова с сильным акцентом.

Повернув голову, Неллью увидел небольшую группу вооруженных ружьями людей, цепочкой спускающихся со скал по узкой тропинке. Еще двое стояли наверху, держа вилкандцев под прицелом.

Неллью почувствовал нарастающую досаду и гнев. Преодолеть такой путь и уже в Валезе нарваться на бандитов – это было слишком несправедливо. Он видел, как братки обменялись молниеносными взглядами, но так и не двинулись с места: валезцев было чересчур много.

Через минуту все вилкандцы оказались в полукольце направленных на них стволов. Неллью с удивлением смотрел на захвативших их в плен людей – все они были совсем не похожи на бандитов, как он их себе представлял. Обычные человеческие лица, во взглядах ни жестокости, ни беспощадности, только усталость и, кажется, отчаяние. Неловкие руки людей, не привыкших к оружию, обыкновенная одежда, разве что слегка мешковатая и висящая на ее владельцах как на вешалке.

— Вы прибыли на этом судне? — спросил один из них на беглом вилкандском.

— Да, — Неллью прервал затянувшуюся паузу.

— Мы требуем, чтобы вы немедленно убрались обратно.

— Что?! — не выдержал Ворро. — Да кто вы такие?!

— Мы – добровольная дружина, — ответил валезец. — Мы патрулируем берег.

— И это так вы встречаете гостей? — возмущенно спросил пожилой интеллигент. — Мы беженцы, мы спасаемся от пришельцев! Чего вы от нас хотите?

— Мы хотим, чтобы вы немедленно погрузились на это судно, — холодно отчеканил валезец. — Мы тоже поднимемся на борт и высадим вас обратно в Вилканде.

— А ее куда? — повысил голос обычно сонный матрос.

— Ваше судно мы конфискуем. Нам тоже нужно ловить рыбу.

— Вы ее забираете?! — вдруг заголосил Чоко, падая на колени. — Мою стервочку, мою ласточку?! Пощадите, не лишайте средств на пропитание! Пожалейте моих маленьких деточек!…

Чоко, что-то нечленораздельно подвывая, валялся в ногах у

валезцев, недоуменно обменивавшихся репликами на своем языке. Стволы ружей опустились. Вдруг Чоко, молниеносным движением вскочив на ноги, нокаутировал одного из валезцев, толкнул другого на третьего, бросил горсть песка в глаза четвертому, подхватил свою сумку и бросился бежать по твердой гальке к скалам, запирающим бухточку.

— Стой, — заорал ему вслед валезец, знающий вилкандский. — Стой, тебе говорят!

Кто-то, подняв ствол ружья вверх, выстрелил в воздух, но Чоко не останавливался. Он уже добежал до конца галечной полосы и теперь поднимался по скалам, прыгая как козел.

— Стой! — кричал валезец. — Стой, стрелять буду!

Чоко был уже высоко. Внезапно он оступился, обронил сумку и, пытаясь подхватить ее, сорвался со скалы. Он дважды ударился о камни и рухнул прямо в полосу прибоя. Большая волна, прорвавшись через проход в скалах, подхватила его тело и потянула за собой.

— Держите его! — испустил громкий стон Ворро. — У него все наши деньги!

Один из братков с каким-то звериным ревом, сжимая в руке неизвестно откуда появившуюся финку, бросился на ошеломленных валезцев. Раздался новый выстрел, почти в упор, остро завоняло порохом. Браток с воем рухнул на землю, зажимая простреленное предплечье. Молодой валезец с дымящимся ружьем, бледный как мел, пятился назад, с ужасом глядя на набухающий кровью рукав свитера, и что-то бормоча на своем языке.

— Всем лечь! — заорал один из валезцев, яростно потрясая ружьем. — Бросить оружие!

Ему повиновались, не рассуждая. Уцелевший браток безропотно выбросил на песок нож с наборной рукояткой и кистень. Ребенок громко заплакал.

— За что? — со слезами в голосе спросила женщина. — За что вы нас гоните? Что мы вам сделали?

— Мадам, простите нас, — в голосе валезца чувствовалось неподдельная боль. — Мы помогали вам. Мы принимали вас целый месяц, но мы больше не можем. Страна переполнена беженцами, мы хотели бы накормить всех, но наша бедная земля не может родить столько! У меня двое детей, и каждый из них в сутки получает всего лишь по триста граммов хлеба и по половинке рыбы! Горданцы обещали нам продовольствие, они обещали вывезти часть людей, но они не сдержали своего обещания. Мадам, мне очень жаль вас. Но у нас в стране голод! Наши заводы стоят из-за отсутствия нефти! Мы больше не можем

платить за ваше спасение от пришельцев жизнью наших детей!

— А чем все мы – лично мы – так сильно навредили вам? — выкрикнул Ворро. — Или в ваших портах корабли с беженцами тоже заворачивают обратно?!

— Нет, — был ответ. — Но мы должны сделать хоть что-то.

— Не отправляйте нас обратно, — простонал худой мужчина в очках. — Там ад! У нас есть деньги, много денег. Мы заплатим вам, сколько вы потребуете! Мы отдадим вам все! Только не отправляйте нас назад!

— Зачем нам ваши деньги? — с горечью спросил валезец. — Золотых сертификатов в стране как грязи, но на них ничего не купишь. Валез вышел из золотого пула, и теперь банки не меняют пайны на золото. Но и наши пайны уже не стоят почти ничего. Все распределяют по карточкам, и продуктов нет даже на черном рынке! Поднимайтесь на судно, прошу вас. Не заставляйте нас прибегать к насилию!

— Лучше убейте сразу! — яростно закричала женщина. Она поднялась на ноги и шла прямо на ружейные стволы, держа плачущего мальчика на руках перед собой. — Убейте нас обоих! Мой муж погиб, мои родители сгорели заживо под бомбами! Вы знаете, чего мне стоило добраться до моря?! Вы знаете, чего мне стоило попасть сюда?! Я не вернусь обратно!!!

Кто-то из валезцев резко сказал длинную фразу на своем языке и поспешно отвернулся, кажется, вытирая слезы. Несколько других согласно кивнули.

— Мадам, — тихо сказал валезец, знающий вилкандский. Он стоял прямо перед женщиной, опустив ружье. — Мы можем пойти на все ради спасения наших детей. Но мы не изверги! Вы можете остаться.

Неллью показалось, что женщина сейчас рухнет без чувств. Но она осталась стоять, только еще крепче прижала к себе ребенка.

— Оставьте и нас! — пожилой интеллигент поднялся на колени и пополз на них по направлению к пятящимся от него валезцам. — У меня нужная профессия! Очень нужная! Я врач, вернее, дантист. У меня был собственный кабинет в Савино! Я все ради вас сделаю! Только оста-а-авьте!!!

— Герус, не унижайся! — строго приказала его жена. — Спасибо вам за приятную встречу, господа. Надеюсь, что ваши дети останутся живы. Пойдемте же, не будем задерживать гостеприимных хозяев.

Она встала и, не оглядываясь, твердым шагом пошла по направлению к шхуне. Сходня, которую спустил матрос, еще свисала с носа, уткнувшись в прибрежную гальку. За ней

потянулись и остальные.

Валезцы о чем-то посовещались между собой.

— Кто из вас члены экипажа? — спросил валезец-переводчик.

Моторист и матрос молча подняли руки.

— Если хотите, можете плавать на ней и дальше. Никто ведь не знает ее лучше вас. На борт поднимутся четверо наших, а вы высадите ваших соотечественников в Вилканде, а сами потом вернетесь на ней назад. Согласны?

— Еще бы! — воскликнул моторист. Он счастливо хлопнул по плечу здоровяка-матроса. — Живем, брат!

На остальных они старались не смотреть.

Неллью почему-то вспомнился тарануэсский аэропорт и люди за ограждением. Теперь за ограждением уже были они с Ворро, а эти двое рыбаков находились по другую сторону невидимой стены. Неллью чувствовал себя усталым и опустошенным. Великая цель, которая давала им силы на протяжении последних трех недель, перестала существовать. А впереди были еще один день и еще одна бесконечная ночь на утлом суденышке среди холодного осеннего моря.

Кто-то, кажется, турист, выразил это вслух.

— Нет! — раскованно засмеялся в ответ мальчишка-моторист. — Тут до нашего берега совсем не далеко. К вечеру добежим!

Он был счастлив, а у Неллью больше не было ни желания, ни сил завидовать ему или негодовать. Раньше, читая книги, он удивлялся, как люди могут опускать руки, покоряясь неблагоприятной судьбе. Сейчас он узнал это на собственном опыте. Апатия и безразличие охватили его почти целиком.

Кажется, эти чувства овладели и всеми остальными. Дантист, двигаясь как сомнамбула, наскоро перевязал руку пострадавшему братку и затем сел прямо на палубу, обхватив руками мачту. "Турист" и второй браток сидели рядом у борта, с неприязнью глядя на колышущуюся серо-зеленую воду. Худой мужчина в очках и жена дантиста стояли в одиночестве, опершись о фальшборт, и Неллью даже боялся, что кто-то из них, а то и оба вот-вот бросится в море.

Сам он вместе с Ворро стоял на корме, глядя, как матрос с мотористом ловко управляются с парусами, меняя галсы. Мотор не работал – то ли горючее уже кончилось, то ли его экономили на обратный путь. Четверо валезцев с ружьями сидели на носу на крыше крохотной каютки и о чем-то беседовали. Роль конвоиров они выполняли плохо, но никто и не собирался восставать против них.

К вечеру на горизонте появилась земля, а затем – глубокий

залив и город. Не доходя до города, шхуна подошла к пирсу на пустынном пляже.

— Это Дерразин, — сказал на прощание моторист. — В гавани я видел большие суда, так что попытайте счастья. Желаю вам всем удачи.

Ему никто не ответил. Ибо, как сказал поэт: "Я жив, он мертв, о чем нам говорить?"

Правда, все они были еще живы. И у них еще были целые сутки тридцать шестого дня войны.

Глава 51. Вопросы выживания

Есть что-то завораживающее в пламени костра. Что-то глубинное, восходящее к слоям родовой памяти бесчисленных поколений. Что-то загадочное, почти неуловимое, заставляющее современного человека, как и его далекого предка, смотреть в открытый огонь, следить за бесконечным танцем язычков пламени, слушать потрескивание горящих веток, обонять горьковатый запах дыма… Что-то такое, превращающее костер в очаг – сосредоточение тепла и света, безопасности и уюта, которое превращает даже слабо защищенную от ветра ложбинку в парке на окраине чужого города в некое подобие дома…

Вода в котелке закипела и начала брызгать через край, шипя на горячих углях. Либсли Ворро с усилием оторвал свой взгляд от огня и снял котелок, поставив его на расчищенный от пожухлой травы пятачок. Кисо Неллью, тоже словно внезапно пробудившись, покопался в рюкзаке и извлек оттуда две железных кружки и начатую пачку армейских галет.

— Последняя, — растерянно сказал он.

Ворро только усмехнулся.

— Оцени мою предусмотрительность! — жестом фокусника он вынул из своего рюкзака две солидные вяленые рыбины, завернутые в бумагу, и несколько сухарей. — Это мой принцип: дают – бери. Когда нам позавчера на той лоханке еду предложили, я как чувствовал, что она не будет лишней. Оценил?

— Оценил, — безразлично кивнул Неллью, — разливая кипяток по кружкам. — Что бы я без тебя делал?

— Пропал бы, наверное, — благодушно сказал Ворро. — Ну как ты, отошел?

— Отошел. Готов выслушать твои дальнейшие предложения.

— Распоряжения, — поправил Ворро. — Кто среди нас командир, в конце концов?

— Ты, ты, Ли. Ладно, распоряжайся. Я послушаю.

Ворро старательно разделывал рыбу.

— Мое первое распоряжение будет – ужинать, — наконец проворчал он.

— Ответ неправильный, Ли. Нам с тобой нужно ответить самим себе на другой вопрос: идем ли мы завтра в город, чтобы снова попробовать попасть в Валез, или нет? А если мы не пойдем завтра в город, то куда нам идти тогда? Какие варианты ответов на эти вопросы ты можешь предложить, командир?

Ворро сердито засопел.

— Тебе не кажется, что решение этих вопросов можно

отложить на завтра? У нас был тяжелый день.

— Нет, не кажется. По двум причинам. Во-первых, если мы завтра решимся на вторую попытку, нам нельзя будет терять времени на разговоры. А во-вторых, завтра все наши сегодняшние неприятности немного позабудутся, а вот то, что у нас кончились продукты, наоборот, приобретет большое значение.

Ворро размочил сухарь в кипятке и начал его мрачно жевать.

— В чем-то ты прав, Кисо. После всего, что было сегодня утром, меня уже не слишком тянет в этот Валез. Лагеря для беженцев, голод, деньги ничего не стоят – это чересчур мрачно, на мой взгляд.

— И тем не менее, Ли, я считаю, что мы должны попытаться еще раз. Иначе… что нам остается тогда?

— Ладно, Кисо, будь по-твоему. Ничего другого нам и в самом деле не остается. Только учти, я больше не намерен переплачивать! Эта экскурсия в Валез уже обошлась мне в двести пятьдесят граммов золота, а платить два раза за одно и то же совершенно не в моих принципах!

…Вскоре они поняли, что заблудились. Узкие кривые улочки старинного предместья, казалось, никуда не вели, причудливо изгибаясь по склонам холма, переливаясь одна в другую и чуть ли не заворачивая по кругу. Не раз и не два портальные краны над крышами домов показывали им, что они на верном пути, но в конце кривой улочки неизменно оказывался новый переулочек, ведущий куда-то в сторону, а то и вовсе отклоняющийся в обратном направлении. Несколько раз дорога заводила их в тупик или упиралась в высокую стену из серого камня, обросшую мхом, и им приходилось возвращаться.

До войны этот район наверняка был западней для туристов. Первые этажи небольших старинных домиков, тесно лепящихся друг к другу, были отданы под магазинчики и кафешки, но сейчас окна были наглухо закрыты ставнями, а на витрины опущены металлические шторы. За окнами верхних этажей не было видно ни огонька.

Ворро пока молчал, но Неллью чувствовал, что еще немного, и он начнет прохаживаться по поводу незадачливого штурмана. Неллью уже сам немного нервничал. Уже давным-давно рассвело, время приближалось к семи часам, а они никак не могли выбраться из лабиринта улочек.

Уже отчаявшись, Неллью повернул на очередном перекрестке в сторону, которая казалась ему неправильной, однако переулок после парочки сумасшедших изгибов провел их через проем больших старинных ворот и вывел на круглую площадь, за

которой начинались нормальные городские улицы – асфальтированные и, главное, прямые.

С площади отходили сразу четыре улицы, но Неллью, почти не колеблясь, выбрал самую широкую. Она, казалось, должна была уводить их в сторону от моря и порта, однако Неллью не сомневался в правильности своего выбора. В городе Дерразине к цели вели, похоже, только окольные пути.

Через несколько кварталов улица вывела их на широкий проспект, заполненный людьми. Люди шли по нему в мрачном молчании – нагруженные вещами и налегке, по одиночке, группами и целыми семьями. Выглядело это так, словно все жители города Дерразина одновременно собрались в дорогу, и, судя по всему, так это и было на самом деле. Это был настоящий исход, страшный в своей завершенности.

Из боковых улочек в этот поток вливались все новые и новые ручьи, и вскоре Ворро и Неллью шли в густой толпе, медленно несущей их куда-то вперед.

— Опять не один я такой умный, — пробормотал Ворро, с неприязнью оглядываясь по сторонам.

Неллью хмыкнул.

— Я бы сказал, не один ты такой дурной, что откладываешь все на последний день.

Скорость людского потока становилась все ниже и ниже. Ворро поначалу пробовал активно проталкиваться вперед, даже выиграл несколько позиций, но, поняв тщетность своих усилий, сдался. Неллью про себя облегченно вздохнул. Он с трудом поспевал за Ворро и больше всего боялся потерять его в этой толпе. Как он неожиданно понял, за время их странствий земляк, наставник и просто старший товарищ, помогавший ему включиться в столичную жизнь, стал для него самым близким другом, какого когда-либо он имел.

Тем временем продвижение вперед почти прекратилось, и Неллью уже оказался стиснутым между рюкзаком Ворро и чьим-то широким корпусом. Приподнявшись на цыпочки, он разглядел, что впереди толпа вливается, как в воронку, в узкую улочку, ведущую куда-то круто вниз. Сзади, сколько хватало взгляда, проспект был заполнен народом. В этой гигантской очереди к спасению Ворро и Неллью, похоже, опередили не одну тысячу человек, но и впереди них стояли те же несколько тысяч.

Внезапно толпа заволновалась. Очевидно, где-то впереди была преодолена какая-то преграда, и люди устремились вниз по узкой улочке. Послышались чьи-то крики, перешедшие в сплошной вой. Неллью рвануло вперед, понесло, закружило. Он изо всех сил вцепился в рюкзак Ворро, чтобы его не оторвало от

друга. В этом хаотичном движении они вместе преодолели поворот.

Асфальт под ногами сменился скользкой брусчаткой. Ширины улицы не хватало на всех, и теснота усилилась. Теперь Неллью еле перебирал ногами. Скорость снова снизилась, но сзади продолжали напирать, и он испугался за детей, которых было много в толпе. Да и ему самому эта теснота причиняла все больший дискомфорт. Он видел вокруг обеспокоенные, напуганные лица, но выбраться из этого плотно сжатого людского сгустка было уже невозможно. В толпе, стиснутой между стенами домов, словно сгущалась атмосфера страха и паники, гул множества голосов, детский плач, крики отражались от стен и буквально давили на людей.

Неллью споткнулся обо что-то мягкое и едва не упал. Ворро, оказавшийся рядом, успел подхватить его под руку. Толпа отнесла Неллью в сторону, и он так и не увидел, что это было – брошенная сумка или раздавленное мертвое тело. Выяснять ему не хотелось. Он чувствовал себя, словно оказался в западне, давка становилась невыносимой, его охватило неуемное желание выбраться отсюда, как будто бы он ехал в переполненном автобусе и боялся пропустить свою остановку. Впрочем, теснота вокруг уже и была такой же, как в автобусе в часы пик.

— Ли! — крикнул Неллью на ухо Ворро (ему приходилось кричать, чтобы перекрыть многоголосый вой). — Надо выбираться! Продвигаться дальше в этой толпе невозможно!

— Я знаю, — раздраженно закричал в ответ Ворро. — Никогда не любил держаться вместе с толпой! Но где ты видишь выход?

Неллью увидел. С высоты своего роста он заметил впереди лестницу, спускающуюся на улицу в проеме между домами. На лестнице тоже стояли люди, пытающиеся прорваться вниз, но это был шанс. Используя в качестве тарана Ворро, Неллью стал постепенно продвигаться ближе к лестнице. Это оказалось не так сложно, как ожидалось. Люди, наоборот, стремились в середину улицы, подальше от стен.

Выдернувшись из толпы, как пробка из бутылки, Ворро, расталкивая людей, потащил за собой Неллью вверх по лестнице. Под ними осталось сплошное море голов, заполняющее улицу от края до края и медленно текущее куда-то вниз. Неллью чувствовал себя совершенно разбитым, будто его только что пропустили через мясорубку. Ворро коротко хихикнул.

— Ты чего?

— Вспомнил анекдот про борца, который решил согнать вес, разъезжая в переполненном автобусе, — объяснил Ворро.

— И как, ему это помогло?

— Даже слишком.

— А тебе получилось согнать лишний вес?

— Да ну тебя! — Ворро печально оглядел свою постройневшую за последнее время фигуру. — Скажи лучше, штурман, куда нам идти теперь?

Короткая узкая улочка вывела их на обширную смотровую площадку, с которой они, наконец, смогли увидеть порт, куда безуспешно стремились все утро. Далеко под ними три улицы, забитые людьми, сходились на небольшой площади, окруженной домами и запертой высокой каменной стеной с единственными воротами, ограждающей территорию порта. У ворот была почему-то открыта только одна створка, и через этот проем вливался людской поток, разбрызгиваясь на отдельные капли. Уже в порту не менее густая толпа осаждала причалы, к которым были пришвартованы несколько крупных судов. В акватории виднелись буксиры, катера, шаланды, даже шлюпки. Переполненные людьми, они медленно выгребали в открытое море навстречу крутобоким волнам, время от времени показывающим белые гребни.

На глазах Ворро и Неллью один из пароходов, чья палуба была забита людьми, попытался отдать швартовы. Сверху они видели, как матросы в бело-синем сначала безуспешно старались оттеснить людей от узких сходен, а затем на судне просто обрубили канаты, и пароход отошел от причала, сбросив в воду сходни с висящими на них людьми. Толпа, оставленная на берегу, бросилась к другим причалам. Еще с десяток человек при этом столкнули в воду – им никто не пытался помочь.

Один за одним большие суда, переполненные людьми, вот так же уходили из гавани. Они забрали с собой тысячи людей, но тысячи и остались. Кто-то стоял на причале, в отчаянии простирая руки, другие просто бесцельно слонялись по порту, третьи пытались пробраться обратно, но им навстречу продолжали рваться новые сотни людей, еще не знающих, что они уже опоздали.

Ворро и Неллью больше полутора часов провели на смотровой площадке, не в силах оторваться от жуткой и одновременно завораживающей картины.

— Мы бы все равно не успели, — помертвевшими губами сказал наконец Неллью. — Я следил. Мы попали бы в порт слишком поздно.

— Нет, — с усилием произнес Ворро. — Во всем виновата эта проклятая экскурсия в Валез. После того, как я там побывал, я больше не могу рваться за море любой ценой. Понимаешь, Кисо?

Мы бы прорвались. Но именно любой ценой. Любой. Забыв обо всем, идя по трупам, не ведая сомнений! А я больше не нахожу в себе силы заплатить такую цену.

— Понимаю, — кивнул Неллью. — У меня, наверное, то же самое. Но что нам делать теперь?

— Что делать? Наверное, возвращаться обратно. В то место, где мы вчера ночевали. Как-никак, хоть что-то знакомое в этом городе. А завтра видно будет. Дорогу найдешь, штурман?

— Конечно, найду.

— Но самое главное, по дороге надо будет обязательно разжиться съестным!

Утро тридцать седьмого дня войны выдалось пасмурным, прохладным и ветреным, но это было самое обычное утро, ничем не напоминавшее о том, что в эту полночь истек установленный пришельцами срок действия безопасных зон и коридоров. Правда, для Ворро и Неллью это было еще и первое голодное утро. Вчера в городе им удалось добыть только немного холодной подгоревшей каши из поваленной набок и брошенной армейской походной кухни и там же найти втоптанную в грязь разорванную пачку галет. После мытья в морской воде и сушки у костра от них не стал отказываться даже привередливый Ворро.

Но сейчас у них не было ничего. Даже воды для питья осталось лишь на донышке фляжек. От костра, по привычке разожженного с утра, уютно тянуло дымком, но и его тепло не в силах было погасить неприятное ощущение пустоты в желудке.

— Это ты виноват, — мрачно ворчал Ворро. — И зачем я послушался тебя и выбрался из той толпы? Ну, подавились бы немного, так наверняка успели бы на корабль! А сейчас были бы уже в Валезе, хлебали бы, небось, какую-нибудь юшку…

— Вчера ты говорил по-другому, — напомнил Неллью.

— Вчера у нас еще было, что жрать! Ох, как мы попались, Кисо, как мы попались!… Нам надо было вчера рваться в порт так, будто от этого зависела наша жизнь! А она, кстати, зависела. Теперь нам точно крышка!

— Ли, откуда такие мрачные мысли? — усмехнулся Неллью. — Неужели только из-за того, что мы легли спать голодными, и у нас ничего нет на завтрак? Мой дедушка, например, каждую неделю устраивал себе сутки голодания.

— Ну и что?

— И дожил в итоге до восьмидесяти четырех лет. И до конца жизни сохранял ум и бодрость. Так что немного поголодать – это полезно.

— Дурак ты, Кисо, и шутки у тебя дурацкие. Будто бы мы в

последнее время слишком роскошествовали! Я жрать хочу! Я голодный и потому злой. И вообще, хватит тут языками трепать. Собирайся и пошли.

— Куда?

— В город, конечно.

— Ты думаешь? — протянул с сомнением Неллью. Отсюда им было хорошо видно, что в порту нет ни одного судна. Что-то горело, и вверх поднимались клубы густого черного дыма, хотя из-за расстояния трудно было судить, где пожар – в порту или самом городе. — По-моему, если у нас еще есть шанс добраться до Валеза, его стоит искать не в Дерразине, а в каком-нибудь рыбацком поселке поблизости.

— Причем тут это?! — рявкнул Ворро. — Сначала нам нужно достать еду, а уже потом – решать все остальные задачи. В любом городе в безопасной зоне есть места, где кормят. Вчера везде был переполох, к тому же мы плохо искали. Сегодня будем искать лучше. И хватит с этим! Собирайся, а я пока схожу отлить.

Вернулся Ворро, тем не менее, быстрее, чем этого можно было ожидать.

— Кисо, ты как-то говорил, что разбираешься в грибах? Пошли, посмотришь, я тут кое-что нашел.

Пробравшись через кусты вслед за Ворро, Неллью увидел большой пень, весь облепленный кучками грибов с круглыми рыже-коричневыми шляпками, сидящими на длинных тонких ножках.

— Странные какие-то грибы, — ворчливо сказал Ворро. — Зима на носу, а они расти вздумали.

— Ничего странного, — пожал плечами Неллью. — Они так и называются, зимние грибы. Я и у нас, в Лимеолане, не раз их в парке видел.

— Поганки, наверное, — разочарованно произнес Ворро.

— Да нет, вроде бы. Я помню, в справочнике было написано – съедобные. Шляпки молодых плодовых тел. Просто их почему-то никто не собирает.

— Съедобные, говоришь? — облизнулся Ворро. — Тогда чего же мы стоим?!

Они обыскали весь парк, и нашли еще несколько таких же пней, поросших грибами. К сожалению, воды у них было слишком мало, и они потратили много времени, чтобы насадить небольшие шляпки грибов на стальную проволоку, которая играла у них роль шампура, и поджарить их над костром. Грибы, промытые в морской воде, оказались с легким горько-соленым привкусом, но они не жаловались.

Они еще жарили предпоследнюю порцию, как вдруг Неллью,

случайно подняв голову, заметил высоко в небе над городом несколько темных точек.

— Воздух! — срывающимся голосом выкрикнул он. — Пришельцы! Гаси костер!

— Спокойно, — миролюбиво проворчал в ответ Ворро. — Ну и что, что пришельцы? Сколько раз они уже над нами появлялись? Нужны мы им!

— Но сегодня истек срок зон безопасности, — возразил Неллью. — О, господи!…

От серебристых силуэтов в небе протянулись длинные белые хвосты, и земля содрогнулась от множества мощных взрывов. Над городом поднялись огромные клубы дыма, пламени и пыли. Затем земля вздрогнула еще раз, и еще, и еще! Город был уничтожен за две минуты, а еще через несколько секунд Неллью, уже лежащий ничком на земле, прикрывая голову руками, с ужасом заметил, как одна из ракет, оставляя за собой белый хвост дыма, пикирует прямо на них! В это мгновение он успел лишь вспомнить, что ракеты пришельцев реагируют на тепло, и удивиться, что их жалкий костер оказался для них достойной внимания целью.

Однако ракета была направлена не в них. Летающая смерть прошла мимо, с неимоверной точностью поразив причал, на который они сошли полтора дня назад. Каменный пирс разлетелся вдребезги в пламени страшного взрыва, оглушившего и едва не убившего Ворро и Неллью, находившихся почти в полукилометре от его эпицентра. В воздух поднялся ревущий столб перегретого пара, по стволам деревьев, как дробью, простучали каменные обломки, а на берег обрушился трехметровый вал почти кипящей воды. На Ворро и Неллью сверху сыпались ветки, мертвые листья и прочий мусор, довольно большой камень упал прямо в костер, разметав в стороны горящие сучья, но они остались целы и невредимы и спустя несколько минут смогли подняться с земли, сами не веря в свое спасение.

Пришельцев уже не было. Серебряные машины сделали свое черное дело и исчезли так же быстро, как и появились. Но разгром побережья продолжался. Вдалеке, за длинным остроконечным мысом были слышны взрывы и поднимались вверх столбы дыма. Слева горел Дерразин. В порту что-то глухо рвалось, выбрасывая сполохи пламени, по воде тянулись черные жирные клубы, смешивающиеся со все еще висящим над морем белым паром. Заметные белые здания в дальней части города выглядели как сломанные выщербленные зубы.

— Это все грибы, — слабо пробормотал Ворро. — Проклятые

грибы спасли нам жизнь. Если бы не они, мы бы наверняка были в это время в городе. Черт, я никогда так…

Голос его прервался. Неллью привстал на колени, обхватив руками голову. Она словно гудела как огромный колокол, и он всерьез боялся, что череп не выдержит и расколется напополам. Он несколько раз судорожно сглотнул и глубоко задышал, широко открывая рот. Это немного помогло. В достаточной степени, чтобы он смог понять, что говорит Ворро.

— …как не крути, а нам все равно придется пойти в город. Да, это, пожалуй, самое лучшее, что мы можем сделать в этой ситуации.

— Зачем? — с трудом спросил Неллью. Ему показалось, что он ослышался. — Ты думаешь, мы кому-то сможем помочь?

— Помочь? — Ворро с удивлением посмотрел на Неллью. — Я был бы не против, если бы кто-нибудь помог *нам*. Нам все равно нужно добыть еду, Кисо, и в Дерразине у нас больше всего шансов. Помнишь, как в одном месте, кажется, в Сьеверане, мы наткнулись на разбомбленный магазин? Но ты не спеши, пусть там хотя бы прекратятся пожары. И кроме того, мы еще не закончили завтракать…

Ворро поднял с земли проволочку с недожаренными грибами, критически осмотрел их, сдул пыль, и пошел к воде – мыть.

— Как ты можешь так спокойно есть после всего этого? — выкрикнул ему вслед Неллью. — У меня все просто трясется. На наших глазах пришельцы уничтожили целый город, мы сами чуть не погибли, а ты ведешь себя так, будто бы ничего не произошло!

Ворро даже не остановился.

— Кисо, мы с тобой уже столько всякого разного успели понавидаться за последний месяц, что от всего этого можно было сойти с ума! И если мы не свихнулись, значит, мы выживем. А чтобы выжить, нужно есть! Понял?

Неллью не стал возражать. Он даже не отказался от своей порции грибов, хотя и ел через силу. Он тоже понимал, что ему надо выжить.

В Дерразине Неллью не раз и не два вспоминал Чонори – первый увиденный ими вблизи город, разбомбленный пришельцами. Но Чонори, когда они через него проходили, был мертв и мертв давно, а Дерразин был еще жив, хотя и смертельно ранен, что было хуже всего. В нем еще догорали пожары, дымились свежие пепелища, остро пахло гарью, а среди развалин бродили безумные люди в обгоревшей одежде, ищущие родных и близких или бесцельно идущие неизвестно куда.

Старинный район на холмах, где они едва не заблудились

вчера, был уничтожен почти полностью, и они, обходя его, попали в полуразрушенные кварталы, застроенные современными пятиэтажками. Они пострадали меньше, чем центр, и люди здесь еще пытались помочь друг другу. В одном месте Неллью видел группу из примерно двадцати человек, разбирающую развалины рухнувшего дома, в другом – прямо на земле было расстелено большое брезентовое полотнище, и двое врачей в измазанных кровью и пеплом белых халатах пытались помочь многочисленным раненым.

Но никаких продовольственных пунктов или походных кухонь. Только однажды они натолкнулись на толпу, которой несколько человек раздавали с телеги буханки хлеба, но хлеб кончился раньше, чем они успели приблизиться.

— Пошли скорее, нам нужно проследить за этой повозкой, — на ходу распорядился Ворро. — Черт, мы ничего здесь не знаем, бредем наугад. Попробуем добраться к первоисточнику.

Повозка, запряженная худосочным и нервно шарахающимся из стороны в сторону молодым бычком, двигалась не быстрее среднего пешехода, так что Ворро и Неллью довольно быстро нагнали ее и углубились вслед за ней в какой-то промышленный район, тоже сильно пострадавший от обстрела. Отовсюду валил густой вонючий дым, который порывы ветра время от времени прижимали к земле, и тогда надо было быстро бежать вперед, прикрыв лицо и зажав нос и рот, чтобы вырваться из отравленной зоны.

Попав в на редкость плотную завесу дыма, они были вынуждены сначала отступить, а затем пробираться через территорию какого-то разрушенного гаражного комплекса, и потеряли повозку из вида. Оказавшись в узком переулке, зажатом между заборами, Неллью растерянно оглянулся по сторонам (Дерразин с его лабиринтами уже начал его злить), как вдруг заметил на поперечной улице двух людей, тащивших тяжелый мешок, и ткнул в бок Ворро.

— О, это интересно, — сразу же заинтересовался Ворро. — Посмотрим на их добычу.

Дойдя до угла, они сразу же увидели цель – остатки какого-то большого здания за массивным рухнувшим забором. В развалинах копошились с полсотни людей, выкапывающих и оттаскивающих в стороны какие-то мешки и ящики. Возле забора лежали несколько трупов в военной форме, но на них никто не обращал внимания.

— Вот оно! — загорелись глаза у Ворро. — Склад!

— Но это же мародерство! — попробовал возмутиться Неллью. — Мы же не воры!

— Не сделаем мы, так это сделает кто-то другой, — возразил Ворро. — Или ты такой сторонник лечебного голодания? Пошли скорее, пока все не растащили!

Развалины склада походили на золотоносный участок. Несколько десятков человек, по одиночке и группами, стараясь не глядеть на соседей, старательно проводили раскопки – каждый на своем месте. Свободных участков еще хватало, и Ворро и Неллью, поднявшись на кучу камня, в которую превратился склад, точно так же начали отбрасывать в сторону битые кирпичи и куски толя и кровельного железа. Минут двадцать им не везло, но затем находки пошли потоком.

— Есть! — азартно выкрикнул Ворро. — Здесь ящик! И какие-то консервные банки! Кисо, помоги!

Неллью пришел на помощь другу, и совместными усилиями они вытащили из развалин большой картонный ящик, наполненный жестяными банками. Некоторые из банок были помяты, парочку вообще раздавило в лепешку, и Неллью с интересом макнул палец в красно-коричневую субстанцию.

— Ягодный джем, — заключил он. — У меня мама в детстве такой варила.

— Великолепно, — откликнулся Ворро. — Джем так джем, всегда любил сладкое. Ты не стой, собирай все целые банки и складывай в рюкзак! Живо! А то явится вдруг охрана!…

Вслед за джемом они извлекли из-под обломков еще один ящик, в котором оказалась консервированная каша с овощами, затем наткнулись на пакеты муки высшего сорта, большей частью целые, пополнили свои запасы пятью бутылками с минеральной водой, которые Неллью выудил из стеклянного крошева, наконец, откопали большую коробку, набитую пакетами с суповым концентратом.

— Может, хватит? — Неллью с натугой приподнял рюкзак. — Учти, нам все это еще унести нужно.

— Сейчас, — Ворро с неудовольствием оторвался от увлекательного занятия. — Дай только посмотрю, что в этом мешке… О, горох! Черт, во что бы его насыпать?

— Насыпай сюда! — Неллью спустил Ворро его рюкзак. — Только скорее. Смотри, все вокруг разбегаются! Ты помнишь, что положено по законам военного времени за мародерство?

— О, черт! — Ворро поспешно выпрямился. — Тогда бежим! Дай, только я захвачу немного этого гороха! Черт, как его неудобно насыпать горстью, хотя бы какой-то совок…

Неллью, ни говоря ни слова, оттащил Ворро вместе с его рюкзаком от разорванного мешка и потянул прочь. Они едва успели. Буквально через несколько секунд после того, как они

завернули за угол, за их спиной послышались свистки, крики, резкие команды, громыхнуло несколько выстрелов. Рюкзаки, набитые снедью, весили, наверное, с центнер каждый, и они, едва пробежав сотню метров, нырнули в проем в каком-то заборе и просидели в укрытии не меньше часа, пока вокруг все не стихло. Ветер время от времени заволакивал их убежище дымом, но они терпели.

Возвращаясь обратно в тот же самый парк, Неллью чувствовал себя так, словно он идет домой. За последние четыре недели им ни разу не приходилось ночевать в одном месте три раза подряд. Рюкзак был неимоверно тяжелым и давил на плечи, но еще больше давило сознание того, что им пришлось опуститься до воровства. Тем не менее, прислушиваясь к ощущениям в бурчащем от голода животе (грибы помогли несколько ослабить это чувство, но не более того, к тому же, с тех пор уже прошло несколько часов), Неллью был готов простить себе это преступление.

Так он и сказал вслух.

— Молодец! — засмеялся в ответ Ворро. — Ты начинаешь верно мыслить.

И помолчав, добавил с необычной для себя грустью и горечью.

— Знаешь, Кисо, мне и самому не по себе. Я, конечно, эгоист, но не до такой степени, чтобы радоваться, вырвав эти куски из глотки тех, кто нуждается в пище не меньше меня самого. И чем дальше, тем с большим ужасом я думаю: на что еще нам придется пойти, чтобы выжить? Смогу ли я потом простить себя? И стоит ли такая жизнь того, чтобы за нее цепляться?…

Неллью промолчал. Он тоже не знал ответов на эти вопросы.

После ужина, первого сытного ужина за последнюю неделю, у них появились другие вопросы. Как всегда, задал их первым Неллью.

— Ли, — спросил он, лениво глядя на огонь и ковыряя в зубах щепочкой, — Что мы будем делать завтра? Куда нам теперь идти?

— Сложный вопрос, — проворчал Ворро. — А ты уверен, что на него нужно отвечать именно сегодня?

— Да, Ли. Сегодня мы чудом спаслись от смерти, обворовали склад, едва не попались, наконец, впервые за несколько дней нормально поели. Завтра все это забудется, а останется лишь ощущение того, что у нас полно продуктов. К тому же, я не уверен, что мы и дальше будем так же роскошно ночевать под

открытым небом.

— Ладно, — Ворро со вздохом присел. — Будем рассуждать логически. В Валез меня по-прежнему не слишком тянет, к тому же, я боюсь, что после сегодняшнего рейда пришельцев придется очень здорово потрудиться, чтобы найти какую-нибудь посудину, способную пересечь пролив.

— На побережье долго оставаться нельзя, — добавил Неллью. — Здесь скопилось слишком много людей, и скоро начнется голод. Да и нам с тобой не каждый день будут попадаться разбомбленные склады.

— Н-н-да, — Ворро напряженно раздумывал. — Знаешь что, Кисо? Пошли, наверное, домой!

— Это куда?

— Домой, говорю, — Ворро широко улыбнулся. — В наш Лимеолан.

— Его же разрушили пришельцы!

— Это сказал Лльечи, чтоб ему там провалиться в преисподней! Он мог и наврать. Нет, я не могу поверить, что уничтожен весь город. Даже Тарануэс сколько не бомбили, а наш дом остался цел, помнишь? К тому же, у меня в самом Лимеолане и под Лимеоланом миллион всяких родственников, кого-нибудь из них, да найдем! И помнишь, как там хорошо? Горы, река, море, в море рыбка плавает, а вокруг – сады, сады, сады… С голоду там мы наверняка не умрем! Нет, определенно, отправляемся в Лимеолан! Завтра же с утра и выходим.

— Но это же нам идти через всю страну! Отсюда до Лимеолана по прямой километров восемьсот, а то и больше! И зима уже начинается.

— Ничего, Кисо, дойдем. Мы уже столько отмахали, так что, что нам теперь эти восемьсот километров? И в конце концов, кто здесь командир?!

— Ты, Ли. И ты прав. Больше нам и в самом деле идти некуда.

Глава 52. Обжигающий свет

— Реэрн, вы догадываетесь, для чего я вас вызвал?

— Нет, ваше превосходительство.

— Где же ваша хваленая информированность? Или вы не знаете, что вчера вечером пришел приказ о приведении в боевую готовность планетарных ядерных ракет?

— В этом нет ничего удивительного, ваше превосходительство. Темные дела обычно вершатся в тайне.

— Вы считаете поставленную нам боевую задачу темным делом?

— Я могу говорить свободно, ваше превосходительство?

— (после паузы) Я думаю, да. Продолжайте, Реэрн.

— Я считаю применение ядерного оружия на Филлине преступлением, которому нет ни прощения, ни оправдания. Я нахожусь на грани неповиновения приказу.

— Можете мне поверить, Реэрн, я отношусь к этому делу ничуть не лучше вас. Но это не тот приказ, который можно не выполнить, а потом отрапортовать.

— Неужели нет никакого способа остановить это безумие? Как после *такого* мы будем сотрудничать с западными филитами?! Докладная на имя Таорза…

— Было! Подписана командующим Четвертым флотом маршалом Туомном, командиром десантных сил маршалом Гдэаском и департаментским советником Буонном. Отклонена. Есть личное распоряжение фельдмаршала Гдоода. Цитирую: "Не выносимо и не может сохраняться положение, когда ядерные боезаряды окружены в глазах командного состава Космофлота неким мистическим ореолом. К ним надо относиться как к обычному оружию, которое следует без колебаний применять в боевой обстановке, когда для этого возникает необходимость". Как-то так… Таорз полагает, что такая необходимость есть. По его словам, филитам нужно в полной мере продемонстрировать могущество Империи. Кроме того, он не видит особой разницы в том, каким оружием проводить зачистку территории, а применение ядерных ракет позволит сэкономить время и боеприпасы. Все, в чем его удалось убедить, — это снизить число целей до двадцати четырех.

— И какая же из них наша?

— Город 6–2. По-местному, кажется, Ле-сек.

— Так это же менее, чем в двухстах километрах от нас! Потом же вся грязь может пойти прямо на Центральную базу!

— Увы, Реэрн, этот аргумент не проходит. Мы же применяем

планетарные, то есть, "чистые" заряды. Кроме того, синоптики ручаются, что в течение ближайших двух суток направление ветра в городе 6–2 будет благоприятным для нас.

— Выходит, избежать выполнения приказа нельзя?

— Я надеялся, Реэрн, что вы поможете мне найти повод для этого. Докладная на имя Таорза уже готова, но в ней не хватает главного – объяснений. Да, всю лирику можете отбросить сразу. Для Таорза отношения с филитами не имеют никакого значения. Хотя бы потому, что все это дело затеяно с подачи Оонка.

Молчание. Напряженное, тяжелое молчание поиска выхода из безвыходной ситуации.

— Ваше превосходительство, может быть, использовать это? Насколько я помню, филиты с запада должны поставлять нам сырье и продовольствие. Но перевозка большого объема грузов на атмосферных транспортниках дорога и неудобна. Да и мало их у нас. Быть может, следует позволить филитам сохранить один порт на Восточном континенте, а через него осуществлять перевалку грузов для нас? И какой порт для этой цели подходит лучше, чем 6–2?

— О, пожалуй, это мысль! Кажется, мне надо было привлечь вас с самого начала. Таорз не любит перерасходов, и это на него может подействовать. Да, я включаю в докладную ваше предложение, Реэрн, и немедленно отправляю ее. Теперь или в течение ближайшего часа придет ответ, или вам следует начать готовить ракеты к пуску.

Генерал Эамлин допечатывает документ и выполняет с ним все необходимые операции. Реэрн молча наблюдает за ним.

— Ваше превосходительство, — говорит он, когда докладная отправляется по назначению. — Раз мы с вами можем говорить свободно, не ответите ли вы мне еще на один вопрос? Вторжение уже завершается, но я так и не смог понять – какова наша основная задача на Филлине? Мне приходилось слышать из… заслуживающих доверия источников, что она станет нашей новой колонией. Другие же источники утверждают, что этого не произойдет – по крайней мере, в ближайшую дюжину-другую лет. Мы убиваем филитов на Восточном континенте и одновременно пытаемся договориться с ними за Западном. Мы с кем-то ожесточенно воюем, но я не могу понять, что является нашей основной целью. Так что мы делаем на этой планете? Присоединяем ее к Империи, готовим ее для наших колонистов или просто занимаемся уничтожением во имя самого уничтожения? Должна же быть какая-то логика во всем этом! Как говорит мне мой собственный опыт, необъяснимых вещей в природе не существует. Есть необъясненные. Но у меня нет

объяснения тому, что происходит вокруг!

— Как вы любите задавать неприятные вопросы, — недовольно сопит генерал. — Во имя тьмы, Реэрн, спросите что-нибудь полегче. Да, я знаю, что конечная цель операции заключается в том, чтобы превратить Филлину в базу для дальнейшей космической экспансии. Но вот достичь этой цели можно самыми разными средствами. Мне известны, по меньшей мере, пять групп, каждая из которых предлагает свой вариант и, более того, пытается реализовать его – одновременно со всеми остальными.

— Мне недавно приходилось слышать, что наш контакт с западными филитами был налажен почти случайно. Якобы, когда парламентер прибыл к кораблю Пээла в пустыне, его самолет вначале хотели сбить как нарушителя зоны безопасности.

— Вот именно. Из-за этого конфликта интересов и происходит уйма несуразностей. Но официально мы реализуем план флаг-маршала Таорза – очищаем территорию так называемых цивилизованных стран Филлины. Разрушаем их экономику, подрываем промышленную базу, обнуляем трудовые ресурсы. А на остальную часть планеты мы не обращаем внимания. Она нам пока просто не нужна.

— Но… что дальше?

— На чистом месте легче построить новое (понимающая усмешка). Например, наши базы и заводы. И, очевидно, поселки для рабочих и обслуживающего персонала. Только хотите, я вам открою небольшую тайну? Эту задачу мы не в силах выполнить! Нас здесь горстка на огромной планете, несколько тысяч наших танков затерялись в ее полях и лесах, а наши доблестные воздушные силы, хотя и не встречают никакого противодействия, способны только разрушить города филитов, но не поставить их на колени. Я видел множество снимков с разведывательных кораблей. Как только заканчиваются бомбежки, филиты выбираются из укрытий и начинают восстанавливать свою жизнь, и у нас нет сил этому помешать! Я даже полагаю, что ядерные ракеты – это всего лишь жест отчаяния со стороны Таорза, который не может не видеть, то вся эта бойня – войной назвать я ее не могу – скатывается к какой-то идиотской патовой ситуации! Боюсь, нам еще долго придется расхлебывать то, что мы тут накосячили!

— Выходит, филлинская операция – это… просто ошибка?

— (после непродолжительной паузы) Возможно, вы и правы, Реэрн. И я даже могу объяснить ее. Отчасти – это нехватка опыта в планировании и проведении операций такого масштаба. Отчасти – переоценка собственных сил. И, конечно, спешка.

— Спешка? Но что же заставило нас торопиться? Неужели… Дальняя разведка действительно что-то обнаружила… вернее, кого-то?! И не связано ли это с давним исчезновением "Полюса"?! Ведь он пропал где-то в этом секторе, верно?!

— Все-то вы знаете, Реэрн… — генерал шутит, но глаза его вдруг становятся льдисто-холодными. — Однако настоятельно рекомендую вам впредь забыть об этой теме и не поднимать ее больше ни с кем. Ни с кем и ни при каких обстоятельствах! Вы меня понимаете, Реэрн?! Это тайна не вашего уровня! К тому же (ворчливо), вскорости она может перестать быть тайной… И вообще, не наше дело лезть в высокую стратегию. Давайте займемся нашими тактическими проблемами… Причем, знаете, уже есть ответ!… Та-ак… Как ни удивительно, флаг-маршал Таорз соблаговолил принять к сведению наши аргументы. Ракетный удар по городу Ле-сек отменяется, какой-либо иной цели для нас не указано. Что же, вы удовлетворены, Реэрн? По крайней мере, у нас с вами совесть будет чиста.

— После того, что мы натворили на Филлине за истекшие три дюжины дней, у нас уже больше никогда не может быть чистой совести. И кроме того, ваше превосходительство. Вы спасли от ужасной гибели один филлинский город, но мы ничего не можем сделать для остальных.

Восходящее солнце еще пряталось где-то за деревьями, но в путанице ветвей в вышине виднелось чистое голубое небо, а лес заполняли прозрачные густо-синие тени. День обещал быть ясным, солнечным и не холодным: термометр у входа в госпиталь спасательной службы показывал всего минус одиннадцать – по местным меркам, почти оттепель. В такую погоду приятно получить выходной, и Вирта Эрилис поспешила использовать его, чтобы навестить двух своих подруг, работающих в этом госпитале медсестрами.

Вот они, стоят втроем под величавыми соснами. Щечки подрумянены морозом, волосы задорно выбиваются из-под вязаных шапочек, звонкий девичий смех разносится по всему лесу. На них нельзя не обратить внимания. Все трое такие молодые, веселые, красивые и притом – совершенно разные.

Выше всех – Тэй Хейзерис. В теплой зимней одежде она кажется слегка полноватой, но на самом деле она просто крепкая и рослая. Ее статная фигура, в которой нет ровным счетом ничего лишнего, так и пышет здоровьем. У Тэй милое круглое лицо с мелкой россыпью веснушек, темно-русые волосы, голос мягкий, певучий, движения плавные и чуть замедленные. Тэй выглядит старше своих двадцати двух лет, человек она очень отзывчивый,

серьезный и ответственный, из-за чего на нее в свое время не могли нахвалиться преподаватели, а теперь любят старые госпитальные нянечки, ценят врачи и обожают раненые. Только вот парни-ровесники обычно обходят Тэй стороной, хотя и порой засматриваются на ее совершенные формы. Может быть, они просто чувствуют, что не доросли до нее.

Полной противоположностью Тэй выглядит Линн Валькантис. Она из тех женщин, которые и в сорок пять будут выглядеть так, словно им только что исполнилось восемнадцать. Линн тоненькая, худенькая, на голову ниже Тэй и кажется рядом с ней крошкой. Насмешливые карие глаза, чуть заостренные скулы, короткие темные волосы спрятаны под шапочкой и никакой косметики – Линн не заботится о своей красоте и считает всякие помады и кремы лишней тратой времени, хотя на самом деле она очень привлекательна. Глядя на хрупкую Линн, трудно поверить, что она своими тонкими ручками с легкостью переворачивает раненых парней, которые вдвое тяжелее ее самой, но это, тем не менее, так. Линн Валькантис, несмотря на свой субтильный вид, очень сильная и выносливая. Она выросла на пограничной заставе в южных горах, обошла в туристических походах чуть ли не пол-Чинерты и, кроме того, имеет за спиной больше полусотни парашютных прыжков. Это она месяц назад хладнокровно застрелила грабителя, напавшего на нее в развалинах Галаны. Как иногда говорят между собой однокурсницы, Линн Валькантис следовало бы родиться мальчиком, хотя сама Линн, похоже, не испытывает по этому поводу никаких комплексов.

И наконец, Вирта Эрилис. По росту и телосложению – нечто среднее между своими подругами, хотя красотой, похоже, превосходит их обеих. Во всяком случае, сейчас она выглядит очень эффектно в темно-синей форменной пуховой куртке спасательной службы и светло-голубой вязаной шапочке, из-под которой ниспадают на плечи длинные светлые волосы. Волосами Вирта очень дорожит. Даже здесь и сейчас она умудряется поддерживать их в полном порядке. И вообще, даже не скажешь, что она только под утро вернулась с очередного выезда спасательной бригады.

— Погода сегодня просто чудная, — радовалась Вирта Эрилис. — Ну нет, чтобы вчера такая была!

— А что вчера было? — спросила Тэй Хейзерис. — Нам вчера раненых привезли. Двенадцать человек, все с переломами и обморожениями. Это вы их спасали?

— Расскажи, — потребовала Линн Валькантис. — Вы ведь вчера куда-то выезжали, верно?

— Да, был объект, — небрежно сказала Вирта. — В одном

поселке неподалеку обрушилась крыша жилой землянки, где было почти двести человек. А погода, вы же сами помните, какая была вчера – холод, снег, ветер. Мы к тому же только к вечеру туда добрались. Нелегко пришлось…

Вирта поежилась. Неужели это было только вчера? Тяжелый вездеход, пробивающийся к цели сквозь темноту и буран. Качающиеся прожектора, которые иногда почти скрывались в снежных вихрях, и освещенная ими яма с торчащими наружу бревнами. Пронизывающий холод и узкая дыра, в которую надо было лезть в одном свитере, потому что внизу, под завалом, были маленькие дети, и их надо было в кромешной темноте находить под обломками и вытаскивать наверх по одному. Слабеющий голос женщины в удушливой темноте; ей перебило ноги, но она подбадривала и успокаивала плачущих испуганных ребятишек, звала их по именам и подсказывала Вирте, где искать тех, кто потерял сознание… И наконец, когда они вытащили всех, и сил уже не осталось совсем, короткий (к счастью!) ряд мертвых тел на снегу возле провала, и чей-то воющий плач, и взбешенный Дарин Кедерис, тычущий в лицо какому-то типу в дорогом полушубке кусок доски и хрипло каркающий: "Это вы, лично вы, виноваты в их смерти! Вы отхватили для себя целые апартаменты, а людей продолжали держать в аварийной землянке, хотя я, я сам, дважды предупреждал вас!…".

Однако сегодня, ясным солнечным утром, все это казалось тяжелым сном, ночными кошмарами, небылью. И не хотелось думать ни о прошлом, мрачном и горестном, ни о будущем, которое наверняка принесет не один такой выезд.

— Так что ты молчишь? — перебила ее мысли Линн Валькантис. — Что там было?

— Да, ничего особенного, — пожала плечами Вирта. — Трудно было, конечно, но мы справились. Приехали, откопали, кого смогли. Там завал еще до нас разбирать стали и больше половины людей вытащили. Вот и все.

— Интересная у тебя работа, — с легким оттенком зависти сказала Линн. — А нам тут одна женщина, ее с переломами обеих ног ночью привезли, рассказывала, что девушка-спасатель вытащила из-под рухнувшей кровли больше двадцати детей. Это не ты, Вирта, была, часом?

— Вот мы тебя и поймали, — рассмеялась Тэй Хейзерис. — Теперь ты от нас так просто не отделаешься! Рассказывай!

Вирта шутливо подняла вверх руки – поймали, мол. Внезапно ее пронзило острое предчувствие беды. Что-то должно было случиться – сейчас, сию минуту! Вирта беспомощно оглянулась по сторонам. Все было так мирно и спокойно! Лес наполнялся

солнечным светом. Вокруг звучали голоса людей, где-то жужжала бензопила, вдали было слышно тарахтение мотора аэросаней, по накатанной дороге к близкому лагерю беженцев тянулись сани с продуктами, из трубы госпиталя поднимался к небу светло-серый дым. Все было как обычно. Неужели она…?

И тут вспыхнул свет. Полнеба на юге озарилось необычайно яркой вспышкой, на фоне которой ветви сосен казались словно вырезанными из черной бумаги. Этот свет, даже приглушенный кронами деревьев, жег глаза, и девушки поспешно отвернулись, закрыв лица руками. Казалось, световые потоки просвечивают их насквозь, и когда через пятнадцать секунд свет погас, ясное солнечное утро показалось им сумерками. Эта вспышка была ярче солнца!

А еще через минуту с небольшим ударил гром. На вершины деревьев словно обрушился вихрь. Сосны тревожно застонали под чудовищным напором, сверху посыпались сухие ветки и шишки. Маленькая белка-летяга, очевидно, выброшенная из гнезда, неуклюже и испуганно спланировала прямо на сани с мешками муки, но на нее никто не обращал внимания. Люди, вжав головы в плечи, с тревогой смотрели в небо. Все они уже пережили бомбежки, смерть близких, разрушение родных городов и боялись, что все это повторится снова. Но проходили секунды, а мир все так же оставался погруженным в оглушенную тишину.

— Ой, девочки, я побегу! — наконец спохватилась Вирта. — Что-то случилось, значит, мы должны быть там!

— Удачи! — выкрикнула вслед Тэй Хейзерис.

Вирта на бегу помахала подругам рукой. Она не представляла, что могло произойти, но не сомневалась: пришельцы совершили что-то ужасное.

От госпиталя до барака спасательной службы было около километра. Вирта пробежала это расстояние за пять минут. Внутри было тихо и пусто, очевидно, спасатели все еще отдыхали после тяжелой ночи, один только связист Равель Мэнсинг сидел в своем углу, нервно крутя в пальцах отвертку.

— Привет, Вирта! — встретил ее Мэнсинг. — С тобой все в порядке?

— Конечно, в порядке! — отмахнулась от него Вирта. — Что произошло?! Что это была за вспышка?!

— Не знаю, — растерянно развел руками Мэнсинг. — Но Флонтана не отвечает уже несколько минут! Передача прервалась буквально на полуслове…

— Только не это!

Вирта испуганно опустила руки. До Флонтаны было больше

двадцати километров, и все предыдущие бомбежки здесь отзывались только неясным далеким гулом. В городе, где до войны жило больше трехсот тысяч человек, еще оставалась почти половина жителей, работали некоторые предприятия, там же находилась и земельная больница, куда увозили самых тяжелых больных и раненых. Вирта боялась даже представить, что могло произойти со всеми этими людьми.

— Не бойся, — Мэнсинг мягко обнял Вирту за плечи. — Все будет в порядке. Мы справимся.

— А я и не боюсь, — Вирта высвободилась из его объятий. — Где все остальные?

— Сейчас придут, — сухо ответил Мэнсинг, мрачно возвращаясь в свой угол. — Кедерис только что звонил, сказал, что будет через несколько минут.

Вирта вздохнула про себя. Равель Мэнсинг, невысокий рыжеволосый парнишка лет двадцати с небольшим, похоже, влюбился в нее с первого взгляда и постоянно демонстрировал ей свои чувства, не обращая внимания на отсутствие ответного интереса. Вирта Эрилис привыкла к таким поклонникам еще со школы, но так пока и не научилась с ними правильно обходиться. Эти мужчины такие непонятливые. Стоит отнестись к ним доброжелательно, как они воспринимают это как аванс и стараются форсировать события. А если им прямо отказываешь, они сразу же дуются и обижаются. Сама Вирта пока еще ни в кого всерьез не влюблялась и не слишком от этого страдала.

Впрочем, сейчас это было совершенно не важно. Сзади хлопнула дверь, и комната стала быстро заполняться людьми. Как встревоженные пчелы, гудели обеспокоенные голоса. Вспышку почти никто не видел, и к рассказу Вирты прислушивались. Но что она могла рассказать? Нет, она толком ничего не видела из-за деревьев, но ей показалось, что осветился не весь горизонт, а только небольшой участок. Да, свет был очень мощный, это было как фотовспышка, только все длилось дольше, неизмеримо дольше. Сколько? Наверное, секунд пятнадцать-двадцать, не меньше. Да, гром, скорее всего, был взрывной волной. Только что тогда взорвалось с такой мощью?

Равель Мэнсинг сидел за приемником, лихорадочно обшаривая эфир, но и он ничем не мог помочь. Флонтана тревожно молчала. Из лагеря для эвакуированных, расположенного километрах в пяти ближе к городу, сообщали, что с южной стороны все затянуто черно-багровой пеленой, невдалеке горит лес, а у них самих повалило несколько деревьев, есть разрушения и жертвы. Нет, помощь не нужна, они справятся сами, они понимают, что у спасательной службы сейчас есть и

более важные задачи… С какого-то поста к юго-востоку от Флонтаны передали, что на них со стороны города надвигается странная красно-черная туча, похожая на гриб с высокой клубящейся шапкой, но слышимость была слишком плохой, будто бы туча экранировала сигналы, и Мэнсингу мало что удалось разобрать.

От руководства спасательной службы тоже пока не поступало ни приказов, ни разъяснений. Земельная администрация находилась во Флонтане и, понятное дело, не подавала признаков жизни. Мэнсингу со второй попытки удалось установить связь с правительственной радиостанцией, но и там ничего не знали и сами просили уточнить обстановку.

Дарин Кедерис появился минут через пятнадцать. Он собранно и деловито выслушал сбивчивый доклад Мэнсинга, коротко поговорил с кем-то по рации и жестом подозвал спасателей поближе к себе.

— Перед нами поставлена задача провести разведку, — сообщил он без всяких предисловий. — Группа из шести человек на вездеходе постарается добраться до Флонтаны и доложить обстановку. К городу подтягиваются воинские части и спасательные отряды из Нагиссы и Ретарны, но начинать нужно нам. Может быть, сейчас дорога каждая минута.

Кедерис обвел взглядом свой небольшой отряд.

— Старшим группы назначаю Динтера Халлиса.

Вирта поймала себя не том, что согласно кивает. Динтер Халлис и в самом деле лучше всех подходил для этой роли. Он не был профессиональным спасателем, но зато он был полковником инженерных войск в отставке, прошел всю войну и умел командовать в сложной обстановке. К тому же, несмотря на свои шестьдесят лет, Халлис мог еще дать фору иным из молодых.

— …Вторым номером пойдешь ты, Алвин…

Массивный Алвин Туманис молча наклонил голову. Он казался совершенно спокойным. Туманис прослужил в спасательной службе почти двадцать лет и тоже был фронтовиком. Большего опыта здесь, пожалуй, не было ни у кого.

— …Водитель – Эрчен Хорт…

— Есть! — Хорт по-военному отдал честь.

Ему было чуть больше двадцати, и работу в спасательной службе он до сих пор воспринимал как увлекательное приключение. Водителем Хорт был, кстати, первоклассным и, несмотря на свой взрывной характер, не склонным к авантюрам.

— …Радист – Равель Мэнсинг, врач – Кэрт Станис…

"Словно экипаж набирают", — подумала Вирта и вдруг услышала свое имя.

— …Наблюдатель и фельдшер – Вирта Эрилис.

— Я? — вырвалось у Вирты.

— Да, ты, девочка, — Дарин Кедерис серьезно посмотрел на нее. — Я рассчитываю на твою наблюдательность и интуицию. Кроме того, твоя подготовка медика может понадобиться доктору Кэрт…

Кедерис не сказал, что включает Вирту в состав разведывательной группы в качестве своеобразного живого талисмана. С тех пор, как эта девочка появилась в отряде, никто из спасателей даже на самых тяжелых выездах не только не погиб, но и не получил серьезной травмы. Нельзя было сбрасывать со счета и то, что все в отряде очень любили и берегли Вирту, а значит, группа будет воздерживаться от ненужного риска.

— Динтер, Алвин – обратился Кедерис к стоящим плечом к плечу Халлису и Туманису. — Самое главное, никакого ненужного геройства. Ваша задача – добраться, сообщить и потом направлять тех, кто придет за вами. Ни в коем случае не рискуйте, пришельцы еще могут быть там. Если почувствуете, что не сможете пробиться, отступите, потом попробуете в другом месте. И обязательно возьмите с собой респираторы и костюмы химической защиты – мне очень не нравятся сообщения о той туче…

Сборы были недолгими. Фляжка с водой, походный паек на двое суток, респиратор, брезентовая сумка с прорезиненным противохимическим костюмом, медицинская аптечка… Менее чем через полчаса все они уже стояли в полной готовности на площадке перед бараком, а Эрчен Хорт осторожно выкатывал из подземного гаража машину.

Этот небольшой вездеход, рассчитанный на восемь человек, специально создавался для условий севера. Мощный мотор повышенной надежности, приспособленный для форсирования вброд неглубоких рек и ручьев; широченные рубчатые колеса, способные преодолеть любую грязь и глубокий снег; массивный выдвинутый вперед бампер, которым не страшно таранить завалы из сучьев; вместительный салон с широкими раскладывающимися сиденьями, рацией и запасной печкой на солярке; наконец, две мощных лебедки спереди и сзади с якорями из легированной стали и стометровыми катушками прочного троса. Единственный недостаток этой машины заключался в большом расходе топлива, однако нефтяные прииски, расположенные еще дальше к северу, не были выведены пришельцами из строя, и недостатка в горючем спасательная служба пока не испытывала.

Провожать их вышли почти все, и Вирта снова подумала, что их поездка напоминает какую-то экспедицию, например, на

северный полюс. Каким-то образом, новость о том, что они собираются на разведку во Флонтану, облетела весь лагерь для эвакуированных, и рядом с бараком спасательной службы собралось около сотни человек. Во взглядах людей Вирта замечала испуг и надежду – из города по-прежнему не поступало никаких сообщений, а непонятная грибовидная туча оплыла, потеряла свои грибовидные очертания, но пока и не думала рассеиваться, понемногу смещаясь к юго-востоку. Только что передали, что туча несет с собой странный черный дождь, и Дарин Кедерис посоветовал по рации не выходить на улицу.

Внезапно из рядов провожающих выскочил какой-то человек, на вид лет около сорока. На нем были надетая немного набекрень черная меховая шапка и распахнутое теплое пальто, под которым виднелись шея, замотанная шарфом, и полосатый свитер. В руке он держал темно-коричневый портфель. Было видно, что человек очень спешит.

— Послушайте! — едва переведя дух, обратился он к Халлису, безошибочно признав в нем старшего. — Вы едете во Флонтану? Возьмите меня с собой!

— Кто вы? — строго спросил Халлис. Очевидно, расхристанный вид просителя не вызывал у него особого доверия. — И почему мы должны брать вас?

— Меня зовут Дан Мергайдинг, я профессор физики Криденгского университета. И (вполголоса) я, кажется, знаю, какое оружие применили пришельцы во Флонтане.

Халлис оглянулся на Дарина Кедериса, но тот никак не высказывал своего отношения, и старший разведывательной группы махнул рукой.

— Езжайте! Давайте скорее в машину!

Первые несколько километров не обещали никаких трудностей – обычный зимник, соединяющий лагерь с шоссе – и Динтер Халлис решил не терять времени.

— Это Дан Мергайдинг, профессор из Криденга, — представил он нового члена разведывательной группы. — Он говорит, будто знает, что скинули пришельцы на Флонтану.

— Вы немножко преувеличиваете, — заметил Мергайдинг. Он сидел на заднем сиденье напротив Вирты и с интересом разглядывал экипировку спасателей, как и они – его. — Я не знаю точно, что сейчас применили пришельцы. Но мне кажется, я догадываюсь.

— И что именно? — жадно спросил Равель Мэнсинг.

— Судя по силе взрыва, речь, очевидно, идет о так называемой урановой или атомной бомбе.

— Простите? — не понял Халлис. — Как вы сказали,

урановой?

— Да, или атомной, что, в принципе, одно и то же. Понимаете, я сам видел вспышку и готов поручиться, что это был один взрыв, а не целая серия! Потом я узнал, что передачи из Флонтаны прекратились в один миг, значит, эпицентр находился в самом городе или его ближайших окрестностях. О чудовищной же силе взрыва говорит то, как мы его ощутили на расстоянии около двадцати километров. Мы знаем только один процесс, способный привести к выделению такого огромного количества энергии – это расщепление атомного ядра!

— Боюсь, мы не совсем понимаем вас, — выразил мнение остальных Халлис. — Признаться, я ни разу не слышал о расщеплении атомов, да и какова бы ни была причина взрыва, по моему разумению, это – дело десятое. Для нас главная задача – выяснить масштабы разрушений и обеспечить спасение людей.

— О, простите! — Мергайдинг виновато сдвинул свою шапку на затылок. — Но мне кажется крайне важным узнать причину. Если взрыв был не атомным, это может в значительной степени изменить известную нам картину мира. А в случае атомного взрыва вполне возможно, что нам грозит опасность.

— Какая? — немедленно спросил Мэнсинг.

— Дело в том, что в процессе распада атомного ядра образуются новые атомы, так называемые осколки деления. Они часто нестабильны и через какое-то время самопроизвольно распадаются. При этом выделяется энергия – альфа-частицы, нейтроны, гамма-лучи. Эта энергия еще называется радиацией, она может вредно подействовать на человека.

— В смысле как вредно? — снова не утерпел Мэнсинг, даже сдвинув от любопытства один из наушников рации.

— Были случаи, когда ученые, работающие с радиоактивными, то есть, выделяющими энергию распада материалами, получали серьезные ожоги. А семена растений, подвергнутые действию сильной радиации, иногда не прорастали вообще, а иногда из них вырастали различные уродцы. Им даже дали специальное название – мутанты.

— Неужели это так опасно? — удивился со своего места Эрчен Хорт. Дорога пока была нетрудной, только под колесами часто хрустели упавшие ветки. — Вы ведь говорите об атомах, верно? А они ведь такие маленькие.

— Верно. Но частицы, образовавшиеся во время распада атомного ядра, обладают огромной энергией. И представьте себе, даже одна-единственная частица может оставить след, видимый невооруженным глазом. У нас есть приборы, улавливающие следы атомных распадов. Скажем, так называемые пузырьковые камеры,

где такая частица оставляет за собой след в виде пузырьков в перегретой жидкости. А в фотоэмульсии отдельные частицы могут проникать на несколько миллиметров при том, что сами они меньше в триллионы раз. Да что говорить, радиация даже засвечивает фотопленку.

— То фотопленку, — проворчал со своего места Алвин Туманис. — А чем она вредна нам?

— Частица, образовавшаяся при атомном распаде, влетает в любой материал, например, в человека, словно… словно это камень, врезавшийся в структуру из множества ажурных хрупких ячеек. Пока эта частица окончательно не затормозится, она оставит за собой след из разрушенных и смятых тканей. Мамонт в посудной лавке – это как раз про то. А если таких частиц много – представьте, будто в вас стреляют из тысяч пулеметов крошечными пулями. Вряд ли вам это понравится.

— А кроме ожогов, от этой радиации может быть что-то более серьезное? — деловито спросил Халлис.

— Не знаю, — Мергайдинг снова виновато сдвинул шапку назад. — Пока что мы никогда не сталкивались с процессами, при которых образуется значительный уровень радиации. Но мы, я имею в виду ядерных физиков, всегда стараемся предохраниться от нее и, мне кажется, не зря.

— А как вы предохраняетесь? — улыбнулся Мэнсинг. Его, похоже, рассмешило это слово.

— Ну, от некоторых частиц можно уберечься, просто надев резиновые перчатки. Против других нужна металлическая фольга. А есть и такие, которые могут пронизать насквозь лист стали, словно это бумага. Чтобы затормозить их, нужен толстый слой свинца. К счастью, с последними мы пока сталкивались, в основном, в теории, но никто не сомневается, что они могут существовать на практике. Вполне возможно, что такие частицы, например, быстрые нейтроны, выделяются при атомном взрыве.

— Вы так интересно говорите, — сказала Вирта. — Может, вы объясните нам с самого начала? Что такое урановая бомба, и все такое прочее.

— Потом, — прервал ее Халлис. — Смотри в оба. Сейчас выезжаем на трассу.

Шоссе, выглядевшее как широкая прямая просека в лесу, было пустынно, что было вполне обычно для светлого времени суток. Необычным было то, что все оно было запорошено снегом, сбитым с деревьев, и усыпано обломанными ветвями. У одной из сосен взрывной волной сломало верхушку, и она рухнула прямо на дорогу, загородив ее почти полностью. Хорт сбросил скорость до минимума, и автомобиль, с хрустом подмяв под себя ветки,

перевалил препятствие.

На следующие пять километров им пришлось потратить больше пятнадцати минут. Казалось, дорога словно притягивает к себе сломанные ветки, которых становилось все больше. Дважды им приходилось выходить из машины, чтобы подцеплять рухнувшие поперек шоссе стволы деревьев, которые вездеход, натужно урча, оттаскивал в сторону. Впереди была уже хорошо видна черная клубящаяся туча. Солнце не могло пробиться сквозь нее, но прямо у них над головой небо было голубым и чистым, от чего туча выглядела еще более зловещей.

— Лес горит, — вдруг сказал Туманис.

— Что? — повернулся к нему Халлис.

— Впереди – это не туча, это дым.

— Да не может быть, — покачал головой Халлис. — Я видел лесные пожары. Так сильно оно полыхать не может. Это же, в конце концов, деревья, а не нефтехранилище.

Все смотрели на тучу, поэтому следующую странность сумела заметить только Вирта, которая очень ответственно отнеслась к своим обязанностям наблюдателя.

— Смотрите, — сказала она. — Снег пропадает.

Хорт притормозил. И в самом деле, в снегу появились широкие проталины, а под колесами захрустел лед, покрывший тонкой корочкой обнажившийся асфальт. Лес вокруг начал напоминать негативное фото, превратившись в мешанину белых и темно-коричневых полос.

— Это же тени! — вдруг осенило Вирту. — Снег сохранился только в тени деревьев, где его защитило от вспышки!

— Что же это за вспышка такая была?! — пробормотал Халлис.

Дан Мергайдинг снова сдвинул шапку на затылок, но так ничего и не сказал.

Через несколько сотен метров снег и вовсе исчез, а дорогу почти полностью перегородили завалы. Справившись и с ними, они завернули за поворот и увидели впереди большой крытый грузовик, уткнувшийся в обочину и придавленный верхушкой упавшей сосны.

— Остановитесь, там могут быть люди! — крикнула Кэрт Станис, но Хорт и так уже тормозил перед очередным стволом, рухнувшим почти точно поперек дороги метрах в десяти перед грузовиком.

Не дожидаясь, пока вездеход окончательно остановится, Кэрт Станис выскочила наружу. Навстречу ей из кабины грузовика медленно и неуверенно спускался высокий крепкий мужчина, прикрывающий одной рукой глаза.

— Люди, — неуверенно позвал он. — Есть здесь кто? Ничего не вижу.

— Есть, есть, — Кэрт Станис мягко подхватила его под руку. — Я врач. Дайте мне взглянуть на вас…

Вирта немедленно оказалась рядом с аптечкой наготове, но доктор Кэрт пока обходилась без ее помощи. Судя по всему, глаза у водителя пострадали не очень сильно, и он был только временно ослеплен вспышкой.

Убедившись, что доктор Кэрт справляется сама, Вирта обратила внимание на Дана Мергайдинга. Он достал из своего портфеля какой-то небольшой черный прибор и теперь медленными шагами приближался к застывшему грузовику, держа прибор в вытянутой руке.

— Что это? — заинтересованно спросила Вирта.

— Индикатор радиоактивности. Счетчик атомных распадов. Внутри находится запаянная ампула с разреженным газом. Если через нее проходит заряженная частица, газ ионизируется, и происходит разряд тока. Тогда слышен щелчок… Вот так.

Счетчик, словно подтверждая слова Мергайдинга, звонко щелкнул. С сосредоточенным лицом Мергайдинг поднес его к капоту грузовика и добился еще нескольких щелчков. Точно такую же реакцию вызвало и обследование поваленного дерева.

— Что-то есть? — спросила Вирта. Она была немного разочарована тем, что щелчков оказалось так мало.

— Да, — Мергайдинг выглядел очень встревоженным. — Радиоактивность очень невелика, но она есть, хотя мы находимся еще на достаточном расстоянии от места взрыва. Ближе к городу нам надо будет быть очень внимательными.

— Что-то обнаружили, профессор? — спросил подошедший Халлис. И не дожидаясь ответа, нетерпеливо махнул рукой. — Садитесь. Мы едем дальше.

Водитель грузовика со свежей повязкой на лице залез обратно в кабину и стал ждать помощь, которую вызвал по рации Равель Мэнсинг. Остальные заняли места в вездеходе, и он снова медленно двинулся вперед, объезжая препятствия.

— Все-таки надо было осмотреть его грузовик, — сказал Хорт, продолжая какой-то спор. — По-моему, если у него сразу же после этой вспышки заглох мотор, одно с другим наверняка связано.

— Это все не важно, — энергично возразил Халлис. — Нам нельзя задерживаться. Зимние дни короткие, солнце скоро сядет. Поспеши, Эрчен.

Эрчен Хорт спешил, насколько позволяла ему дорога. Но спустя километр шоссе полностью скрылось под непроходимыми

завалами. Одни деревья рухнули строго им навстречу, будто срезанные с размаху исполинской косой, другие торчали, лишенные ветвей, словно обломанные спички. За поваленным лесом виднелось обширное пожарище, от которого еще валил черный смоляной дым и вспыхивали кое-где запоздавшие язычки пламени. Ветер дул прямо в сторону пожара, как в исполинскую топку, и весь горизонт был затянут дымовой завесой.

— Проклятье! — выругался Халлис – Нам здесь не пробраться! Равель, доложи.

Равель Мэнсинг ненадолго склонился над рацией.

— У остальных то же самое, — виновато сообщил он. — Кроме нас, отправили еще две группы, но они столкнулись с завалами и пожарами. И еще передают, что точно такой же удар был недавно нанесен по Элерте. Снова очень яркая вспышка, мощная взрывная волна, а потом над городом образовалось огромная туча, похожая на гриб. Возможно, подобной бомбардировке подверглись и другие города. И еще одно сообщение специально для вас, господин Мергайдинг. Кажется, это ваш коллега, Стиннег Моранис. Он находится где-то к юго-востоку от Флонтаны. Передает, что ветер несет от города черную пыль. И что он никогда, он подчеркивает, никогда не сталкивался с таким высоким уровнем радиоактивности.

— Значит, это она, — устало сказал Мергайдинг. — Это конец. Конец всему…

— Послушайте! — возбужденно перебил его Эрчен Хорт, протягивая Халлису сложенную вчетверо карту. — Смотрите, здесь проходит просека, мы ее недавно проезжали. Если мы поедем по ней, через семь километров выберемся сюда. Видите, здесь нет больше леса, чистое поле. До самого города! Мы прорвемся!

Халлису хватило одного взгляда на карту.

— По местам! Мы едем дальше!

Узкая просека в лесу была вполне проезжей. Хорт медленно вел вездеход по неровной бесснежной колее, уже снова прихваченной морозом. Дан Мергайдинг понуро сидел на своем месте, не глядя по сторонам. Свою черную шапку он снял и нервно тискал ее в руках.

— Господин профессор, — вежливо обратился к нему Халлис. — Насколько я понимаю, вы пришли к выводу, что против Флонтаны была применена урановая бомба. Расскажите о ней, пожалуйста. Мы должны знать, с чем столкнемся.

— Боюсь, что начинать придется издалека, — Мергайдинг невесело усмехнулся. — Вы знаете, что из себя представляет уран?

— Знаем, — бодро сказал Мэнсинг, снова сдвигая один из наушников. — Самый тяжелый металл.

— Вы правы. Уран и в самом деле самый тяжелый из известных нам природных химических элементов. Он имеет порядковый номер 92 и атомный вес 237, это означает, что в его ядре содержатся 92 протона и больше ста сорока нейтронов. Из-за своей массивности это ядро неустойчиво и может самопроизвольно распадаться, хотя в природе это происходит довольно редко.

— Значит, искусственно этот процесс можно ускорить? — вырвалось у Вирты.

— Верно, — улыбнулся в ответ Мергайдинг. — Но, чтобы не слишком уходить в сторону, я опущу все подробности. Скажу только, что в начале шестидесятых вилкандские ученые Террано и Мери начали опыты по облучению ядер урана нейтронами. Они выяснили, что в результате возникают новые элементы. Несколько лет шел спор, что это за элементы, но в конце концов было доказано, кстати, в нашем Криденгском университете, что, захватывая нейтрон, атом урана как бы раскалывается на две части. Скажем, из одного ядра урана получается одно – бария, у него порядковый номер 56, и одно – криптона с 36-м номером.

— А вы тоже принимали в этом участие? — спросил Мэнсинг.

— Да, я входил в состав группы, хотя большую часть работы выполнили, конечно, наши радиохимики. Я, честно говоря, больше занимался приборами, нежели расчетами…

— А что дальше? — прервала отступление от темы Вирта. — Вы говорили, атом урана раскалывается…

— Да, ядро расщепляется на две части. И главное, согласно расчетам, при этом выделяется колоссальное количество энергии – больше ста миллионов электрон-вольт!

— Это насколько много? — осторожно спросила Кэрт Станис.

— Ну, чтобы вам было понятнее… Скажем, если расщепить все атомы урана, которые содержатся в одном кубическом метре порошка уранового оксида – это немногим больше четырех тонн – выделится достаточная энергия, чтобы поднять один кубический километр воды, который весит миллиард тонн, на высоту двадцать семь километров!

— Признаться, я все равно слабо могу себе это представить, — выразил мнение остальных Халлис.

— М-м-м… Тогда… Скажем, взрыв, свидетелями которого мы все были, могла вызвать бомба размером (Мергайдинг показал) с два кулака.

— Всего лишь?! — присвистнул Мэнсинг. — А почему мы ее не создали?

Мергайдинг криво усмехнулся.

— Я не сказал вам еще одну вещь. Когда атом урана расщепляется, при этом выделяется несколько нейтронов. Как показали опыты, в среднем, три. Эти нейтроны могут захватываться другими атомами урана, которые тоже станут распадаться, опять-таки выделяя нейтроны. Произойдет цепная реакция, а так как все эти процессы длятся ничтожные доли секунды, вся энергия выделится сразу – в виде чудовищного взрыва. Впервые это доказал один мой коллега – профессор Криденгского университета Кир Гордис. Я хорошо помню тот день, почти три года назад, когда он пришел ко мне с только что отпечатанной статьей в журнале "Наука". Он сказал тогда, что не сразу понял, что именно он открыл. А когда понял, то едва не покончил с собой. Мы игрались с атомами, удовлетворяли собственное любопытство за государственный счет, как нам казалось, двигали вперед науку. А вместо этого мы принесли в этот мир смерть. Кир говорил мне, что несколько дней не мог спать. Ему представлялось, как на города сыплются урановые бомбы. И после этого он сделал все возможное, чтобы затормозить атомные исследования или поставить их под международный контроль. Чтобы ни одна страна не могла в одиночку построить бомбу…

Мергайдинг издал короткий полусмешок-полувсхлип.

— Кто же тогда думал о пришельцах!? Нас утешало, что сделать бомбу очень тяжело. Распадается, прежде всего, легкий изотоп урана с атомным весом 235, которого в природном уране только семь десятых процента. Нужно было изобрести процесс, который позволил бы отделять один изотоп урана от другого в промышленных масштабах. Потом, надо было найти нужный замедлитель нейтронов, чтобы они не вылетали тут же прочь, а снижали скорость, дабы их могли захватывать другие атомы урана. Необходимо было найти и сам уран – это довольно редкий элемент, и месторождения содержащих его минералов находятся только у нас и в Арахойне. Все это очень, очень дорого, и мы надеялись, что пока нет большой войны, ни одно государство не станет тратить сумасшедшие деньги на такой проект. Чтобы не привлекать к себе внимания, мы даже не стали развивать идею с атомными электростанциями, которые могут избавить человечество от необходимости сжигать в топках нефть и уголь… Конечно, когда появились пришельцы, об этом вспомнили. Гордис перед самой войной уехал в Вилканд, в Муизу, в местном университете тоже собралась неплохая команда, оснащенная оборудованием получше нас…

— Но вы не успели, — тихо сказала Кэрт Станис.

— Мы не успели. И теперь мы все обречены. Мы беззащитны перед пришельцами.

Тяжелое, мрачное молчание.

— Послушайте, — раздался вдруг звонкий голос Вирты Эрилис. — Но раз у пришельцев есть атомные бомбы, почему они не применили их раньше? Почему они столько дней бомбили Галану вместо того, чтобы просто покончить с ней одним ударом? Почему они ждали больше месяца? И в результате сбросили всего две бомбы – на Флонтану и Элерту?

— Да, интересный вопрос, — пробормотал Мергайдинг. — И в самом деле…

— Ладно, хватит, — оборвал его Халлис. — Не будем себя хоронить заранее. Пока мы живы, будем бороться! И к делу – наконец-то мы выбрались из этого проклятого леса!

Город открылся перед ними, словно декорация к страшному фантастическому фильму. Над ним висело тяжелое темно-сизое облако, северный ветер вытягивал из остовов зданий спирали белесого дыма, погребальными курганами громоздились бесформенные кучи обломков. Это был настоящий мир смерти, и вездеход, катящий к городу прямо через широкое поле, казался в этом мире чуждым и нежелательным пришельцем.

Из-под колес машины вылетали облачка черной пыли. Страшная сила атомного взрыва не только мгновенно испарила почти полуметровый слой снега, но и выжгла поле на несколько сантиметров вглубь, превратив верхний слой почвы вместе со всем, что на нем росло, в пепел и прах. Все в вездеходе молчали, только Равель Мэнсинг что-то вполголоса бубнил в микрофон. Они были спасателями, но в этом городе, выглядевшем как настоящий апофеоз разрушения, им было некого спасать.

Флонтану погубила компактность. Город уютно устроился в небольшой котловине километров десяти в поперечнике, и трехсоткилотонная боеголовка (на самом деле не атомная, а термоядерная) уничтожила его целиком. В центре города, на который пришлась вся ярость взрыва, не осталось ничего. На окраинах кое-где сохранились развалины домов, выжженные атомным пламенем и раздавленные ударной волной.

Они как раз и достигли одного из таких предместий. Добротные деревянные дома были буквально разметаны по бревнышку, а плодовые деревья и декоративные сосенки в палисадниках превратились в остро торчащие обломанные обгоревшие пни. Казалось, никто не мог уцелеть в этом аду, и увидев женщину, внезапно выбежавшую из развалин наперерез вездеходу, Эрчен Хорт затормозил так, что не ожидавший этого

Мэнсинг слетел с сиденья вместе со своей рацией.

— Помогите! — кричала женщина. — Там людям очень плохо!

На вид ей, было, наверное, не больше сорока. Ее руки и лицо были испачканы черным, темно-серое распахнутое пальто было прожжено в нескольких местах, но пламя взрыва так и не коснулось ее. Кажется, она плакала, и по щекам тянулись светлые потеки.

Кэрт Станис рванулась из машины, но ее опередил Дан Мергайдинг.

— Постойте! Там наверняка радиация! Это может быть опасно! Вам нужна какая-то защита!

— Всем надеть противохимические комбинезоны и респираторы! — приказал Халлис. — Помните, мы не имеем права выйти из строя сами!

— Это не поможет! — простонал Мергайдинг.

Он первым выбрался из вездехода, и стоял, поводя из стороны в сторону своим счетчиком распадов, который тревожно потрескивал, особенно сильно реагируя на покрывающую землю черную пыль. Женщина, добежавшая до машины, смотрела на него с опаской, словно не зная, бросаться Мергайдингу на шею или же бежать от него без оглядки.

В темно-серых прорезиненных балахонах, огромных бахилах и с лицами, закрытыми масками респираторов, сами спасатели казались пришельцами с иных миров. Мергайдинг, у которого не было костюма, оставался по-прежнему в расстегнутом пальто и сидящей набекрень черной шапке. Со стороны его можно было принять за экскурсовода или переводчика при пришельцах. Он то бежал, то переходил на шаг, никак не попадая в темп к Халлису и торопливо излагал ему свои рекомендации.

— …Уровень радиации, к счастью, не так велик. Вы только знайте, больше всего радио… радиоактивных веществ в пыли! Ни в коем случае не трогайте ее голыми руками!… А лучше, не трогайте ее никак! Потом обязательно… да, обязательно, всю вашу одежду, закопайте… только не сжигайте… а еще лучше, залейте бетоном и не подходите больше к этому месту. То же самое сделайте и с одеждой всех, кого вы отыщите здесь… И потом обязательно проверьте вашу машину, особенно, салон. Если будет трещать, ее лучше бросить здесь… Покрышки, во всяком случае, обязательно смените… И вымойте, очень тщательно… Нет, радиацию смыть нельзя, смыть можно только радиоактивную пыль… Она должна пройти сама, есть такое понятие, период полураспада… распада половины всех активных атомов… Да, должно пройти время, чтобы большая часть

нестабильных атомов распалась сама по себе… Сколько? Пока не знаю, это может быть от нескольких дней до нескольких месяцев… Но обязательно эвакуируйте отсюда всех живых и не оставайтесь здесь долго сами!…

Вирта Эрилис слушала Мергайдинга краем уха. Опасность радиации казалась ей слишком абстрактной. Более важным для нее был рассказ уцелевшей при взрыве женщины, которая вела их куда-то в развалины.

Женщину звали Айка Коронис. Ее спасло то, что во время взрыва она оказалась в погребе, куда спустилась за домашними солениями. Ее муж и десятилетний сын находились в доме, который был слегка прикрыт от ударной волны большим каменным зданием школы, и поэтому не был разрушен до основания. Оба остались живы, хотя и получили сильные ожоги при мгновенно вспыхнувшем пожаре. Она бросилась искать помощь, но вокруг были только развалины и трупы людей, сгоревших заживо. Она пыталась помочь тем, кто был еще жив, но она не врач, а лекарств у нее не было… И главное: не было никакой воздушной тревоги, ее не объявили, поэтому почти никто не успел спастись…

Следующий час запомнился Вирте плохо. Вместе с доктором Кэрт она занималась помощью раненым и обожженным, которых оказалось неожиданно много: предместье, куда они попали, было самой дальней окраиной Флонтаны, и взрыв докатился туда, уже ослабленный расстоянием. Мэнсинг вызвал помощь по рации, но пока она не прибыла, им приходилось справляться самим, хотя лекарства кончились уже через десять минут. Многие пострадавшие, пережившие сам взрыв, были уже мертвы: ожоги третьей степени и десятиградусный мороз – убойное сочетание. Но живых нужно было любой ценой удержать на краю и выдержать при этом самим. Вирте казалось, что вид множества умирающих от холода людей в лохмотьях из собственной кожи останется у нее в памяти навсегда, но ужасаться или пугаться не было ни времени, ни сил…

Она смогла распрямиться только тогда, когда вокруг послышались шум моторов грузовиков и чужие голоса, а кто-то мягко отстранил ее в сторону и прижал к себе.

Это был Равель Мэнсинг.

— Ты молодец, Вирта, — шепнул он ей на ухо. — Я люблю тебя. Ты выдержала.

Вирта не отстранилась. Она смертельно устала, и физически, и эмоционально, и объятия Мэнсинга успокаивали ее. На какое-то время он показался ей, нет, не любимым, но очень родным человеком.

— Я сейчас ухожу, — сказал Мэнсинг. — Вернее, мы уходим.

— Куда? — Вирта была почти одного роста с Мэнсингом, и ей не надо было смотреть вверх, чтобы видеть его лихорадочно возбужденные глаза.

— В эпицентр! Туда идет профессор Мергайдинг, а я буду его сопровождать. Чтобы все время поддерживать связь!

— Но зачем? — Вирта сделала слабую попытку высвободиться. — Там же не осталось никого в живых!

— Господин Мергайдинг говорит, ему необходимо собрать образцы, чтобы выяснить, насколько опасны последствия атомного взрыва и как долго будет сохраняться радиация.

— Но это опасно!

— Да! — с гордостью сказал Мэнсинг. — Но я хочу не только гордиться тобой, но и чтобы ты мной гордилась! Я не хочу, чтобы ты думала, будто я ни на что не пригоден, а могу только болтать по рации! Я тоже хочу совершить что-то героическое!

"Эти влюбленные мужчины такие глупые", — в очередной раз подумала Вирта. Она хотела сказать, что никогда не считала, будто Мэнсинг ни на что не пригоден, но решила, что это лишнее. Она просто взяла и молча поцеловала обалдевшего от счастья Равеля Мэнсинга. Вирта понимала, что этим она осложняет ситуацию, но полагала, что один-единственный поцелуй ничего не значит. В крайнем случае, она всегда успеет поговорить с Равелем начистоту и прямо ему отказать…

Вирта не знала, что такой возможности ей не представится. Профессор Дан Мергайдинг, стараясь узнать как можно больше о природе атомного взрыва, слишком поторопился. Термоядерная бомба, уничтожившая Флонтану, только называлась "чистой". На самом деле, взрыв оставил после себя массу короткоживущих, но крайне активных изотопов, и, оказавшись в эпицентре спустя всего четыре часа после атаки, Дан Мергайдинг и Равель Мэнсинг успеют получить смертельную дозу радиации.

Но все это выяснится много позже. А пока вдохновленный Равель Мэнсинг спешил навстречу своему подвигу…

Маршал Моностиу всегда любил утро. Сейчас он его ненавидел. Каждое пробуждение после короткого сна, в который он проваливался как в черную яму, возвращало его в тяжелый повседневный кошмар.

И почему он не остался вместе со всеми на изрытом снарядами поле перед Тороканскими Воротами? Или может быть, он и в самом деле погиб тогда, а все, что окружает его сегодня, — это на самом деле его маленький персональный ад?

Его спальня находится в самом глухом углу верхнего этажа,

но даже здесь смутно слышится гул голосов сотен людей, переполняющих здание штаба обороны города. Они привычно ищут здесь защиту и помощь, но весь ужас в том, что он, маршал Моностиу, старший воинский начальник и, по сути, диктатор Лешека, больше не в состоянии дать им ни того, ни другого.

Иногда люди снаружи представляются ему чем-то вроде исполинского сверхорганизма, страдающего от болезней, голода и холода, непрерывно раздираемого на части метастазами насилия и зажатого как в тесной клетке на этом крохотном клочке земли на краю моря. Умирающего и никак не могущего умереть.

Пусть уж лучше пришельцы поскорее сбросят на город какую-нибудь супербомбу, чтобы покончить со всеми и сразу, как они покончили вчера с северным портом Антейро. Или они подготовили для них другую участь, пострашнее? Третий день западное побережье Приморья от полуострова Тороко от мыса Беллун, упирающегося своей оконечностью в черту нулевого меридиана, горит под ударами пришельцев, но Лешек смерть с неба почему-то обходит стороной. За двое суток – всего лишь одна бомбежка лагерей беженцев на северной окраине. Вместо милосердного небытия две тысячи новых раненых, которых негде разместить и нечем лечить.

А может, пришельцы просто экономят боеприпасы и ждут, пока все они вымрут сами? Им не придется долго ждать. Элеваторы в порту вычерпаны почти до дна, склады госрезерва пусты, армейские запасы все еще спасают их, но и там интенданты доскребывают по последним сусекам. Вчера ему доложили, что продуктов в городе осталось на две недели. Армия сохраняет повиновение, и это пока позволяет предотвращать массовые беспорядки и голодные бунты, но он чувствует, что и она держится почти на грани. Каким-то чудом удается пока избегать и эпидемий, хотя чистой воды из скважин хватает еле-еле только на питье, все запасы лекарств и антисептиков исчерпаны, а энергии единственной оставшейся у них крохотной гидроэлектростанции хватает только на хлебозавод, родильный дом и – на два-три часа в сутки – городскую больницу и узел правительственной связи.

Без помощи извне они обречены, но помощи ждать неоткуда. Правительство в изгнании уже откровенно списало всех, кто остался на родине, и занимается только делами беженцев на Западном континенте. Гордана и Валез сочувствуют, но издалека, а их суда после окончания срока действия безопасных зон перестали приходить в гранидские порты. Единственная хорошая новость: вышедший вчера в море пароход "Старый боец" дочапал

таки ночью до Валеза. На судоремонтном заводе готовится к плаванию еще одно суденышко, но им удастся вывезти, максимум, полторы тысячи человек из пяти миллионов…

— Господин маршал!

В комнату без стука врывается адъютант с листком бумаги в руке.

— Вам депеша! Пришельцы связались с нами на правительственной частоте!

— Пришельцы? — слегка приподнимает бровь маршал.

— Так точно, господин маршал! Пришельцы. Радиограмма подписана фельдмаршалом Скроэгом, командующим группировкой Имперского Космофлота.

Когда все вокруг выглядит кошмарным сном, еще одна невероятная вещь не вызывает особого удивления. Во сне и в аду может быть все.

— И на каком языке они говорили?

— На баргандском, господин маршал! Вот текст перевода.

Маршал машинально берет в руки листок. Четкие машинописные буквы пляшут перед глазами.

"Главному лицу в городе Лешек.

Предлагаем сегодня в полдень по местному времени прибыть на переговоры в населенный пункт под названием Растани. Тема переговоров – возможность использования морского порта Лешек для снабжения имперских сил, расквартированных на Филлине. В случае повиновения гарантируем безопасность городу и широкую автономию в его управлении. Отказ от переговоров либо попытка нападения на представителей Имперского Космофлота повлечет за собой немедленное уничтожение города вместе со всем населением".

Подпись.

Маршал медленно, словно во сне, переворачивает будильник циферблатом к себе.

— Что же, до полудня еще больше четырех часов. Но где находится это Растани?

— Это небольшой поселок километрах в десяти к востоку от города, господин маршал. Разрешите вопрос. Вы едете туда?

— Да. Признаться, это самый странный ультиматум из тех, что мне когда-либо приходилось видеть. Только ради этого стоит посмотреть, что за ним стоит…

— Вы верите пришельцам? — позволяет себе новый вопрос адъютант.

— Это не имеет ни малейшего значения, — с равнодушием фаталиста пожимает плечами маршал. — Из того положения, в котором мы находимся, одинаково приемлем абсолютно любой

выход.

Но почему-то в глубине души ему кажется, что пришельцы, каким невероятным бы это не казалось, исполнят все свои обещания.

Глава 53. Начала

— Наш флот скоро покинет вашу планету, — важно заявил министерский советник Пзуунг, огромный словно гора.

Новый руководитель делегации пришельцев на переговорах с Горданой не говорил, а именно заявлял, переполняясь чувством собственной важности. Этого не мог скрыть даже автоматический переводчик, интонации принципиально не передающий.

— Мы понимаем важность этой информации, — вежливо сказал в ответ Лерид Кирстен, даже не скрывая иронии. — Надеюсь, вы не слишком сильно задержались у нас в гостях?

Кирстен был раздражен и раздосадован. Он не для того оторвался на целые сутки от срочных и важных дел, чтобы выслушивать наставления и благоглупости от раздутого синерожего идиота, здорового, словно полтора обычных пришельца, который относится к президенту величайшего государства планеты так, словно это мелкий туземный царек откуда-то из Заморья, или заниматься препирательствами по поводу месторасположения базы пришельцев на Западном континенте, которую они почему-то порывались приткнуть прямо к крупнейшей в Гордане медной шахте.

Нет, с прежним представителем было все куда проще, только теперь, вот беда, он сидит с краю стола и молчит, не поднимая головы. И ранение здесь не причем: как точно знал Кирстен, департаментский советник уже полностью в порядке. Просто прибытие откуда-то с родной планеты пришельцев этого громилы, занявшего пост, который Буонн уже мысленно считал своим, здорово подкосило его. Небезынтересная информация, полученная, как всегда, через Сеймора Скэба, почти подружившегося с пришельцем, но пока не ясно, как ее можно использовать.

Ну, так будет сегодня что-нибудь конкретное или нет?!

— Наш флот скоро покинет планету, — повторил Пзуунг, как он делал всякий раз, когда кто-то из горданцев своей репликой прерывал нить его рассуждений. — Но вы должны понимать, на чьей стороне остается сила. Чтобы вы хорошо это поняли, я хочу продемонстрировать вам, чем мы располагаем.

Отключив переводчик, он отдал команду кому-то из своих, и двое пришельцев из обслуживающего персонала разложили и повесили на стену плоский квадратный экран примерно полутора метров по диагонали. Пока шли приготовления, Кирстен разглядывал пришельцев, сидящих напротив него. С Пзуунгом все ясно. Так и лучится самодовольством, что-то задумал и

предвкушает эффект. Буонн и маршал Гдэаск, после долгого перерыва появившийся на переговорах, наоборот, буквально не находят себе места и отводят взгляды. У военного такой вид, будто умер кто-то близкий. А вот четвертый пришелец, единственный, к кому Кирстен так и не смог подобрать ключик, как будто наблюдает все откуда-то сверху и не просто наблюдает, а делает пометки. Спецслужба, ясное дело. Но что, черт возьми, они ему собираются показать?!

Город. Снятый сверху и с довольно значительного отдаления. Притом, большой и изрядно разрушенный. Постарались их бомберы, нечего сказать.

— Это ваш город, — самодовольно "разъяснил" Пзуунг. — Вы его знаете?

— Мне сложно сказать, — подал голос Сеймор Скэб. — Но мне кажется, это Тогрод. Столица Барганда.

— Да, кажется, вы называете его именно так. Во всяком случае, это ваш самый крупный город на берегу Срединного моря. Теперь смотрите внимательно. Пойдет замедленная съемка.

В верхнем углу экрана внезапно появилась черная точка. Она рывками пошла вниз, оставляя за собой след, и вдруг исчезла в ослепительной вспышке, от которой, казалось, должен был задымиться даже экран. Затем изображение скакнуло, очевидно, поменялся масштаб, и яркая точка сменилась огромным огненным шаром, который в считанные секунды разбух во весь экран и превратился в стену безмолвно ревущего пламени. Яростно клубящиеся протуберанцы всех цветов от оранжевого до багрового, бурля, стремились ввысь. Масштаб снова изменился, и было уже видно, что на месте города возникла чудовищная колонна огня, упирающаяся в черно-багровую грибовидную тучу. Внизу колонны заклубился, стремительно расширяясь, дым, изображение дрогнуло, по экрану пошли серые полосы и он погас.

— Это вы увидели взрыв одной-единственной ракеты, — с триумфом пояснил Пзуунг. — А теперь познакомьтесь с его результатами. Снято на том же месте через несколько часов.

Кирстен, не заботясь о том, что об этом подумают свои и чужие, вскочил с места и подошел, почти подбежал к экрану. Пришелец не соврал. Место, похоже, было то же самое, об этом говорила почти не изменившаяся береговая линия, очерченная каймой белого пара. Вот только города уже не было. В центре экрана блестела огромная круглая линза – как услужливо объяснил пришелец, пятно шлака, образовавшееся в результате взрыва. В еле заметной на экране ложбине угадывалось русло реки, от которой осталось только устье, превратившееся в морской залив. Ни от зданий, ни от старинных мостов, которыми

славился Тогрод, не осталось и следа, только где-то на краю экрана можно было увидеть оплавленные остатки домов, изуродованных силой чудовищного взрыва.

— На каждой из наших баз остается по несколько дюжин таких ракет, — вальяжно сказал пришелец, оскалившись в подобии улыбки. — Может быть, не все они настолько мощные, но уверяю вас, что на вашу столицу хватит, максимум, двух из них.

— И чего вы хотите? — спокойно спросил Кирстен.

Пожалуй, только Сеймор Скэб, хорошо знающий президента, мог бы сказать, насколько сильно он потрясен. Но надменного министерского советника внешняя невозмутимость Кирстена, похоже, вывела из себя.

— Мы хотим, чтобы вы были послушными, — отчеканил Пзуунг, сбившись со своего обычного высокомерно-покровительственного тона. — Мы хотим, чтобы вы раз и навсегда уяснили, где ваше место! Вы получили от нас полную свободу рук на своей территории, так пользуйтесь ею, как вам захочется. Но то, чего требует от вас высшая раса, вы обязаны немедленно и не рассуждая выполнять! База "Запад" будет находиться именно там, где нам нужно, ваши вооруженные силы будут сохранены лишь в том объеме, который устраивает нас, а поставки сырья и продовольствия, которых требует от вас наше командование, будут произведены вовремя и полностью! Иначе у вас больше не будет прежней столицы!

— Веский аргумент! — вполне искренне рассмеялся Кирстен. — Поздравляю вас, господин министерский советник. За какие-то пять минут вам удалось решить все проблемы, над которыми наши дипломаты корпели целый месяц. Полагаю, что нужда в проведении дальнейших переговоров теперь отпала, не так ли? Единственный вопрос, который мне бы еще хотелось прояснить, заключается в спецоперации, которую ваши представители обещали нам для достижения той самой пресловутой свободы рук на Западном континенте. Или вы, как истинные хозяева своего слова, сами его даете и сами забираете обратно?

На своем месте зашевелился – впервые за последний час – маршал Гдэаск.

— Пусть ваши представители свяжутся лично со мной, — глухо сказал он. — Я обещаю, проблем с этим не будет. Никаких.

— Ну что, есть у кого-то еще иллюзии в отношении наших друзей-пришельцев? — с усмешкой спросил Лерид Кирстен.

Соратники уныло молчали.

— Я предупреждал вас, — наконец попробовал объяснить Сеймор Скэб. Наедине он называл президента на "ты", но в широком кругу, даже если это Ближний круг, предпочитал более формальное обращение. — Пришельцы ни разу не сталкивались с такой развитой цивилизацией как наша, и некоторые из них, привыкшие иметь дело с дикарями, еще не перестроились. Тем более, этот тип, какая-то большая шишка, которую только что прислали с их родной планеты. Да он вообще какой-то дурак!

— Я обожаю дураков, — проникновенно сказал Кирстен. — Я люблю их нежной и трепетной любовью. Особенно, облаченных властью дураков. Стоит им подумать, что они сильнее тебя, как тут же выкладывают все, что более умные люди хотели бы утаить.

— Здесь есть разница, — хмыкнул Ленни Чоллон. — Пришельцы не просто думают, что они сильнее нас. Они и в самом деле сильнее.

— Вы, как всегда, правы, — Кирстен повернулся к заместителю министра иностранных дел. — Пришельцы сильнее. Пока сильнее. Кстати, по поводу картинки, что показали нам сегодня утром. Кто-то думает, что это был беспардонный и наглый блеф?

Молчание.

— Что же, и я так не думаю. У кого-то есть идеи по поводу того, что именно они сбросили на Тогрод?

— Пожалуй, есть, — степенно кивнул генерал Турин Могли. В штатском костюме и темных очках он походил, скорее, на полицейского из кинофильма. — Я тут переговорил кое с кем. Судя по всему, это была урановая или же атомная бомба.

— Атомная, — недовольно повторил Кирстен. — Кто-то у нас этим занимается?

— На государственном уровне – нет, — сказал Могли. — Ваши предшественники не слишком интересовались наукой. Зато корпорация "Ренгер", вернее, ее подразделение "Рене Супертех", которое занимается редкими металлами, проводит исследования радиоактивных материалов.

— "Ренгер", — опять повторил Кирстен. — Это опять наш старый знакомый Стайс?

— Он самый, — кивнул Сеймор Скэб. — И еще Моддель. Это, в некотором роде, их совместная собственность.

— В нашей стране куда не плюнь, попадешь в собственность господина Стайса, — усмехнулся Кирстен. — Ладно, с этим все ясно. Сеймор, ты занимаешься беженцами, попробуй осторожно провести поиск. Так, что у нас там дальше? Вайкел, вы разобрались, каких поставок от нас требуют пришельцы?

Седой и худой как трость Тейно Вайкел, финансовый

распорядитель всех предвыборных кампаний Кирстена, ныне занимающий скромный пост советника президента, коротко прокашлялся.

— Для начала хочу напомнить присутствующим, что вопрос о поставках сырья и продовольствия для нужд пришельцев возник в самом начале переговоров. Две недели назад мы отгрузили им две тысячи тонн зерна, якобы для питания наших пленных. В последнее время разговор шел, главным образом, о металлах, необходимых им для строительства баз на Филлине. Пять тысяч тонн стальных балок, две тысячи тонн алюминия в слитках, двести пятьдесят тонн медной проволоки – все, примерно, на три миллиона брасов. Вопрос о сроках и способах поставки пока не поднимался. Однако сегодня нам было неожиданно предъявлено новое требование. Пятьдесят тысяч тонн зерна, пятнадцать тысяч тонн мороженого мяса, семь с половиной тысяч тонн жиров, по тридцать тысяч тонн мазута и дизельного топлива, а также двадцать тысяч тонн угля. Все – с поставкой в Лешек не позже чем через две недели.

— Все это добро? — восхищенно покачал головой Кирстен. — Однако. Они, что, думают, что мы волшебники?

— Увы, здесь нам не дано решать, — сухо сказал Вайкел. — Как всем нам сегодня наглядно объяснили, это не пожелание, а требование, которое мы обязаны выполнять. Как я понимаю, пришельцы как-то договорились об использовании Лешека в качестве своего перевалочного порта. А мы его должны снабжать.

— Ладно, — махнул рукой Кирстен. — От этого мы не обеднеем. Распорядитесь, чтобы пару судов с грузом для Валеза завернули в Лешек.

— К сожалению, не все проблемы решаются так просто, — заметил Вайкел. — Вполне возможно, нам придется снабжать не только Лешек. Как мне сегодня тонко намекнули, каждая колония Империи, к числу которых мы в ближайшем будущем станем принадлежать, обязана производить поставки в некие централизованные фонды. Мне дали понять, что по сравнению с этим пятьдесят тысяч тонн зерна для прокорма одного отдельно взятого города – капля в море.

— Да, проблемы множатся, — Кирстен поудобнее устроился в своем кресле. — Но мы все видели альтернативу. У нас нет выбора, кроме как выполнять все требования пришельцев. По крайней мере, до тех пор, пока…

— Пока не придет время хорошенько надавать им по морде! — закончил фразу начальник президентской охраны Дуган Буремен.

По внешности Буремен больше всего напоминал свирепого

пещерного человека. Рост под два метра, мощные большие руки, грудь колесом, грубое лицо с выступающими надбровными дугами, жесткая щетка коротких светлых волос, похожих на проволоку, неподвижный взгляд маленьких серых глаз, в которых не просматривалось ни малейших признаков интеллекта. Однако обладая только этими впечатляющими внешними данными, бывший армейский офицер, когда-то выдернутый парламентарием Леридом Кирстеном из одной неприятной истории, вряд ли смог бы стать тем, кем он был сейчас – не только начальником президентской охраны, но и членом Ближнего круга. За старательно поддерживаемой маской тупого солдафона скрывался ловкий тактик и великолепный организатор, втайне заправляющий всеми делами скандально известного Союза Молодых Прогрессистов. Буремен был просто незаменим в тех делах, где требовалось не утонченное плетение комбинаций, а прямолинейная грубая сила, но при необходимости начальник охраны был способен на не менее хитроумные интриги, нежели признанный мастер этого дела Сеймор Скэб.

В Ближнем же кругу Буремен сознательно брал на себя роль некоего провокатора, публично озвучивающего мысли, которые не принято произносить вслух. Он безошибочно определял, что и когда следует сказать, чтобы беседа приняла новое направление.

Как и в этот раз.

— Именно так, надавать по морде! — рассмеялся Кирстен, хотя взгляд его сохранял серьезность. — Но это мы положим себе в качестве дальней цели, цели на будущее. А пока что нам следует грести все под себя. Генерал, у вас все готово к демонстрации?

— Да, — коротко кивнул генерал Могли. — Две воздушно-десантные бригады переброшены на нашу базу на острове Крэй и приведены в боевую готовность. С пришельцами все согласовано. У меня, правда, возникло впечатление, что наш партнер по переговорам провернул все это на уровне личной дипломатии, не ставя в известность собственное командование, но нас это не должно волновать. В ближайшие пять суток операция может быть проведена в любой удобный для нас момент. Но вы должны отдавать себе отчет, господин президент. Это рубеж. Обратного хода не будет.

— Не будет, — согласился Кирстен. — Нас проклянут за то, что мы обращаем оружие против своих. Но чтобы успешно противостоять пришельцам, мы обязаны любой ценой получить в свое распоряжение все ресурсы Западного континента. Я говорю, Западного, потому что с тех земель, которые великодушно

подарили нам пришельцы на Востоке, еще долго не будет никакого толку. Генерал, готовьте операцию на завтра и вылетайте на базу. Ленни, вы отправитесь вместе с ним, а затем совершите блиц-рейд по всем столицам континента. Надеюсь, все договора у вас готовы?

— Готовы, — сыто промурлыкал Ленни Чоллон. — С этим не должно возникнуть никаких проблем. Зато проблемы могут появиться здесь. Наш общий знакомый Корчер Бауль, узнав, что его в очередной раз обошли, наверняка поднимет шумиху в парламенте. А мы окажемся там не просто в меньшинстве, а я бы сказал, в подавляемом меньшинстве.

— Ленни, отправляйтесь в свой заграничный вояж и ничего не опасайтесь. Пока вы будете приводить Западный континент под руку президента Горданы, мы все займемся наведением порядка здесь. И не смотрите на меня так, генерал. Я не собираюсь опускаться до банального военного переворота. Все будет проведено постепенно, почти пристойно и даже в рамках законности. Начнем же мы с того, что сосредоточим у себя деньги. Сеймор, вы определились со сроками?

— Да, — коротко бросил Сеймор Скэб. — Мои люди заканчивают последние приготовления. Предлагаю провести операцию тридцать третьего.

— Хорошо. Вы слышали, господа? Подгоняйте ваши планы к этой дате. В первую очередь, это относится к вам, Дуган. Как движется подготовка процесса?

— Все идет полным ходом, господин президент, — отрапортовал начальник охраны. — Все статисты уже на местах. Завтра на сцене появятся главные персонажи. Мы готовы начинать.

— Ну что же, — президент понял со столика забытый бокал с вином. — За судьбоносный завтрашний день, господа! За наше славное начало!

Корчер Джойвар относился к тем людям, которые постоянно чувствуют себя обделенными. В детстве он ненавидел собственных родителей, которые, будучи скромными служащими, не могли дать ему всего того, что с легкостью получали его более обеспеченные сверстники. В Зейгалапском коммерческом колледже, куда он поступил, не пробившись в престижные университеты, он тратил практически все время на попытки выбить себе стипендию, убеждая всех окружающих, что только эти хлопоты мешают ему показать нужные результаты в учебе. Получив на руки диплом юриста, он устроился в крупную аудиторскую фирму, но проработал там всего полтора года,

разошедшись во мнениях с руководством относительно того поста, который в наибольшей степени соответствовал бы его талантам.

Убедившись, что его нигде не могут оценить по достоинству, Джойвар бросил юриспруденцию ради политики, которая казалась ему самым верным путем к тому, что манило его больше всего – деньгам и власти. Перед очередными парламентскими выборами он устроился помощником к одному из кандидатов в депутаты, но был оттеснен от "тела" более удачливыми соперниками. Обидевшись, он попытался продать компромат политическим противникам, был пойман за руку и только чудом избежал серьезных неприятностей.

Несколько лет после этого Джойвар подрабатывал выполнением различных поручений сомнительного свойства. Это давало кое-какие деньги, но подобный заработок был сопряжен с постоянным страхом, так как первый же промах мог привести к потере лицензии на юридическую практику. Когда появилось Движение, он вступил в него одним из первых, вовремя уяснив, какой потенциал имеет эта организация, но и там не достиг серьезных высот. Его услугами пользовались, порой его благодарили, но – не доверяли.

Беда Джойвара заключалась даже не в переоценке собственных способностей. Просто-напросто он, при всей своей неудержимой склонности к интригам, не умел интриговать. Ему всегда не хватало терпения, да и все его ходы были настолько явными и прямолинейными, что те, против кого они были направлены, всегда успевали вовремя их засечь и парировать. Кроме того, Джойвар, несмотря на неплохую, в целом, голову и хорошо подвешенный язык, категорически не умел нравиться и заводить друзей. Даже с девушками у него ничего не выходило.

Будучи человеком нестойким и склонным к истерике, Джойвар, наверное, скоро бы спился, но два года назад его жизнь круто изменилась. Людям, которые вышли на него через одного из старых клиентов, была нужна информация о Движении. За нее они были готовы платить, пусть не очень щедро, но регулярно, хотя это было не главное. Корчер Джойвар впервые почувствовал, что жизнь его обрела смысл. Он представлял себя отважным разведчиком во вражеском тылу, а рутинная работа, которой он занимался для Движения, внезапно приобрела острый вкус предательства.

Месяц назад эти люди вышли на него снова. О, на этот раз речь шла не о заурядном сборе сведений! Они готовили нечто грандиозное, такое, с чем мог справиться только он! Конечно, они требовали от него многое, но за это он должен был получить

двести тысяч – сумму, о которой он грезил с детства и о которой даже перестал мечтать в последние годы.

За это он был готов на все. Выстрелить в полицейского во время демонстрации, организованной Движением? Нет ничего проще. Выступить на заранее организованном процессе с обвинениями в адрес того же Движения? Он с энтузиазмом выучил всю свою роль и с большим огорчением воспринял то, что ему запретили вносить в нее изменения. Отсидеть пару лет в тюрьме? Пусть. Он пойдет и на эту жертву, зная, что за воротами его будут ждать двести тысяч на банковском счете (больше, больше! За этот срок успеют набежать проценты!). А после – он плохо представлял себе, что будет после, но знал, что это будет райская жизнь, жизнь сбывшейся мечты.

И вот он настал. Тот самый день. Его день. Джойвар плохо замечал, что происходит вокруг. Он много и шумно двигался, часто смеялся, говорил невпопад, не чувствуя на себе недоуменных взглядов. Он пришел в себя только после того, как, словно проснувшись, понял, что с ним говорит руководитель районной ячейки Движения за демократию. Руководитель советовал Джойвару пойти домой. Он был слишком возбужден, слишком резок, а на демонстрации это может быть опасно: полиция только и ждет повода. Нет, нет, поспешно ответил ему Джойвар. Он уже взял себя в руки. На демонстрации он будет спокоен и холоден как лед. Он понимает, как это важно. Руководитель кивнул и отошел, и Джойвар почувствовал к нему что-то вроде жалости. Ему вдруг захотелось предупредить его о том, что будет сегодня, но он справился с собой и сохранил молчание.

Джойвар уже не помнил, по случаю чего была организована демонстрация. То ли требование о введении пособия по безработице, то ли протест против массовых увольнений в какой-то фирме. Это было не важно. Он шел в одном из первых рядов, тяжелый пистолет неудобно оттягивал ему карман, и он с нарастающим напряжением ждал момента, когда полиция, как это было оговорено, преградит путь демонстрантам.

Ровная шеренга прозрачных пластиковых щитов поперек улицы на несколько секунд вызвала в нем страх. Он никогда, никогда не решится сделать то, что от него требуется! Выскочить сейчас из толпы, снять со счета в банке двадцать тысяч выплаченного аванса и бежать, бежать прочь из города!… Куда?…

С ужасом Корчер Джойвар осознал, что обратной дороги у него нет. И этот ужас придал ему силы. Пока полицейские теснили голову колонны, а руководитель районной ячейки пытался объясниться с их начальником, Джойвар отскочил в

сторону, трясущимися руками вытащил из кармана пистолет и, как его учили, снял с предохранителя. Его заметили, к нему уже бежали люди, но он уже выбросил руку в сторону шеренги щитов, внезапно слившуюся в его глазах в одну серую неясную полосу. Он давил, давил, и никак не мог додавить курок, но первый добежавший к нему схватил его за руку и помог довершить движение. Остатками разума Джойвар успел повернуть ствол немного вниз. Он не хотел получать пожизненное заключение или пулю в затылок за убийство полицейского, к тому же, об этом он не договаривался.

Пистолет с ужасным грохотом выстрелил два раза и был выбит у Джойвара из руки. Его повалили на землю, начали пинать чем-то твердым в бок, но сильные руки людей в полицейской форме вырвали его из свалки и поволокли прочь. Мир снова обрел для него резкость, и Джойвар, перед тем, как его затолкали в воронок, успел увидеть и полицейского с окровавленной ногой, которому оказывали первую помощь, и отряд его коллег, с дубинками наперевес врубающихся в дрогнувшие ряды демонстрантов, и знакомого ему человека, стоящего чуть в стороне и одобрительно поднимающего вверх большой палец.

В полутемной одиночной камере где-то в подвале полицейского участка Джойвар окончательно успокоился и начал думать о том, на что он потратит свои двести тысяч. Почти все шло по плану, разве что слегка запаздывали журналисты, перед которыми он должен был сделать свое первое признание о заговоре в рядах Движения, ставящем своей целью насильственный захват власти. Однако представителей средств массовой информации можно было извинить. В тот момент в мире происходили и более важные события.

Неизвестные летающие объекты появились в небе Лиива в пять часов утра. Пока в штабах и воинских частях надрывались телефоны, а адъютанты и помощники поднимали с постели генералов и политиков, объекты (две девятки "Молний") успели углубиться в воздушное пространство Лиива на добрых сто километров и выпустили ракеты, с убийственной точностью накрывшие два аэродрома, на которых размещались военно-воздушные силы страны – тридцать шесть устаревших и шестнадцать современных истребителей, а также два десятка баргандских штурмовиков времен войны. Еще через пару минут новая серия взрывов возвестила кончину единственного в Лииве завода боеприпасов, а затем еще несколько ракет словно бабочек на огонь притянула к себе радиолокационная станция столичного

аэропорта, после чего бедным лиивцам осталось наблюдать за незваными пришельцами только визуально.

Те, впрочем, и не скрывались. Ранние прохожие в столице Лиива городе Музураше имели возможность видеть в сером предрассветном небе стремительные силуэты серебристых хищных машин с короткими треугольными крыльями, словно кондоры, описывающих круги над беззащитным городом. После того, как несколько ракет взорвались в расположении полка зенитной артиллерии, который спешно и суматошно приводили в боевую готовность, попыток сопротивления пришельцам больше не предпринималось.

Еще через полчаса над Музурашем послышался гул множества самолетов, и над предместьями столицы начали появляться белые купола парашютов. Горданские десантники – свирепые, быстрые, в пятнистых маскировочных комбинезонах – за десять минут и без единого выстрела захватили музурашский аэропорт, и на свободные полосы стали с ревом садиться тяжелые транспортные самолеты с опознавательными знаками воздушно-десантного корпуса горданских вооруженных сил.

Самолеты выгрузили новых солдат, бронетранспортеры, джипы, вооруженные тяжелыми пулеметами, и еще спустя две квинты по ошеломленным улицам Музураша двинулась колонна горданской военной техники. Сопротивляться ей никто не мог, да и не пытался. Добравшись до Дворца Правительства, бронетранспортеры взяли его в кольцо и остановились в ожидании дальнейших приказаний, а по ступенькам Дворца не спеша поднялась группа людей в военном камуфляже, окружавших, подобно телохранителям, единственного штатского – заместителя министра иностранных дел Горданы Ленни Чоллона.

— Это разбой! — шумно протестовал премьер-министр Лиива Буршун Танги. — Вы совершили ничем не спровоцированное варварское нападение на нашу страну!

— Ничем не спровоцированное? — ехидно ухмыльнулся Чоллон, доставая и разворачивая листы бумаги с текстом заключенного две недели назад договора между Горданой и Лиивом. — А чем я могу назвать это как не наглой провокацией, направленной на то, чтобы возложить на горданский народ все бремя расходов на принятие вынужденных переселенцев с Восточного континента? Вы посчитали себя слишком умным, господин Танги. И будете за это публично высечены в назидание остальным, чтобы больше никому и в голову не приходило торговаться с Горданой и, тем более, надувать ее! Насколько я знаю, ваш парламент еще не ратифицировал договор. Ему

придется провести эту процедуру с несколько иным документом.

— Браво! — Танги бегло просмотрел несколько листков, протянутых ему Чоллоном. — Роспуск вооруженных сил, бесплатные поставки минерального сырья и продовольствия, придание силы закона постановлениям горданского правительства… Вам, безусловно, удалось сказать новое слово в искусстве дипломатии, господин Чоллон. Такого в свое время не позволяли себе даже баргандцы. Вас не пугает перспектива войти со всем этим в историю? И как, кстати, отнесется к такому вопиющему нарушению международного права ваш собственный народ?

— О, он будет в восторге, — Чоллон, сыто улыбаясь, закинул ногу на ногу. — Со вчерашнего дня наши телеканалы наперебой говорят о возмутительном поведении правительства Лиива, обманом и шантажом вынудившего Гордану взять на себя финансовые обязательства по обустройству беженцев в чужой стране. Наш народ не любит, когда к нему залезают в карман, и будет считать нашу маленькую победоносную операцию справедливым возмездием. Кроме того, я бы не советовал вам сейчас особенно полагаться на общественное мнение.

— Вы считаете, что с пришельцами за спиной вы можете позволить себе полную вседозволенность?

— Ну, зачем же так грубо, господин Танги! Мы с вами ведь опытные люди! Гордана больше не может и не будет выполнять в одиночку все обязательства, взятые перед пришельцами от имени всей западной цивилизации. Вы не задумывались, почему бомбы падают сейчас на Барганд и Картай, но до сегодняшнего дня не падали и, даст бог, больше не упадут на Лиив? Вы поступаетесь лишь небольшой толикой суверенитета, поверьте мне, это совсем не высокая цена за отсутствие бомбежек… Подписывайте, господин Танги, и давайте скорее, меня уже ждут в Легуанте. Подписывайте и можете хоть уходить в отставку! Я знаю людей, подлинных патриотов Лиива, которые с радостью примут бремя власти из ваших слабых рук.

Буршун Танги сидел неподвижно, глядя в стол, и Чоллон, приподнявшись и наклонившись к нему, покровительственно добавил:

— Подписывайте, господин премьер-министр. Уверяю вас, всем вашим соседям будут предложены точно такие же договора. И… вам не в чем винить себя, вы делали все правильно. Просто с появлением пришельцев на нашей планете все старые законы и правила потеряли силу…

Траурный цвет в Барганде – темно-красный. Зал на минус

втором этаже правительственного бункера был убран полотнищами цвета киновари, и премьер-министру Челнеру Макленту на мгновение показалось, что со стен стекает кровь. Горячая волна ужаса подкатилась к горлу, он с усилием загнал ее обратно. Не время предаваться отчаянию, впереди еще одна битва, и ее нельзя, нельзя проиграть!

— Никакой надежды?! — престарелый вице-премьер, кажется, на что-то еще надеялся.

— Нет, — Маклент не мог лгать старому товарищу. — Мы даже не смогли найти это место. Сейчас там двухкилометровая линза из расплавленного и застывшего в однородную стеклянистую массу грунта, окруженная мелкими обломками и пеплом.

— Как могло получиться, что вся императорская семья оказалась в зоне катастрофы?!

Это Руф, министр внутренних дел. Опасный противник, а может, уже и просто враг. Премьер-министр нащупывает взглядом глаза невысокого поджарого офицера, стоящего у стены, — начальника охраны. Тот еле заметно кивает.

— Это, увы, мой промах, — Маклент склонил голову и тут же снова выпрямился. — Вы все знаете, что его величество оказался покидать Тогрод. Я полагал, что бункер под разрушенным до основания Императорским дворцом представляет собой наилучшее из возможных убежищ. Так оно и было. До вчерашнего дня.

— Трон не может оставаться вакантным. Особенно, когда реставрация произошла менее месяца тому назад! — Это уже Куннер, министр почт и телеграфов. — Необходимо немедленно известить принца Майрона…

— Вы уже никого не известите, — спокойно сказал Маклент. — Ваши курьеры перехвачены.

— Вы превышаете свои полномочия! — вспыхнул Куннер. — Принц Майрон – ближайший…

— Уйратоский клоун никогда не станет императором Барганда! — отчеканил Маклент, оборвав возмущенную речь министра. — Надеюсь, все помнят, за что и при каких обстоятельствах он был исключен из цепочки наследников?! К тому же, принц вследствие преклонного возраста и, скажем так, противоестественных наклонностей не сможет выполнить главный долг перед страной – продолжить династию! Я преобразую наше правительство в регентский совет и возлагаю на себя звание его главы. Согласно древним уложениям, у нас будет год и один день, чтобы возложить корону на голову достойного монарха. Я говорю – достойного, а не никчемной марионетки, как

хотелось бы кому-то из здесь присутствующих!

— Вы узурпируете власть! — взвизгнул Куннер. — Кто назначал вас регентом? Вы что, думаете, что с появлением пришельцев все законы потеряли силу?!…

Куннеру снова не удалось договорить. Маклент слегка кивнул, снова встретившись взглядами с начальником охраны, и солдаты, смирно стоявшие у занавешенных кровавой материей стен, вдруг сорвались с места. В мгновение ока они скрутили и вытащили из мягких кресел Куннера, министра внутренних дел Руфа и еще троих.

— Я обвиняю вас в заговоре и государственной измене, — с оттенком брезгливости сказал Маклент, глядя в упор на оставшихся за овальным столом членов правительства. — Желающие могут ознакомиться с протоколами допросов уже задержанных заговорщиков. Увести!

Резкое рубящее движение правой рукой. Короткий кивок начальника охраны в ответ.

И нечего жалеть этих горе-заговорщиков, поспешивших возводить на трон нового императора при живом премьер-министре.

— Ошибка, допущенная в Тогроде, не будет повторена, — продолжил, как ни в чем не бывало, премьер-министр. — Первый вице-премьер, министры экономики, вооружений и строительства переехали на военную базу Таггерт. Если что-то случится с нами, они создадут новое правительство. Вопросы есть?! Нет! Продолжим!

Маклент на несколько секунд остановился, чтобы перевести дух и снова загнать куда-то вглубь подкатывающую волну горечи и отчаяния.

— Смерть императорской семьи – это лишь песчинка по сравнению с чудовищной трагедией, постигшей наш народ! — голос окончательно сел, превратившись в хриплое карканье. — Тогрод и Октав! От четырех до пяти миллионов человек, сгоревших в один миг в демонском пламени! И до двух с половиной миллионов раненых, контуженных, обгоревших, ослепших, отравленных ядовитой эманацией взрывов – ученые называют ее радиацией. Их негде, некому и нечем лечить! Поэтому я отдаю приказ на эвтаназию всех безнадежных – тех, кого уже нельзя будет вернуть к нормальной жизни! Министрам здравоохранения и обороны составить план действий и мобилизовать необходимые ресурсы. По возможности, использовать быстродействующие яды. Рассчитывать на применение до миллиона доз. Срок – пять часов! Операцию провести в течение трех суток! Затем провести зачистку

территории с помощью горючих смесей!

— Вы чудовище! — с места поднялся бледный как смерть министр здравоохранения, еще недавно – практикующий врач. — Вы приказываете хладнокровно убить миллион человек – наших сограждан!? Включая женщин и детей?! Я отказываюсь выполнять этот приказ!!!

— А вы видели, что там сейчас происходит?! — взгляд премьер-министра невыносимо полыхнул яростью и болью. — Я только что оттуда! Даже если мы выгребем до конца все наши резервы и оперативно доставим их к местам катастроф, мы не сможем даже помочь всем! Мы обязаны спасать тех, кого можно спасти!

— Я не могу…

В руке министра здравоохранения вдруг возник маленький пистолетик, метнувшийся к виску. Его успел выбить сосед – министр финансов. Плачущего врача вывели из зала под руки солдаты из охраны.

— Я видел, как двое врачей ушли из жизни вслед за своими пациентами, которым они оказались не в силах помочь, — сорванным голосом сказал Маклент, но его голос, казалось, заполнил весь объятый тишиной зал. — Я считаю это трусостью! Есть вещи пострашнее своей смерти, но наша задача – жить! Жить и выполнять свой долг! Наш коллега нуждается в отдыхе. Временно назначаю на должность министра здравоохранения… — длинная пауза. Премьер-министр поочередно смотрит на каждого из оставшихся. Несколько человек съеживаются и отводят взгляд. Слабаки или ненадежные – заменить – …себя! Вопросы есть?! Действуем!

Через несколько часов, когда наверху уже наступила ночь, премьер-министр Маклент, справившись с наиболее неотложными делами, нашел время встретиться в одном из небольших помещений бункера с высоким тонколицым седовласым человеком, примерно, своего возраста.

— Добрый вечер, Даррен, — Маклент пытался быть вежливым несмотря на чувство полнейшей опустошенности. — Я рад, что вы живы.

— Что там? — Даррен поднял на собеседника уставший взгляд. — Страшно?

— Ужасно. Во время войны я несколько раз навещал своих танкистов в ожоговом госпитале. Но это в сто, в тысячу раз хуже! Катастрофически не хватает ни медикаментов, ни врачей… Давайте лучше о деле, Даррен. Если я снова начну это вспоминать, я сойду с ума.

— Хорошо. Итак, для чего вы меня вызвали? Ранее вы не проявляли такого желания меня видеть. По крайней мере, без сопровождения парочки громил из контрразведки.

— Мы с вами не всегда ладили, — нехотя согласился премьер-министр. — Но я считаю, что в это время, когда все баргандцы…

— Челнер! — Даррен Даксель, многоопытный дипломат, бывший посол в Картагонаре и доверенное лицо двух низвергнутых императоров, мягко перебил Маклента. — Твое время дорого. Мы знакомы уже не один десяток лет. Скажи прямо – для чего я тебе сейчас нужен?

— Мне нужна твоя поддержка, — прямо сказал Маклент. — Твоя лично и всей старой гвардии.

— Я не уверен, что ты правильно выбрал собеседника, — мягко заметил Даррен Даксель. — Тебе надо бы поговорить на эту тему с лордом Кавалом. Или молодым лордом Фединым. Я думаю, они бы отнеслись к этому предложению с несколько большим интересом.

— А не с кем больше разговаривать, — просто сказал Маклент. — Лорд Федин, как и вся верхушка Партии возрождения находился в момент катастрофы в императорской резиденции в Тогроде. Это точно. А лорд Кавал покончил с собой десять часов назад. Не нашел в себе силы пережить своего императора.

В лице Даррена Дакселя что-то дрогнуло. Боль на секунду пробила броню дипломатического этикета.

— Вы назвали свою хунту регентским советом, — наконец сказал он. — Однако регентство подразумевает и кандидатуру монарха. Кто же он?

— Вот в этом и есть все противоречие вашего монархизма, — невесело усмехнулся Маклент. — Вы все горячо отстаиваете свои принципы, но теряетесь, когда они вступают в соприкосновение с реальной личностью. Нет, принц Майрон не будет императором. Только через мой… Э-э-э… Вообще не будет.

— Допустим, — осторожно заметил Даррен Даксель. — Тогда каков же ваш вариант?

— Некоторое время назад я говорил на эту тему с Таркином, — начал Маклент.

— Он жив?! Отрадно слышать! И он снова продолжает свою деятельность?

— А он и не прекращал, — улыбнулся, словно оскалился Маклент. — Причем, оставаясь в Барганде. Так вот, у Таркина есть внучка…

— Причем тут его внучка?!

— О! Все дело как раз в том, что это не его внучка, а старого

императора. Она дочь Тилли!

— Как так?! Она же умерла!

— Умерла дочка кухарки, а Таркин выдал ее за свою внучку, будто бы она была незаконной дочерью его сына.

— Весьма смелое заявление.

— Даррен, Таркин всю жизнь занимался информацией, а не дезинформацией! Девочку регулярно фотографировали с двухлетнего возраста, есть непрерывный ряд фотографий, показывающий, как она росла. Кроме того, у Таркина есть копии различных документов – свидетельства о рождении, отпечатков пальцев, взятых в младенчестве, медицинских карточек. Оригиналы есть в архивах. Они уцелели. Можно представить совершенно неопровержимые доказательства. И они будут истиной.

— Сколько ей сейчас лет?

— Двадцать пять. Получила блестящее образование и с юных лет активно привлекалась Таркином к своим штудиям. Красива. Умна. В конце концов, она – дочь Тилли, и этим все сказано!

— Хорошо. И где же эта во всех смыслах замечательная наследница престола?!

— В том-то и беда. Ее нет. Вскоре после начала войны Таркин отправил ее с лучшим из своих людей в Гордану. Они покинули Тогрод, и с тех пор о них нет никаких вестей.

— Что?!

— Я молю всех богов, чтобы ее не было в Октаве в тот проклятый вчерашний день! — тихо произнес Маклент. — И я надеюсь, что она успела сесть на судно. У нее было почти пять недель. Деньги, связи, охрана… Она должна быть в Гордане! Помогите найти ее! У вашей организации, помнится, были весьма тесные и плодотворные связи с горданской разведкой. Я не хочу использовать официальные каналы и не решаюсь задействовать нашу разведсеть, я ее контролирую не до конца и опасаюсь утечки информации.

— Боюсь, сейчас океан и для нас представляет собой непреодолимую преграду, — вздохнул Даррен Даксель.

— Знаю. Но я надеюсь, что вы будете искать любую возможность, чтобы ее преодолеть. Знать бы только, что теперь замыслили пришельцы. Позволят ли они нам…

— Корабль готов к приведению в трехчасовую взлетную готовность, ваше превосходительство.

— Хорошо. Спасибо, Реэрн. Не жалеете, что все уже позади?

— (после паузы) Наверное, немного жалею, ваше превосходительство. Странно. То, чем мы занимались здесь, было

крайне утомительным – и физически, и морально – но когда мы покинем планету, я чувствую, мне будет чего-то не хватать.

— Я знаю, чего вам будет не хватать. Вы, Реэрн, как и я – человек дела, а на Филлине мы занимались делом. Тяжелым, грязным, может быть, преступным, но именно тем делом, ради которого мы служим Империи. Кстати, как вы смотрите на то, чтобы продолжать им заниматься?

— Каким образом, ваше превосходительство?

— Вчера командующий флотом обратился ко мне с просьбой подыскать толкового офицера, который смог бы занять пост заместителя начальника Центральной базы на Филлине по технике. Я порекомендовал ему вас.

— Честно говоря, я не хотел бы сейчас переходить на планетную службу, ваше превосходительство.

— А вы когда-нибудь задумывались о будущем, Реэрн? Вы уже немолоды, еще год-два и кадровики поставят на вас большой и жирный крест. Вы превратитесь в 'вечного' старшего-один; пока вам будут разрешать врачи, будете летать в космос, а через дюжину, максимум, полторы дюжины лет прочно осядете в комендатуре какой-нибудь заштатной базы на периферии. Вы заслуживаете лучшей участи, Реэрн. При назначении на новую должность вы получите звание суперофицера третьего ранга. Там наберетесь организаторского опыта, накопите нужный стаж, соберете рекомендации, и вам будет прямой путь в Академию. Думаю, с вашими знаниями вы без труда пройдете конкурс. А после этого для вас откроются совсем иные пути. Я бы, например, не отказался лет через пять, когда я получу повышение, взять вас на должность начальника техслужбы эскадры. А это уже прямой путь и к более высоким званиям.

— Признаться, это несколько неожиданно для меня. И должность на базе для меня в новинку…

— Полноте, Реэрн! Вы великолепно справитесь. Супер-три Зуагл в приватном порядке говорил мне, что вы исполняли обязанности зампотеха лучше, чем мог бы сделать он сам. Базы только строятся, и от заместителя по технике требуется, в первую очередь, взять под контроль установку и наладку оборудования. Я не знаю никого, кто бы справился с этим лучше вас. Единственный ваш недостаток – вы слишком много взваливаете на себя. Но здесь, я думаю, вы научитесь руководить.

— С кем мне предстоит работать?

— Начальником Центральной базы и командующим всеми нашими силами на планете назначен известный вам Пээл. После того, как он неплохо поработал на первом этапе операции, в Метрополии считают его кем-то вроде специалиста по Филлине.

Пээл забирает с собой с "Победоносного" зама по вооружению, новоиспеченного супера-три Мивлио – того самого племянника губернатора. Очевидно, человек с такими связями и родственниками ему здесь не помешает. Впрочем, несмотря на все это специалист он выдающийся, достаточно сказать, что пээловский рейд обошелся почти без поломок. Но у него есть и один крупный недостаток – считает всех просто очередной ступенькой в своей карьере, поэтому излишне жесток к подчиненным. Так что вам, очевидно, придется быть противовесом ему. Теперь обращаю ваше особое внимание, Реэрн. Тэон. Суперофицер второго ранга Трегуин.

— Это тот, кто известен под кличкой Психованный Трег?

— Он самый. Убежденный фанатик и поэтому очень опасен. Сделал карьеру исключительно за счет служебного рвения и, не колеблясь, пойдет по трупам. Будьте с ним очень осторожны, Реэрн, и ни в коем случае не пропускайте собрания. Вообще, здесь на Филлине подбирается довольно интересная компания. Почти нет середины. Или лучшие из лучших, или те, от кого командование хотело бы избавиться. Особенно много балласта среди рядовых. Смутьяны, нарушители дисциплины, тот еще набор. Хорошо еще, что здесь оставляют гвардейскую роту, в крайнем случае, будет, на кого положиться.

— (со смешком) Вы уже даете мне рекомендации, ваше превосходительство, так, будто я точно решил остаться.

— А разве у вас есть выбор? Я с самого начала знал, что вы примете это предложение. Вы ведь так любите расширять свой кругозор.

— Что верно, то верно. Мне и в самом деле будет интересно испытать себя в новом качестве. Кроме того, мне нравится Филлина. Я очень благодарен вам, ваше превосходительство. Я очень ценю ваше участие и считаю его своей большой удачей…

Действительно, как удачно все вышло! И Центру не придется подыскивать сюда нового представителя, и нам с Беглецом и Куоти представится, наконец, возможность заняться настоящим делом. Скажем, выяснить, что происходит в том самом таинственном Корпусе "Н" на восточной базе…

К хорошему быстро привыкаешь, но и проходит оно, как правило, тоже очень быстро. Вот уже три дня никого не вызывали вниз, и оптимист Дилер Даксель предположил, что вся программа исследований доведена до конца, и теперь их всех просто ликвидируют за ненадобностью. Дискуссии тогда не получилось по причине полного отсутствия какой-либо информации, но все чувствовали: что-то должно измениться.

Утром четвертого дня сразу же после завтрака несколько пришельцев объявили для всех выход без вещей. Это слегка настораживало, но не вызвало особых подозрений – успокаивала именно всеобщность происходящего, расчет на то, что всем сразу не станут делать ничего плохого, в конце концов, даже народная мудрость, гласящая, что на миру и смерть красна.

В общем, повиновались все быстро и без раздумий, стараясь ни в коем случае не выделяться из толпы. Отклонения от нормы пришельцами, как известно, не приветствовались и быстро пресекались.

После длительной и сложной процедуры медицинского осмотра, просвечивания какими-то аппаратами, мытья в различных душах и пропарки в чем-то наподобие не слишком жаркой сауны прошедшие через все это чистилище обнаружили себя в большом светлом помещении с аккуратными рядами коек, привинченных к полу, и какими-то неизвестными приборами вдоль стен. Дверь, через которую они вошли, затворилась за их спиной, а деловитый пришелец в зеленом клеенчатом одеянии аккуратно застегнул снаружи пластиковый полог.

— Ф-фух, наконец-то! — Эстин Млиско с наслаждением рухнул на первую же попавшуюся койку. — Ну и упарился же я! Почти как в малузианских банях!

— Это, по-моему, называется стерилизация, — медленно и неприятно произнес Дилер Даксель. — А то место, куда мы попали, называется стерильный бокс.

— Что? — Драйден Эргемар, только что присевший на койку, оторвался от процесса натягивания на колени светло-серого бесформенного балахона, который теперь составлял всю его одежду. — Как вы сказали? Бокс?

Эргемар беспокойно огляделся по сторонам. Они находились словно внутри замкнутого стеклянного куба, этакого аквариума с крышкой, стоящего посреди большой комнаты. Нет, не стеклянного – пластикового. Прозрачная стенка была теплой на ощупь и чуть прогибалась под пальцами. За ней виднелась такая же пластиковая клетка, только побольше, заполненная столиками и шкафчиками с медицинскими инструментами. Под ярким светом ламп на потолке блестели штативы с пробирками, автоклавы и закрытые стеклянные этажерки с плоскими чашками Петри. С пластиковых стен свешивались прозрачные скафандры с растущими из спин широкими гармошками-переходниками. Там была, похоже, вотчина исследователей.

А исследуемыми или, может, подопытными были они. Он сам, Даксель, Млиско, Диль Адарис и еще два десятка испуганных людей обоего пола и разного возраста. В глазах пришельцев –

дешевый расходный материал. Морские свинки. Кролики.

— Все, — пробормотал Драйден Эргемар помертвевшими губами. — Влипли. Это конец.

Эргемар ошибался. На самом деле, все еще только начиналось.

Глава 54. Потрясение основ

О землетрясении в 38-й провинции принц Тви оэро-Кэноэ Кэвирноэрон узнал за завтраком.

В то утро у главной поварихи Нриант, как всегда, прислуживавшей им за едой, все валилось из рук. Румяные тосты срывались с лопаточки, сырные шарики будто сами собой вываливались из ложки, а фруктовый сок обильно капал на скатерть, оставляя на ней желтые и темно-оранжевые пятнышки.

Как всегда, первой заметила это леди Элаэнне.

— Что с вами, Нриант? — участливо спросила она, отложив в сторону книгу. — У вас неприятности? Чем мы вам можем помочь?

— Да ничем вы уже не поможете, ох… — Нриант поспешно повернулась к столику с напитками. — Все уже случилось.

— Что, что случилось?

— Землетрясение, вот!

Дальше Нриант уже не надо было расспрашивать. У нее внутри словно лопнула какая-то пружина, и слова хлынули из нее потоком.

Этой ночью в 38-й провинции произошло разрушительное землетрясение. Ей сказал об этом знакомый, работающий на дворцовой станции дальней связи. Подробностей он не знал, по радио и телевидению о землетрясении тоже ничего не сообщали, и Нриант не могла найти себе места от беспокойства. В 38-й провинции, в городе Гомзи, в самой, что ни на есть сейсмической зоне, жили ее родители и двое младших братьев с семьями. Они все живут в многоэтажных домах, плакала Нриант, и слезы размазывали ее косметику, оставляя полосы на лице. А такие дома самые непрочные и могут разрушиться от землетрясения. Связи с Гомзи нет, она не может соединиться ни по одному номеру, а в столице провинции никто ничего не знает или не хочет ей сообщать…

Леди Элаэнне утешала рыдающую Нриант, а Кэноэ неподвижно сидел, глядя перед собой и словно съежившись под вихрем обрушившихся на него мыслей и ощущений. После памятного разговора с главой подпольщиков Суордом прошло больше двух дюжин дней, и жизнь за это время прочно вернулась в прежнюю колею. С него никто не брал никаких обещаний, убеждал он себя. Он ничего никому не обязан, ему незачем неизвестно для чего ехать в эту проклятую 38-ю провинцию, он имеет полное право продолжать жить прежней жизнью…

Прежней жизнью!… Кэноэ словно ударило током. Унылая

череда дней, похожих друг на друга, заполненных надоевшими развлечениями, пустыми разговорами, легковесным, ни к чему не обязывающим флиртом… Разве он не хотел любой ценой вырваться из удушающей золотой клетки? Вот же он, шанс! Да, незнакомо, непонятно, ново и поэтому страшно. Да, у него нет ни малейшей идеи, чем он будет заниматься в бедствующей провинции, и кому он там вообще нужен. Да, эта поездка вызовет неизбежные перемены, отказ от чего-то привычного, но ведь это он, он сам так всегда хотел совершить нечто необычное!…

— Нриант, — торопясь, хрипло сказал он, с шумом отодвигая стул. — Вы не убивайтесь так, пожалуйста. Я сам сейчас туда полечу и лично выясню, что с вашими родными.

Вот так. Слова произнесены. Но теперь надо что-то делать, верно? Иначе они так и останутся словами.

— Хорошо, Аутви, — леди Элаэнне оценивающе посмотрела на сына. — Ты правильно придумал. Скажи Фруамсу, пусть собирает вещи, а я распоряжусь насчет всего остального, что нужно для организации твоей поездки.

Нет, его мама все-таки немножко волшебница. Она не только читает его мысли, но и всегда точно знает, что нужно делать.

Перед взлетно-посадочной полосой его снова охватил страх. Все оказалось немыслимо, невероятно, неправдоподобно легко! Не надо было кого-то убеждать, что-то доказывать, все шло словно само собой, и вот – и трех с половиной часов не прошло после завтрака – его ждет готовый к полету небольшой, но комфортный и скоростной лайнер с Императорскими опознавательными знаками.

Неужели и раньше все было бы так же легко, и стоило ему только захотеть?… Но в том-то и дело, что раньше за него всегда решал кто-то другой. А сегодня – он почувствовал, как холодные щупальца страха снова прошлись у него по спине – сегодня его первый в жизни самостоятельный полет, без родителей, кузенов, прочих родственников!…

И поздно уже отступать, и нет дороги назад, а за спиной невозмутимо толкает перед собой гравитележку с чемоданами камердинер Фруамс, а рядом спокойно вышагивает высоченный и обманчиво медлительный личный телохранитель с незапоминающимся именем и неведомо как прилипшим к нему прозвищем Тень Гига.

Помнится, когда ему впервые предложили в спутники Тень Гига – это было четыре года назад, когда он с младшими кузенами собирался поохотиться в Императорском заказнике – он чуть не взбунтовался. В конце концов, он и сам умеет неплохо

постоять за себя, а если ему и положен телохранитель, то пусть это будет кто-нибудь покруче, а не этот нескладный парень, словно спящий на ходу. Тогда наставник, не говоря ни слова, взял его за руку и повел на тренировку отряда Императорских телохранителей. Увидев, как они тренируются, и что тренируют, он проникся огромным уважением к Тени Гига и в тех случаях, когда он сопровождал его (а это было положено всякий раз, когда он покидал Дворец, понятно, вылазки в город не в счет), он и в самом деле воспринимал молчаливого телохранителя как свою тень – незаметную, не бросающуюся в глаза, но совершенно необходимую.

Вот и сейчас, чувствуя за спиной надежную поступь Тени Гига, он успокоился и уверенно зашагал к поджидающему его лайнеру, возле которого выстроилась короткая шеренга людей в серо-голубой форме управления Императорского Двора.

— Мы приветствуем вас, ваше высочество, на борту нашего лайнера, — высокий пилот согнулся в церемонном поклоне. — Я командир Лмэар. Спешу представить вашему высочеству свой экипаж…

Второй пилот, штурман, бортмеханик, четыре стюардессы – симпатичные девушки в исчезающе коротких юбочках… Шаг вперед, поклон – небрежный кивок в ответ. Все пока как на Большом дворцовом приеме… А экипаж знакомый – пару раз, помнится, уже летали… И на курорт, и на охоту, и вообще…

— Трано не-Таутинг, первый секретарь вашего высочества…

Невысокий молодой парнишка, чуточку полноватый, серьезное круглое лицо, аккуратная прическа. Чем-то похож на кузена-кронпринца, и поэтому ему так и просятся очки в металлической оправе… Поклон… Кивок в ответ.

— Наарит ма-Энниеле, второй секретарь вашего высочества…

Ого. Симпатичная девочка, нечего сказать. Пышные темно-фиолетовые волосы, полные чувственные губы, форменный костюм чуть ли не лопается на груди, зауженная талия, широкие бедра под соблазнительно короткой юбочкой и длинные, правда, чуточку полноватые, ноги. Слегка не в его вкусе, но очень даже ничего. Ладно… Поклон… Кивок в ответ.

А интересно, кто из них работает на подполье? Может быть, даже оба? И как они вообще попали ему в секретари, он, вроде бы, ничего такого не просил?…

— Таутинг, скажите, кто вас назначил на эту должность?

— Управление Императорского Двора, ваше высочество. Эскортный отдел. У нас всегда существует резерв на подобные случаи. И это очень большая честь для меня и Наарит оказаться в вашей свите, ваше высочество.

Ну, да. Вот тебе, называется, и получил конкретный ответ на конкретный вопрос.

— Дроам, врач вашего высочества…

Уж кто-кто, а он мог бы и не представляться. Здравствуйте, дядя Дро. Кажется, вы стали моим личным врачом еще до моего рождения, и я этому это охотно верю. Вы уже давно член семьи, ближе иных родственников. Но протокол требует… Поклон… Кивок в ответ.

— Меркуукх, старший честедержатель вашего высочества.

Кто? Длинное старинное слово, напрочь вышедшее из употребления. Старший?…

— А есть еще и младший?

— Да, ваше высочество. Мой коллега, младший честедержатель Лмугэо, уже отправился в столицу 38-й провинции город Мерзабо, чтобы подготовить все к вашей встрече.

Надзорник! Вот, кто он такой! Специальный чиновник, который должен следить за соблюдением протокола. И, естественно, постукивать кое-куда, причем, вряд ли в одно только Управление Двора… Вот без кого можно было бы вполне обойтись. Нельзя. Протокол, как это без него?… Поклон. Изящный, с прогибом спины ровно на тридцать градусов… Кивок в ответ.

Ну что, по вагонам?

— Прошу ваше высочество подняться на борт.

Непременно. С должной пышностью и торжественностью. По трапу с ковровой дорожкой. Интересно, на месте тоже такой подготовили?…

Внутренний интерьер лайнера был хорошо известен Кэноэ. Направо, к кабине, — ряды кресел со столиками для свиты. Налево, в хвостовой части, отстреливаемой при аварии и снабженной отдельными антигравами, — уютный салон с диванами вдоль стен, большим столом, где так удобно играть в круанх пара на пару, видеоэкранами, разноцветными бутылками в специальных ячейках за небьющимся стеклом. Еще дальше – роскошный санузел с душами и даже миниатюрным бассейном и несколько небольших спален с идеальной звукоизоляцией. Раньше, бывало…

Стоп, никаких раньше. Он здесь один. И летит по делу. Вот, как раз…

Лайнер медленно приподнялся на опорах. Еле слышно запели под полом роторы гравитационных двигателей. Двадцатитонная машина подскочила вверх, застыла, словно прицеливаясь, на высоте двенадцатиэтажного дома, заскользила вперед и ввысь, а

уже за пределами зоны безопасности Дворца включились разгонные двигатели, и лайнер, задрав нос, неудержимо рванулся вверх, в стратосферу. Там он будет нестись с суборбитальной скоростью огромными скачками, отражаясь, будто камешек от водной глади, от плотных слоев атмосферы.

Никаких неприятных ощущений разгон не вызвал – гравикомпенсаторы сделали свое дело. Пилоты тоже – Кэноэ, сам пилот не из последних, оценил плавность и изящество взлета, обошедшегося без крена и нескомпенсированных перегрузок.

— Командир экипажа желает вам приятного полета, ваше высочество, — раздалось в динамике. — Лайнер вышел на расчетную траекторию. Ориентировочное время полета – три часа.

Небо за стеклами иллюминаторов уже потемнело и приобрело ту особую прозрачность, которую можно встретить только на больших высотах. Кэноэ отстегнул ремень и встал с кресла, с удовольствием разминая слегка затекшие ноги.

Та-ак, с чего начнем?

— Что будете пить, ваше высочество? Туа, сок, вино? Или что-нибудь другое?

Стюардесса. Распахнутый китель, чуть ли не наполовину расстегнутая белая блузка с отложным воротничком, чисто символическая юбочка подчеркивает долготу стройных ножек. Поставила поднос на стол и стоит, чуть наклонившись. Прямо как в прошлый раз. Тогда, помнится, полет прошел совсем незаметно…

Ну что, повторить? Вот она, совсем рядом. Симпатичное озорное лицо, весело прищуренные глаза, понимающая полуулыбка. Длинные шелковистые волосы небрежно заброшены за спину… Красивые у нее волосы, почти такие же, как у Кээрт, только у Кээрт они просто золотистые, а у стюардессы – с модным зеленоватым отливом.

Кээрт… Кэноэ вдруг представил ее на месте этой девчонки. Сейчас они бы сидели на тех низких диванчиках друг напротив друга, он рассказывал бы ей историю 38-й провинции, а она слушала бы его, приветливо улыбаясь, а в конце сказала бы что-то совершенно неожиданное, но вместе с тем, прекрасно дополняющее его рассказ.

Кэноэ почувствовал внезапный укол совести. Он ничего не сказал Кээрт о своей поездке, даже не пожелал ей сегодня доброго утра. И вообще, как он может сейчас думать о забавах, когда там, впереди, горе?! Он снова взглянул на стюардессу. Та по-прежнему стояла у стола, заученно улыбаясь и демонстрируя ему свои великолепные ноги. Обычная шлюшка, если разобраться.

И ничего в ней такого нет…

— Оставьте поднос и идите, Тенэе (смотри, даже имя ее вспомнил). Я хочу побыть один.

Ушла, слава Звездам. Но почему, во имя черного пламени, эти девчонки носят такие короткие юбки?! Это же каким извращенцем надо быть, чтобы не отреагировать?!

Ладно. Остынем. Нальем себе лучше водички, холодной, со льдинками и чуть щиплющими за язык пузырьками газа. Вот так. Хорошо. А теперь неплохо бы вспомнить, на чем он остановился.

Кстати, а где именно произошло это землетрясение? 38-я провинция большая. А он так торопился, что и не узнал никаких подробностей. И куда это он, получается, летит? Тьма и пламя! Ничего себе, подготовился к поездке! Впрочем, а секретари на что?

— Таутинг, зайдите ко мне.

— Слушаюсь, ваше высочество.

Явился. Строгий костюм, лицо старательного отличника. Нет, надо будет обязательно порекомендовать ему очки, без них он как-то не так смотрится. Но позже, не сейчас.

— Таутинг, у вас есть информация о землетрясении?

— Да, ваше высочество. Толчок силой в семь и восемь двенадцатых балла по двенадцатибалльной шкале произошел в четыре часа утра по местному времени. Эпицентр находился в горах Гиита, в трехстах шестидесяти километрах к северо-западу от столицы провинции города Мерзабо.

— Какие-то города сильно пострадали?

— Да, ваше высочество. Разрушения и жертвы зарегистрированы в нескольких дюжинах населенных пунктов. Самый крупный из них – город Гомзи, где сила землетрясения достигала семи баллов.

Бедная Нриант. И как там ее родственники?…

— Стоп. Таутинг, а куда мы тогда летим?

— Насколько я знаю, в Мерзабо, ваше высочество. Это столица провинции…

— Я знаю, что это столица провинции! Кто выбрал такой маршрут?!

— Обычно это входит в компетенцию старшего честедержателя, ваше высочество.

— Ах, вот как!

Кэноэ почувствовал, как в нем закипает гнев. Опять кто-то собирается решать за него!

— Мерк… Меркуукх, где вы?

— Я здесь, ваше высочество.

— Распорядитесь поменять курс. Мы летим в Гомзи.

— Это невозможно, ваше высочество. Вас уже ждут в Мерзабо. Когда вы прилетите, по местному времени это будет почти вечер. Вам необходимо провести ночь так, как это подобает вашему рангу. Кроме того, вас будет встречать губернатор провинции…

— А почему губернатор сидит у себя в столице, когда в его провинции произошло несчастье?! Или его оторвали от дела ради меня?! Немедленно свяжитесь со своим помощником и сообщите, что мы прибываем не в Мерзабо, а прямо в Гомзи. Я должен быть там, где пострадали люди!

— Это никак не возможно, ваше высочество. Мы уже вышли на расчетную траекторию и не сможем приземлиться нигде, кроме как в Мерзабо.

— Это вы мне рассказываете?! — рассмеялся Кэноэ. — Да я сам не один раз пилотировал и такие лайнеры, и нечто покруче! Да ему триста шестьдесят километров разницы – это мелочь! И сядет он где угодно! Или вы сомневаетесь в квалификации наших пилотов?

— Прошу извинить меня, ваше высочество, — надзорник виновато склонил голову. — Но прошу понять, мои возражения были продиктованы наилучшими побуждениями. Разрешите мне удалиться, чтобы отдать необходимые распоряжения?

— Разрешаю, — кивнул Кэноэ.

Его не оставляла мысль, что только что он одержал важную победу. А еще что-то говорило ему, что эта схватка была не более, чем пробой сил.

На исходе третьего часа полета командир лайнера предложил пассажирам занять места в посадочных креслах и пристегнуться ремнями. Лайнер клюнул носом и начал медленно скользить вниз.

Кэноэ почувствовал, как его сердце снова тревожно зачастило. Что его ждет внизу? С чем ему придется столкнуться? Что он должен там делать? Он не знал ответов на эти вопросы.

Правда, кое-что он все-таки знает, успокаивал он себя. В последние полтора часа он просмотрел все материалы по землетрясению, подготовленные Таутингом и снабженные комментариями Наарит, которая, как оказалось, была родом из 38-й провинции и неоднократно бывала в городе Гомзи.

Наибольшее впечатление произвела на него короткая – меньше десяти минут – запись, сделанная через несколько часов после землетрясения. Вначале снятые с большой высоты дома казались игрушечными, а город выглядел как макет, в который кто-то бросил несколько камней – среди аккуратных прямоугольных кварталов виднелись, как следы попаданий,

покосившиеся, полуобвалившиеся, полуразрушенные здания. Он спокойно и равнодушно смотрел на них, как смотрел бы видеофильм, но укрупнившийся вдруг масштаб заставил его вздрогнуть. Лопнувшая эстакада с поваленным набок поездом и последними двумя вагонами, свисающими в провал, шестиэтажный дом с обнажившимися лифтовыми шахтами и лестничными клетками, рухнувшие набок словно костяшки домино многоэтажные жилые здания – все это было настоящим. Взаправдашним.

Раньше ему несколько раз приходилось видеть подобные кадры, но это было всегда не больше, чем изображение на экране, наспех втиснутое между результатами спортивных состязаний и репортажем об открытии нового моста или завода. Сейчас он должен был увидеть все это воочию и не был уверен, что у него хватит на это сил…

Лайнер тем временем продолжал снижаться. Внизу появилась плотная пелена облаков, похожая на замерзшее море, и он с размаху нырнул в нее, утонув в серой мгле. По иллюминаторам потекли струйки воды.

Облака кончились только тогда, когда лайнер перешел на антигравы, над самой посадочной площадкой, казавшейся странно пустой и заброшенной. В Гомзи шел дождь с мокрым снегом, и группа встречающих в ярких парадных одеждах походила на стайку мокрых птиц посреди широкого поля.

— Одевайтесь, ваше высочество, — камердинер протянул Кэноэ теплую фуфайку из шелковистой шерсти таангурайского яка и парадный костюм.

Кэноэ мысленно содрогнулся. За три часа лайнер перенес его не только из одного полушария в другое, но и из лета в зиму, но в салоне было так тепло и уютно, и казалось, что в этой куче одежды он немедленно изойдет потом.

Застегивая золотой фибулой парадный голубой плащ, он вдруг почувствовал, что не должен одевать эту роскошную одежду. Он не имел права прибыть в город, где только что случилась беда, этаким раззолоченным фазаном, любопытствующей столичной штучкой. Не говоря уже о том, что в такой одежде трудно сделать лишний шаг, не то что ходить по развалинам…

— Фруамс, помогите снять плащ. Есть у меня что-нибудь более удобное?

Хорошо все-таки иметь понятливого камердинера. Не прошло и двух минут, и вот уже у него на плечах не нелепый в своей непрактичности парадный плащ, а мягкая и теплая короткая куртка из непромокаемой ткани. А на голове вместо расшитой

золотом высокой круглой шапки – широкополая шляпа со скошенными назад полями, похожая на рыбацкую.

С неизменным Тенью Гига за спиной он вышел в тамбур, куда уже суетливо подкатывали парадный трап, но был остановлен вежливым шипением честедержателя Меркуукха.

— Ваш-ше высочество! Я бы советовал вам одеться так, как положено по протоколу. Ваше появление в таком виде нанесет урон чести Императорского Дома.

— Я прибыл не на прием, а в город, где не далее как сегодня погибли люди, — высокомерно отрезал Кэноэ. — Я полагаю, излишняя пышность в данном случае не уместна.

— Данные случаи не предусмотрены протоколом, ваше высочество, — старший честедержатель согнулся в поклоне, но продолжал смотреть прямо и твердо. — Я настойчиво советую вам соблюдать требования, иначе я буду вынужден доложить о вашем пренебрежении принятыми правилами.

Кэноэ на секунду заколебался. С надзорниками лучше не спорить. Он вспомнил, как три года назад они не с кем-нибудь, а с самим кронпринцем перебрали на каком-то приеме в Седьмой провинции и устроили представление. По возвращении Император отругал их как маленьких детей, а после этого их почти полгода не выпускали из Дворца. Но если он уступит сейчас даже в мелочи, сможет ли он настоять на своем, если речь пойдет о чем-то более серьезном? Как говорила как-то Кээрт, повиновение быстро входит в привычку.

И он, молча отстранив надзорника, сам распахнул дверцу, вздрогнув от хлынувшей внутрь волны холода. Сердце его снова рухнуло куда-то глубоко вниз и он, чтобы успокоиться, начал шепотом считать ступеньки трапа. Ступенек было восемнадцать.

— Мы счастливы приветствовать вас на нашей земле, ваше высочество, — мокрый губернатор провинции, крупный мужчина средних лет в насквозь пропитанном водой плаще, опустился перед ним на одно колено прямо в снежную кашу, уже успевшую покрыть ковровую дорожку.

— Эта земля покорна Императору, — сказал в ответ Кэноэ, положив губернатору руку на плечо.

Он некрепко знал этот ритуал, и поэтому старался сосредоточиться. За левым плечом он чувствовал дыхание надзорника и был уверен, что в случае затруднений получит подсказку, но тем более важно было не допустить никакой ошибки.

Он произнес еще одну положенную по протоколу фразу, поднял губернатора с колен, и они вместе обошли короткий строй встречающих. Почетного караула ему по протоколу не

полагалось, и он был этому только рад. Ветер, гулявший по практически пустой посадочной площадке, не знал удержу и все время норовил сыпануть в лицо пригоршню мокрого снега пополам с дождем.

Завершив церемонию ритуальным преломлением лепешки, поданной на большом серебряном блюде, он с удовольствием дал препроводить себя в здание пассажирского терминала. Снег повалил еще сильнее, и он ускорил шаг, хотя знал, что по протоколу ему надлежит шествовать медленно и торжественно. Что же, еще один повод для неудовольствия у надзорника. Одним меньше, одним больше.

На пороге зала для делегаций его встречали маленький толстый человечек в костюме придворного (тот самый младший честедержатель Лмугэо) и миловидная девушка с микрофоном, сопровождаемая высоким парнем с камерой на плече.

— Служба информации 38-й провинции, — девушка сделала поклон и протянула в его сторону руку с микрофоном. — Ваше высочество, разрешите задать вам вопрос. Что привело вас в нашу землю?

Держаться перед камерой всех принцев учили с детства. Медленные плавные жесты, исполненная достоинства поза, отстраненно-равнодушный взгляд свысока, размеренный покровительственный тон… Сейчас все это вдруг показалось Кэноэ до отвращения фальшивым.

— Я почувствовал, что не могу остаться в стороне, — сказал он, глядя прямо в черный зрачок камеры. — Я хочу сказать всем жителям города Гомзи и 38-й провинции, пострадавшим от землетрясения, что Император знает и помнит об их беде. Держитесь, и Держава придет к вам на помощь. Считайте мое прибытие сюда символом того, что мы с вами и поддержим вас в дни несчастья.

Получилось не слишком складно, зато искренне. Кэноэ был готов ответить и на другие вопросы, но девушка с микрофоном, смущенно пробормотав что-то благодарственное, уже скрылась в толпе. В зал для делегаций ни ее, ни оператора не впустили.

— Прошу вас, ваше высочество, — губернатор показал на длинный стол, заставленный яствами. — Приношу глубочайшие извинения за скромность приема, но мы все ждали вас в Мерзабо и поэтому не успели как следует подготовиться. После небольшой трапезы вы сможете ознакомиться с ходом спасательных работ, а вечером я приглашаю вас в столицу провинции, где будет дан прием в вашу честь. Прошу вас, не отказывайтесь. Принцы Императорского Дома так редко посещают наше захолустье…

— Я бы не хотел отрывать вас от дела, — мягко сказал

Кэноэ. — Вы ведь, вероятно, руководите спасательными работами.

— М-да, конечно. Я это, в самом деле, осуществляю общее руководство. Но это не значит, что я не могу сопровождать вас.

— Вот и хорошо, Достойнейший, — улыбнулся Кэноэ, называя губернатора принятым для его ранга официальным титулом. — Тогда я хотел бы осмотреть город сейчас, пока еще не стемнело. А сюда я мог бы вернуться позднее. Кстати, Достойнейший, а вы не хотели бы переодеться?

— С удовольствием, ваше высочество, — губернатор с видимым облегчением сбросил с плеч мокрый плащ. — Я счастлив пригласить вас и ваших спутников в свой гравикатер…

Сверху город Гомзи был очень похож на запись, которую он смотрел полтора часа назад. Пилот вел машину под самыми облаками, сыпавшими снегом как из прохудившегося мешка, и дома внизу казались далекими и какими-то ненастоящими. Рядом зудел над ухом губернатор, очевидно, рассказывая о ходе работ, а Кэноэ снова охватило тягостное чувство неестественности происходящего. Сейчас они облетят город, вернутся обратно к накрытым столам, а затем жизнь вернется в прежнее состояние. Будто ничего и не было… Ничего?

И увидев прямо под собой те самые поваленные набок многоэтажные дома, Кэноэ, сбрасывая с себя оцепенение, повернулся к пилоту.

— Спускайтесь. Я хочу осмотреть спасательные работы на месте.

Внизу разрушенный землетрясением город уже никак не мог показаться компьютерной имитацией из кинофильма. По-прежнему шел снег, то и дело превращающийся в дождь, дул холодный мокрый ветер, а грязь – густая непролазная грязь, которой было совсем не видно сверху, — сердито чавкала под ногами и хваталась за ботинки, будто желая сорвать их и похоронить в своей толще.

Рухнувшее набок здание высилось над головой нелепым наклонным монолитом, выпирая наружу торчащими балконами. На стене, которая вдруг стала крышей, работали люди. Ветер относил в сторону обрывки слов, брызгали искрами электросварочные аппараты, а одинокий кран на антигравитационной подушке, похожий на голенастого журавля, трудился, не переставая, отбрасывая в сторону панели и балки.

Кэноэ было не по себе. Его донимала лезущая всюду противная грязь, и сам он вместе со своей пышной свитой казался себе бездельником-экскурсантом, отрывающим людей от спешной и необходимой работы. Но было уже поздно. Их заметили, и от

здания бежал к ним измазанный грязью с головы до ног человек в спецовке и некогда белой каске.

— Начальник девятой полубригады отряда быстрого реагирования 38-й провинции, — представился он, неуклюже поклонившись и сложив на груди руки в огромных брезентовых рукавицах. — Чем я могу служить вам, ваше высочество?

— Как идут работы? — вырвалось у Кэноэ. — Много ли жертв? Нужна ли вам помощь?

— Нет, ваше высочество, — человек в спецовке снова поклонился. Было видно, что он отчаянно смущается своего вида. — Здесь нам оказывают всемерную поддержку. Работы идут нормально, ваше высочество. Мы сейчас извлекаем людей из квартир, которые оказались на нижней стороне. Иногда приходится трудновато, но мы справимся. Жертв, слава Звездам, немного, хотя землетрясение случилось ночью, когда все были в своих постелях. Большая часть внутренних перекрытий выдержала, поэтому все оказалось не так страшно. Раненых вот много, а погибших в этом доме пока нашли только пятерых. Да и вообще, эти дома попрочнее оказались. Вот в седьмом районе, где не выдержали несущие конструкции, здания сложились как карточные домики!…

Спасатель внезапно оборвал себя. Как понял Кэноэ по вмиг поскучневшему лицу губернатора, он и так сказал лишнее.

— Чем вы объясняете такие сильные разрушения? — спросил Кэноэ. — Большой силой толчка?

— Да, и это тоже, ваше высочество, — спасатель слегка приободрился. — Но, осмелюсь сказать, главная причина в нарушении строительных норм. Многие дома здесь возводились по стандартным проектам, а не так, как требуется в сейсмоопасном районе…

Губернатор грозно кашлянул, и спасатель снова умолк.

— Так чем мы все-таки можем вам помочь ускорить проведение работ? — снова задал вопрос Кэноэ, демонстративно не замечая помрачневшего губернатора. — Например, не маловато ли у вас техники? Один кран на весь дом – разве этого достаточно?

— Техники и в самом деле маловато, ваше высочество, — виновато наклонил голову спасатель. — Но в первый день всегда так бывает. Потом будет больше. Все здесь очень хорошо организуется. Так что, никакой помощи нам не нужно. Все идет нормально, ваше высочество, погода вот только подкачала. С самого утра сыпет и сыпет, мешает очень. А на все прочее пожаловаться мы никак не можем…

— С техникой и в самом деле все нормально? — вполголоса

спросил Кэноэ губернатора, когда они возвращались к катеру. — Я слышал, при землетрясении больше всего людей погибает из-за того, что им не успели вовремя придти на помощь.

— Не волнуйтесь, ваше высочество, — успокаивающим тоном заметил губернатор. — Я еще утром отправил заявку в Столицу. И полагаю, уже с послезавтрашнего дня мы начнем получать технику из централизованных фондов.

— Так поздно? — удивился Кэноэ. — А в других местах ее достать никак не возможно?

— Вы же сами видите, — губернатор махнул рукой в сторону рухнувшего здания. — На спасательные работы и так мобилизована вся пригодная для этого техника в городе.

— А за пределами города? — возбужденно спросил Кэноэ. — Провинция велика. Что вам стоит распорядиться отправить колонну, скажем, из Мерзабо? До него всего триста шестьдесят километров, и она могла бы оказаться здесь уже завтра!

— Увы, все не так просто, — вздохнул губернатор. — Значительная часть техники закреплена за организациями, которые подчиняются не мне, а Столичным министерствам, так что очень много времени пришлось бы потратить на согласование. И кроме того, если бы мне удалось что-то собрать, в Столице решили бы, что я могу обходиться без помощи из центра, и больше не дали бы мне ничего. Даже если – сохрани нас от этого Звезды – в провинции произойдет новая катастрофа. Без санкции Столицы я так же бессилен что-либо сделать, как бессилен приказать тучам разойтись.

Приказать тучам?… Стоп, а ведь в Империи существует спутниковая система "Климатекс", которая обеспечивает хорошую погоду в Столице, а также занимается предотвращением ураганов в Великом океане. Сейчас лето, то есть, тьфу, зима, так что сезон ураганов закончился. Что, если…

— Таутинг!

— Я здесь, ваше высочество.

— Сколько времени сейчас в Столице?

— Шестнадцать часов тридцать две минуты, ваше высочество.

— Отлично. Таутинг, свяжитесь с центральной дирекцией "Климатекса". Мне нужен начальник или, на худой конец, старший дежурный.

— Будет сделано, выше высочество.

И в самом деле, даже немного странно. Мы ведь давно умеем управлять погодой. Уже сколько лет идут разговоры о создании планетарной системы, а толку – ноль. Расходы, говорят, большие. Так Космофлот в дюжину раз больше поглощает, да и разве меньше теряется от всяческих засух и штормов? А как измерить

то, что кто-то умрет, потому что спасатели вовремя не добрались к нему из-за плохой погоды?…

— Ваше высочество, руководитель "Климатекса" на связи.

— Добрый день, Достойный. С вами говорит принц Тви оэро-Кэноэ Кэвирноэрон. Я сейчас нахожусь в 38-й провинции, в городе Гомзи, там сегодня ночью произошло землетрясение, слышали? Так вот, здесь отвратительная погода, постоянно идет дождь со снегом. Спасатели жалуются, это здорово им мешает. Вы не поможете разогнать эти мерзкие тучи?

На другом конце линии связи замялись, и Кэноэ некоторое время с интересом разглядывал своего собеседника – обычного пожилого чиновника с невыразительным лицом, прорезанным ранними морщинами.

— Э-э-э… — наконец смущенно протянул он. — Я, признаться, в затруднении, ваше высочество. Я, э-э-э, не имею возможности распоряжаться системой без санкции свыше.

— Но вы могли бы разогнать тучи над Гомзи?

— Э-э-э… Теоретически – да, ваше высочество. Там малоподвижный циклон, и мы бы могли… Но…

— Почему но, Достойный? Или мне следует обратиться напрямую к министру ресурсов, которому вы подчиняетесь? А может быть, мне нужно испросить разрешения в Совете Пятнадцати? Я сделаю это, если понадобится. Но разве нет никакой возможности ускорить процедуру? Ответственность я беру на себя.

— Э-э-э… — лицо руководителя "Климатекса" оживилось. — Наверное, это, э-э-э… возможно. Дюжину дней назад обновили аппаратуру на двух наших спутниках, и нам так или иначе необходимо испытать ее в рабочем режиме. Я распоряжусь, ваше высочество. Ожидайте улучшения погоды часов через пять-семь, в крайнем случае, к утру.

— Ну вот и все, — Кэноэ весело посмотрел на губернатора. — Вопрос с тучами мы решили. Какие еще есть проблемы?

— Посмотрим – увидим, — в тон ему улыбнулся губернатор. — Что бы вы еще хотели посетить?

— Наверное, я бы хотел увидеть, как устроены раненые. Не испытывают ли они в чем-то нужды?

— Извольте, — губернатор сделал приглашающий жест. — Поехали.

И губернаторский катер снова оторвался от земли.

Четырехэтажное здание городской больницы было забито ранеными. Кровати стояли впритык друг к другу в палатах, коридорах, даже на лестничных площадках, повсюду сновали

люди в светло-зеленых медицинских халатах. Тем не менее, больница не производила впечатления переполненного фронтового эвакогоспиталя: везде было чисто, все раненые лежали на отдельных койках и получали необходимый уход, мерно гудели различные медицинские аппараты, нигде не было ни суеты, ни излишнего шума.

И все же, за всю свою жизнь Кэноэ никогда не видел ничего более страшного. Вокруг были люди – сотни людей – со сломанными ногами и руками, зажатыми в лубках, в окровавленных бинтах, закрывавших рваные раны и порезы, с обширными ожогами, покрытыми заживляющим гелем… Изо всех сил он старался подавить подступающую к горлу тошноту и при этом улыбаться глядящим на него людям. "Принц, принц…" – словно само собой разносилось по больнице, будто окружая его невидимым ореолом. По его ходу словно сами собой раскрывались двери палат, а раненые, лежащие на койках в коридорах и проходах, приподнимались и провожали его восхищенными взглядами.

Сопровождал их главный врач – невысокий, пожилой и очень усталый человек, похожий на грустную птицу.

— Вы в чем-то нуждаетесь? — спросил его Кэноэ. — Чего вам не хватает?

— Всего не хватает, — устало сказал врач. — Продуктов, лекарств, бинтов, антисептика, регенерационных аппаратов. Мы использовали все городские запасы, принимая раненых, и теперь у нас почти ничего нет.

— Вы все получите, — заверил его губернатор. — С регенерационными аппаратами – не обещаю. Но все остальное будет. Продержитесь до утра?

— Продержимся, — кивнул врач и, глядя почему-то на Кэноэ, добавил: – У меня к вам есть еще одна просьба. У нас не хватает персонала, и мы привлекли школьниц старших классов. Нельзя ли распространить на них положение о спецпайках? Они работают наравне со взрослыми, и было бы…

— Хорошо, — оборвал его губернатор, не дослушав до конца. — Делайте. Я санкционирую. Все списки потом подадите задним числом в мою канцелярию. Только подавать их будете лично вы. Поняли?

— Да, да, благодарю вас, Достойнейший, — пожилой врач согнулся в поклоне. — О, прошу прощения, ваше высочество. Я очень благодарен, что вы оказали нам честь…

— Может быть, у раненых есть просьбы? — Кэноэ заглянул в ближайшую палату. — У вас есть какие-то пожелания?

Несколько секунд стояла тишина.

— Смелее, — ободрил их Кэноэ. — Говорите, как есть. Вам ничего не будет. Вот, губернатор провинции подтверждает.

Губернатор важно кивнул и даже, кажется, улыбнулся.

— А нельзя ли маме моей сообщить, что я жив? — раздался чей-то несмелый голос с дальней койки. — А то связи нет, она волнуется, наверно…

"Как и Нриант", — вспомнил Кэноэ.

Да, он же обещал узнать, что с ее родственниками…

— А действительно, что со связью? — спросил он губернатора. — Ее так сложно восстановить?

— Обычная связь отключена, — губернатор недовольно пожевал губами. — Так положено. Чтобы до обнародования официального сообщения не давать пищу для слухов.

— И как долго ждать этого официального сообщения?

— Очевидно, до конца декады, не раньше.

— И все это время город будет полностью оторван от мира? — удивился Кэноэ. — Но ведь отсутствие информации как раз и является самой питательной средой для слухов! Вы представляете, что сейчас думают и говорят родственники горожан?!

— Со слухами у нас борется Служба Безопасности, — невесело улыбнулся губернатор.

— Но ведь даже она не может проконтролировать всех и вся! Почему бы не восстановить связь и не дать возможность всем убедиться, как обстоят дела на самом деле?! Вот вы, например, знаете точное количество жертв?

— Знаю, — вполголоса сказал губернатор. — На данный момент, семьсот одиннадцать погибших и свыше четырех тысяч раненых. Но это закрытая информация.

— Да, но что мешает составить списки и просто давать людям справки, содержатся в них их родственники или нет?! И подумайте, насколько повысится настроение людей от того, что им дадут возможность поговорить со своими родными и близкими и успокоить их!

Губернатор снова задумчиво пожевал губами.

— Ладно, — наконец сказал он, жестом подозвав к себе одного из помощников. — Распорядитесь, пусть откроют несколько переговорных пунктов дальней связи и оповестят об этом население. В больницы и места содержания эвакуированных пусть доставят переносные аппараты. Но пусть строго-настрого предупредят всех, кто будет пользоваться связью! Только самую необходимую информацию! Живы, здоровы или, наоборот, ранены и больше ничего! Чтобы никто и не думал уезжать из города или приглашать родственников сюда!

— А это зачем? — шепотом спросил Кэноэ.

— Чтобы никто не ставил под сомнение способность государства оказать помощь пострадавшим. Какая-либо частная инициатива здесь не приветствуется, и в итоге могут пострадать и они, и я.

— Вы слышали, что сказал губернатор? — повысил голос Кэноэ. — Вам принесут переносные аппараты дальней связи, и вы сможете оповестить ваших родных, что вы живы! Какие-то еще просьбы есть?

Просьб больше не было, и Кэноэ поспешил покинуть больницу. К виду раненых и специфическому больничному запаху он, в конце концов, притерпелся, но атмосфера, насыщенная болью и страданиями, угнетала его. И уходя, он испытал уважение к тем, кто работает в этой атмосфере всю жизнь.

На улице по-прежнему медленно падали хлопья мокрого снега, но Кэноэ казалось, что небо уже начало проясняться, хотя для этого было еще слишком рано. Начинался вечер, и землю покрыли серые сумерки.

— Вы хотите посетить что-то еще, ваше высочество? — осведомился губернатор. — Или вы уже удовлетворены увиденным?

Кэноэ заколебался. Он устал, причем, скорее, эмоционально, нежели физически, но силы его еще не иссякли.

— Да, Достойнейший, — сказал он, подавив усталый вздох. — Я бы хотел посетить, как вы это назвали, места содержания эвакуированных.

Многих оставшихся без крова разместили в городских гостиницах, но на всех мест не хватило, и под временное жилье доброй тысяче человек отвели огромный крытый стадион, похожий сейчас на помесь базара с пересыльным лагерем.

Под потолком горели яркие светильники, на игровой площадке, прикрытой листами пластика, стояли ряды коек, а на трибунах среди многочисленных навесов, чемоданов и сумок бродили, сидели и лежали сотни людей. В обширном фойе работали пищераздаточные пункты, к которым тянулись длинные очереди.

Оказавшись под крышей исполинского зала, Кэноэ внутренне содрогнулся. В нем было хуже, чем в больнице. Там, по крайней мере, люди испытывали телесные страдания, а здесь в воздухе словно повис тяжелый дух неустроенности, неуверенности и озлобления.

Казалось, в этом месте никому не было дела до всего

окружающего, но появление посетителей было, тем не менее, немедленно замечено и правильно истолковано. Кэноэ, спускаясь по трибуне, слышал, как и в больнице, сгущающийся за спиной восторженный шепот. Люди вокруг поднимали головы, в их потухших глазах снова появлялся интерес, они вставали и медленно тянулись, как мотыльки на свет, к нему. К нему.

"А интересно, — думал Кэноэ, — видят ли они рядом со мной своего губернатора, отдают ли они себе отчет, что это он, а не я, представляет здесь власть? Или верно говорил Суорд: люди разочарованы в нынешней власти и ищут защиты и справедливости у доброго Императора?…". Наверное, прежде чем говорить о собственном бессилии и никчемности, надо было взглянуть в эти глаза, смотрящие на него с жадной надеждой.

Он остановился на краю игровой площадки, где был небольшой пятачок, свободный от коек. И сразу же оказался окруженным странно притихшей толпой. Он чувствовал, как у него за спиной напряженно застыл Тень Гига, но сам он не ощущал никакой опасности. Люди стояли и молча смотрели на него. Он понял, что они ждут от него слова.

— Я принц Тви оэро-Кэноэ Кэвирноэрон, — торопливо сказал он, прежде чем тишина стала гнетущей, с растерянностью понимая, что совершенно не представляет, о чем ему говорить. — Я прилетел сегодня из Столицы, узнав о вашем несчастье. Вы не одиноки. Император помнит о вас и вам окажут надлежащую помощь. Самое худшее для вас уже позади. Я же сейчас готов выслушать ваши просьбы и постараюсь помочь, чем могу. Рядом со мной губернатор провинции, который готов поддержать мои слова своей властью и авторитетом.

Губернатор кивнул и принял важный вид. Кажется, его забавляло происходящее.

— Ваше высочество! — какая-то толстая баба в первом ряду изобразила неуклюжий поклон. — Почему нас всех загнали сюда?! Почему мы здесь, а других разместили с удобствами в гостиницах?! Я знаю, это все сделали за взятки!

— Насколько мне известно, — громким металлическим голосом сказал губернатор, — в гостиницах поселяли, в первую очередь, семьи с детьми, больных и пожилых людей. Исключения из этого правила будут расследоваться.

— В гостиницах недостаточно мест для всех, — добавил Кэноэ, чтобы не молчать. — Но я обещаю, что приложу все усилия, чтобы вы первыми получили от государства компенсацию и новое жилье.

Губернатор снова важно кивнул.

— А когда это будет? — тут же спросил кто-то из толпы. —

Когда мы получим новые квартиры?

— Ну, это вопрос не ко мне, — добродушно прогудел губернатор. — И не к его высочеству. А ну, Достойный, выходи. Пора держать ответ перед народом.

Из губернаторской свиты вынырнул гладкий и вальяжный чиновник с аксельбантом на мундире. Напрягшись, Кэноэ вспомнил, что на посадочной площадке он был представлен ему как начальник 16-го округа провинции (город Гомзи и ближайшие окрестности).

— В ближайшие… э-э-э… сроки вам будет предоставлена временная жилплощадь из городского фонда, — значительно сказал он. — Впоследствии же… э-э-э… будут построены новые жилые дома. Средства на их строительство уже… э-э-э… выделены.

— Так опять все разворуют, — громко и зло сказал кто-то в задних рядах.

Окружной начальник начал недовольно оглядываться, вытянув шею, но продолжения не последовало, и он успокоился.

— Разрешит ли ваше высочество задать мне вопрос Достойному? — послышался вдруг звонкий голос Наарит.

— Разрешаю, — поспешно кивнул Кэноэ.

Он уже знал, что его второй секретарь знакома с делами в провинции не понаслышке, и ему было интересно, какой вопрос она задаст. Окружной начальник не вызывал у него особого доверия, и Кэноэ с удовольствием предвкушал, как он попадет в затруднительное положение.

— Как известно, от землетрясения пострадали либо очень старые дома, либо самые новые, — звенящим от волнения голосом произнесла Наарит. — Чем вы, Достойный, можете объяснить подобную избирательность сил стихии?

Окружной начальник злобно покосился на девушку. Если бы взглядом можно было убивать, у Наарит наверняка возникли бы большие проблемы, но здесь, посреди враждебно настроенной толпы, начальник был бессилен.

— Действительно, странно, — невинно заметил Кэноэ. — Самые старые дома и самые новые. В чем же причина, Достойный?

В слово "Достойный" он постарался вложить максимальную дозу пренебрежения. Судя по одобрительному шуму в толпе, получилось у него неплохо.

— Я… э-э-э… не могу нести ответственность, — пробормотал окружной начальник, косясь на демонстративно глядящего в противоположную сторону губернатора. — Я занимаю свой… э-э-э… пост только три года.

— А может ли Достойный сказать, какую должность он занимал до назначения на этот пост? — снова задала вопрос Наарит.

Окружной начальник пошатнулся. Вся его вальяжность куда-то улетучилась. Он глядел на Наарит злобным затравленным взглядом, напоминая клыкастого дикого кабана, попавшего в ловушку.

— Я был начальником седьмого района 16-го округа провинции, — наконец нехотя сказал он.

— Позвольте! — вспомнил Кэноэ. — Это в седьмом районе было больше всего жертв?!

— Вы совершенно правы, ваше высочество, — подтвердила Наарит. — Несколько домов, причем, недавно построенных домов, разрушились полностью, похоронив под собой своих жильцов!

— Так ведь это же его брат строил! — снова послышался голос из толпы. — Они вместе материалы на сторону загоняли! А себе он такой дом отгрохал! В три этажа! В позапрошлом году закончили!

— Вот как?! — Кэноэ недобро посмотрел на окружного начальника. — У вас в городе есть собственный дом? Он, надеюсь, не пострадал?

— Нет, — буркнул начальник.

Он был растерян и жалок, но у Кэноэ как-то не возникало желания его пожалеть.

— Очень хорошо, — Кэноэ добавил в голос вкрадчивые нотки, как это великолепно умел делать дядя-Император, когда ругал кого-то из непослушных племянников. — И этот дом принадлежит вам?

— Как можно? — окружной начальник поднял на Кэноэ испуганные глаза. — Он принадлежит государству!

— Значит, его можно назвать городским фондом, так? Тогда, как мне кажется, его следовало бы передать пострадавшим от землетрясения в качестве временного жилья. И я бы настаивал, — Кэноэ усилил голос, — чтобы он оставался в этом качестве до тех пор, пока последний пострадавший не получит постоянной жилплощади!

В толпе зааплодировали. Окружной начальник мрачно смотрел исподлобья, но молчал.

— Я, конечно, не могу вам приказывать, — добил его Кэноэ. — Но на вашем месте я бы немедленно подал в отставку. По собственному желанию.

— Своевременный совет, — внезапно нарушил молчание губернатор. — А я бы добавил к нему пожелание на время

покинуть город. Иначе, я думаю, у вас будет немного шансов сохранить телесное здоровье до суда.

— Ваше высочество, как старший честедержатель, я обязан указать вам на ряд допущенных вами грубейших нарушений порядка!…

"Начинается", — мрачно подумал Кэноэ. В городе он постоянно чувствовал растущее недовольство надзорника и заранее настраивался на разнос. Что же, дождался.

— …Вы умалили свою честь и честь всего Императорского Дома, вступив в непосредственный контакт с простолюдинами! Вы обязаны были, как это подобает вашему положению, хранить возвышенное молчание, предоставив задавать вопросы тому, кому это положено, — то есть, честедержателю. Второе. Своими непредсказуемыми и хаотичными перемещениями вы лишили возможности выполнять свои обязанности младшего честедержателя Лмугэо! Вначале вы сорвали заблаговременно разработанный график поездки, а затем и вовсе усугубили положение, появляясь повсюду без предварительного уведомления! В результате посещение выбранных вами объектов прошло с нарушениями протокола, к вам были допущены случайные, не прошедшие предварительной проверки и подготовки люди! Наконец, третье и самое главное! Вы вмешались в деятельность администрации, чего не должны были делать ни при каких обстоятельствах!

— Из-за этой гниды сегодня ночью погибло несколько сотен человек, — холодно сказал Кэноэ.

Он старался, чтобы его слова не звучали как оправдание. Оправдываешься – значит признаешь вину.

— Подобные вопросы относятся к компетенции властей провинции и должны решаться в установленном порядке! Императорский Дом неизмеримо выше частных управленческих решений, и, опустившись на этот уровень, вы уронили его достоинство. И что хуже всего, вы искали дешевой популярности у толпы!

— Популярность не может быть дорогой или дешевой, — огрызнулся Кэноэ. — Она либо есть, либо ее нет.

— Население обязано поклоняться Императорскому Дому не вследствие неких поступков и слов его отдельных представителей, а в силу самого факта его существования. Власть Императора священна! Общаясь с толпой, заигрывая с толпой, идя на поводу у толпы, вы лишаете ее сакрального статуса и низводите ее до пошлой обыденности! Я не имею права приказывать вам, ваше высочество, но я настоятельно

рекомендую вам немедленно прервать ваш визит и возвращаться в Столицу. Не забывайте: от того, что я отражу в своем отчете, зависит, получите ли вы разрешение на следующую поездку или нет!

Действуй надзорник менее жестко, Кэноэ, возможно, прислушался бы к нему. Он почему-то вспомнил старого учителя математики, который безжалостно гонял юных принцев и лордов по алгебре. "Вы говорите, вам никогда в жизни не понадобится математика? — часто повторял он. — Скорее всего, это так. Но вы принадлежите к Императорскому Дому, а потому обязаны получить прочные знания об окружающем мире, включая математические формулы. В силу этой обязанности я не позволю вам остаться неучами, даже если вам этого хочется!"

Таким образом, с понятиями "дисциплина" и "порядок" Кэноэ был знаком не понаслышке. Привык он и к тому, что многие вещи ему делать не положено. Но уступить сейчас означало поддаться грубому давлению.

— Я учту ваши рекомендации, — сухо и надменно сказал он и, небрежным жестом отстранив надзорника, вышел в зал, где его уже ждали губернатор и свита. Неожиданно он почувствовал, что проголодался.

Губернатор был сама любезность.

— Прошу прощения, ваше высочество, за скромный ужин, — улыбаясь, говорил он. — Однако разрешите мне загладить свою вину и пригласить в Мерзабо, где готовится прием в вашу честь.

— Его высочество принимает приглашение, — с поклоном сказал надзорник прежде чем Кэноэ успел открыть рот. — Но да будет дозволено мне как честедержателю представлять на этом приеме высокую особу принца Императорского Дома? Принц устал, ему нужен отдых.

В голове Кэноэ пронесся вихрь противоречивых мыслей. Согласиться, сделать так, как велят, — значит, найти оптимальный выход из положения, не теряя лица и не раздражая надзорника. Разве он не сделал всего, что должен был сделать? Показался в провинции, побывал в бедствующем городе, помог избавиться от проворовавшегося окружного начальника, даже договорился с "Климатексом"…

Но почему ему так хочется сказать "нет"? Может, это в нем говорит мальчишеское упрямство? Чисто детское желание выслушать и поступить наперекор? Нет! Просто стоит ему однажды согласиться соблюдать эти правила, ему и впредь придется играть по ним – с заблаговременно подготовленными маршрутами, предварительно подобранными людьми, заранее разученными вопросами и ответами. Разве ради этого он хотел

вырваться из Дворца? А если даже его первая поездка и будет последней – что же, возможность совершать поступки стоит того, чтобы за нее понести кару! Да и все ли сделал он для жителей города? По сути, он потешил только собственное тщеславие, а решил один лишь вопрос с погодой. А сколько еще может быть подобных проблем?

Пауза затягивалась. Губернатор уже смотрел на него с легким удивлением, надзорник – строго и подозрительно. И Кэноэ, разрывая завесу молчания, повернулся к ним с широкой улыбкой.

— Я дозволяю вам, старший честедержатель Меркуукх, представлять мою особу на приеме, устроенном губернатором 38-й провинции. Но я бы хотел внести некоторые коррективы. Я пока не нуждаюсь в отдыхе. И я остаюсь здесь.

Надзорник открыл и закрыл рот, словно рыба, вытащенная на берег, но так ничего и не сказал. И Кэноэ осознал: на этот раз он победил. Во что обойдется ему эта победа, пока не имело значения.

— Теперь я вынужден покинуть вас, ваше высочество, — развел руками губернатор. — Увы, но дела требуют моего присутствия в Мерзабо.

— Я понимаю, — кивнул Кэноэ. — К сожалению, у меня редко бывают дела, которые требуют моего присутствия где бы то ни было. Все равно, я благодарен вам за то время, которое вы мне уделили, и за то, что вы были снисходительны к моим выходкам. Жаль, что наше знакомство произошло при столь печальных обстоятельствах, но я рад, что оно состоялось.

— Я тоже, — засмеялся губернатор. — Признаться, поначалу я воспринимал ваш приезд как яркое историческое представление с нами в главных ролях.

— Не удивительно, — хмыкнул Кэноэ. — Иногда мне кажется, что я постоянно живу понарошку.

— Живете понарошку? Интересное выражение. Но это определенно не про вас. Вы здорово помогли мне.

— Вы имеете в виду окружного начальника? — догадался Кэноэ.

— Точно! Мне бы пришлось с ним повозиться, а вам достаточно было сказать, и он тут же покорно подал в отставку. Признаться, я бы хотел, чтобы вы однажды стали моим сюзереном по-настоящему. У вас есть для этого все задатки – понимание людей, здравый смысл и умение повелевать. Вам остается только усвоить две вещи, которые не следует делать, — не отдавать приказы, которые не будут исполнены, и не давать обещания, которые не будут выполнены.

— Кажется, вы учите меня искусству управления?

— Ну, нельзя же дать втуне пропасть таким способностям, — снова рассмеялся губернатор. — Сегодня вы были просто великолепны. Особенно, это повеление тучам разойтись. Кстати, вы заметили, что снег уже не идет?

— Нет, — Кэноэ выглянул в окно. Небо, затянутое тучами, уже начало проясняться, а над близкими горами виднелся робкий серпик дальней луны. — Надеюсь, я еще смогу в чем-то быть полезным…

— Сможете. Я оставляю вам для связи своего помощника. Если что – обращайтесь прямо ко мне. Но вы действительно не устали? Уже достаточно поздно.

— По времени Столицы, вечер еще только начинается. И я хочу отправиться в место, где непосредственно занимаются оказанием помощи пострадавшим. Я полагаю, здесь такое имеется?

— Еще бы. Тогда не смею вас задерживать. Тем более, что ваш, как его, честедержатель уже и так смотрит на нас как на врагов народа. Будем прощаться, ваше высочество. Поцелуйте от меня Наарит.

— А кто…

— Вы не знали? Она моя племянница.

— Я должен был догадаться! Вы очень похожи. Но тогда мне следовало бы решить, что она ваша дочь!

— Это не удивительно. Мы с братом близнецы. Только я пошел по административной линии, а он сейчас руководит крупнейшей в провинции шахтой по добыче рениевой руды.

— О, это серьезно, — с уважением сказал Кэноэ. — Добыча металла, из которого изготовляется сердце наших звездных кораблей, — это меня всегда интересовало. Мне надо будет снова как-нибудь навестить вашу провинцию.

— В любой момент. Вы только предупредите заранее, чтобы там успели покрасить свежей краской все заборы и убрать мусор. Кстати, на ваш следующий объект вы тоже собираетесь нагрянуть неожиданно?

— Похоже, это становится моим стилем. Но в данном случае, внезапно не получится. У меня есть еще и младший честедержатель, которому надо хотя бы раз в день дать возможность выполнить его обязанности.

Младший честедержатель Лмугэо справился со своими обязанностями просто образцово. Настолько образцово, что впору было хвататься за голову и кричать: "Прекратите!". Возле здания окружной администрации была собрана восторженная толпа,

вооруженная флагами и яркими воздушными шариками. Где-то за парадным крыльцом пряталась музыкальная установка, наяривавшая "Встречный марш". На самом крыльце нетерпеливо переминались с ноги на ногу (температура к вечеру уже опустилась прилично ниже нуля) около дюжины встречающих, включая двух миловидных девушек с большим блюдом, на котором сиротливо лежала кривоватая лепешка.

Отвертеться от церемонии не было никакой возможности, и Кэноэ осталось только исполнить свою роль. Он произнес все нужные слова, раскланялся с дюжиной городских чиновников и даже, не моргнув глазом, выслушал идиотски-восторженную речь какого-то типа, представившегося заместителем окружного начальника. И только после этого он, уже изрядно продрогший, смог войти в освещенный яркими огнями вестибюль.

— Я бы хотел видеть того, кто руководит спасательными работами, — без всяких предисловий заявил Кэноэ, как только за ним закрылась входная дверь и пропала необходимость ломать комедию.

Его слова вызвали в рядах встречающих что-то вроде замешательства.

— Э-э-э… ваше высочество, вероятно, вы имеете в виду начальника отряда быстрого реагирования? — осторожно спросил заместитель окружного начальника. — Хотя общее руководство принадлежит… э-э-э… мне, именно он дает конкретные указания…

— Вы совершенно правы, Достойный, — кивнул Кэноэ. — Проведите меня к нему!

Проводить принца первого ранга взялись человек двадцать, не считая его собственной свиты – Таутинга с аппаратом дальней связи, Наарит с электронным блокнотом, доктора Дроама с медицинским чемоданчиком, младшего честедержателя Лмугэо с портативной камерой и мрачного телохранителя с пустыми руками. Шаги гулко отдавались в широких пустынных коридорах, и Кэноэ снова показалось, что он участвует в каком-то историческом представлении.

— Вот сюда, ваше высочество, — заместитель окружного начальника, поклонившись, отворил высокую дверь без таблички.

За дверью находилось что-то вроде диспетчерской. Большая электрифицированная карта города на одной стене, компьютерная карта провинции на другой, несколько больших столов с аппаратами связи, стеклянная кабина с видеоэкранами, на одном из столов – груда пакетов с походными пайками и дымящийся электрокипятильник. И несколько человек в темно-серых куртках, кое-где заляпанных грязью. У одного за спиной

болталась на ремешке белая каска.

— Его высочество принц Тви оэро-Кэноэ Кэвирноэрон! — торжественно объявил младший честедержатель Лмугэо.

В этой обширной полупустой рабочей комнате его слова прозвучали особенно напыщенно и нелепо.

— Начальник отряда быстрого реагирования 38-й провинции, — без особого почтения в голосе отрекомендовался спасатель с каской на ремешке. Он был неожиданно молод – не старше трех дюжин лет, — а его веселые и немного усталые серые глаза с легким любопытством оглядывали Кэноэ. — Чем я могу служить вам, ваше высочество?

Эта стандартная ритуальная фраза была произнесена весьма нелюбезным тоном. Было отчетливо видно, что начальник отряда совсем не рад свалившейся на него толпе посетителей.

— Наоборот, это я чем могу вам помочь, Уважаемый? — мягко спросил Кэноэ, стараясь развеять неблагоприятное впечатление. — Вы, очевидно, сталкиваетесь со множеством проблем. Чем бы я мог облегчить ваш труд? Говорите откровенно, вам нечего опасаться.

— Говорить откровенно, ваше высочество? — звонко и весело переспросил начальник отряда. — Тогда вы бы мне очень помогли, если бы не стали меня ни о чем расспрашивать, а просто тихо вышли и закрыли за собой дверь.

В толпе сопровождающих послышалось чье-то сдавленное кряканье, но Кэноэ не стал оборачиваться.

— Вы меня не так поняли, Уважаемый, — с усмешкой сказал он, глядя прямо в озорные глаза начальника отряда. — Я не собираюсь торчать у вас за спиной и задавать глупые вопросы, мешая вам работать. Я бы хотел, что бы временно приняли меня в свою команду – хотя бы на ближайшую ночь. Поверьте, один настоящий принц, да еще с двумя хорошими секретарями и одним помощником губернатора провинции – это весьма ценное приобретение. А вы, господа, — повернулся он к обалдело столпившимся в дверях сопровождающим, — можете быть свободными. Возвращайтесь к исполнению своих обязанностей или к прерванному отдыху – в вашем присутствии больше нет необходимости.

Когда последний чиновник, кажется, заместитель окружного начальника, осторожно закрыл за собой дверь, спасатель восхищенно покачал головой и сделал приглашающий жест.

— Проходите, ваше высочество. Мне кажется, мы с вами сработаемся.

За длинным столом нашлось место всем. Вообще, в этой

комнате было как-то много места.

— Это вы вынудили уйти в отставку местного окружного начальника? — вдруг строго спросил спасатель.

— Я, — гордо признался Кэноэ. — Порекомендовал…

— Зря вы это сделали. Его все равно бы сняли, а так – пока пришлют нового, пока его утвердит Канцелярия Совета Пятнадцати, пройдет не меньше дюжины дней. И все это время дела или будут вовсе стоять, или делаться с таким скрипом…

— А разве вы не можете…?

— Нет. Это только в колониях отряд быстрого реагирования подчиняется напрямую управителю, а местная администрация обязана выполнять его распоряжения. Здесь же, хотя на нас и возложена задача координировать спасательные работы в случае природных или техногенных катастроф, формально все решения принимаются окружными или даже районными властями. Мы можем только рекомендовать.

— И часто бывают, что к вашим рекомендациям не прислушиваются?

— Редко. Но не это важно. Важен принцип. Вот, например, сейчас мы занимаемся организацией автоколонн в пострадавшие районы. Вы же знаете, землетрясение затронуло не только Гомзи, разрушения и жертвы и есть и в других городах и мелких поселках. Все, в принципе, готово, но чтобы выделить транспорт, требуется подпись окружного начальника…

— От кого зависит выделение транспорта? — смущенно спросил Кэноэ.

— Хотите уговорить? Безнадежное дело. Этот начальник транспортной службы округа, между прочим, был в той толпе, которую вы сюда притащили. Редкостный трус и перестраховщик. Без письменного приказа начальства и шагу не сделает. Вам он прямо не откажет, но угробит дело отсрочками.

— Так что же вы будете делать?

— Буду понемногу нарушать порядок. Договариваться напрямую с руководителями автопредприятий. Ничего, дело привычное…

— Постойте, — Кэноэ обернулся к помощнику губернатора. — А приказа от вашего начальника будет достаточно?

— Будет, — был ответ. — Достойнейший приказал подавать на подпись все документы, связанные с помощью пострадавшим от землетрясения, немедленно и вне всякой очереди. Завтра во второй половине дня искомое распоряжение будет у вас.

— Поздновато, — покачал головой начальник отряда. — Полдня отсрочки означает, что в некоторые поселки помощь

придет еще на день позже. К сожалению, в это время года большинство дорог в горах становятся непроезжими, как только стемнеет.

— А по воздуху? — спросил Кэноэ. — Разве вы не можете использовать воздушный транспорт?

— В этом глухом углу? Да здесь большинство перевозок до сих пор осуществляется по старинке, на колесах. В нашем распоряжении есть несколько бортов, но их едва хватает, чтобы доставить грузы и врачей в наиболее отдаленные районы, куда иначе не доберешься.

— Тьма и пламя! — выругался Кэноэ. — Стоп. У меня, кажется, есть идея! Наарит, здесь есть поблизости территориальные воинские части?

— Да, ваше высочество. В Тангокхли. Это около пятидесяти километров отсюда.

— Отлично. Таутинг, дайте мне связь с командиром части. Сейчас поздновато, но постарайтесь его отыскать.

Через несколько минут на экране связи появилось изображение ошеломленного военного с нашивками суперофицера второго ранга.

— Добрый вечер, суперофицер, — вежливо поздоровался с ним Кэноэ. — Я принц первого ранга Три оэро-Кэноэ Кэвирноэрон. Я сейчас нахожусь в городе Гомзи и прошу вашего содействия в деле оказания помощи пострадавшим от землетрясения.

— Ваше высочество! — суперофицер на экране сделал поклон. — Чем я могу служить вам?

— Лучше всего вы сможете послужить мне, если предоставите ваши грузовые гравитранспортеры отряду быстрого реагирования для доставки помощи жителям отдаленных районов провинции.

— Но, ваше высочество! — в глазах суперофицера появился испуг. — Для подобной операции мне необходимо предварительно запросить командование. Я прошу вас подождать до утра, ваше высочество. Я обязательно…

— Суперофицер, — жестко сказал Кэноэ, стараясь выразить своим голосом неодобрение. — Вам напомнить пункт первый Устава территориальных войск?

— Территориальные войска служат Императору, Императорскому Дому и народу Империи…

— Достаточно! А теперь пункт третий.

— Территориальные войска обязаны защищать граждан Империи и приходить им на помощь…

— Достаточно! Теперь вы видите, суперофицер, что в силу Устава вы были обязаны, не дожидаясь санкции командования,

придти на помощь жителям провинции. А относительно вашего начальства… Могу ли я обещать суперофицеру поддержку вашего начальника?

— Можете, — невозмутимо подтвердил помощник губернатора. — Определенно, можете.

— Я понял! — суперофицер на экране поспешно сделал еще один поклон. — Что я должен сделать?

— Я полагаю, на этот вопрос вам лучше меня ответит начальник отряда быстрого реагирования, — с триумфом произнес Кэноэ. — Уважаемый, займите мое место. Вам слово.

— Я вынужден извиниться перед вами, ваше высочество, — смущенно сказал начальник отряда после того, как вопрос с транспортом был окончательно и благополучно решен. — Я полагал, что ваше прибытие принесет больше вреда, чем пользы. Я ошибся.

— Без обид, — рассмеялся Кэноэ. — Я и сам от себя не ожидал такой прыти. Просто я получил весьма разностороннее образование.

— Что же, если так пошло дело, вас не затруднит сделать еще парочку таких звонков? У меня было несколько намёток, относящихся к категории, так скажем, бессмысленных мечтаний. Но похоже, с вашим появлением они начинают обретать смысл…

Следующие несколько часов запомнились Кэноэ плохо. Наверное, все заслонило незнакомое чувство собственной нужности и значимости, так редко посещавшее его в течение всей его сознательной жизни. Это было ни с чем не сравнимое ощущение успеха, когда все задуманное удается, и всё вокруг работает как хорошо налаженный механизм. Таутинг виртуозно работал с аппаратом связи, за несколько минут находя любого абонента даже в другом полушарии, а как только возникала какая-то заминка, рядом тут же оказывалась Наарит со своей превосходной памятью и электронным блокнотом.

Где-то в середине ночи, когда он убеждал директора какой-то фабрики в 26-й провинции отгрузить пострадавшим от землетрясения десять тысяч теплых одеял, обещая ему включение их в план обязательных поставок, он почувствовал, что вот-вот заснет. И тогда словно по волшебству появился доктор Дроам, напоивший его и всех остальных специальным стимулятором, не вызывающим истощения организма и не имеющим побочных эффектов. От стимулятора отказался только Тень Гига, заявивший, что у него есть собственные способы сохранения концентрации.

Долгий зимний рассвет застал его за тем же аппаратом связи.

Только что поднятый с постели директор Института строительных конструкций в соседней провинции протирал заспанные глаза, но, тем не менее, достаточно твердо и уверенно обещал сегодня же отправить в Гомзи опытный образец разборного дома из теплоизолирующих материалов и производственную документацию.

— Как быстро ночь прошла! — начальник отряда потянулся, подняв вверх руки: усталость давала о себе знать, несмотря на стимулятор. — Вот и всё, ваше высочество.

— Всё? — Кэноэ с усилием оторвал себя от экрана. — Неужели – всё?

— Самое главное мы с вами уже сделали. Осталось только выполнить задуманное, а с этим уже мои подчиненные справятся сами. А вам пора отдыхать, ваше высочество. Видите, даже ваш телохранитель почти засыпает.

Тень Гига героически подавил в зародыше зевок.

"Караул устал", — вспомнилось откуда-то Кэноэ. Караул устал, значит, пора расходиться. Что же, это была ночь его триумфа, но она кончилась, как заканчивается рано или поздно все в этом мире.

— Тогда всего вам наилучшего, — сказал он начальнику отряда, соприкоснувшись с ним ладонями на прощание. — С вами было интересно работать.

— С вами тоже! Вы поработали здорово! Хотя, откровенно говоря, вы занимались здесь не своим делом.

— То есть? — Кэноэ холодно посмотрел на начальника отряда. — Вы полагаете, что доставать транспорт и одеяла было недостойным принца занятием?

— Что вы, что вы! — начальник отряда даже выставил вперед руки. — Благодаря вам будет спасено немало жизней! Просто я хотел сказать, вы ведь не сможете, да и не должны всякий раз, как на планете случится какое-нибудь бедствие, прибывать туда, чтобы лично заниматься решением подобных вопросов. По сути дела, чем мы с вами занимались, так это нахождением лазеек, позволяющих получить срочно необходимые вещи в обход неповоротливой государственной машины!

— Пожалуй, это в обыкновении нашего государства, — хмыкнул Кэноэ. — нагромождать себе препятствия, чтобы потом их героически преодолевать.

— Да. И получается в итоге и грустно, и смешно. Прямо как в анекдоте…

— Это там, где "ничего не поделаешь, всю систему менять надо"? — засмеялся Кэноэ.

— Да нет, — начальник отряда несколько секунд оторопело

смотрел на него, а потом и сам захохотал. — Однако, вы смело выражаетесь, ваше высочество!

— Вы тоже, — заметил Кэноэ. — Вы ведете себя удивительно вольно.

— Привычка, ваше высочество. Чего мне бояться? Не посадят же – не те времена на дворе. Ну, разжалуют в рядовые спасатели, так уже два раза так делали, потом опять восстанавливали. А если у начальства терпение совсем иссякнет, я все равно не пропаду. У моих родителей здесь, в горах, есть свое хозяйство. Не удивляйтесь, ваше высочество. В Метрополии это большая редкость, но кое-где еще встречается. Там, где создавать государственные фермы всегда считалось нерентабельным. На этом участке мой род трудится уже больше тысячи лет! И я знаю, что мне есть, куда возвращаться! Вот я и не боюсь говорить то, что считаю верным.

— Тогда желаю вам сохранить бесстрашие, — Кэноэ снова протянул ладонь для прощания. — Надеюсь, мы еще когда-нибудь увидимся.

— Кто знает, жизнь откалывает и не такие фортели, — начальник отряда спасателей попрощался с принцем как равный с равным и долго потом смотрел на закрывшуюся за ним дверь.

Посадочная площадка, вчера такая пустынная и почти заброшенная, была полна жизни. Чуть ли не каждую минуту на ней садился какой-нибудь транспорт – от небольших катеров до громадных грузовых лайнеров. Это в провинцию начала прибывать помощь со всех уголков планеты. Тучи уже полностью разошлись, над горами вставало солнце, а под ногами похрустывал тонкий ледок на многочисленных лужах.

Катер доставил его почти к самому лайнеру, но перед трапом Кэноэ задержался, любуясь оживленным портом, в пробуждении которого он принял самое непосредственное участие. Внезапно его внимание привлек только что опустившийся грузовоз с опознавательными знаками Особого Столичного Округа. Из его обширного чрева по наклонному пандусу стал выезжать массивный колесный транспортер, и в его кабине Кэноэ вдруг заметил светловолосую девушку, похожую на Кээрт. Он даже протер глаза, стараясь получше вглядеться, но грузовик уже повернул и стал удаляться от него, двигаясь в сторону выезда из воздушного порта.

Вздохнув, Кэноэ начал подниматься по трапу. Увидев светловолосую девушку, он вдруг понял, что соскучился по Кээрт. Он не знал пока, является ли его чувство к ней обычной привязанностью или чем-то большим, но ощущал, что последние

сутки что-то изменили в нем самом и в его отношении к окружающему миру. "Мы каждый день оставляем за собой прошлое", — вспомнились ему слова из прочитанной книги, и, кажется, он впервые мог применить эту фразу к самому себе.

Глава 55. Новая жизнь

Казалось, Кэноэ был готов к любым последствиям своей поездки в 38-ю провинцию… но только не к тому, что вышло на самом деле. За целый день, прошедший после его возвращения, никто даже не поинтересовался, где он был и что делал. Нет, конечно, нельзя сказать, что к нему вообще не проявили интереса: мама сказала ему, что гордится им, а повариха Нриант вообще смотрела на него с немым обожанием (как выяснилось, все ее родственники остались живы и здоровы, только один из братьев получил легкие порезы осколками стекла). Но мама и Нриант как бы не считались, а невнимание остальных жестоко задело Кэноэ. Даже Кээрт была где-то в отъезде, что весьма сильно его обидело.

В совершенном расстройстве чувств на следующий день он сбежал на прогулку в город, но и там не смог вернуть себе душевное равновесие. Даже любимые места казались скучными и обыденными, а слияние с толпой, ранее освобождавшее его от постоянного гнета избранности, больше не вызывало никаких положительных эмоций.

После 38-й провинции ему больше не хотелось прятаться в толпе, становиться одним из многих. Идея пришла к нему внезапно. "Весь Голодайчик только и говорит о вас", — сказал ему две с лишним дюжины дней назад Суорд. А адрес человека со штрафной карточкой, которого он спас от полиции, до сих пор настойчиво звучал у него в голове: Старый Город, Голодайчик, дом господина Грауха.

Прежде его не тянуло туда, но неожиданно вспыхнувшее желание поразило его своей настойчивостью. И Кэноэ, повинуясь его зову, направился в окраинный район, откуда отправлялись скромные неприметные автобусы без табличек, связывавшие Столицу со Старым Городом, которого официально не существовало в природе. Как и все прочие виды нелегального бизнеса, этот маршрут работал круглосуточно и без перебоев.

Автобус привычно петлял по неровной дороге между заводскими корпусами, а Кэноэ, зажатый в угол сиденья толстой теткой, о чем-то переговаривавшейся с соседкой сзади, чувствовал, как его решимость понемногу сходит на нет. Он неоднократно бывал в Старом Городе, но никогда не заходил дальше знаменитой барахолки, которую в Столице называли толчком. О лабиринтах улочек Старого Города рассказывали страшные вещи, но даже если не принимать во внимание заведомо неправдоподобные детали, все равно получалось, что в

тех местах, где каждый житель находился не в ладах с законом, очень не любили чужаков. Поэтому расспрашивать на улицах, где находится Голодайчик, а в нем – дом господина Грауха, вряд ли было разумным решением.

Но, как не странно, эта проблема разрешилась проще всего. Водитель автобуса, не моргнув глазом, за несколько монет передал Кэноэ неряшливо отпечатанную на копировальном аппарате схему, на которой был отмечен даже дом Грауха, очевидно, считавшийся какой-то местной достопримечательностью. Внимательно разглядев схему, чтобы заранее выучить маршрут, Кэноэ аккуратно сложил ее, спрятал в карман и свернул от шумной площади в нужный переулок.

Старый Город походил, скорее, на декорацию к фильму, чем на место, где живут люди. Относительно новые постройки соседствовали в нем с развалинами едва ли не трехсотлетней давности и обширными пустырями, поросшими бурьяном и пыльным кустарником. Выщербленные тротуары были усеяны камнями, обвалившимися с карнизов старых зданий, а на мостовой зияли ямы и глубокие трещины, из которых топорщилась жесткая трава. Над всем этим господствовал удушливый запах гниения, распространяемый огромными мусорными баками, неизменно заполненными до краев.

Однако это унылое место вовсе не производило впечатление необитаемого. Из окон верхних этажей тянулись веревки, на которых сушилось белье, где-то играла громкая музыка, на пустырях шумно гонялись друг за другом дети, а в подворотнях то и дело маячили легко и ярко одетые женщины или сидели на корточках молодые парни в черных спортивных штанах и разноцветных майках, провожающие Кэноэ подозрительными взглядами. Эти взгляды, казалось, обшаривали его с ног до головы, и Кэноэ чувствовал, что становится объектом какого-то недоброжелательного внимания.

"Еще два квартала прямо, — повторил он про себя маршрут. — Затем поворот направо и…"

— …И куда это он так торопится? — раздался поблизости глумливый голос.

Повернув голову, Кэноэ увидел, как к нему не спеша приближаются пятеро крепких молодых парней.

— Ты кто такой? — повелительно спросил один из них, одетый в невообразимо яркую рубашку из оранжевых, голубых, черных и желто-зеленых пятен.

— Не видишь, человек, — спокойно ответил Кэноэ.

"Человеком" на местном сленге, как он знал, звали фраера, чужака, не относящегося к криминальному миру, что, в общем,

соответствовало истине.

— Вижу, что не мужик, — ухмыльнулся главарь. — А чё ты здесь делаешь?

— Иду себе мимо, — Кэноэ настороженно следил, как пятерка окружает его полукругом, прижимая к стене разрушенного дома. — Ищу кое-что.

— И что ты ищешь?

— Общество трезвости! — отрезал Кэноэ.

Один из пятерых громко захохотал, но главарь цыкнул на него, и тот замолк.

— А проводники тебе не требуются? — плотоядно ухмыльнулся главарь.

— Может, и требуются, — Кэноэ отступил на пару шагов, на ровный и относительно гладкий участок тротуара. — Если сойдемся в цене.

Двое бандитов снова захохотали.

— Тютя, — ласково сказал главарь. — Цена обычная – все, что у тебя есть!

— Дороговато будет, — спокойно заметил Кэноэ.

Он уже успел прокачать бандитов и полагал, что из всей пятерки по-настоящему опасен только один – молчаливый длиннорукий парень, стоящий справа от главаря. Остальные могли всерьез угрожать ему только огнестрельным оружием, но его Кэноэ пока не замечал.

— Ишь ты, дороговато, — главарь уже откровенно играл на публику. — Так ты, оказывается, плохой человек. Жадный. Придется тебя немного поучить…

Он, не спеша, засунул руку в карман, но вынуть ее уже не успел. Кэноэ нанес удар первым, и главарь, получив мощный апперкот в верхнюю часть живота, буквально отлетел назад на несколько шагов и красиво врезался в мусорный бак. Длиннорукий, промедлив всего полсекунды, бросился в бой, но Кэноэ, опередив его, нанес ему в прыжке удар ногой в лицо, от которого бандит без чувств рухнул на землю. Кэноэ, приземлившись на руки после прыжка, в одно мгновение был на ногах и снова принял боевую стойку. Насчет первых двух он мог не беспокоиться – как учил его наставник, он бил так, чтобы отключать противника с первого удара, — но оставались еще трое.

Те словно окаменели. Мгновенный выход из строя двух вожаков, похоже, ошеломил их, но давать им время придти в себя Кэноэ не собирался. Он отработал на них, как на манекенах, потратив на три удара не больше четырех секунд.

Отряхивая штаны, Кэноэ не без удовольствия осмотрел поле

боя. Все пятеро неподвижно лежали в разных позах, и только главарь, уткнувшийся мордой в кучу мусора, слабо дергался, словно порываясь отползти в сторону. Проходя мимо, Кэноэ без размаха ткнул его носком ботинка в нервный узел, и главарь, резко дернувшись, затих.

— Возможно, это научит вас не тявкать на меня, когда я мирно иду по своим делам, — громко сказал Кэноэ, обращаясь не к поверженным бандитам, а к многочисленным зрителям – массе бледных лиц, словно ниоткуда появившихся за оконными стеклами и опасливо выглядывавших из подворотен.

Объясняться со всей этой толпой, в которой наверняка могли находиться сообщники побитых бандитов, не входило в его планы, и Кэноэ ускорил шаги, благо до цели оставалось всего два квартала.

Дом Грауха и в самом деле заслуживал того, чтобы быть отмеченным на схеме. Это было длинное серое шестиэтажное здание с рядами квадратных окон, будто поставленное сверху каким-то исполином прямо на развалины и пустыри. Из всего того, что видел Кэноэ в старом городе, этот дом был самым новым и по своему стилю (если здесь вообще было применимо это слово) резко контрастировал с окружающим.

На несколько секунд Кэноэ даже остановился – в такой махине могли жить сотни человек, и найти среди них одного, которого он, к тому же, не знал по имени, представлялось почти невозможным. Тем не менее, отступать было уже поздно, и Кэноэ уверенно потянул на себя массивную дверь, оббитую поцарапанным железом, и очутился в полутемном вестибюле.

Изнутри дом Грауха походил на маленькую неприступную крепость. Было заметно, что в нем постоянно готовы к встрече незваных гостей. Вестибюль от пола до потолка перегораживала массивная решетка, изготовленная даже не из стали, а из более прочного молочно-белого металлопластика. Чтобы попасть к широкому турникету, перегораживавшему единственный проход, посетителю надо было пройти не менее пятнадцати метров между этой решеткой и глухой стеной, выкрашенной в грязно-белый цвет. При этом сам он оказывался освещенным светом ярких ламп в колпаках из металлической сетки, а остальная часть вестибюля, заставленная массивной мебелью, терялась в полумраке.

Возле турникета в стеклянной загородке дежурил благообразный старичок в шапочке с козырьком, но приглядевшись, Кэноэ вдруг понял, что стекло в загородке не простое, а противоударное, выдерживающее даже выстрел из игломета.

— Вы к кому? — строго спросил старичок.

— Я ищу одну женщину… — начал Кэноэ, чувствуя себя несколько глупо.

— Здесь таких нет, — отрезал вахтер. — Веселый дом через квартал, налево.

— Вы меня не поняли, — высокомерно сказал Кэноэ. — Женщину, которую я ищу, зовут Хеле ка-Таанехт. У нее трое детей и сама она, насколько я знаю, ждет четвертого. Три дюжины дней назад она жила здесь.

— А что вам от нее надо? — старик не становился любезнее ни на грамм.

— Собственно говоря, у меня дело не к ней, а к ее мужу, — Кэноэ пока сохранял вежливость. — Я как-то помог ему выбраться из небольшой передряги и хочу узнать, как у него дела.

— Как зовут мужа?

— Не знаю. Мы с ним не успели познакомиться. Так у вас живет такая семья или нет?

Въедливый вахтер уже начал его злить.

— Так какое у вас все-таки дело? — старик оценивающе посмотрел на Кэноэ сквозь стекло. — Его вы не знаете, ищете через беременную жену… Да кто вы такой?…

В книгах, которые приходилось читать Кэноэ, подобная проблема обычно разрешалась с помощью пары некрупных купюр. Он даже полез в карман, но вдруг остановился. Предложив вахтеру деньги, он поступил бы недостойно, и вместо этого Кэноэ по внезапному наитию сунул руку в другой карман, нащупал свою настоящую личную карточку и медленно разжал ладонь. Золото и лазурь ярко блеснули в свете ламп.

— Вот мои документы! — тихо сказал Кэноэ, с интересом наблюдая за сменой чувств на лице вахтера: раздражение – удивление – недоверие – прозрение – страх и, наконец, глубочайшее изумление.

— Ваше… вашество… заплетающимися губами пробормотал старик, не отрывая глаз от голубой с золотым обрезом карточки. — Простите… Я никогда…

Лицо его побелело, и Кэноэ испугался, что тот грохнется в обморок. Но дедуля был крепок и благополучно пережил потрясение. Кажется, он попытался встать на колени прямо у себя в загородке.

— Тихо! — свистящим шепотом остановил его Кэноэ. — Не привлекайте излишнего внимания! Я бы хотел сохранить инкогнито. Так у вас проживают Таанехт и ее муж?

— А как же, ва… ваше… ство, — вахтер все никак не мог придти в себя. — Выходит, правду Кмалорн говорил. А я, дурак старый…

— Его зовут Кмалорн? — успокаивающим голосом уточнил Кэноэ. — Где мне его найти?

— По лестнице, — вахтер слабо махнул рукой себе за спину. — Третий этаж, комната 330. Дома они сейчас. Ах, беда какая… Теперь мне никто не поверит… И никого рядом, как нарочно!…

— А вы привирайте побольше. Может, тогда поверят.

Кэноэ прошел через турникет и, обогнув загородку вахтера, стал подниматься по широкой и относительно чистой лестнице. В конце пролета он едва не столкнулся с молодой женщиной, спускавшейся вниз. Она внимательно посмотрела на него, но прошла мимо, не оглянувшись.

На третьем этаже Кэноэ оказался в длинном коридоре со множеством дверей. Это был жилой коридор: за приоткрытой дверью виднелась большая кухня, из которой тянуло жареным, слышались неразличимые голоса, приглушенная музыка, а где-то впереди шумно ссорились с бросанием на пол различных предметов.

Из-за двери с табличкой? 330 не раздавалось никаких звуков. Легонько постучав и получив ответ, Кэноэ решительно толкнул дверь и оказался в небольшой комнате, разделенной выцветшей полотняной занавеской на две части. Прямо напротив него беременная женщина средних лет, сидя за небольшим покосившимся столом, кормила из пластиковой миски девочку лет трех. Еще одна девочка, постарше, сидела рядом, опустошая вторую миску. У дальней стены, возле полуоткрытого окна, затянутого сеткой, стояла трехъярусная кровать из некрашеного дерева, сверху свисала на шнуре электролампочка. Больше в этой части комнаты ничего не было.

"На редкость чистая нищета", — вспомнилась Кэноэ фраза из какой-то книги. В комнате, действительно, было очень чисто, пол из неровных крашеных досок был тщательно вымыт, а у порога лежала влажная тряпка.

Женщина вопросительно посмотрела на Кэноэ, но тут занавеска распахнулась, и навстречу гостю вышел темноволосый мужчина, торопливо застегивающий рубашку. Кэноэ узнал его сразу, хотя до этого видел его всего несколько минут и больше двух дюжин дней назад. Глаза мужчины расширились от удивления – он тоже узнал Кэноэ.

— Вы? — изумленно пробормотал он, делая медленный поклон. — Ваше?…

— Мое, мое, — добродушно кивнул Кэноэ. — Вас зовут Кмалорн, верно?

— Верно, — мужчина уже справился с волнением. — Хеле,

дорогая, это тот человек, который выручил меня во время облавы…

— Ваше высочество! — женщина поднялась из-за стола и сделала неглубокий поклон, разрешенный в ее положении. К удивлению Кэноэ, она исполнила его совершенно правильно, будто придворная дама. — Мы рады приветствовать вас в нашем скромном жилище!

Вместе с матерью поклонились и дети, сделав это с трогательной серьезностью. Кэноэ наклонил голову им в ответ.

— Я много… думал о вас, — медленно сказал он, с трудом подбирая слова. — Когда живешь во Дворце, просто не видишь… некоторых вещей. После той… встречи я чувствую… что-то вроде ответственности за вас. Я хотел бы лучше узнать вас… узнать, как и чем вы живете… Может быть, чем-то помочь…

— Мы благодарим вас за заботу, ваше высочество, — Кмалорн уже совсем не походил на того несчастного, что рыдал от бессилия во время полицейской облавы. — Но мы неплохо справляемся и сами. Благодарение Небу, у меня хорошая работа, начальник меня ценит и даже готов взять на постоянную должность после моей… легализации. Если Небо сохранит нас, через четыре или пять дюжин дней я смогу стереть штрафную отметку в карточке и получить разрешение на проживание и работу… Мой младший сын, когда родится, будет уже столичным жителем… Мои старшие дети ходят в школу, там работают прекрасные люди, настоящие подвижники, они дадут им хорошее образование. Нам ничего не нужно, ваше высочество. Деньги? Они не бывают лишними никогда, но я умею зарабатывать их и сам. Конечно, я бы не отказался получить сейчас чистую личную карточку, лучшую работу, маленькую квартирку где-то в Столице. Но разве это в вашей власти?

— Не в моей, — покачал головой Кэноэ. — В этом мире вообще поразительно мало вещей, которые были бы в моей власти. Вы правы. Я не в силах сделать для вас что-либо реальное… Я только вчера прилетел из 38-й провинции. Там мне удавалось все, я был почти всемогущим… Наверное, мне нужно было попасть к вам, чтобы вернуться в привычный мир. Где я не могу сделать почти ничего…

— Не печальтесь, ваше высочество, — в голосе Хеле послышались материнские интонации. — Вы хотели что-то сделать, а это главное. Может быть, в будущем вам как-то удастся помочь всем нам…

— Может быть, — прошептал Кэноэ.

Этот разговор стал его тяготить. Он чувствовал нарастающую неловкость, но тут в комнату ворвался без стука маленький

ураган, который оказался вихрастым мальчишкой лет четырнадцати.

— Что я видел, что я видел! — затараторил он с порога, не обращая внимания на гостя. — Там один парень – всю банду Кривули положил! Каждого – только так! Одним ударом! А самого Кривулю в мусорный бак запихнул!… Ой! Это вы!… Вы к моему папе пришли, да?! А где вы научились так классно драться?!

— Учитель был хороший, — усмехнулся Кэноэ. Заводной мальчишка ему нравился.

— Грини, поздоровайся, — одернул мальчика отец. — Это его высочество принц Кэноэ. Помнишь, я рассказывал? Тот, кто вытащил меня из облавы.

— Ух ты! — мальчик сделал быстрый поклон, не сводя глаз с Кэноэ. — Так вы настоящий принц? Я так и думал, что вы – совсем особенный, вы так классно им надавали!…

— Ваше высочество! — Хеле снова сделала неглубокий поклон. — Мы мало чего можем предложить, но вы не побрезгуете разделить с нами трапезу?

— Ни в коем случае! — Кэноэ с благодарностью опустился на предложенный ему колченогий стул. — Но раз я уж пришел в гости с пустыми руками, я бы хотел вам предложить купить что-то, приличествующее случаю.

С этими словами Кэноэ протянул Кмалорну две сложенные пополам полусотенные банкноты – наверное, немногим меньше его заработка за декаду.

— Как вам будет угодно, ваше высочество, — Кмалорн взял деньги и протянул их сыну. — Грини, сбегай в лавку на первый этаж! Скажи, что для особенного гостя.

— Ага, — кивнул мальчик, но так и не тронулся с места. — Ва… ваше высочество, — несмело обратился он к Кэноэ. — А можно, я приведу пару своих приятелей? Они никогда не видели настоящего принца. А если я расскажу, так они не поверят и будут считать меня выдумщиком…

— Можно, — улыбнулся Кэноэ. — Сегодня – все можно…

Маленькая комната была переполнена людьми. Он сам не заметил, как это случилось – просто за детьми приходили их родители, а те, в свою очередь, прокладывали путь для знакомых или соседей. Просто в какой-то момент Кэноэ понял, что обсуждает достоинства запрещенных стихов Лаунимегле со стариком-вахтером и одновременно слушает жалобы о том, как трудно прожить в Старом Городе молодой красивой женщине, чтобы не оказаться на панели или в шоу, что почти одно и то же,

и откуда можно уйти только в смерть…

Вообще, он больше слушал, чем говорил сам. Он был первооткрывателем, пытливым исследователем целого неизвестного ему мира, который больше двух веков существовал в тени благополучной и кичливой Столицы. Столичные министерства и учреждения, благоденствующие и разрастающиеся с каждым годом, исполинским пылесосом втягивали в себя людской поток, захватывая в свою орбиту и многомиллионный слой детей заводских рабочих, ищущих лучшей доли для своих сыновей и дочерей. Но на место тех, кто оставлял станки и конвейеры ради министерских коридоров, приходили новые, только что вырвавшиеся с каторги полурабского труда на комбинатах продовольственного пояса. Те же, в свою очередь, освобождали места для молодых провинциалов, ищущих в Столице нет, не карьеры и фортуны, а только иной судьбы для своих детей и внуков и смутной надежды выбраться из привычного круговорота для самих себя…

Он был никто в этом мире – чужак, временный гость, пришелец извне, привилегированный столичный житель, с рождения обладающий всеми теми правами, ради надежды получить которые эти люди обрекли себя на годы нищеты и унижений. Все, что он мог, — это выслушивать их страшные в своей обыденности рассказы о вечном страхе перед высылкой, интригах и доносах, бессовестных хозяевах, постоянном терроре со стороны уголовников, бесправии и безответности и опять о вечном, непреходящем, неуничтожимом страхе…

— Послушайте, — сказал он им. — Я чужой, я не в силах понять вашу жизнь до конца – для этого мне надо было прожить ее рядом с вами – но я не могу понять одного: почему вы все так одиноки, запуганы и пассивны?! У вас хватило мужества, чтобы оставить за спиной прежнюю жизнь, почему же вы так сильно боитесь здесь? Почему те пятеро, которых вы называете бандой Кривули, были хозяевами всего района? Я ведь так легко справился с ними всеми. Почему этого не смог сделать никто из вас?

— Вы не здешний, — подал голос кто-то невидимый за рядами молчаливо и исступленно ждущих лиц. — У вас нет здесь ни семьи, ни детей, вы не знаете, что такое – трястись от каждого стука в дверь. Они сильны. Их пятеро. Что я могу против них сделать один?!

— И вы говорите это здесь?! — с горечью спросил Кэноэ. — Посмотрите вокруг! Вас так много, даже в этой комнате! Ваша беда в том, что вы чувствуете себя одинокими даже среди людей! Научитесь же объединяться! Помогите своему соседу, чтобы он

помог вам. И не бойтесь, слышите, не бойтесь! Страх и одиночество – вот что притягивает к себе несчастья и невзгоды!

В эти минуты он, казалось, смотрел на себя со стороны и удивлялся неожиданному повороту событий. Он, принц Императорского Дома, окруженный десятками взирающих на него с надеждой и верой людей, произносит проповедь о единстве, словно революционер в запрещенном романе! Это было так странно, так чудно, что он чуть не рассмеялся в голос.

— Вам хорошо говорить! — громко закричала вдруг женщина, стоящая почти в дверях. — Вам легко ничего не бояться! А что делать мне, если мой муж пострадал во время аварии на заводе и до сих пор не встает с постели?! Я живу здесь, в комнате? 337, и за неуплату нас всех грозят выкинуть на улицу! Что делать мне, я спрашиваю?!

— Я не знаю, — Кэноэ поднялся с места. — Наверное, надеяться на помощь других людей. Пусть кто-нибудь проведет меня к тому, кто принимает здесь решения. В вашем мире я могу немногое, но я постараюсь сделать все, что могу! И помните: не бойтесь и держитесь друг за друга! Только так вы сможете сделать вашу жизнь достойной!

На пути к выходу его на несколько секунд задержал Кмалорн.

— Ваше высочество, — прошептал он, глядя на Кэноэ полными восхищения глазами. — Вы сказали людям именно то, что им необходимо было услышать! Даже если вы больше не вернетесь сюда, мы будем помнить вас. Но и вы не забудьте нас и наших бед, когда станете Императором…

— Скорее всего, я никогда им не стану, — махнул рукой Кэноэ. — Но может быть, это и к лучшему. Император – это всегда где-то наверху, он как Небо, которое одно на всех и которому почти нет дела до отдельных людей. Пусть уж лучше я останусь тем, кем я есть сейчас…

И уходя, он слышал за спиной неясный многоголосый шепот:

— Да благословят вас Звезды…

Владелец дома господин Граух, которого Кэноэ представлял жадным стариком с цепкими костлявыми пальцами, оказался молодым человеком, может быть, даже не разменявшим четвертой дюжины лет. На Кэноэ он смотрел с уважением, но без подобострастия.

— Я польщен вашим визитом, ваше высочество, — с легкой усмешкой поклонился он Кэноэ. — Разрешите догадаться о том, что послужило причиной вашего появления в моем скромном кабинете? Вы пришли просить за неплательщиков из 337-й, верно?

— У вас налаженные источники информации, — холодно заметил Кэноэ. — Очевидно, в этом доме стены имеют не только уши, но и глаза.

— Положение обязывает, ваше высочество. Как добросовестный собственник, я обязан знать, что у меня происходит.

— Собственник? — насмешливо приподнял бровь Кэноэ.

— Да, собственник. Конечно, мне известно, что по нашим законам частные лица не могут владеть целыми домами, но, тем не менее, это здание является моей собственностью так же точно, как если бы это значилось в Имперском кадастре.

— Ладно, оставим эту любопытную тему, — Кэноэ снова подбавил холода в свой голос. — Итак, вы знаете причину моего появления в вашем кабинете. Единственное, что меня здесь не устраивает, это произнесенное вами слово "просить".

— Ах, да. Прошу прощения, ваше высочество. Я забыл. Принцы не просят. Они приказывают.

— Снова неверно. Я не имею власти над вами и не могу вам приказывать. Но, скажем так, настойчиво рекомендую.

— Со всем почтением, я вынужден отклонить вашу рекомендацию, ваше высочество.

— Что?! — Кэноэ не был готов к такому повороту событий. — Вы отказываетесь?!

— Отказываюсь. Но позвольте объяснить, — Граух миролюбиво вытянул вперед ладони. — Я понимаю, ваше высочество, вам нелегко это понять, но этот дом – мой. Он выстроен на мои деньги, я один, лично, несу расходы на его содержание. Я должен платить полиции, чтобы она не трогала моих постояльцев, крыше, чтобы мой дом оставили в покое, различным службам за электричество, воду и все прочее. На все это уходит очень много денег. А ведь я, как бизнесмен, еще хочу получить что-то для себя, возместить расходы на строительство, а затем – построить еще один такой дом. Я не могу прощать долги, ваше высочество. Это означало бы создать прецедент, и вместо одного неплательщика у меня появится дюжина!

— Что же, значит, для вас главное – деньги? — презрительно спросил Кэноэ. — Сколько они вам задолжали? У меня достаточно денег, чтобы покрыть эту сумму.

— Я не возьму у вас деньги, ваше высочество, — Граух твердо смотрел в глаза Кэноэ, не отводя взгляда. — Это означает создать еще один прецедент. Как только вы погасите долги одного квартиросъемщика, у вас тут же появится куча новых нахлебников. Вы хотите этого?

— Я хочу помочь людям! — жестко сказал Кэноэ. — И в

частности, тому человеку, который не может заплатить за комнату в вашем доме, так как получил ранение при аварии!

— Понимаю, — кивнул Граух. — Но этот человек уже две декады как здоров. Ему не повезло – он потерял прежнюю работу и не может найти новую. Я надеялся, что он снова начнет зарабатывать, но я не могу бесконечно "входить в положение". Они не платят уже пять декад – это больше полутора сотен! Кстати, ничего страшного с ними не случится. В Старом Городе полно ночлежек, где можно устроиться за впятеро меньшую сумму, чем здесь. Просто люди хотят жить у меня, несмотря на дороговизну, потому что в моем доме поддерживаются чистота и порядок. Что же, те, кто не могут платить, должны уйти. Между прочим, я не собираюсь скачивать с них долг любой ценой.

— Это как? — мрачно спросил Кэноэ.

— Многие домовладельцы в Старом Городе забирают в залог детей, — нехотя сказал Граух.

— Детей?! — возмутился Кэноэ. — Для каких целей?!

— Для… всяких, — пробурчал Граух. — Я этого не практикую. Кстати, из-за этого мне приходится платить крыше больше, чем другим.

— Благодетель, — фыркнул Кэноэ.

— Да, в определенных пределах, — Граух был совершенно серьезен. — Я деловой человек, ваше высочество, а значит, обязан соблюдать сложившиеся здесь законы, какими бы жестокими и несправедливыми они не казались. Понимаете, для меня это единственная гарантия, что и другие будут уважать мои права, которые вытекают из тех же законов. Это система, ваше высочество. Ни вы, ни я ничего не можем с ней поделать.

— Прямо как в анекдоте, — невесело хмыкнул Кэноэ. — Знаете, приходит слесарь латать водопроводные трубы. В одном месте починит – в другом прорвет. Там починит – глядит, опять где-то прохудилось. Упарился весь и говорит: "Тут уж ничего не поделаешь, всю систему менять надо!"

— Верно, ваше высочество, — Граух так же невесело засмеялся. — Но пока, если вы что-то хотите сделать, вам придется действовать в рамках существующей системы.

— Сделать? — переспросил Кэноэ. У него вдруг возникла идея. — Скажите, а в вашу систему впишется такой вариант, когда каждый из ваших жильцов станет дополнительно платить, скажем, по полдюжины монет в декаду, а в обмен, если потеряет работу, получит гарантированное пособие, допустим, на срок в пять или шесть декад?

— Впишется, — медленно сказал Граух, глядя на Кэноэ с неподдельным интересом. — Разрешите, ваше высочество? Я

должен отнестись к вашему предложению со всей ответственностью.

Он достал из ящика стола калькулятор и начал что-то подсчитывать на нем, то и дело задумчиво глядя на потолок.

— Резон здесь есть, ваше высочество, — наконец сказал он. — Но мне нужно посоветоваться кое с кем из знакомых. В одиночку мне это не осилить. Разрешите провести встречу в вашем присутствии?

— Разрешаю.

Кэноэ с интересом наблюдал, как Граух готовит большой стационарный аппарат связи к проведению видеоконференции. Через несколько минут экран осветился, и на пяти из девяти квадратов, на которые он был разделен, появилось изображение. Еще один квадратик оставался темным, как и три других, но мигающий огонек в углу показывал, что связь есть, просто абонент желает остаться невидимым.

— Господа, — деловито сказал Граух, когда все приготовления были закончены. — Для начала, хочу представить вам присутствующего здесь принца первого ранга Тви оэро-Кэноэ Кэвирноэрона, племянника самого Императора.

— Настоящий принц? — с восторгом спросил самый молодой из участников конференции, крепкий парень в полурасстегнутой светлой рубашке. — Где вы его взяли, Граух?

— Сам пришел, — Кэноэ достал из кармана свою личную карточку и поднес ее поближе к глазку камеры. — У вас есть еще вопросы, господа?

Это подействовало. Выражение любопытства на их лицах сменилось удивленно-уважительным. Все пятеро наклонили головы, более-менее чисто исполнив так называемое далекое приветствие, принятое во время видеосвязи.

— Его высочество преследует благородную цель улучшить жизнь в Старом Городе, — торжественно заявил Граух. — Но при этом он стремится соблюсти и наши интересы.

В нескольких фразах он сжато изложил предложение Кэноэ.

— А, страховая схема, — сказал молодой, но совершенно лысый мужчина на одном из экранов. — Старая идея. За нее брались несчетное число раз, но все рушилось, как только поднимался вопрос о доверии и гарантиях.

— Да, но сейчас у нас есть поддержка принца Императорского Дома, — напомнил Граух.

— Это несколько меняет дело, — послышался голос с затемненного экрана. — Но согласитесь ли вы, ваше высочество, выступить нашим гарантом? Это означает, что вы поручитесь своим именем за то, что мы будем выполнять взятые на себя

обязательства.

— А вы собираетесь их выполнять? — прямо спросил Кэноэ.

— Ваше высочество, вы, наверное, не слишком хорошо представляете себе наш бизнес, — немного обиженно разъяснил невидимый участник. — Мы можем заниматься небольшим обманом, можем слегка надувать публику – кто не без греха? Но дав слово друг другу, мы будем его держать. Иначе мы просто не смогли бы вести здесь дела. Во многих случаях честное слово – это единственное обеспечение, которое мы можем дать.

— Если вы согласитесь стать гарантом, это будет означать, что вы станете как бы хранителем наших обязательств, — добавил лысый. — Таким образом, мы будем держать слово не только друг перед другом, но и перед вами. Это намного сильнее.

— Кроме того, это будет хорошо восприниматься публикой, — усмехнулся молодой. — Одно дело – слово нескольких, пусть даже уважаемых бизнесменов, и совсем другое – гарантия принца Императорского Дома.

— Хорошо, — кивнул Кэноэ. — На тех условиях, которые были здесь высказаны, я готов дать вам согласие быть гарантом вашего предприятия, если оно будет преследовать исключительно заявленные мною цели.

— Слово сказано, — хрипло каркнул самый старший из присутствующих, насупленный старик с длинными седыми волосами. — Теперь очередь за делом.

— Я могу считать, что вы в игре, Лиолз? — быстро спросил Граух.

— Не так быстро. Все вы, молодые, вечно торопитесь… Такие дела необходимо сначала просчитать. С одной стороны, взносы должны быть достаточно низкими, чтобы создать массовость…

— Массовость будет, не волнуйтесь, — заметил лысый. — Местный народ дико боится потерять работу.

— …С другой стороны, нам необходимо отвадить сразу всю голытьбу, которая не работает, а мотается по кабакам…

— Какие проблемы? — усмехнулся Граух. — Введем дифференцированные взносы, и всего делов.

— Это значит, создавать базу данных, — просипел старик. — Снова расходы.

— Единовременные, — включился в разговор до этого молчавший интеллигентного вида молодой человек в черной рубашке. — Потом поддерживать ее – это не так сложно.

— Господа, господа, — снова послышался голос невидимого участника. — Все это частности, которые потом можно будет решить в рабочем порядке. Давайте договоримся о главном. Кто в деле? Вы, Граух, как инициатор, Труамн, Кхел, Саа?

Молодой, лысый и человек в черной рубашке согласно кивнули.

— Баарихт?

— Играю, — последний участник конференции согласно наклонил голову.

— Лиолз?

— Я пока воздержусь, — проворчал старик. — Может быть, присоединюсь попозже.

— Я тоже в деле, значит, нас шестеро. Как делим?

— Поровну, — сказал Граух. — И по три четверти пая для тех, кто присоединится до конца года.

— Полный пай, — предложил старик. — С условием равной доли расходов. Все равно, прибыли в ближайшие года два вы не увидите.

— Хорошо, — кивнул Граух. — Теперь управление. Предлагаю по одному директору от каждого из нас.

— Идет, — сказал лысый. — Ладно, руководишь ты, раз уж начал. Но вы согласитесь, ваше высочество, стать у нас почетным председателем? Для порядку.

— Я готов, — Кэноэ с интересом посмотрел на собеседников. — Но учтите, раз вы привлекаете меня к делу, я требую, чтобы меня по-настоящему держали в курсе. И хочу, чтобы вы не забывали: главная цель этого предприятия – не получение доходов, а улучшение условий жизни людей!

— Мы принимаем ваши условия, ваше высочество, — Граух с уважением наклонил голову. — Кстати, если наше предприятие завершится успехом, мы и в самом деле изменим жизнь в Старом Городе. У рабочих появится страховка, и они будут меньше зависеть от милости своих хозяев.

— Нужно прикинуть, кто еще может быть против, — проворчал лысый. — Однозначно – ростовщики…

— Это все – частности, — прервал его голос с погашенного экрана. — Я думаю, более предметный разговор можно будет повести, скажем, завтра, идет? Давайте дадим название нашему новому предприятию, чтобы символизировать его основание, и вернемся к своим текущим делам.

Около минуты стояла тишина.

— В нашей державе одна страховая компания уже есть, — вдруг сказал молодой. — Она так и называется – государственная. А мы назовем свою Императорской! "Императорская страховая компания". Вы не возражаете, ваше высочество?

Кэноэ, естественно, не возражал.

— А вы интересный человек, ваше высочество, — заметил Граух, когда экран связи погас и конференция завершилась. — С

моими жильцами вы разговаривали на одном языке, с нами – совсем на другом. Вы умеете говорить с людьми именно так, чтобы к вам прислушивались. Наверное, вас этому учили?

— Учили? — удивленно переспросил Кэноэ. — Такому – определенно, нет. Мне кажется, все люди разные, и с каждым поэтому нужно говорить чуточку по-другому. Никогда об этом не задумывался…

Внезапно браслет на его руке издал несколько прерывистых писков.

— Увы, но мне надо возвращаться, — со вздохом сказал Кэноэ. — Скажу, мне было интересно общаться с вами и вашими… знакомыми. Раньше я редко встречал людей, подобных вам. В вас чувствуется уверенность в себе и совершенно не заметно страха. Интересно, вам придает силы ваша собственность?

— Скорее, привычка рассчитывать только на себя. А насчет собственности… Вы разрешите мне доставить вас на моем собственном гравикатере?

— Это будет весьма кстати. Кажется, мне надо здорово поторапливаться.

Еще бы не поторопиться, когда вызывает сам Император, пусть он и приходится родным дядей. Кэноэ шагал по коридорам Дворца, чувствуя нарастающий дискомфорт. Ему было жарко, церемониальный плащ так и норовил коварно обмотаться вокруг ног, парадная портупея была плохо подтянута и раздражающе звякала в такт его шагам. Однако хуже всего была неизвестность. Все семейные проблемы дядя решал, как правило, просто, по-родственному, и официальный вызов явно означал что-то необычное и, наверняка, неприятное. Очевидно, его вояж в 38-ю провинцию должен был повлечь за собой не простую нахлобучку, а нечто похуже.

Проклятый надзорник! Отомстил, все-таки! Кэноэ чувствовал, что боится неизбежного наказания. Ему было стыдно за этот страх, но он ничего не мог поделать с собой, что было особенно неприятно.

— Привет, Кэно!

Негромкий мелодичный голос – словно луч света в хмуром царстве пасмурных дум. Кээрт! Вернулась!?

— Привет, рад тебя видеть. Ты сегодня такая красивая.

Дежурный комплимент, но соответствующий истине. Как всегда.

— А ты – такой нарядный.

— Есть причина.

— О тебе так много говорят, — хитро прищурилась Кээрт. — Может, расскажешь? Или я тебя задерживаю?

— Пожалуй, нет.

Все равно, конкретного времени на аудиенцию ему не назначили, а ждать придется в любом случае.

— Итак, все случилось позавчера утром, — начал он, — увлекая Кээрт в боковой коридорчик, где их никто не должен был побеспокоить. — За завтраком моя мама заметила, что наша повариха Нриант сама не своя…

Вначале он старался говорить в юмористическом тоне, каким он обычно описывал Кээрт свои похождения, но у него ничего не выходило. Незаметно он перестал смеяться и острить, а излюбленные им длинные и детальные описания сменились скупыми точными фразами. Он сам удивлялся происшедшим с ним переменам и даже немного пугался их, зато все прочие страхи исчезли словно сами собой. Действительно, зачем ему бояться, если он не совершил ничего такого, чего можно было стыдиться?

— Спасибо, — тихо поблагодарила его Кээрт. — Ты молодец.

— И тебе спасибо, — сказал Кэноэ. — Знаешь, мне надо было рассказать кому-то, чтобы лучше понять…

— А ты изменился, Кэно, — произнесла вдруг Кээрт со странной интонацией. — Ты будто повзрослел.

— За два дня? — засомневался Кэноэ.

Ему не хотелось признаваться самому себе, что он и в самом деле изменился.

— А для этого не нужно много времени. Просто раньше для тебя все было каким-то не совсем настоящим, не взаправдашним. А теперь все по-иному. Ты начал жить по-настоящему, Кэно.

— Да? — пробормотал Кэноэ.

Сам он не был в этом так уж уверен. Он не рассказывал Кээрт о своих сегодняшних приключениях, и история с "Императорской страховой компанией" казалась ему сейчас авантюрой, из которой никак не могло получиться что-то стоящее.

— Ладно, Кэно, — Кээрт взяла его за руки. — Иди. И ничего не бойся. Ты сделал то, что должен был сделать, так пусть свершится то, чему суждено.

Интересно, уже и Кээрт стала выражаться цитатами из книг?…

…А к Императору его пропустили почти сразу же. Исполняя сложное ритуальное приветствие, Кэноэ украдкой оглядывал зал для малых аудиенций. Все, ну, абсолютно все было так, как того требует порядок. Даже Большую Печать извлекли из сейфа, и

специальный служитель держал ее на шелковой подушечке.

Это в случае чего – топором не вырубишь. Амба. Истина в последней инстанции.

Император был трезв, что для этого времени суток было весьма редким явлением, и Кэноэ еще не решил, считать это хорошим предзнаменованием или нет.

— Нам доложили о вашей поездке в 38-ю провинцию, — сказал Император своим негромким глухим голосом.

Ну вот. Началось.

— …Управление Двора представило отчет, в котором дана высокая оценка вашим действиям…

Вот это сюрприз! Ай да Меркуукх! Так что, выходит…

— …От нашего имени Мы подтверждаем все данные вами обещания и обязательства…

Здорово! Это такая гора – с плеч! Но впредь надо будет обещать поменьше и поосторожнее…

— …Вы достойно представляли Императорский Дом, принц Кэноэ, но Мы полагаем, вам следует остепениться…

Оп-па! Таки не обошлось без неприятностей.

— …Мы считаем, вам пора жениться…

Что?!!

— …Вы и ваша невеста, принцесса второго ранга Кээрт, предстанете перед Звездным Алтарем в канун праздника Спелых Ягод…

Это же через две декады! Не надо! Я не готов!… Подождите!… Спа…

— …Принц Тви оэро-Кэноэ Кэвирноэрон! (встать на одно колено, взор упереть в подножие трона) Получите Императорский рескрипт о женитьбе!

С лязгом щелкает Большая Печать. Которую топором не вырубишь. Теперь все.

А может быть, жениться на Кээрт – это не так уж и плохо?…

Глава 56. Бессмысленность сбывшейся мечты

Темнота застала их на узкой лесной дороге. Дождь то прекращался, то снова начинал моросить, ноги скользили по мокрым листьям, и настроение Либсли Ворро окончательно опустилось ниже нулевой отметки. Как обычно в такие минуты, он был раздражителен, ворчлив и зол на весь мир вообще и Кисо Неллью – в особенности.

— И дернул тебя черт выбрать эту дорогу, — вполголоса ругался он, шлепая по лужам. — Завел в самую глушь, тут тебе ни обсушиться, ни согреться, даже остановиться и пожрать – и то негде.

— А кто предложил перебираться на этот берег Сае? — попытался восстановить справедливость Неллью. — Нас же предупреждали – не углубляться в этот район. Где-то поблизости сел корабль пришельцев.

— Какие еще пришельцы? — проворчал Ворро. — Уже целый день топаем, и где они – эти твои пришельцы? Или, по-твоему, надо было топать лишние пятьдесят километров в обход? Скажи лучше, когда мы до этого города доберемся?

— Не города. Карама – только поселок городского типа.

— Да какая мне разница?! — взорвался Ворро. — Где он, черт его побери?!

— Здесь, здесь, — усмехнулся Неллью. — Не ори. Дошли уже.

Деревья незаметно расступились в стороны, и на фоне темного осеннего неба впереди появились черные очертания двух зданий без крыш. В поселке не пробивалось ни одного огонька, но это не слишком беспокоило таких опытных путешественников, как Ворро и Неллью. Какими бы сильными не были разрушения, относительно сухое и защищенное от ветра место для ночлега они отыщут.

К утру небо постепенно прояснилось. Дождь перестал, но его сменил пронизывающий холод, от которого не спасали ни одежда, ни пластиковые полотнища.

— Вот и догнала нас зима, — грустно сказал Неллью, выбираясь из их убежища – покосившегося сарая с дырявыми стенами, но зато почти не протекающей крышей.

— Догнала, догнала, — проворчал Ворро, лязгая зубами. — Ты лучше поищи тут каких-нибудь дровишек – надо костер развести.

Неллью огляделся по сторонам в поисках чего-нибудь посуше, что могло бы сойти за растопку, ничего не нашел и вышел на улицу через тот же пролом в заборе, через который они вчера вечером попали в этот дворик на краю разрушенного поселка. Ближайшее к нему здание вряд ли могло чем-то помочь в поисках сухого топлива: как они убедились еще вчера, от него осталась только пустая коробка из трех стен с остатками перекрытий.

Обогнув угол здания, Неллью удивленно присвистнул. Поселок был не просто разрушен, его долго и старательно ровняли с землей, пока не добились этой жутковатой цели. Перед ним лежало одно громадное пожарище, покрытое, словно коростой, лепешками грубо спекшегося шлака. Уцелевшие оплавленные остовы домов щерились черными провалами окон, а на бывших улицах торчали, будто оплывшие свечи, огрызки бетонных столбов.

Все, что могло гореть, уже сгорело здесь дотла, и Неллью вернулся в сарай с пустыми руками. И был встречен там теплым запахом дыма. Ворро, сидя на корточках, кормил с рук щепочками крохотный огонек, робко выглядывающий из груды грубо обломанных полусырых досок.

— Я так и знал, что ты ничего не отыщешь, — Ворро засунул в костерок еще одну щепку. — Пришлось снова использовать наш "Атлас автомобильных дорог…".

— Так мы его совсем сожжем, — печально сказал Неллью. Он любил книги, а так много и хорошо послуживший им атлас стал для него чем-то почти родным.

— Ничего, — Ворро махнул рукой. — Я взял пару страничек с северной границей, они нам точно не понадобятся. Да ты не стой, доставай пока лучше припасы…

Завтрак и, особенно, кипяток с разведенным в нем ягодным джемом придал им силы. Даже погода уже перестала казаться столь отвратительной.

— Идем дальше? — озабоченно спросил Неллью, упаковывая вещи. — Мне что-то здешние места сильно не нравятся. Знаешь, мы с тобой за последний месяц многое повидали, но с таким я еще не встречался. На этот поселочек просто клали бомбу на бомбу! Я чувствую, пришельцы где-то близко. Совсем близко.

— Ну и что ты предлагаешь? — буркнул Ворро, застегивая рюкзак. — Возвращаться обратно?

— Нет. Этот поселок находится на берегу небольшой реки. Давай не будем переходить за нее, а пойдем вдоль. Где-то к вечеру выберемся на шоссе А-34 на Декуар.

— Слушай, Кисо, — поморщился Ворро. — Мы с тобой

специально свернули с точно такого же шоссе, чтобы не смешиваться с толпой. Мы отыскали хорошую прямую дорогу, которая ведет нас прямо к дому. И теперь опять идти кружным путем только из-за страха перед пришельцами? В воздухе они, да, чертовски опасны, но только не для двух путников, избегающих скоплений народа!

— У них есть еще и танки, — напомнил Неллью.

— Ну да. А ты их хоть раз видел? То-то же. И с кораблем пришельцев может быть то же самое. Где-то он, может, и сел, но почему обязательно здесь? Его что, тоже кто-то видел? Мало ли, какие байки рассказывают! Ладно, пошли. Дни все короче, а топать еще до черта!

Неллью молча покорился. Когда Ворро принимал решение, переубедить его было уже невозможно. Взваливая на плечи рюкзак, Неллью еще услышал, как Ворро бормочет себе под нос:

"Еще не факт, что мы найдем мост через эту речушку".

Мост был. Чуть покосившийся и с обломанными в нескольких местах перилами, он по-прежнему соединял выгоревший дотла левый берег с уцелевшим правым. Контраст был настолько разительным, что Неллью остро почувствовал тревогу. По одну сторону реки – смерть и разрушение, по другую – уютные аккуратные дома, витрина аптеки на набережной, ряд автомобилей вдоль тротуара. Этого не могло быть и от того казалось подделкой, мороком, наваждением.

Приглядевшись, Неллью понял, что это и в самом деле подделка. Автомобили были покрыты многодневными наслоениями пыли, опавших листьев и птичьего помета. В половине окон были выбиты стекла, а кое-где их осколки остро топорщились в рамах как поломанные клыки в многочисленных пастях. У аптеки на набережной дверь висела на одной петле и чуть поскрипывала, покачиваясь на ветру. Никаких других звуков из заречного поселка не доносилось. Он был мертв, так же мертв, как и тот, что лежал на левом берегу, только смерть его была еще подлее, коварнее и непригляднее.

— Труп, — неприятно сказал Ворро.

— Что? — Неллью вздрогнул: так это совпало с его мыслями.

— Труп, говорю. Мертвяк. И вот еще. Сколько же их здесь!

Мертвецов было больше двух десятков, разбросанных по ровной площадке перед мостом как изорванные в клочья куклы. Некоторые из них лежали здесь уже давно, и от них остались только кучи тряпья с торчащими мослами оголившихся костей, другие, казалось, только вчера пали на эту землю под рвущими тело выстрелами, и даже вчерашний проливной дождь так и не

успел полностью смыть их кровь. Многие тела были лишены голов или рук, словно они стали жертвой сумасшедшего маньяка.

— Жуть какая! — с ужасом прошептал Неллью. — Их всех буквально изрешетили!

— Да, — Ворро сохранил хладнокровие и теперь, слегка пригнувшись, с подозрением оглядывался по сторонам. — Их всех застрелили, видать, с того берега. Поливали пулями как из брандспойта.

— И не простыми пулями…

Дорожное полотно перед мостом было испещрено, будто язвами, мелкими выбоинами. Казалось, здесь прошел град из камней. Больше всего выбоин было перед самым въездом на мост, где не было ни одного трупа, зато валялась крупная дохлая ворона с оторванной головой.

— Пошли, — Ворро дернул Неллью за рукав.

— К-куда?

— Вперед. На тот берег.

— Но там же пришельцы! — Неллью никак не мог оторваться от этой ужасной выставки смерти. — Нас убьют!

— Нет, — усмехнулся Ворро. — Не убьют.

— Почему?

— Потому что мы до сих пор живы. Пока мы тут стояли и таращились на мертвяков, нас могли десять раз срезать. Пошли скорее, вдруг они еще вернутся!

Ворро был прав. Их не тронули ни перед мостом, ни на мосту, ни даже на том берегу реки. Вокруг было тихо, и это была не напряженно-опасная тишина близкой ловушки, а, можно сказать, обычная, пустая тишина заброшенности и запустения.

— Смотри, — Неллью показал рукой в сторону огрызка дорожного знака. — Здесь что-то было.

Металлическая труба толщиной с руку была обрезана на уровне его груди словно косой. Ее верхушка с проржавевшим жестяным диском знака валялась рядом на обочине. Срез был ровный и очень чистый, а чуть ниже его виднелось небольшое сквозное отверстие и следы крепления.

— Ты хотел сказать, здесь кто-то был? — хмыкнул Ворро, глядя в ту же сторону.

На большом грязевом пятне перед указателем было заметно множество следов. Несколько человек совсем недавно – может быть, только вчера – топтались там, что-то делали, а потом обтерли о столб грязную обувь и удалились по своим делам. Оставляя огромные следы грубых ботинок или сапог со странной полосатой подошвой.

— Ничего себе! — Ворро поставил свою ногу рядом с одним

из следов. След был больше почти наполовину. — Что же это за великаны тут шатались?

— Сегодня ночью я проснулся, и мне показалось, что я слышу вдалеке какой-то металлический лязг, — вспомнил Неллью. — Это представляешь – мы спали, а они, оказывается, были совсем рядом!

От этого "они" обоим стало слегка не по себе, и, не сговариваясь, они нырнули в открытую дверь аптеки. Это было какое никакое, а убежище перед неведомой опасностью.

В аптеке тоже кто-то побывал. Витрины были разбиты вдребезги, а большая часть стенных шкафов с лекарствами была сброшена на пол, усеянный раздавленными картонными коробками и осколками стекла. Касса была грубо выворочена из стеклянной загородки, а затем ее, судя по всему, с силой шваркнули о стену.

— Варвары, — неодобрительно проворчал Ворро, осторожно ступая среди обломков. — Руки бы поотрывать! Места живого не оставили…

В дальнем углу Неллью удалось найти стенд, по какой-то причине избежавший внимания неведомых погромщиков. Зайдя за прилавок, он приоткрыл стекло и начал по одной вынимать коробочки с лекарствами и разглядывать их в поисках знакомых названий.

— Бери все, — посоветовал ему Ворро. — Много места они не занимают, а достать их теперь больше негде.

Неллью послушался, а затем, перерыв вместе с Ворро уцелевшие стенные шкафчики, отыскал целый склад бинтов и ваты и несколько коробок с таблетками от простуды и расстройства желудка – то, что было им сейчас нужнее всего.

— Эх, жаль, места мало! — Ворро был уже в прекрасном настроении и с наслаждением распихивал по кармашкам рюкзака найденные богатства. — Ты представляешь, Кисо, как нам повезло! Мы нашли нетронутое место! Совсем нетронутое! Здесь, может быть, с самого начала вторжения никого не было! Нам тут надо все обыскать хорошенько!

Правобережная часть поселка была совсем крохотной – четыре короткие улицы, вытянувшиеся параллельно друг другу вдоль берега реки. Везде царили тишина и запустение, от чего поселок напоминал пассажирское судно, в одночасье брошенное пассажирами и командой. Люди покинули свои дома внезапно и быстро, кое-где даже не заперев окна, открытые в теплый осенний день – первый день вторжения – и оставив на пороге вещи, которые показались лишними в их стремительном бегстве. Решились уйти, может быть, не все: два дома были выжжены

изнутри, а во дворах и на улицах кое-где попадались длинные вытянутые пятна жирной копоти.

Ворро и Неллью обошли весь поселок, но так и не вошли ни в один из домов. В сгоревших им нечего было делать, а остальные были настолько мирными, настолько целыми, настолько нетронутыми, что они не решились вторгаться в них, подобно взломщикам. Зато на последней улице, на краю дороги, начинающей свое странствие среди выпасов, лугов и полей, они наткнулись на небольшой супермаркет, на который не обратили внимания пришельцы и которым так и не успели воспользоваться местные жители. Даже дверь его оказалась не запертой.

Внутри было полутемно и стояла удушливая вонь от испортившихся в отключенных холодильниках продуктов, но товары на полках, уходящих вглубь магазина, стояли в полном порядке.

— Кисо, я в восторге! — Ворро с мечтательным выражением лица стоял перед стеллажом с консервами. — Это не магазин, это настоящая лавка драгоценностей! И все это потому, что я не испугался и не стал поворачивать обратно!

— А помнишь, Ли, как мы в детстве читали книгу о моряке, попавшем на необитаемый остров? — отозвался Неллью. — Там есть эпизод, когда он обследует судно, выброшенное на рифы. Как я сейчас понимаю его чувства!

— Это точно, — пробормотал Ворро. Он прикатил тележку и теперь сгружал в нее продукты. — Черт! Никогда не думал, что по приличной еде можно так соскучиться!

Одна тележка была уже забита доверху, и он отправился за второй, не отрывая вожделенного взгляда от магазинных полок.

— Слушай, Ли, — скептически заметил Неллью. — А как ты все это понесешь?

— Как-нибудь понесу! — зло ответил Ворро. — Выгружу к черту всю оставшуюся кашу. Все равно она уже в глотку не лезет!

— Это ты зря. Каша все-таки армейская, ее одной банки на обед хватает. А то, что ты набрал, это так – баловство. Закуски всякие. Ими не наешься. Я, например, беру только мясные консервы, сухие фрукты, орехи и сладкие плитки – компактно и питательно.

— Какой ты неприятный человек, Кисо, — вздохнул Ворро. — Вечно все тебе не нравится… О, но это я возьму точно!

Словно хрупкую драгоценность, он бережно снял с полки небольшую стеклянную банку, наполненную чем-то оранжевым.

— Моллюски в морском соусе! Мои любимые! И такие дорогущие, что я никогда не мог взять больше одной банки за раз. Ну, теперь я оторвусь! Кисо, их тут десять банок! Десять! Я в

восторге!

Неллью только усмехнулся. Стоя на коленях, он укладывал в рюкзак отобранную им снедь. Все не вмещалось, и он то и дело вынимал одни предметы, чтобы засунуть другие. Ему тоже хотелось взять всего и побольше, но эта задача не решалась в принципе.

Прошло не меньше получаса, пока к тому же выводу не пришел и Ворро. С трудом взвалив на себя округлившийся рюкзак, он разочарованно пнул ногой гору консервов.

— Толку-то с того! И чего я не мамонт – забрал бы весь магазин и потащил на себе. Ладно, пошли, Кисо! Тут стоять – только настроение портить!

— Знаешь, Ли, — неуверенно признался Неллью. — Я чувствую себя как-то неудобно. Постоянно ловлю себя на том, что ищу продавца, чтобы заплатить.

— Так что тебе мешает? — хмыкнул Ворро. — Вон касса. Положи под нее пару сотен тысяч и угомони свою совесть. Тоже мне, нашел проблему!

— Я положу миллион, — сказал Неллью.

— Чего так много?

— А одни твои моллюски, наверное, полмиллиона стоят.

— Больше, — с удовлетворением заметил Ворро. — Пятьдесят девять тысяч девятьсот девяносто за баночку. Но ты не прав, Кисо. Кому здесь платить и за что? Считай, что мы все это нашли на дороге. Да и какой смысл держаться за прежние привычки? Мир теперь другой, Кисо. В нем правят другие законы.

— Не знаю, — Неллью доставал деньги. — Мне кажется, законы – это то, что человек должен соблюдать добровольно. И если он не станет отказываться от них даже после того, как рухнул его мир, может быть, от этого мир и не погибнет до конца.

Через пару километров у Неллью снова появились сомнения в выбранном ими маршруте. Следы были повсюду. Здесь много и часто ездили на танках, перепахивая гусеницами поля с осыпавшимися и полегшими колосьями, сжигая дома и давя огороды на попадающихся навстречу фермах, сталкивая на обочину обгоревшие остовы автомобилей и грузовиков.

Ворро, который терпеть не мог возвращаться, упрямо шел вперед, хотя ему тоже становилось не по себе. Вокруг по-прежнему было тихо, но эта тишина была гнетущей, давящей, наполненной опасностью. Дважды им вдалеке чудился гул моторов, и они застывали посреди дороги, напряженно вслушиваясь, но оба раза тревога оказывалась ложной.

Настоящая опасность пришла бесшумно и, как всегда, с

воздуха. Из-за деревьев дальней рощи внезапно выплыл невиданный летательный аппарат, больше всего похожий на громадный утюг. В отличие от хорошо знакомых стреловидных самолетов, он был серый, цвета хмурого осеннего неба, с широким тупым носом, плоским брюхом, высоким гребнем в задней части и короткими треугольными крылышками с длинными тонкими цилиндрами на подвесках.

Впоследствии Неллью неоднократно удивлялся тому, как ему удалось заметить и запомнить столько деталей за такое короткое время. К счастью, в тот момент они оба смотрели в правильную сторону и, вовремя заметив пришельцев, не теряя ни секунды, бросились с дороги в густые кусты, росшие по сторонам. Рюкзак мешал и цеплялся за ветки, но лишних секунд на то, чтобы от него избавиться, у Неллью уже не было. Оставалось только лежать, затаив дыхание, и молиться всем богам, чтобы пришельцы их не заметили.

Гигантский утюг невыносимо медленно и неправдоподобно беззвучно тянул над землей на высоте не больше ста метров, приближаясь к их ненадежному убежищу. Под рукой Неллью громко хрустнула ветка, заставив его испуганно вжаться в землю: казалось, этот треск в окружающей тишине должен был прозвучать громче выстрела. Машина пришельцев застыла в воздухе, словно прислушиваясь к подозрительным звукам, и… вдруг заскользила куда-то в сторону, повернула и ушла прочь, набирая высоту и скорость. Ворро где-то рядом шумно перевел дух и начал выбираться из зарослей, ломая ветки.

После встречи с летающим утюгом идти дальше по открытой местности было слишком опасно, и они свернули на лесной проселок. Но и лес вряд ли мог считаться здесь надежным убежищем. Спустя час они наткнулись на перекресток, где под бомбами пришельцев погибла целая автоколонна.

Здесь были грузовики, фургоны, джипы, несколько легковушек, изуродованных до такой степени, что невозможно было даже определить их марку. Смерть настигла их давно, наверное, больше месяца назад. Воронки от бомб оплыли и наполнились водой, разбитые кузова автомобилей покрылись пятнами ржавчины, а от мертвых тел, усеивавших обочины, остались только истлевающие под открытым небом голые кости и обрывки одежды.

Лес впереди редел, и они свернули в ту сторону, куда стремилась, но так и не попала автоколонна. Метров через двадцать путь им преградил рухнувший набок поперек дороги массивный грузовой фургон с эмблемой полиции округа. Страшная сила смяла его и вскрыла как консервную банку,

искореженные задние дверцы распахнулись, и, обходя его по прошлогодней опавшей хвое, они увидели в глубине почти пустого кузова несколько десятков серых холщовых мешков с печатями на шнурках.

— А ну, подожди-ка, — вдруг заинтересовался Ворро.

Осторожно пробравшись в фургон, он выволок наружу один из мешков и вспорол его охотничьим ножом. На грязную обочину дороги вывалились пачки денег в банковской упаковке.

— С ума сойти! — Ворро так и сел прямо на землю. — Здесь, наверное, миллиарды, десятки, сотни миллиардов! И они больше никому не нужны!

Перебирая руками выпавшие из мешка пачки, Ворро захохотал, подвывая и привизгивая. Неллью присел рядом с ним на корточки, обеспокоено заглядывая в глаза. Ему казалось, что Ворро помешался.

— Не смотри… на меня та-а-ак! — Ворро сгибался от смеха пополам, он икал, закатывался, ревел, размазывая по лицу слезы. — Кисо, я не… могу! Какие сумасшедшие деньги! И все они ни к чему! Ни к чему!

— Ли, не сходи с ума, — попытался его успокоить Неллью. — Это всего лишь деньги…

— Да, всего лишь деньги, — Ворро внезапно перестал смеяться. — Просто их чертовски много! Видишь эту пачку? В ней сто миллионов лимий, почти столько, сколько я зарабатываю за полгода! А здесь такого добра – мешками! Мешками, Кисо! И валяется, никому не нужное! Я не могу! Я этого не вынесу!

— Пойдем, — потянул его за собой Неллью. — Нам нужно идти дальше.

— Не-ет! — Ворро со странным выражением лица снова достал нож. — Я должен проверить. А вдруг, здесь есть и золото! Я должен все здесь обследовать!

Через час весь фургон был завален деньгами, высыпавшимися из вскрытых мешков. Ворро, выбираясь на дорогу, расшвыривал их ногами.

— Их слишком много, — грустно сказал он, опускаясь на землю рядом с сидящим Неллью. — Какой прок в деньгах, когда их так много и их совершенно не на что истратить? Там нет ни золота, ни сертификатов, одни только эти никчемные лимии, причем, большей частью, в мелких купюрах. И несколько мешков с монетой. Какое разочарование, Кисо! Наверное, я уже никогда не смогу относиться к деньгам так, как раньше.

— Пойдем? — предложил Неллью, приподнимаясь.

— Пойдем, — согласился Ворро. — Хотя нет, подожди. Я возьму себе десяток пачек, миллионными. Всегда мечтал стать

миллиардером, пусть даже в лимиях. И вот – сбылась мечта! — он снова засмеялся, иронично и издевательски.

— А куда ты их денешь, у тебя же и так все забито? — осведомился Неллью.

— Да хоть в руках понесу! Через часок сядем обедать, вот и место освободится! Но ты подумай, Кисо! Я не могу выбросить банку каких-то дрянных консервов, чтобы на ее место засунуть в рюкзак сто миллионов лимий! В каком, черт побери, мире мы теперь живем!

И Ворро снова захохотал, запрокидывая голову и распугивая своим истеричным смехом любопытных ворон.

…Они уже давно потеряли правильное направление и теперь двигались перебежками от одной рощи к другой, стараясь забраться в самую чащу. Следы танковых гусениц почти перестали попадаться, но зато воздушное пространство было заполнено недобрым движением. Несколько раз с лесных опушек они видели медленно проплывающие где-то в стороне гигантские утюги, а высоко над ними то и дело проносились стремительные "Молнии". Даже Ворро понимал, что они забрались куда-то не туда, но упрямо не желал поворачивать обратно.

Очередная рискованная полукилометровая пробежка по открытой местности привела их в густой хвойный лес, который мог быть неплохим укрытием. Широкие кроны деревьев смыкались высоко над головой, закрывая небо, внизу было сыро и темно, но эта темнота успокаивала и вселяла в них чувство безопасности. Кроме того, здесь почти не было подлеска, который обычно мешал им, цепляясь за рюкзаки.

По этому лесу хотелось идти и идти, но узенькая тропинка, заботливо ведущая их в обход самых густых зарослей и переправляющая по хлипким мостикам через глубокие овраги с ручьями на дне, внезапно вывела их на высокий обрыв, под которым раскинулось небольшое, но длинное озеро, по своим очертаниям напоминающее головастика. На другом его берегу виднелись руины деревушки.

— Вот незадача! — огорчился Ворро. — Теперь обходить его!

— Тихо! — свистящим шепотом скомандовал вдруг Неллью. — Отходим назад, только медленно. Погляди, куда мы забрались!

Ворро скосил глаза вправо и шепотом выругался. Немного в стороне от сгоревшей деревни, там, где оконечность озера скрывалась в зарослях камыша, посреди обширного поля высился корабль пришельцев – точно такой, как они еще до войны видели на фотографиях в газетах. До него было километра три, не

меньше, но он все равно казался громадным.

Корабль был полон жизни. Возле него, как муравьи, копошились десятки пришельцев, а на поле стояли, словно на выставке, ряды машин. Время от времени одна из них поднималась в воздух и медленно заплывала в широкий прямоугольный проем в борту корабля, зиявший прямо над большим люком, откуда спускался на землю пологий пандус.

— Эх, бинокль бы! — прошептал Ворро. — Или хотя бы снайперскую винтовку…

Они лежали бок о бок под кустом прямо на краю обрыва и смотрели во все глаза. Ощущение опасности куда-то исчезло, остались только любопытство к незнакомой жизни и сожаление от того, что им удастся прикоснуться лишь к краешку чужой тайны. Ну, и наверное, чувство гордости от осознания того, что мало кому в этом мире довелось увидеть то, что сейчас предстало перед их глазами.

Тем временем, и без бинокля было хорошо видно, что пришельцы заняты погрузкой. Большие колесные транспортеры, похожие на плоских жуков, загруженные какими-то штабелями и ящиками, заезжали внутрь корабля по пандусу, и возвращались наружу пустыми. Летательные аппараты по одному скрывались в прямоугольном проеме и исчезали там без следа. Неллью казалось, что внутри проема он видит какое-то движение, мерцающие огоньки, но из-за дальности расстояния ничего нельзя было разобрать.

— Неужели они сворачиваются?! — возбужденно прошептал Ворро.

Неллью тоже казалось, что пришельцы сворачиваются, но он боялся говорить об этом вслух.

Но в этот день судьба, похоже, была готова исполнить их самые заветные мечты. Последний транспортер, загруженный только наполовину, исчез внутри корабля. За ним в сопровождении нескольких пришельцев двинулась странная машина, выглядевшая как прямоугольная платформа с установленным на ней подъемным краном. У платформы не было видно ни колес, ни гусениц, и она парила над землей на высоте около двух метров. Некоторое время возле грузового люка было пусто, но затем к нему откуда-то стали сползаться широкие плоские танки с мощными пушками. Танки были покрыты черными, серыми и коричневыми пятнами. Неллью показалось, что эти пятна перемещаются по корпусу, меняя очертания и даже цвет, но различить, так ли это, он не мог.

Танки по одному поднялись по пандусу. Последний карабкался будто задом наперед, развернув назад пушку и грозно

поводя ей из стороны в сторону. Пандус закрылся за ним, как подъемный мост, и корабельная броня тут же стала гладкой и непроницаемой. Только прямоугольный проем зиял в ней словно пасть. К этому времени на поле уже не осталось ни одной машины.

Корабль ждал. Минуту, две, пять. Неллью уже хотелось подняться с холодной земли, сказать что-то вроде "Ко сну они готовятся, что ли?", но тут с небес с воем рассекаемого воздуха спикировали две группы небольших черных летательных аппаратов. Разъяренным роем кружась над кораблем, стремительные машины по одной залетали внутрь. Последняя словно закрыла за собой дверь – широкий проем схлопнулся в мгновение ока, и уже спустя несколько секунд ничего больше не напоминало о его существовании.

Потом почти двадцать минут – томительно долгих, наполненных напряженным ожиданием двадцать минут – ничего не менялось. Пришельцы только играли с ними, они никуда не собирались улетать, они были готовы оставаться на этой земле до исхода дня, до начала зимы, до конца вечности…

И вдруг корабль будто подпрыгнул. Неллью показалось, что ему чудится, он даже протер глаза, а когда снова их поднял, корабль уже висел в воздухе метрах в ста над землей и, как самолет шасси, сгибал и складывал в открывшиеся пазы свои опоры. Затем откуда-то снизу вырвалось свистящее белое пламя. Корабль окутался светлым облаком и вдруг, как диск, пущенный рукой опытного спортсмена, с огромной скоростью рванул в сторону и ввысь. Мощный гром пробиваемой насквозь атмосферы заставил их зажать уши и даже зажмуриться, а когда они снова взглянули вверх, от корабля осталась только широкая белая полоса инверсионного следа, исчезающая в облаках, да широкое кольцо блестящего шлака на том месте, где он стоял.

Никогда раньше Неллью не испытывал такой сумасшедшей радости. Они с Ворро, сбросив с плеч тяжелые рюкзаки, что-то возбужденно кричали друг другу, обнимались, громко и вразнобой пели что-то беспорядочно-веселое, грозили кулаком небесам и бросали в воздух шишки и сучья. Пришельцы улетели! Кончился кровавый кошмар, теперь их земля свободна, и можно снова возвращаться к нормальной жизни, когда не надо всякий раз прятаться, завидев что-то в небе, когда их жизни больше не угрожают пришельцы со звезд и когда для того, чтобы выполнять свою привычную работу, не нужно покидать родину!

Даже холодная погода и начавшийся редкий снег – первый снег в этом году – не в силах были испортить их радостного настроения. По узкой крутой тропе они в наступающих сумерках

спустились на берег озера, прямо у воды, ничего не боясь, разожгли огромный костер и устроили настоящий пир из продуктов, захваченных из супермаркета. В этот вечер они не жалели ничего. Пусть впереди еще немало трудностей, мирная жизнь не восстановится немедленно после отлета пришельцев как по мановению волшебной палочки, но сейчас это не имело значения. Самое главное, у них появилась надежда.

Потом, сидя у полыхающего костра, они взахлеб обсуждали, что будут делать дальше – в первую очередь, найдут какие-то власти, чтобы сообщить им о том, что пришельцы покинули Филлину. После этого Ворро хотел продолжить идти в Лимеолан, искать там родных. Неллью стоял за возвращение в Тарануэс, до которого было, по крайней мере, почти вдвое ближе, но, как всегда, Ворро переспорил и настоял на своем. Неллью подчинился. Они уже столько пережили вместе, что расставаться теперь, когда самое худшее было позади, было как-то неправильно.

— Слушай, Кисо, — смущенно сказал Ворро напоследок, когда все уже было проговорено, намечено и решено. — А ты бы смог найти обратную дорогу к той машине с деньгами? Я думаю, перед тем, как искать людей, не лишним было бы там затариться. Ведь если все начнут восстанавливать, так и деньги восстановятся тоже, так ведь?

Неллью задумался.

— Сложно сказать, — признался он. — Мы сегодня так плутали, что я совсем потерял направление. Завтра по карте сориентируемся, где мы находимся, и попробуем вернуться обратно в Караму. А там уже будем вспоминать, как шли. Ладно?

— Ладно, — кивнул Ворро. — Но нам ее обязательно надо будет найти. Иначе я с ума сойду! Это же надо – я взял всего миллиард, когда там можно было набрать в сто раз больше!

Утро было чудесным. Тучи наконец-то разошлись и над землей поднялось робкое зимнее солнце. За ночь выпал снег, и все вокруг казалось чистым и прекрасным. Даже холод как-то не слишком донимал.

После легкого завтрака Неллью сидел на корточках на берегу и оттирал песком котелок, что-то весело мурлыкая себе под нос. Вода в озере была ледяной, от нее ломило пальцы, но сегодня и это не казалось большой проблемой.

Неясный звук в вышине заставил его поднять голову. Вначале он подумал, что ему мерещится, но тут же понял, что глаза и в этот раз не обманывают его. Котелок выпал из его враз ослабевших рук.

Прямо над ними, выстроившись своим обычным клином, шла девятка "Молний". В прозрачном утреннем воздухе рев моторов разносился особенно далеко.

— Воздух! — простонал Неллью.

Со странной отрешенностью он подумал, что им не уйти. Берег озера был совершенно открытым, от спасительного леса их отделял обрыв двадцатиметровой высоты, а струйка дыма, поднимающаяся вертикально вверх от непогашенного костра, выдавала их пришельцам с головой.

— Как же так! — потерянно пробормотал Неллью. — Они же улетели!

— Одни улетели, другие остались, — меланхолично заметил Ворро.

Он также не тронулся с места и словно сгорбился и стал меньше ростом. Переход от радости к безнадежному отчаянию стал и для него чересчур резким. Бежать, скрываться уже не было сил, и он, покорясь судьбе, ждал неизбежного.

Однако девятке смертоносных машин не было дела до двух усталых путников. Пронесшись у них над головами, "Молнии" стремительно прочертили небо и скрылись вдали. Рев их моторов затих, и снова стало тихо.

— Это была красивая сказка, — севшим голосом сказал Неллью. — Жаль, что она так быстро кончилась.

— Да, — в тон ему вздохнул Ворро. — Жаль… Кстати, котелок подними, а то еще утонет!

— Что?

— Котелок, говорю! Пришельцы пришельцами, а посуду терять нельзя. Нам еще топать и топать!

— Умеешь же ты, однако, настроение поднять! — через силу засмеялся Неллью.

— А то же! Да ты не грусти, Кисо. Жизнь продолжается. Будем идти дальше. И выловишь котелок, загляни-ка в наш атлас. Мне интересно, где, черт возьми, мы находимся, и сколько нам еще идти до Лимеолана?!

Глава 57. Богатые гости

Им понадобились еще целые сутки, чтобы преодолеть мертвую зону вокруг места посадки корабля пришельцев. Только на следующее утро, выйдя на берег широкой реки, они – впервые за последние три дня – увидели живого человека. Человек сидел в лодке и удил рыбу невдалеке от торчащих из воды опор разрушенного моста.

— Эй, на лодке! — миролюбиво крикнул Ворро. — Не перевезете нас на тот берег?

Рыбак молча повернул к ним лицо, наполовину закрытое надвинутым на глаза капюшоном.

— Можно и перевезти, — наконец сказал он. — Только что я за это получу?

— Мы заплатим, — пообещал Ворро. — У нас есть деньги.

— Деньги! — фыркнул рыбак. — Да на что они теперь?! Все равно, за них ничего не купишь. Да вы мне хоть миллион посулите, я и с места не сдвинусь!

— А десять миллионов?! — вдруг спросил Неллью.

— Десять ми…! Десять мил-ли-онов!?… — от неожиданности рыбак чуть не выронил удочку. — А у вас они есть?!

— Есть!

Неллью, к удивлению Ворро, расстегнул куртку и засунул руку под свитер. Покопавшись, он вытащил оттуда пачку миллионных банкнот и помахал ею в воздухе.

— Ну что, по рукам? Перевезете нас за десять миллионов?

Рыбак нервно облизал губы. До войны десять миллионов лимий в месяц после вычета налогов мог получать менеджер низшего звена или квалифицированный рабочий.

— С каждого! — наконец закричал он. — Десять миллионов – с каждого! Половину сейчас, половину – на том берегу!

— Идет!

— Да ты что! — аж задохнулся от возмущения Ворро. — Кисо, что ты делаешь?! Это же сумасшедшие деньги! За такую ерунду?! Да я лучше…

— Тихо! — зажал ему рот Неллью. — Нам нужно на тот берег или нет? Кроме того, это мои деньги: как хочу, так и трачу.

Рыбак тем временем смотал удочки и взялся за весла. Пачка денег в руках Неллью, похоже, действовала на него как магнит, и лодка, разогнавшаяся от мощных гребков, едва не вылетела на берег.

— Ну?! — жадно спросил рыбак, глядя на Неллью.

— Не нукай, не на базаре, — недовольно сказал Ворро.

Вблизи лодка вдруг показалась ему утлой и ненадежной. — Учти, опрокинешься – ни лимии не получишь.

— Не нравится – плыви вдогонку, — огрызнулся рыбак. — Так вы платите или нет?

— Платим, платим, — успокоил его Неллью.

Разорвав банковскую упаковку, он отсчитал двадцать купюр и протянул половину из них рыбаку.

— Ну что, можем переправляться?

Переправа длилась почти две квинты. Перегруженная лодка шла медленно, к тому же, их довольно сильно сносило течением. Тем не менее, Неллью был в восторге. На карте ближайший мост был в десяти километрах, причем не известно, нашли бы они его целым или нет. Двадцать миллионов лимий казались на этом фоне сущей абстракцией.

Однако рыбак так не думал. Он дважды пересчитал деньги, полученные от Неллью, и с видимым сожалением засунул их глубоко в карман.

— Тут я, это, рыбки поймал, — сказал он заискивающим тоном. — Может, купите?

— Нет, спасибо, — заторопился Ворро. — Пошли, Кисо. День короток, а дорога у нас впереди еще дальняя…

— Зря ты поспешил, — заметил Неллью, когда река уже скрылась у них за спиной. — Можно было бы и купить у него рыбы. Я там заметил парочку неплохих окуньков.

— Опять, небось, за десять миллионов? — недовольно спросил Ворро. — Кстати, откуда у тебя такие деньги?

— Оттуда же, откуда и у тебя. Пока ты возился с мешками, я подумал, что глупо было бы пройти мимо и не взять ничего даже на память. Вот я и набрал за пазуху штук пятнадцать пачек.

— Пятнадцать?! — захохотал Ворро. — Бессребреник ты наш! Да ты теперь богаче меня! Потому, наверное, и швыряешься деньгами направо и налево!

— Нет, — серьезно сказал Неллью. — Понимаешь, когда тот рыбак закричал, что деньги потеряли цену, я подумал: а что, если ему предложить много денег? Как видишь, сработало. Наши лимии по-прежнему что-то стоят, просто они обесценились. Помнишь, как было после войны? Когда мы все считали миллионами и миллиардами. Сейчас то же самое.

— Да? — Ворро почесал переносицу. — Черт, я об этом не подумал, надо было захватить из той машины целый мешок. Но ты натолкнул меня на хорошую идею, Кисо. Какой-нибудь город у нас по дороге будет? Очень хорошо. Попробуем купить там за наши деньги теплую одежду, а то еще парочка таких ночек под открытым небом, и я наверняка подхвачу воспаление легких!

Город, открывшийся перед ними вскоре после полудня, пострадал не так сильно, как этого можно было ожидать, учитывая его близость к месту посадки корабля пришельцев. В нем бушевали пожары, бомбы и танковые снаряды нанесли ему тяжелые раны, превратив в руины целые кварталы, но центральная часть осталась относительно мало поврежденной. Там даже попадались прохожие, провожавшие Ворро и Неллью заинтересованными взглядами, хотя никто не пытался с ними заговорить.

— А ты уверен, что здесь мы что-то найдем? — с сомнением спросил Неллью, глядя на пустые проемы витрин магазина мужской одежды "Мода Валеро".

Трехэтажное здание казалось совершенно нежилым. Верхний этаж его сильно обгорел, в окнах не осталось ни единого целого стекла, а внизу, где размещался небольшой торговый зал, виднелись только голые стены и пустые вешалки.

— Ничего, — оптимистично заявил Ворро. — С чего-то надо же начинать.

Он решительно толкнул входную дверь, оказавшуюся незапертой. Где-то внутри тренькнул колокольчик, и это показалось Неллью настолько неожиданным, что он вздрогнул.

В "Моде Валеро" не побывали ни грабители, ни мародеры. Ковролиновое покрытие было целым и только под проемами окон пострадало от влаги; стеклянные стенды, где раньше помещались рубашки и галстуки, стояли на своих местах; кассовый аппарат был заботливо прикрыт полиэтиленовым чехлом – только вот товара в магазине больше не водилось.

— Ну и что ты хочешь здесь найти? — осведомился Неллью, убедившись, что магазин пуст и покинут.

— Что-нибудь да найду, — недовольно огрызнулся Ворро. — Эй, хозяева! Отзовитесь! Не видите – покупатели пришли!

В ответ вдруг раздался тихий скрип. Незаметная дверь в самом темном углу магазина приотворилась, и из-за нее с опаской выглянул невысокий человек.

— Вы кого-то ищете, молодые люди? — раздался из угла дребезжащий старческий голос.

— Не кого-то, а что-то, — солидно ответил Ворро. — Нам нужна теплая одежда на зиму. Если у вас она есть, мы можем ее купить.

— Вы сказали: "Купить"? — в голосе говорящего послышались нотки сомнения.

— Именно так, — кивнул Ворро. — У нас есть деньги.

— Деньги… — сомнение в голосе сменилось трудно

достижимой смесью мечтательности и легкого презрения. — Кому сейчас нужны деньги?

— У нас много денег, — значительно сказал Ворро. — Мы можем заплатить вам, скажем, десять миллионов.

— Молодой человек!… - голос обрел укоризненную интонацию старого учителя.

— Ну хорошо, хорошо. Пятьдесят миллионов.

— Однако… — человек, скрытый темнотой, явно задумался. — Нет. С сожалением вынужден сказать – нет. Решительно, нет.

— Почему нет? — недовольно спросил Ворро. — Мы предлагаем вам огромные деньги, причем, еще не видя, за что. Какого, извините, рожна вам еще нужно? Чем, по-вашему, я должен расплачиваться с вами – консервированной кашей, старыми носками или, может быть, сердечными каплями?…

— Сердечными каплями?! — богатый интонациями голос дрогнул. — У вас есть сердечные капли?

— Да, кажется, — неуверенно ответил Ворро. — Должны быть, вообще-то.

— За один пузырек вы получите теплую одежду. За два – очень хорошую одежду. А за три я экипирую вас с ног до головы, угощу обедом и, если хотите, дам парочку полезных советов. Согласны?

— Согласны, — Ворро стащил с плеч рюкзак и покопался в боковых кармашках. — Знаете, у меня как раз есть три пузырька сердечных капель. И, кажется, еще с большим сроком годности. Принимаете?

— С превеликим удовольствием.

Дверь наконец-то распахнулась, за ней блеснул огонек света, и на пороге возник хозяин – невысокий лысоватый старик в очках, одетый в теплый домашний халат. Рядом с ним обнаружился мальчик лет двенадцати, уверенно держащий в руках помповое ружье. Неллью слегка передернуло. В течение всего разговора старик прятался, почти невидимый, в темноте, а они, наоборот, были прекрасно виды на фоне выбитых окон. Похоже, жизнь в этом городке была далеко не простой.

— Заходите, господа, — старик церемонно сделал приглашающий жест, словно он стоял на пороге своего магазина. — Здесь довольно темно и ступеньки крутые, так что будьте осторожны. Прошу прощения за временное неудобство, но сейчас нам всем приходится быть подземными жителями…

Спускаться по узким, почти не видимым в полутьме ступенькам было и в самом деле нелегко, но вскоре вокруг стало светлее. На лестницу выглянула полная пожилая женщина с

керосиновой лампой в руке.

— Левен, кто это с тобой? — спросила она, близоруко щурясь. — Что-то не могу узнать.

— Лара, дорогая, — торжественно сказал хозяин магазина. — У этих молодых людей есть сердечные капли! Теперь ты точно поправишься, вот увидишь! Приготовь сейчас обед для наших гостей. А ты, Кьюри, можешь поставить ружье на место и помоги бабушке. Мы же пока займемся делами…

Небольшое подвальное помещение было превращено в склад. В центре стояли пять громадных картонных коробок, доверху набитых рубашками в магазинных упаковках, свитерами, водолазками и прочей тому подобной одеждой. Вдоль стен были расставлены вешалки с костюмами, куртками, пальто – все заботливо прикрыто полиэтиленовыми чехлами. Вещи занимали весь подвал, оставив места только чтобы встать на пороге, тесно прижавшись друг к другу. Однако хозяина эта теснота, похоже, не смущала.

— С вашего позволения, я бы хотел начать с вас, — деловито повернулся он к Неллью. — Насколько я вижу, вы носите тридцать восьмой размер.

— Верно, — улыбнулся Неллью. — Вы так точно определили его на глаз?

— Опыт, молодой человек, опыт, — старик отодвинул в сторону висящие на вешалке костюмы и скрылся в глубине подвала, вернувшись через пару минут с длинной темно-серой курткой. — Вот, померьте. И не смотрите, что она на вид такая неказистая. Впрочем, как я понимаю, вы обращаете внимание больше на полезность вашей одежды, чем на ее внешний вид.

— Да, пожалуй, это так, — вежливо подтвердил Неллью, сбрасывая с плеч рюкзак.

— Тогда эта куртка для вас. Эта ткань непромокаемая и очень плотная. Ни колючки, ни торчащие гвозди не прорвут ее, а будут просто скользить. А внутри – настоящий пух, вы убедитесь, какая она легкая. Такие куртки у меня берут рыбаки и охотники – все те, кто зимой проводит много времени на улице. Она изготовлена в Арахойне, а тамошние жители знают толк в морозах.

— Великолепно! — восторженно признал Неллью, примерив обновку. — Сидит как родная! И в самом деле, удивительно легкая.

— Очень хорошо, — хозяин магазина оценивающе посмотрел на Ворро. — Вам, судя по всему, требуется специальный размер. Сорок первый, если я не ошибаюсь?

— Вообще-то, я всегда носил сорок третий, — заметил Ворро.

— Да? Тогда в последнее время вы изрядно похудели. Нет,

поверьте моему опыту, вам нужен именно сорок первый. И я, кажется, знаю, что вам предложить.

На этот раз старик закопался в гору одежды не меньше, чем на пять минут и наконец вынырнул оттуда с черным кожаным пальто в руках.

— Примерьте вот это, — предложил он Ворро. — Это выдающаяся вещь. Я заказал это пальто в единственном экземпляре и выставил в витрине, установив цену в пять миллионов девятьсот девяносто тысяч. Я рассчитывал на зимней распродаже уценить его до четырех с половиной миллионов и продать владельцу ресторана "Полумесяц" Торину Дельяди… Но, увы… Теперь носите его вы, молодой человек. Крошечный пузырек сердечных капель стоит сейчас куда дороже и четырех с половиной, и даже сорока четырех миллионов. Это жизнь… Ну как? Вам нравится? Вам ведь нравятся красивые вещи, верно?

— Верно, — Ворро примеривающе забросил на спину рюкзак. — Конечно, с нашей бродяжьей экипировкой это пальто будет сочетаться дико, но оно мне нравится. И, пожалуй, придется впору.

— Вот и отлично! — хозяин улыбнулся, словно только что совершил удачную сделку. — Теперь, что еще вам нужно? Я думаю, поскольку зима на носу, вам требуются теплые шапки, шарфы, перчатки? У меня все это есть. К сожалению, теплым бельем я не торгую, но, может быть, вы примете от меня в подарок по одной рубашке?

— С радостью, — улыбнулся в ответ Неллью. — И, разрешите, мы оставим у вас свои старые вещи? К сожалению, нам все приходится тащить на себе, поэтому приходится экономить на каждом килограмме.

— Безусловно, — хозяин снова скрылся в глубине склада. — Оставляйте, здесь все пойдет в дело. А когда мы закончим с примеркой, не забудьте, нас ждет обед. Я полагаю, моя жена уже готова вас принять.

— Скудноватый у вас обед, — бестактно заметил Ворро.

Неллью слегка скривился. Обед и в самом деле был не ахти – пресные лепешки на воде, тушенка и серые хрустящие галеты со знакомым ягодным джемом под слегка подслащенный кипяток – но, право слово, незачем было говорить об этом вслух.

— Скудноватый, говорю, — повысил голос Ворро. — Кисо, не подтащишь поближе мой рюкзак?… Вот так… Очень хорошо… Отодвиньте-ка в сторону все это и давайте пообедаем как люди.

— Бог ты мой, — только и произнес старик, ошеломленно наблюдая, как Ворро выставляет на стол консервные банки с

яркими упаковками и сладкие плитки. — Я уже и забыл, как это выглядит. Могу ли я вас спросить…

— Можете, — кивнул Ворро, радостно ухмыляясь. — В двух днях пути отсюда. Если держаться подальше от больших дорог, кое-где можно найти всякие интересные вещи.

— Сейчас уже мало кто странствует по стране, — вздохнул старик. — Большинство нашли себе место, где они рассчитывают пережить – одни зиму, другие только следующий день. Чего же вы ищете в пути?

— Мы тоже идем домой, — сказал Ворро. — Но наш дом далеко – в Лимеолане.

— В Лимеолане? Но как же вы тогда попали в наши края? Ведь…

— Мы идем из Дерразина, — объяснил Ворро. — Мы хотели уехать в Валез, но не смогли попасть на корабль.

— Но позвольте! Вы что, пришли с того берега Нено?!

— Что?

— Нено – это река, через которую мы сегодня утром переправились, — пояснил Неллью. — Да, мы шли именно так.

— Но там же пришельцы! Неужели вы их не видели?

— Видели, видели, — мрачно кивнул Ворро. — К счастью, они нас не видели. Или не захотели отвлекаться. Они, видите ли, были изрядно заняты.

— Нам просто повезло, — добавил Неллью. — Пришельцы как раз готовились покинуть Филлину. Мы видели взлет их корабля.

— Не может этого быть, — холодно сказал до этого молчавший мальчик. — Я только сегодня видел их самолеты.

— И мы видели, — мягко кивнул Неллью. — Только, похоже…

— Похоже, одни улетели, другие остались, — закончил за него Ворро. — Но вы можете быть спокойны. Там, за рекой пришельцев больше нет. Хотя это все равно не важно.

— Это очень важно! — воскликнул старик. Он словно вдруг помолодел и Неллью внезапно понял, что он на самом деле не старше шестидесяти. — Вы бы знали, как это – жить под самым боком у пришельцев! Три… да что там три, почти четыре недели мы не знали покоя буквально ни на час. Нас всех целенаправленно загоняли под землю либо заставляли уйти отсюда. Мы бы ушли, но Лара (он кивнул в сторону своей жены) приболела, и нам пришлось остаться… Мальчики, вы не представляете, какую радостную весть вы нам принесли!

— Ладно, ладно, — ворчливо махнул рукой Ворро. — Вы тут нам парочку полезных советов обещали…

— Да тут, скорее, вы мне можете посоветовать, — развел руками хозяин магазина. — Это вы почти полстраны прошагали. А я вот хотел вас от пришельцев на том берегу Нено предостеречь…

— Левен, скажи им про бандитов, — напомнила Лара.

— Ах, да! Конечно! Вы, если будете идти дальше в Лимеолан, обязательно упретесь в реку Муилен, это знаете, приток Нено. Говорят, на другом берегу Муилена, около Муизы, недавно появилась большая банда. Муизу очень сильно разбомбили, людей там осталось мало, вот банде и удалось захватить целый район. Пару дней назад они даже переходили реку, ограбили несколько ферм невдалеке от нашего городка, кого поубивали, кого угнали с собой. Берегитесь их, лучше примите к югу, ближе к предгорьям. Там люди, там, в Велльере, крупный лагерь беженцев – у нас его называют Вольером – туда они не сунутся.

— Опять толпа, — проворчал Ворро. — Не люблю больших скоплений людей. Где они – там голод, драки, истерика… Вы бы видели, что творилось в свое время в так называемых безопасных коридорах…

— Говорят, в Вольере командуют военные, они и держат все под контролем. А еще, в тех краях еще со времен войны размещали крупные склады, я знаю. Люди там вовсе не голодают, оттуда даже нам кое-что перепадает. Тушенка, галеты, уголь, даже эта печка – все с тамошних запасов. Кстати, не знаю, как в других местах, но у нас в городе власть есть. Все мы получаем ежедневный паек, а я, например, обязан выдавать теплую одежду из своих запасов всем, у кого есть записка от мэра. Так что, если бы вы зарегистрировались у него как беженцы, вы получили бы все, что вам надо, бесплатно.

— Зато наверняка похуже, — засмеялся Ворро. — Да и какая это цена – три пузырька сердечных капель!

— Не говорите так! Лекарства, даже простые травы здесь на вес золота. Конечно, я не имею в виду настоящее золото, оно, как и деньги, вряд ли кого-то всерьез заинтересует. В наших местах основной валютой является армейская тушенка. Ее много, всем ее выдают в паек, поэтому ценность любой вещи легко измеряется в банках. Рубашка, например, в Вольере будет стоить восемь банок, пальто – тридцать, упаковка таблеток от простуды – шесть, два ведра угля обходятся в одну банку…

— Как вы все знаете! — восхитился Неллью. — А говорите, нигде не бываете.

— Я такого не говорил, — заметил хозяин магазина. — Главная домоседка у нас Лара, но она должна оставаться дома, чтобы создавать уют. А уж имея в доме такого разведчика как

Кьюри, трудно не быть в курсе всех новостей и сплетен.

— Дедушка Левен, — поднялся из-за стола мальчик, торопливо дожевывая сладкую плитку. — Мне идти надо. За пайком.

— Ну хорошо, — захлопотала вокруг бабушка Лара. — Будь внимателен, осторожен и бдителен. И не задерживайся, пожалуйста.

— Я знаю, — по-взрослому серьезно кивнул мальчик. — Я всегда осторожен. Я скоро буду.

Где-то наверху еле слышно хлопнула дверь. Пламя в керосиновой лампе вздрогнуло, но тут же снова выровнялось.

— Внук? — спросил Неллью.

— Нет, — покачал головой Левен. — Он жил с нами по соседству. Его родители погибли при обстреле, и мы взяли его к себе, вернее, это он согласился жить с нами. Не представляю, как бы мы выжили без него в те дни…

— У нас есть внучка, — вздохнула Лара. — Но не здесь. Наша дочка вышла замуж за столичного инженера и уехала в Тарануэс. И с самого начала… у нас нет о них никаких вестей…

— Лара! — обеспокоено повысил голос Левен. — Тебе нельзя волноваться!

— Уже можно, ведь есть лекарство…

— Послушайте, — почти перебил ее Неллью. — Мы как раз были в Тарануэсе, когда все это началось. Мы были летчиками, обслуживали Воздушный Мост, слышали о таком? Город сильно бомбили, но недалеко был безопасный коридор. И мы… Где они жили?

— На улице Декарио, — подумав, ответил Левен. — Они жили в собственном доме.

— Так это же совсем близко от нас! — обрадовался Неллью. — То есть, близко от аэропорта. Сколько лет вашей внучке?

— Пять. Как раз перед самой… исполнилось. И звали же нас в гости, приехать. Вот поехали бы мы, и не…

— Лара! — опять взволнованно повысил голос ее муж.

— Не волнуйтесь вы так! — попробовал успокоить ее Неллью. — Женщин с маленькими детьми в самолеты без очереди пускали. И даже иногда без денег. Вот я сам…

Глянув на скептически усмехающегося Ворро, он запнулся. Конечно, все было не так, совсем не так. Намного хуже, грязнее, горше. Но зачем…

— Вот они, — Лара достала откуда-то небольшую цветную фотографию. На ней серьезный молодой мужчина в очках подкидывал в воздух девочку лет четырех в ярком платье в

цветочек. К плечу мужчины прислонилась смеющаяся изящная женщина со слегка вьющимися светлыми волосами.

Неллью честно вгляделся в фотографию.

— Ей около года? — неуверенно спросил он. — Я имею в виду фото.

— Да, — подтвердила Лара. — Снято прошлым летом. Вы не узнаете?

— Знаете, — медленно сказал Неллью. — Не поймите меня, будто я хочу намеренно успокоить вас, но мне кажется… В последний день, перед тем как нас сбили, я посадил в самолет, нет-нет, не в наш самолет, молодую женщину с девочкой примерно пяти лет. Я не могу дать полной гарантии, десять военных дней не красят человека, но эта женщина, я помню точно, была очень похожа на вашу дочь. Понимаете, она мне запомнилась, потому что это было мое последнее впечатление перед тем полетом… И еще девочка, я плохо ее помню, она все время прятала лицо, прижимаясь к маминой ноге, но у нее были кудряшки точь-в-точь как на этой фотографии…

— Это Тина, — уверенно сказала Лара. — Она всегда боялась незнакомых взрослых и пряталась за ногу нашей Рене… Что с ними?! Что с ними теперь?!

— Теперь? Теперь они, наверное, давно в Валезе. Там, конечно, тоже живется несладко, но они живы. И им наверняка ничего не угрожает.

— Да благословит вас Единый! — Лара смотрела на Неллью с немым обожанием. — Само Небо прислало вас! Вы принесли счастье в наш дом! Чем мы можем вас отблагодарить?!

— Вы уже отблагодарили нас чем могли, — серьезно ответил Ворро. — Когда приходится день за днем шагать при любой погоде и ночевать под открытым небом, теплая одежда – это жизнь. Да и вообще, в наше время, когда один человек помогает другому, он почти всегда дает ему жизнь. Мы рады, что смогли дать вам что-то взамен.

— Может быть, останетесь у нас? — тихо спросил Левен. — Места здесь хватит на всех. Я поговорю с мэром – он давно жалуется, что не может найти толковых молодых помощников, а вы повидали мир и наверняка справитесь. Вас примут здесь хорошо, не сомневайтесь. Вы принесли радостную весть, а это не забывается.

— Мы очень польщены, — осторожно сказал Ворро. — Но наш дом – в Лимеолане. Дорога зовет нас, и мы должны продолжить наш путь.

— Жаль. Но может быть, вы хотя бы останетесь у нас ночевать?

— Нет-нет, — покачал головой Ворро. — Мы очень благодарим вас за гостеприимство, но мы не можем остаться. Зима догоняет нас, собственно говоря, она уже нас догнала, и нам нельзя терять даже нескольких часов.

— Хорошо, пусть будет так, — медленно и со вздохом сказал Левен. — Но знайте: если получится так, что вам некуда станет идти, этот дом всегда будет открыт для вас.

— Мы будем помнить, — ответил Неллью. — Всегда.

И вслед за Ворро поднялся из-за стола.

Через час снова пошел дождь с мокрым снегом. И, что было хуже всего, поднялся резкий ветер, бросающий мокрую ледяную смесь прямо в лицо. Если бы не новая теплая одежда, им бы пришлось совсем плохо, но и с ней дела обстояли совсем не лучшим образом.

— Зря мы… не остались ночевать, — в два приема выкрикнул Неллью, отплевываясь от нахальных снежинок.

— Нет, не зря, — Ворро, подняв воротник пальто, упрямо шагал вперед, прорываясь сквозь снег и ветер как ледокол сквозь полярные льды. — Мы не можем… не можем останавливаться. Задержаться где-то – значит размякнуть. На следующее утро мы не смогли бы заставить себя продолжить путь… Да и что ты наплел этим бедным старикам?! Мне было совестно смотреть им в глаза и выслушивать их благодарности. За что?!…

— Я не солгал! — бросил в ответ Неллью. — Та женщина в аэропорту и в самом деле была похожа на их дочь. Я точно помню! А если я даже ошибся – что из того?! Все равно, они, скорее всего, никогда не узнают правды! Пусть думают, что их дочь и внучка живы и в безопасности!…

— Будь я проклят, если знаю, прав ты или нет, — проворчал после длительной паузы Ворро. — Но если бы не этот подонок Лльечи, я бы, наверное, не стремился бы так в Лимеолан!… Что за проклятая погода! Нарвались же с нашим счастьем на раннюю зиму!

— Может быть, это не просто так, — Неллью обтер краем шарфа мокрое лицо. — Ты заметил, даже когда нет облаков, небо в последние недели всегда закрыто какой-то дымкой. Мне кажется, это дым от наших сожженных городов до сих пор висит в воздухе и не пропускает к земле солнечное тепло и свет.

— Причем тут пришельцы? — возмутился Ворро. — Это просто с гор гонит холодный воздух. Забыл, как это у нас бывает? Ты лучше скажи, штурман, как, по-твоему, стоит нам повернуть на юг?

— Надо поглядеть, — прокричал в ответ Неллью. — Вот

устроимся на ночлег, а завтра утром глянем на карту.

Ночевали они в этот раз на бывшей автобусной остановке. Бетонный навес с боковыми стенками неплохо защищал от ветра и мокрого снега, а, кроме того, в нем даже сохранились скамейки – с точки зрения бездомных бродяг – изрядная роскошь. В близлежащей посадке нашлось достаточно хвороста и, истратив на растопку еще пару страниц из атласа, они провели ночь почти уютно.

Наутро зима окончательно вступила в свои права. Земля, скованная морозом, почти звенела под ногами, а из быстро несущихся по небу серых туч время от времени сыпало сухое снежное крошево. Ветер не утих, но стал порывистей и то и дело поднимал в воздух короткие белые вихри.

— Не нравится мне этот поворот на юг, — обеспокоено говорил Неллью, изучая карту. — Все дело в том, что нам там подходят только две дороги, одна из которых постоянно петляет между отрогами, а на второй я только на этом листе насчитал семь мостов. Достаточно, чтобы из них был разрушен один, и нам придется возвращаться, так как обойти препятствие будет невозможно.

— Так что ты предлагаешь? — спросил Ворро, не переставая жевать.

— Есть два варианта. Можно попробовать перейти обратно на тот берег Нено и идти не на юго-восток, а на восток, к Центральному Массиву. Перебравшись через него, мы попадем в долину Таране.

— Ты так говоришь, будто нам надо обходить не город, где засела какая-то банда, а невесть какое препятствие, — недовольно проворчал Ворро. — С какой стати нам опять делать крюк на сотню километров? Мы не на машине, в конце концов, и, если ты помнишь, каждый из этих километров нам надо протопать. Своими ножками.

— Второй вариант – это отвернуть на юг, не доходя Муилена, и постараться пересечь его не у слияния с Нено, а выше по течению. Так мы почти ничего не потеряем. Плохо только, что нужная нам дорога заворачивает у самой Муизы. Это может быть рискованно.

— В такую погоду?! — хмыкнул Ворро. — Да в эту холодину ни один бандит на улицу носа не высунет, будет сидеть под крышей у теплой печки. Сколько, кстати, до этой Муизы?

— Километров двадцать. Может быть, двадцать один.

— Тогда не будем торопиться. Подойдем к повороту ближе к вечеру, когда уже начнет темнеть, а потом постараемся уйти подальше. Придется, конечно, переночевать, не зажигая костра,

но одну ночь, я думаю, мы продержимся.

Так и порешили. Им даже не пришлось специально притормаживать – дорога покрылась ледяной корочкой, и идти по ней было скользко и неудобно. В конце концов, им пришлось перейти на обочину, где покрытая снегом трава была более подходящей для ходьбы. Несколько раз по дороге им попадались деревушки и отдельные фермы, но ни одного человека они не увидели. Все было вымершим и запустелым, и Неллью все сильнее нервничал. Ему казалось, что на белой целине они стали слишком заметными и уязвимыми. Однако ничего тревожащего за день так и не произошло.

Под вечер, примерно за полчаса до темноты, дорога вывела их на высокий бугор. С него хорошо просматривалась широкая река впереди, развалины большого города на том берегу и группа каких-то построек, видневшихся в стороне среди голых деревьев обширной рощи. Река эта была Муилен, а город назывался Муиза. Постройки заинтересовали Неллью, они были белые, приземистые и чем-то напоминали ему новые корпуса Тарануэсского университета. Судя по всему, там были люди: над деревьями еле заметно поднималась разрываемая ветром струйка светло-серого дыма.

Отсюда же, сверху, был виден и нужный им перекресток, отмеченный, как дорожным знаком, большегрузным трейлером, рухнувшим набок у обочины. Сама дорога уже почти скрылась под снегом и угадывалась, в основном, по ровным рядам деревьев, стоящим по обеим ее сторонам как часовые.

Подождав, пока все вокруг не окутают синеватые сумерки, они спустились с бугра и припустили вниз, стараясь побыстрее пересечь опасное открытое место. Снова пошел снег, и это полностью устраивало Неллью: не хватало еще, чтобы утром кто-нибудь заметил их следы.

Большой грузовик возвышался впереди грудой мертвого металла. Поблизости от него застыли на обочине неподвижные бугорки – похоже, занесенные снегом легковые автомобили, попавшие одновременно с ним под бомбовый удар. Откуда-то с той стороны и раздался негромкий голос с легким акцентом, хорошо слышимый в мягкой тишине снегопада.

— Стоять! Не двигаться! Стрелять буду!

В подтверждение этих слов послышался характерный щелчок затвора.

Сердце Неллью так и ухнуло куда-то глубоко вниз. Вляпались!

— Руки за голову! — скомандовал тот же голос. — Подойдите ближе. Медленно.

Ворро и Неллью, покорно сцепив руки в замок на затылке, сделали несколько шагов вперед. Новых команд не последовало, вместо этого послышались негромкие голоса, о чем-то совещавшиеся на чужом языке.

— Черт меня возьми, это чинетский, — еле слышно пробормотал Ворро. — Кажется, один говорит, что мы не похожи на разведчиков, а второй предлагает вызвать подмогу.

— Тихо! — прикрикнули на Ворро с той стороны. — Молчать!

— Эй, вы! — громыхнул Ворро в ответ по-чинетски. — Прежде чем звать подмогу, лучше спросите по-хорошему, кто мы такие. Никакие мы не разведчики, мы – мирные путники.

Несколько секунд царила тишина.

— Вы знаете чинетский? — наконец раздался заинтересованный голос.

— Конечно, знаю, я сам чинет… по крайней мере, наполовину. А кто вы сами будете?

Из-за трейлера вышел высокий полный человек в мохнатой шапке и длинном пальто. В руках его ничего не было.

— Мы из исследовательского центра университета Муизы. Отряд самообороны. Караулим тут дорогу, так как считается, что никто кроме чинетов не сможет вытерпеть такой мороз до утра.

— Бандиты на том берегу? — сочувственно спросил Неллью. Последняя фраза была произнесена по-вилкандски, и теперь он тоже мог включиться в разговор.

— Они самые, чтоб им…А кто вы такие? И куда вы идете в такую мерзкую погоду?

— Домой идем, куда же еще. Мы – летчики, работали до войны в авиакомпании "Элиэньети Виалакана", потом как-то раз нарвались некстати на пришельцев. Пытались по морю попасть в Валез, не получилось. Вот и пробираемся обратно домой, в Лимеолан.

— Летчики!? Какое интересное совпадение. А у нас есть самолет.

— Исправный? — жадно спросил Ворро.

— Абсолютно. И даже с горючим. Может быть, вы согласитесь переночевать здесь? Или вы так торопитесь домой, что собираетесь шагать целую ночь?

— Пожалуй, нет, — улыбнулся Ворро. — Просто нас так запугали этими неведомыми бандитами, что мы решили пройти этот поворот затемно, чтобы они не заметили.

— Похвальная предосторожность, — кажется, чинет не понял юмора. — Заходите сюда. Меня зовут Ринчар. Ринчар Линд.

— А я Либсли Ворро, командир летного экипажа. Со мной мой штурман, Кисо Неллью.

В кузове трейлера, как оказалось, был оборудован самый настоящий наблюдательный пункт, из которого отлично просматривался перекресток и обе дороги. Внутри находились пара стульев, крохотная печурка, которой удавалось поддерживать температуру на уровне чуть выше забортного и слегка рассеивать кромешную тьму, и очень высокий и худой человек лет сорока пяти, вооруженный винтовкой и биноклем.

— Знакомьтесь, — представил его Ринчар Линд, который на вид был лет на десять моложе своего коллеги. — Это Кир Гордис, самая яркая звезда современной ядерной физики. К сожалению, он не говорит по-вилкандски.

— Добрый вечер, — сказал по-вилкандски Гордис с сильным акцентом, блеснув белозубой улыбкой с очень ровными зубами. — Извините, я совсем плохо знаю вилкандский. Вы говорите по-чинетски?

— Я говорю, — сказал Ворро. — Но вот мой товарищ – нет.

— Не беда, — махнул рукой Линд, снова переходя на вилкандский. — Как-нибудь договоримся. Если хотите спать, — там, в углу, полотнище. Располагайтесь.

— Подождите, как тут можно спать? — запротестовал Неллью. — Вы же нам почти ничего не сказали. Откуда у вас самолет? Какой он модели? И кто вы? Как вы попали в Вилканд?

— Вы не против, если я начну отвечать с конца? — улыбаясь, спросил Линд. — Все началось с того, что сюда, в Муизу, накануне войны была послана группа чинетских ученых, которая вместе со своими вилкандскими коллегами должна была заняться работой по созданию сверхоружия, с помощью которого мы надеялись справиться с пришельцами…

— Вот это да! — возбужденно перебил его Неллью. — Здорово! А что это за оружие, если не секрет?

— Речь шла о так называемой урановой бомбе, использующей в качестве взрывной силы энергию ядерного распада. Еще до войны теоретические работы в этой области велись и у нас, и в Вилканде, но, понятное дело, не афишировались. Однако когда появились пришельцы, на саммите в Самодонесе было решено отказаться от секретности и объединить усилия ученых разных стран, чтобы вместе заняться исследованиями и созданием этого оружия. К сожалению, пришельцы не дали нам даже толком начать работать…

— А насколько мощное это оружие? — скептически спросил Ворро. — Я и у самих пришельцев не наблюдал ничего особо разрушительного.

— Оно намного мощнее, — заверил его Линд. — Если взорвать одну такую бомбу даже в километре от корабля

пришельцев, от этого корабля не останется даже мокрого места.

— Да-а, — уважительно протянул Ворро. — В самом деле, жаль, что вы не успели сделать такие бомбы. А как они устроены?

— К сожалению, мы пока этого не знаем. Еще не выяснили. Может быть, Кир мог бы сказать вам больше. Он, в конце, концов, возглавлял этот проект с чинетской стороны.

— А вы?

— А я, к сожалению, не ученый. Моя профессия – писатель и журналист. Меня включили в группу, чтобы я выполнял, так сказать, роль официального летописца.

— Так я читал вашу книгу! — выпалил Неллью. — "Информ-война" называется. Это вы написали?

— Я. Мне говорили, что ее перевели на вилкандский, но своих читателей здесь я еще не встречал. Вам понравилось?

— Да. Честное слово. Она знаете, такая, неожиданная. Никогда не задумывался, что ложь, полуправда, дозирование информации могут быть таким грозным оружием.

— Пока еще нет, — серьезно сказал Линд. — И я надеюсь, не станут. Признаться, вначале я хотел только поразмыслить, к чему может привести манипулирование общественным мнением, а вышла в итоге весьма мрачноватая вещь.

— Зато интересная, — восхищенно сказал Неллью. — А вы еще что-то написали?

— Да, "Информ-война" – это моя четвертая книга. Вообще-то, я больше пишу более традиционную фантастику.

— Фантастику? — удивился Ворро. — И вас из-за этого включили в группу, занимающуюся разработкой сверхоружия?

— Наверное, нет, — засмеялся Линд. — Я по образованию экономист, но так получилось, что я стал журналистом, а затем писателем. Сейчас я веду еженедельную рубрику "Наука и техника" в "Криденгской городской газете" и уже давно знаком и с Гордисом, и с его коллегами, и с предметом их исследований. Очевидно, потому и не нашли кандидатуры лучше меня. Только увы, пока мне приходится писать совсем о других вещах.

— Боюсь, это будет не самая веселая книга, — вздохнул Неллью.

— Да, уж. Сначала были бомбы. Потом, пока еще была связь с Самодонесом и Тарануэсом, нам предложили эвакуироваться в Гордану…

— В Гордану? — ахнул Неллью. — Они же предали всех нас, сговорившись с пришельцами!

— И тем не менее, в Гордану. Горданцы смогли выторговать у пришельцев неприкосновенность для себя, дав им возможность без помех убивать нас, но они – тоже филиты и не могут целиком

и полностью перейти на сторону чужих… Так или иначе, часть нашей группы покинула Муизу. Мы не знаем, удалось ли им благополучно добраться до побережья… Другие остались. Нам немного повезло: нас бомбили, но, к счастью, ни одна из бомб не упала нам на голову. Нашим ученым удалось даже продолжить исследования и добиться кое-каких результатов…

— Значит, теперь вы можете сделать бомбу? — снова перебил его Неллью.

— Нет, куда там! Мы только сделали первый шаг на очень, очень долгом пути. Но все же, мы чего-то добились. И уже думали над тем, чтобы переправить материалы в Чинерту…

— А почему не в Гордану?

— В силу тех причин, о которых вы сами только что сказали. Кроме того, здесь, в Вилканде, мы ничего не можем сделать. Уже сейчас ясно, что для того чтобы изготовить бомбу, нужно буквально создать целые отрасли промышленности. Чинерта велика, наверняка не все ее земли пострадали так же сильно, как Вилканд. У нас добывают уран, и есть его запасы в хранилищах. Ну, а здесь, в Муизе, есть самолеты…

— Вспомнил! — воскликнул Неллью. — Музей авиации в Муизе! Как это я не догадался!?

— Так вот, зачем мы вам нужны, — мрачно проворчал Ворро. — Вы хотите лететь в Чинерту? Что же, почему бы и нет? Только чур, через Лимеолан!…

— Тихо! — вдруг приказал по-вилкандски Кир Гордис.

Откуда-то доносились звуки стрельбы. Приглушенные расстоянием автоматные очереди, одиночные выстрелы, затем что-то дважды гулко бухнуло, и снова наступила тишина.

— Однако, — растерянно сказал Неллью.

— К сожалению, неделю назад у нас за рекой появились очень неприятные соседи. Откуда-то явилась большая и хорошо вооруженная банда. Наш исследовательский центр – весьма лакомый кусочек для них. У нас сохранилась большая часть зданий, есть горючее, запасы продовольствия, электроэнергия. К счастью, в первый раз они вздумали взять нас с налету, чуть ли не голыми руками, и мы отбились. Зато теперь не знаем покоя ни днем, ни ночью. Мы обратились к военным за помощью, но они довольно далеко отсюда, в городе под названием Велльер, и если они не успеют, нас просто возьмут измором.

— А если… — начал Ворро.

— Послушайте, — по-чинетски сказал Кир Гордис, на секунду оторвавшись от бинокля. — Ложитесь-ка вы лучше отдыхать. Все дела утром. Не знаю, как у вас, а у нас в Чинерте говорят: "Утро вечера мудренее".

Глава 58. Воздушная война

При свете дня исследовательский центр производил меньшее впечатление, чем ночью. Темнота подчеркивала необычные очертания невысоких белых зданий, похожих на россыпь детских кубиков разных размеров и форм, маскировала шрамы, нанесенные войной, скрывала пустые провалы огромных окон и прорехи в стеклянных крышах. Сейчас все это оказалось на виду, превратив ведущий научный центр страны в обычный городской район после бомбежки.

— Никогда бы не подумал, что у вас здесь продолжают работать над серьезными вещами, — хмыкнул Ворро. — Все выглядит настолько заброшенным, что я даже удивляюсь, как на вас могли польститься бандиты из-за реки.

— Наблюдателей с воздуха легче обмануть, — ответил Ринчар Линд. — Достаточно было лишь не разбирать развалины административного корпуса, не заделывать выбитые окна и проломленные крыши, а также поменьше показываться самим. Вблизи такая примитивная маскировка не срабатывает. К счастью, мы уже больше не одиноки. Незадолго до рассвета, когда вы спали, прибыла помощь из Велльера. Целая рота солдат с тремя крупнокалиберными пулеметами и безоткатным орудием.

— Это они подняли такую стрельбу ночью? — поинтересовался Неллью.

— Нет. Это нас, похоже, еще раз пытались штурмовать. Но наши умельцы пару дней назад соорудили катапульту, которая метает разрывные бомбы. Слышали взрывы? Пока на бандитов это действует. Впрочем, подробности мы узнаем в штабе.

— У вас это называется штаб? — ухмыльнулся Ворро.

— А как же. Все безнадежно штатские люди испытывают глубокое почтение к различным военным словечкам. К тому же слово "директорат" звучит как-то слишком буднично, вам не кажется?…

"Штаб" размещался в самом, пожалуй, невзрачном здании центра – как вполголоса сообщил Линд, бывшей столовой. В ней было пустынно и очень тихо – очевидно, весть о прибытии подкрепления еще не успела распространиться по спящему городку. В вестибюле маячили двое молодых серьезных людей в военной форме, но они вряд ли играли роль часовых, так как Ворро и Неллью, сопровождаемые Гордисом и Линдом, проникли внутрь не только без проблем, но и без вопросов.

Поднявшись на второй этаж, они пошли по длинной галерее, огибающей по периметру обеденный зал, где разместились

солдаты из Велльера. Линд сразу же заскочил в одну из дверей и через полминуты вынырнул обратно с обнадеживающими известиями.

— Ночью отбились без потерь, — сообщил он, шумно переводя дух. — Более того, даже впервые захватили одного пленного! Сейчас его допрашивает капитан из Велльера в кабинете директора центра, так что нам придется подождать.

Но ждать им не пришлось. В следующем коридоре послышалось какое-то оживление. Оттуда появились двое солдат с автоматами, заброшенными за спину. Они тащили под локти упирающегося простоволосого парня в порванном ватнике, из которого во все стороны торчали грязно-белые клочья. За этой троицей не спеша следовали изящный молодой военный в полевой форме и офицерской фуражке и лысеющий пожилой чиновник в неприметном сером костюме и очках с металлической оправой.

— Запирается, сволочь, — расслышал Неллью негромкий голос офицера. — Но ничего, господин директор, это он сейчас перед нами хорохорится, скоро он живо заговорит.

Неллью скользнул безразличным взглядом по лицу пленника и вдруг узнал его. Если сменить разодранный ватник на аккуратную серую форму и слегка пригладить торчащие во все стороны короткие темные волосы, перед ним представал… один из охранцев Тарануэсского аэропорта! Да, да, тот самый, который привел их к боссу, а затем провожал в комнату, отведенную им на ночь!

— Ли, — сказал Неллью, толкнув Ворро в бок. — А мы ведь знаем этого парня. Узнаешь?

— Точно! — Ворро с интересом взглянул на продолжающего упираться пленника. — Эй, парень, а откуда ты здесь взялся? Вас что, из аэропорта вышибли или ты сам в свободные охотники подался?

Голос Ворро громко раздался в пустом коридоре. Солдаты прекратили тащить пленного, и он, потеряв равновесие, грохнулся на колени.

— Господин авиатор?!… - с удивлением прошептал он, глядя на Ворро.

— Что?! — немедленно заинтересовался офицер. — Вы его знаете? Откуда? Кто вы? Впрочем, это неважно. Вы что-то знаете об этой банде?

— Не надо, — торопливо подал голос бывший охранец. — Я сам скажу! Все скажу!…

На следующем допросе присутствовали Ворро и Неллью как живые детекторы лжи, а также Ринчар Линд, постоянно

корябавший что-то в потрепанном блокноте, извлеченном из кармана пальто. Кира Гордиса с ними не было. Он по-чинетски попрощался с Ворро и ушел, заявив на прощание, что в лаборатории готовится какой-то важный эксперимент, а потому у него нет времени на всякие глупости. Пленный охранец, уже вполне тихий и спокойный, сидел посреди комнаты на шатком стуле и рассказывал, рассказывал, рассказывал, покорно отвечая на вопросы деловитого капитана и даже что-то показывая на большой карте. Почему-то при этом он все время косился на Ворро.

Как говорил бывший охранец, проблемы у них начались примерно через неделю после появления в столичном аэропорту Ворро и Неллью. Парочка набегов, предпринятых самозванным бароном с целью пополнения числа подданных, привлекла к себе повышенное внимание городских властей, понемногу пришедших в себя после окончания бомбежек. Охранцы, несмотря на весь свой гонор, не смогли противостоять полиции и национальной гвардии и после короткого боя были выбиты со своей базы и обратились в бегство. Растеряв около трети личного состава, они в конце концов оторвались от преследователей и через две недели скитаний были приведены непреклонным боссом в окрестности Муизы. Здесь, вдали от крупных центров, они намеревались предпринять вторую попытку…

— Ладно, — подвел итог офицер. — Тоже мне, великие завоеватели… Увести!

— Вы помните, я дал показания добровольно, — заискивающим тоном напомнил пленный. — Это мне зачтется?

— И зачтется, и воздастся. Уберите его!

Дожидаясь, пока солдаты выведут смирного охранца, офицер раздраженно постукивал костяшками пальцев по крышке стола.

— Вот, что, господа, — недовольно сказал он, обращаясь к директору исследовательского центра. — В своем послании вы сильно недооценили силы нашего противника. У меня не хватит сил, чтобы справиться с ним.

— Но, господин капитан! — поднялся с места покрасневший директор. — Мы всего лишь ученые. Не требуйте от нас, чтобы мы поступали как военные профессионалы. И разве у вас мало солдат? Этих бандитов не больше шестидесяти, а у вас под началом целая сотня!

— Их целых шестьдесят! Шесть десятков хорошо вооруженных и обученных совместным действиям людей, занимающих позиции на другом берегу широкой реки и, притом, в разрушенном городе с массой убежищ и укрытий. Я не могу отправить своих людей на штурм в такой обстановке.

— Простите, не понимаю вас, — подал голос полный пожилой мужчина, сидящий рядом с директором. — Но разве несколько ваших солдат не смогут ночью переправиться на тот берег, тихо снять их сторожевые посты, а потом и весь ваш отряд скрытно пересечет реку, чтобы взять их, как говорится, тепленькими?

— Мы с вами не в кино, господа. И у меня под началом не коммандос, а обычные солдаты-призывники. Реку можно переплывать в любом месте, ее берега противником не охраняются. Вопрос, как захватить его врасплох прямо в логове?!

— Послушайте, — нарушил наступившую тишину Ринчар Линд. — А почему бы нам не использовать авиацию?

— Что?

— Он имеет в виду нас, — объяснил Ворро. — Но хочу сказать, что это авантюра. Я не согласен.

— Вы? — спросил капитан. — А кто вы такой?

При этом он посмотрел на директора, который удивленно пожал плечами.

Ворро коротко посвятил собравшихся в курс дела. Как заметил Неллью, его друг уже научился тратить на описание их приключений не больше десятка фраз.

— Да, я помню, — директор посмотрел на Линда. — Рискованный план, но вы правы: это наша единственная надежда.

— Я бы сказал, тень надежды, — заметил Линд.

— Но, тем не менее, ваши усилия достойны уважения. Однако вы говорили о полете в Чинерту, а не… м-м-м… военных действиях. Если молодые люди…

— Молодые люди хотели бы высказать и свое мнение, — бесцеремонно перебил его Ворро. — По моему мнению, все это – разговоры в пользу бедных. Я был бы не против слетать в Чинерту, если по дороге можно будет сделать остановку в Лимеолане. Более того, у нас с напарником есть свои счеты к этой банде, и мы бы не отказались сбросить им на голову что-нибудь тяжелое. Но неужели вы, уважаемые господа ученые, не помните, кому здесь принадлежит небо? Да пришельцы не дадут мне даже оторваться от земли!

— Вы ошибаетесь, — возразил ему еще один из участников собрания, невысокий человек лет сорока со взъерошенной шевелюрой. — Пришельцы не настолько всеведущи, как вам кажется. А в последние два дня они вообще снизили активность до минимума.

— Это-то я знаю, — проворчал Ворро. — Но мне как-то не хочется надеяться на счастливый случай. Меня уже разок сбивали, и это не то удовольствие, которое хотелось бы повторить

еще раз.

— Ни о какой случайности речи не идет, — торжественно сказал взъерошенный. — Пришельцы находят свои цели в воздухе благодаря радарам. Мы научились их засекать и создали прибор, который предупредит вас об опасности. Если вы успеете быстро сесть, вам ничего не будет угрожать.

— Такие штуки хорошо проделывать на вертолете, — хмуро сказал Ворро.

— А если я вам скажу, что мы уже испытывали наш прибор и не потеряли при этом ни одного самолета?

— Черт бы вас побрал! — вдруг засмеялся Ворро. — Вы меня соблазняете самым жутким образом! Ну что же, если вы согласитесь лететь со мной, я готов!

— Пожалуйста! — в тон ему ответил взъерошенный. — Принимаете вызов?

— Принимаю. Вот только знаете ли вы, как меня правильно использовать?

— А об этом уже не беспокойтесь, — довольно улыбнулся офицер. — Я обязательно что-нибудь придумаю.

"Это все всерьез, — убеждал себя Неллью. — Это все по-настоящему. Сейчас мы взлетим, и я сделаю все, что должен сделать…".

Убеждалось плохо. Все вокруг казалось слишком обычным и будничным. По правую руку – нависающие сбоку длинные ангары музея авиации, с другой стороны – широкое поле с торчащей из-под снега высохшей травой, за ним – белые корпуса исследовательского центра в обрамлении частокола оголенных деревьев. Под ногами – неширокая взлетная полоса, словно расчерченная в белую клетку снегом, набившимся в щели между бетонными плитами. Даже самолет был вполне обычным и знакомым – учебная спарка на базе легкого истребителя "Стрела", устаревшего и снятого с вооружения еще до войны.

Необычными были обстоятельства. В последний месяц Неллью не раз предавался мечтаниям, в которых он видел себя за штурвалом истребителя, сбивающего вражеские "Молнии", или в штурманской кабине бомбардировщика, готового обрушить свой груз прямо на космический корабль чужаков. Но ни в одном сне ему не могло привидеться, что воевать ему придется против филитов. Это было как-то неправильно, и Неллью все никак не мог заставить себя поверить в реальность происходящего. Вчера он сам принимал участие в выработке плана, что-то предлагал, спорил, доказывал, но это было только игрой, упражнением для ума, фантазией на заданную тему. Но вот наступил тот час, когда

фантазия должна была превратиться в действительность. Маленькую войну за власть над обломками погибшего мира…

— Эй, Кисо, ты в порядке? — негромко окликнул его Ворро. — Если что, тебя еще не поздно заменить.

— Нет, Ли, я готов, — твердо сказал Ворро, стараясь вернуть себе спокойствие. — Я сделаю все, что надо.

В этот момент он осознал, что не может отступить. И не только от страха перед тем, что Ворро сочтет его трусом. Босс и его банда первыми нарушили законы, божеские и человеческие, повернув оружие против своих. Общество должно иметь право защищаться от подобных отщепенцев, карая их за то зло, которое они приносят в мир…

А Ворро был полностью в своей стихии. Опершись на крыло, он внимательно слушал специалиста по радарам, чьи растрепанные волосы сегодня находились в еще более живописном беспорядке. Кажется, он всерьез воспринял предложение Ворро лететь вместе и расстроился от того, что спарка была рассчитана только на двух человек.

— …Старайтесь держаться как можно меньшей высоты, — советовал он, кивая хохолком стоящих дыбом жестких черных волос. — Как мы полагаем, помехи, создаваемые земной поверхностью, будут мешать пришельцам засечь вас. Но если у вас на индикаторе – мы вывели его и на основную, и на дублирующую панель – замигает или, тем более, загорится лампочка, немедленно садитесь. У вас будет не более трех минут… Мы, правда, не знаем дальности действия радаров пришельцев, но во время наших опытов пилот сразу же шел на посадку. Зато оставался цел. Какой срок можно считать безопасным, мы не определили…

— Хорошо, хорошо, — успокаивающе кивнул Ворро. — Я буду помнить ваши советы. Определимся… По местам, Кисо!

В воротах ближайшего ангара появился техник, толкающий перед собой небольшую тележку, груженную темно-зелеными ребристыми жестянками. Неллью залез в свою кабинку за спиной Ворро и начал осторожно вкладывать подаваемые ему жестянки в подготовленные для них гнезда.

"Готов? — услышал он в наушниках голос Ворро. — Тогда поехали!"

Легкий самолетик стремительно покатил по полосе, слегка подрагивая на стыках плит. Неллью завозился, устраиваясь поудобнее в своем кресле, чуть более широком, чем это требовалось.

Кресла, установленные на спарке, вчера сняли со штурмовика военных лет. Они не совсем подходили по размеру, зато были

снабжены бронеспинками, и это напомнило Неллью, что их ожидает встреча с настоящим противником, который будет пытаться их убить. Но это ощущение за последний месяц стало почти привычным.

За рощей, через которую самолет перевалил, едва не касаясь верхушек деревьев неубирающимися стойками шасси, Ворро начал резко набирать высоту, и Неллью увидел впереди мост. Бомба, угодившая в центральную опору, заставила его буквально сложиться пополам, но между плавно уходящими под воду частями настила были переброшены мостки – узкие и ненадежные, но позволяющие пересечь реку Муилен, не замочив ног. Это была единственная переправа на протяжении, по меньшей мере, сотни километров, и не удивительно, что боссовы охранцы поспешили взять ее под свой контроль. Как показал пленный, мост постоянно охраняли не менее дюжины отборных бойцов: половина в предмостном укреплении, половина – в сторожке на том берегу.

Для Неллью этот мост был долгое время только черточкой, символом на карте, и увидев его воочию, он на мгновение замер.

— Кисо, ты готов? — возбужденный голос Ворро вернул его к действительности. — Мы начинаем!

— Да, я готов, — поспешно ответил Неллью. — Держи прямо на мост!

Подтянувшись, Неллью открыл фонарь кабины, и ледяной ветер сразу же набросился на него. Но Неллью, не обращая внимания на мгновенно заледеневшие нос и щеки, вытащил из гнезд несколько зеленых жестянок и зажал их перед грудью, ухватившись свободной рукой за спусковые шнуры.

С оглушительным треском мотора самолет пикировал прямо на мост. Перед глазами Неллью пронеслось, как бело-серая мозаика, покрытое снегом поле, промелькнули фигурки людей, залегших за железнодорожной насыпью, появилась и пропала полоса дороги, перед самым въездом на мост перегороженная невысокой баррикадой…

И тогда Неллью начал сбрасывать вниз жестянки. Не успев долететь до земли, они разрывались, испуская клубы белого дыма.

В жестянках был хлорпикрин – вполне безвредный, но весьма эффективный слезоточивый газ. Он должен был вывести из строя защитников моста, а затем за дело должны были взяться солдаты из Велльера.

Ворро вывел самолет из пике и стал поворачивать на второй заход. Но в нем уже не было нужды. Весь ближний конец моста

заволокло белое облако, а к нему бежали от рощи и железной дороги люди в длинных шинелях и противогазах. Навстречу бегущим из дымного облака вывалился человек в сером и стал кататься по земле, яростно протирая лицо снегом.

Только сейчас на той стороне поняли, что случилось что-то неладное. С дальнего берега ударили несколько автоматов, и вдоль моста протянулись черточки трассеров.

По самолету никто не стрелял, видимо, охранцев не учили бороться с воздушным противником, и в горячке начавшегося боя никто не смог сломать привычные стереотипы. Ворро прямо, как по струнке, провел самолет прямо над позициями защитников моста, и его путь был отмечен пунктиром лопнувших газовых шашек.

— Молодец! — прокричал Ворро, снова разворачивая самолет. — Так им, гадам!

Стрельба утихла. На ближнем берегу реки дымное облако уже начало рассеиваться, и Неллью видел, как несколько солдат деловито связывают все еще ничего не понимающих охранцев. На мосту и перед мостом виднелось с десяток темных пятен, и у Неллью на мгновение сжалось сердце, но тут же он понял, что это только сброшенные шинели.

Около десятка человек, потрясая хоботами противогазов, бежали гуськом по узким мосткам, переброшенным над темной струящейся водой. Им никто не мешал, но Ворро снова пролетел над целью, и Неллью сбросил вниз еще пару шашек – для верности.

— Мы их сделали! — снова послышался в наушниках радостный вопль Ворро. — Кисо, это круто! Мне нравится так воевать!

На другом берегу Муилена тоже было все кончено. Солдаты, пока не снимая противогазов, оттаскивали пленных охранцев подальше от постепенно развеивающегося белого облака – продышаться и протереть снегом глаза. Их командир – не отличимый от других в таком же кителе и противогазе – поднял вверх скрещенные руки, сигнализируя летчикам, что захват моста прошел успешно. В ответ Ворро покачал крыльями, показывая, что он все понял, и, снизившись, пошел обратно на аэродром, где их уже ждали. Все тот же техник осторожно выкатил на своей тележке десяток мягких клеенчатых мешков с примотанными к ним изолентой подрывными патронами.

К этим мешкам все относились не в пример осторожнее, чем к жестянкам со слезоточивым газом. Внутри был напалм, изготовленный в полукустарных условиях, но вполне настоящий и смертоносный, и Неллью непроизвольно вздрогнул, представив

себе, что будет если в их груз попадет хотя бы одна пуля. Живыми до земли они, по крайней мере, не долетят.

Затем медленно потянулись минуты. От захваченного моста до окраины Муизы, где засели бандиты, было около десяти километров, и надо было дать солдатам время занять исходные позиции. Прошло больше полутора часов, прежде чем далеко над прибрежными зарослями не лопнула красная сигнальная ракета. Это солдаты начали отвлекающую атаку на город со стороны реки.

Захлопывая фонарь кабины, Неллью встретился взглядом с Ринчаром Линдом, который тоже был среди провожающих. Линд на мгновение оторвался от своего блокнота, в котором он постоянно что-то писал на ходу, и с улыбкой поднял вверх сжатый кулак, желая удачи.

Самолет медленно набирал высоту и Неллью почувствовал где-то в животе неприятное ощущение. Там, на мосту, была только разминка, здесь же война должна была начаться всерьез.

Впереди появилась широкая полоса реки, и Неллью сосредоточился на том, что он видел внизу. Солдатам из Велльера удалось благополучно форсировать Муилен, но теперь они лежали, не поднимая голов, среди коряг и кустов ивняка, а сверху, из-за парапета набережной, их обстреливали из автоматов десятка полтора охранцев.

Эти были уже более сообразительными, а может, у них было больше времени подготовиться к встрече, но так или иначе, несколько охранцев открыли по ним огонь. Одна из пуль буквально впритирку к руке Неллью прошила фюзеляж, другая звонко цокнула по спинке бронекресла, но в этот момент самолет, летящий на бреющем полете вдоль берега, уже оказался над целью, и Неллью принялся за свое привычное дело. Он хватал жестянку, рывком выдергивал шнур и бросал, выдергивал и бросал, целясь в слегка занесенную снегом дорогу. Сзади поднимался, клубясь, белый дым, и Неллью краем глаза видел, как из прибрежных зарослей выскакивают солдаты в противогазах и начинают, спотыкаясь, взбираться по наклонным бетонным плитам набережной.

Этот рубеж тоже был взят. Но впереди был город – целый лабиринт разрушенных кварталов, промышленных зон, улиц и переулков, где небольшая группа может успешно скрываться днями и неделями и, появляясь ниоткуда и исчезая в никуда, наносить тяжелые потери наступающим.

Неллью напряженно вспоминал план Муизы. По словам пленного, босс разместил свой отряд в здании бывшей школы, недалеко от стадиона, который и сейчас должен был оставаться

хорошим ориентиром.

Сверху развалины казались однообразными. Промелькнул внизу небольшой отряд, но, судя по длинным шинелям, это были солдаты, выходящие на позицию для атаки. Неллью в отчаянии завертел головой и вдруг увидел на приборной доске перед собой ярко и тревожно горящую лампочку индикатора.

— Пришельцы! — выкрикнул Неллью. — Нас засекли!

— Вижу! — озабоченно откликнулся Ворро. — Поторопись, черт возьми!

Сколько в их распоряжении? Три, четыре минуты? Поздно! До аэродрома тянуть не меньше семи! Успокоиться и сосредоточиться! Где-то здесь должен быть этот стадион. Здесь обязан быть стадион!…

— Вот он! Вижу его! Ли, прими на тридцать градусов вправо!

— Понял. Вижу. Давай, Кисо! Зададим им жару!

Стадион вырастает прямо по курсу. Широкое поле, покрытое снегом, ровные черточки трибун, большое табло с застывшими усиками часовых стрелок сбоку… И почти сразу же за ним – четырехэтажное здание в виде буквы "П" с красной крышей. Во дворе видна группа людей. Рядом длинный одноэтажный барак, крытый железом, — школьный спортзал, где охранцы, по словам пленного, держат своих рабов…

Заход на цель. Лампочка на приборной доске горит, не переставая, тревожным огоньком. Снизу их тоже видят, и от земли в небо тянутся строчки очередей. Самолет вздрагивает раз, другой, но Ворро держит его на заданном курсе.

— Давай, давай! — звучит в наушниках напряженный шепот Ворро. И через секунду: – Есть! Получи, босс!

Неллью бросает один за другим сразу три мешка. Один разрывается на крыше бывшей школы, растекаясь по ней черно-оранжевым пламенем, но два других рвутся прямо во дворе, среди мечущихся фигурок. Взметаются ввысь два султана жидкого огня, и внизу черный силуэт вздымает вверх черточки рук и падает, падает…

Самолет делает разворот, и горящий двор снова оказывается перед ними. Ворро ведет машину на второй заход, и Неллью, не обращая внимание на ветер, леденящий лоб и щеки, сбрасывает в дымную пелену еще три мешка с напалмом. Один из них, как он успевает заметить, разрывается, врезавшись в стену здания, и стекает по ней огненным дождем.

Но это еще не все! Добить, добить врага в его логове! Ворро, ругаясь, ведет самолет по кругу, но в воздухе уже, шипя, лопается зеленая ракета. Это означает – победа, остатки сил противника прекращают сопротивление, и можно теперь позаботиться о себе.

Как долго уже горит тревожная лампочка? Три, пять минут? Не важно! Мотор работает с перебоями, вокруг струится запах горячего бензина, и Ворро упрямо тянет прочь от города, поближе к спасительной реке. До аэродрома не дотянуть, но, по крайней мере, на том берегу реки начинается ровное поле…

— Держись, Кисо! — слышится в наушниках злой голос Ворро. — Выбрасывай к черту свои зажигалки! Эта развалина и без них вот-вот вспыхнет! Я сажаю!…

Мотор замолкает, и самолет начинает клевать носом. Ворро с руганью выправляет его, нацеливаясь прямо на темно-коричневую ленту реки. Неллью выбрасывает за борт, словно балласт, последний мешок и съеживается в своем кресле, прикрыв лицо руками. Лампочка индикатора на приборной доске по-прежнему горит, но страха на все словно бы и не хватает, и она воспринимается почти спокойно.

Посадка! Самолет вспарывает речную гладь своими шасси. Удар! Еще один! Самолет отскакивает от воды, словно легкий камешек. Еще один прыжок! Спарка зарывается в воду носом с криво торчащими лопастями винта и вдруг уходит вниз, словно подлодка. Еще один удар, на этот раз о дно. Через открытый фонарь хлещет ледяная вода, пахнущая водорослями.

— Черт возьми, — раздается в отдалении голос Ворро. — Кажется, я становлюсь спецом по вынужденным посадкам. А ну, ходу!

До берега совсем недалеко, и вода доходит Неллью только до груди. Невысокому Ворро приходится плыть, и он колотит по воде руками, по-собачьи отфыркиваясь. Возле самого берега он тяжело поднимается на ноги и задирает вверх голову.

— Проклятье! Допрыгались! Вот они, пожаловали к шапочному разбору!

Высоко в небе появляются девять черных точек, стремительно увеличивающихся в размерах. На секунду они окутываются белым облачком, и от них отделяются несколько длинных дымных стрел.

Берег густо порос кустами, и так просто на него не выбраться. Потерпевшая крушение спарка совсем рядом, она глубоко зарылась носом в речной ил, а хвостовая часть высоко торчит над водой как нелепый памятник. Бежать некуда и некогда, и Ворро и Неллью, стоя по колено в воде, просто смотрят, как ракеты находят свою цель. Несколько разрываются где-то в городе, откуда поднимается к небу столб черного дыма. Одна пролетает низко у них над головой, и спустя несколько секунд где-то на этом берегу реки гремит еще один взрыв.

— Только бы наших не задело, — озабоченно говорит Неллью, поднимая голову.

— Дыма нет, значит, наверное, не задело, — деловито откликается Ворро. Он следит за "Молниями", которые уже прочертили небо у них над головой и теперь скрываются из виду. — Кстати, ты не засекал, сколько мы пробыли в воздухе после обнаружения?

— Что?… Нет.

— Жаль. Но по-моему, явно больше трех минут. И заметь, мы с тобой при этом остались целы и невредимы. А вот самолетик наш отлетался… Ну что, пошли?

— К-куда?

— На берег, куда же еще?! Или ты так любишь принимать зимой ножные ванны?

— Похоже, кончились наши полеты! — Ворро сердито обозревал огромную воронку, обезобразившую взлетную полосу. — Это опять нам в Лимеолан пешком топать! Только время зря потеряли.

Неллью молча кивнул, признавая правоту друга. Ракета не причинила вреда ни исследовательскому центру, ни даже музейным ангарам. А вот аэродрому, похоже, конец. Такую дырищу так просто щебнем не закидаешь. Да и плиты чуть ли не полсотни метров вокруг понавыворачивало…

— А вам и не придется этой полосой пользоваться, — весело рассмеялся Ринчар Линд. — Пойдемте со мной.

Самолет, занимавший почти весь ангар, выглядел очень необычно. На вид он немного напоминал альбатроса – небольшое легкое тело летающей лодки и длинные крылья, опирающиеся на поплавки.

— Это уникальная машина, — сказал Линд с мечтательной интонацией. — На ней Ринан Кьюзо и Оноран Печари в 45-ом году совершили свой перелет через Великий Восточный океан.

— Так это и есть "Буревестник"? — наконец понял Неллью. — Сверхдальний гидросамолет?

— Совершенно верно. На нем мы и планировали добираться в Чинерту, только у нас некому было его повести…

— И вы думаете, его поведу я? — недовольно проворчал Ворро. — Никогда не имел дела с этими летающими корытами и не стремился.

— Во-первых, никто не требует от вас лететь прямо завтра, — усмехнулся Линд. — Кир говорит, что ему нужна, как минимум, неделя, чтобы получить какие-то важные результаты. А во-вторых, у нас есть хороший инструктор. Сам Оноран Печари вас устроит? Он уже немолод и неважно видит, но этот самолет он знает как свои пять пальцев!…

После того, как все вопросы, связанные с полетом, были утрясены, Неллью украдкой подошел к Линду.

— Послушайте, — тихо сказал он. — Вы писатель и должны разбираться в людях. Понимаете, несколько часов назад этими напалмовыми бомбами я убил десять человек…

— Восемь, — машинально уточнил Линд. — И среди них, как его… шефа.

— Босса. Но это не важно. И пусть мне говорят, что этим я спас много жизней, так как после гибели босса бандиты сразу сдались… Понимаете, я ничего не чувствую. Я убил людей и ничего не ощущаю. Совсем ничего. Будто бы, как в детстве, забросал камнями замок из песка… Неужели я стал таким же… убийцей?…

Ринчар Линд долго молчал.

— Мне кажется, вы остались прежним, — наконец сказал он. — Просто воздушная война – особая война. Сверху люди кажутся совсем маленькими… вроде букашек. И поэтому, наверное, их становится так легко и бездумно давить.

Глава 59. Железная пята над олигархией

— Мне понравился ваш материал, — сказал главный редактор, откладывая в сторону несколько машинописных листов.

— Большое спасибо, — наклонил голову Майдер Билон. — Ваша похвала очень ценна для меня. Эта статья мне действительно очень дорога, и дело здесь даже не в тех двух неделях, которые я потратил на ее подготовку…

— Это заметно, — усмехнулся главный. — У вас вышло, скажем так, весьма эмоционально. Читаешь, и прямо… это… кипит разум возмущенный!

— Кипит, — согласился Билон. — Понимаете, одно дело – слышать о таких вещах, и совсем другое – сталкиваться с ними воочию. И что меня больше всего поразило – вроде бы, крупная корпорация, обороты в сотни миллионов, и что им стоило выплатить нормальную компенсацию и решить все тихо, мирно и полюбовно!? Так нет, полтора года буквально выгоняют людей из их домов, нарушают законы, нанимают каких-то бандитов, покупают полицию, суды, чуть ли не администрацию всего дистрикта! Творится возмутительная несправедливость, но никто этого словно не замечает! Просто становится больно и обидно, что в нашей стране возможен такой беспредел!

— Но кое-где вы все-таки сдерживали свое гневное перо, — заметил редактор.

— Увы. Сдерживал. Признаться, в какой-то момент мне просто стало страшновато. Вы ведь знаете, в нашей стране неприкосновенных людей нет. Убивают депутатов, прокуроров, губернаторов, что там говорить о скромном журналисте? И… вы сами читали, что происходит там. Мне моих ног жалко, они, в конце концов, меня кормят. Да и кое-каких документов мне достать так и не удалось. Поэтому о многих вещах пришлось умолчать.

— А вы не молчите, — посоветовал редактор. — Поверьте, "Курьер" может постоять и за вас, и за себя. Давайте уж все концы. Вы ведь можете?

— Могу, — хищно улыбнулся Билон. — Ручаюсь, голословных слухов там не будет. Только проверенная, хотя и не всегда подтвержденная документально информация. Когда вам принести материал?

— Желательно, часам к двум. Я бы хотел видеть вашу статью в завтрашнем приложении.

— Я постараюсь, — медленно сказал Билон.

Он был удивлен. В еженедельное приложение к "Курьеру", выходящее по выходным дням, попадали только самые выигрышные материалы. Распространялось это приложение по чисто символической цене, и читала его, без всякого преувеличения, вся Гордана. Неужели главному так хочется раздуть скандал? Что же, дело хозяйское…

— И еще, — остановил редактор Билона, уже встающего из-за стола. — Я бы хотел оговорить один момент. Причем здесь Движение? Мне кажется, к вашей истории оно не имеет особого отношения.

— Движение здесь как раз очень причем, — возразил Билон. — Они единственные, кто вступился за этих несчастных людей. У меня возникло впечатление, что если бы не помощь Движения, всех их просто тихо задавили бы за пару месяцев. Все эти судебные тяжбы, постоянные обращения к властям, апелляции…

— Я понял, — прервал его редактор. — Но давайте просто сосредоточимся на жертвах, хорошо? Я хочу, чтобы люди рыдали, когда они будут читать вашу статью. Крупная корпорация, принадлежащая известному бизнесмену, давит и душит ни в чем не повинных людей – это так трогательно. Понимаете, читательская аудитория приложения имеет свои особенности…

— Хорошо, — скрепя сердце сказал Билон. — Я учту ваши замечания.

— Да, и когда закончите, снова загляните ко мне. У меня есть для вас новое задание. И кстати, оно касается именно Движения. Вам известно о процессе, который на следующей неделе открывается в Зейгалапе?

— Э-э-э… Признаться, я не следил за такими вещами. Последние две недели у меня были очень сильно загружены…

— И все-таки, я бы хотел, чтобы вы взяли эту тему. Речь идет о ранении полицейского на демонстрации.

— Кажется, я помню. Но это ведь было совсем недавно!

— Да, двадцать первого, по-моему.

— И уже начинается судебный процесс? Так быстро?

— Ну, вы же знаете, для дел, рассматриваемых по Закону о бунтовщиках, предусмотрено ускоренное производство. Вы убедитесь, там проблема намного шире единичного случая.

— Не знаю, — пожал плечами Билон. — В любой организации хватает своих экстремистов. А в заговоры я, простите, не верю. Признаться, я не разбираюсь в политике и не разделяю взгляды Движения, но в последнее время я их начал уважать.

— Тогда вам тем более нужно ехать в Зейгалап. Уверен, что

там вы узнаете о многих новых для себя вещах. Вот увидите, этот процесс будет играть для всей нашей страны огромное, прямо-таки судьбоносное значение!

"А неплохой получился материал", — усмехнулся про себя Билон, спускаясь по лестнице. Как прочитаешь, так прямо хочется воздеть руки к небу и возопить: "Доколе?!"

Конечно, главный был прав. В полном виде статья вышла намного сильнее, можно сказать, убойнее. И вряд ли кто-нибудь его теперь тронет: после такой огласки – себе дороже. Будь он на месте той фирмы, наилучшим вариантом было бы признать поражение и тихо спустить дело на тормозах. Хотя… Майдер Билон немного заколебался, вспомнив отморозков, с которыми ему пришлось там общаться. Нет, с этой точки зрения, новое задание, да еще в другом городе – оптимальный выход.

Подумав о новом задании, Билон почувствовал неловкость. Ему было неудобно перед людьми из Движения, от которых в окончательном варианте статьи не осталось ни строчки. Небось, прочитали уже вышедшее вчера приложение и теперь костерят его на все корки. Впрочем… Они хорошо знают, как не любит Движение газета "Курьер", да и он сам предупреждал их о возможности такого исхода…

И все равно они помогли ему. Вывели на нужных людей, которых он иначе мог бы разыскивать не один день, показали ему кое-какие документы, защитили от местных громил, уже тогда активно возражавших против его изысканий. И причем, не требуя ничего взамен, кроме надежды на то, что столичный гость напишет прямую и честную статью, которая покажет вещи такими, как они есть. Хочется верить, что он не обманул их ожиданий.

Спустившись в подвальный гараж, Билон первым делом открыл багажник своей машины и положил туда сумку с вещами и большой чемодан с аппаратурой. Папку с документами, которую он нес под мышкой, поколебавшись, бросил туда же – все равно, в дороге у него не будет времени ознакомиться с материалами. Да и нет, признаться, желания их читать. Главные факты он знает, а все остальное станет ясно в ходе процесса.

Захлопнув багажник, Билон сел за руль. Мотор включился, как всегда, сразу – маленький вездеходик производства уже не существующей страны не уставал убеждать его в своей исключительной надежности. Билон уже и думать не хотел, чтобы заменить свою "Алорру" чем-то другим. Кроме того, как он недавно выяснил, к чинетскому автомобилю подходили запчасти от валезского "Труйера".

Билон медленно выехал из гаража и, улучив момент, влился в поток машин. Конечно, можно было выехать и попозже – утро, начало нового рабочего дня, начало новой недели, улицы забиты автомобилями, — но ему почему-то хотелось покинуть дом как можно раньше. Наверное, потому, что в этот раз он не чувствовал воодушевления от предстоящего ему нового дела.

Близко познакомившись с людьми из Движения, ничем не напоминавшими велеречивого адвоката Стоу Вигеса, он упорно не хотел верить, что они на самом деле тайно создают параллельную систему управления государством и планируют захват власти насильственным путем. Чем дальше, тем больше Билон склонялся к мысли, что террорист, ранивший полицейского, — не более чем член кучки недовольных, которым надоело постоянно терпеть поражения от противников, не подчиняющихся законам государства и не признающих никаких правил, кроме грубой силы. Билон сам видел в рядах Движения подобных людей и вполне понимал их позицию. Не удивительно, что у кого-то не выдержали нервы, и он взялся за оружие. Ну, а газеты и телеканалы, контролируемые политическими противниками Движения, не преминули раздуть это дело чуть ли не во вселенский заговор…

Ох, не к добру это новое задание! Похоже, ему будет нелегко оправдать ожидания главного редактора…

Задумавшись, благо неспешное движение в плотном потоке машин позволяло слегка отвлечься от дороги, Билон едва не пропустил нужный поворот. И тут же ему пришлось прижаться к самому тротуару. По середине улицы, не обращая внимания ни на кого вокруг и не считая нужным подчиняться правилам движения, мчалась кавалькада из трех длинных черных машин с затемненными стеклами.

Вот еще, какая-то шишка на ровном месте! Настроение Билона резко упало. Вспомнив свою статью, он вздохнул про себя. Да разве можно бороться с подобными типами с помощью прессы?! Да он, небось, и не читал вчерашнего приложения, а если даже и читал, все ему, наверняка, глубоко параллельно…

Миллиардер Дилер Стайс, не обратив внимания на промелькнувший за стеклом небольшой вездеходик, торопливо прижавшийся к обочине, недовольно отбросил в сторону красочное приложение к газете "Курьер". Не удержавшись на сиденье, ворох измятых страниц сполз на пол.

И черт с ними. Уберут. А вот езда сегодня явно оставляет желать лучшего. Всякая шваль так и лезет под колеса. Может, приказать, пусть повесят мигалку? Нет, она его раздражает,

лучше сменить шофера.

Стайс почувствовал, как в нем нарастает раздражение. А все из-за этой идиотской статьи. Его подчиненные прокололись по полной программе! Мало того, что затянули на полтора года совершенно пустяковое дельце, так еще и позволили выплыть всей истории наружу. Совсем квалификацию потеряли, уроды! Пора наводить порядок в хозяйстве, ой, пора! Перешерстить железной гребеночкой!…

Но все это, впрочем, мелочь. Дело не в разучившихся работать олухах. И не в обнаглевших писаках. Он-то хорошо знает, чьи уши торчат из-за неожиданного наступления прессы и телевидения на него самого и его коллег – настоящих хозяев страны.

Кирстен, бесспорно, зарвался. Он слишком быстро забыл, кто поднял его из безвестности на высший пост в государстве. Неприятно вспоминать, но он, Дилер Стайс, похоже, поставил не на того человека. А казалось бы, расчет был верный. Взять и выдвинуть в президенты аутсайдера, провинциального босса из небольшой партии, типичного заднескамеечника, известного только своими эпатажными высказываниями, популистскими прожектами и ура-патриотической болтовней. Пешку. Обидно вспомнить, сколько было потрачено сил и денег, чтобы превратить ее в значимую фигуру, когда внезапно выяснилось, что эта пешка – проходная. Немалая часть прессы и телевидения страны полмесяца работали на имидж этого подлого выскочки, а теперь, получается, это же оружие повернуто против них.

Правда, самокритично подумал Стайс, раньше еще никому не приходило в голову использовать телевидение и прессу не только для предвыборной борьбы. Этого они не учли. Что же, пора напомнить этим поганым перьеносцам, кто здесь настоящий хозяин!

Иногда даже непонятно, на что надеется Кирстен, так неосмотрительно бросивший вызов своим благодетелям? На благосклонность толпы? Она пройдет так же быстро, как и появилась. Все, на что может рассчитывать Кирстен, это только на наглый блеф. У него же нет ничего – ни поддержки в парламенте, ни надежной команды в правительстве, ни преданного партийного аппарата за спиной. Марионетка. Перестань ее поддерживать, и что с ней будет?

А пришельцы? — непрошено пискнула где-то в глубине осторожная мысль.

А что пришельцы? Какое им дело до того, кто именно будет править здесь от их имени? Впрочем, если Кирстен им так дорог, как это говорят, можно будет его оставить. Но только в роли

простого ретранслятора приказов, не больше!

Великая вещь – демократия, если ее правильно использовать. Надо было быть Кирстеном, чтобы посметь представить им (им!) этот идиотский в своей наивности проект об усилении центральной власти. Как же! Для того ведь и нужна эта парламентская говорильня с партийными кувырканиями, чтобы при необходимости обломать не в меру заигравшегося политикана. Или, скажем, решить вопросы с разделом сфер влияния на местном уровне. Дорого? Не спорим. Хлопотно, зачастую противно? Но нужно.

И не надо им этого контроля над всей экономикой страны, чем так упорно пытался прельстить их Кирстен. Зачем? Всегда должен быть кто-то, кто примерно платит налоги, пополняет бюджет, играет роль козла отпущения в кампаниях по борьбе с коррупцией… Тот, за чей счет сегодня процветает большой бизнес, который уже так прочно сросся с государством, что и не поймешь, где кончается одно и начинается другое…

Так что, глупо требовать от них денег на прием беженцев. Большой бизнес лучше, чем государственные чиновники, знает, на что их потратить. Так он и сказал в свое время Кирстену, предлагая полностью передать решение этой проблемы ведущим частным корпорациям страны. Не понравилось? Что же, есть второй вариант. Если денег не хватает, их нужно занять. Под хороший процент. Он сам бы одолжил на таких условиях сотню-другую миллионов. В конце концов, нужно продержаться всего несколько месяцев, а там в Гордану потоком хлынут ценности со всего континента. А тогда и лелеемый Кирстеном госбюджет получит свою долю…

Решено. Так и следует поступить. А Кирстена пора ставить на место. Стайс почувствовал, как его сухие губы непроизвольно растягиваются в улыбку. Он снова ощущал себя молодым, сорокалетним, как почти четверть века назад, когда он принял бразды правления у своего мягкотелого папаши. Да, в те времена проявлять мягкотелость было смерти подобно! Старые монополии, выросшие из железных дорог и сталелитейных заводов, рушились под собственной тяжестью, и молодые хищники наподобие его самого азартно рвали их на части, заглатывая кусок за куском и яростно грызясь друг с другом из-за добычи.

И откуда Кирстену, бывшему в те годы всего лишь молодым сопляком, знать, что такое настоящая драка?! Старые бойцы еще покажут, что у них есть порох в пороховницах! Для начала…

Автомобиль мягко затормозил перед небоскребом корпорации "Оронт" и предупредительный секретарь распахнул

перед Стайсом дверцу. Второй секретарь, как обычно, ждал сбоку, держа наготове папку с бумагами на подпись.

Не сейчас. Первым делом нужно сделать парочку звонков – сдвинуть с места несколько камешков, которые потом обрушатся мощной лавиной на голову самоуверенного президента Кирстена… Стоп! А это еще что?!

На полдороге к лифту Стайса перехватил невысокий, но очень серьезный полицейский с нашивками старшего капитана.

— Господин Стайс? Старший капитан Прейн. Прошу прощения, но не могли бы вы последовать за мной?

— Что? — от неожиданности Стайс едва не поперхнулся. — Это арест?!

— Никак нет, — полицейскому было не по себе, но он держался уверенно и спокойно. — Всего лишь задержание. Вот ордер, подписанный прокурором.

Стайс быстро пробежал взглядом бумажку. Все чин по чину, и подписано прокурором Реперайтера Тревисом. Но какой наглец! Надо будет принять меры, чтобы этого Тревиса потом не взяли даже младшим санитаром труповозки! Что же, ему будет приятно посмотреть, как этот тип потом будет униженно лизать его туфли, принося извинения за этот наглейший произвол.

Хорошо бы представить на месте Тревиса его хозяина – Кирстена. Нет, этот лизать туфли не будет. Ну и ладно. Кирстена надо ломать. Быстро и жестоко, как во времена его молодости. На кого руку поднял, мерзавец?!

Стайс совершенно спокойно дал препроводить себя к приткнувшейся у тротуара незаметной машине с крошечной полицейской эмблемой на лобовом стекле. Ему было даже забавно. Что, интересно, захочет от него Тревис, то есть, Кирстен? И как скоро явится его адвокат с кучей журналюг, требованием об освобождении и извинениями от всех полицейских чинов, начиная от министра внутренних дел? Нет, Кирстен явно потерял голову. Неужели он не понимает, что такими методами он только ускорит свой бесславный конец?…

Автомобиль, нырнув в поток машин, через две квинты въехал в ворота ничем не примечательного двухэтажного особняка, скрывавшегося за частоколом декоративных елочек. Стайс снова еле заметно улыбнулся. Очевидно, его ждет очередная встреча с глазу на глаз. Уж не с самим ли Кирстеном, избравшим такой экзотический способ приглашения к разговору? В любом случае, сейчас он согласится только принять капитуляцию.

Предупредительный полицейский провел Стайса в вестибюль и передал двум мрачным парням в штатском, ничем не напоминавшим громил из президентской охраны. Один из них,

высокий и очень худой, то и дело покашливал, прикладывая к губам смятый платок. Второй, почти на голову ниже напарника, поражал нездорово-бледным цветом лица, на котором, казалось, жили одни только яростные черные глаза, бессильно пытавшиеся прожечь Стайса своими жгучими взглядами.

Тем не менее, оба этих странных конвоира были вооружены длинноствольными пистолетами с глушителями, и Стайс не без появившейся вдруг робости последовал за ними на второй этаж, а далее – в большую угловую комнату.

Комната была ярко освещена, но Стайс не сразу узнал человека, сидящего за длинным канцелярским столом. Кирстен? Нет, конечно. Кого же он тогда прислал вместо себя? Прокурор Тревис? Нет, ему сейчас под шестьдесят, а это…

— А, господин Стайс! Рад вас видеть. Здесь. Присаживайтесь.

Буремен! Начальник президентской охраны, специалист по темным делам. Очевидно, станет хамить и запугивать в надежде найти слабину… Не дождетесь!

— Что вы здесь делаете, Буремен? — нарочито грубо спросил Стайс, усаживаясь в предложенное кресло. — Какого черта вам нужны эти дешевые эффекты? Или вас уже успели назначить городским прокурором?

— А ну, молчать! — рявкнул в ответ Буремен. — Прокурора тебе?! Здесь вопросы задаю я!

— Да ты на кого тявкать вздумал?! — Стайс начал вставать с кресла, медленно закипая. За последние пятнадцать лет с ним никто не смел так обращаться. — Да ты знаешь…

— Сидеть! — процедил сквозь зубы Буремен. — Не возникай, гнида!

Двое конвоиров бесцеремонно сдернули миллиардера и владельца заводов, банков и телеканалов обратно в кресло, добавив для порядка пару подзатыльников – не сильных, но обидных.

— Так что вы мне хотите сказать? — ледяным голосом спросил Стайс.

Он уже полностью успокоился. Война начата, и противник успел сделать первый ход. Что же, у него найдется, чем ответить.

— Значит, слушай сюда, — наглым тоном сказал Буремен, наклонясь над столом. — Ты мужик деловой, поэтому сразу перейдем к делу. Ты у народа нахапал кучу денег. Пора, значит, возвращать награбленное.

— Интересно, — с иронией сказал Стайс. — И сколько это я награбил?

— Щас посчитаем, — Буремен невозмутимо взял со стола тоненькую папочку. — Пятидесятые годы мы брать не будем, в

той каше уже никакой черт не разберется. Так что, начнем с шестьдесят первого, когда ваша компания "Оронт" получила от государства целевой кредит в семьсот сорок миллионов на поставку дорожной техники. Технику вы поставили и дороги построили, но обошлось это вам, по нашим сведениям, миллионов в триста восемьдесят – четыреста. Разницу вы положили себе в карман. В дальнейшем подобные трюки повторялись вашими компаниями каждый год. Кредиты, налоговые и таможенные льготы, разнообразные федеральные программы, финансирование проектов – от всего вы имели свой куш. И это не говоря о банальной неуплате налогов. И о так называемой Национальной инвестиционной компании, за которой стояли вы и которая принесла вам около двухсот миллионов, изъятых из кошельков доверчивых горданцев. Всего же за двенадцать лет ваши фирмы теми или иными способами выкачали из бюджета Горданы что-то около восемнадцати с половиной миллиардов брасов. По самым скромным подсчетам.

— И я это должен вернуть? — с улыбкой спросил Стайс. Ситуация становилась все забавнее и забавнее.

— Совершенно верно.

— И каким образом?

Буремен взял со стола другую папку.

— Насколько нам известно, в центре вашей империи находится холдинговая компания КИРИН. Ей принадлежат контрольные пакеты акций двадцати семи фирм, каждая из которых владеет по 1,99 % акций банка "Северо-восток" и страховой компании "Эледа". Так как эти пакеты акций меньше 2 %, вышеназванные двадцать семь фирм могут не сообщать о своих вложениях руководству реперайтерской фондовой биржи и, понятное дело, не сообщают. В свою очередь, в собственности банка "Северо-восток" находятся 24,9 % акций корпорации "Оронт", а страховая компания "Эледа" владеет точно таким же пакетом акций компании "Ренгер". По странному совпадению, инвестиционному фонду "Радуга", который является официальным владением вашей семьи, принадлежит 22 % акций "Оронта" и 21 % – "Ренгера". Все вместе это, как мы видим, не дает контрольного пакета, но недостающие до него, соответственно, 3,2 и 4,2 % мы найдем в том же холдинге КИРИН и его подопечных фирмах. Подобная схема позволяет "Оронту" и "Ренгеру" считаться публичными акционерными компаниями, что дает некоторые льготы в налогообложении и повышает курс их акций на бирже. Наконец, имея контроль над "Северо-востоком", "Эледой", "Оронтом" и "Ренгером", а также располагая в качестве подсобного инструмента холдинговой компанией КИРИН и

фондом "Радуга", вы создали систему перекрестного владения акциями, насчитывающую, по меньшей мере, сто восемнадцать фирм, не считая дочерних. Очень, знаете, элегантно. Одна корпорация владеет акциями десятка других, у нее самой контрольный пакет тоже находится в собственности дружественных акционеров, и, что самое главное, большинство пакетов не превышает 2 %. Публика же, в блаженном неведении, и не подозревает, что все это богатство контролируется одним лицом – вами!

— Небезынтересно, — хмыкнул Стайс. — Ну и что?

— Как что? Это же дает просто неограниченные возможности ухода от налогов или перекачки средств, которые ваши компании получают в виде государственных кредитов. А какой простор возникает при реализации различных программ и проектов!… Ну, и добавим такую маленькую подробность, что наличие подобной системы позволяет вам манипулировать курсами акций ваших компаний и получать дополнительный доход за счет игры на бирже.

— Я все-таки, еще не совсем понимаю, что вы от меня хотите, — сухо сказал Стайс, неприятно пораженный осведомленностью Буремена. — Учтите, я не намерен тут терять время с вами.

Буремен встал из-за стола и подошел вплотную к Стайсу.

— Вы сделали одну небольшую ошибочку, — доверительно сказал он. — Вы решили сложить все яйца в одну корзинку, и теперь тот, кто владеет КИРИНом, владеет всей вашей империей. Сама холдинговая компания является частной фирмой и записана на подставных лиц. Здесь нам бы и кранты, но вы, чтобы подстраховаться, назначили самого себя директором и выписали себе генеральную доверенность на акции компании КИРИН. Вы можете делать с ними все, что хотите, не спрашивая согласия формальных акционеров. Так вот, я хочу, чтобы вы эти акции нам подарили.

— Вам? — насмешливо переспросил Стайс. — Это кому – вам?

— Конкретно, государственному фонду "Возрождение", который займется расселением беженцев с Восточного континента и освоением Дальнего Запада, — Буремен достал еще одну папку и выудил из нее листок бумаги. — Вот. Прочтите и подписывайте. Не беспокойтесь, вы передаете свою собственность в надежные руки.

— Да вы с ума сошли! — Стайс ошеломленно смотрел на Буремена. — Вы что, думаете таким образом завладеть…? Да вы не просто идиот!… Вы… Вы…

— А ну-ка, ребята, вразумите слегка господина Стайса, — ласково приказал Буремен. — Чтобы вспомнил, где находится.

Пара жестких тычков под ребра заставила миллиардера болезненно поморщиться.

— Господин Буремен, я понимаю, что вас подставили самым немилосердным образом, — сказал Стайс, стараясь говорить спокойно. Это было трудно: его разбирал нервный смех. — Неужели вы не видите, что ничего из этого не получится? Так дела не делаются. Я не тот человек, которого можно изъять из обращения и держать под арестом несколько часов подряд, домогаясь от меня подписи под каким-то документом. Да уже сейчас мои люди подняли такой шум, что завтра вас всех вынесут вперед ногами! Не говоря уже о том, что мое задержание абсолютно незаконно…

Незаметный за грудой папок на столе телефон тихонько тренькнул. Буремен снял трубку, выслушал, буркнул: "Да, пусть идет", и с усмешкой повернулся к Стайсу.

— Кстати, насчет вашего задержания. Сюда ломится ваш адвокат. Кажется, ему не терпится присутствовать при нашем разговоре. Вы увидите, это будет очень поучительно.

Минуту спустя в коридоре послышался шум, и в комнату ворвался Старый Крыс – один из доверенных помощников Стайса, пройдоха и крючкотвор, служивший еще его отцу.

— Кого я вижу! — радостно завопил Старый Крыс, протягивая к Буремену свои маленькие сухие ручки. — Начальник президентской охраны собственной персоной! Прокурор Тревис признал свою ошибку! Он больше не хочет видеть господина Стайса, он, собственно, его и не увидел. Я полагаю, у вас нет больше нужды общаться с моим подзащитным?!…

Стайс внутренне подобрался. "Признать ошибку" было кодовой фразой, означающей некие серьезные осложнения. О чем хочет предупредить его старый пройдоха?

Впрочем, об этом позже. Беседа закончена. Сейчас они с Крысом покинут это негостеприимное здание и начнут готовить ответный удар…

— Вот неугомонный, — поморщился Буремен. — А ну, ребята, шлепните-ка господина адвоката, чтобы не вопил тут попусту.

Откуда-то из-за спины Стайса раздался хлопок, и Старый Крыс, осекшись на полуслове, вдруг повалился на ковер. На его лице застыло выражение глубочайшего изумления.

— Не люблю адвокатов, — с подкупающей искренностью признался Буремен. — Так, на чем мы с вами остановились?

— Это невозможно! — прошептал Стайс.

Он вдруг понял, что оказался в руках маньяков и параноиков.

— Возможно, возможно, — успокоил его Буремен. — Вы теперь убедились, мы пойдем до конца. Соглашайтесь, не доводите дела до рукоприкладства. Вы уже немолодой человек, шестьдесят четыре года скоро. Пора и об отдыхе подумать. Вы не смотрите, мы у вас все не отбираем. Все ваши банковские счета останутся при вас, яхты, дворцы и виллы – тоже. Будете жить как в раю, вам ведь раньше не до того было, верно? Пересидите с полгодика на нашей даче, а потом вернетесь потихонечку.

— Где пересидите? — переспросил Стайс, остро чувствуя нереальность происходящего. — На какой еще даче?

— Ах, да. Вот, возьмите, прочитайте.

Стайс взял новый листок и с неудовольствием отметил, что руки у него дрожат. Может, и вправду, на покой?…

Буквы расплывались у него в глазах, но он все же нашел в себе силы сфокусировать взгляд. Это было кем-то очень толково составленное заявление от имени его и одиннадцати его коллег по большому бизнесу. В тексте скупыми и проникновенными фразами говорилось, что нынешние тяжелые времена требуют новых людей и новых идей, и престарелые бизнесмены не находят в себе сил возглавить процесс перемен. Будучи патриотами своей страны, они передают свои компании народу Горданы, чтобы он распорядился этой собственностью для блага родины. В завершении говорилось о том, что двенадцать подписантов, дабы не мешать этому процессу, на время покидают страну, чтобы отдохнуть от прежних дел.

— Мы работали во имя славы и процветания нашей страны. Но теперь для решения новых задач нужны новые люди. Шагайте через нас, — вслух прочитал Стайс окончание заявления. — Это еще что за дичь?!

— Эта, как вы выразились, дичь, поможет вам красиво уйти, — разъяснил Буремен. — Разве когда вы это читали, в вас не поднялась волна патриотизма? Вас будут считать героями.

— А если я не захочу стать героем? — жестко спросил Стайс.

— Если захочет родина, героем у нас станет каждый, — кажется, Буремен процитировал нечто из своего офицерского прошлого. — Тогда нам, увы, придется действовать длинным путем. Глава корпорации "Оронт" Дилер Стайс скоропостижно скончается от сердечного приступа. Как вы думаете, ваш сын и наследник будет более сговорчивым?

— Н-да, — Стайс еще раз взглянул на труп адвоката, под которым уже растеклась по ковру красная лужица. — Вы очень решительные господа, этого у вас не отнять. Где и что я должен подписать?

— Вот это уже разговор! — радостно вскричал Буремен. — Вот. Дарственная о передаче акций холдинговой компании КИРИН фонду "Возрождение". Заявление на имя председателя правления компании об увольнении вас, как директора, по собственному желанию. И, кроме того, ваша подпись под обращением.

— Давайте, — желчно сказал Стайс.

С этим идиотским обращением он как-нибудь разберется. А его подпись под двумя другими документами все равно ничего не стоит без печати. Если Буремен и компания пойдут с ними к любому юристу, он поднимет их на смех.

— Оч-чень хорошо, — громогласно возвестил Буремен. — Тут еще нужно приложить печать, но вы, конечно, не знали заранее, что она вам понадобится. А вот мы припасли, припасли.

Порывшись в ящике стола, Буремен, достал чернильную подушечку и штемпель и не спеша, пропечатал все экземпляры обоих документов по КИРИНу. Стайс внезапно помертвевшими руками взял в руки бумаги. Печать была настоящая! На месте были даже тайные метки!

— Это вы опять маху дали, — сочувственно сказал ему Буремен. — Решили все при себе держать. А положили бы в сейф где-нибудь в банке "тридцатки", и черта с два мы бы до нее добрались.

— Это что, вы взломали мой сейф?! — понял Стайс. — Вы опустились до банальной уголовщины?!

— Ну, это уже мелочи, — махнул рукой Буремен. — Давайте прощаться, что ли? Вы нам больше ничего не должны, мы вам больше свое общество не навязываем. Сейчас вас отвезут на аэродром, а там вас ждут море, курорт и прочие земные радости. Развлекайтесь с чистой душой! Давайте ребята, забирайте его.

Двое молчаливых конвоиров вывели Стайса из особняка через задний ход и посадили в неприметный темно-синий автомобиль устаревшей модели. Маленький и бледный сел за руль, а высокий примостился рядом со Стайсом на заднем сиденье. Крохотный дворик выходил в узкий переулочек, зажатый стенами каких-то больших зданий. В нем не было ни души.

Стайс усмехнулся про себя. Отпуская его, Кирстен делает очень большую ошибку. Его главное оружие – чековая книжка – при нем, а имея неограниченные средства, ничего не стоит вырваться на свободу из любого узлища. А уж на свободе… Они неплохо поработали, но так и не узнали главного. КИРИН на самом деле – тоже прикрытие. Ему нужно только добраться до одной скромной юридической фирмы, где хранится генеральная доверенность на акции, принадлежащие КИРИНу. Пока они будут

разбираться с документами, он уведет все эти акции и спрячет так, что ни один черт не отыщет. А после этого можно будет разобраться и с Кирстеном…

— Послушайте, — непринужденно обратился он к конвоиру. — Вы разрешите мне сделать один телефонный звонок? Я должен предупредить жену, что не вернусь к обеду.

— Какой еще… звонок? — мрачно спросил конвоир, прервав свою фразу сухим прокашливанием. — Сиди уж, гнида.

— Господа, — Стайс постарался смягчить свой голос. — Я не знаю, сколько вам пообещали, но я могу дать больше. Предлагаю честную сделку. Я выписываю вам чек, и вы высаживаете меня на любом перекрестке. Пятьдесят тысяч брасов вас устроит?

— Ишь ты, — нехорошо засмеялся впереди маленький. — Скупой. А этот, как его, Моддель, сразу начал с полумиллиона.

У Стайса появилось нехорошее предчувствие. А не собираются ли его вообще…? Машина ехала по каким-то закоулкам и задворкам, не появляясь на людных улицах, где можно было бы криком привлечь внимание окружающих. Почему, черт возьми, он оказался один? Где его охрана, которая была обязана сопровождать полицейскую машину, в которой его увезли? Очевидно, каким-то образом сбита со следа. Где армия адвокатов, журналистов, телевизионщиков? Осаждают городскую прокуратуру, вдруг понял он. Кто-то из доверенных людей его предал! А может, судя по появлению в руках Буремена печати, и не один!

Его не выпустят. Кирстен должен понимать, что такого противника, как он, нельзя оставлять в живых. Он сделал все, что от него требовалось, и больше он им не нужен!

Стайс пошевелился и тут же почувствовал упершийся в его бок ствол пистолета. Эти конвоиры выглядят совершенными задохликами, десять лет назад он управился бы с ними одной левой. Но возраст, проклятый возраст!… Стоп. Прекратить панику. У него ведь есть в запасе более действенное оружие…

— Я дам вам миллион, — хрипло сказал он. — Миллион. Каждому. Это будет чек, вы сможете обналичить его в любом банке. Его невозможно проследить. Вы получите деньги и уедете, куда захотите.

Это была ложь, но ложь, звучащая привлекательно. Однако реакции не последовало. Машина уже окончательно покинула жилые кварталы и ехала по узкой дороге между какими-то заводскими корпусами.

— Два миллиона! — повысил ставку Стайс. — Три… Нет, пять миллионов! Я покупаю у вас жизнь за пять миллионов брасов!

— Заткнись, — с угрозой сказал высокий. — Свою поганую жизнь ты не купишь даже за миллиард.

— Но почему?! — голос Стайса предательски дрогнул. — Неужели вы не понимаете, что исполнителей таких дел не оставляют в живых?! Вас убьют, как только вы меня ликвидируете! Я обещаю вам…!

Автомобиль въехал в открытые ворота какой-то заброшенной фабрики и остановился.

— Объясни ему, — сказал маленький.

— Я скоро умру, — спокойно произнес высокий. — Вы слышали про такой город – Тревора? Нет? Наверно, вам не докладывали о подобной мелочи. Там находится химический завод, принадлежащий вашей компании "Ренгер". Год назад на нем случилась авария. Облако ядовитого газа вырвалось наружу и накрыло ближайшую улицу. Там был и мой дом. Моя малышка играла во дворе. Она погибла сразу. Моя жена и старший сын жили еще трое суток. Они умерли в больнице, в страшных мучениях, тщетно пытаясь дышать остатками сожженных легких. Мне повезло. Я остался жив и полгода ждал, пока ваша компания выплатит нам, уцелевшим, хоть какую-то компенсацию, чтобы оплатить лечение. "Ренгер" отказался платить, утопив дело в юридических проволочках. Теперь врачи дают мне не больше четырех месяцев. Так лучше я погибну сейчас, исполнив приговор.

— Я был одним из рабочих на этом заводе, — добавил маленький. — Нас послали ликвидировать аварию, а когда мы заболели, просто вышвырнули всех нас на улицу, сунув грошовое выходное пособие. Трое моих товарищей уже мертвы. Я тоже умираю, но я умру счастливым, от того что я лично, собственной рукой, избавил землю от такой грязной твари! Как я всех вас ненавижу!

— Не-е-ет!

Стайс отшатнулся. Он цеплялся слабеющими руками за спинки сидений, пытался пустить в ход кулаки, визжал и царапался, но двое конвоиров выволокли его из автомобиля и хладнокровно пристрелили. Затем с усилием оттащили труп в сторону и бросили в люк вкопанной в землю цистерны. Внутри громко хлюпнуло, и наступила тишина.

— Вот и все, — хрипло сказал высокий. Его душил кашель, но он держался. — Это был последний?

Маленький достал пистолет, покачал его в руке и зашвырнул в тот же люк.

— Для нас – последний.

— Как хорошо, — высокий, запрокинув голову, смотрел в далекое небо. — Приятно успеть закончить дело.

Маленький глядел в землю.

— А нас ведь использовали, — тихо сказал он. — Нескольких сволочей мы прикончили, но не вымостим ли мы этим дорогу еще большей сволочи?

Высокий откашлялся и снова вытер губы измятым платком.

— Знаешь, давай не будем об этом, — с усилием проговорил он. — Мы сделали свою работу, и ладно. А как жить в этом мире дальше – дело живых.

Глава 60. Встречи на полпути

Лес был великолепен. Неимоверно толстые стволы деревьев, влажно блестящие и покрытые снизу темно-изумрудным налетом мха, высились впереди нестройными рядами, постепенно пропадающими в туманной дымке, словно навечно застывшей в лесной глубине. Землю покрывал многослойный коричневый ковер из миллионов сухих листьев, издававших под ногами тревожное шуршание. Кое-где из этого ковра, будто небрежно разбросанные подушки, торчали зеленоватые моховые кочки, окаймляющие заросли кустарника.

Лес был таинственным и молчаливым. На раскидистых оголенных ветвях кое-где трепетали по ветру последние листья, вниз свисали то ли клочья паутины, то ли высохшие серые стебли плюща, от чего он еще больше напоминал декорацию из фантастического фильма.

До прихода человека такие чащи покрывали почти весь северо-восток Западного континента. Сейчас от былого великолепия остался только этот крошечный участок, единственный на всем четырехсоткилометровом шоссе Реперайтер – Зейгалап.

Впрочем, Майдер Билон сделал здесь остановку не для того, чтобы полюбоваться мрачным очарованием предзимнего леса. Последняя чашка лакина перед дорогой была явно лишней, и он просто изнывал от нетерпения. Лес по обочинам шоссе был редкий и прозрачный, и ему пришлось пройти довольно далеко, чтобы найти достаточно уединенное место.

Торопливо сделав свои дела и с облегчением застегивая штаны, Билон вдруг услышал посторонний звук, идущий откуда-то снизу. Змея? Да нет, змеям уже давно пора спать, да и звук этот никак не походил на шуршание листьев. Билон прислушался, но в лесу снова наступила тишина, нарушаемая только автомобилями, проносящимися по шоссе. Пожав плечами, Билон начал было выбираться из кустов, но остановился. Звук – внезапно понял он – слишком походил на слабый, едва различимый, но явно человеческий стон.

Пробравшись сквозь заросли, Билон оказался на краю неглубокой ямы, почти доверху заваленной опавшими листьями. Стон повторился, и Билон вдруг с ужасом заметил, как из-под листьев высовывается рука с окровавленными, странно вывернутыми и чудовищно распухшими синими пальцами.

Билон спрыгнул в яму и осторожно освободил лицо лежащего навзничь человека. Теперь он ясно все видел – его сбросили вниз

и нагребли сверху опавших листьев – по краям ямы были видны борозды, оставленные чьими-то ботинками. До этого его очень сильно, страшно избили – лицо лежащего человека полностью скрывалось под кровоподтеками и огромными черными синяками, точно такие же черные пятна виднелись под разорванной на груди рубашкой.

Те, кто сделал это, бросили его здесь умирать. Умирать от переохлаждения, от потери крови, от повреждений внутренних органов, умирать, слыша проезжающие мимо автомобили, умирать, находясь всего в ста с небольшим метрах от помощи, которая так бы и не пришла. А потом, через две-три недели, пошел бы снег, и безымянная могила скрылась бы под его покровом…

Майдер Билон рассматривал пострадавшего. Ему было страшно даже прикоснуться к нему. На вид лежащий в яме человек был молод, вряд ли намного старше его самого, и это был явно не бомж и не фермер с окружающих хуторов. На его ногах были городские черные туфли, а в обрывках рубашки и темно-серого пиджака с оторванным рукавом угадывались добротные и недешевые вещи.

Черные набрякшие веки лежащего приподнялись, показав узенькие щелочки глаз, и Билон рухнул на колени прямо в кучу листьев и осторожно приподнял его голову.

— Все хорошо, — сказал он, обращаясь больше к самому себе. — Помощь пришла. Я вас вытащу.

Распухшие губы, похожие на куски окровавленного мяса, слегка шевельнулись.

— Позвоните… — послышался еле слышный шепот. — Я… помощник… депутата… Фремера… семь… три, два, два… два, два, три…

— Позвоню, позвоню, — поспешно кивнул Билон. — Сейчас… приготовьтесь, я вас вытащу. Наверное, будет больно.

Поднатужившись, он подхватил тело избитого человека под мышки и рывком приподнял его на край ямы. Раздался еще один слабый стон, и тело обмякло. Обеспокоенный, Билон приник к груди незнакомца и с облегчением услышал биение сердца. Он был жив, только снова потерял сознание.

Следующие десять минут ушли у Билона на то, чтобы протащить найденного человека до шоссе. Тело было неожиданно тяжелым, кроме того, он был в таком плохом состоянии, что Билон боялся каким-то неловким движением причинить ему дополнительный вред. Осторожно опустив тело на траву у обочины, Билон с облегчением вытер пот со лба, но, как оказалось, расслаблялся он слишком рано. Все автомобили

проскакивали мимо, более того, казалось, увидев неподвижно лежавшего окровавленного человека, их водители только увеличивали скорость.

После провала всех попыток остановить проезжающие машины, чтобы вызвать помощь, Билон понял, что рассчитывать можно только на себя. Его "Алорра" была двухдверной, поэтому он с огромными усилиями устроил пострадавшего на опущенном до предела переднем сиденье и пристегнул его ремнем. Незнакомец был по-прежнему без сознания, и Билон был рад этому. Наверняка такая поездка могла только приумножить его страдания.

Судя по карте, ближайшая больница находилась километрах в десяти, в небольшом городке под названием Вильтуран. Чтобы найти ее, Билону понадобилось меньше десяти минут. Его автомобиль будто бы понимал все, как живой. На шоссе он развил ранее невиданную скорость в сто двадцать километров в час, причем езда была необычно плавной, словно рессоры сами собой полностью гасили все ухабы. И Билон мог бы поклясться, что его "Алорра" начала сворачивать на нужный съезд с шоссе еще до того, как он тронул руль.

— Кто он? — спросил Билона дежурный в приемном покое больницы, к счастью, уже после того, как пострадавшего извлекли из машины, уложили на каталку, облепили капельницами и повезли в операционную. — Это ваш знакомый?

— Нет, — ответил Билон. — Я на него, можно сказать, случайно в лесу наткнулся. Он на минуту пришел в сознание и сказал, что он помощник одного депутата.

— Опять политика, — недовольно сплюнул дежурный. — Ну, тогда я вызываю полицию?

— Да, вызывайте, конечно. Откуда здесь можно позвонить?

— Вон, видите, в углу телефон. У вас жетоны есть?

— Есть.

Так, какой номер назвал ему этот бедняга? Первая цифра семь, а потом, кажется, два, два, три – три, два, два. Нет, это – из детского фильма, а он сказал наоборот, три, два, два – два, два, три. Номер семизначный, значит, реперайтерский. Только уж больно странный. Да и настоящий это номер или только бред?…

По-прежнему сомневаясь, Билон опустил в автомат несколько жетонов и набрал номер.

— Приемная депутата Фремера, — раздался в трубке приятный женский голос. — Чем я вам могу помочь?

— Я бы хотел поговорить с самим депутатом Фремером, — сказал Билон.

— О, сейчас это невозможно. Господин Фремер на заседании

комитета. Кто вы и что ему передать?

— Меня зовут Майдер Билон, я обозреватель газеты "Курьер".

— "Курьер"? — в голосе послышались удивленные нотки. — И что бы вы хотели…

— Я здесь не в профессиональном качестве, — поспешно сказал Билон. Автомат пожирал жетоны с аппетитом голодного волка, и он боялся, что не успеет довести разговор до конца. — Дело в том, что я только что привез в больницу человека, который назвался помощником депутата Фремера.

— В больницу?! Что с ним? Как его зовут?!

— Увы, он не сообщил. Он назвал только этот номер телефона.

— А как он выглядит?

— Боюсь, сейчас он никак не выглядит, — торопливо сказал Билон, скармливая ненасытному автомату очередной жетон. — Его очень сильно избили. Я случайно наткнулся на него в лесу, возле шоссе Реперайтер-Зейгалап. Сейчас он в больнице, в городе Вильтуран, это километров сто двадцать не доезжая Зейгалапа. Больница обозначена на автомобильной карте.

Несколько секунд на том конце провода молчали.

— Огромное вам спасибо, — наконец раздался очень обеспокоенный голос. — Я немедленно сообщу об этом депутату Фремеру. Он приедет к вам через несколько часов. В полицию сообщили?

— Да, конечно, — сказал Билон и повесил трубку.

Может, это было и невежливо, но ему хотелось сохранить два оставшихся жетона как резерв.

Возле стойки дежурного Билона ждал молодой врач в распахнутом белом халате.

— Это вы привезли его? Говорите, нашли в лесу?

— Да.

— Если этот парень выкарабкается, он должен будет считать вас своим спасителем.

— А он выкарабкается?

Врач пожал плечами.

— По идее, должен. Знаете, бывает, когда человека бьют насмерть, чтобы убить. Так вот, здесь – не тот случай. Беднягу отделали так, что смотреть страшно, но ничего непоправимого ему не причинили. Ему, я бы сказал, совершенно по-зверски переломали все пальцы на руках, затем пара сломанных ребер, перелом лодыжки, слегка отбитые почки – все это лечится. Но если бы вы на него не наткнулись, он бы наверняка не выжил. Кто-то поступил с ним очень подло.

— Он был помощником депутата, — сказал Билон.

— Да? Это хорошо. Значит, за ним кто-то приедет. А то у парня, понятное дело, ни денег, ни документов. Пойду передам ребятам.

Врач ушел. А на его место к стойке подошли двое полицейских, очень серьезных и похожих как близнецы-братья. Различались они только по нашивкам: у одного лейтенантские, у другого – сержантские.

— Лейтенант Бугер, — представился один из них. — Это вы привезли пострадавшего?

— Я, — ответил Билон.

— Вас не затруднит проехать с нами? Укажете нам место происшествия, а затем составим протокол.

— Не затруднит, — кивнул Билон. — Я могу поехать на своей машине?

— Думаю, не стоит, — лейтенант пристально посмотрел на Билона. — У нас места хватит.

— Вот здесь это и было, — показал Билон. — Надо понимать, сбросили его в эту яму, да еще и листья сверху сгребли. Видите следы?

— В основном, я вижу здесь ваши следы, — язвительно сказал лейтенант Бугер. — Надо сказать, их вы оставили в изобилии.

— Если бы он был уже мертв, я ничего бы не трогал, — сухо произнес Билон. — Но так как он был еще жив, мне пришлось, в первую очередь, позаботиться о нем.

— Это понятно, — хмыкнул полицейский. — Мне не совсем понятно другое – что вы, эта, в лесу делали?

— Отлить ходил, — доходчиво разъяснил Билон. — Организм потребовал.

— Но почему именно здесь? Через два километра по этому шоссе есть площадка, оборудованная, помимо всего прочего, туалетом. Почему вы не воспользовались им?

— Вы меня в чем-то подозреваете? — спросил Билон.

— А почему вы решили, что мы вас в чем-то подозреваем?

— Да ничего я пока не решил, — признался Билон. — Это у меня такая профессиональная привычка – задавать вопросы. Я журналист.

— У меня тоже есть профессиональная привычка задавать вопросы, — ухмыльнулся лейтенант. — Так все-таки, почему вы остановились здесь, не доехав до площадки?

— Ну, не знал я, что там есть площадка, — объяснил Билон. — Мне эта дорога не знакома. А до леса, если вы обращали внимание, километров пятнадцать по сторонам – сплошные поля и заборы. А приспичило уже – сил нет. Сделать же

свои дела прямо под забором я никак не мог по причине природной застенчивости. Вот, как только появилось первое попавшееся подходящее место, я и съехал на обочину. Предвидя ваш следующий вопрос, замечу, что так далеко в лес я зашел по причине все той же застенчивости. Лес с дороги здесь хорошо просматривается, причем в обе стороны.

— Н-да, — со странной интонацией произнес полицейский. — Исчерпывающий ответ. И когда вы его нашли?

— В десять тридцать две.

— Вы засекали время?

— Да. Я знал, что кто-то меня об этом спросит. Между прочим, последние полтора месяца я занимался, в основном, криминальной хроникой.

— Ладно, — недовольно махнул рукой полицейский. — Я вижу, уже подъезжают мои коллеги, хотя не думаю, что после вашей бурной спасательной деятельности им удастся здесь найти что-то стоящее. А сейчас давайте поедем в участок для составления протокола.

— Со всеми подробностями? — не удержался Билон.

— Нет, — лейтенант Бугер мрачно посмотрел на него. — Достаточно будет основных фактов.

На самом деле составление протокола оказалось весьма длительной процедурой. Лейтенант Бугер задавал вопросы, а безымянный сержант выстукивал на машинке ответы Билона, причем, не слишком ловко. Сам Билон напечатал бы все гораздо быстрее.

— Хорошо, — сказал лейтенант после того, как томительный марафон из вопросов и ответов, сопровождаемый стуком машинки, подошел к концу. — Тогда еще два вопроса. Куда вы ехали?

— В Зейгалап.

— Зачем?

— Выполнял задание редакции, — неприязненно ответил Билон. Вся эта процедура успела ему до крайности надоесть. — Конкретизировать?

— Нет. Где вас можно будет найти в ближайшее время?

— Для меня забронирован номер в гостинице "Салют". Но сколько я там буду находиться, я не знаю.

— Хорошо. Последний вопрос. Вы сказали, что пострадавший назвал вам номер телефона. Вы по нему звонили?

— Да.

— А почему вы не сказали об этом раньше?! — лейтенант Бугер вдруг резко повысил голос.

— А вы меня об этом не спрашивали.

— Когда вы звонили? — быстро спросил лейтенант.

— Перед вашим приездом. Из больницы.

— Зачем вы это сделали?!

— Я полагал, что если человек, который, можно сказать, еле дышит, из последних сил называет номер телефона и просит по нему позвонить, его просьбу следует уважить, — осторожно сказал Билон.

— Подождите, я сейчас приду, — лейтенант Бугер стремительно выбежал из кабинета, оставив Билона под надзором молчаливого сержанта.

Билон внимательно посмотрел на закрывшуюся за спиной полицейского дверь. Похоже, лейтенант Бугер знал об этом деле больше, чем хотел показать, и сообщение Билона нарушило какие-то его планы. За всем этим явно крылась небольшая, но весьма мрачная тайна, Билон это чувствовал своим профессиональным нюхом журналиста. Но стоило ли раскапывать эту тайну? Пожалуй, нет. От всех дел, где замешана политика, простому человеку, даже если он обозреватель одной из крупнейших газет страны, следует держаться подальше.

Лейтенант Бугер отсутствовал долго – больше трех квинт, и за это время Билон успел не раз проклясть себя за болтливый язык и привычку честно отвечать на прямо поставленные вопросы. Не хватало еще влипнуть здесь в историю!

— Прошу прощения за задержку, — произнес лейтенант дежурное извинение, вид у него при этом был загнанный и разочарованный. — Прочтите, пожалуйста, протокол… А теперь напишите: "С моих слов записано верно" здесь… и здесь, затем дата и подпись… Очень хорошо. Вы можете быть свободны, господин Билон. Если надо, мы вас найдем. До свидания.

Уже выйдя из полицейского участка, Билон с раздражением вспомнил, что оставил автомобиль на стоянке у больницы. Город Вильтуран был невелик, но пока Билон, опрашивая прохожих, добрался до цели, уже совсем стемнело. Что же, зима на носу, послезавтра – тридцать пятое число, последний день последнего осеннего месяца.

В последний момент Билон решил заглянуть в больницу, поинтересоваться состоянием пациента. Неожиданно для себя он почувствовал некую ответственность за его судьбу.

— Все нормально, — успокоил его дежурный. — Состояние тяжелое, но не опасное. Сейчас спит. Тут к нему уже друзья приехали.

— Да?

Билон обернулся, почувствовав на себе чей-то взгляд.

Наискось через холл к нему шел высокий, но какой-то хрупкий мужчина лет сорока пяти с острым, хотя и достаточно привлекательным лицом и редкими светло-рыжими волосами.

— Добрый вечер, — поздоровался он. — Вы Майдер Билон, журналист из "Курьера", верно? Я благодарю вас, вы спасли жизнь нашего товарища. Да, прошу прощения, меня зовут Райнен Фремер. Я – депутат парламента от дистрикта Ойдевиз, член Движения за Демократию.

— Очень приятно, — вежливо сказал Билон. — Хотя, честно говоря, я не совершил ничего выдающегося. Любой на моем месте сделал бы то же самое.

— И все же, именно вы оказались в нужное время в нужном месте, — устало улыбнулся Фремер. — Профессиональное качество хорошего журналиста. Кстати, хочу сказать, Лайн – ваш коллега.

— Извините, кто?

— Лайн Ринко. Тот, кто обязан вам спасением. Он работает в нашей газете "Утренняя Звезда".

— Да? А представился вашим помощником.

— Он и в самом деле числится моим помощником, — кивнул Фремер. — Знаете, в наше время лишняя корочка журналисту не помешает. Особенно в нашей газете. Вам приходилось ее читать?

— Нет, — покачал головой Билон. — У меня даже на свою собственную порой не хватает времени.

— Жаль. Тогда бы вы поняли лучше. Мне говорили, вы едете в Зейгалап? Разрешите догадаться, с какой целью? Вам поручили освещать процесс Джойвара?

— Да, — сухо подтвердил Билон.

— Лайн тоже ехал освещать этот процесс. Но ему не дали доехать. А аккредитовать второго журналиста мы уже, вероятно, не успеем.

— Не самая честная игра.

— Да. Против нас готовится что-то нехорошее. Движение обвиняют в поддержке терроризма, заявляют, будто мы готовимся захватить власть, но при этом не дают нам сказать и слова в свою защиту. Нас словно отрезали от всех основных газет и телеканалов. Подсудимый отказался от наших адвокатов, а назначенный ему защитник не вызывает доверия. Все наши свидетели отклоняются, а выступать на суде от имени Движения будет профессор Дуйнуфар. Он очень честный и добрый человек, но, увы, слишком наивный.

— То есть, он будет говорить на суде не то что нужно, а то, что есть на самом деле?

— Я вижу, вы уже составили свое мнение? — печально

спросил Фремер.

— Представьте себе, нет, — резко ответил Билон. — Я почти ничего не знаю об этом процессе и, признаться, не хочу знать. Мне хочется составить собственное, непредвзятое мнение, основываясь на том, что я услышу в зале суда.

— А если то, что вы услышите, будет различаться с установками вашей редакции?

— Послушайте, — сказал Билон, уже основательно разозлясь. — Почему все вы, услышав, где я работаю, немедленно начинаете видеть во мне врага?! Да, в любой газете есть люди, которые пишут заказные статьи, отражая мнение ее хозяев. Скажете, в вашей "Утренней Звезде" нет таких? Но почему по ним судят о моей профессии?! Большинство журналистов за пределами этой узкой прослойки выходцев из мусорной корзины нормально и честно работают, не насилуя свою совесть! К вашему сведению, я лично еще ни разу не писал материалы, которые не отражали бы мою собственную точку зрения! И не собираюсь изменять этому принципу!

— Я прошу у вас прощения, — покаянно и, кажется, искренне сказал Фремер. — Мне очень жаль, что я плохо подумал о вас. Чем я мог бы загладить свою вину? Если хотите, я приглашаю вас на обед. Исключительно как частное лицо, благодарное за спасение от верной смерти друга и соратника. Обещаю, что никаких политических разговоров за столом вестись не будет.

— Интересное предложение…

Билон задумчиво потер лоб. Он и в самом деле очень проголодался и устал, но совместный обед с человеком, имеющим прямое отношение к предстоящему ему заданию, был бы нарушением профессиональной этики. И все же, когда еще удастся близко познакомиться с депутатом парламента, причем от Движения?…

— Хорошо, — сказал Билон. — Я принимаю ваше приглашение. Но с одним условием: каждый платит за себя.

Ресторанчик был маленький, но очень уютный. Назывался он "Домашняя кухня", и в нем, действительно, было что-то домашнее. Добродушный пожилой хозяин у стойки, две симпатичных официантки в длинных платьях и передниках, связки сушеных трав на стенах и никому не мешающий негромкий телевизор в углу, создающий звуковой фон. Идеальное место для неторопливых дружеских бесед за чашкой скайры или бутылочкой хорошего вина.

— Приятное место, — отметил Билон. — Вам уже приходилось здесь бывать?

— Нет, — покачал головой Райнен Фремер. — Я впервые в этом городе. Это заведение порекомендовал мне один из моих знакомых.

— У вас много знакомых?

— Да. Одно из немногих положительных следствий занятия политикой. Как-то незаметно узнаешь очень много новых людей.

— Вы обещали не вести за столом политических разговоров, — смеясь, напомнил Билон.

— Признаю свою ошибку. Тогда давайте заказывать. Тот самый мой знакомый порекомендовал спросить здесь мясо под белым соусом, а у меня пока не было причин сомневаться в его рекомендациях.

— Мясо так мясо, — решил Билон. — Хотя, признаться, после всех сегодняшних приключений меня больше волнует не вкус блюда, а размер порции.

Дожидаясь, пока принесут заказ, Билон не спеша прихлебывал минеральную воду из стакана, поддерживал ленивый разговор с Фремером о достоинствах семейных заведений и вполглаза посматривал на экран телевизора, где показывали какое-то шоу. Внезапно передача прервалась, но вместо привычного рекламного ролика появилась заставка с надписью: "Передаем экстренное сообщение".

— Смотрите, — Билон показал на экран телевизора. — Что это?

— Сегодня мы уже сообщали вам о необоснованном задержании прокуратурой Реперайтера президента корпорации "Оронт" Дилера Стайса, — сказал диктор с немного растерянным, как показалось Билону, выражением лица. — Только что по каналам пресс-службы администрации президента мы получили заявление, подписанное Дилером Стайсом и еще одиннадцатью известными предпринимателями, возглавляющими ведущие корпорации страны. Согласно тексту заявления, двенадцать его авторов слагают с себя полномочия по руководству компаниями, передают свою собственность государству и удаляются в добровольное изгнание…

— Знаете, я, кажется, попрошу вас нарушить обещание, — вполголоса сказал Билон. — Вы что-нибудь здесь понимаете?

— Для меня это такая же новость, — Фремер выглядел удивленным и очень озабоченным. — Я, конечно, слышал, что сегодня утром по указанию прокурора Тревиса были задержаны Стайс и еще кое-кто из этого списка. Но о таком заявлении я слышу в первый раз.

— …Нет никаких причин считать, что заявление, текст которого вы только что прослушали, было написано

добровольно, — продолжал диктор. — Пока аппарат сотрудников президента воздерживается от комментариев. Нет никаких сведений и о том, где сейчас находятся двенадцать известнейших предпринимателей страны. Никто из них еще не выходил на связь ни со своими родными, ни с адвокатами, ни с руководством компаний, якобы переданных в собственность государства. Все демократические силы Горданы склонны рассматривать Заявление Двенадцати как акт самого грубого произвола и требуют объяснений от президента Лёрида Кирстена, который, предположительно, вынудил элиту горданского бизнеса пойти на этот беспрецедентный шаг. Депутат от Демократической партии центра Лейхан Гингорд выступил с требованием подачи срочного парламентского запроса о судьбе Дилера Стайса и всех остальных лиц, чьи подписи стоят под заявлением…

— Ишь, как разоряется, — злорадно сказал Билон. — Канал-то принадлежит Стайсу, вот они и дергаются.

— А вы считаете, так и надо? — поинтересовался Фремер.

— Пожалуй, да. Все они наворовали у государства миллиарды, а теперь им просто воздали по заслугам. Кстати, а как считаете вы? Это не для печати – вряд ли я буду писать об этом статью – но может быть, вы разъясните мне, что происходит?

— Я испытываю двойственные чувства, — признался Фремер. — Как простой гражданин я рад, что президенту удалось справиться с монополиями, разоряющими страну ради своих прибылей. Но как члена Движения за Демократию и депутата парламента меня очень беспокоит допущенное при этом беззаконие. Я думаю, если дело дойдет до парламентского запроса, мы его поддержим.

— Не понимаю, — пожал плечами Билон. — Насколько мне известно, ваше Движение раньше боролось против власти гигантских корпораций. А сейчас вы их что, стали поддерживать?

— Не стали, — возразил Фремер. — Но мы хотим, чтобы все в нашей стране делалось по закону. А здесь, фактически, у людей без суда и следствия отобрали их собственность. Понимаете? Пусть она была нажита нечестным путем, но государство не имеет права поступать не по закону. Иначе какая может быть гарантия, что следующим не будете вы или я?!

— Мне кажется, ваше Движение иногда отрывается от жизни, — подумав, сказал Билон. — Вы всегда слишком скрупулезно соблюдаете все правила. Но закон слеп, и чтобы сохранить его дух, иногда приходится нарушать его букву. Разве с этими монополистами можно было справиться законным образом? Да любой процесс затянулся бы на годы и ничего при этом не достиг! Они бы все равно вывернулись, наняли бы

лучших адвокатов, заплатили бы свидетелям, обвинителям, судьям! С теми, кто постоянно нарушает закон, нельзя играть по всем правилам!

— Но все-таки какие-то правила нужны, верно? Понимаете, если бы сильный и справедливый государственный деятель начал очищать страну от скверны, я бы поддержал его. Но в этом деле очень много зависит от личности правителя, и поэтому меня беспокоит сам Кирстен. Все уже, наверное, забыли, с чего он начал четыре с половиной года назад, когда пришел в парламент, а я помню. Тогда он требовал принять закон о введении квот на иммиграцию по расовому принципу. Нынешний лоск появился у него много позже… Так вот, Кирстен слишком четко делит всех на своих и чужих. И тех, кто не с ним, он считает врагами, с которыми нужно расправляться любыми средствами.

— Не знаю, что он там говорил четыре года назад, но сейчас он, по-моему, делает большое дело, — заявил Билон. — Он укрепляет государство. Борется против преступников.

— Может быть, — вздохнул Фремер. — Но меня пугают средства достижения этой цели. Кирстен может быть очень опасным, он совершенно непредсказуем, он не соблюдает никаких правил и признает никакой власти, кроме своей собственной. К сожалению, это мало кто видит. Мне кажется, он укрепляет не государство, а свою власть и думает о себе, а не о людях.

— Хотел бы я видеть политика, который думает о людях, — усмехнулся Билон.

— Вы считаете, что политика – грязное дело, да? И поэтому не хотите ей интересоваться? — с неожиданным жаром спросил Фремер. — Почему-то так думают большинство честных людей, с которыми мне приходилось общаться. Каждый из них занимается своим делом, не лезет в политику и поэтому позволяет, чтобы им правили воры и мерзавцы! Когда-то и я так думал. Полжизни я был учителем и, наверное, неплохим учителем. Преподавал детям историю и географию, любил свою работу и привычно ругал власти, которые строили себе особняки вместо школ и заменяли управление разруливанием финансовых потоков! Но в один прекрасный момент я подумал: а почему я должен позволять им измываться надо мной? Почему на выборах я должен размышлять, предпочесть ли старому вору нового или нет? Демократия – прекрасная вещь, если уметь ей пользоваться. Люди, если они по-настоящему захотят, могут выбрать для себя достойную жизнь! Вам не приходилось бывать в дистрикте Ойдевиз, где к власти пришло наше Движение? Как-нибудь вырвитесь, посмотрите, что нам удалось сделать!

— Попробую, — примирительно сказал Билон.

Им уже принесли обед, и сейчас он в ускоренном темпе обрабатывал кусок хорошо прожаренного душистого мяса. Фремер понравился ему своей искренностью, и Билон с грустью подумал, что в политике он не добьется ничего. Обычных людей мало интересует власть, — пришла к нему в голову нечаянная мысль. Чтобы хотеть и уметь управлять другими, нужны совершенно особые черты характера, а так называемые честные люди этими чертами не обладают.

— Политику не делают чистыми руками, — вслух сказал Билон в такт своим мыслям. — Но если снова вернуться к этому пресловутому Заявлению Двенадцати, — как вы считаете, что за ним последует?

Фремер задумчиво отложил вилку.

— Что-то наверняка изменится, хотя мне пока сложно сказать, как именно. Но в одном я уверен: то, что мы только что видели, — это не окончание каких-то скрытых от нас разборок. Это только начало…

— …Это конец! — рассмеялся Дуган Буремен, по-хозяйски развалившись в кресле. — Теперь вы наш! Наш со всеми потрохами!

— Боюсь, я не совсем понимаю вас, — сухо сказал Дагир Мелливан, генеральный директор банка "Северо-восток". — На что вы хотите претендовать?

— Мы не претендуем, — наставительно сказал Буремен. — Мы уведомляем. Ваш банк теперь принадлежит нам, господин Мелливан. Усекли? Или еще раз показать вам документы?

— Не надо, — вздохнул Мелливан. — Но что вы хотите от меня? Раз контрольный пакет акций у вас, объявляйте о созыве внеочередного собрания, собирайте акционеров и заявляйте перед ними о своих правах. Назначайте, если угодно, новое правление, оно и поставит передо мной новые задачи.

— Вы что, непонятливый? — с угрозой спросил Буремен. — Какое такое собрание? Мы – новые хозяева банка, не ясно? Вот председатель фонда "Возрождение", я – его заместитель. Какого черта вы еще виляете?! Вы же самый обычный наемный работник, какое вам дело до того, кто вам приказывает?! Сейчас не время проявлять верность старому собственнику!

— Послушайте, — взмолился Мелливан. — Господин Вайкел, вы же финансист, объясните же ему! Так дела не делаются! Есть свой порядок…

— Увы, господин Мелливан, — Тейно Вайкел жестом циркуля закинул ногу за ногу. — В некоторых случаях приходится отступать от традиционных порядков. У нас нет времени на

осуществление всех предписанных законом процедур. И я советовал бы вам не упорствовать. Это может для вас плохо кончиться.

— Но могу я хотя бы связаться с господином Стайсом? — попросил Мелливан. — В конце концов, он остается крупнейшим акционером банка.

— Не можете, — злорадно ухмыльнулся Буремен. — Туда еще не провели телефон.

— Ах вот так? — испуганно подскочили вверх очки Мелливана. — Вы хотите сказать…

— Хочу. Старая власть больше не вернется. Так вы с нами?

— Да-да. Простите, что вам от меня нужно?

— Деньги, — коротко сказал Буремен. — Для начала, сто миллионов брасов.

— Сколько?! — возмущенно переспросил Мелливан. — Но их у меня нет!

— Их у вас есть, — спокойно произнес Буремен. — Где же еще брать деньги, как не в банке? Судя по вашему последнему годовому отчету, стоимость ваших активов оценивается в сорок миллиардов.

— Но это же не наличные! — запротестовал Мелливан. — Господин Вайкел, почему вы молчите?! Это просто бандитизм! Это незаконно!

— Незаконно? — вкрадчиво переспросил Буремен. — На вашем месте, я бы не стал здесь произносить это слово. Или вам напомнить, сколько государственных денег вы прокрутили через свой банк?

— Вы не понимаете. Может быть, мы действовали небезупречно, но мы не нарушали в открытую никаких законов и контрактов! А вы просто приходите в банк и требуете денег! Даже если вам принадлежит контрольный пакет акций, вы не имеете права это делать, а я не могу, понимаете, не могу на это пойти! Банк – это не лавка ростовщика!

— Господин Мелливан, — строго сказал Вайкел. — За кого вы нас принимаете? Вы что, полагаете, мы пришли к вам с пустым мешком под мышкой и ожидаем, что вы насыплете туда денег из своего сейфа? Речь идет о том, чтобы выделить сумму в сто миллионов брасов на финансирование чрезвычайных государственных расходов на обустройство беженцев с Восточного континента. Меня, в общем-то, мало волнует, как именно вы проведете эту сумму по бухгалтерии. И вы лучше меня знаете, какие активы следует ликвидировать и как повернуть финансовые потоки, чтобы не нарушить при этом работу банка. Вам просто будет передан список платежей, которые вы обязаны

совершить в течение двух недель.

— А если не знаете, где взять денежки, могу подсказать, — вставил Буремен. — Насколько мне известно, господин Стайс лично вкладывал через ваш банк что-то около миллиарда. Можете смело ими пользоваться – бывший хозяин возражать не будет, ха-ха!

— Я подаю в отставку, — вяло сказал Мелливан. — Немедленно. Я не могу работать в вашей бандитской экономике.

— Подавайте, — улыбнулся Вайкел. — Но не раньше, чем через две недели. И почему, кстати, вам не нравится наш новый порядок? Все очень просто: нужно делать все, что тебе приказывают, и ни о чем не беспокоиться…

— Виват! — поднял свой бокал Лёрид Кирстен. — Виват, друзья!

— Я же говорил вам! — весело возбужденный генерал Могли даже не успел сменить потрепанный полевой камуфляж. — Никакие охранные агентства, какими бы раскрутейшими они ни были, против десантуры не катят! Задирали все лапки кверху как миленькие! Даже пострелять толком нигде не понадобилось!

— Всё, всё, проникся и раскаиваюсь! — Кирстен шутливо поднял руки вверх. — Поздравляю всех вас с заслуженной победой. Особая благодарность вам, Дуган. Ваши люди сработали безупречно.

— Это было не так сложно, господин президент, — браво отрапортовал Буремен. — Противник был настолько уверен в своем превосходстве, что и не ждал нападения. Даже Моддель, уж на что битый волчара, а приехал на стрелку всего с пятью охранниками. Да и то… Положили всех без единого выстрела. А больше всех пришлось повозиться знаете с кем? Представьте себе, с Челнером Гаккелем! Наш филантроп продержался до третьей ступени. А потом подпалили задницу паяльной лампой – и подписал все как миленький!

— Ладно, — весело засмеялся президент. — Охотничьи рассказы – после. Каковы наши потери?

— Не считая ликвидаторов – три человека. Пали, так сказать, на боевых постах. Надо бы, наверно…

— Все будет, — кивнул Кирстен. — Пенсии семьям, награды, все как положено. Но – потом. Давайте, господа, сосредоточимся на наших текущих задачах. Сеймор, начинайте вываливать весь компромат на покойничков. Пусть народ прочувствует, у кого мы принимаем дела, а все эти крысы в парламенте и администрациях дистриктов должны покрыться холодным потом и с тоской думать: знаем мы или не знаем? Мы знаем!

— Будет сделано, — коротко ответил Сеймор Скэб. — Информация пойдет одновременно по всем каналам. Бывшие стайсовские мы возьмем под контроль не позже конца недели.

— Поторопитесь, — приказал Кирстен. — Заткните их не позднее послезавтра. Любыми методами. Вайкел, как идет работа по приему наследства?

— По плану, господин президент. Сегодня проведена разъяснительная работа в банке "Северо-восток" и в страховой компании "Эледа", завтра на очереди "Оронт" с "Ренгером". Это по активам Стайса. С остальными тоже все по графику. К концу недели все наши финансовые проблемы будут решены полностью и окончательно.

— Хорошо. Наш управленческий резерв пока не требуется?

— Я держу его наготове, господин президент. Но пока предпочитаю опираться на старые кадры. В банках "тридцатки" своя специфика, и я не уверен, что их сотрудники правильно воспримут наши методы.

— Дело ваше. Хотя думаю, они нам еще понадобятся. Компании мы больше трогать не будем, пусть работают. Сейчас ваша главная задача – личные состояния.

— Работа идет, — сказал Вайкел. — Но она требует времени. Я предупреждал, вы поспешили с ликвидацией.

— Это уже не важно, — махнул рукой Кирстен. — Работайте, Вайкел, потрошите их сколько надо, я не буду вас подгонять. Всех остальных же прошу подтянуть хвосты, в первую очередь, с кадрами. Дуган, вы будете задавать нам темп. Вы завершили с организацией процесса?

— Да, господин президент! У нас уже расписано все по дням. Процесс завершится точно в срок!

— Все слышали? Делайте что хотите, ускоряйте работу любыми методами, но чтобы к четырнадцатому числу, когда мы выступим, все у нас было готово!

Глава 61. Последней умирает надежда

Сколько Неллью себя помнил, он никогда не любил уезжать. Ниоткуда. Даже если впереди его ждало нечто новое, радостное и интересное, перед отъездом он всегда чувствовал непонятную тоску, словно, покидая какое-то место, он навсегда оставлял в нем частичку самого себя.

И особенно ему не хотелось уезжать отсюда. Небольшой научный городок на берегу тихого Муилена был для него надежной гаванью, одним из немногих оставшихся на земле мест, где люди даже после гибели их мира пытались сохранить – и сохраняли – нормальную человеческую жизнь. Здесь можно было, никого не боясь, ходить по асфальтированным дорожкам через печальные зимние рощи; сидеть в хорошей компании по вечерам и взахлеб говорить до рассвета; не думать, где найти крышу над головой и пищу на завтрашний день, а белые корпуса университетских зданий, если не приглядываться, казались точно такими же наполненными жизнью, как и до войны. Впрочем, о войне в этом месте, где все были увлечены делом, как-то не думалось.

И все же, им надо было уезжать. Гидросамолет "Буревестник" еле заметно покачивался на нагоняемой ветром речной волне, а на коротком причале прощались и никак не могли попрощаться друг с другом улетающие и остающиеся. Кир Гордис и Ринчар Линд в теплых куртках на меху и сбитых на затылок шапках с наушниками стояли в окружении тесной группы людей и не могли оторваться от них, не досказав до конца всего, что хотелось сказать на прощание. Глядя на них, Неллью даже почувствовал укол зависти пополам с грустью: его самого здесь никто не провожал. Они пришли сюда гостями и уезжали, не оставив следа, о котором стоило бы вспоминать. А те, кто мог бы по-дружески сказать им "До свидания", сами покидали это место вместе с ними.

Ворро тоже хотелось быстрее закончить с прощанием. Слегка опираясь на поплавок, он выслушивал последние пожелания и наставления от Онорана Печари, не вдумываясь в их смысл. Старый пилот передал ему все, что мог, о самолете, на котором он почти тридцать лет назад установил славный рекорд, и теперь Ворро не терпелось применить эти знания на практике. Он был уже мысленно там, в воздухе, прокладывая путь в свой родной Лимеолан. До дома оставалось всего несколько часов, и Ворро не

мог найти себе места от ожидания.

Но все когда-нибудь заканчивается. Гордис и Линд в последний раз соприкоснулись ладонями с каждым из своих друзей и, молча и не оглядываясь, зашагали к самолету.

— Пора, — негромко сказал Ворро. — Что же, Дед, будем прощаться. Спасибо вам за все. Я не посрамлю вас.

— А он не подведет, — ответил старый летчик, прозванный еще в молодости Дедом за раннюю седину. — Вы долетите на нем до Чинерты. Берегите себя.

— Счастливо, — махнул рукой Ворро. — До встречи в Полете!

Как вдруг вспомнилось Неллью, так обычно прощались друг с другом летчики во время войны, вылетая на боевые задания.

Уже в тесной кабине, где едва помещались кресла пилота и штурмана, к ним подошел Кир Гордис.

— Запомните, — сказал он по-чинетски с необычной серьезностью. — Запомните сами и передайте вашему другу. Если не доберусь я, вы скажете в Чинерте: лучший замедлитель нейтронов – это графит. Чистый графит. Запомнили?

— Запомнил, — кивнул Ворро. — Но вы расскажете у себя дома об этом сами. А теперь займите свое место. Мы взлетаем.

Гидросамолет, взревев моторами, заскользил, поднимая волну, по речной глади, затем неуклюже развернулся и начал разбег. Тяжелый, с полными баками, он набирал скорость медленно и неохотно, словно разжиревший гусь, и только перед самым поворотом реки вдруг неожиданно легко оттолкнулся от воды и взмыл над прибрежными ивами, набережной и разрушенными домами на том берегу. Вскоре он совсем скрылся из виду.

Река появилась ниоткуда, будто бы она только что вырвалась прямо из сердца гор. Было видно, как быстрый поток, пробившись между расступившимися скалами, постепенно смиряет свой бурный норов, с неохотой укладываясь в расширившееся русло.

— Это она? — напряженно спросил Ворро, не поворачивая головы.

— Да, — сказал Неллью, чувствуя неожиданное облегчение.

Казалось бы, и что тут такого? Для их гидросамолета река Тьярре, приток полноводной Таране, вряд ли могла представлять собой подходящую посадочную полосу. Этот поток, собирающий всю влагу с северных склонов Арондакских гор, был слишком быстрым, слишком необузданным, слишком извилистым. А у "Буревестника", да еще с почти полными баками, пробег больше километра…

И все же, возможность быстрой посадки в случае опасности

немного успокаивала Неллью. Первый час, пока они преодолевали водораздел, он сидел в своем штурманском кресле напряженный как сжатая пружина, каждую минуту ожидая мигания лампочки на тревожном индикаторе. Небо таило в себе смертельную опасность, земля была холодной и негостеприимной, а их "Буревестник" – слишком уязвимым. Скорость полета не превышала двухсот километров в час – плата за чудесную экономичность двух слабосильных двигателей, высота его не достигала и полукилометра, а сам самолет ради способности пролететь пятнадцать тысяч километров на одной заправке был превращен, по сути, в летающий бак с бензином. Из кабины Неллью мог видеть людей, а что могли подумать сами люди, заметив прямо у себя над головами появившийся ниоткуда странный самолет, пусть даже и с крупными вилкандскими опознавательными знаками на крыльях? Неллью постоянно опасался, что у кого-то из них хватит ума послать вслед пулю, приняв их за очередную дьявольскую хитрость пришельцев, и тем самым поставить их рискованную экспедицию на грань гибели.

И вот надо же, пронесло как-то! Больше часа они в воздухе, а пришельцы их так и не обнаружили. Неллью слегка приободрился. Выходит, на самом деле пришельцы не всеведущи! И зря, получается, он верил, будто бы им видно все, что делается в воздушном пространстве Филлины…

— Ваше превосходительство!

— Что?

Генерал второй величины Коо ли-Пээл недоуменно поднял голову, не сразу осознав, что это обращаются к нему. Он еще не совсем освоился с новым званием и не привык к тому, что выше него, начальника Центральной базы на Филлине, нет никого на многие световые годы вокруг.

— Ваше превосходительство! Сообщение из службы воздушного наблюдения. Только что над территорией пятого сектора засечен летательный аппарат.

— И что в этом такого важного, старший-три? — недовольно спросил генерал Пээл не в меру старательного адъютанта. — Служба воздушного наблюдения каждый день засекает по несколько полетов, причем, в основном, в пятом секторе. Пусть местные перебираются на свой остров, зачем обращать на это внимание?

— Это – не обычный полет, ваше превосходительство. Летательный аппарат движется не на запад, а на восток. При этом пилот держит машину на малой высоте и прикрывается горами. Мы его иногда даже теряем. Прикажите сбить?

— Нет. Ограничиться наблюдением. И впредь докладывайте мне о таких полетах, только если они имеют признаки регулярного сообщения или приближаются к нашим зонам безопасности.

— Так точно!

В голосе молодого адъютанта чувствовалось разочарование, но генерал Пээл не собирался идти на поводу у подчиненных. Командующему всеми имперскими силами на Филлине больше не хотелось воевать. Противника нельзя победить, бросая на него армады бомбовозов и колонны дистанционно управляемых танков. Так можно только разбить его войска, разрушить города, разорвать коммуникации, но нельзя покорить. Империя на Филлине владеет только небом, бескрайним филлинским небом, но ей не суждено иметь власти над филлинской землей.

Генерал Пээл вовсе не ощущал себя слабым, а три имперских базы на миллионы квадратных километров Восточного континента (плюс еще одна на западе) не казались ему крохотными островками посреди враждебного океана. С превосходно налаженной системой наблюдения со спутников, воздушных и наземных следящих станций, с двумя дюжинами девяток "Молний" на каждой базе, он мог не только не бояться филитов, но даже и не позволять им открыто восстанавливать разрушенное.

Открыто. Вот ключевое слово. Он чувствовал, что на этой планете продолжается какая-то неявная, сокровенная, потаенная жизнь, скрытая от взглядов следящих камер. И этой жизни не в силах помешать ни он с его "Молниями" и ракетами, ни даже весь Имперский Космофлот, появись он снова в небе над Филлиной. И не окажется ли вторая стадия вторжения, которую так рекламирует командование, и которую готовит он сам, строя базы и накапливая запасы, такой же бесполезной и никчемной, как первая?…

…И все-таки хорошо быть самым старшим начальником на целой планете. Это значит, что можно не задавать неприятные вопросы не только кому-то другому, но и самому себе.

— Мы уже над Тьярре, — гордо сообщил Неллью Ринчару Линду. — Самая рискованная часть полета позади. Теперь в случае опасности мы сможем сесть.

Линд что-то читал при свете тусклой лампочки, освещавшей узкий проход позади пилотской кабины.

— Наверное, это хорошо, — вздохнул он. — Начало – всегда самая рискованная часть чего бы то ни было. Хотя мне почему-то кажется, что если мы где-то сядем на полдороге, то уже не

взлетим.

— Не надо об этом, — строго сказал Неллью. — Не накликайте беду. Вы мне лучше вот что скажите. Что говорил перед отлетом Гордис? Что такое замедлитель нейтронов?

— Замедлитель – это… м-м-м… такое вещество, которое замедляет… Помните, я рассказывал вам о цепной реакции? Когда ядро урана распадается, из него вылетают нейтроны. И замедлитель мешает им быстро улететь, снижает их скорость, чтобы другим атомам было легче их захватить. Такое вещество найти очень трудно. Большинство материалов не замедляют, а задерживают или поглощают нейтроны. До последнего времени считалось, что лучший замедлитель – это тяжелая вода, в которой место обычного водорода занимает его тяжелый изотоп – дейтерий. Это…

— Я помню. Замедлитель используется при изготовлении урановой бомбы?

— М-м-м… — еще раз неуверенно протянул Линд. — Признаться, я не знаю точно, Кир сказал бы точнее…

Кир Гордис спал. Или делал вид, что спит. Он лежал на узкой кушетке в дальнем конце прохода, отвернувшись к стенке, и не реагировал на разговор.

— …Но, насколько мне известно, замедлитель нужен для того, чтобы построить урановый реактор – устройство, в котором цепная реакция не приводила бы к немедленному взрыву, а только тлела.

— А что бы это дало? — немедленно спросил Неллью.

— Такой реактор действовал бы как небольшая энергостанция, дающая тепло и свет. И, что самое главное, обычный уран со временем превращался бы в нем в новый элемент, из которого, похоже, тоже можно изготавливать бомбы.

— Да, я помню, — кивнул Неллью. — Ли говорил, что Гордис рассказывал ему о 94-ом элементе. Но я только не понимаю, почему 94-ом. Уран ведь 92-й, а куда делся 93-й?

— 93-й элемент – промежуточный. Обычный уран-238, которого в природном материале больше 99 %, захватывая нейтрон, превращается в 93-й элемент, которому ученые еще не придумали названия. Но 93-й элемент – неустойчивый, и спустя короткое время в его атоме распадается один нейтрон, превращаясь в протон и электрон. А так как номер элемента считают по числу протонов в ядре, выходит, что из 93-го элемента получается 94-й.

— Теперь я понял, — сказал Неллью. — Гордис летит, чтобы построить такой реактор в Чинерте?

— Гордис не может вынести бездействия, — вздохнул

Линд. — Это, наверное, ужасно: знать, как создать оружие, которое, вероятно, принесет свободу нашей родине, и не иметь никакой возможности это сделать. На самом деле, у нас еще ничего нет. Не понятно, каким способом нужно разделять изотопы урана, чтобы достичь хотя бы минимальной концентрации, необходимой для запуска реактора. Нет никакого представления о том, как делать урановую бомбу. Почти ничего не известно о 94-ом элементе. Их очень много, этих "нет", а чтобы хотя бы часть из них превратилась в "да", нужны многомесячные исследования, опыты, и не с моделями или несколькими килограммами уранового оксида, как в Муизе, а с сотнями килограммов чистого урана, тоннами графита, мощными источниками электроэнергии. Я не знаю, удастся ли найти все это даже в нашей стране…

— И все же он летит, — тихо произнес Неллью.

— Летит. Хотя, между нами говоря, все это – жуткая и опасная авантюра, на которую можно пойти только от лютого отчаяния. Я даже удивился, что ваш друг согласился лететь. Он, кажется, не производит впечатления любителя азартных игр со смертью.

— Мой друг думает только о Лимеолане, — невесело усмехнулся Неллью. — Я сомневаюсь, что он хоть раз представлял себе, что будет после. В Лимеолане остались его родители, дяди, тетки, двоюродные братья и куча прочих родственников. С тех пор, как один знакомый месяц назад сказал ему, что все они погибли, он не знает покоя. Возвращение стало его навязчивой идеей. А что до самолета… Не знаю, как Ли, но я так устал изо дня в день мерить землю ногами. Из заповедника Дола Соно в Тарануэс, из Тарануэса к побережью, из Дерразина в Муизу – мы прошагали тысячу километров, и все равно перед нами оставались многие дни пути. Я бы тоже не устоял перед таким искушением – решить все за несколько часов…

— Разве у вас по-другому? Вы не стремитесь в Лимеолан?

— Я всего лишь щепка, подхваченная потоком, — с горечью признался Неллью. — Я иду туда, куда идет Ли, просто потому что не вижу для себя другой цели. С тех пор, как я три с половиной года назад переехал в столицу, Ли постоянно был рядом со мной. Вначале он помогал мне как земляк и старший товарищ, потом мы летали в одном экипаже, а затем как-то выяснилось, что снимать одну квартиру на двоих выгоднее, чем две по отдельности, и мы съехались под одну крышу… Только не думайте ничего такого, у нас с ним нормальная сексуальная ориентация, просто, наверное… он не привык жить один, а для меня он стал старшим братом, которого мне всегда хотелось

иметь… Похоже… я еще не совсем вырос, Ринчар. Мне двадцать шесть лет, но иногда я чувствую, что словно до сих пор не хочу расстаться с детством, которого у меня по-настоящему и не было…

— Что же, сопровождать друга – достойная цель…

— Да, за неимением собственной. Но тогда скажите – для чего летите вы? Насколько я вижу, вас с Гордисом не связывают тесные дружеские узы. В урановом проекте ваша роль, извините, всего лишь наблюдатель. Во имя чего вы тогда рискуете жизнью в этом безумном полете?

— Наверное, я мог бы произнести немало красивых слов, — задумчиво сказал Линд. — Например, что профессиональный долг журналиста требует от меня постоянно быть в гуще событий. Или что в Муизе больше нет нужды в моем присутствии. Это, может быть, и так, но на самом деле, все куда проще: я хочу вернуться домой.

— Домой, — мечтательно повторил Неллью. — Наверное, это хорошо – возвращаться домой. С тех пор, как десять лет назад умерла моя мама, у меня не было места, которое я мог бы назвать своим домом… У вас в Криденге семья?

— Мама. Мой отец, как и ваш, погиб на войне. Он был по профессии инженером-мостостроителем, имел звание подполковника инженерных войск и был убит при бомбежке, возводя очередную переправу. Так что вырос я с мамой. Она преподает… то есть, преподавала… преподает математику в Криденгском политехническом. Даже странно, что, имея таких родителей, я вырос отпетым гуманитарием. В школе любил историю, поступил на экономический, а стал журналистом и писателем…

— Тогда я понимаю, почему вы так рветесь домой. В свое время я ухаживал за одной из троюродных сестер Ли, хотя у нас ничего не вышло. Она так и не стала для меня близким человеком, но мне все равно тяжело думать о том, что она могла погибнуть где-то вдалеке от меня… Вы не женаты?

— Нет. Из-за чего я иногда чувствую себя неудачником. Странно, наверно? Мне целых тридцать два года, но я работаю начальником отдела в одной из самых известных газет страны, мои книги читают и даже переводят на иностранные языки, у меня есть друзья, есть свой дом, но я все равно знаю, что в моей жизни не хватает чего-то очень важного…

— Вы не нашли?…

— Нашел… — со странной интонацией сказал Линд. — У всех нас бывает в жизни первая любовь. Как правило, она ни к чему не приводит и проходит, оставив после себя только светлую

память. Наверное, ко мне она пришла слишком поздно, уже в университете. Она была младше меня на курс. Красавица, умница, я был без ума от нее… Ее звали Тэви, Тэви Чиронис…

— Тэви? — удивился Неллью. — Это же наше, вилкандское имя. У нее вилкандские корни?

— Нет, насколько я знаю, она – чистокровная зеллийка. Просто в то время, когда Чинерта и Вилканд заключили между собой союз, у нас было в моде все вилкандское. К нам тогда ездили ваши артисты, у нас показывали ваши фильмы, на чинетский и зеллийский языки переводились книги ваших писателей…

— Да? А у нас, наверное, было наоборот. Ворро рассказывал, что его мама в молодости пела в хоре, а потом хор приехал из Чинерты в Вилканд на гастроли, вот она там и познакомилась с его отцом.

— А мы с Тэви познакомились на занятиях по вилкандскому языку, там как раз учились студенты с разных курсов. Потом мы долго были друзьями… всего лишь друзьями. А незадолго до окончания университета она вышла за своего однокурсника… Рейна Девериса. Я долго не мог понять: почему. Рейн был неплохим парнем, но он был… совершенно никаким, он ничем не выделялся из остальных. Мне казалось, он должен был быть слишком… серым для нее – такой яркой, такой живой, такой талантливой… Пусть я не был красавцем, — я всегда был довольно… м-м-м… плотным, а на занятия спортом у меня не хватало ни времени, ни упорства, — но ведь и он не был тоже! И ни о каком расчете речи не могло идти – Тэви была из обеспеченной семьи, да и добивалась всего в жизни самостоятельно… Это я уже потом понял: женщины любят ни за что-то, ни вопреки, как мне приходилось читать в одной книге. Они просто любят… Или не любят… И никому из нас ничего с этим не поделать…

— Вы до сих пор не можете забыть ее? — спросил Неллью.

— До сих пор. После того, как она… вышла замуж, я ни разу не видел ее. Криденг – достаточно большой город, чтобы не сталкиваться с тем, с кем лучше не встречаться. Но я знаю, она сделала карьеру, стала директором довольно крупного рекламного агентства. Незадолго до войны в нашей газете была статья про нее. Я передал ей привет. А потом… потом, к счастью, была эта командировка в Вилканд.

Ринчар Линд замолчал. Молчал и Неллью, не зная, что сказать. Необычное настроение предельной откровенности, вызвавшее этот странный разговор в самолете, летящем между опасной землей и враждебным небом, исчезло так же внезапно,

как и возникло.

— Я вернусь в кабину, — несмело предложил Неллью. — А то Ли без меня там, наверно, уже соскучился.

Либсли Ворро казался языческим идолом – застывшим, безмолвным, с напряженной маской вместо лица. Можно было даже поверить, что он перестал дышать. Под крылом самолета медленно проплывал город Декуар у слияния рек Тьярре и Таране. Были видны разрушенные кварталы, черные пятна на месте скверов и парков, рухнувшие мосты и торчащие дыбом плиты на сползшей в воду набережной, но город выжил в огне бомбежек и постепенно налаживал мирную жизнь на своих обломках. На его улицах были видны люди, многие из них приветственно махали руками низко летящему "Буревестнику".

А впереди, за щеточкой опустевших рощ и темно-серыми прямоугольниками полей, поднимались над горизонтом очертания далеких снежных вершин. Это были уже Рудные горы, за которыми начинались земли Барганда. От гряды Арондакских гор их отделяла широкая долина Таране.

Две реки слились в одну, и теперь под ними была широкая коричнево-серая лента, втекающая, словно в ворота, в промежуток между двумя горными цепями. До Лимеолана отсюда было всего сто тридцать километров – чуть больше получаса полета.

Этот отрезок пути Неллью знал наизусть. Он неоднократно преодолевал его и по воздуху, и по земле – поездом или на автомобиле. Сначала горы слева и справа будут все ближе подступать к реке, зажимая ее в узком проходе, но затем, будто отказавшись от этого намерения, снова расступятся в стороны, и Таране, почувствовав свободу, разольется на множество рукавов и проток, огибающих крупные и мелкие острова с камышовыми плавнями и чистыми бухточками. Потом главное русло реки станет шире, берега и острова оденутся зеленью многочисленных садов, а еще дальше мелкие поселки садоводов начнут укрупняться, сливаться друг с другом, нанизываться, как бусины на ожерелье, на двойную нитку железной и шоссейной дорог и со временем превращаться в пригороды. Среди зелени берегов вырастут портальные краны и портовые склады, многочисленные речные протоки оденутся в камень, а заливы превратятся в гавани – хлебную гавань, рудную гавань, нефтяную гавань… Правый берег постепенно покроют городские кварталы, а затем река со всеми своими рукавами вдруг внезапно вырвется в широкий морской залив, над которым уже вырастет сам Лимеолан – "Лазурная Гавань", южные ворота Вилканда, самый веселый и

лихой вольный порт на всем Срединном море…

Всего этого уже не было.

Кажется, Неллью не смог сдержать рвущегося наружу крика. Берега Таране, насколько хватало взгляда, были черными. Кое-где уцелели серо-зеленые полоски камышей, некоторые острова по-прежнему топорщились щетиной деревьев и кустарников, пестрели внизу желтые полоски песчаных пляжей, но все остальное поглотил чудовищный пожар, отбушевавший здесь многие дни назад. Сады, поселки, железнодорожные станции и бензоколонки – все исчезло в сплошной полосе черного пепла.

Над темной речной водой стояла легкая туманная дымка, и Неллью не мог видеть, что делается впереди. "Оно должно кончиться, оно должно кончиться", — беззвучно шептал он про себя, но самолет, преодолевая новые километры, открывал перед его глазами все то же бесконечное пожарище.

Пятно зелени впереди. Неужели?!… Нет, это всего лишь большой вытянутый остров посреди главного русла… Бог ты мой! Да это же Коровий остров, он сам в детстве сколько раз плавал туда на лодке. Значит, город уже так близко?! Везде только пепел и прах, прах и пепел. Кое-где на берегу видны остовы зданий. Это город?!…

Хлебная гавань. Вместо элеваторов – воронки от бомб. Портальный кран-зерносос лежит на боку, задрав вверх кривые лапы. Из темной воды виднеются мачты и трубы большого парохода. Второй пароход, весь сгоревший, навалился бортом на разбитый причал…

Отсюда уже должны быть видны высотные здания в центре. Но их тоже нет. Всего Лимеолана больше нет. Вместо города – сплошные развалины, изрытые воронками. В некоторых местах не сохранилось даже развалин, землю покрывает сплошная пузырчатая стеклянистая масса. И конечно, ни одного человека вокруг. Все здесь мертво, никто не ступал на эти берега уже много дней…

Ворро, не говоря ни слова, с таким же неподвижным, безжизненным и мертвым лицом, повел самолет на посадку. "Буревестник", поднимая мелкие волны, заскользил по длинной прямой протоке и наконец остановился в небольшом заливчике, где чудом уцелели кустарниковые заросли и три или четыре кривых деревца. Правый поплавок чиркнул о песчаное дно.

— Приехали? — спросил проснувшийся Гордис.

Ему никто не ответил. Ринчар Линд последние полчаса был в кабине, еле помещаясь за спиной у Неллью, и видел все. Ворро и Неллью тоже молчали.

Что-то хрипло буркнув, Ворро отодвинул с дороги массивного

Линда и, пройдя по проходу, распахнул дверцу. Рядом с ней к стенке была прислонена резиновая лодка, но Ворро не обратил на нее внимания и просто спрыгнул вниз. Вода доходила ему почти до пояса.

— Ли! — Неллью заторопился следом. — Я с тобой!

— Мы, наверное, тоже, — неуверенно сказал Линд.

— Нет, — остановил его Неллью. — Оставайтесь здесь. Мы вернемся, мы обязательно вернемся! Ждите.

Он тоже выпрыгнул наружу и заспешил вслед за Ворро, разгребая в стороны маслянистую темную воду. До берега было совсем близко.

Неллью узнавал и не узнавал город. Между этими длинными заборами нужно было пройти, чтобы попасть с набережной на широкую оживленную улицу, ведущую к рудной гавани. Черное бревно и расщепленный вывороченный наружу обугленный пень еще недавно были старым раскидистым деревом, под которым Неллью как-то пытался укрыться от грозы. В пустых проемах широких окон в полуобвалившейся стене разрушенного здания угадывалось кафе, куда он частенько заходил вместе с Ратаной… Но все эти немногие оставшиеся ориентиры терялись в однообразных развалинах, похожих на любые другие развалины, а не на прежний Лимеолан. Неллью хотелось, чтобы так оно и было. Тогда можно было поверить, что его родной город продолжает существовать где-то вдалеке, а сейчас он идет просто еще по одному безымянному пожарищу…

Ворро так не думал. Он просто шел вперед, почти не разбирая дороги, спотыкаясь и перелезая через завалы. Неллью никак не мог угнаться за ним. Он уже устал и давно потерял направление. Разрушенные кварталы были похожи друг на друга и почти не узнавались. Воздух был холодным и пахнул пылью. Только пылью…

Улица, по которой они теперь брели, была относительно чистой. Дома по обе стороны словно обвалились внутрь себя, и на проезжей части почти не попадалось крупных обломков. Все покрывал тонкий серый слой грязи, и проходя по ней, они оставляли за собой две цепочки следов. Кроме них двоих, в развалинах не было никого. Город был не только мертв, но и пуст.

От следующего дома остался лишь угол, нелепо торчащий над развалинами и обрывавшийся острым изломом на высоте третьего этажа. Ворро тянуло к этому странному пилону как птицу на огонь маяка, он убыстрял и убыстрял свой шаг, а затем побежал, перепрыгивая через разбросанные по мостовой

выщербленные и расколотые бруски серого ракушечника. Неллью бросился вслед за ним и чуть не упал, когда Ворро внезапно остановился как вкопанный.

На уцелевшем кусочке стены, еще сохранившем следы светло-песочной штукатурки, висел номер – обычный белый прямоугольник с полукруглым гнездом для электролампочки наверху. Четкая надпись большими черными буквами не оставляла никаких сомнений: это был именно тот дом, где жили родители Ворро и где когда-то жил он сам. Сейчас на его месте остался только широкий кратер, окруженный развалинами.

Либсли Ворро медленно сел прямо на землю, обхватив колени руками. Ему больше некуда было идти. Он вернулся домой.

Глава 62. В конце пути

Три человека стояли у самого уреза воды, глядя на чуть покачивающийся на волнах гидросамолет с необычно длинными крыльями. Четвертый сидел прямо на песке немного в отдалении от них. Он смотрел в противоположную сторону, где за невысокой балюстрадой набережной виднелись развалины города. Его города.

Никто из четверых не оборачивался, но весь воздух был словно наэлектризован старательно подавляемыми взглядами через плечо. И Либсли Ворро не выдержал.

— Зря вы притащили меня сюда, — глухо сказал он. — Я больше никуда не полечу. Я уже дома.

— Ли, — Кисо Неллью повернулся на голос Ворро. — Мы все знаем, как тебе тяжело! И поверь, никто бы не обратился к тебе сейчас, если бы не крайняя нужда. Но уже скоро вечер, а мы должны вылететь до темноты. Оставаться здесь еще на сутки – это слишком рискованно.

— Неправильный ответ, Кисо, — скривил губы Ворро. — Какое мне дело до безопасности, если мне больше незачем жить? Летите без меня. Ты ведь тоже поднимешь его, не так ли?

— Так, — вынужден был признать Неллью. — Но я не уверен, что сумею довести самолет до Криденга или быстро посадить его в случае тревоги. Ли, я знаю, что ты сейчас чувствуешь! Когда умерла моя мама, мне тоже казалось, что мир рухнул вокруг меня…

— А мой мир и в самом деле рухнул, — перебил его Ворро, говоря тем же самым безжизненным и монотонным голосом. — Умерли все. Остался один Либсли. Весь этот месяц я так стремился сюда, на родину. А моей родины больше нет! Ты всегда был одиночкой, Кисо. Ты не знаешь, что это – потерять всё. Оставьте меня. Летите в свою Чинерту, куда хотите. Я останусь здесь. Я больше не хочу жить.

В воздухе повисла тяжелая мрачная пауза.

— Нам всем выпало плохое время, — наконец заговорил Ринчар Линд. — Тяжелое, трудное, кровавое время. Но раз мы появились на свет, это наше время – время жить! Жить, пробираясь через монотонную череду дней; жить, когда жизнь обрушивает на нас удар за ударом; жить, даже если перестать жить кажется самым простым выходом. Нам не дано знать, почему и зачем мы живем, но если мы пришли в этот мир, в это время и в это место, нам надо жить! И нельзя сдаваться!

— Может быть, ты и прав, Ринчар, — Ворро впервые повернул

голову, оторвавшись от созерцания развалин города. — Может быть, через какое-то время я сам бы с тобой согласился. Человек – достаточно жизнерадостная скотина, чтобы быстро забывать о чужих смертях. Но сейчас я не чувствую ничего. Во мне все выгорело. Целый месяц я знал, что моих… больше нет, но только здесь и сейчас я похоронил надежду. Она тоже умерла, последней… У меня больше нет цели. И все эти слова об урановой бомбе, борьбе с пришельцами, мести для меня пусты. Они не изменят ничего. Мне не из-за чего подниматься сейчас на ноги и снова продолжать жить. Простите…

— Даже если все потеряно… — начал по-вилкандски Кир Гордис, но, сбившись, перешел на чинетский. — Даже если все потеряно, есть такое слово – надо! Это когда ты сам хватаешь себя за волосы и делаешь, потому что кроме тебя этого не сделает никто! И других причин и оправданий здесь не требуется.

— Надо, — повторил по-чинетски Ворро, глядя на Гордиса. — Теперь пришла ваша очередь стремиться домой, верно? А вы не боитесь, что встретите там то же самое?!

— Боимся, — тихо ответил Ринчар Линд. — Очень боимся. И, наверное, поэтому так спешим.

— Ну, ладно, — Ворро с усилием поднялся на ноги. — В таком случае, прошу экипаж и пассажиров занять свои места. Мы летим дальше.

— Ничего не понимаю, — жалобно сказал Неллью. — Только что мы миновали мыс Кайланти, в этом я абсолютно уверен. Значит, под нами Тогродский залив. Но я не вижу самого Тогрода!

Самолет крался над морем у самого берега, стараясь не отдаляться более чем на три-пять километров от земли. Солнце только что зашло, все внизу было покрыто сероватой тенью, но Тогрод, крупнейший и старейший город Приморья, все равно должен был быть виден издалека.

— А ты уверен, что это был мыс Кайланти? — нарушил молчание Ворро. — Откуда ты знаешь, ты же ведь никогда здесь не летал?

— Ли, я не самый плохой штурман, — обиделся Неллью. — И я ни с чем не мог перепутать такой заметный ориентир. Видишь, обрыва уже нет, берег пологий. Если мы углубимся в залив, перед нами должно открыться устье реки Байорлы.

— Проверим…

Ворро заложил вираж, и широкий берег открылся перед ними как на ладони. Хотя уже начинались сумерки, оставшегося света вполне хватало, чтобы различить детали.

У Ринчара Линда, стоявшего за спиной штурманского кресла, вырвался невольный вскрик. Неллью был прав: Тогрода больше не существовало! Только далеко в стороне можно было различить едва заметные развалины зданий, вся же центральная часть города представляла собой огромную ровную пустошь с гигантским круглым пятном шлака, чуть поблескивавшим отраженным светом. Ни от живописных старинных мостов, которыми справедливо гордились граждане Тогрода, ни от величественного Императорского дворца и окружавшего его парка с огромными старыми деревьями, ни от порта в устье реки не осталось и следа. Да и сама река Байорла больше не впадала в море в своем привычном месте. О том, что она когда-то текла через центр города, напоминала только узкая ложбина, пересекающая пустошь, словно прерывистый шрам. Теперь вода, будто испугавшись, огибала страшное пустое место почти правильным полукругом, разделяясь затем на несколько вливающихся в море потоков.

Ворро вел самолет прямо на пятно шлака, и все в кабине потрясенно молчали, смотря на картину чудовищного, невероятного, невозможного опустошения. Несколько часов назад сожженная долина Таране и разрушенный Лимеолан потрясли их, но здесь они стали свидетелями даже не разрушения, а полного, тотального, окончательного уничтожения. Более полно выразить свою победу, чем стереть с лица планеты Тогрод, когда-то прозванный Вечным Городом, пришельцы не могли.

— Что это было? — наконец спросил слабым голосом Неллью. — Это сделала урановая бомба, да?

Ринчар Линд автоматически перевел его вопрос на чинетский.

— Да, — кивнул головой потрясенный Кир Гордис. — Это была атомная бомба или нечто еще более мощное… Я сам проводил расчеты, но никогда… никогда не думал, что это может быть так…

— Но вы все равно хотите создать нечто подобное? — хищно спросил Ворро.

— Да, ведь другого выхода нет. Но мой бог, какие страшные силы мы высвобождаем… Подумать только, если бы не пришельцы, мы сами когда-нибудь могли придти к тому, чтобы сбрасывать такие бомбы на собственные города…

— Зато теперь у них будут другие цели, — криво усмехнулся Ворро. — Признаться, я был бы не против, если такая лепешка появится на месте каждого корабля пришельцев. Вы хотели, чтобы я вернулся к жизни, господа? Что же, у меня снова появилась достойная цель. Кир, только не забудьте обо мне, когда у вас

найдется, что сбросить! А теперь, я полагаю, нам нечего больше здесь смотреть. Мы продолжаем полет!

…Рассвет застал их над морем. Слева тянулся угрюмый обрывистый берег, а внизу уныло морщинились волны, время от времени вскипая белыми барашками. Погода ухудшилась; над морем висели полотнища тумана, а время от времени самолет скрывался в пелене дождевых шквалов.

Тем не менее, следующий ориентир они заметили издалека. Берега расступились в стороны, словно рассеченные исполинским клинком, и их глазам предстал узкий и глубоко врезающийся в сушу морской залив. Примерно через шестьдесят километров он должен был превратиться в устье Вегера – крупнейшей реки Восточного Приморья. До их цели осталось всего ничего – шестьсот тридцать километров вверх по течению, три часа полета.

Но эти километры еще надо было преодолеть. Сюда уже пришла зима, землю покрывал снег, и река, несущая в море свои воды между ледяными кромками берегов, оставалась их единственным ориентиром. А впереди вырастал мощный облачный фронт, сильный боковой ветер раскачивал самолет, мокрые хлопья снега налипали на стекла кабины.

Вскоре Ворро был вынужден снизиться до двухсот пятидесяти метров, чтобы не потерять из виду реку, которая то и дело скрывалась в снежных вихрях. Здесь шла настоящая метель, и Неллью всерьез опасался за старый самолет, который не был рассчитан на подобные испытания. Однако "Буревестник", скрипя и качаясь, все же продолжал ввинчиваться в снежную круговерть. Моторы натужно выли, но по-прежнему работали без перебоев.

Так прошел целый час, и Неллью уже начал верить, что им удастся благополучно прорваться. Снежная буря чуть поутихла, ветер больше не пытался сорвать их с курса, а река внизу все еще успешно боролась с морозом, не пуская лед на узкий стержень русла. И вдруг на тревожном индикаторе, о существовании которого он уже, признаться, начал забывать, замигала яркая лампочка.

Все выяснилось во время обычного утреннего совещания генерала Пээла с начальниками баз.

— Летательный аппарат филитов, находящийся у нас на наблюдении, продолжает полет, — сообщил в конце своего доклада начальник базы "Север", ничем не выделяя эту информацию среди других донесений.

— Какой еще летательный аппарат? — недоуменно спросил Пээл.

Будучи поглощенным, в первую очередь, вопросами строительных работ, он уже забыл и о странном самолете, и о своем вчерашнем распоряжении.

— Тот, что летит в восточном направлении, — напомнил начальник базы "Север". — Который вы вчера приказали взять под наблюдение.

— Верно, — с облегчением вспомнил Пээл. — Но ведь он был засечен в пятом секторе. Он что, уже в вашей зоне?

— Так точно. Над территорией пятнадцатого сектора.

— Данный летательный аппарат вскоре после обнаружения совершил посадку в городе пять-четырнадцать, местное название Лимеолан, — поспешил внести ясность адъютант. — Спустя четыре с половиной стандартных часа он снова поднялся в воздух, продолжая полет в восточном направлении. За ночь он пересек почти все Срединное море с запада на восток и теперь перемещается в северо-восточном направлении, пользуясь в качестве ориентира рекой М-15, местное название Вегер.

— Непорядок, — пробормотал про себя Пээл.

Он был очень недоволен собой. Отдавая приказ не сбивать таинственный самолет, он и в мыслях не имел, что филиты осмелились отправиться в путь длиной, по меньшей мере, в три тысячи километров так, будто бы имперских сил и не существовало в природе. Получалось, что он, не проследив за ними, потворствовал их безумному начинанию. За это одно они заслуживали наказания.

Но почему они решились на этот полет? Что было их целью? Что они ищут на востоке, предпочтя его безопасному западу? Внезапно Пээл понял, что не хочет сбивать самолет. За ним скрывалась какая-то тайна, которую когда-нибудь можно было попытаться разгадать. Радикализм окончательного решения обрубал все концы, навсегда лишая его шансов найти ответ на эту загадку.

"Но если филиты решились на этот полет, значит, он был для них очень важен", — пришла ему в голову новая мысль. Тогда позволить им продолжать путь означает усилить противника… Однако Пээл уже давно не воспринимал филитов Восточного континента как противников, скорее, как малозначащую помеху планам Космофлота. Он больше не испытывал к ним ожесточения.

Но перед подчиненными он обязан проявить должную твердость. Вон, тэон уже как косится на него. Суперофицер второго ранга Трегуин по кличке Психованный Трег пока ничем не проявлял своей неистовой натуры, которая обеспечила ему карьеру и одновременно сделала его персоной нон-грата в рядах

Космофлота. Однако Пээл не сомневался, что его помощник по воспитанию уже давно готовит на него материал для доноса…

— Что говорит компьютер об их возможной цели?

Последняя попытка прикоснуться к краешку чужой тайны.

— С вероятностью в семьдесят процентов, город пятнадцать-один, местное название Криденг, или шестнадцать-один, местное название Самодонес, ваше превосходительство. Компьютер пока не может дать более точный прогноз.

— Ладно, — Пээл посмотрел на начальника базы "Север". — Уничтожьте цель. Пусть одна из ваших девяток займется им немедленно. Я полагаю, цель полета мы выяснили с достаточной степенью точности, а разница между пятнадцать-один и шестнадцать-один не имеет принципиального значения.

— Так точно, — исполнительно ответил начальник базы "Север". — Я сейчас распоряжусь…

Оператор девятки "Молний", получивший приказ, спущенный по цепочке с самого верха начальственной пирамиды, был от него не в восторге. Он не зря совершал плановый облет своего участка на высоте пятнадцати километров, и перспектива бросить свои машины прямо в центр снежной бури не вызывала у него энтузиазма. Однако с начальством не поспоришь, а так как его "Молнии" не были оснащены ракетами "воздух – воздух", иного выхода у него не было. Противника придется уничтожать противоракетами, с близкого расстояния.

Локаторы "Молнии"-лидера обнаружили низко летящую цель с расстояния в шестьдесят километров. Однако оператор не знал, что и жертва получила сигнал о приближении охотника…

— Ли! — Неллью с ужасом смотрел на мигающую лампочку на тревожном индикаторе.

— Вижу! — сквозь зубы процедил Ворро. — Держись крепче, Кисо! Я захожу на посадку!

— Это невозможно, — простонал Неллью.

Почти вся река была покрыта льдом. Свободной оставалась только узкая полоска, то и дело скрывающаяся в снежных вихрях. Сильный боковой ветер раскачивал самолет, словно это был легкий планер.

На какое-то мгновение Неллью посетила безумная мысль: может быть Ворро, после гибели родных потерявший волю к жизни, ищет себе здесь достойный пилота конец? Наверное, нечто подобное отразилось на его лице, и Ворро, взглянув на друга, сухо рассмеялся.

— Не бойся, Кисо! Я не гробану вас. Я буду жить долго, очень долго. Я сегодня ночью видел во сне всех их – маму, отца,

двоюродных братьев, даже троюродного племянника Ричи, которому только исполнилось пять. Они завещали мне не дожитые ими годы и просили меня прожить их за них. Не веришь? Ну и черт с тобой! Держись!

"Буревестник", дрожа всем телом, коснулся воды, подскочил, подброшенный мощным порывом ветра, снова клюнул вниз, глубоко пробороздив речную гладь под тревожный треск поплавков, и стремительно заскользил, неудержимо заваливаясь вправо, под ветер. Впереди прямо на глазах вырастал речной остров, поросший кустами и невысокими деревьями. Ворро изо всех сил старался удержать самолет на стремнине, но его тянуло к острову как магнитом. Лампочка на индикаторе уже не мигала, а непрерывно горела как зловещий красный глаз. Метель сокращала видимость до менее пятисот метров, они были словно в центре крохотного белого мирка, и от этого тревога только нарастала.

Самолет, ломая лед корпусом и боковыми поплавками, наконец, замедлил ход перед самым островом, и Кир Гордис, оказавшийся первым на выходе, непроизвольно отшатнулся, увидев внизу темную бурлящую воду с плавающими в ней осколками льда. В этих условиях их надувная лодка, заранее подготовленная для экстренной высадки, становилась почти бесполезной.

Но заминка длилась не более нескольких секунд. Гордис, справившись с волнением, выбросил в открытую дверцу лодку, затем в воду полетели привязанные к ней непотопляемые резиновые мешки с материалами исследований и личными вещами.

За несколько гребков они пересекли узкую полосу воды, а затем побежали, волоча за собой лодку с вещами, к близкому островку. Лед трещал и прогибался у них под ногами, но пока держал.

И тут ракеты, выпущенные невидимой за снежными тучами девяткой "Молний", нашли свою цель. Вернее, почти нашли. Сбитые с толку непривычной для себя неподвижной наземной целью, все они легли несколько в стороне, промахнувшись, по меньшей мере, на сотню метров. Впрочем, это не помешало оператору впоследствии отрапортовать, что странный самолет, совершивший посадку прямо на лед, благополучно отправлен на дно реки.

На самом деле, снизу это выглядело несколько по-другому. Среди снежной круговерти выросло несколько темных вертикальных всплесков, во все стороны полетели обломки льда, самолет подскочил на крутой волне, его подбросило и развернуло

на девяносто градусов, а все четверо его пассажиров внезапно оказались в воде.

Неллью обожгло волной пронзительного холода. Он погрузился в воду с головой, одежда сразу же стала неподъемно тяжелой, но ноги уже нащупали твердое песчаное дно, и Неллью вынырнул обратно на поверхность. Вода доходила ему до груди. Она была нестерпимо, обжигающе ледяной, но ветер, несущий тысячи острых снежинок, был еще злее и холоднее.

— Не стоять! Не стоять!

Ринчар Линд, разгребая воду пополам с ледяной крошкой, потащил Неллью к берегу, возле которого покачивалась их лодка, залитая почти до краев. Рядом Кир Гордис буксировал Ворро, которому с его небольшим ростом пришлось хуже всех.

Но и на берегу им не было спасения. На крохотном необитаемом островке не было никакого убежища. Намокшая одежда прилипла к телу и словно вытягивала из него последние крупицы тепла. Неллью выбивал дробь зубами, его колотила крупная дрожь. Раньше ему приходилось читать, что дрожь разогревает мышцы, но он не чувствовал никакого эффекта. Очевидно, в книгах описывались какие-то не такие ситуации.

— Двигаться, двигаться! — командовал Линд. — Собирайте хворост, много хвороста! Нужно зажечь костер! Скорее!

От холода хотелось кричать. Или наоборот, лечь на снег и свернуться клубочком – почему-то казалось, что это поможет согреться. Но Неллью заставлял себя негнущимися руками ломать тугие ветки кустов и тащить их в кучу у самого уреза воды. Гордис, вытащивший лодку на берег, уже вскрыл один из резиновых мешков и сидел на корточках, прикрывая от ветра зажженную спичку. Однако мерзлые, присыпанные снегом ветки не хотели зажигаться.

— Нужна растопка! — выкрикнул Линд, подтаскивая в общую кучу целый куст, вывороченный с корнем из земли. — Тащите бумагу!

У Кира Гордиса бумагой был набит весь мешок, но все они знали, что не сожгут записи, даже если будут замерзать. Неллью опустился на колени перед кучей хвороста, протягивая Гордису "Атлас автомобильных дорог…". Тонкие листы с картами быстро сгорали в пламени, и Неллью чувствовал жалость и что-то вроде вины перед этой книгой, направлявшей их на долгом пути через всю страну.

Атлас догорал, от него начали заниматься небольшие веточки, но язычок пламени был еще слишком крошечным, слабым, неуверенным, грозящим вот-вот погаснуть на свирепом ледяном ветру.

— Мало, — скривился Гордис. — Есть еще бумага?

Ринчар Линд, почти не изменившись в лице, протягивал Гордису блокнот со своими записями, но Неллью отвел его руку. Он вспомнил, что у него самого еще осталась бумага, много бумаги. Он уже почти не чувствовал пальцев, поэтому просто вытряхнул свой мешок прямо на землю. Пачки денег в банковской упаковке, уложенные на его дно, теперь оказались на самом верху и Неллью, не колеблясь, пододвинул их к костру.

— Ты с ума сошел! — ахнул рядом Ворро. — Это же деньги!

— А ты хочешь замерзнуть? — огрызнулся Неллью.

Холод пробирал его до самых костей, и он чувствовал только напряженное ожидание, с нетерпением глядя, как Гордис неуклюже разрывает упаковку и вываливает на крошечные язычки пламени ворох банкнот. Миллионные купюры горели неохотно и медленно, но они понемногу распаливали костер. Только их было все равно слишком мало.

— Ли! — Неллью уже не колотило, а трясло от холода, он лязгал зубами как взбесившийся компостер. Впрочем, и Ворро выглядел ничуть не лучше.

— Эх, не бывать мне миллиардером! — простучал зубами Ворро, дрожащими руками протягивая Гордису свои пачки денег. — Жгите! И-э-эх! Широко гулять будем!

Сжигать две последние пачки уже не было нужды. Упрямый костер наконец разгорелся и теперь ярко и весело пылал, выбрасывая в воздух искры, танцующие на ветру вместе со снежинками. Все четверо сбросили мокрую одежду и теперь плясали вокруг огня, будто исполняя некий языческий ритуал. Ветер по-прежнему зло бросался на них, норовя куснуть незащищенное тело, но жар, идущий от костра, позволял противостоять ему.

— А ничего морозец! — выкрикнул раскрасневшийся Линд. — Градусов десять будет!

— Всего лишь? — не поверил Неллью. — А я думал, двадцать!

— Тогда мы бы так легко не отделались! — Линд протянул Неллью руку, и они вместе побежали вокруг огня в каком-то странном хороводе.

Часа через полтора, когда они согрелись, переоделись в вынутые из мешков сухие вещи и подсушили у костра верхнюю одежду, Ворро сплавал на лодке к самолету и вернулся с неутешительными известиями.

— Отлетались, — мрачно сообщил он. — Левому мотору крышка. И все крыло посекло осколками.

— Много мы не долетели? — озабоченно спросил Гордис.

Он говорил по-чинетски, но Неллью понял.

— Километров двести – двести пятьдесят. Неделя пути.

— Насколько я помню карту, где-то поблизости должен быть город под названием Ортона, — заметил Ворро. — Вы можете попробовать попросить там помощи.

— Послушайте, — вдруг сказал Ринчар Линд. — Но ведь один мотор остался цел!

— Ну и что? — хмыкнул Ворро. — Этот самолет мог бы лететь на одном моторе, но поднять его в воздух я не смогу.

— А зачем поднимать? — спросил Линд. — Пусть он идет вверх по течению как моторный глиссер. Это возможно?

— Наверно, да, — Ворро ошеломленно смотрел на Линда. — Никогда не слышал ни о чем подобном. Но это мне, черт возьми, нравится! Был я летчиком, стану моряком! Тогда прошу всех подняться на борт!

Победно взревев оставшимся в строю мотором, самолет отвалил от временно приютившего их острова и стремительно заскользил по водной глади – все увереннее и увереннее. Вначале Неллью было странно воспринимать этот бесконечный разбег, который все никак не мог завершиться нормальным взлетом, но через несколько минут он начал привыкать. Их необычное плавание стало напоминать Неллью поездку на катере на подводных крыльях из Лимеолана в Декуар, которую он совершил пару лет назад. Самолет, конечно, не был катером, он дрожал и слегка рыскал на курсе, но Ворро уверенно удерживал его на узкой полоске чистой воды, покрытой слоем снежной каши и круглыми прозрачными льдинками, похожими на блины.

Снег продолжал валить, и Неллью не сразу заметил впереди препятствие. Дорогу им преграждал рухнувший железнодорожный мост. Справа и слева надо льдом поднимались бетонные опоры, а между ними торчали из воды накренившиеся фермы.

— Тормози! — выкрикнул Неллью, показывая вперед.

— Поздно! — рявкнул Ворро. — Держитесь!

Мотор завыл громче и на более высокой ноте. Самолет помчался быстрее, задрав нос, будто и в самом деле собрался оторваться от воды. Перед самым препятствием Ворро рванул на себя штурвал, и машина, повинуясь его воле, подпрыгнула в воздух и, не удержавшись, рухнула обратно по другую сторону барьера. Все произошло настолько быстро, что Неллью даже не успел испугаться.

— Так держать! — проорал Ворро, повернув к Неллью радостно возбужденное лицо. — Это мне нравится! Я снова живу!

Спустя два с лишним часа их полета по речным волнам на возвышенном берегу слева появились высокие белые дома, разрушенные и совершенно целехонькие.

— Криденг, — сказал Ринчар Линд. — Дошли все-таки…

Казалось, он сам не верил, что такое возможно.

Снегопад поутих, и Неллью с интересом разглядывал город, раскинувшийся по обоим сторонам широкой реки Вегер. После уничтоженного Лимеолана и стертого с лица планеты Тогрода Криденг выглядел невероятно, неправдоподобно целым. Конечно, его тоже жестоко бомбили, но в нем уцелела почти треть зданий, через реку была наведена понтонная переправа, маскирующаяся обломками разрушенного моста, а на высокой набережной правого (но левого от них) берега были видны люди. Они удивленно смотрели на вдруг появившийся на реке самолет с вилкандскими красно-бело-зелеными опознавательными знаками либо приветственно махали ему вслед.

На какое-то мгновение у Неллью сжалось сердце. Почему, ну почему уцелел этот город, когда его родной Лимеолан превращен в мертвые руины? Рядом у Ворро как-то отвердел взгляд, а в уголках губ собрались жесткие горькие морщины. Очевидно, ему в голову пришла та же мысль.

Река здесь уже полностью замерзла, и "Буревестник" подминал под себя и с хрустом ломал на части корку льда, оставляя за собой, подобно ледоколу, полосу чистой воды с плавающей в ней ледяной крошкой. Перед мостом Ворро начал снижать скорость, но слегка не рассчитал, и самолет замер в десятке метров от цели.

Темно-серый лед, рассеченный трещинами, казался ненадежным, но на него уже ложились широкие доски, по которым все четверо без труда перебрались на мост. Сильные руки помогли Неллью взобраться на понтон, и он оказался в круге радостно оживленных людей, хлопающих его по плечу и приветствующих его на почти понятном языке. Неллью даже почувствовал себя так, будто бы он в этой чужой стране вернулся домой.

Следующие полтора часа прошли для него как во сне. Напряжение, не оставлявшее его ни на один миг во время полета, без всякого перехода сменилось убаюкивающей расслабленностью. Он послушно шел вместе с остальными сначала по мосту, затем по занесенным снегом разрушенным и полуразрушенным улицам, отвечал на задаваемые ему по-вилкандски вопросы, тут же их забывая, стоял между Ворро и Линдом в жарко натопленном и ярко освещенном подвальном

помещении, где Кир Гордис, как урывками переводил ему Линд, рассказывал об их путешествии и просил связаться с центральными властями…

Очнулся он как от толчка, обнаружив себя сидящим за обеденным столом рядом с нервно кусающим губы Линдом.

— Простите? — сказал он, поняв, что Линд что-то говорит ему дрожащим от напряжения голосом.

— Мне надо идти… домой, — повторил Линд. — Вы не составите мне компанию?

— Вы боитесь идти один? — спросил Неллью, хотя знал ответ.

— Я вообще боюсь идти, — признался Линд, тиская в руках ложку. — Я уже знаю, что мой район пострадал не слишком сильно, но как представлю, что там меня может ждать то же… что и вашего друга…

— А как Ли? — поинтересовался Неллью.

— Ли уже нашел себе здесь приятелей, — Линд махнул рукой в сторону дальнего конца стола, где Ворро что-то рассказывал группе молодых людей обоего пола. — Так вы идете?

— Да, конечно…

Уже поднявшись из-за стола, Неллью понял, что почти ничего не ел, но возвращаться было уже поздно.

Линд вел его в наступающих сумерках по заснеженным городским улицам, где развалины перемежались с непострадавшими кварталами. Ниоткуда не пробивалось ни огонька, и Неллью несколько раз спотыкался о незаметные под снегом камни. Мороз щипал за нос и щеки, но из-за быстрой ходьбы он не чувствовал холода.

— Пришли, — хрипло сказал Линд, показывая на большой пятиэтажный дом с высокой аркой входа. — Слава Единому…

Дом, как и его соседи, не подавал признаков жизни, хотя под его арку тянулись цепочки следов. Одни его окна были забиты фанерой или завешены плотной материей, другие превратились в пустые черные провалы, в третьих еще сохранились целые стекла, заклеенные крест-накрест бумажными полосками. Сверху продолжал падать снег, обволакивая все мягкой тишиной, которая сейчас казалась зловещей.

— Мои окна все затемнены, — прошептал рядом Линд, — Господи, только бы мама была там… Господи…

Губы его беззвучно двигались. Кажется, неверующий Линд молился. Быстрым шагом он прошел под арку во двор, повернул направо и толкнул тяжелую дверь подъезда. Внутри было совершенно темно, только кое-где на ступеньках смутно белел снег, занесенный через выбитые окна. Почти на ощупь они

поднялись на четвертый этаж, и Линд замер перед крайней справа дверью. Неллью почти слышал, как колотится его сердце.

— Ну, с богом, — прошептал Линд и несколько раз несмело стукнул в глухо загудевшую дверь.

Прошла целая томительная вечность, пока с той стороны не раздался строгий женский голос.

— Кто там?

— Свои! — радостно воскликнул Линд, от избытка чувств хлопнув Неллью по плечу.

— Это кто – свои? — неуверенно спросили изнутри.

— Это я, мама! Я вернулся! Со мной мог друг из Вилканда!

За дверью послышался неясный возглас, затем раздался лязг замков, и на лестничную площадку брызнул свет. Немолодая невысокая женщина в очках с короткими седыми волосами бросилась на шею счастливому Линду. А из глубины квартиры показался еще один силуэт. Молодая стройная женщина с длинными темно-рыжими волосами держала в руке дрожащий огонек свечи. На ее красивом лице с правильными и тонкими чертами отражалась странная гамма чувств – радость, смущение, неловкость и даже опасливая напряженность. Неллью даже показалось, что глаза ее подозрительно блестят. Линд не сразу заметил ее и вдруг растерянно выпустил из объятий мать. Сумка с вещами глухо стукнулась о пол.

— Тэви?!

В старинном подсвечнике горела единственная свеча, рассеивая тьму в небольшой комнате с книжными полками на стенах и пишущей машинкой на столике у завешенного одеялом окна. Чуть синеватый огонек приковывал к себе взгляд, но Ринчар Линд смотрел сквозь него – на Тэви. В комнате было холодно, и она сидела, поджав ноги, на диване с высокой спинкой, закутавшись в клетчатый махровый плед.

— Извини, — сказала Тэви, и ее красивое лицо слегка дрогнуло. — Все вышло случайно. Я встретила твою маму на улице, а когда она предложила жить вместе, я согласилась. Тогда мне было все равно. Рейн погиб, мои родители попали под бомбы уже за городом, и мне некуда было идти.

— Мне очень жаль, — хриплым голосом произнес Линд.

— С тех пор прошло больше месяца. Мне уже не так больно.

— Как странно, — вздохнул Линд, и пламя свечи заколебалось. — Нет ничего бессмысленней сбывшейся мечты. Когда-то я мечтал о том, чтобы ты пришла ко мне, пусть даже потому что тебе было больше некуда идти. Но я никогда… никогда не хотел видеть тебя рядом такой ценой…

— Какой ценой?! О чем ты, Ринчар? Пойми, это всего лишь совпадение, странная игра случая, толкнувшая навстречу друг другу двух людей, которые больше не могли оставаться одни. Если бы я встретилась не с твоей мамой, а с кем-то другим из своих знакомых, я бы пошла с ним. Мы не виделись с тобой восемь лет, у каждого из нас была своя жизнь, и я была в ней вполне счастлива. И если ты все эти годы не мог примириться с этим, это не моя вина, а твоя беда!

— Я понимаю, Тэви. Конечно, было глупо цепляться за так и не сбывшееся прошлое, но ты была для меня почти идеалом. Нет, нет, я знаю, идеальных людей не существует. Но я не встречал никого, кто мог бы сравниться с тобой – по крайней мере, с моей точки зрения. И я не мог не вспоминать…

— Извини, Ринчар, но я вспоминала о тебе только тогда, когда читала твои книги. Кстати, спасибо, мне понравилось, как ты меня изобразил. Я и не подозревала в себе столько положительных качеств.

— Ну… Это была не совсем ты. Но ты права. Описывая свою героиню, я думал о тебе. Поэтому в ней так много от тебя.

— Только ты зря выдумал такую сложную теорию. Все было гораздо проще. Тогда я выбрала Рейна, потому что он был ближе. Он ни на что не претендовал, ему достаточно было быть рядом со мной. Ты же был вечно куда-то устремлен, не любил развлекаться в компании, да еще и постоянно пытался командовать. Для Рейна я была всем, а для тебя – только частью твоей жизни, пусть даже и важной частью. Для тебя главными были твои собственные амбиции.

— Зачем все это? — прошептал Линд.

— Затем, чтобы ты понял. Я не та Тэви, которую ты знал восемь лет назад. И не выдуманный тобой идеализированный образ. Я хочу, чтобы ты не питал напрасных надежд и не испытывал ненужных разочарований. Я поселилась здесь не из-за тебя и могу уйти, если мое присутствие будет вызывать у тебя дискомфорт.

— Нет! — вырвалось у Линда. — Не надо…

— Тогда ты должен примириться с тем, что рядом с тобой будет жить не идеал твоей юности, а реальный человек, у которого может быть плохое настроение, который может быть раздражительным, недовольным тобой, делающим, говорящим и думающим не то и не так, как хотелось бы тебе. Человек, который тебе почти не знаком и которого тебе придется узнавать заново. Человек, у которого есть своя жизнь и своя работа… Кстати, ты знаешь, я сейчас работаю в городской администрации. Занимаюсь информацией и оповещением населения. Это не совсем то, что

мне приходилось делать раньше, но я учусь.

— Я тоже буду учиться, — сказал Линд. — Ты права: все эти годы я любил не тебя, а придуманный и взлелеянный мною образ. Но его больше нет, как нет и всего прежнего мира, в котором наши пути разошлись в разные стороны. Я буду рад познакомиться с тобой, Тэви. И пожалуйста, проявляй терпение и ко мне. Я иногда бываю совершенно несносным…

— Хорошо, Ринчар. Честно, я очень рада, что ты вернулся. И у тебя замечательная мама. Я не буду говорить банальности о том, чтобы начать заново или возвратиться в прошлое. Ты верно сказал, Ринчар. У нас больше нет прошлого. И может быть, не будет никакого будущего. Мы можем рассчитывать только на настоящее. И в этом настоящем мы с тобой просто начнем. Как два человека, встретившихся после конца света.

— Договорились, Тэви. Тогда спокойной ночи. Я пойду, переночую в большой комнате.

— Не надо. Там ведь спит твой друг из Вилканда. Как странно: я уже столько времени не разговаривала по-вилкандски, а оказалось, все помню!… Оставайся здесь, Ринчар, ведь это твоя комната, верно? Ложись на свой диван, а я постелю себе на кушетке.

— Может, наоборот?

— Нет, Ринчар. Мне кушетка будет в самый раз, а вот тебя она не выдержит!…

Ночью снег прекратился, и над белым городом вставало неяркое зимнее солнце.

— Мой путь продолжается, — сказал Кир Гордис, глядя куда-то поверх их голов. — Пришельцы сбросили свои бомбы на семь наших городов. Мой друг Дан Мергайдинг побывал в эпицентре взрыва и теперь смертельно болен. Завтра я еду на север. По приказу президента Калансиса там создается новая исследовательская группа. Мне предложено ее возглавить.

— Увы, но я вам больше не могу помочь, — развел руками Ворро. — Наш "Буревестник" уже надежно спрятан на суше, но на его ремонт уйдет не одна неделя. Так что я остаюсь зимовать здесь.

— Я знаю, — кивнул Гордис. — Спасибо вам за все. Вы уже совершили невозможное. Желаю вам счастливо пережить зиму в Криденге. А вы поедете со мной, Ринчар?

Ринчар Линд долго молчал.

— Не сейчас, — наконец сказал он. — Ваша семья эвакуирована на север, но моя-то здесь, и я пока не могу их покинуть. В городе выпускается информационный бюллетень,

буду работать в нем. А весной будет видно.

— Пусть будет так, — согласился Гордис. — Буду рад когда-нибудь снова встретиться с вами.

Напоследок физик повернулся к Неллью.

— До свидания, — попрощался он с ним по-вилкандски. — Желаю удачи. Сожалею, что вы сейчас так далеко от дома.

Неллью просительно глянул на Линда.

— Переведите, пожалуйста. Скажите, что в этой стране я не чувствую себя чужим. И я охотно останусь в Криденге – до весны.

Глава 63. Времени больше нет

Почти всю стену палаты занимало огромное окно, забранное глухим толстым стеклом с чуть сероватым оттенком. Как было известно Вирте Эрилис, этот цвет объяснялся повышенным содержанием в стекле солей свинца.

Внутри палаты на единственной койке лежал Равель Мэнсинг, опутанный капельницами и проводами, тянущимися от неизвестных Вирте аппаратов. Мэнсинг был совершенно не похож на себя прежнего: он невероятно исхудал, кожа его приобрела странный кирпично-красный оттенок, а совершенно облысевшая голова с заострившимися чертами лица неприятно походила на анатомический муляж.

— Есть надежда? — шепотом спросила Вирта, словно боясь, что Мэнсинг может ее услышать через стекло.

Врач покачал головой.

— Никакой. Организм просто отказывается работать. Три, пять дней и… все. Мы больше ничего не в силах сделать.

Вирта печально кивнула. От радиационного поражения, получившего название лучевой болезни, не существовало никаких лекарств. Мэнсинг, Дан Мергайдинг, лежащий в соседней палате, и спасенные из Флонтаны, у которых тоже появились признаки страшного недуга, были обречены. Оружие пришельцев продолжало разить насмерть даже спустя много дней и недель.

— Можно мне туда, к нему? — спросила Вирта.

— Можно. Только недолго, — врач оценивающе посмотрел на нее. — Вы тоже были… там?

— Да. Но лишь на окраине. Нам повезло. Никто из нас не получил опасной дозы.

— Я тоже там был, — кивнул врач. — На следующий день после вас. Заходите, конечно. Он будет рад вас увидеть.

Вирте предложили защитную одежду из толстой прорезиненной ткани, но она отказалась, ограничившись обычным медицинским халатом и перчатками. Мэнсинг выглядел таким слабым и беззащитным, и мысль о том, что от него надо отгораживаться защитным барьером, представлялась Вирте кощунством.

— Привет, Вирта, — прошептал Мэнсинг, когда они присела на стул у изголовья его кровати. — Как вы там?…

— У нас все хорошо, — начала Вирта, грустно улыбаясь.

Она еще никогда не навещала умирающих и не знала, как себя вести. Напускная бодрость казалась ей глупой и неестественной, но и скорбеть рядом с еще живым человеком,

показывая ему, что он уже ушел за грань, было невозможно. И Вирта, чтобы преодолеть возникшую неловкость, начала рассказывать Мэнсингу последние новости спасательной службы, будто бы она пришла к заболевшему товарищу, который вскоре должен вернуться в строй.

— Вирта, — позвал Мэнсинг. Было видно, что он почти не слушает ее сбивчивый рассказ. — Можно, я задам тебе один очень важный для меня вопрос?

— Да, конечно, — Вирта прервалась на полуслове и придвинулась ближе к нему. — Спрашивай.

— Вирта… — Мэнсинг сделал паузу, нервно облизал сухие тонкие губы. — Ты выйдешь за меня замуж?

— Что?!

— Вирта, — Мэнсинг сделал попытку приподняться. — Я знаю, я очень болен. Наверное, я ужасно выгляжу. Но ведь главное – не сдаваться, верно? Я хочу жить, жить вместе с тобой. Я люблю тебя. Я прошу… помоги мне. Ради тебя… стоит жить. Ты выйдешь… за меня?

Произнеся эту длинную для себя речь, Мэнсинг снова откинулся на подушки и прикрыл глаза. Но Вирта знала: он смотрит на нее и ждет ответа.

Вирта была в смятении. Она еще никогда всерьез не задумывалась о таких вещах, но полагала, что выходить замуж можно только по любви. Мэнсинга она жалела, но не любила, это она знала точно. И можно ли выходить замуж за человека, которому осталось жить считанные дни? Вирте это казалось безнравственным.

Однако еще раз взглянув на Мэнсинга, она поняла, что не может сказать "нет". В ее ответе заключался сейчас весь смысл его жизни, и она была не вправе лишать его этого смысла.

— Я выйду за тебя, Равель, — нежно сказала Вирта и, наклонившись, поцеловала Мэнсинга. Этим она получала какую-то дополнительную дозу облучения, но ей было все равно.

— Правда? — жадно спросил Мэнсинг, и его глаза радостно блеснули, будто даже лучевая болезнь отступила на миг перед силой жизни. — Мы правда с тобой поженимся? А когда?

— Послезавтра, — ответила Вирта, успев прагматично подумать, что на завтра она не успеет приготовиться, а дольше Мэнсинг может просто не прожить. — Мы сыграем с тобой свадьбу послезавтра. Я думаю, врачи разрешат…

"Только вот что скажут Тэй и Линн?!" – подумала она почти в панике. Неужели она послезавтра действительно выйдет замуж? Предстоящая свадьба казалась ей не столько невероятной, сколько ненастоящей.

А интересно, как должно было все выглядеть по-настоящему?…

…Сегодня это был "Дракон". Он не спеша плыл на небольшой высоте, то исчезая в тучах, то снова появляясь на фоне чистого голубого неба. В его неторопливом полете было столько бесстрастной деловитости и целеустремленности, что Дэсс Урган почувствовал, как его снова захлестывает бессильная ненависть.

Пришельцы, после боя с танками в Нейсе на целый месяц оставившие их в покое, на самом деле лишь играли в свои безжалостные игры, поманив их несбыточными надеждами. После месяца упорной работы люди начали понемногу налаживать новую жизнь на обломках старой. Почти все беженцы получили крышу над головой, снова заработали несколько промышленных предприятий, был наведен порядок с распределением продовольствия, топлива, лекарств. Сейчас все это снова рушилось под бомбами – уже без надежды на восстановление.

Вчера девятка серебряных машин, словно походя, разнесла с таким трудом наведенные переправы через капризную реку Масне, протекающую с севера на юг чуть западнее Нейсе и разделяющую район на две почти равные части. Позавчера единственной ракетой был уничтожен сахарный завод, пуском которого пять недель назад он гордился не меньше, чем боевым орденом за Тороканские Ворота. А еще за день до этого бомбы обрушились на один из военных складов, все еще снабжавший продовольствием целых два лагеря беженцев…

Пришельцы не тратили много боеприпасов. Их основным оружием была беспощадная точность. Одна, редко несколько бомб, всегда в одно и то же время ранним утром, но каждый день на протяжении вот уже двух недель под их ударами гибло что-то важное – то, что поддерживало тлеющий факел цивилизации, не позволяя людям Филлины опуститься к натуральному хозяйству, анархии и дикости.

Урган чувствовал себя словно в западне. Целый месяц, пока он строил и восстанавливал, пришельцы следили с небес за каждым его шагом и теперь пытаются сломить его, демонстрируя всю тщетность его усилий. Он не хотел признаваться в этом даже самому себе, но понимал, что они почти добились своей цели. Все уцелевшие мастерские и кузни прекратили работу. Два последних передвижных электрогенератора стоят без движения в подземном убежище. Запасы со складов вывозятся только по ночам и одиночными подводами, из-за чего через несколько дней во многих поселках возникнет нехватка продуктов. Но, самое главное, люди, которые еще две недели назад были полны

желания жить и продолжать борьбу, теряют веру в себя и надежду на будущее. Многие перестали выходить на работу, в лагерях беженцев подскочила преступность, а четыре дня назад он отменил ежедневные заседания "правительства". Видеть и чувствовать боль, отчаяние и бессилие этих сильных и умных людей было выше его сил…

"Дракон" был уже почти у него над головой, и Урган, смотря в бинокль, заметил, как от него отделилось несколько черных точек. Он не знал, сколько людей сейчас подобно нему следят за бомбами, гадая, на кого они упадут в этот раз. Через полминуты он понял, что знает ответ, и почувствовал мстительную радость. Пришельцы, похоже, нацелились на парк на окраине Нейсе, где размещался один из крупнейших складов горючего, но сейчас этот склад был уже пуст. Они промахнулись!

Радуясь ошибке пришельцев, Урган забыл об осторожности, и ударная волна от близких разрывов швырнула его на землю. Вопреки своему обыкновению, сегодня пришельцы использовали не сверхточные глайдер-бомбы, а бомбовые кассеты, предназначенные для ударов по площадям. Почти весь парк и окружавшие его городские кварталы исчезли в море ревущего пламени.

Урган прикусил губу и почувствовал, как его рот заполняется соленой кровью. Он закашлялся, и красные струйки потекли по его подбородку. И в этот момент его обнаружила Лика Ранси, выскочившая из убежища на близкие взрывы.

— Дэсс! Ты ранен?!

Лика упала рядом с ним на колени, готовая помочь, защитить, спасти… В ее голосе были страх и боль, а в глазах застыло отчаяние. Дэсс Урган содрогнулся. Он больше не мог этого выносить.

— Со мной все в порядке, Лика, — торопливо сказал он, приподнимаясь. — Просто сильно прикусил губу, ничего больше. Сейчас кровь остановится.

Вокруг больше никого не было, и Урган позволил себе обнять Лику и погладить ее по душистым волосам.

— Не надо…

Лика Ранси сделала попытку освободиться. Они все еще скрывали свои отношения, хотя об этом давно уже догадывались или знали все окружающие.

— Нет, надо, — возразил Урган с удивившим его самого жаром.

Он слегка отстранился, чтобы посмотреть на нее, и вдруг понял, как победить отчаяние в глазах любимой.

— Выходи за меня замуж, Лика! — выпалил он одним

духом. — Устроим свадьбу! Самую настоящую, с музыкой и цветами! Мы пригласим на нее всех… Ты согласна?

— Согласна, Дэсс.

Она улыбнулась, и Урган с радостью увидел, как отчаяние и безнадежность наконец оставили ее.

— Тогда давай сыграем ее поскорее! Завтра… Нет, послезавтра! Это будет настоящий праздник!

— Да, — прошептала в ответ Лика Ранси. — Послезавтра. Я так соскучилась по праздникам…

— Да, — радостно кивнул Урган. И произнес про себя: "Может быть, этот праздник позволит всем нам снова вернуться к жизни"…

— Ты веришь, что это позволит ему вернуться к жизни? — спросила Кэрт Станис.

— Нет. Я больше не верю в чудеса, — печально покачала головой Вирта. — Но если бы я отказала ему, это убило бы его. Сразу. Понимаете, я не могла сказать "нет"!

— Понимаю, — кивнула Кэрт. — Как я понимаю тебя, девочка… Но поймут ли другие?

— А мне нет дела до того, что подумают другие! — зазвенел голос Вирты. — Я не прошу для себя никаких привилегий и не претендую на подарки, отдельную комнату и все прочие льготы, которые у нас положены молодым семьям! Я просто хочу исполнить последнее желание Равеля, это ведь меня ни к чему не обязывает, верно?

— Нет, это не так, — покачала головой Кэрт. — Ты должна быть готова к тому, что люди, которые не знают тебя, станут относиться к тебе иначе. Для одних ты превратишься в героиню, а другие, особенно женщины, будут видеть в тебе ловкачку, цинично воспользовавшуюся случаем, чтобы примазаться…

— Не надо, — попросила Вирта. — Неужели это все так сложно?! И зачем только Равель сделал мне это предложение?! Я сначала хотела ответить, что выйду за него как только он выздоровеет, но… не смогла… Моя подруга Тэй Хейзерис сказала, что я поступила странно… Это плохо?

— Наверное, нет, — рассмеялась Кэрт. — Знаешь, как я познакомилась с Тайдемаром? Я шла на день рождения подруги, на мне было новое и очень красивое платье. И вдруг на моих глазах машина сбила пешехода. Я бросилась на помощь, вся перемазалась, ни о каком дне рождения уже и речи не было, и Тайдемар, он тогда работал врачом на скорой помощи, повез меня домой. Тогда он сказал мне, что я немного странная… А уже после свадьбы добавил, что именно из-за этого влюбился в меня с

первого взгляда… И я думаю, люди должны совершать странные поступки и даже быть неправыми. Нет ничего невыносимее человека, который всегда прав!…

— Доктор Кэрт, — дверь отворилась, и в нее просунулась голова молодого парня из бригады спасателей. — К вам отец приехал! Сейчас сюда придет!

— Ой, а я тут со своими проблемами, — смутилась Вирта.

Она вдруг вспомнила, кто такой отец Кэрт. Но выскочить из комнаты она не успела.

Вирта однажды встречалась с Киром Калансисом. Но это было несколько лет назад, на свадьбе Рэл и Гредера Арнинга, и тогда он еще не был президентом. Но даже по сравнению с довоенными временами, когда его часто показывали по телевизору, он сильно изменился. Президент Калансис похудел и даже несколько постарел, под его глазами появились темные пятна, а высокий лоб пробороздили морщины. Было видно, что он очень устал.

— Здравствуй, Кэрт! — Кир Калансис ласково обнял дочь и тут же заметил Вирту, которая стояла в уголке, мечтая слиться со стенкой. — Здравствуйте и вам. Вы Вирта Эрилис, верно? И это вы завтра выходите замуж за молодого парня, который лежит в госпитале с лучевой болезнью?

— Я, — Вирте захотелось оказаться где-то очень далеко, а еще лучше – овладеть умением проходить сквозь стены или, на худой конец, просачиваться через канализацию. — Но я не вижу в этом…

— Я понимаю, что поздравления здесь не уместны, — кивнул Кир Калансис. — Но я все равно хотел бы поприсутствовать на этом событии в качестве почетного гостя. Не возражаете?

— Господин президент, — решилась Вирта. — Лучше не надо… Не надо делать из меня героиню, я этого не заслуживаю. Я даже не люблю Равеля, я не буду хранить ему верность до конца жизни, я не могу отнестись к этому как к настоящей свадьбе! — и тихо: – Он просто захватил меня врасплох, и я не нашла в себе силы отказаться…

— И все же я попрошу вас найти в себе силы, чтобы не отказаться сейчас, — серьезно попросил президент. — Мне кажется, это нужно тому мальчику, Равелю Мэнсингу, который тогда не побоялся пойти навстречу неведомой опасности… Мне всегда претило выражение "последние почести". Почему-то в нашей стране принято воздавать дать уважения только мертвым, не замечая живых… В последнее время было слишком много смертей. И я хочу, чтобы люди отдавали почести живущим – тем, кто выполняет свой долг, не думая о награде… Пусть Равель

Мэнсинг получит свою долю славы и счастья – это все, что мы ему можем дать… А насчет излишней известности не волнуйтесь. Как журналист с тридцатилетним стажем, уверяю вас – люди забывают героев вчерашних новостей на следующий день, как только возьмут в руки свежий номер газеты…

— Хорошо, я готова, — улыбнулась Вирта через силу. — И знаете, господин президент, я всегда мечтала, чтобы у меня на свадьбе были необычные гости!

— Мне кажется, все торжество нужно организовать в соборе святой Нэссы, — предложил командующий обороной района капитан Эреншельт. — Да, там рухнула башня и нет крыши, но стены-то сохранились! Собор по-прежнему сохраняет свою величественность и будет только подчеркивать важность церемонии.

— Не согласен! — с жаром возразил главный инженер. — Вы забываете о сроках! Прежде, чем что-то устраивать в соборе, необходимо убрать обломки крыши и восстановить внутреннее убранство. Мы просто не успеем вовремя уложиться!

Дэсс Урган слушал этот спор, пряча довольную улыбку. Он предположил верно: его свадьба и в самом деле стала для людей необходимой разрядкой, возможностью отвлечься от беспросветного отчаяния последних дней. Особенно его радовал инженер. После гибели под бомбами почти всех промышленных объектов района он впал в мрачную апатию, и Урган всерьез опасался за его душевное здоровье. Сейчас он снова напоминал себя прежнего – изобретательного, рационального и решительного.

Спор грозил затянуться, и Урган решил, что пришло время вмешаться.

— Мне кажется, капитан, вам следует согласиться с правотой вашего оппонента, — сказал он. — Собор – это, конечно, хорошо, но я не гонюсь за помпезностью. Я думаю, наилучшим выбором будет часовня Павших на поле брани в Грилленёде. Во-первых, она ничуть не пострадала, и ее не надо специально готовить к завтрашнему дню. И, во-вторых, она посещается людьми, а я в такой день хочу быть, как говорится, рядом с ними, а не идти куда-то в центр разрушенного города.

— Но в этом случае меня не может не волновать скопление народа, — озабоченно заметил начальник полиции. — Вы сами издали приказ о запрещении многолюдных сборищ, чтобы не накликать пришельцев.

Урган хотел сказать, что этот приказ уже можно отменить, но его опередили. Дверь в подвальную комнату, где проходило

совещание районного руководства, отворилась, и на пороге появился Пири Шанви, после боя в Нейсе сменивший пост инструктора отряда истребителей танков на более важную должность адъютанта Дэсса Ургана.

— Господин полковник! — взволнованно обратился к нему Шанви. — Докладываю: прибыл полномочный представитель временного правительства Свободной Граниды!

— Кто?!

Урган поднялся с места навстречу входящему в комнату молодому офицеру в парадной форме.

— Старший лейтенант Моностиу, — отрекомендовался офицер. — Я специальный посланник временного правительства Граниды. Вот мои документы.

— Вы прибыли из Горданы или Валеза? — спросил Урган, принимая у старшего лейтенанта Моностиу сложенный вчетверо лист плотной бумаги.

— Никак нет, господин полковник! Я представляю правительство Свободной Граниды со столицей в Лешеке!

— Значит, мы больше не предоставлены самим себе? — Урган все еще никак не мог поверить. — Я полагал, в стране уже не осталось никакой центральной власти…

— Так было, — не стал возражать старший лейтенант. — Нам, действительно, понадобилось немало времени, чтобы наладить жизнь хотя бы в одном Лешеке. Но сейчас мы приступили к собиранию в единое целое всего того, что осталось в нашей стране. Кроме меня, отправлены еще несколько десятков эмиссаров, в задачи которых входит восстановление связи с властями районов и провинций.

Урган наконец развернул протянутую старшим лейтенантом бумагу.

— Подписано главой временного правительства маршалом Моностиу, — заметил он.

— Это мой отец, — упредил его старший лейтенант. — Но это сейчас не имеет значения.

— Еще как имеет, — улыбнулся Урган. — Ваш отец лично вручал мне "Честь и славу"…

— Вы были в Тороканских Воротах? — почти перебил его старший лейтенант, и Урган впервые заметил на кителе молодого офицера точно такой же орден.

— Был, — счастливо сказал Урган и, не удержавшись, обнял старшего лейтенанта. — И наверное, я с того времени не слышал более приятных вестей. Гранида жива, она продолжает сражаться! О лучшем подарке я и не мечтал!

— Подарке, господин полковник?

— Да, завтра у меня свадьба. И я прошу вас остаться на день и присутствовать на ней в качестве почетного гостя. Пусть люди, видя вас, тоже знают, что мы больше не одиноки!

Весть о прибытии необычного посланника уже разнеслась по всему штабному подвалу. Комнату заполнили радостные люди, окружившие старшего лейтенанта Альдо Моностиу, словно поклонники – кинозвезду. Вокруг сияли радостные улыбки. От прежней подавленности не осталось и следа…

— Господин полковник, — улучив время, шепнул Ургану старший лейтенант. — Я бы хотел встретиться с вами наедине. Мне необходимо сообщить вам очень важную весть.

— Вы неважно выглядите, господин президент, — заметил Дан Мергайдинг.

— И вы тоже.

— В моем состоянии уже никак не выглядят. Если вы приехали на мои похороны, вам надо только подождать пару дней.

— Не хороните себя заранее, Дан, — нахмурился Калансис.

— Оставьте, Кир. Вы знакомы со мной уже достаточно долго, чтобы понимать, что я полностью в курсе. Мое время почти истекло, и это меня больше не слишком печалит. Эта проклятая лучевая болезнь так изматывает, что конец выглядит милосердным отдыхом.

— Сильные боли? — участливо спросил Калансис.

— Терпимые. Раньше было еще хуже. Единственное, что меня радует, так это то, что я все еще служу науке, — Мергайдинг слабо улыбнулся. — Может быть, ученые на моем примере поймут, как лечить эту напасть. В любом случае, я благодарен вам, Кир, что вы приехали навестить меня.

— Увы, это все, что я сейчас могу вам дать. Кроме, разве что, новостей.

— Вряд ли мне уже могут быть интересны какие-то новости, — снова усмехнулся Мергайдинг. — Ближайшей новостью для меня будет мой некролог.

— Объявился Кир Гордис.

— Он же уехал в Вилканд, — в безжизненном голосе Мергайдинга проснулось что-то вроде заинтересованности.

— Он прилетел из Вилканда на самолете! Сейчас находится в Криденге, а сегодня должен выехать на север. Я собираюсь назначить его руководителем проекта.

— Верно. Если кому-то из нас по силам построить бомбу, так это ему. Только хватит ли на это ресурсов?

— Мы потеряли не так много, как казалось вначале. Главная

беда в том, что разрушены транспортные магистрали и разорваны линии связи. Современная экономика – это слишком сложный и хрупкий механизм, и чтобы привести его в негодность, хватило всего нескольких сильных ударов ломом… Ресурсов, я думаю, Гордису хватит. А поскольку большая часть кораблей пришельцев покинула Филлину, в нашем распоряжении будет, по крайней мере, несколько спокойных месяцев. Меня волнует другое: сможем ли мы добиться победы с помощью атомных бомб?

— Нет, Кир. На каждую нашу бомбу пришельцы ответят сотней своих. И я не хотел бы, чтобы мы сами применяли их на нашей планете. Это не оружие, это сама смерть! В атомной войне не будет победителей.

— Я тоже так считаю, Дан. Но должен же быть для нас какой-то выход!?

— Вы обращаетесь с этим вопросом ко мне?!

— Да. Поскольку знаю вас не только как своего старого друга и выдающегося ученого, но и как одного из наиболее нестандартных мыслителей Чинерты. Мне сейчас очень нужны хорошие советы.

— Оказывается, нужно оказаться на пороге, чтобы услышать о себе что-то приятное, — хмыкнул Мергайдинг. — Но, увы, я вынужден разочаровать вас, Кир. Духу плохо живется в немощном теле, постоянно раздираемом болью и одурманиваемом наркотиками. Я так и не продвинулся дальше вопросов. Например, почему пришельцы не начали, а закончили атомными бомбами? Если бы они хотели просто уничтожить нас, они бы сделали это быстрее и радикальнее. Тогда что им нужно на нашей планете? И что стоит за их переговорами с Горданой?

— На месте Горданы могли бы быть мы, — устало сказал Калансис. — Точно такие же переговоры были предложены когда-то и мне. Тогда я понадеялся, что нам с Горданой удастся выступить общим фронтом… Но Кирстен оказался более прагматичным политиком, чем я. Он ценой позора спас от гибели свой народ, а я погубил…

— Я об этом не знал, — ошеломленно признался Мергайдинг. — Не беспокойтесь, эта тайна умрет вместе со мной… очень скоро… Но ведь это очень важно, господин президент! Это значит, что…

— …Пришельцы – не монстры и не патологические убийцы, — заметил старший лейтенант Альдо Моностиу. — Некоторых из них я видел сам, когда сопровождал отца… маршала на переговоры с ними. Они вполне вменяемые существа, с ними можно иметь дело.

— Самые страшные преступления в человеческой истории творили как раз вполне вменяемые существа, — жестко возразил Дэсс Урган. — Они, как правило, даже не испытывали ненависти к своим жертвам и убивали лишь из высоких государственных соображений… Мне не о чем говорить с пришельцами, и в отличие от вас, старший лейтенант, я по-прежнему буду смотреть на них только через перекрестье прицела. Как это было в Тороканских Воротах!

— Господин полковник! Я думаю точно так же, как вы, и знаю, что таково мнение и маршала. Но наша война проиграна, а на нас лежит ответственность за сотни тысяч людей. И если ради их жизни нужно вести переговоры пришельцами и принимать их условия, это приходится делать!

— А вам не приходилось читать в детстве легенду о том, как человек пытался договориться с дьяволом?! Пришельцы терпят ваш Лешек у себя под боком и даже приказывают горданцам подкармливать вас, но только потому что им нужен ваш порт. Как только эта необходимость пропадет, им проще всего будет уничтожить вас как ненужных нахлебников.

— Тогда какую альтернативу можете предложить вы, господин полковник? Смерть?

— Смерть никогда не бывает хорошим выходом, — Дан Мергайдинг издал несколько хриплых смешков. — Говорю это по собственному опыту. Никак не могу согласиться с одним литературным персонажем, который на все жизненные трудности отвечал: "Проще умереть". Дело за малым – найти способ выживания для всего нашего народа.

— Не только выживания, — возразил Калансис. — Выжить мы и так сможем. Нам нужно найти путь к победе.

— Сейчас я не вижу такого пути, — признался Мергайдинг. — Но мне кажется, его нам могут подсказать сами пришельцы. У них могут найтись слабости, могут возникнуть какие-то политические или иные противоречия. Среди них не может быть полного единомыслия, и всем этим можно воспользоваться.

— Верно, — кивнул Калансис. — То же самое говорят мне и мои аналитики. Время сейчас работает на нас. Мы получили передышку, и нужно воспользоваться ей, чтобы восстановить все то, что можно восстановить, чтобы сохранить наши знания и нашу цивилизацию. И все это время терпеливо ждать шанса, постараться распознать его, когда он придет, и использовать его. Это, бесспорно, правильный путь, но он пассивен. Сколько нам придется ждать этого шанса?!

— Наверное, долго, — согласился Мергайдинг. — Но у вас

должно быть хотя бы одно утешение. Пришельцы не скоро доберутся сюда. Так что время у вас есть.

— У вас нет его, этого времени! — воскликнул Альдо Моностиу. — Уже через несколько месяцев сюда начнут прибывать первые колонисты пришельцев! Они собираются построить первые поселки здесь, рядом со своей Центральной базой. Вас не зря бомбят в последние две недели – это они уже начали расчищать почву!

— Колонисты – это хорошо, — недобро улыбнулся Урган. — Слава Единому, появится хоть какая-то реальная цель… Кажется, нам впервые предоставляется шанс взять пришельцев за жабры.

— Господин полковник! Вам здесь еще повезло! Вы плохо представляете, на что способны пришельцы. Я видел город Тамо – его больше не существует. Всего одной-единственной бомбой они полностью уничтожили весь Тогрод. Нам показывали снимки – сейчас на этом месте голая пустошь! К прилету колонистов на том берегу Масне не останется в живых ни одного человека, а Нейсе будет превращен в мертвый город! И даже если вам удастся выжить под бомбами, вы никогда не сможете добраться до поселений пришельцев. Весь район будет заключен внутрь охранного периметра, через который не в силах пробраться ни один человек!

— И вы говорите, пришельцы сами предложили нам переселиться в Лешек?

— Они не предложили. Но они и не возражают. Они готовы предоставить нам земли вокруг города для занятия сельским хозяйством. Там найдется место и для всех вас. В Лешеке сейчас живет пять миллионов человек, а будут жить десять! Там постепенно возродится промышленность, пусть даже ей частично придется обслуживать пришельцев. Там снова заработают наши школы и университеты. Это будет маленький кусочек свободной Граниды!…

— О какой свободе может идти речь, если все это будет существовать только с позволения пришельцев?! Я объявлю о вашем предложении, старший лейтенант. Те, кто захотят переселиться в Лешек, смогут уйти. Я слабо верю в то, что пришельцы откроют для них безопасный коридор, но может быть, поверят другие. Но я останусь, даже если я останусь здесь один! Это моя земля, и я буду сражаться до конца, чтобы не пустить на нее пришельцев! Вы говорите, война проиграна? Только не моя. Пока я жив, я буду бороться!

— Я доложу об этом маршалу, господин полковник. Но если вы твердо решили остаться, я передаю вам его приказ. Пока

воздержитесь от открытых военных действий против пришельцев. Есть вещи более важные, чем диверсии…

— Информация! — шепотом воскликнул Мергайдинг. — Конечно! Разведка – вот оружие слабого! Если вас не устраивает пассивное ожидание подвернувшихся шансов, попробуйте организовать их сами! Вам необходимо знать как можно больше о пришельцах! Учите их язык! Ловите их передачи! Подслушивайте и подглядывайте! Пошлите разведчиков поближе к их базам! Собирайте информацию о том, что происходит в других странах! В Южном Заморье! На Круглом океане! На Западном континенте! Наводните мир своими агентами! Может быть, один из них принесет именно ту информацию, которая поможет вам победить!

— Я не зря надеялся на вас, — сказал Калансис. — Спасибо, Дан. Вы подали мне блестящую идею. Знания – вот, что станет нашей силой! Я думаю, весной мы отправим в путь наших первых эмиссаров.

— Как бы мне хотелось этим заняться, — скрипнул зубами Мергайдинг. — Проклятье! Как досадно умирать в сорок два года… Но все равно спасибо, что навестили меня, Кир. Вы уезжаете сегодня?

— Завтра. Я хочу побывать на свадьбе у мальчика, который лежит в соседней палате.

— Свадьба? У Равеля?… Наверное, это правильно. Пусть тоже почувствует, что не остался один…

— Что же, наш разговор закончен, — Урган протянул ладонь Альдо Моностиу. — Вы хотите уйти сегодня?

— Да, господин полковник. Мне нужно еще попасть в Сарне. А затем как можно быстрее вернуться обратно, чтобы мы успели организовать прием ваших людей.

— А вы бы не могли задержаться на сутки, старший лейтенант?

— Для чего, господин полковник?

— Вы не забыли, что завтра моя свадьба? Я приглашаю вас. И еще мне хотелось бы, чтобы вас увидело как можно больше людей. Тогда они, может быть, почувствуют, что не остались одни…

Когда Эрчен Хорт остановил вездеход у входа в госпиталь, Вирте подумалось, что она готова провалиться сквозь землю. Несмотря на жестокий мороз, вокруг стояли люди. Десятки людей, мужчин и женщин, молодых и старых, ее знакомых – она узнала нескольких своих однокурсниц – и совершенно

неизвестных.

И все они смотрели на нее. На нее!

"Не надо! — захотелось крикнуть Вирте. — Я ведь не делаю ничего особенного! Это даже не настоящая свадьба, это игра, представление для одного зрителя!… Не принимайте всего этого всерьез!…".

Но люди смотрели. Вирте почему-то вспомнилось, как несколько лет назад, еще будучи школьницей, она стояла в точно такой же толпе, собравшейся возле гостиницы "Приморская" в ее родном Фраувенге в ожидании приезда знаменитой певицы и киноактрисы Алейн Рантис. Ее привезли прямо из аэропорта, она наверняка устала после долгого перелета из Галаны, но все равно она тепло приветствовала всех своих поклонников и поклонниц, больше часа прождавших в дождливый осенний вечер ради нее.

Сегодня все эти люди ждали на морозном ветру ради нее, и Вирта поняла, что не имеет права обмануть их ожидания. Эрчен Хорт открыл дверцу вездехода, и она легко выпорхнула наружу, сдержав волну дрожи от набросившегося на нее холода. На Вирте было белое нарядное платье, одолженное у одной из ее однокурсниц, и наброшенная поверх форменная куртка спасательной службы. На ногах – легкие летние туфельки, взятые с собой по какому-то неясному порыву и до сегодняшнего дня лежавшие где-то на дне чемодана. Голова ее была непокрыта, и длинные золотистые волосы свободно спадали на плечи. Вирта знала, что сегодня она очень красива. Словно хрупкий цветок, выросший на снегу…

Вирте хотелось пробежать по плотно утоптанному снегу двадцать метров, отделявшие ее от желанного входа, чтобы спрятаться от холода и людских взглядов, но она пересилила себя. Она шла спокойно и уверенно, с высоко поднятой головой и улыбкой на чуть дрожащих губах. Кто-то из толпы протянул ей маленький букетик скромных белых цветов, неведомо где найденных в разгар зимы, и Вирта взяла его и зажала в левой руке. Так, с цветами в руках, она поднялась по ступенькам, и Дарин Кедерис распахнул перед ней дверь, откуда ее сразу обдало волной теплого воздуха.

— Все нормально, Вирта, — шепнула ей сзади Кэрт Станис. — Мы с тобой. Не бойся.

Дарин Кедерис и доктор Кэрт были на этой свадьбе ее названными родителями. Настоящие отец и мать Вирты в начале войны находились во Фраувенге, и от них уже давно не было никаких вестей. Вирта даже не знала, живы они или нет. В северных лагерях для беженцев не было никого из Фраувенга, а связь с предгорьями Великой Южной Стены, где скрывались

беженцы из южных земель, была слишком неустойчивой.

"Не думай об этом", — приказала себе Вирта. Но вместо этого она вдруг вспомнила Гредера Арнинга, который сейчас пробирается по замерзшим снегам из Галаны в Самодонес. Что скажет Гредер, когда узнает о ее замужестве? Сможет ли он понять, простить ее?…

В полном смятении и все еще сжимая в руке букет, она перешагнула порог и в восхищении остановилась. Большая больничная палата изменилась до неузнаваемости, превратившись в настоящий зал для свадебной церемонии.

Если бы Вирта выходила замуж у себя в Зеллиде, все происходило бы в храме, как это принято во всех странах, испытавших влияние культуры Тогродской империи. Но чинеты сохранили свои собственные старинные свадебные обряды. Настоящая чинетская свадьба проходит под открытым небом, на какой-либо возвышенности, как это повелось еще с тех времен, когда чинеты жили в разбросанных по бескрайней степи деревнях и поклонялись чистому небу, ясному солнцу, ветру и звездам. И если по какой-либо причине церемония проходит в помещении, потолок всегда завешивается небесно голубой тканью, на стенах крепятся разноцветные лампадки-звездочки, а яркий светильник позади алтаря символизирует восходящее солнце.

Из-за света, слепившего глаза, Вирта не сразу поняла, кто стоит за алтарем. И снова почувствовала смущение, узнав Кира Калансиса. В старину молодоженов соединял староста деревни, военный вождь дружины или городской голова, и даже в нынешние времена мэры городов порой проводили свадебные церемонии, венчая сразу по несколько пар. Согласно всем обычаям, президент страны имел полное право объявить их с Равелем мужем и женой, этому были даже прецеденты, но Вирта ощущала только нарастающую неловкость. Она не заслужила такой чести, которая обязывала ее к слишком многому, она не хотела менять свою жизнь…

Но отступать было нельзя, и Вирта двинулась вперед. В это время открылась другая дверь, напротив, и в зале появилась еще одна процессия.

Равеля Мэнсинга везли в большом кресле, где он полусидел-полулежал, по-прежнему привязанный капельницами и проводами к каким-то медицинским установкам. Мэнсинг казался еще более высохшим, больным и совершенно бесплотным, но глаза его жили и неотрывно смотрели на Вирту, медленно идущую к алтарю с другой стороны. За Мэнсингом в точно таком же кресле везли Дана Мергайдинга. В его темно-коричневых шелушащихся руках горел крохотный огонек, другой огонек

бережно держал на вытянутых ладонях главный врач госпиталя, который позавчера показывал Вирте палату Мэнсинга.

Согласно еще одной старинной чинетской традиции, на свадебной церемонии должен был обязательно присутствовать живой огонь, который несли специально выделенные для этого люди из свиты жениха и невесты, как минимум, по двое с каждой стороны. Раньше это было знаком немалой ответственности – открытый огонь в ветреной степи всегда опасен, — но и теперь, когда факелы заменили крохотные фиалы с ароматическим маслом, огненосцами выбирали самых близких и надежных друзей. У Вирты живой огонь несли Тэй Хейзерис и Линн Валькантис.

По обе стороны от кресла Мэнсинга шли его родители – высокая и очень прямая худощавая женщина и словно сгорбившийся грузный мужчина, на котором костюм висел мешком. Выглядели они уставшими и очень постаревшими, хотя на самом деле им не было и пятидесяти. Вирта снова почувствовала страх. Она почти не знала этих людей и совсем забыла о них. Теперь же они должны были стать ее семьей. Как они отнесутся к ней? Как она примет их? Смирятся ли они с тем, что у нее будет собственная жизнь, в которой их Равелю будет уготовано лишь место светлого воспоминания?

Вирте хотелось, чтобы Равель Мэнсинг никогда не произносил своих слов, загнавших ее в ловушку. В конце концов, ей было не обязательно заходить к нему в палату. Но время нельзя повернуть вспять, и Вирта знала, что выполнит все до конца.

Жених и невеста предстали перед алтарем. Церемония началась. Кир Калансис произносил нужные слова негромким, чуть глуховатым голосом, и они отвечали ему – звонко и уверенно Вирта и шепотом, едва слышно, Равель Мэнсинг.

— …Объявляю вас мужем и женой! — произнес заключительную фразу Калансис, и Вирте показалось, что ее сердце рухнуло куда-то вниз. Она не знала, что ей делать дальше.

Ей помогла музыка, вдруг ворвавшаяся в зал, как горный поток. Обычно на свадьбах играли народную "Песнь радости" или интернациональный свадебный марш баргандского композитора Вилама Корта, но в этот раз из спрятанных за декорациями динамиков полилась светлая и печальная мелодия "Прощания с идущими в бой". Кир Калансис по-военному отдал честь. Кажется, то же самое сделал за спиной Вирты Дарин Кедерис.

— Вирта, я не сплю? — услышала она вдруг слабый голос Мэнсинга. — Ты действительно вышла за меня?

— Да, — ответила Вирта и, наклонившись, поцеловала его в

тонкие пергаментно-сухие губы.

— Теперь ты моя. Моя, — прошептал Дэсс Урган и, под приветственные крики толпы, снова поцеловал Лику Ранси.

Немного цинично усмехнувшись про себя, он подумал, что раньше ему не приходилось жениться в такой торжественной обстановке. В небольшой часовне в пригороде Нейсе собралось больше сотни людей, и в двадцать раз больше ждали их снаружи, радостные и возбужденные. Урган уже чувствовал, что начинает уставать от такого скопления народа.

"Ты хотел праздник, так получи его", — подумал он.

На выходе из часовни их осыпали бумажными конфетти, хлебными зернами и цветами. Один небольшой светло-голубой цветок зацепился за какой-то элемент сложной прически Лики, и Урган помог ему удержаться у нее на волосах. Вокруг было множество людей, но они в этот раз не пытались рассказать ему о своих проблемах и не искали у него решения каких-то вопросов, а просто наперебой поздравляли его и Лику, желая им счастья, детей и долгой совместной жизни.

Последнее пожелание казалось Ургану насмешкой.

Но сейчас было не время предаваться мрачным думам о неизбежной гибели, и Урган счастливо целовал жену, отвечал на приветствия, хлопал ладонью по протянутым ладоням и принимал подарки. Им с Ликой дарили теплые вещи, разнообразные предметы домашнего обихода, картины и вышивки, кадушки с медом и кольца пахучей домашней колбасы, а один совершенно незнакомый мужчина растрогал Ургана до глубины души, протянув ему две бутылки его любимого вина "Черный бархат".

Казалось, каждый из двух с лишним тысяч гостей и жителей окрестных поселков и лагерей для беженцев хочет лично поздравить их, и Урган терпеливо принимал все эти знаки внимания, любуясь Ликой, сегодня необычайно красивой и женственной. Она выглядела такой же свежей и приветливой, как в самом начале церемонии, и не уставала целовать протягиваемых ей детей.

Им понадобилось больше получаса, чтобы добраться от часовни до установленного за ночь помоста со столами наверху. Поднявшись по нескольким ступенькам, Урган повернулся лицом к собравшимся и поднял руку. Непрерывный гул, стоящий над толпой как над пчелиным ульем, понемногу стих.

— Я благодарю всех вас, — громко сказал Урган. — Спасибо вам за то, что пришли на мой праздник, и за подарки, каждый из которых дороже для меня всего золота на свете. Я могу дать вам

взамен только один подарок, но это будет земля, на которой вы сможете работать, это будет чистое небо, с которого больше не придет страх, и это будет родина, которая останется свободной! Долгие два месяца мы казались себе оторванными от внешнего мира жителями острова, на который постоянно накатываются штормовые волны. Но вчера мы перестали быть одинокими! У нас снова есть связь с правительством свободной Граниды в Лешеке, которое полно решимости снова сплотить и возродить нашу страну! Я предоставляю слово старшему лейтенанту Альдо Моностиу, ветерану Тороканских Ворот и специальному представителю временного правительства!

В толпе снова послышался шум. Новость о прибытии посланца из Лешека еще не успела распространиться.

— Дорогие сограждане! — Альдо Моностиу вышел вперед из-за спины Ургана. — Я прибыл сюда по поручению маршала Моностиу, главы временного правительства свободной Граниды…

Молодой старший лейтенант хорошо справился со своими обязанностями. Говоря о свободной зоне вокруг Лешека, он не пожалел ярких красок, но не обмолвился ни словом о продолжении бомбежек, скором прибытии чужих колонистов, взаимоотношениях с пришельцами или организации переселения. Все это были дела завтрашнего дня, а сегодня людям надо было получить радостную весть, которая должна была окончательно развеять отчаяние и безысходность.

Слыша приветственные крики, которыми завершилась короткая речь Альдо Моностиу, Урган понял, что и этой цели он добился. Праздник удавался на славу. Оркестры играли веселую музыку, над многочисленными жаровнями вился дымок и текли вкусные запахи, к раздаточным пунктам потянулись длинные очереди. Раньше Ургану хотелось приберечь неприкосновенный запас продуктов до праздника Открытых Дверей, но до него оставалось еще больше месяца, а настроение надо было поднимать сейчас.

Притом, еще неизвестно, доживут ли все эти люди до праздника Открытых Дверей. Урган веселился изо всех сил, но где-то в глубине у него прочно засел холодный мерзкий крючок. Впереди у него – только новый виток войны, бомбы, страдания и, наверняка, смерть. Здесь, рядом со счастливой Ликой, она казалась особенно несправедливой.

Однако показывать это нельзя было ни в коем случае. Урган отвечал на множество тостов, чуть пригубливая свой бокал; пел вместе со всеми веселые песни, а когда на многочисленных площадках между импровизированными столиками начались танцы, сам вместе с Ликой спустился с помоста и сделал

несколько кругов, стараясь не наступить на подол ее длинного платья.

К вечеру праздник начал понемногу расползаться в стороны. Хотя пришельцы обычно не бомбили в это время, Урган не решился зажигать огни. Люди расходились по окрестным поселкам, унося с собой музыку и веселье, а на лужайке перед часовней солдаты гасили костры и уносили жаровни и походные кухни. Похолодало, и Урган вместе с Ликой отправились обратно в штабной подвал, где их ждало еще одно пиршество, на этот раз в более узком кругу. Только когда время подошло к полуночи, они тихонько встали из-за стола, оставив шумную и веселую компанию, и отправились в свою комнату.

Поставив подсвечник на столик у кровати, Урган запер дверь и, улыбаясь, обнял Лику Ранси. Впервые за этот долгий день они наконец-то остались одни.

— Спасибо, — прошептал Равель Мэнсинг, не сводя глаз с Вирты.

— За что? — наклонившись, Вирта поправила ему подушку. — Я не сделала ничего особенного.

— Спасибо за то, что ты согласилась, — Мэнсинг коснулся ее руки. — Скажи, ты вышла за меня из жалости?

— Нет, — Вирта решительно помотала головой. — Не из жалости. Ты счастлив со мною, верно? И ты заслужил это счастье. Я – твоя награда.

— Но ты не оставишь меня? — Мэнсинг продолжал тревожно смотреть на нее. — Ты такая красивая, а я… Знаешь, мне не говорят, но мне кажется, я никогда не выздоровею и останусь жалким инвалидом. Ты будешь со мной? Все время? Я люблю тебя, но так боюсь потерять…

— Я буду с тобой всегда. Пока смерть не разлучит нас, — мягко сказала Вирта и тут же пожалела о сказанном. Последняя фраза прозвучала слишком двусмысленно или, наоборот, чересчур определенно.

Но Мэнсинг этого, кажется, не заметил.

— Спасибо, Вирта. Но я понимаю, как тебе будет тяжело со мной. Я ведь теперь ни на что не пригоден. Ты можешь делать все… что хочешь. Я хочу, чтобы ты тоже была счастлива, понимаешь?

— Понимаю, — с трудом кивнула Вирта.

В горле у нее засел комок. В смятении она пробежалась взглядом по неподвижным шкалам приборов. Ее научили понимать их сигналы, и в случае необходимости она могла оказать первую помощь сама. Но этого пока не требовалось.

— Вирта, — Мэнсинг снова коснулся ее руки. — Я могу попросить тебя об одной вещи? Ты не обидишься?

— Нет. А какой?

— Понимаешь… — Мэнсинг смущенно запнулся. — У меня еще никого не было…

"И у меня тоже", — хотелось сказать Вирте, но она промолчала. Не стоит напоминать Мэнсингу, что он так и не станет ее первым возлюбленным.

— …И я даже никогда не видел… никого… обнаженной… И ты не могла бы… для меня?… Я сейчас… могу только смотреть…

Мэнсинг, совсем смутившись, умолк. Вирта почувствовала, что краснеет. Она была шокирована. Многие ее однокурсницы уже давно встречались с парнями, но ее эта сторона жизни пока не затрагивала.

Мэнсинг понял ее молчание.

— Прости, — прошептал он. — Пожалуйста… Я оскорбил тебя…

— Нет! — Вирту вдруг охватила волна жалости к этому умирающему мальчику. Неужели она стыдится его? И разве…

— Я сделаю то, что ты просишь, Равель, — ласково сказала она. — В конце концов, я твоя жена, так что все нормально.

Ей было немного неудобно чувствовать на себе его взгляд, но она справилась с этим ощущением. Обнаженная, она подошла вплотную к кровати Мэнсинга. Он медленно поднял руку и плавно провел по ее телу сверху вниз. Его ладонь была сухой и шершавой.

— Спасибо, — прошептал Мэнсинг. — Ты… такая красивая… Теперь мне не страшно уже ничего…

Его глаза закрылись. Вирта обеспокоенно посмотрела на шкалы приборов, но те не поднимали тревоги. Равель Мэнсинг просто заснул. Может быть, он еще проснется.

— Ты не спишь? — Лика Ранси приподнялась на локте, глядя в лицо Ургану.

— Нет.

— Что-то не в порядке? — в голосе Лики появились тревожные нотки. — Тебя весь день что-то гнетет. Что?

И тогда Урган сделал то, чего не должен был делать. Он рассказал Лике все. От начала до конца.

— У нас нет будущего, — сказал он с горечью. — Я счастлив с тобой, но сколько продлится это счастье? Пришельцы сильнее нас.

— Нет! — с жаром возразила Лика, и он почувствовал, как ее пальцы пробегают по его телу. — Мы с тобой будем счастливы!

Ведь это мы сильнее пришельцев! Мы выдержим все! И раз мы вместе, мы непобедимы!

Она поцеловала его раз, потом еще раз, а потом Урган почувствовал, как холодный крючок, подцепивший его за сердце, куда-то исчезает, испаряется, пропадает навсегда.

И в самом деле, разве пришельцы могут их победить? Разве у них может быть такой праздник, такая свадьба, такая любовь, как у них?!…

Но что-то подсказывало ему: может.

Глава 64. Свадьба в благородном семействе

Ночью разразилась гроза. Спать не то, что не хотелось, а скорее, не моглось, и Кэноэ, перестав бороться с собой, встал и распахнул окно в парк, то и дело озаряющийся лиловыми вспышками молний. В лицо сразу пахнуло прохладной свежестью и он, не удержавшись, протянул руку, пытаясь достать струйку дождевой воды, скатывающейся с карниза. Пальцы, к его неудовольствию, сразу же уперлись в невидимую упругую пленку: в открытом оконном проеме автоматически создавалось защитное гравиполе, непроницаемое не только для ночных насекомых, но и для боевых ракет.

Ну что же, значит, остается только смотреть. В конце концов, гроза над парком Императорского Дворца – явление редкое и необычное: как правило, наполненные электричеством тучи разряжались еще на дальних подходах к Столице, в худшем случае, проливаясь над ней только легким ночным дождичком.

В том-то и дело, что сегодня действуют другие правила. Гроза перед свадьбой – к счастью. Говорят, в грохоте грома и вспышках молний в душе человека сгорают все его грехи и неприятности, а сам он очищается для новой жизни, словно пыльная листва деревьев под освежающими струями ливня…

Надо понимать, "Климатекс" опять постарался. Позвонить, что ли? Поинтересоваться, как им удалось подстроить такую роскошную грозу точно к нужной дате? Завтра же…

Увы, завтра на это не будет времени. Завтра – канун дня Праздника Спелых Ягод, день его свадьбы. Его и Кээрт.

Кэноэ почувствовал, как его охватывает неприятное томление. Он опять ощущал себя марионеткой, игрушкой в руках неких чужих сил, предписывающих, что и как ему делать. Даже гроза, и та была бутафорской, невзаправдашной. Ненастоящей…

Последние две дюжины дней он жил настоящей жизнью, целыми днями пропадая в доме Грауха в Старом Городе и вживаясь в совершенно новый для него мир. Теперь он добирался туда не на автобусе: в небольшом гараже рядом с тайным выходом из Дворца прятался его собственный гравикатер, которым он владел на правах почетного председателя Императорской страховой компании.

Как не странно, эта затея, вначале казавшаяся ему пустой авантюрой, успешно развивалась. Слухи о ней разнеслись по Старому Городу буквально со скоростью звука, и уже в первую же

декаду от клиентов не было отбоя, а первые лица местного делового мира выстраивались в очередь, прося взять и их в долю. Кэноэ старался вникать во всё, и часами напролет он просиживал за чтением документов и финансовых отчетов, разговорами с Граухом, терпеливо рассказывавшим ему о методах ведения бизнеса, беседами с членами совета директоров компании, посвящавшими его в законы и правила этого мира. Несколько раз он участвовал в церемониях открытия новых отделений, и хотя никто не представлял его публике как принца Императорского Дома, он все равно слышал вокруг себя восхищенный шепот, переходящий в немое почтение. Иногда он сам пугался такого роста своей популярности и с тревогой думал, как отнесутся к этому во Дворце или Управлении Императорского Двора, но там пока все было тихо.

Зато он впервые занимался настоящим делом и был рад этому. К нему уже не раз обращались с вопросами и спрашивали его мнение во время дискуссий и споров, а однажды, предложив более простую и логичную схему определения суммы ежедекадных взносов, он впервые почувствовал, что даже многоопытные бизнесмены Старого Города воспринимают его не как формального главу предприятия, но как настоящего лидера.

А позавчера у него появились новые дела, заставившие его впервые уяснить, какой острой может быть нехватка времени. Победоносный Имперский Военный Космофлот вернулся в Метрополию после завершения филлинской операции, и Кэноэ провел целых полдня с маршалом Гдэаском, слушая его рассказы о далекой планете и населяющих ее людях и постепенно заражаясь идеей совместного исследования Дальнего Космоса вместе с филитами. Гдэаск тогда поделился с ним и копией своего проекта, и различными описательными материалами о Филлине, но три кристалла записи до сих пор лежали на столе у Кэноэ, не забытые, но и не просмотренные.

Будет ли у него вообще возможность заняться Филлиной? Кэноэ откровенно страшила завтрашняя свадьба. Уж не потому ли все так снисходительно относятся к допускаемым им вопиющим нарушениям порядка (а по-другому его деятельность в Старом Городе и не назовешь), что считают их обычными мальчишескими выбрыками перед размеренной семейной жизнью?

И вообще, какой будет его совместная жизнь с Кээрт?

Благодарение Звездам, они в последнее время стали не чужими друг другу, но хватит ли этого, чтобы быть по-настоящему близкими? Конечно, правила приличия не вынуждают его проводить все время рядом с молодой женой – вон, например, его родители живут каждый отдельной жизнью и

общаются друг с другом, как правило, только за обедом, да во время семейных празднеств. Но будет ли это честно по отношению к самой Кээрт? Она ведь не виновата, что именно на нее пал чей-то холодный и расчетливый выбор…

Нет, нечего и надеяться, что жизнь после свадьбы останется прежней. Обидно: развлекаться в свое удовольствие ему, понятное дело, никто не помешает, достаточно взглянуть хотя бы на его отца, но вот вылазки в город на какое-то время, вероятно, придется прекратить. Что позволено холостому юнцу, может оказаться не положенным для солидного семейного человека…

А может быть, он зря цепляется за свою старую жизнь? Они с Кээрт всегда находили общие темы для разговоров, им не будет скучно друг с другом. У них будут и приятные совместные вечера, и уютные посиделки вместе с мамой и другими родственниками. Они обязательно объездят всю планету, потом отправятся на Таангураи – в гости к родителям Кээрт, а то и посетят ту самую Филлину, о которой ему так интересно рассказывал маршал Гдэаск… А затем, наверное, у них появятся свои дети, и мысли о пустоте и никчемности жизни навсегда уйдут в прошлое…

Тоже мне, мечтатель… Кэноэ захотелось сплюнуть прямо в открытое окно, но он сдержался. Все равно, плевок только неэстетично застрянет в защитном гравиполе. Кто им разрешит так просто родить ребенка? Такие вещи находятся в ведении Управления Императорского Двора, которое тщательно следит за тем, чтобы число принцев и принцесс Императорского Дома не превысило установленные неизвестно кем пределы. Вон, двоюродный брат-кронпринц, хоть и старше почти на год, не только не женат, но даже не имеет официальной невесты…

С этой свадьбой они снова поймали его в сеть старых порядков и протоколов, из которой он ненадолго вырвался две дюжины дней назад. Неужели уже завтра придет конец с таким трудом завоеванной свободы? О, если бы Кээрт смогла разделить его мысли и стремления!…

Кэноэ шумно перевел дух. К чему жалеть о том, чего он не в силах изменить? Жизнь всего лишь бросает ему еще один вызов, и он постарается дать на него достойный ответ. Чего бы ни требовали от него традиции и правила, он постарается отстоять избранный им образ жизни, и лишь от него зависит, победит он в этой борьбе или потерпит поражение!

Далекий раскат грома словно подтвердил его решение. Гроза, вдоволь набушевав над левобережьем, уходила куда-то вдаль, и только дождь все еще продолжал скатываться по мокрым листьям.

Широко зевнув, Кэноэ понял, что сон готов придти и положить конец его терзаниям. Но перед тем как лечь в постель и

заснуть, он снова закрыл окно.

Какой смысл поддерживать иллюзию свободы, когда он все равно заперт?

— Вставайте, ваше высочество! Вас ждет великий день!

Ну разве это не издевательство?

Только-только закрыл глаза, как в комнату тут же вваливается целая орава народу и начинает немилосердно будить.

Впереди, как всегда, неизменный Фруамс с халатом наготове. А уж за ним… Распорядитель торжественных церемоний в парадной форме Управления Императорского Двора, врач, массажист, даже банщик с двумя ассистентами…

А эти-то зачем? Неужели ему не дадут сегодня даже умыться самостоятельно?

Не дали.

Стоило ему лишь подняться с одного из трех голубых унитазов, как его тут же взяли в оборот. Облили тремя ведрами ароматной мыльной жидкости с запахом цветов, прошлись по всему телу четырьмя щеточками разной степени жесткости, прополоскали в пяти бассейнах с различной температурой воды и снова набросились на него с мылами, щетками и мочалками… И только совсем упарившись, передали еле живого пациента массажисту, уже разложившему наготове свой топчан, покрытый горячим мокрым покрывалом.

Умелый и интенсивный массаж взбодрил и оживил его, но ненадолго. На выходе из ванной комнаты его уже подстерегали парикмахер и два визажиста, набросившиеся на него с остервенением изголодавшихся хищников. Они трудились над ним целый час, и когда Кэноэ наконец-то увидел свое изображение в зеркале, он едва узнал себя. Скорее уж, это лицо, покрытое слоем косметики, и слащавая прическа, уложенная волосок к волоску, должны были находиться на обложке глянцевого календаря с изображениями известных артистов.

Но остальным это, кажется, нравится.

— Недурственно, — одобрительно гудит распорядитель, величавым жестом отпуская обслугу. — Теперь будем одеваться.

Как?! А завтрак?!

— Какой еще завтрак? В такой день, ваше высочество, вы должны быть выше всех плотских побуждений и не отягощать свой дух греховными мыслями.

Фруамс, добрая душа, протягивает на подносе чашку с густо-оранжевым витаминным напитком.

Ну что же, и на том спасибо. Говорят, в старину поститься

перед свадьбой надо было чуть ли не трое суток… И как они только потом на самом празднестве ноги передвигали?…

И еще: бедная Кээрт, ей сейчас, наверно, приходится еще хуже…

Давно известно, что парадная одежда – это нечто роскошное и неудобное. Свадебный наряд Кэноэ был очень роскошным и очень неудобным – особенно, эта широченная голубая мантия, настолько густо расшитая изображениями звезд, солнц, сердечек и прочих символов счастья, что могла бы сойти за маскировочную сетку.

А еще, одежды было слишком много. Даже в прохладной гардеробной с работающей на полную мощность климатической установкой внутри этого вороха ткани становилось жарко. Кэноэ представил, что будет, когда он во всем этом параде появится на раскаленной солнцем улице, и мысленно простонал.

— Стойте спокойно, ваше высочество! Не вертитесь!

Ну вот, заранее не могли подготовить, что ли? А теперь стой столбом и жди, пока не подгонят по фигуре… Впрочем, свадебный наряд для того и приспособлен. В нем, наверно, еще отец его женился, и дети, если у него будут, в той же мантии к алтарю пойдут…

Одноразовых вещей в Управлении Императорского Двора не любят.

Завершали наряд венок из сияющего металла, с превеликим тщанием размещенный на его лакированной прическе, и приемник-раковинка, которую полагалось засовывать прямо в ухо.

— А это еще зачем?

— Так надо, ваше высочество. Свадебные обряды весьма сложны, и при необходимости вам будут подсказывать, что говорить и куда идти.

Вздохнув, Кэноэ покорился. Чиновник из Управления Двора был кругом прав. Расписание свадебного церемониала занимало семь страниц, набранных мелким шрифтом, и Кэноэ с самого начала понял, что выучить все это нормальный человек не в состоянии.

Так, а с чего он начинается? Кажется, с молитвы в храме Солнца. Там, кстати, он должен впервые за сегодняшний день увидеться с Кээрт…

Храм Солнца, в соответствии со своим названием, был весь из разноцветного стекла и полон яркого света. И, к сожалению, тепла. Благодаря заблаговременной косметической обработке на

лице Кэноэ не появилось ни капли пота, зато под мышками можно было варить яйца. Служба же длилась и длилась, отчего стоять на возвышении в центре зала, протянув вперед воздетые руки, было весьма утомительно.

Когда Кэноэ окончательно надоело разглядывать блистающие на солнце стеклянные витражи с абстрактным рисунком на противоположной стене, он, стараясь не поворачивать головы и вообще не шевелиться, осторожно скосил глаза на Кээрт, стоящую рядом с выражением стоического спокойствия на прекрасном лице.

По крайней мере, это лицо можно было считать знакомым несмотря на покрывавшие его наслоения косметики, еще более обильные, чем на его собственном. Длинные золотистые волосы Кээрт слегка подкрасили оранжевым и уложили в какую-то неимоверно сложную высокую прическу, из которой во все стороны торчали голубые, серебряные и золотые ленточки, перышки и металлические веточки. По мнению Кэноэ, с этой прической Кээрт казалась чужой.

Наряд невесты был еще более пышным и нелепым, чем жениховское парадное одеяние. Воздушное золотистое платье было до безвкусия обильно изукрашено километрами кружев, лент и оборок, а широченная многослойная юбка превращала стройную и изящную Кээрт в дородную матрону. Весило оно, похоже, не меньше тонны, и Кэноэ, видя, как устало дрожат вытянутые руки его невесты, хотелось поддержать ее, помочь ей выдержать эту тяжелую ношу. Однако на этой стадии церемонии они должны были находиться рядом, но порознь. Впервые коснуться друг друга они смогут только перед Звездным Алтарем…

Церемониал еще только вступил в первую фазу, но Кэноэ уже начал его тихо ненавидеть.

Но наконец действо в храме подошло к концу. Хор на заднем плане финально взвыл на высокой ноте, и теперь можно было опустить руки и пройти к алтарю вслед за служителями, медленными и синхронными движениями часовых почетного караула несущими огромное блюдо золотистых печеных колобков, символизирующих что-то солнечное.

Блюдо, по меньшей мере, полутора метров в диаметре, было тяжелым, и перед самым алтарем один из служителей сбился с шага. А может быть, ему под ногу попалась складка ковра или небрежно протянутый шнур телекамеры. Пирамида колобков на блюде опасно заколебалась, но служителям неимоверными усилиями удалось сохранить равновесие. Только самый верхний колобок, увенчанный чем-то вроде флажка, не удержался и

скатился к подножью. Вся процессия на мгновение замерла.

— Возвращайтесь на исходную позицию, — запищал в ухе голос распорядителя. — Повторим выход еще раз.

Кээрт опустила уголки губ, придав лицу чуть саркастическое выражение. Как показалось Кэноэ, сам он проявил свои чувства более наглядно.

— Возвращайтесь, возвращайтесь, — поторопил его голос. — Церемония транслируется на всю Метрополию. Все должно быть безупречно. Побыстрее, ваше высочество, а то не хватит времени на подготовку качественной записи!

Так для кого, спрашивается, их свадьба – для них с Кээрт или для телевидения? И им-то ладно – пройдут себе еще разок, и пройдут, а каково служителям? Небось, тяжело туда-сюда с этим блюдом таскаться!

Кэноэ представил себе, как несчастные блюдоносцы проходят весь маршрут в пятый раз для очередного дубля, и мысленно захохотал. Но для наблюдавших за ним многочисленных телекамер его лицо на этот раз осталось совершенно спокойным и торжественно-бесстрастным.

Пройдя по дороге церемонию Встречи, церемонию Огня и церемонию Поклонения, в два часа пополудни они, наконец, добрались до Императорского Дворца. Огромный Звездный зал таился в полутьме, только где-то под неимоверно высоким потолком еле горели крохотные светильнички, да на противоположном конце яркий пучок света падал на сам Звездный Алтарь – темно-голубую усеченную пирамидку около метра высотой.

— Переступайте через порог одновременно, — послышался голос в ухе Кэноэ. — Медленно и торжественно. Потом остановитесь и поклонитесь Алтарю малым поклоном, не сгибая колен.

Кэноэ выполнил предписанные действия, и тут же служители набросили на него и Кээрт широкие бесформенные темно-синие накидки – цвета ночного неба. Из верхних динамиков зазвучал гимн Вызова – низкие тревожные ноты словно опирались на глухое ритмичное позванивание гонгов, — а под их ногами осветилась тусклым ультрафиолетом извилистая дорожка, ведущая куда-то в глубину зала. Как помнил Кэноэ из церемониала, она должна была символизировать долгий путь народа Державы к звездам.

Заканчивалась светящаяся дорожка низенькими воротцами, через которые нужно было пройти бок о бок. Для этого Кээрт пришлось слегка повернуться, а Кэноэ – вообще согнуться в три

погибели, чтобы не стукнуться головой о поперечный брус как раз на уровне его подбородка. Пройдя через врата, они, по подсказке распорядителей, встали лицом к Алтарю и взяли друг друга за руки. Ладонь Кээрт была мягкой и теплой.

— Кто стоит на пороге звездного света?! — раздался ниоткуда размеренный голос.

— Назовите себя полным именем, — прошептал назойливый голос в ухе.

Кэноэ пожалел, что не имеет обратной связи с распорядителем и не может сказать ему всего, что он заслуживает. Прочие ритуалы он может и не знать, но сцену у Звездного Алтаря видел не одну сотню раз в различных фильмах и в живую и ни в каких подсказках не нуждается.

— Принц первого ранга Тви оэро-Кэноэ Кэвирноэрон, сын Клоэрмэ!

— Принцесса второго ранга Кээрт тоэ-Лаэрни Кэвирноэрон, дочь Ирнэорэ!

Их голоса, усиленные динамиками, тоже разнеслись по всему залу.

— Чего хотят идущие к свету?!

— Соединить пути! — сказал Кэноэ, не дожидаясь подсказки.

— И открыть дорогу идущим вслед! — добавила Кээрт свою реплику.

— Готовы ли они принять свет?!

— Готов! — Кэноэ слегка улыбнулся Кээрт.

— Готова, — ответила она ему своей улыбкой.

— Тогда поклянитесь перед животворящим Солнцем, высоким Небом и великими Звездами в чистоте своих помыслов, верности и согласии!

— Клянемся!

Служители сорвали с них темные накидки, и весь зал осветился яркими огнями, засверкал золотом и лазурью. Многочисленные гости в парадных ярких одеждах трижды прокричали здравицу в честь молодых.

Но это было еще не все. Они с Кээрт только что поклялись так называемой Малой Клятвой, а теперь они должны были принести Клятву Верности Императору.

Оркестр грянул "Встречный марш". Высокие двери в дальнем конце зала медленно распахнулись, и на пороге появился Император. Как всегда во время больших церемоний, дядя выглядел невообразимо величественным. В своих длинных одеяниях он словно не шел, а медленно плыл по залу, высоко подняв голову, увенчанную золотым обручем с короной.

Все присутствующие, согласно протоколу, согнулись в

глубоком поклоне. И только Кэноэ и Кээрт, держась за руки перед Алтарем, стояли неподвижно, глядя на приближающегося Императора.

— Он, Величайший, Достигший Звезд, Подобный Солнцу, Любимец Неба, Владыка Мира… — торжественно зазвучали из динамиков титулы Императора.

Внезапно что-то словно изменилось. Даже динамики, казалось, запнулись на полуслове. Чуть подняв голову, Кэноэ заметил, как на гостевой галерее возникли несколько фигур в обычных костюмах, резко контрастирующих на фоне пышных нарядов придворных. Это в Звездном зале появились члены Совета Пятнадцати – настоящая власть в Империи.

До галереи было не более пятнадцати метров, и Кэноэ хорошо видел их лица – разные, но в чем-то неуловимо схожие. Верховники, казалось, не обращали особого внимания на церемонию. Они медленно выходили на галерею, о чем-то переговариваясь между собой и совершенно не замечая заполненный зал.

— Девять… одиннадцать… тринадцать, — Кэноэ машинально считал их, скользя взглядом по неясно похожим лицам.

Предпоследним на галерею вышел Гдоод в парадном фельдмаршальском мундире и скучающим выражением на породистом лице. В руке он держал стек и слегка похлопывал им по ладони, равнодушно обозревая собравшихся.

И вдруг все снова изменилось.

— …Победоносный, Покрытый Славой… — продолжал голосить динамик, но это внезапно отодвинулось куда-то на край сознания.

На галерее появился Оонк, и Кэноэ почувствовал, как у него тревожно ёкнуло сердце. Он впервые видел главу Совета Пятнадцати так близко перед собой.

Оонк был другим. Подтянутый и худощавый, он резко отличался от дородных и расплывшихся верховников, но и это было не главным. От этого человека веяло решительностью и опасностью – для каждого, на кого падет взгляд внимательных серых глаз.

Сейчас Оонк смотрел на него!

Кэноэ порадовался, что выглядит достаточно нелепо и безобидно. Может быть, слегка оттопырить нижнюю губу, чтобы придать лицу глуповатый вид? Нет! Оонк сразу же уловит фальшь! Необходимо вообще ничего не замечать! У него сегодня свадьба, он занят другими делами, ему просто любопытно смотреть на членов Совета Пятнадцати…

Кэноэ физически почувствовал, как Оонк отвел взгляд, и

постарался не выдать охватившего его облегчения ни вздохом, ни взглядом, ни движением. Благодарение Небу, наставник научил его подавлять вазомоторику, иначе он бы не справился…

А глава Совета Пятнадцати в это время низко поклонился медленно приближающемуся Императору. Недоуменно взглянув на Оонка, вслед за ним наклонили головы и другие верховники. Внутри Кэноэ снова словно зазвонил сигнал тревоги. Что задумал Оонк? Неужели другие члены Совета не видят, как сильно он отличается от всех их? Почему они не замечают опасности, которая словно изливается из него?

Кэноэ почувствовал, что на короткое время прикоснулся к краешку чужой тайны, но додумать он не успел.

— …Всемилостивейший, Чистосердечный, Безупречный, Владетель сорока восьми провинций и десяти планет и прочая, и прочая, и прочая…

Чтение Императорских титулов завершилось, и над залом нависла тревожная тишина. Пропал даже надоедливый голос в ухе. Кэноэ и Кээрт опустились на колени перед Императором.

Пол был твердым и чуточку ребристым, и стоять на коленях было неудобно. Кэноэ слегка сжал ладонь Кээрт и улыбнулся ей самым уголком губ. И увидел ответную полуулыбку.

Наверное, в этой невообразимо утомительной свадебной церемонии что-то было. Во всяком случае, как подумал Кэноэ, пройдя через все эти испытания, молодые супруги поневоле становятся ближе. Как минимум, они проникаются сочувствием друг к другу…

— Протяните правую руку к Алтарю, — раздался голос в приемнике.

Нет, свадьба в Императорской семье – это не тот случай, когда можно предаваться размышлениям об отвлеченных вещах. И Кэноэ снова сосредоточился на церемониале, стараясь правильно выполнять все положенные действия.

Это же страшно подумать: а вдруг, если он где-то ошибется, опять придется сделать второй дубль?

Вырваться из-под всевидящего ока телекамер им удалось только вечером, на Большом дворцовом приеме. Но легче им от этого не стало. Отнюдь. На свадьбу прибыло несколько сотен гостей, и каждый из них должен был лично принести поздравления молодым. Все это, в общем, еще можно было выдержать, однако каждая фраза этой церемонии жестко контролировалась протоколом, отчего вся процедура напоминала конвейер.

Выглядело это так.

"Мы рады вас видеть", — говорил Кэноэ в ответ на очередной поклон.

Гость снова кланялся и произносил стандартное поздравление, иногда добавляя в него пару слов от себя.

"Мы благодарим вас", — отвечала на это Кээрт, после чего они с Кэноэ должны были ответить кивками на последний поклон, и гость счастливо удалялся с чувством исполненного долга.

Следующий.

К концу первой сотни Кэноэ уже перестал запоминать имена и лица и проникся большим сочувствием к рабочим, занятым на конвейере.

И как они только выносят это весь день? Наверное, им не приходится выдерживать такой высокий темп, а на заводе конвейер время от времени все-таки останавливают…

Поклон.

— Мы рады вас видеть.

— Ваше высочество! Блистательная! Да благословят вас Звезды! И пусть укажут они вам светлый путь! Примите поздравления от губернатора покорной Императору 38-й провинции!… Рад встретиться с вами, ваше высочество, при более счастливых обстоятельствах.

— Спасибо, Почтенный. Я тоже очень рад вас видеть. Как идут восстановительные работы?

— Полным ходом, ваше высочество. Те разборные дома, о поставке которых вы тогда договорились, — просто настоящее спасение.

— Спасибо, — улыбнулся Кэноэ. — Я рад, что смог оставить по себе добрую память.

— О, в Гомзи все помнят вас, ваше высочество. И особенно вас, блистательная. Я привез вам привет от Асние. Она родила, три дня назад. Девочку назвали Кээрт в вашу честь.

— Я этого не заслужила, — Кээрт смущенно опустила ресницы. — Прошу вас, передайте ей мою благодарность. Я рада, что у нее все в порядке.

Стоп, о чем это Кээрт? Неужели она была в 38-й провинции после землетрясения? Ладно, оставим этот вопрос на будущее. Перед глазами уже торчит очередной гость, которого тоже нужно приветствовать…

— …Примите поздравление от скромного заместителя директора ничтожной фабрики в 28-й провинции…

Суорд!

— Вы, кажется, зачастили в Столицу.

— Вы удивлены, ваше высочество? Но я не мог пропустить

случай, чтобы выразить восхищение вами и (поклон) вашей молодой супругой. Вы просто великолепная пара!

— Вы считаете? (это Кээрт)

— Безусловно, блистательная. Вы становитесь легендой и, я бы сказал, самой прекрасной в мире легендой. Я и не смел надеяться на это. От всей души, желаю вам счастья.

— Спасибо.

Суорд снова поклонился, как положено по протоколу, и в мгновение ока растворился в толпе. Кэноэ уже устал удивляться, как ловко у него это получается.

Он вообще сегодня устал.

— …Поздравляю вас, ваше высочество, блистательная! Желаю вам любви и согласия, а пока – продержаться до конца этого дня!

Приятно, когда тебя, наконец, кто-то понимает. И немного даже удивительно, что нарушителем протокола становится старый служака маршал Гдэаск. Впрочем… у него появился второй ромб!

— Большое спасибо, флаг-маршал. Мы постараемся выдержать. И прошу прощения, я так и не прочитал ваши материалы о Филлине. К сожалению, в последние дни у меня было слишком много других забот.

— Оставьте их себе, ваше высочество. Может быть, у вас появится время и желание позже. Все равно, наверное, теперь я смогу увидеть вас не скоро.

— Почему?

— Я получил новое назначение, ваше высочество. За победоносное завершение Филлинской операции мне присвоено звание флаг-маршала, и завтра я отправляюсь на Таангураи, где приму командование округом.

— Передавайте привет моему отцу. Скажите, что у меня все хорошо, но я немного скучаю по нему и маме и очень хочу их увидеть.

— Обязательно, блистательная. Я непременно передам ему ваши слова и расскажу, какой прекрасной вы были сегодня! И я желаю удачи вам, ваше высочество. Я жалею лишь о том, что после моего отъезда из Столицы мое предложение будет благополучно забыто и похоронено в архивах.

— Я постараюсь сохранить вашу мечту, флаг-маршал, — сказал ему Кэноэ. — Не теряйте надежды. Может быть, брошенные вами зерна еще прорастут и расцветут пышным цветом. Я пока не знаю, чем я смогу помочь вам, но я постараюсь, чтобы ваши стремления не были забыты.

— Мы постараемся, — тихо добавила Кээрт.

Что она имеет этим в виду?! И вообще, не мешало бы выяснить, что знает его молодая жена о его интересах и знакомых?…

Но додумать до конца, как всегда не удалось. Флаг-маршал Гдэаск уступил свое место новому гостю…

— Мы рады вас видеть, — наверное, в тысячный раз произнес Кэноэ завязшую в зубах фразу и вдруг осекся.

Перед ним больше никто не стоял. Гости кончились. Все они уже поздравили молодых супругов и теперь толпились в зале, увлеченно разговаривая, выпивая и закусывая.

Кэноэ вдруг вспомнил, что еще не завтракал.

— Кэно, а давай удерем отсюда! — вдруг прошептала ему на ухо Кээрт. — Пока на нас никто не смотрит!

— Давай, — выдохнул ошеломленный Кэноэ. — Только пройдем, наверное, мимо вон тех столов. Не знаю как ты, а я, кажется, сильно проголодался!

Конечно, из их затеи ничего не вышло. Они едва успели стронуться с места, как на них с шумом и гиканьем налетела целая орда родственников и увлекла за собой к праздничному столу. И что самое обидное, на этом столе уже почти ничего не осталось.

Было, наверное, уже за полночь, когда этот бесконечный день, наконец, закончился. С шумом и песнями их всей толпой проводили в отведенные для них покои и заперли за ними дверь, навесив на дверную ручку целый ворох разноцветных лент. Еще некоторое время из коридора слышалась музыка, но затем и она стихла.

— Как я устал! — Кэноэ с облегчением сбросил прямо на пол парадную голубую мантию, которая страшно мешала ему весь день, особенно во время танцев. — Кээрт, ты хочешь пить?

Какая-то добрая душа поставила на столик возле гигантской кровати под балдахином большой кувшин сока и блюдо с десятью кремовыми пирожными.

— Да, пожалуйста, — Кээрт стояла перед огромным зеркалом и осторожно вынимала из своей прически многочисленные украшения. — Только немножко.

Кэноэ налил ей сока в высокий стакан и цапнул с тарелки пирожное. Оно было вкусным, но маленьким, и Кэноэ не успел оглянуться, как съел пять штук.

— Ешь еще, — не оборачиваясь, предложила ему Кээрт. — Я не голодная. Только помоги мне, пожалуйста.

Тщательно вытерев руки влажным полотенцем, Кэноэ помог

Кээрт снять с головы какую-то особо сложную диадему, а затем освободиться от ее чудовищного платья. В полупрозрачном нижнем белье Кээрт выглядела весьма соблазнительно, но Кэноэ сейчас было совсем не до того. Он чувствовал, что вот-вот рухнет без сил.

— Ты хоть спала сегодня? — участливо спросил он, наблюдая, как Кээрт расплетает волосы.

— Не-а, — слабо покачала головой Кээрт. — Мне всю ночь прическу делали. Так намучалась с ней…

— Так ложись спать, — Кэноэ откинул край легкого одеяла, от которого пахло цветами. — Завтра все сделаешь.

— Хорошо, Кэно…

Он прикрыл ее, уже спящую, одеялом, а затем, коснувшись переносного пульта, погасил свет и сам рухнул на мягкую обширную кровать, принявшую его в свои душистые объятия. И заснул, кажется, еще до того, как его голова коснулась подушки.

— Кто-нибудь, выключите это солнце!

Кэноэ открыл глаза и тут же заслонил их ладонью, спасаясь от яркого света. Что и говорить, о шторах вчера никто не позаботился.

Ну, шторы – это мелочь. Он вчера даже раздеться не позаботился. Нечего сказать, хорошо провел первую ночь. Рассказать кому-то – обхохочутся. Только он не будет никому рассказывать. И вообще, не о чем тут говорить!…

Кэноэ сердито чихнул и вдруг понял, что проснулся. Спустив ноги на пол, он осторожно взглянул назад. Кээрт спала, ее пышные волосы разметались по подушке, и Кэноэ с запоздалым сожалением подумал, что слуги, которые вот-вот зайдут в их комнату, разбудят ее.

Однако на этот раз привычный сигнал не сработал. Осторожно приоткрыв входную дверь, Кэноэ прислушался: Дворец был непривычно пуст и тих.

Ах да, конечно, сегодня праздник Спелых Ягод. Все, небось, на пикнике в парке, разжигают костры, надевают венки из цветов и листьев, слушают музыкантов и веселятся до самого заката… Дворец сегодня оставлен ему и Кээрт.

Она все еще спала, и Кэноэ внезапно почувствовал страх. Что он скажет Кээрт, когда она проснется? Что они будут делать вместе, одни? Может быть, разбудить ее поцелуем и заняться, наконец, с ней любовью? Нет, только не с Кээрт! Почему-то Кэноэ испытывал смущение. С другими девушками было просто, но ее словно окружал невидимый барьер, через который он не решался переступить.

Ожидание становилось невыносимым, и Кэноэ не выдержал. Тихо, чтобы не потревожить Кээрт, он скользнул за дверь и побежал по коридорам – все быстрее и быстрее.

В конце концов, ему нужно хотя бы сказать Грауху, что на некоторое время он будет вынужден отказаться от поездок в Старый Город… А Кээрт, если понадобится, свяжется с ним по браслету…

Старый Город тоже был тихим и пустынным. Большая часть его разнообразного населения предпочла провести праздничный день в Столице. На охраняемой стоянке, где Кэноэ обычно оставлял гравикатер, не было ни одной машины.

Кэноэ спешил. Он чувствовал вину перед Кээрт и почему-то продолжал надеяться, что успеет обернуться туда и обратно до того, как она проснется. Он почти бежал по опустевшим улицам Старого Города, который сегодня выглядел мертвым и заброшенным.

Однако когда спешишь, почему-то все идет не так, как надо. Торопясь, Кэноэ не заметил веревки, натянутой на уровне его щиколотки поперек одного из темных переулков. Прежде, чем он успел встать, кто-то рывком поднял его за шиворот и подтащил к стене.

— Вот это добыча! — услышал он удивленный голос. — Надо же! Да это наш прынц!

Проклятье! Это же банда Кривули, все пятеро! Граух рассказывал ему, что после того, как он задал им трепку, их прогнали из этого района. А теперь они, видать, вернулись. Как не вовремя!…

— И чего вам дома не сиделось, ваше высочество?! — главарь откровенно издевался.

Двое его подручных крепко держали Кэноэ за руки, закрутив их за спину, третий, нагнувшись, поспешно обматывал веревкой его ноги, а четвертый, молчаливый и длиннорукий, стоял наготове, поигрывая короткой дубинкой. Шансов не было.

— А ведь, говорят, у вас вчера свадьба была, — продолжал ухмыляться главарь, похоже, наконец, поверивший в свою удачу. — Что же вы это так, от жены сбежали? Видать…

Главарь отпустил пошлую шутку в адрес Кээрт, и все его подручные загоготали. Но никто из них не ослабил хватки. Кэноэ не пошевельнулся. Он уже вполне пришел в себя и выжидал, пока кто-либо из бандитов не предоставит ему шанс. Не будут же они вечно держать его за руки…

Кажется, это начал соображать и главарь.

— И что же нам с тобой делать, твое высочество? — произнес

он с легким оттенком беспокойства в голосе.

— Кончать его надо, — хмуро сказал длиннорукий. — Кончать, спрятать тело и валить куда подальше. Зря мы его взяли. Теперь если отпустим, нас и на дне океана сыщут. А так – мало ли, кто ему перо в бок сунул.

— Да ты что! — испугался один из бандитов. — Он же самого Императора племянник! Его нельзя!

— Всех можно, — зло сказал главарь. Кажется, ему хотелось перехватить инициативу у длиннорукого. — Глуши его, Муи, а там посмотрим.

Кэноэ напряг мышцы. Как только длиннорукий приблизится, он использует тех двоих у него за спиной как опору и ударит его ногами. Затем освободится от захватов и попробует…

Длиннорукий бандит, уже приготовивший свою дубинку, вдруг остановился. В переулке появился прохожий. Вначале он испуганно отшатнулся, но затем пошел дальше, делая вид, что не замечает ничего вокруг. Кэноэ приготовился. Бандиты явно хотели обойтись без свидетелей, и отсрочка была ему только на руку. Как только этот тип поравняется с главарем…

Сосредоточившись на собственных ощущениях, он почти не обращал внимания на прохожего. Кажется, это был подросток, одетый в свободную серую рубашку навыпуск и черные тренировочные брюки. На голове у него была высокая шапочка с длинным козырьком. Смотрел он подчеркнуто в сторону, всем своим видом показывая бандитам, что ничего не видит и не хочет ни во что вмешиваться.

Обогнув большую смердящую лужу, он вдруг оказался совсем близко.

— Эй, да ты… — начал главарь, но странный прохожий словно взорвался изнутри.

Мощным прыжком он взвился в воздух и резко выбросил вперед правую руку. Что-то дважды треснуло, в воздухе запахло озоном, и главарь вместе с длинноруким бандитом, выронившим свою дубинку, рухнули, словно подрубленные башни.

Этого момента Кэноэ дожидался давно. Державшие его руки на долю секунды ослабли, и этих мгновений хватило ему, чтобы освободиться. Долго концентрировавшаяся энергия нашла выход, и мощным рывком он разорвал стягивающие его путы. Обрывки веревки еще не успели упасть на землю, как он уже взвился в воздух, в прыжке нанося одному из бандитов удар в лицо.

Оставшиеся двое, как он помнил по прошлому разу, были ему не соперники. Одного он вырубил ребром ладони, второго подсечкой сбил с ног его неведомый помощник. Что-то снова треснуло, и последний бандит, дернувшись, затих.

— Однако, вы неплохо обращаетесь с шокером, — оценил Кэноэ, приводя в порядок одежду.

— Я знаю.

"Подросток" снял шапочку, легко тряхнул головой, и золотистые волосы свободно рассыпались по плечам.

— Кээрт?!

— Конечно, Кэно, — улыбнулась она ему самой чарующей из своих улыбок.

— А… а откуда… ты взялась?! — Кэноэ все никак не мог опомниться от потрясения.

— Прилетела за тобой. Ты же совсем как маленький, только стоило тебя отпустить одного, как ты тут же попал в историю.

Кээрт смеялась, и Кэноэ, подумав, как смешно он выглядит со стороны со своей оторопелой физиономией, тоже расхохотался и обнял Кээрт. Какой-то прохожий, сунувшийся вдруг в переулок, увидел целующуюся парочку среди пяти разбросанных неподвижных тел и в панике убежал, провожаемый новым взрывом смеха.

— Так как ты меня нашла? — отсмеявшись, спросил Кэноэ.

— Очень просто, — Кээрт посмотрела на него снизу вверх, не высвобождаясь из его объятий. — Ты ведь носишь тот браслет, что тебе подарил мой отец, верно? А он работает и как поисковик. У нас такие носят почти все, чтобы если кто потерялся или заблудился в степи, его можно было бы найти.

— Какой ужас! — Кэноэ в притворном испуге схватился за голову. — Так ты, выходит, всегда знала, где я нахожусь?!

— Нет, — серьезно ответила Кээрт. — Но если бы мне было надо, я нашла бы тебя и без браслета.

Обнимать ее было очень приятно, и Кэноэ решил, что господин Граух может и подождать.

— Поехали домой, — предложил он. — А то неудобно здесь как-то. И типы всякие вокруг валяются.

— Идет, — согласилась Кээрт. — Только чур, я сама тебя отвезу.

— Подожди, — Кэноэ остановился. — А как же мой гравикатер?

— Заберешь его, когда в следующий раз будешь в Старом Городе. За пару дней, думаю, ничего с ним не случится.

Кэноэ раньше не приходилось бывать в комнате Кээрт, и он с интересом осматривался по сторонам. Широкая кровать в углу, видеоэкран, письменный стол с персональным компьютером, книжные полки… И рисунки на стенах.

— Здорово! — сказал Кэноэ, остановившись перед красочной

картинкой с изображением фантастического города со странными плавными очертаниями без единой прямой линии. — Это ты сделала на компьютере?

— Да, — Кээрт подошла к столу. — На моем "Ушастике".

— На чем?

— Это так зовут мой компьютер, — засмеялась Кээрт. — Когда он плохо себя ведет, я беру его за уши… вот так… (Кээрт ухватилась по бокам монитора) и немножко его за них дергаю. Но он вообще-то у меня хороший, он меня слушается.

— Но ты рисуешь не только на компьютере? — Кэноэ показал на портрет светловолосой женщины. — Это ты рисовала?

— Я, — кивнула Кээрт. — Это моя мама.

— Я догадался, ты на нее похожа.

— Только он еще не закончен. Я только руки доделала.

— Руки красивые, — отметил Кэноэ. — У тебя есть талант. Знаешь, я в этом разбираюсь.

— Ты преувеличиваешь, — улыбнулась Кээрт. — Я ведь рисую только для себя. Я немного училась, но потом это пришлось прекратить.

Кэноэ уже заинтересовался новым рисунком. Полуобнаженная светловолосая девушка сидит посреди лесной поляны и держит на коленях странную зверушку, несколько других окружили ее со всех сторон.

— А это кто?

— Ты не замечаешь? — задорно усмехнулась Кээрт. — Помню, тебе эта книга очень понравилась.

Кэноэ снова вгляделся в рисунок. Только сейчас он заметил, что у зверей на нем было по шесть лап.

— Я понял! Это Аиле из книги "Племя черного грифона"! Только знаешь, она у тебя здесь прямо как лесная принцесса, а на самом деле, по книге, жизнь у нее была не слишком легкая.

— Я не умею рисовать некрасивых людей, — призналась Кээрт. — И мне кажется, она была по-настоящему красивой, внутренне. Ее все любили, и поэтому ей удалось сделать так много.

— А ведь это было на самом деле, — увлеченно сказал Кэноэ. — Триста с лишним лет назад, когда Коангахорэ только осваивали, маленькая девочка потерялась в лесу и прожила больше пятнадцати лет в племени диких туземцев, четвероруких. А когда она вернулась к людям, она всю жизнь работала над тем, чтобы наладить взаимопонимание между двумя расами. Я даже читал, что Динуэлт, которая написала эту книгу, — прямой потомок Аиле!

— У нее не было потомков, — тихо сказала Кээрт. — Ее

единственного сына убили "чистильщики", когда он хотел остановить их от нападения на поселок четвероруких.

— Тогда ты знаешь больше меня, — покачал головой Кэноэ. Ему стало немного стыдно: это ведь он всегда любил хвастаться своей осведомленностью по всякому поводу и без повода. Ему впервые пришла в голову мысль, что Кээрт может знать о многих вещах не меньше, чем он.

Чтобы скрыть смущение, он начал рассматривать большую стереофотографию. Молодая девушка в шлеме, из-под которого выбиваются длинные светлые волосы, мчится, пригнувшись, на скейтборде – узкой гравидоске с сенсорным управлением. Сама девушка яркая и в фокусе, а изображения вокруг несколько размыты, что только подчеркивает ощущение скорости.

— Это ты? — спросил Кэноэ.

— Да. У нас на Таангураи на скейтах гоняют все. Знаешь, у нас степи, простора много.

— И это твое? — Кэноэ показал на стоящий за стеклом кубок с фигуркой скейтбордиста наверху. — Ты что-то выиграла?

— Нет. Только третье место заняла.

— На чем?

— На юниорском чемпионате Таангураи.

— Ты стала третьей на первенстве планеты среди девушек?! — изумился Кэноэ.

— Почему среди девушек? У нас ребята и девушки соревнуются вместе. На скейтборде ведь сила не нужна, только ловкость. Тогда первое место тоже девушка заняла.

— Вот это да! — восхищенно сказал Кэноэ. — А почему ты в наших гонках не участвуешь? Ты бы всех шутя обогнала!

— Именно поэтому.

— Чем ближе я тебя узнаю, тем больше удивляюсь, — покачал головой Кэноэ. — Вот этот рисунок с рухнувшими домами – это Гомзи? Ты была и там?

— Была, — не стала скрывать Кээрт. — Я приехала туда на следующий день после тебя. Мы привезли теплую одежду, лекарства, медицинское оборудование и продукты. Я тебя даже видела на посадочной площадке.

— И я тебя видел! — воскликнул Кэноэ. — Только я не думал, что это ты! И вообще, что ты еще от меня скрываешь? Я смотрю, ты так много умеешь. Рисуешь на компьютере, читаешь больше меня, знаешь приемы борьбы, гоняешь на скейборде… и стреляешь ты, наверное, не только из шокера?

— Не только, — улыбнулась Кээрт. — Меня папа всему научил.

— И водишь ты лихо, — отметил Кэноэ. — Может, ты еще и

космические корабли умеешь пилотировать?

— Нет, этого мне еще не приходилось делать. Здесь ты меня обогнал, — развела руками Кээрт и звонко рассмеялась. — Я все больше наземные и воздушные машины…

— А что ты еще можешь?

— Кое-что могу, — кокетливо опустила глаза Кээрт. — Но мне кажется, тебе будет интереснее постепенно узнавать об этом самому.

— И все-таки странно, — Кэноэ в смущении взъерошил волосы на затылке. — Почему же я так мало о тебе знал?

— У нас на Таангураи есть одна поговорка, — хитро прищурилась Кээрт. — Если умеешь считать до дюжины, лучше остановись на восьми. А во-вторых, тебя раньше это не слишком интересовало.

— Какой же я был дурак! — покаянно сказал Кэноэ.

— Нет, Кэно. Просто тогда этому еще не пришло время. А сейчас ты повзрослел. Знаешь, Кэно, я сначала не хотела уезжать из дома. А когда увидела твою фотографию, поняла, что ты на самом деле хороший, только еще не нашел себя.

— А сейчас нашел? — спросил Кэноэ.

— Да, Кэно. Ты замечательный. И я очень рада, что мы теперь вместе и я могу помогать тебе в твоих делах. Я люблю тебя.

— Что ты сказала, Кээрт? Повтори, пожалуйста, — взмолился Кэноэ.

Кээрт сделала неуловимое движение и вдруг оказалась совсем рядом. От ее волос пахло знакомыми духами.

— Я сказала, что люблю тебя, Кэно. И готова повторять это снова и снова.

Кэноэ, не веря в свое счастье, крепко обнял ее. Барьер, который раньше отделял его от Кээрт, вдруг рухнул. Но уже увлекая ее к дивану, Кэноэ вдруг остановился на полдороге и громко рассмеялся.

— Ты чего? — спросила его Кээрт.

— Разве это не смешно? Я влюблен в самую прекрасную девушку в мире, а она, оказывается, уже моя жена!

Глава 65. Суд идет

— Свидетель, назовите ваше имя, место работы и род занятий.

— Лойсо Дуйнуфар, профессор биологии в зейгалапском университете.

— Это все?

— Ах, да. Член политсовета Движения за демократию в дистрикте Зейгалап.

— Вы знакомы с подсудимым?

— Да, в прошлом году он как-то выступал на заседании политсовета.

— И вы запомнили его по одному разу?

— Э-э-э… Да. У меня хорошая память на лица.

— Но можно ли сказать, что вы запомнили не столько подсудимого, сколько его выступление?

— М-м… Да, пожалуй. Оно было весьма, я бы сказал, радикальным.

— Шла ли в нем речь о насилии против представителей власти?

— Ну, можно сказать, в отвлеченной форме…

— Пожалуйста, отвечайте прямо на заданный вопрос. Говорил ли подсудимый о необходимости убийства полицейских?

— Да, но это была всего лишь строка из популярной…

— Достаточно. Скажите, а как отнеслись к этому другие члены политсовета?

— Я бы сказал, никак. Они…

— То есть, они не осудили предложенной подсудимым тактики террора по отношению к правоохранительным органам?

— Э-э-э… Слова господина Джойвара вряд ли можно было понять как призыв к совершению террористических актов. Они были восприняты как преувеличение, я бы сказал, шутка.

— Почему вы считаете призыв к террору шуткой?

— Прошу вас, дайте мне объяснить. Движение полностью отрицает идеологию насилия и никогда бы…

Майдер Билон зевнул и отложил в сторону блокнот, в котором он кратко конспектировал допрос свидетеля. Если уважаемый профессор Дуйнуфар и скажет что-то интересное, его слова все равно будут запечатлены на пленке магнитофона. В это, впрочем, Билон уже не слишком верил. Процесс, перипетии которого по-прежнему не сходили с первых полос газет, не вызывал в нем ничего кроме скуки и отвращения.

Завтра… Нет, уже сегодня вечером исполнится ровно две

недели, как он приехал в Зейгалап, полный надежд и желания самостоятельно и беспристрастно разобраться во всех обстоятельствах дела. И в итоге чувствует себя все больше запутавшимся.

Несообразности начались с самого первого судебного заседания, на котором прокурор потребовал осудить обвиняемого Корчера Джойвара не только по вполне обычной и скучной статье "Нанесение телесных повреждений государственному служащему в момент исполнения оным служебных обязанностей", но и по более чем двухсотлетней давности "Закону о бунтовщиках".

Данный закон был примечателен не только своей суровостью, так как предусматривал многолетнее тюремное заключение и даже смертную казнь, но и тем, что за последние сто семьдесят шесть лет по нему не было осуждено ни одного человека. Старые баргандские законодатели, введшие это положение в уголовный кодекс Горданы еще до обретения ею независимости, были людьми педантичными и установили в качестве абсолютно необходимого условия существование организации, поставившей своей целью насильственное свержение правительства страны. Зато при наличии таковой организации бунтовщиками, заслуживающими сурового наказания, становились все ее члены независимо от того, совершили они что-то противоправное или нет.

Во время принятия этого закона, в бурные годы незадолго до войны за независимость, подобная организация, бесспорно, существовала. Наличествовала она и сто семьдесят шесть лет тому назад, когда после поражения в Дахранской войне недовольные генералы, попавшие под резкое сокращение финансирования армии, решили взять реванш у себя дома. Но, по мнению Билона, попытка пришить Движению обвинение в подготовке насильственного свержения правительства была обречена на неудачу.

Тем не менее, процесс начался. В связи с серьезностью дела он был перенесен в городской суд Зейгалапа, поэтому первое заседание произошло на три дня позже запланированного срока. Стартовало оно с громкого скандала: представители обвинения выдвинули отвод судье, так как он был замечен в сочувствии Движению и даже посещал его митинги. После длительной перепалки, подробности которой смаковались всеми крупнейшими газетами и телеканалами, ходатайство было удовлетворено, но к тому времени уже наступили выходные.

На следующей неделе все, наконец, сдвинулось с мертвой точки. Однако после того как первый день ушел на чтение обвинительного заключения и выяснение обстоятельств

террористического акта, на несколько дней здание суда оккупировали какие-то странные личности, выступавшие с совершенно дикими и ничем не подкрепленными обвинениями в адрес Движения. Их, впрочем, внимательно выслушивали, прокурор задавал уточняющие вопросы, защитник вяло протестовал, а главный редактор постоянно требовал от Билона как можно более подробного изложения хода заседаний.

Последнее нравилось Билону все меньше и меньше. И вроде бы, он делал все правильно, сообщая читателям о ходе процесса и ничем не отступая от истины, но повторение в печати всей этой грязи, выливавшейся в адрес Движения, казалось ему надругательством над правдой. Билон чувствовал, что он в своих строго информативных статьях перестает быть нейтральным, добавляет свой голос в хор, осуждающий деятельность Движения, которому – в этом депутат Райнен Фремер был прав – не давали замолвить даже слова в свою защиту.

Черед защиты должен был наступить сегодня, но пока ничего интересного в зале суда решительно не происходило. Прокурор и профессор Лойсо Дуйнуфар уныло препирались по поводу того, можно ли считать призывом к террору цитирование Джойваром популярной среди молодежи песенки "Шлепни мусора" на каком-то собрании почти год назад, так что Билон решил, что магнитофонная пленка и в этот раз будет потрачена впустую.

Почти потеряв интерес к прениям, он обратил внимание на девушку, скользнувшую в зал через один из боковых входов. Он и раньше замечал ее на заседаниях – серьезную, молчаливую, с блокнотом и портативным магнитофоном такой же модели, что и у него самого, но так и не смог познакомиться. Она появлялась словно ниоткуда и исчезала в никуда после пресс-конференций, ни с кем не общаясь и никогда не засвечиваясь на журналистских тусовках.

Но сегодня у Билона появился шанс. Зал был, как обычно, почти полон, однако место рядом с ним почему-то пустовало, и девушка, тихо проскользнув вдоль ряда, присела на свободное кресло.

Пока она разворачивала свое хозяйство, Билон исподтишка разглядывал соседку. Симпатичная, даже, можно сказать, очень хорошенькая. Темно-русые волосы, собранные в короткий хвостик, приятное слегка удлиненное лицо с остреньким носиком и упрямым взглядом ясных серо-голубых глаз, ладная фигурка, где, как говорится, все на месте. Конечно, никакой конкурс красоты она бы не выиграла и на подиуме бы не блистала, но Билона почему-то влекло к ней.

Оставалась только самая малость – познакомиться с

девушкой и незаметно навязать ей свое общество. Но это было уже делом техники и опыта, которого Билону было не занимать.

Подходящая возможность представилась ему довольно быстро. После того, как свидетель и прокурор окончательно запутались в своих препирательствах, судья коротко посовещался с секретарем и объявил перерыв на полчаса. Зал зашумел, многие потянулись к выходу, однако таинственная соседка Билона осталась на месте, просматривая какие-то заметки. И Майдер Билон решил, что его час настал.

— Скажите, а какое издание вы представляете? — спросил он непринужденным тоном. — Я несколько раз видел вас на пресс-конференциях, но вы ни разу не задавали вопросов и не представлялись.

— Я не журналистка, — коротко ответила девушка, на секунду оторвавшись от своих бумаг.

— Прошу прощения. Однако вы так профессионально работаете. Я был уверен, что вы представляете какую-то газету или журнал. Тогда можно спросить о причине вашего интереса к процессу?

— Я студентка юридического факультета Зейгалапского университета, и Закон о бунтовщиках, вернее, его место в современной правовой системе – тема моей дипломной работы.

— Как интересно! — Билон ничуть не кривил душой. — И к каким выводам вы пришли на этот счет?

— Вам действительно это интересно? — девушка в упор посмотрела на Билона. — Или вас интересую исключительно я?

— И вы тоже, — рассмеялся Билон. Девушка нравилась ему все больше. — Но и с чисто профессиональной точки зрения мне очень хотелось бы узнать, как оценивают Закон о бунтовщиках специалисты. Пока все здесь выглядит несколько двусмысленно…

— Закону о бунтовщиках вообще не место в правовой системе демократического государства! — резко сказала девушка, положив бумаги на колени. — В нем применен порочный принцип коллективной ответственности, в то время как в современном обществе человек может быть признан виновным только в совершении конкретных противоправных поступков, а не в абстрактной принадлежности к некоей антигосударственной организации. В недобрых руках этот закон может превратиться в инструмент террора и беззакония!

— Хочется верить, что этого не произойдет, — пробормотал Билон. — Но тем не менее, в своем следующем материале я постараюсь отразить вашу мысль.

— Отрадно слышать, — в голосе девушки послышалась легкая ирония. — А в какой газете вы работаете?

— М-м-м… — заколебался Билон. Он уже составил некоторое представление о своей соседке и не хотел ее отпугнуть. — Наверное, это вам покажется страшным, но я представляю реперайтерскую газету "Курьер".

Билон не ошибся. На лице прекрасной незнакомки появилось брезгливое выражение.

— Подождите, — Билон поднял вверх руки, словно защищаясь. — Не спешите осуждать меня. Я знаю, что в газете, где я работаю, часто публикуются материалы, которые вызывают у вас… э-э-э… не самые добрые чувства. Но не надо возводить напраслину на весь журналистский цех. Я лично ни в чем таком не был замечен, работал себе в отделе городских новостей…

— …И вас взяли и отправили сюда, — с иронией закончила девушка.

— Нет. Сюда меня отправили намного позже. А сначала я попал в далекую страну, которая называется Зерманд. И три с лишним месяца назад я там случайно наткнулся на пришельцев. Сейчас, конечно, мне в этом даже неудобно признаваться, но тогда я стал очень знаменитым. Вот мне и стали получать всякие важные темы.

— Вам?

— Да, мне. Меня зовут Майдер Билон. И я, увы, "тот самый" Майдер Билон, который первым написал о прибытии пришельцев. Лучше бы мне, конечно, никогда их не видеть…Но я уже ничего не могу изменить.

На несколько секунд наступила тишина.

— Если вы таким образом решили меня "снять", боюсь, вы не достигли своей цели, — наконец, сухо сказала девушка.

— Вы мне не верите? — обиделся Билон. — Ну, хотите, я покажу вам свое журналистское удостоверение. Или давайте, я вам расскажу о Зерманде. Я, в конце концов, прожил там почти полтора года и даже немного знаю их язык. Знаете, как будет на нем "Здравствуйте"? *"Хетшу тшегуу, гвари". "Гвари"* — это "прекрасная", так там принято обращаться к девушкам. И вообще, в зермандском языке пять типов обращений на "вы". Одно слово употребляется только в обращении к вождю, второе – к уважаемым людям, третье – к знакомым, четвертое – к детям, а пятое – к замужним женщинам. Я даже из-за этого однажды попал впросак!

— И как?

Билону хотелось надеяться, что он не ошибся, уловив в этих словах подобие интереса.

— Однажды, это было через несколько дней после моего приезда, у меня состоялась встреча с министром иностранных

дел. Я решил блеснуть знанием местного языка и спросил свою переводчицу, как будет по-зермандски "Благодарю вас за интересную беседу". Вот она и ответила… применительно к себе и с этим самым пятым типом слова "вас". В общем, поговорили мы с министром, а в конце я ему с гордым таким видом и ляпнул: "Благодарю вас, мадам".

— И что? — улыбнувшись, спросила девушка.

— И ничего. Министр по своей должности уже имел дело с иностранцами и не обиделся. А мог бы и на дуэль вызвать. А дуэль по-местному – это, знаете, поединок на таких коротких мечах, и проводится он на площадке типа боксерского ринга. Противника на нем нужно или ранить, все равно, куда, или заставить его прижаться спиной к канатам. Причем, прежде чем ты признаешь себя побежденным, нужно, как минимум, трижды скрестить мечи, а за три-то касания меня бы любой местный дуэлянт уделал. Они мечом владеть с детства учатся.

— Я от вас просто в восторге, — сказала девушка с немного ехидной улыбкой. — В девяноста девяти случаях из ста вы бы достигли своей цели. Но я, к сожалению, — сотый случай. Я очень польщена, что вы читали записки Нойнокса, но я их тоже читала!

— Вы имеете в виду Найнера Нойнокса? — удивленно спросил Билон. — Оказывается, он был еще и писателем?! В нашем посольстве в Дурдукеу висел его портрет, но я никогда не слышал о его записках. Он что, там описал и зермандский язык с его пятью "вы", и дуэли?…

— Описал. Как и многое другое. Но давайте на время прервем этот увлекательный разговор и вернемся к делу. Кажется, перерыв заканчивается.

— Хорошо, — пробормотал Билон. Он все еще никак не мог прийти в себя. — Но скажите, хотя бы, как вас зовут?

— Орна, — девушка посмотрела на морально раздавленного Билона и добавила: – Орна Маруэно. И я, кажется, верю, что вы почти ничего не придумали.

— Спасибо.

Билон медленно возвращался к работе. В зале появились новые люди. Присмотревшись, он узнал в одном из задних рядов депутата Райнена Фремера, окруженного небольшой группой людей. Все они выглядели озабоченными и обеспокоенными. Кроме того, резко возросло количество полицейских, занявших места вдоль стен.

— Встать, суд идет! — раздался голос судебного секретаря, и заседание возобновилось.

Теперь разговор шел уже по-другому. Прокурор резко нападал на профессора Дуйнуфара, задавая ему вполне невинные

на первый взгляд вопросы, но с двойным дном. Их провокационность, кажется, была видна всем… кроме самого профессора. Он, похоже, не замечал, что его ответы, относившиеся к отдельным инцидентам и вырванным из контекста фразам, можно интерпретировать как систему.

— …Вероятно, суду уже неоднократно приходилось выслушивать заявления свидетеля о том, что Движение полностью отвергает идеологию насилия, — прокурор умело повысил голос в конце фразы. — Однако только что мы с вами выслушали несколько в высшей степени правдивых историй о деятельности так называемых отрядов самообороны, созданных Движением. Как мы только что убедились, в их действиях, может, и не присутствует идеология насилия, однако применяется самая, что ни на есть, практика насилия! Вы согласны с этим, господин профессор? Или вы считаете, что сопротивление стражам порядка или идеологическим противникам с помощью палок, камней и резиновых дубинок можно считать ненасильственным?!

— Э-э-э… Вероятно, такие действия и в самом деле можно признать насильственными, — растерянно сказал профессор Дуйнуфар. — Но…

Но это только самозащита, мог бы добавить за него Билон. Движение старалось давать отпор вооруженным молодчикам, при полном попустительстве полиции нападавшим на мирные демонстрации, но оно никогда не открывало боевые действия первым. Обвинитель откровенно передергивал факты, это мог понять всякий, мало-мальски знакомый с истинным положением вещей. Однако профессор Дуйнуфар, похоже, был не готов к такому повороту. Он промедлил и пропустил свой ход, а прокурор в это время уже начал новую атаку.

— Полагаю, мне нет необходимости напоминать суду о тех благородных целях, которые, согласно заявлениям свидетеля, преследует Движение. Но! Как вы все, вероятно, могли убедиться, для их реализации требуется самая малость – власть в государстве! Я задаю вопрос уважаемому свидетелю: ставит ли Движение перед собой задачу завоевание власти?!

— Да, — профессор Дуйнуфар уже, кажется, пришел в себя. — Ставит. Но исключительно конституционными методами, через получение большинства голосов на всеобщих выборах.

Билон добавил бы еще, что стремление к власти естественно для любой политической партии – иначе, для чего они создаются? Но профессор прошел мимо этой возможности, из-за чего его ответ оказался немного грубоватым.

— Очень хорошо! — прокурор поднял вверх палец. — Но тогда ответьте на такой вопрос: может ли Движение рассчитывать

на победу на ближайших выборах?

— Вряд ли, — профессор Дуйнуфар покачал головой. — Выборы в нашей стране недемократичны и нечестны. Они постоянно фальсифицируются, на них происходят манипуляции с голосами избирателей, власти оказывают давление на избирательные комиссии. В таких условиях нам трудно надеяться на победу.

— Я полагаю, суд вынесет частное определение в адрес свидетеля, позволившего себе высказать эти возмутительные и голословные обвинения, выдвинутые против самой демократической в мире горданской избирательной системы, — прокурор придал своему голосу великолепную интонацию пренебрежения. — Но давайте, господа, сложим два и два. Из собственных слов господина свидетеля мы выяснили, что так называемое Движение за Демократию стремится к власти. Однако при этом оно признает полную невозможность добиться этой цели в рамках всеобщих демократических выборов. Что же тогда остается Движению, которое на словах отвергает идеологию насилия, но на практике активно ее использует?! Только насильственное свержение власти! Надеюсь, мне удалось показать суду корни тщательно замаскированной преступной деятельности организации, претенциозно именующей себя Движением за Демократию! И я требую осудить обвиняемого, который неоднократно признавался к принадлежности к этой группировке и полном разделении ее взглядов, по всей строгости закона!

— Вот это да! — вырвалось у Билона. — Поправьте меня, если это не так, но ведь он не привел ни одного веского факта!

— А у него и не может быть фактов, — откликнулась Орна Маруэно, сидящая в кресле очень прямо и с плотно сжатыми губами. — Это все игра словами, которую не имеет права принять в качестве доказательства ни один нормальный суд!

Кажется, это начало доходить и до профессора Дуйнуфара.

— Позвольте! — возмущенно начал он. — Вы исказили мои слова! Я хочу сделать заявление…

Слова профессора потонули в шуме и громких криках "Позор!", доносящихся из задних рядов. Полицейские, стоящие вдоль стен, начали озираться, но так и не тронулись с места.

— Тишина в зале! — судья хлопнул деревянным молотком по столу. — Есть ли у обвинения еще вопросы к свидетелю?

— Никаких! — прокурор раскланялся, словно артист, закончивший выступление.

— Защита?

— У меня нет вопросов, — адвокат даже не встал со своего места.

По залу снова прокатилась волна шума. Защитник с самого начала процесса вел себя крайне пассивно, выбрав, по мнению Билона, в высшей степени сомнительную стратегию. Всеми силами он старался убедить суд, что его подзащитный, который, как известно, действовал в одиночку, просто попал под преступное влияние и поэтому не может считаться самостоятельным в своих деяниях. Что самое интересное, подсудимый явно не возражал против этой линии защиты и принимал в ней посильное участие, хотя любой мог бы в этой ситуации сообразить, что признание виновным по Закону о бунтовщиках обещало куда более серьезные неприятности, чем наказание за нанесение телесных повреждений лицу при исполнении.

Раньше Билона это просто удивляло, но теперь стало настораживать. То, что судья, как говорится, свистит в одну сторону, он понял с самого начала. Однако в последнее время он стал подозревать, что игра вообще ведется в одни ворота. И все же, спрашивал он себя, чего хотят добиться организаторы этого процесса? Признать Движение преступной организацией? Для этого у них не хватало ни фактов, ни доказательств, и даже красноречие прокурора не выглядело в этом смысле достойной заменой…

— Тишина в зале, — еще раз повторил судья. — Свидетель, вы свободны.

Профессор Дуйнуфар с низко опущенной головой побрел прочь от судейского стола. Билону было жаль его.

— Вызываю следующего свидетеля. Господин Шен Брагер!

— Вот он им покажет! — азартно прошептала Орна Маруэно. — Его им уже так просто не сбить с толку!

Из небольшой группы людей, окружавшей Райнена Фремера, поднялся высокий и крупный человек лет пятидесяти. Широкими шагами он двинулся к свидетельскому месту, по дороге сказав что-то одобряющее расстроенному профессору. Билон повернул голову и заметил, что Дуйнуфар сел в то самое кресло, которое раньше занимал новый свидетель. Фремер начал что-то говорить профессору, судя по плавным жестам, успокаивая его.

Однако свое слово профессор Дуйнуфар уже сказал. Билон поудобнее устроился в кресле и приготовился слушать нового свидетеля.

— Назовите ваше имя, место работы и род занятий.

— Шен Брагер, член национального конвента Движения за демократию.

— Это высокая должность?

— Да. Я один из тех, кто определяет политику нашей

организации в целом.

— Как вы можете прокомментировать заявление подсудимого о том, что его действия были совершены под влиянием идеологии Движения?

— Эти слова не соответствуют действительности.

— Почему?

— Движение не поддерживает террористические акты, направленные против представителей власти, поскольку считает их на данный момент преждевременными.

По залу пронесся легкий шум. Повернув голову, Билон заметил, как Райнен Фремер привстал с места.

— Тишина в зале! — сердито прикрикнул судья. — Что вы имеете в виду под словом "преждевременными"? Вы хотите сказать, что время для террористических актов придет позже?

— Совершенно верно, — голос Шена Брагера слегка дрогнул.

Снова шум, еще громче. Билон видел, как Фремер и люди из Движения недоуменно переглядываются друг с другом. Рядом напряженно застыла Орна Маруэно, на ее лице начало медленно проступать выражение неподдельного страдания. И только магнитофон продолжал невозмутимо мотать свою ленту.

— Предупреждаю, нарушители будут выведены из зала суда! — стук молотка по столу резко оборвал тревожный ропот. — Продолжайте, господин Брагер. Вы подтверждаете, что Движение в будущем перейдет к использованию насильственных методов борьбы за власть?

— Подтверждаю, — словно через силу ответил Брагер.

— Ваши слова противоречат тому, что было сказано предыдущим свидетелем, — внезапно вскочил с места адвокат. — Все выступавшие ранее представители Движения отвергали насилие!

— Все выступавшие ранее представители Движения не были членами национального конвента, — мгновенно отреагировал Брагер, и у Билона возникло впечатление, что он был заранее готов к такому вопросу. — Никто из рядовых членов Движения не посвящен в подробности наших дальнейших планов.

— И в чем заключаются эти планы?

— На нынешнем этапе национальный конвент считает основной целью вовлечь как можно больше людей в акции, осуществляемые Движением, — демонстрации, марши протеста, манифестации… — Брагер говорил все увереннее, но Билона не оставляло ощущение, что он повторяет хорошо выученную роль. — …Когда эти мероприятия приобретут массовость, отряды самообороны начнут провоцировать столкновения с полицией, чтобы вызвать ответные действия и, таким образом, поднять

недовольство среди населения. Благодаря искусной пропаганде это возмущение будет направлено в нужное русло, и тогда придет черед новой фазе. Будут организованы массовые беспорядки, в ходе которых Движение рассчитывает захватить власть – сначала в ряде крупнейших дистриктов, в том числе, и в дистрикте Зейгалап, а затем и во всей стране…

— Это ложь! — раздался громкий голос из задних рядов. — Брагер, вы лжете! Я официально заявляю, национальный конвент Движения за Демократию никогда…

— Я требую соблюдать тишину! — громкий вскрик судьи и дробь, выбиваемая молотком по столу, заглушили слова Райнена Фремера. — Немедленно вывести нарушителей порядка из зала!

Два десятка до того спокойных и молчаливых полицейских, безучастно подпиравших стены и подоконники, внезапно сорвались с места и набросились на Райнена Фремера и окружавшую его группу людей. Без излишних церемоний они скрутили их и выволокли наружу под потрясенное молчание зала

— Да здравствует наш суд, самый беспристрастный суд в мире! — звонким от негодования шепотом произнесла Орна Маруэно, и Майдер Билон сжал ее за руку.

Сам Билон чувствовал не столько негодование, сколько гадливость. На что могли рассчитывать режиссеры этого безумного спектакля? Зал набит журналистами, из него ведут репортажи аж четыре телекомпании… Неужели они не понимают, что нарываются на страшный скандал?

Однако ни одна из телекамер даже не дернулась в сторону полицейских, выталкивающих из зала депутата парламента Райнена Фремера и его товарищей. Коллеги-журналисты старались не смотреть друг на друга, пряча глаза. Билон, взглянув на возмущенную Орну Маруэно, тоже потупил взор. Он понял, что и сам не сможет включить этот эпизод в свою статью о событиях сегодняшнего дня, а если и посмеет, редактор все равно выбросит его или изменит, как ему потребуется.

Внезапно Билона пронзила страшная мысль. А что если все журналисты, получившие аккредитацию на этот процесс, не смеют или не будут писать правду?! Тогда те, кто стоят за этим спектаклем, могут быть спокойны за свою безнаказанность: любой одинокий голос, который попытается честно рассказать о том, что здесь происходит, окажется погребенным под лавиной лжи.

Привычная картина мира вдруг пошла широкими трещинами. Билон никогда не верил ни в какие заговоры, но только что он лично убедился в существовании, как минимум, одного: заговора против правды.

— У меня больше нет к вам вопросов, господин Брагер.

Прокурор с триумфом повернулся к притихшему залу, а член национального конвента Движения за Демократию медленно пошел на свое место, даже не дожидаясь слов адвоката о том, что он тоже не имеет к нему никаких вопросов.

По сторонам Шен Брагер старался не смотреть. Он сел посреди пустого ряда, где раньше были места представителей Движения. Кто-то сразу же попробовал подобраться поближе к нему, но был остановлен решительным запрещающим жестом.

В это время прокурор подошел к судейскому столу и начал совещаться с судьей, показывая ему какие-то бумаги. Билону стало скучно. Он уже догадался, что последует дальше.

— Следующее заседание суда в интересах национальной безопасности объявляется закрытым, — объявил судья. — Просьба всем покинуть зал.

— Вы уже уходите? — окликнул Билон Орну Маруэно. — Погодите. Сейчас можно будет пойти пообедать, а через пару часов вернуться сюда. После того как закончится закрытое заседание, кто-нибудь выглянет из бокового выхода и организует утечку информации.

— А разве вам не ясно, что они скажут?! — Орна Маруэно задержалась лишь на секунду. — Или вам все равно, лишь бы дать очередную сенсацию для вашей газетенки?! Вы хоть понимаете, что здесь произошло?! Конечно, понимаете! Только у вас никогда не хватит смелости, чтобы написать правду!

— У меня хватит смелости, — Билон угрюмо смотрел в землю. — Но у моего начальства могут найтись более важные приоритеты, чем правдивое описание событий.

— Сочувствую, — холодно отрезала Орна Маруэно. — Вам не повезло с начальством.

— Но вы придете завтра? — спросил Билон.

— Обязательно. Моя дипломная работа с каждым днем становится все актуальнее.

— Тогда я займу для вас место! — крикнул Билон уже в спину удаляющейся Орне Маруэно. Он даже не понял, услышала она его или нет.

Не самое удачное начало знакомства. Однако думать об этом не было времени. Из здания суда вышел Шен Брагер, навстречу ему двинулся Райнен Фремер. Билон едва успел оказаться рядом.

— Вы лжец и негодяй! — высокий хрупкий Фремер отвесил массивному Брагеру оглушительную пощечину. — Вы исключаетесь из рядов Движения!

— Это самое лучшее, что вы могли бы для меня сделать, — хрипло ответил Брагер, косясь на обступивших его

журналистов. — Я бы и сам не остался в вашей преступной организации.

— Преступник здесь только один, — презрительно бросил Фремер. — Это вы! Вначале мне казалось, что вас запугали, но я, очевидно, ошибся. Вы – предатель! Что же, идите – зарабатывайте ваши грязные деньги!

Переступая своими длинными ногами, Фремер разорвал круг и пошел прочь, не оглядываясь. Билон, поколебавшись всего секунду, последовал за ним. "Господин Брагер, расскажите, как Движение хочет захватить власть в Гордане?" – услышал он за спиной чей-то нетерпеливый вопрос, но не обернулся. От ответа на него он не ждал ничего нового.

Билон нагнал Фремера только на автомобильной стоянке.

— Подождите! — окликнул он его. — Вы не откажетесь ответить мне на несколько вопросов?

— Господин Билон? — Фремер стремительно обернулся. — Я узнаю вас. И как, вы составили собственное беспристрастное и непредвзятое мнение о процессе?

— Составил, — мрачно скривил губы Билон. — Я бы назвал это издевательством, насмешкой над правосудием.

— Иногда мне кажется насмешкой употребление самого слова "правосудие" применительно к тому, что порой творится у нас, — хмыкнул Фремер. — Кстати, мне приходилось видеть и более вопиющие случаи.

— А что вы собираетесь делать в данном конкретном случае? — спросил Билон. — Вы будете опровергать заявление Шена Брагера?

— Всенепременно, — кивнул Фремер. — Правда, это вряд ли что-либо изменит.

— Но почему?

— Простую ложь опровергнуть относительно несложно, — медленно произнес Фремер. — Большую ложь – намного труднее, поскольку абсурдным обвинениям тяжело противопоставить рациональные доводы. Но хуже всего, когда ложь подается вперемешку с правдой и заботливо подрезанной полуправдой. Этому почти невозможно противостоять.

— Значит, Брагер был в чем-то прав?

— Он был очень правдоподобен. Именно так мы и должны были действовать, если бы стремились к власти – любой ценой. Наше Движение – весьма пестрая организация, объединенная, в основном, неприятием существующих порядков. И некоторые из наших товарищей слишком нетерпеливы. Подобные разговоры велись, причем даже и на уровне национального конвента. Другое дело, что такая политика никогда не была и не стала бы

политикой всего Движения.

— Вы считаете, что не сможете это доказать? — спросил Билон.

— Я считаю, что нам не представят такую возможность. Движение в информационной блокаде. Вот вы сами сможете написать так, как было на самом деле?

— Такое у нас не напечатают, — угрюмо сказал Билон. — Но ведь есть и другие…

— Наша "Утренняя звезда" имеет тираж триста тысяч экземпляров – на всю страну. Но ее и так читают наши сторонники, которым не надо ничего доказывать. Других средств массовой информации в нашем распоряжении нет. После "Заявления Двенадцати" все общенациональные телеканалы контролируются президентской администрацией. Большинство крупных газет нам враждебны, а дружественные и нейтральные издания заставили замолчать.

— Мне тяжело в это поверить, — покачал головой Билон. — Можно заткнуть рот одной, двум, пяти газетам, но разве можно проделать это со всеми сразу? И неужели те люди, которые раньше поддерживали вас, так легко поменяют свое мнение из-за нескольких публикаций?

— Заставить газеты молчать о некоторых вещах не так сложно, как кажется, — пояснил Фремер. — Для этого достаточно сделать такие темы неудобными. А между тем, очень многие люди в нашей стране склонны доверять тому, что пишется в газетах и, особенно, показывается по телевизору. Если даже самую невероятную ложь повторять достаточно часто и настойчиво, в нее начинают верить. У любого политического движения есть небольшое число искренних сторонников и примерно столько же непримиримых противников. Но в нашем обществе, где решения – по крайней мере, в теории, — принимаются через выборы, все зависит от позиции пассивного большинства, которое может испытывать к нам симпатию, неприязнь или вовсе не замечать. Сейчас в обществе старательно насаживается именно неприязнь к Движению.

— Признаться, я до сих пор не могу понять, зачем это надо, — скептически заметил Билон. — То, о чем вы говорите, требует, наверно, громадных усилий и денег. Поддерживать такую кампанию достаточно долго просто слишком накладно, а до выборов еще целых три с лишним года.

— А никто и не собирается ждать так долго. Процесс завершается завтра. У вас есть сомнения по поводу его исхода?

— Пожалуй, нет.

— Следующим шагом должно неизбежно стать признание

Движения преступной организацией. Благодаря заблаговременной пропагандистской обработке нас можно будет задушить относительно тихо. Если мы попробуем протестовать, вывести людей на улицы, большинство не пойдет за нами.

— Каждый спросит про себя: "А вдруг в том, что говорят о Движении, что-то есть?", — подхватил Билон. — Но вы ведь не собираетесь покорно ждать этого, сложа руки?

— Не собираемся. К тому же, мы получили заблаговременное предупреждение. В виде той самой информационной блокады.

— И как…

— Позвольте мне не отвечать на этот вопрос, — без улыбки сказал Фремер. — Я бы не хотел раскрывать раньше времени некоторые наши секреты.

— Что же, я понимаю вас, — пожал плечами Билон. — Тогда можно еще два вопроса? Как вышло, что представлять Движение на сегодняшнем заседании стал именно Шен Брагер? Вы ничего не подозревали?…

— С вашего разрешения, я ничего не буду отвечать и на этот вопрос, — коротко сказал Фремер. — Сейчас я не в состоянии говорить на эту тему спокойно и объективно. Задавайте лучше вопрос номер два.

— Хорошо, — не стал настаивать Билон, хотя ему показалось, что Фремер чего-то недоговаривает. — Скажите, почему вы рассказали все это мне? Я ведь тоже отношусь к вашим недругам, а в газете, где я работаю, вряд ли может появиться нетенденциозная информация о вас.

— В отличие от многих ваших коллег, вы хотите разобраться со всем самостоятельно, а не решили все для себя заранее и не идете на поводу у большинства, — ответил Фремер. — Меня привлекает в вас стремление к поиску истины. Я желаю вам сохранить его – вопреки всему.

— Спасибо, — пробормотал Билон. — Я постараюсь.

Но говорить легко, а на самом деле перед Билоном встала непростая задача. В Реперайтере ждали от него ежедневного репортажа о ходе процесса, и Билон был в затруднении. Он не мог и не хотел заставлять себя лгать, однако и вся правда о том, что произошло в этот день, была невозможна.

"Нужен разумный компромисс, — бормотал про себя Билон, уставившись на чистый лист бумаги, торчащий из пишущей машинки. — Главное – достичь компромисса… Компромисс, компромисс, вызываем всех на бис…"

Словно гипнотизируя себя, он твердил слово "компромисс", пока оно не разлезлось на части, превратившись в бессмысленный

набор звуков. Из транса его вывел только негромкий сигнал часов.

С ума сойти! Меньше чем через час ему уже сдавать готовую статью, а у него пока нет ни одной строчки! Торопясь, Билон нервно забарабанил по клавишам машинки, не обращая никакого внимания на ошибки и опечатки.

Статья шла тяжело и, очевидно, ее вряд ли можно было отнести к лучшим образцам его творчества. Билон то и дело останавливался, зачеркивал одну или несколько фраз, возвращался обратно…

"…Сильный шум в зале помешал профессору Дуйнуфару дать достойный ответ на словесную эквилибристику обвинения", — отпечатал Билон последнюю фразу очередного абзаца и снова остановился. Подумав, он убрал слово "достойный", которое могло бы подвигнуть редактора на вычеркивание всего предложения. Затем, снова поразмыслив, добавил к "словесной эквилибристике" определение "изощренную", это придало всему выражению слегка отрицательный оттенок.

Вздохнув, Билон приступил к описанию следующего эпизода. Время поджимало, вернее, его совсем не было, но он не спешил, чувствуя себя, как сапер на минном поле, и старался тщательно подбирать слова. "Согласно сообщению Шена Брагера…", "Как заявил Шен Брагер…", "Шен Брагер сказал, что…" – эти и подобные им обороты появлялись у него почти в каждой фразе. Таким образом Билон пытался создать впечатление, что за скандальными разоблачениями Брагера не стояло ничего, кроме его собственных утверждений.

"Присутствовавший на заседании суда депутат парламента от Движения за Демократию Райнен Фремер пытался опровергнуть обвинения Шена Брагера, но на этот раз судья проявил принципиальность, и при первом же намеке на возможность нарушения тишины все члены Движения были удалены из зала…" Билону понравилась эта фраза, которая неплохо гармонировала с "сильным шумом в зале", заставившим замолчать профессора Лойсо Дуйнуфара.

Билон почувствовал, что статья наконец "пошла", и ускорил темп.

"После завершения заседания Райнен Фремер, обвинив Брагера в предательстве, объявил об его исключении из рядов Движения…" – возникло на бумаге следующее предложение. Билон улыбнулся ее двусмысленности. То ли Брагера назвали предателем за то, что он выдал тайные планы Движения, то ли он изменил своим товарищам, дав мощный козырь в руки их гонителям. Билон надеялся, что среди его читателей найдутся

сторонники и второй точки зрения.

"В ближайшие дни Движение собирается выступить с официальным опровержением, — продолжал Билон. — Но, по словам Райнена Фремера, крайне сложно противостоять мешанине из правды, полуправды и откровенной лжи. Движение представляет собой весьма неоднородную организацию, и подобные радикальные предложения могли быть озвучены, причем на самом высоком уровне. Однако насильственный захват власти никогда не был, да и не станет официальной политикой Движения…"

Подумав, Билон вычеркнул два последних предложения. Под умелым пером редактора они вполне могли превратиться в признание Движением обвинений в свой адрес.

Вообще, гадко, когда, обдумывая будущую статью, начинаешь размышлять не о том, как точнее изложить свои впечатления на бумаге, а как написать, чтобы не слишком покривить душой. Плод желанного компромисса получался у Билона неуклюжим и кособоким и вызывал у него чувство, напоминавшее брезгливость.

Зато ему оставался всего один абзац, и Билон снова взялся за пишущую машинку, стараясь не смотреть на часы. Все равно, он уже просрочил время.

"Последнее заседание этого дня было объявлено закрытым, исходя из интересов национальной безопасности. По словам одного из его участников, пожелавшего остаться неизвестным, речь на нем шла о якобы имевших место тайных закупках оружия представителями отрядов самообороны Движения. Правда, какие доказательства были представлены обвинением, до сих пор остается и, по-видимому, навсегда останется тайной".

По идее, мыслящий читатель мог бы понять, что таких доказательств нет вообще (судя по тому, что секретарь суда, через которого обычно организовывались все утечки, на это раз не сказал ничего конкретного, как бы его ни расспрашивали журналисты, так оно и было). Тем не менее, заключительная фраза не понравилась Билону сама по себе – она была слишком вычурной и неуклюжей. Он задумался о том, как бы переделать ее на что-то более удобочитаемое, но его размышления прервал телефонный звонок.

— Это вы, Билон? — раздался в трубке нетерпеливый голос дежурного редактора. — Мы уже целый час ждем вашу статью!

— Я как раз закончил, — виновато сказал Билон. — Все готово.

— Хорошо, — голос редактора исчез, и его сменила стенографистка. — Диктуйте.

Билон начал торопливо читать статью, по пути исправляя

ошибки и стилистические погрешности. В готовом виде материал нравился ему ничуть не больше, чем в процессе его написания.

— И все же это компромисс, компромисс, — пробормотал Билон, вешая телефонную трубку.

Он пытался избавиться от чувства гадливости, но ничего не помогало. Просто Билон пока еще не мог признаться, даже самому себе, что между честностью и подлостью не может быть никаких компромиссов.

В конце концов, Билон понял, что больше не может оставаться наедине с телевизором в опостылевшем гостиничном номере. Он спустился на первый этаж, в бар, и почти сразу заметил одиноко сидящего за столиком Бэлла Флокасса – заведующего отделом криминала в "Реперайтерском вестнике" – популярной газете, постоянно балансировавшей на грани популярного и просто бульварного издания. С Флокассом Билон познакомился еще несколько лет назад, когда только осваивал азы журналистики, и в некоторой степени даже считал его одним из своих учителей.

— Присаживайтесь, Майдер, — Флокасс тоже заметил Билона. — Что, не сидится на одном месте?

— Не сидится, — Билон присел за столик, отодвинув в сторону наполовину полный стакан Флокасса с прозрачной жидкостью, от которой тянуло спиртом. — Что с вами? Раньше мне казалось, что всем напиткам на свете вы предпочитаете пиво.

— Мер-р-рзко! — рявкнул Флокасс, опрокинув в себя стакан. — Майдер, не притворяйся, будто ты ничего не понимаешь. Я двадцать три года в журналистике! Я лично писал всякую пургу, только чтобы поднять этот чертов тираж! Но я давно не встр-р-речался с таким пас-скудством!

— И вы тоже? — тяжело спросил Билон. — Но ведь ваш "Вестник" – влиятельная и независимая газета. Неужели ваше начальство так внезапно воспылало ненавистью к Движению?

— Не называйте мне это слово, — проворчал Флокасс, и Билон вдруг увидел, что он не так пьян, как хочет казаться. — Вы помните историю с "Ведомостями"?

— Нет, — покачал головой Билон. — А когда это было?

— Этим летом, через пару месяцев после выборов. Да, вы тогда сидели в этом, как его…

— Зерманде, — подсказал Билон.

— Да, Зерманде! "Ведомости" на выборах поставили не на того бойца. Они очень лихо топили Кирстена, тиснули про него несколько весьма правдоподобных историек, копали его связи с Союзом "Возрождение"… Сразу же после того как Кирстен встал у руля, у них начались неприятности с налоговой. А потом они как-

то опубликовали интервью с каким-то депутатом, который назвал своих оппонентов по какому-то закону глубоко некомпетентными людьми… Эти "некомпетентные люди" оказались обидчивыми ребятами и подали на газету в суд иск о защите чести и достоинства… Все ожидали, что в худшем случае все ограничится штрафом в пару тысчонок, но суд удовлетворил иск полностью! На два с половиной миллиона! Газета разорилась, сейчас она уже давно не выходит, хотя раньше имела более полумиллиона подписчиков… Мексли Ронайс… Вы знаете Мексли Ронайса?

— Начальник пресс-службы президента?

— Он самый. Так вот, Мексли Ронайс и не скрывал, что это его рук дело. А пару недель назад нашего главного предупредили, чтобы он прекратил сочувственно относиться к Движению… После "Ведомостей" все знают, что эти парни способны исполнить свои угрозы…

— Но независимых газет много, — покачал головой Билон. — Они могут разорить одну или две, но им не хватит ни сил, ни времени, ни влияния на всех!

— Не хватит, — мрачно согласился Флокасс. — Но никто не хочет высовываться первым. Все боятся вызвать удар на себя. Это ведь бизнес, Билон, ничего личного!… Стр-р-аха р-ради!… А д-давайте, Майдер, закажем еще одну бутылку – на двоих!

— Давайте, — пожал плечами Билон. — Только чувствую я – ничего это не поможет…

Билон оказался прав. Посиделки с Флокассом, затянувшиеся за полночь, не принесли ему ничего, кроме головной боли наутро.

Шагая по давно знакомой дороге под моросящим холодным зимним дождем, он купил в киоске несколько газет и, зайдя в кафе, чтобы выпить утреннюю чашку скайры, жадно развернул свежий номер "Курьера".

И не удержался от сдавленного ругательства. Все его вчерашние ухищрения пропали даром. Редактор просто выбросил все те места, где Билон пытался намекнуть на истинное положение вещей и изложить позицию Движения. Кроме того, рядом со статьей, подписанной его именем, соседствовал обширный редакционный комментарий, в котором Движение обвинялось во всех мыслимых грехах. Все вместе это производило настолько отталкивающее впечатление, что Билон даже не нашел в себе силы дочитать колонку до конца. Брезгливо выбросив газету в урну, он закончил свой путь в мрачном молчании.

Преступление совершалось на его глазах – и при его посильном соучастии, и как ему противостоять, Билон не знал. А

между тем, начинался уже последний день процесса.

Глава 66. Государственные интересы

"…Сенсацией завершился очередной день процесса по делу Корчера Джойвара. Шен Брагер, член национального конвента Движения за Демократию, признал, что руководство Движения втайне от рядовых членов организации разрабатывало планы насильственного захвата власти в Гордане. По некоторым сведениям, на состоявшемся вчера закрытом заседании суда была представлена информация о тайных закупках оружия так называемыми отрядами самообороны Движения, что косвенно подтверждает заявление Шена Брагера…".

Корчер Джойвар мелко и ехидно засмеялся и сделал еще один глоток ароматной скайры. Ему всегда было забавно смотреть в новостях сюжеты о самом себе. В такие минуты ему хотелось свысока подсказать телевизионщикам: "О чем вы тревожитесь? И к чему поднимать такой шум? Все сложится так, как давным-давно решено, и завершится так, как изначально предусмотрено…".

Впрочем, нет. Изначально предусматривалось совсем другое окончание. Но неделю назад ему сделали новое предложение, расширяющее его роль и дающее ему право – без всякого преувеличения – войти в историю.

Конечно, он согласился. Он запросил с них немало, но они были щедры, очень щедры, и теперь на его номерном счете в банке "Северо-восток" лежат уже не двести, а все триста тысяч брасов! Номерном, поскольку теперь ему точно придется поменять имя – ведь согласитесь, человеку, приговоренному, как бунтовщику, к смертной казни, будет сложно как ни в чем не бывало жить на свободе под собственной фамилией.

Джойвару не было жаль своего старого имени. Оно принадлежало неудачнику, а богатый и уважаемый человек, который через пару лет выйдет из ворот тюрьмы, будет зваться совсем по-другому…

В последние дни он развлекался, придумывая себе новые имена и биографии. Сегодня он был лорд Брук Кабездан Дукайский – потомок знатного баргандского рода, один из отпрысков которого еще в прошлом веке отправился за океан в поисках богатства и приключений. Джойвар состроил скучающую мину и манерно отставил в сторону мизинец – именно так, по его мнению, должны были пить скайру баргандские аристократы в шестнадцатом поколении. Решительно, эта маска нравилась ему больше всего. Надо будет попросить его куратора – он наверняка разрешит ему стать лордом Кабезданом…

Лязг двери.

— Да-а? (презрительно, слегка оттопырив нижнюю губу) Уже вре-емя?

— Да, господин Джойвар. Собирайтесь. На выход без вещей.

Опять этот суд! Просиживать несколько часов подряд в душном зале, заполненном какими-то плебеями. Но ничего, сегодня – последний день, день его триумфа! Джойвар напоследок проглядел листок бумаги с речью, с которой он должен выступить в суде. К счастью, учить ее наизусть было не обязательно – как сказал ему куратор, запинки, паузы, неуклюжие словесные конструкции только придадут ему естественность, а журналисты потом поправят все так, как нужно… Ладно, пора идти.

Дверь камеры с лязгом захлопнулась за его спиной. А хорошо бы, если бы ему позволили просидеть в этой камере весь положенный срок. Если бы не железная дверь с волчком и решетка на крохотном окошке, можно было бы поверить, что он живет в одноместном номере в роскошной гостинице. Мягкий диван, ковер на полу, пикантные картинки на стенах, телевизор, холодильник, обеды из ресторана, спортивный тренажер в уголке… Даже девку ему как-то привели… и обещали, между прочим, повторить сегодня вечером… Да он на воле не жил так шикарно, как в этой тюрьме!

В длинном черном бронеавтомобиле, доставлявшем его в суд, на него, как всегда, надели наручники. Джойвар не протестовал: понимал, что это такая же часть антуража, как и железная клетка, в которой ему приходится пребывать в зале суда. За триста тысяч (триста!) можно вытерпеть и не такое.

Судебная процедура в этот день тянулась как жевательная резинка, и Джойвар еле сдерживал нетерпение. Он повторял про себя свою речь и испытывал незнакомое чувство томления.

Может быть, так чувствуют себя актеры перед выходом на сцену? Нет! Это слишком низко для лорда Кабездана. Его ощущения, скорее, сродни волнению парламентария перед тем, как он поднимется на трибуну!

— Подсудимый, вам предоставляется последнее слово!

Вот он, его миг!

Встать, поправить воображаемый платочек в нагрудном кармане, негромко откашляться. Руки – на перекладину скамьи, они должны оставаться совершенно неподвижными. Лорд Кабездан должен демонстрировать спокойствие и невозмутимость.

— Господа судьи! (то, что судья один, ничего не меняет: так принято) Почтеннейшая публика!

Джойвар увидел и почувствовал, что объективы телекамер и глаза всех присутствующих в зале обращены на него. Приняв исполненную достоинства позу и благородно-высокомерное выражение лица (со стороны это выглядело так, что подсудимый выпятил грудь и скривился, как будто у него вдруг заболели зубы), он начал.

— Я не прошу у вас ни милосердия, ни снисхождения. Я преступник и, безусловно, заслуживаю самого сурового наказания. Поднимая свой пистолет, я поднял руку не на безымянного полицейского – нет, моей мишенью был весь существующий порядок, который я и мои товарищи глубоко ненавидим и презираем! Государство и все его прислужники – наши смертельные враги! Нам ненавистно само слово "Гордана", если ею правим не мы! Мы отвергаем никчемную и продажную демократию, если это не наша демократия! Вы считаете, я бунтовщик?! Да! Вы считаете, я заслуживаю смерти? (взгляд упереть в объектив ближайшей телекамеры, голос понизить до трагического шепота) Да! Потому что я – ваш враг! (правую руку сжать в кулак и ударить по перекладине) Если вы подарите мне жизнь, я не приму у вас эту никчемную подачку! Я ни в чем не раскаиваюсь и жалею лишь об одном – моя рука оказалась недостаточно твердой, и пуля не поразила противника прямо в сердце! Я пришел слишком рано, но Движение за Демократию остается, и за мною придут легионы беспощадных убийц! Смерть полицейским! Чиновникам! Торгашам! Продажным писакам, банкирам и велосипедистам! (ой! Кажется, о велосипедистах в бумажке ничего не было. Ничего, журналисты потом поправят)

— Суд удаляется на совещание.

А теперь можно позволить препроводить лорда Кабездана в комнату отдыха…

На этот раз его привели в небольшую комнатку с узким зарешеченным окном и кушеткой вдоль стены. Джойвар прилег на нее и постарался принять позу поудобнее – после такого эмоционального выступления нужно расслабиться, да и вообще, сегодня вечером он должен быть бодрым и отдохнувшим. Можно даже немного поспать – все равно, судья проведет в совещательной комнате не меньше полутора часов.

Однако вздремнуть не удавалось. Джойвару мешали голоса, смутно доносившиеся из-за стенки. Вначале он пытался не обращать на них внимания, но голоса постоянно будили его, тревожили, отвлекали от сладких грез. Особенно раздражало его то, что они были почти членораздельны и казались ему знакомыми. Чтобы избавиться от неприятного ощущения,

Джойвар приложил ухо к стене и прислушался. И был вознагражден вполне разборчивой фразой.

— …Господин адвокат, вы же получили свой гонорар. Что вам еще надо?

— Я бы хотел, чтобы вы поместили его в один из банков "тридцатки".

Ломкий, слегка высокий голос. Неужели это действительно его адвокат?

— А чем вас не устраивает банк "Северо-восток"?

Это голос его куратора из секретной службы!

— Понимаете, насколько мне известно, с недавних пор "Северо-восток" – это ваш банк. И что вам мешает одной рукой положить деньги на счет, а другой – вернуть их обратно? Особенно, если точно известно, что настоящий хозяин уже никогда не объявится.

— Господин адвокат! Это же несерьезно! С чего вы взяли, что мы хотим вас… э-э-э… ликвидировать?

— Джойвара вы же ликвидируете!

— Не ликвидируем, а приведем в исполнение приговор, вынесенный судом. Это совершенно другое дело. Поверьте, вам ничего не угрожает.

— (нервный смешок) Вы бы сами посчитали меня дураком, если бы я поверил вам на слово.

— Ну какие вам нужны еще гарантии?! Это только в плохих детективах из свидетелей наваливают штабеля трупов! Зачем нам возиться потом с вашим телом, придумывать версии для полиции, ваших родственников, знакомых, возбуждать подозрения? Вы и дальше будете работать в нашей системе. Квалифицированные адвокаты нам всегда пригодятся.

— Боюсь, что после этого провала…

— Полноте! Вы ведь сделали все, что могли, верно? Потом в разговорах с коллегами будете с сожалением упоминать об этом экзальтированном идиоте Джойваре, который не слушал ваших советов и сам себя раскрутил на высшую.

— (слабым голосом) Я лучше уеду. В Телларну, Урумбиду, на Круглый океан…

— А вот этого я вам не советую. Дома, в привычном окружении, вы в куда большей безопасности, чем за границей. Кого там будет заботить исчезновение какого-то иностранца? Прекратите трястись, приведите в порядок свои нервы, и будем работать дальше. До скорой встречи.

Голоса за стеной стихли, а потрясенный Корчер Джойвар сел на кушетке и схватился руками за голову. Ситуация вдруг повернулась к нему неожиданной и неприятной стороной. В

отчаянии он хватался то за одну, то за другую соломинку, но все они ломались при первом же прикосновении. Деньги?! Триста тысяч на его счете?! Если адвокат прав, они так и не покинут банка! Помилование?! Заранее написанное прошение на имя президента?! Кто сказал, что Лёрид Кирстен его подпишет?! А в голове его стучало исполинским молотком: "Приведем в исполнение приговор…". Приговор… в исполнение… О, ужас! Он сам, лично, только что попросил себе высшей меры!

Корчер Джойвар метался по крохотной комнатке, но нигде не находил выхода. Он в ловушке, в смертельной западне, и дверь окончательно захлопнулась за ним! У него нет выхода! Нет?!!?

Спустя короткое время за ним пришли, и Джойвар на подкашивающихся ногах потащился обратно в зал суда. Мозг лихорадочно просчитывал и тут же отбрасывал варианты. В клетке он едва не лишился чувств и выслушивал долгое чтение приговора, вцепившись в перекладину статьи подсудимых.

— …На основании Закона о бунтовщиках от пятого третьего 5152 года, суд приговаривает Джойвара Корчера, тридцати четырех лет, к высшей мере наказания – смертной казни! — раздалось в голове Джойвара похоронным набатом.

Десятки любопытствующих, изумленных и негодующих лиц завертелись у него перед глазами, и, цепляясь за остатки реальности, Джойвар истошно закричал, перекрывая стук судейского молотка и неровный шум в зале.

— Это все неправда! Мне заплатили люди из секретной службы! Они дали мне двести тысяч, чтобы я выстрелил в полицейского, а затем признал свою вину! Я им до этого продавал информацию о Движении! Это все подстроено, подстроено! Они писали на бумажке все, что я должен был говорить!…

Полицейские замешкались, открывая дверь в клетку, а Джойвар кричал, зажмурив глаза и вцепившись в перекладину. Он называл подробности, имена и даты, слова сыпались из него как из разорванного мешка вперемешку со слюной и нечленораздельным визгом. Он совсем зашелся криком, когда сильные руки схватили его, отодрали от скамьи подсудимых, зажали рот и потащили прочь. Это был уже не человек, а кусающееся, лягающееся и визжащее нечто, и за порогом зала рассудок окончательно оставил Корчера Джойвара.

Зал к этому времени походил на растревоженный улей. Все уже были на ногах, кто-то в задних рядах, уже поняв, в чем дело, пытался выбраться наружу, но полицейские в дверях вежливо, но непреклонно отталкивали самых нетерпеливых обратно.

— Внимание! — мощный голос внезапно перекрыл окружающий шум. — Всем вернуться на свои места и соблюдать тишину!

На возвышении перед столом судьи, испуганного скорчившегося в своем кресле, словно ниоткуда появился высокий широкоплечий человек в длинном черном плаще. В его голосе была резкая властность, и его словам подчинились. Шум в зале стал понемногу стихать.

— Благодарю, — человек в плаще слегка наклонил голову. — Я сожалею о происшедшем только что инциденте и прошу вас о нем забыть.

— Как это забыть?! — раздался в наступившей тишине одинокий голос, кажется, Бэлла Флокасса. — И кто вы такой?

На последний вопрос мог бы ответить Корчер Джойвар, наверняка узнавший бы своего куратора, час назад ведшего разъяснительную беседу с адвокатом, но Джойвара уже не было в зале.

— Будем считать, я из секретной службы, — человек в плаще попытался улыбнуться, но вышла у него лишь кривая усмешка. — Во имя государственных интересов Горданы я требую, чтобы последние нечленораздельные выкрики подсудимого навсегда изгладились из вашей памяти!

— Так это была правда?! — раздался чей-то голос из глубины зала. — И весь этот процесс от начала и до конца был сфабрикован?!

— Какое это имеет значение?! — "представитель секретной службы" заметно нервничал. — В любом случае, мы не позволим никому из вас бросить тень на горданское правосудие! Вы все должны быть патриотами нашей страны и понять…

— Быть патриотом – это не значит покорно повторять ложь, которую вы пытаетесь скормить народу, прикрываясь высокими интересами! — отважно закричал Бэлл Флокасс. — В Гордане свободная пресса!

— Если вы не способны понять, мы вас заставим! — человек в плаще, похоже, справился с волнением. — При выходе из зала суда все вы сдадите аудио и видеоматериалы и дадите подписку о неразглашении! А если кто-то из вас попробует где-то что-то вякнуть в какой-то газетенке, я обещаю ему за это уютный тюремный срок, а газете – быстрое и скорое закрытие! Вы поняли?!

Шум в зале достиг предела. На все еще работающем магнитофоне Билона загорелась красная лампочка, показывая слишком большую силу звука. На лицах полицейских, выстроившихся у входных дверей, появилось выражение мрачной

решимости.

— Вы все записали?! — повернулся Билон к Орне Маруэно.

— Все, — Орна, как ни странно, оставалась спокойной посреди гвалта.

— Дайте сюда кассету!

— Зачем?

— Дайте кассету! — Билон чуть ли не силой вырвал магнитофон из рук девушки. — Я знаю, как ее пронести наружу!

Это подействовало. Орна Маруэно замолчала и вопросительно посмотрела на Билона. Суматоха продолжалась, полицейские были отвлечены на людей, которые снова пытались прорваться через кордон, человек в плаще смотрел в ту же сторону, и Билон проворно вынул кассету из своего магнитофона, мгновенно засунул на ее место кассету Орны и захлопнул крышку.

— Прикройте меня, — прошептал Билон Орне Маруэно, хотя в окружающем шуме вполне можно было и прокричать.

Тем не менее, Орна Маруэно услышала. Она сместилась в сторону и начала протискиваться между Билоном и креслами переднего ряда, на несколько мгновений закрыв его от посторонних взглядов. Этого времени хватило Билону, чтобы, расстегнув куртку, просунуть кассету с опасной записью в рукав. Она скользнула куда-то вглубь, и Билон порадовался, что у его куртки тесные манжеты, которые не позволят ей выпасть наружу. А еще, что ему дали в дорогу именно этот магнитофон новейшей модели, использующий компактные кассеты. Традиционную бобину с пленкой он наверняка не смог бы спрятать ни при каких обстоятельствах.

Тем временем, в зале удалось навести какой-то порядок. Одну из дверей приоткрыли, но перед ней уже выстроилась целая группа полицейских. Через этот кордон можно было пройти только по одному, и всем там распоряжался человек в плаще. Похоже, он выиграл этот раунд.

Толпа успокаивалась на глазах, и Билон поспешил использовать оставшиеся у него в запасе мгновения. Он подхватил свои записи и потащил Орну Маруэно за собой к ближайшему окну. Радиатор парового отопления под подоконником закрывала плита из ДСП, оставляя наверху только небольшой промежуток, впрочем, достаточно широкий, чтобы просунуть через него плоский магнитофон размером с толстую книгу. Не говоря не слова, Билон протолкнул в щель магнитофон Орны Маруэно и облегченно вздохнул, услышав, как он застревает где-то за батареей.

— Что вы делаете?! — охнула Орна.

— Я куплю вам новый! — огрызнулся Билон. — Скорее, нам нужно смешаться с толпой и как можно быстрее выбраться из зала, пока они не стали вспоминать, у кого что было!

В действительности, Билон прошел через кордон где-то в середине, что тоже имело свои преимущества. Полицейские, пропустившие уже не один десяток людей, потеряли ретивость и не стали серьезно обыскивать его, ограничившись поверхностным прохлопыванием по бокам (сам Билон в это время стоял, держа руки в стороны), пока человек в плаще прослушивал запись с магнитофона. Удовлетворившись, он вынул кассету и небрежно отбросил ее в сторону, в целую кучу подобных трофеев.

— Вам возместят ее стоимость, — сказал он почти любезно. — А сейчас, пожалуйста, присядьте и напишите, что вы обязуетесь не разглашать информацию, случайно полученную вами сегодня. Да, возьмите этот лист бумаги. Диктую…

Орну Маруэно слегка задержали, и Билону пришлось ждать ее не меньше десяти минут.

— Наконец-то! — вырвалось у Билона, когда он увидел Орну, покидающую здание суда. — Пойдемте отсюда!

— Мне нужна кассета, — тихо, но твердо сказала Орна Маруэно, когда они отдалились на безопасное расстояние в два квартала.

— Зачем она вам? — слегка усмехнулся Билон. — Эта запись вряд ли пригодится вам в написании дипломной работы.

— Она мне нужна, — повторила Орна; к удивлению Билона она даже не пыталась кокетничать или как-то по-другому использовать свою несомненную привлекательность. — В конце концов, я имею право на какую-то компенсацию, раз вы ради нее выбросили мой магнитофон.

— Я же сказал, я куплю вам новый. И большой букет самых красивых цветов в качестве компенсации, — Билон продолжал играть, хотя опасался, что начинает перегибать палку. — А вообще, зачем простой студентке такой дорогой и сложный звукозаписывающий аппарат?

— Я могу быть и не простой студенткой, — Орна остановилась, в упор глядя на Билона своими светлыми серо-голубыми глазами.

— Позвольте не поверить, — Билон, не дрогнув, ответил на этот взгляд своим. — Не простая студентка была бы одета во что-то дорогое, нацепила бы серьги с камушками, распространяла бы вокруг себя запах дорогих духов и обязательно приехала бы на машине. Да и для чего ей такой магнитофон? Музыкальных записей на кассетах еще не появилось в заметных количествах, для серьезных занятий музыкой такая аппаратура не подходит…

Что тогда остается, лекции записывать?

— Он мог быть мне нужен и для других целей, — улыбнулась Орна. Похоже, она приняла игру.

— Не сомневаюсь. И я даже догадываюсь, для каких.

— Интересно было бы послушать.

— Сегодня я купил свежий номер "Утренней звезды", — начал Билон, следя за реакцией Орны Маруэно (ее не последовало). — Там есть большая статья, описывающая вчерашние события на процессе, причем, я готов поклясться, что ее автор лично присутствовал на всех заседаниях, включая закрытое. Подписана эта статья неким Тидом Грумманом, что, по моему скромному разумению, всего лишь творческий псевдоним. И кто бы мог подумать, что под ним скрывается скромная простая студентка юридического факультета?…

— Интересная догадка, — скучающим голосом произнесла Орна. — И как вы к ней пришли?

— Скорее всего, я бы ни к чему не пришел. Но я обратил внимание, что автор, рассуждая о месте Закона о бунтовщиках в правовой системе Горданы, слово в слово повторяет ваши вчерашние высказывания. А когда я дошел до ссылки на некоего реперайтерского журналиста, который опасается гнева своего начальства, у меня не осталось никаких сомнений. Итак, что же скажет в ответ Тид Грумман?

— Что это мне урок – никогда не использовать в статьях слова второй свежести, — слегка через силу улыбнулась Орна. — Но теперь вы понимаете, насколько важна для меня эта запись? Вам, скорее всего, не дадут ею воспользоваться, а для "Утренней звезды" – это щит, который прикроет нас от удара.

— Давайте договоримся так, — предложил Билон. — Я дам вам сделать копию со своей записи. Вы сможете это устроить?

— Да, — кивнула Орна. — Сегодня же.

— Тогда сколько времени вам нужно, чтобы все организовать? Полтора, два часа? Оставьте телефон, по которому вас можно будет найти, и когда будет все готово, мы встретимся, и я передам вам кассету.

— А пока она будет у вас? — спросила Орна.

— Да. Это страшная вещь, и я не могу оставить вас наедине с ней. Орна, милая, не думай, что я параноик (Билон незаметно для себя перешел на "ты"), но я боюсь, что плохие парни могут знать о твоих связях с Движением. Убедись, что все безопасно, что вы сможете сегодня же скопировать запись, и тогда мы встретимся.

— Где мне найти тебя? — Орна снова остановилась и посмотрела Билону в глаза. — Давай, я тебя найду, как только все будет готово.

— Вообще-то, я живу в гостинице "Салют", номер 414. Но меня до вечера там не будет. Не беспокойся, я ведь считаюсь "прирученным" журналистом, я послушно сдал запись, дал подписку о неразглашении, и меня никто не будет подозревать. А я обязательно тебе позвоню. Обещаю.

— Хорошо, Майдер, — Орна провела рукой по его руке. — Вот, возьми эту карточку. Я буду там не позже, чем через полтора часа и буду ждать твоего звонка. Только, пожалуйста, позвони. Ты знаешь, как это для меня важно.

Майдер Билон смотрел ей вслед, пока она не села в автобус на остановке. А потом заглянул в ближайший магазин и наменял там целую пригоршню жетонов. Позвякивая ими в кармане куртки, он зашел в телефонную будку и набрал номер своего главного редактора.

С главным его соединили почти сразу.

— Это вы, Билон? — послышался знакомый голос в телефонной трубке. — У вас уже все закончилось? Имейте в виду, от вас требуется материал, по меньшей мере, на тысячу слов. Мы держим под него первую полосу!

— Вы правы, это настоящая сенсация, — медленно сказал Билон. — Но, наверно, не та, которой вы ожидали.

— То есть как?

— После прочтения приговора Джойвар признался, что работал на секретную службу! Ему заплатили за то, чтобы он выстрелил на демонстрации в полицейского, а потом дал на процессе нужные показания! Это была дикая сцена! Его несколько минут не могли утихомирить, а за это время он выговорил столько, что хватило бы на целую полосу!

На несколько секунд в трубке наступила тишина.

— А стоит ли доверять этому типу? — раздался, наконец, обеспокоенный голос. — Помнится, по прежним материалам вы сами характеризовали его как легко возбудимого истерика…

— Это еще не все! — крикнул в трубку Билон. — Сразу же после того, как приговоренного вытащили из зала, перед нами выступил какой-то тип из секретной службы, который фактически во всем признался! Процесс и на самом деле был сфабрикован! Если мы дадим такой материал, это будет сенсация года!

— Такой материал нельзя давать! — зло откликнулся редактор. — Нас немедленно закроют!

— У меня есть доказательство! — с триумфом произнес Билон.

— Что?!

— Магнитофонная запись! Там есть и прочтение приговора, и выкрики обвиняемого, и даже откровения типа из секретной

службы!

— Там все это есть?! — в голосе редактора прозвучали откровенно панические нотки.

На секунду Билон заколебался. Магнитофон еще ни разу не подводил его, но техника всегда отличается тем, что дает сбои в самый ответственный момент. Однако отступать было уже поздно.

— Должно быть, — сказал он. — Запись шла. Мне удалось вынести кассету из зала. Она сейчас при мне.

— Это невероятно, — прошелестел в трубке голос редактора. — Но линия нашей газеты…

— Разве в Гордане нет независимой прессы?! — перебил его Билон. — Эту историю невозможно скрыть! В зале присутствовали полторы сотни журналистов из нескольких десятков изданий! Такое шило обязательно вылезет из мешка! А имея запись, мы можем выступить первыми и прогреметь на всю страну! В конце концов, мы только поможем президенту, обратив его внимание на своеволие его помощников! Они же ставят его репутацию под удар! Как говорят, услужливый дурак хуже врага!

— Все это так, так, — пробормотал главный редактор. — Но я не могу прямо сейчас принять такое ответственное решение… Давайте, я перезвоню вам, часика через два…

— Я еще не знаю, где буду через два часа, — сказал Билон. — Я сам перезвоню вам, в четыре часа, хорошо? Тогда вы и скажете мне ваше решение. А статью я потом сделаю за час, и номер не придется задерживать.

Редактор снова задумался на несколько секунд.

— Ладно, — наконец сказал он. — Буду ждать вашего звонка. Ровно в четыре.

Билон повесил трубку и вышел из телефонной будки. Дождь не прекращался, и он пожалел, что оставил машину в гараже гостиницы. Однако возвращаться Билон не стал. Кассета, которая до сих пор пряталась в рукаве его куртки, казалась ему слишком опасным грузом, чтобы появляться с ней в том месте, где его легко могли найти. Вместо этого он немного прошелся по улицам, выбирая самые людные места, а затем зашел в крупный универмаг, переполненный людьми, пришедшими на распродажу.

Слежка все еще чудилась Билону на каждом углу, и он сначала зашел в отдел стекла, где долго ходил между стеллажами, пытаясь уловить отражения преследователей в многочисленных зеркалах, а потом, вспомнив детективные романы, проследовал в секцию женского белья. Там он честно покрутился несколько минут, делая вид, что выбирает комбинации, проконсультировался с продавщицей на тему того,

какой фасон будет самым модным в следующем весеннем сезоне, и в конце концов, для очистки совести, спустился на один этаж, где походил среди мужских рубашек и сорочек. После этого он мог с уверенностью сказать, что слежки за ним, скорее всего, нет.

Покинув универмаг через самый оживленный выход, Билон зашел в кафе, где, сидя за самым дальним столиком и рассеянно попивая горячую скайру, прослушал извлеченную из рукава кассету. К его облегчению, техника на этот раз не подвела. Запись, конечно, не отличалась высоким качеством, но для профессиональной воспроизводящей аппаратуры это, конечно, не было помехой.

Посмотрев на часы, он со вздохом покинул теплое кафе и позвонил из ближайшего автомата Орне Маруэно. Она откликнулась почти мгновенно, словно дежурила у аппарата.

— Рада тебя слышать, — сказала Орна, и Билону хотелось думать, что это не было просто дежурной любезностью. — У меня все готово.

— Так где встретимся? — спросил Билон. — Я сейчас нахожусь…

— Не надо, — оборвала она его. — Знаешь, где памятник адмиралу Скайнирду?

— Кажется, да, — неуверенно протянул Билон. — Это на той площади, где универмаг и световая реклама "Таки"? А на пьедестале памятника два скрещенных якоря?

— Совершенно верно, — Билону даже показалось, что он видит, как она улыбается. — Сможешь быть там через двадцать минут?

— Я буду через пятнадцать, — с улыбкой произнес Билон. — С той стороны, где якоря. Хорошо?

— Хорошо, — ответила Орна и положила трубку.

Билон все-таки знал Зейгалап не слишком хорошо и чуточку опоздал. Орна Маруэно уже ждала его и вышла навстречу ему, обогнув высокий шестигранный пьедестал памятника. Увидев ее, Билон отметил, что она очень удачно выбрала место встречи – эта небольшая площадь, похоже, была популярной точкой для свиданий, и на фоне множества молодых парочек они ничем не выделялись. Одета была Орна в темно-синюю короткую куртку из плащевой ткани и черные облегающие брюки, на ее темно-русых волосах, выбивающихся из-под берета, застыли капельки дождя – обычная студентка, которых вокруг были десятки.

— Привет, — сказал Билон, весьма натурально обняв Орну. — Извини, я слегка задержался.

— Ничего страшного, — ответила она, увлекая его в сторону от памятника и площади. — Давай зайдем в это кафе. Там всегда

полно народу, и никто ни на кого не обращает внимания.

— Вот кассета, — с некоторым напряжением произнес Билон, когда они уединились за крохотным столиком среди множества пьющих пиво и скайру и громко разговаривающих молодых людей. — Я проверял, качество записи нормальное. Это бомба.

— Майдер, не волнуйся, мы все сделаем, — Орна ободряюще коснулась его руки. — Через два часа твоя драгоценная кассета будет у тебя. Позвони мне по тому же номеру.

— Хорошо, — Билон достал из кармана карточку, повертел ее в пальцах и вернул Орне. — Знаешь, пусть у меня не останется ни одной ниточки, которая приводила бы к тебе. А номер я помню наизусть.

— Пусть будет так, — Орна улыбнулась и снова посмотрела ему в глаза. — Тогда мы опять на время расстанемся, а через два часа я буду ждать твоего звонка. Береги себя.

— Главное, ты береги, — серьезно попросил ее Билон. — А что я? Со мной ведь ничего не может случиться…

До четырех было еще немного времени, и Билон провел его в кафе, попивая скайру и набрасывая в блокноте начало будущей статьи. Той самой, где все описывалось так, как оно было на самом деле.

Без пяти четыре он, расплатившись, вышел из кафе и завернул за угол, где еще раньше приметил телефонную будку.

— Вы очень точны, Билон, — одобрительно заметил главный редактор.

— Спасибо, — Билон автоматически благодарно наклонил голову, хотя в разговоре по телефону это не имело значения. — Вы приняли решение?

— Принял, — голос главного редактора на секунду прервался каким-то странным коротким писком. — И я прошу вас внимательно меня выслушать.

— Я слушаю, — откликнулся Билон.

Он уже чувствовал, каким будет ответ, и был разочарован.

— Я очень хорошо понимаю ваш азарт, — медленно и размеренно заговорил главный редактор. — И вам, бесспорно, претит мысль о сокрытии поистине сенсационной информации. Однако свобода прессы, которая, безусловно, существует в нашей стране, не отрицает и наличия ответственности…

— Ответственности перед кем? — не выдержал Билон.

— В первую очередь, перед народом и государством. За то время, что прошло после вашего первого звонка, я связался с определенными людьми, и они согласились сообщить мне сведения, которые представляют собой государственную тайну… У вас надежный канал связи?

— Надежный. Я звоню из уличного автомата.

— Это хорошо. Тогда я продолжу. Мы живем в очень сложное время. Наша страна вступила в определенные отношения с пришельцами – вам не надо объяснять, кто они такие и что могут сделать со всеми нами. Чтобы просто выжить в такой ситуации, нам нужно, в первую очередь, единство. Наше государство должно быть сильным и прочным, чтобы достойно представлять нацию в часы опасности…

"Внешнее решение для внутренних проблем… Где-то я уже такое слышал", — подумал Билон, но оставил эти мысли при себе, не решаясь вторично перебить главного редактора.

А тот витийствовал.

— …Ради такой высокой цели иногда приходится идти на неординарные шаги и зачастую применять средства, которые могут показаться недостойными. Нехватка времени не позволяет действовать строго по закону, который мудр, но медлителен…

"Стоп, а это почти мои слова!" – вспомнил Билон свой разговор с Райненом Фремером в Вильтуране две недели назад. Сейчас это воспоминание было неприятным.

— …Вы наверное, знаете, что и для получения Заявления Двенадцати, которое позволило вырвать экономику страны из лап жадных дельцов, были предприняты чрезвычайные меры…

— Но позвольте! — Билон удачно вклинился в паузу. — Причем тогда здесь Движение?

— Заговор, раскрытый Шеном Брагером, который, вы, очевидно, посчитали фальшивкой, на самом деле существует! — главный редактор повысил голос. — Фремер, которого вы цитировали вчера, вероятно, и сам ничего не знает. Его, как и многих других, использовали втемную! Я не могу открыть вам всю информацию, но наши службы нащупали ниточки, связывающие авторов Заявления Двенадцати с определенными силами в рядах Движения! Выступление, о котором говорил Брагер, на самом деле, должно было начаться в ближайшие дни! И даже сейчас есть опасения, что наши доблестные службы не успеют его предотвратить! Движение должно быть объявлено преступной организацией, чтобы лишить его поддержки масс и нарушить планы его главарей! Поэтому, я прошу вас, немедленно возвращайтесь в гостиницу и пишите статью о вынесении справедливого приговора террористу и организации, которая за ним стоит! Я жду! Тысячу слов на первую полосу! Поймите, на карте стоит, возможно, будущее всей нашей страны!

— Хорошо.

Билон повесил трубку и рассеянно пошел по улице, машинально подбрасывая на ладони три оставшихся у него

жетона. Он уже и сам не знал, чему верить. Он не сомневался в искренности Фремера, ему нравилась Орна Маруэно, но он не мог оставить без внимания и все, сказанное ему главным редактором.

Неужели такой заговор мог существовать? Неужели тысячи и десятки тысяч людей, желавших лучшей жизни для себя, своих близких и своих соотечественников, на самом деле были только марионетками, инструментом в руках неведомых и тайных злодеев? И чего хотели организаторы этого гигантского заговора? Власти в стране? Но ведь крупнейшие корпорации и так имели ее. Или она ускользала из их рук, и они решили пойти ва-банк и снова захватить ее руками Движения? И, может быть, не зря Хартен Ринше говорил ему, что СОП ни при каких условиях не должна с ним сотрудничать?…

Размышления Билона были прерваны самым бесцеремонным образом. Его внезапно подхватили под руки и, прежде чем он успел осознать, что происходит, он оказался в узком темном проходе между домами, прижатым к стене по соседству с мусорным баком. Трое широкоплечих молодых людей в одинаковых куртках полувоенного образца перекрывали ему путь к бегству.

— Ну что, по-хорошему будем, или как? — обратился к Билону один из них. — Кассету сам дашь?

— Какую еще кассету? — не понял сразу Билон.

Сильный удар в живот заставил его согнуться, а еще через полсекунды, получив по затылку, Билон оказался на земле. Он попытался свернуться в клубок, чтобы прикрыть согнутыми ногами и руками самые уязвимые органы, но его грубо подняли и снова прислонили к стене.

— Что, не понял?! — раздался тот же голос. — Или повторить?

— У меня нет… кассеты, — пробормотал Билон, держась за живот.

Новая серия ударов снова бросила его на грязный мокрый асфальт.

— А ну, обшмонайте его!

Беспомощного Билона, хватающего воздух раскрытым ртом, снова рывком подняли на ноги, и две пары рук профессионально прошлись по нему сверху вниз.

— Таки нету, — главарь похлопал Билона по щеке. — Где она?

— В гостинице, — дал Билон первый пришедший ему в голову ответ.

Как ни странно, это сработало.

— В номере? — переспросил главарь. — Ну, ты, однако,

даешь. Ладно, тогда извиняй. Тока смотри, ты подписку давал? Так что, не разглашай. Понял?

— Понял, — Билон оперся на мусорный бак, чтобы не упасть, а когда снова поднял глаза, в подворотне уже никого не было.

Идти было сложно, но можно. Налетчики, которые на самом деле не были налетчиками, били его только по корпусу, так что на лице не осталось никаких следов. Билон не сомневался, что на теле видимых следов тоже не было. Да и кому ты тут пожалуешься?…

В гостиничном номере был кавардак. Непрошеные гости и не собирались маскировать следы своего визита. Все вещи Билона были выброшены на пол, простыни были сорваны с постели и свернуты в неэстетично выглядевший ком, в ванной комнате валялись разбросанные туалетные принадлежности. Наскоро проведя инвентаризацию, Билон убедился, что взломщики забрали все кассеты, пустые и с записью, но не заинтересовались ни дорогим новым костюмом Билона, ни пишущей машинкой, ни звуковоспроизводящей аппаратурой стоимостью в тысячу триста брасов.

Все было ясно как день, и Билон даже не стал вызывать коридорного. Вместо этого он поднял с пола телефонный аппарат, поставил его на край разоренной постели и набрал номер главного редактора.

— Это снова я, — потухшим голосом сказал Билон.

— А, Билон? Вы уже написали статью?

— Я не буду писать сам статью! — произнес Билон с мрачной решимостью, чувствуя, как в нем закипает горячая волна. — Все, что вы говорили мне, — грязная ложь, а вы меня самым сволочным образом подставили!

— Вы это о чем?

— Как, вы не знаете? О тех самых типах, которые избили меня в подворотне, а затем устроили погром в номере в поисках кассеты!

— Майдер! Какие типы? Что с вами произошло?!

Это прозвучало настолько натурально, что Билон едва не поверил. Но затем злость снова взяла в нем верх.

— Как?! Разве вы не в курсе?! Вы специально удерживали меня у телефона, чтобы за это время засечь, откуда я говорю, а потом натравили на меня ваших костоломов! Они поджидали меня на улице, и им была нужна только кассета! Я о ней ни с кем не говорил, кроме вас, и звонил только по уличным автоматам!

На секунду Билона пронзила страшная мысль. А вдруг, главный был прав, а громил подослали к нему друзья Орны Маруэно? Но ведь кассета уже была у них в руках! Все прочие

комбинации казались слишком сложными для импровизации, и Билон, сцепив зубы, отбросил эту версию. В конце концов, должен же он верить хотя бы кому-то!

— Это какое-то недоразумение, — растерянно сказал главный редактор. — Поверьте, никто не приказывал вас избивать или устраивать погром в номере… Это какая-то ошибка, эксцесс исполнителей…

— Так это все-таки были вы? — устало спросил Билон. Он уже ничего не чувствовал, кроме опустошенности. Люди, которых он несмотря ни на что считал своими, сдали его.

— Послушайте, Билон, — голос главного редактора доносился до него откуда-то издалека. — Вы, вероятно, проклинаете меня и поделом. Но я хотел удержать вас от неразумного шага. Время борцов-одиночек прошло, оно, собственно, никогда и не наставало. С этой кассетой вы могли бы решиться на некие непродуманные действия, которые поставили бы вас под удар… Вы бы все равно ничего не добились, вас бы смяли, даже не заметив… Вы не понимаете, какие силы сейчас приведены в действие, поверьте, это было сделано в интересах государства… Вернитесь в команду, Билон, я верю, у вас большое будущее… Поймите…

— Я понял, — перебил его Билон. — Когда надо оправдать какую-то подлость, всегда почему-то начинают говорить о государственных интересах. Я ведь почти поверил вам, и не нужно было отбирать у меня эту кассету… Но я не могу простить вам предательства.

Главный редактор еще что-то говорил в трубку, но Билон, не слушая его, положил ее на аппарат. На раздавшийся через полминуты звонок он не прореагировал.

Наскоро собрав самые необходимые вещи, он вышел из гостиницы, остановившись у первой же телефонной будки.

— Наконец-то! — услышал он обрадованный голос Орны Маруэно. — Ты не позвонил вовремя, я беспокоилась о тебе.

В другое время Билону было бы приятно, что о нем беспокоится красивая девушка, но сейчас ему было все равно.

— У меня были проблемы, — сказал он. — Ты случайно не знаешь тихого местечка, где можно было бы переночевать?

Орна Маруэно не стала ни спрашивать, ни ужасаться, и Билон это оценил.

— Я поищу такое место. Где ты находишься сейчас?

— Возле гостиницы.

— Ты на машине?

— Да, — вспомнил Билон. — Но я плохо знаю город.

— Не страшно. Ты найдешь памятник адмиралу Скайнирду?

— Опять?

— Конечно, я ведь живу недалеко оттуда.

На самом деле, им пришлось довольно долго колесить среди похожих друг на друга пятиэтажных зданий, и Билон почувствовал настоящее облегчение, когда Орна, наконец, дала ему команду остановиться.

— Ты здесь живешь? — спросил вконец вымотавшийся Билон.

— Нет, — ответила Орна, грациозно выбираясь из машины. — Но ты же просил найти место, где можно переночевать? Поднимайся на третий этаж.

На третьем этаже оказалась маленькая квартирка, напоминавшая ту, что была у Билона в Реперайтере. Она обладала самым минимумом мебели, но в ней все равно чувствовался уют.

— Это чья? — спросил Билон. — Здесь кто-то живет?

— Пока никто, так что ты можешь спокойно провести здесь ночь, — Орна деловито задернула плотные шторы. — Располагайся. В холодильнике есть кое-какая еда, так что ты можешь поужинать. Да, вот твоя кассета.

— Спасибо, — Билон машинально принял ее. — А ты?

— А я ухожу. Нужно дописывать статью.

— Так она пойдет в завтрашний номер? — понял Билон. — Извини, я задерживаю тебя. Только, пожалуйста, береги себя. Ты ведь тоже давала подписку о неразглашении.

— Подписку давала Орна Маруэно, студентка университета. А Тид Грумман, внештатный корреспондент "Утренней звезды", ничего не подписывал. Спокойной ночи, Майдер. На всякий случай, вот тебе ключи, но завтра утром лучше никуда не ходи, а просто позвони мне, хорошо?

Ночь Билон провел почти спокойно. После горячей ванны и хорошей порции скайры, нашедшейся в кухонном шкафчике, боль утихла и больше не беспокоила его. Мыслей же у Билона после этого долгого дня не осталось никаких. Он чувствовал себя полностью опустошенным. Очередной период его жизни подошел к концу, а то, что должно было придти ему на смену, могло подождать до утра.

Орна Маруэно откликнулась на первый же его звонок. Когда они уже заканчивали разговор, он, повинуясь какому-то почти бессознательному порыву, попросил ее купить по дороге последний номер "Курьера". Вчерашние тревоги немного поблекли, и сегодня ему было страшно рвать, рвать совсем, рвать со всей своей прошлой жизнью. Хотя он понимал, что это неизбежно, но все равно надеялся на какой-то маршрут для отступления.

Открыв свежий номер "Курьера", Билон понял, что такого маршрута у него нет. Первая полоса начиналась со статьи под огромным заголовком "Приговор", подписанной… им, Майдером Билоном! Не веря своим глазам и чувствуя, что сходит с ума, Билон вцепился в газету. "Террорист понес заслуженную кару…", "Применение Закона о бунтовщиках позволит…", "Движение за Демократию оказалось ширмой, под которой…" – четкие строчки текста расплывались у него перед глазами. Это была катастрофа!…

— Что с тобой? — обеспокоенно спросила Орна Маруэно, с тревогой заглядывая ему в глаза.

— Орна… Поверь… Я ничего такого не писал… Это чудовищная подстава… — у Билона не хватало слов, а пальцы комкали и рвали проклятую газету, словно хотели стереть его имя с каждого из полутора миллионов экземпляров тиража.

Орна поняла.

— Майдер! — она крепко взяла его за плечи. — Конечно, я знаю, что ты ничего этого не писал! Успокойся, на следующий день об этом забудут, а у тебя будет возможность восстановить свое честное имя. Я обещаю…

— Потом, — торопливо перебил ее Билон. — Здесь где-то есть поблизости телефон-автомат? Я должен позвонить…

С главным редактором его снова соединили за считанные секунды.

— Я ждал вашего звонка, — послышался в трубке сухой голос главного.

— Сегодня вы победили, — Билон говорил спокойно и чуть насмешливо. — Но чего стоит ваша победа? Вы можете тиснуть под подлой статейкой мое имя, но вы не доберетесь до меня. Я увольняюсь из вашей газеты. Немедленно!

— Билон, не спешите, — главный, похоже, еще чего-то не понимал. — Успокойтесь. Больше вашего имени под написанными не вами статьями не будет… Я выводил вас из-под удара… Потом вы сами поймете, что это было необходимо… Считайте, что вы в отпуске, переждите пару недель, потом возвращайтесь… возвращайтесь к работе…

— Я не собираюсь отдыхать, — Билон подбавил в голос яду. — Ваши костоломы промахнулись. Кассета у меня. И я найду ей достойное применение!

— Остановитесь! Вы не понимаете! — главный редактор почти кричал. — Да кому сейчас нужны ваши наивные поиски правды, когда происходят такие события?!

Глава 67. Слово и дело

Вначале было слово. С легкими сквозняками оно скользило по парламентским коридорам, стучалось в кабинеты депутатов, робко заглядывало в совещательные комнаты фракций и вдруг окрепло, набрало силу и вырвалось прямо под своды огромного сессионного зала.

Ш-ш-ш… Ч-ч-ч… Пич-ч-ч… Им-пич-ч-мент!

С самого утра парламент бурлит как закипающий котел.

— …А вы слышали?! Оказывается, всех авторов "Заявления Двенадцати" уже… того!… И притом, сразу!

— Да! Какой ужас! Нужно немедленно принимать меры!

— Уже, уже принимаются! Мы поставим вопрос на голосование сегодня же! Ваша фракция проголосует за?

— Непременно, непременно, коллега! Но мы требуем не менее двух мест в комиссии по расследованию…

— …Этот Кирстен просто уголовник! Да-да, настоящий бандит! Так расправиться с почтенными людьми! У меня летит весь бизнес!

— Не огорчайтесь, коллега. Нам, депутатам, всегда найдется, чьи интересы лоббировать. И притом, наконец, мы избавились от этого Движения!

— Причем тут Движение? Это, знаете, мухи отдельно, а котлеты отдельно! Кирстена все равно надо убирать! А то как бы и самому не последовать…

— …Господа, господа, вы не откажетесь поддержать мой законопроект?

— Нашли время! Куда вы лезете с вашим проектом?… Да и кому он теперь нужен, когда заказчиков-то – тю-тю…

— А из принципа!

— Тоже мне, принципы!… Вы вот лучше сегодня проявите разок принципиальность…

— Проголосуйте за импичмент…

— …А я бы на вашем месте не стал торопиться.

— Окститесь! А "Заявление Двенадцати"?!

— Ну и…?! По моему, их уже давно пора было…

— Господин генерал! Вам что, хочется на старости лет учиться играть по новым правилам? Вы депутат парламента, уважаемый человек, а хотите быть у Кирстена на побегушках?!

— Господа, вы забываете о пришельцах. В шторм капитана не меняют.

— Причем тут пришельцы?! Какое им дело, кому приказывать?! Скажите точно, генерал, вы подчинитесь решению

большинства фракции?

— И до следующих выборов сделать президентом это жирное чучело, нашего, прости господи, спикера?!

— Генерал, прекратите ваши политические разговоры! Вы будете голосовать вместе с фракцией или нет?!…

— …Почему они, черт возьми, не начинают? Все уже в сборе!

— Как, вы не слышали, коллега? К нам едет Кирстен! Самолично!

— И что ему надо?

— У него какое-то послание. Хочет заболтать нас, не дать нам успеть принять постановление о начале процедуры импичмента. Вы же не забывайте, сегодня последний день сессии… Нельзя же откладывать такие важные вопросы еще на четыре недели!

— Это точно, он тут нашурует… Так какая проблема, будем заседать хоть до ночи, а примем все, что нам надо! За импичмент все равно большинство! Мы победим!

— Но где, все-таки, шляется наш спикер?…

Спикер парламента Дагир Хоннуок выглядел именинником. Заблаговременно проведенная подготовка дала свои результаты. Весь парламент пылает праведным гневом и горит желанием отстранить Кирстена от власти. А по конституции, до следующих выборов обязанности президента переходят к нему. К нему, благоразумно воздержавшемуся от прошлогодней предвыборной гонки ради гарантированного получения второго по значению поста в государстве.

Что же, иногда вторые становятся первыми…

— Господин Хоннуок! Президент Кирстен уже приехал. Он просит встречи с вами. Наедине.

Вот как, уже просит?! Это приятно. Но только капитуляцию, полную безоговорочную капитуляцию… Тогда он позволит ему уйти с минимальными потерями… Президент Хоннуок – это звучит, черт возьми!

— Доброе утро, Кирстен! Так что вам от меня нужно?

— Ничего.

— Это хорошо. Давайте тогда сразу перейдем к делу. Для начала, я требую…

— Простите, вы, кажется, неправильно меня поняли. Мне нужно, чтобы вы сегодня не делали ничего. Я выступлю перед парламентом, попрошу его принять необходимый мне закон, и вы все спокойно и с чистым сердцем отправитесь на каникулы.

— Это несерьезно. Умейте проигрывать, Кирстен. Уходите сразу же в отставку, и я вам обещаю, что расследование будет спущено на тормозах.

— Это все, что вы можете сказать?

— Да. И более благоприятных условий вам больше никто не предложит.

— Тогда взгляните, пожалуйста, вот сюда.

Долгая пауза.

— Это… что? Что за чушь?

— Это не чушь, Хоннуок. Если парламент проголосует за возбуждение процедуры импичмента, первая полоса завтрашних газет будет выглядеть именно так.

— Вы хотите сказать… что я буду убит?! Вы не посмеете, Кирстен!

— Посмею. Как посмел уничтожить зарвавшихся денежных мешков, поставивших себя выше государства. Вы не обращали внимание на то, что сегодня здание парламента охраняют десантники? Герои Музураша, искренне преданные своему президенту. У кого-то из них просто не выдержат нервы…

— Но я… сейчас же…

— А впрочем, это необязательно будет десантник. Может быть, пуля настигнет вас с балкона для прессы, или это будет вообще не пуля… Скажем, отравленная игла в вашем кресле… Или вам внезапно станет плохо, и милая улыбающаяся медсестра сделает вам укол в вену кубиком чистого воздуха… Поверьте, Хоннуок, существует множество способов убить человека, а я постарался заранее подготовить для вас несколько вариантов.

— Зачем… зачем вы мне угрожаете?! Это у вас не пройдет! У вас не выйдет стать диктатором!

— Что же, вы можете мне помешать. Если парламент проголосует за импичмент, я в тот же день уйду в отставку и отвечу за все… включая и ваше убийство. В нынешнее тяжелое время Горданой может управлять только президент, имеющий всю полноту власти. Но вас к тому времени уже не будет в живых и, по конституции, меня должен будет сменить первый вице-спикер Лудан. Он, однако, стар и не отличается крепким здоровьем, поэтому он откажется в пользу второго вице-спикера Ригена – единственного, кому я готов доверить страну в этот тяжкий час. Так что, выбирайте, Хоннуок. Вы можете спасти демократию в Гордане и предотвратить мою диктатуру. Но только ценой собственной жизни.

— Но что мне дает, если я начну играть по вашим правилам? — огрызнулся Хоннуок. — После таких откровений я становлюсь для вас слишком опасным.

— О, поверьте, я никого не убиваю без крайней необходимости. Вы превосходно выполняете свои обязанности спикера. Это ваше призвание, не понимаю вообще, зачем вам еще

стремиться в президенты? Я рассчитываю, что через несколько месяцев вы займете пост главы законодательной ассамблеи Западного континента.

— А наш парламент, он, что…?

— Вам его жалко? Не беспокойтесь, вы не останетесь без своей трибуны. Так что выбирайте, Хоннуок – геройская смерть или жизнь и новый виток в вашей карьере… А сейчас нам, я думаю, пора идти в зал. Депутаты уже, наверно, заждались начала заседания…

Появление Лёрида Кирстена было встречено в сессионном зале глубоким недовольным гулом – так обычно встречают на стадионе выход на поле команды противника. Как опытные болельщики депутаты приветствовали мрачную решимость престарелого первого вице-спикера Лудана, спокойную уверенность второго вице-спикера Ригена, восторженно проводили занявших места в президиуме председателей фракций и вдруг встревоженно умолкли при виде спикера. Полный, румяный и агрессивный Дагир Хоннуок сегодня выглядел как проткнутый воздушный шарик. Он был необычно тих, не улыбался и как-то испуганно оглядывался по сторонам.

Многие депутаты уже знали, что Хоннуок и Кирстен только что встречались с глазу на глаз, и видимые простым глазом итоги этой встречи заставили их насторожиться.

Ничего, если надо, команда сыграет и без капитана. Вон сколько молодых игроков горят задором и готовы даже без сигнала пойти в атаку на злодея-президента. Фракции отмобилизованы, места в комиссии по расследованию вчерне поделены… Что бы там Кирстен не сказал, а сегодня ему крышка!

Президент спокойно, не торопясь, поднимается на трибуну. Он говорит, почти не заглядывая в текст речи, лежащий перед ним. В зале по-прежнему шумно, и Кирстену приходится время от времени повышать голос, почти выкрикивая отдельные фразы. Наверное, поэтому его речь воспринимается словно отдельными кусками.

— …Сегодня наша страна переживает, может быть, самый сложный период в своей истории… Появление пришельцев… Слом старой структуры международных отношений и строительство новой… Миллионы беженцев… Вскрытый нашими доблестными правоохранительными органами антигосударственный заговор… Все это ставит нас перед необходимостью принятия множества тяжелых и, самое главное, срочных решений…

Депутаты нетерпеливо переглядываются между собой. Ну,

хватит, сколько можно, пора кончать с преамбулой! Все равно, как бы Кирстен не тянул время, день еще только начался. На объявление импичмента времени хватит…

— …К сожалению, этот кризис нам приходится встречать, находясь в старом правовом поле, и располагая отлаженным, но медлительным законодательным механизмом… В течение осенней сессии из сорока семи важнейших законов принято всего два… Закон о пятипроцентном налоге с продаж прошел всего лишь первое чтение, отправлен на доработку… Закон о зонах расселения вынужденных переселенцев… находится на рассмотрении согласовательной комиссии… Закон о специальном налоговом режиме… Закон о порядке финансирования лагерей для вынужденных переселенцев… Закон о новой концепции вооруженных сил Горданы…

По залу прокатывается недовольный ропот. Да, да, мы знаем, это наше упущение, но не обязательно говорить об этом вслух… перед объективами телекамер… И тем страшнее будет месть! Импичмент президенту! Долой!

— …Завтра парламент расходится на четырехнедельные каникулы, что оставляет нас в совершенном правовом вакууме… Но каждый день промедления стоит нам не только многих миллионов брасов, которые уже негде взять, но и многих жизней наших будущих граждан…

На жалость пробивает?! Не будет пощады! Импичмент президенту!

— …Сознавая лежащую на мне ответственность… Я прошу временно предоставить мне как президенту страны беспрецедентные в истории Горданы полномочия… Этого требует тяжелейшая и не имеющая прецедентов ситуация… По конституции, президент не имеет права выступать с законодательной инициативой, поэтому данный законопроект подается депутатом Геланом Раннином от Прогрессивной партии…

Зал на секунду стихает, но тут же взбухает возмущенным гулом. Подумать только! Кирстен еще имеет наглость требовать для себя дополнительных полномочий!? Никаких уступок этому господину! Импичмент ему, импичмент! Ату его!

— …Я прошу информационную службу раздать вам текст законопроекта…

Служители проворно разносят депутатам тоненькие именные папочки. Внутри – несколько скрепленных между собой листочков бумаги.

Введение чрезвычайного законодательного режима сроком на один месяц… В любое время может быть отменен по решению

парламента… Предоставление президенту права издавать временные декреты по вопросам, относящимся к компетенции парламента… Распределение бюджетных средств и внесение изменений в статьи бюджета… Введение новых налогов и сборов, изменение и отмена существующих… Создание, реорганизация и упразднение организаций, имеющих общегосударственный статус… Заключение межгосударственных договоров, подлежащих автоматической ратификации парламентом… Подчинение правоохранительных органов непосредственно президенту… Установление прямого президентского правления на территориях…

Да он что, смеется?! Это же означает, что президент сосредотачивает у себя всю власть! Для чего ему тогда парламент?… Нет! Импичмент, импичмент ему! И никакая демагогия ему не поможет!… Стоп, а это еще что за бумажка?!… Сообщение для прессы?! Вот это?!

Разъяренный зал в момент стихает как по команде. Депутаты, старательно пряча листки от соседей, погружены в чтение.

Взятки… Незаконное лоббирование… Растрата государственных средств… Подкуп избирательной комиссии на выборах… Поездка на курорт… Катание на яхте… Баня с девочками… Откуда они обо всем этом узнали?! И что скажет жена?!…

— …Я вижу, вы уже успели ознакомиться с документами… Представленный вашему вниманию законопроект принципиально важен для нашей страны, и если я не найду понимания в стенах парламента, я напрямую обращусь к нации… Будут опубликованы все информационные материалы… Чувство здорового патриотизма народа… Намереваюсь… добиться любыми средствами!…

Страх ползет по залу, запуская по рядам кресел свои липкие щупальца. Что делать?! Куда бежать?! Конечно, это не конец политической карьеры, но противники вцепятся… начнут расследование… потребуют отменить результаты выборов… Как неприятно!…

И что это он сказал – любыми средствами?! И почему в зале так много охраны?! Это же десантники! Автоматы переброшены на грудь, взгляд такой неприятный… Словно прицеливаются… Импичмент президенту? Пусть кто-нибудь начнет первым, а я подхвачу… Может быть…

— …Время для нас бесценно и мы не можем себе позволить и дальше терять его… Все должно быть решено сегодня, и я обращаюсь к вам, господа… показать себя настоящими патриотами Горданы… Дать нам инструмент, позволяющий

встретить постоянно возникающие перед нами проблемы лицом к лицу… Принять Закон о чрезвычайном режиме во всех трех чтениях!

— Это незаконно! — отважно кричит кто-то с места. — Согласно конституции…

Микрофон отключается, и одинокий голос депутата тонет в шуме зала.

— Я предлагаю приступить к голосованию…

Это Хоннуок. Он, похоже, смирился. А интересно, что в его папочке?… Нет, лучше не надо, пусть эти папочки где-нибудь сгорят без следа… Излишнее любопытство – это, конечно, не порок, но большое свинство…

Закон был принят практически единогласно. После этого трясущийся Хоннуок закрыл заседание, и депутаты тихо и покорно разошлись. Завтра им предстояло разъехаться по своим округам. Заниматься делами в столице остался Лёрид Кирстен.

— Спасибо вам всем! — Кирстен поднял руку с бокалом, приветствуя соратников. — Вы отлично поработали, господа, и наш сегодняшний успех – ваша заслуга! Но хватит восторгов. Наша победа над парламентом была изумительно легкой, но не забывайте, что ее достижение потребовало длительной и серьезной подготовки. У нас по-прежнему очень много работы. Пока мы только подобрали власть, но нам еще предстоит ее взять!

— Мы готовы, мой президент! — откликнулся за всех Дуган Буремен.

— Отрадно слышать. Надеюсь, Дуган, вы сможете реабилитироваться за прокол, допущенный вами на процессе…

— Землю буду грызть, мой президент! Я докажу, что это была всего лишь досадная случайность!

— Хорошо, Дуган. Только давайте без патетики. Завтра я подпишу декрет о создании Тайной государственной полиции ТЭГРА. Вы будете ее руководителем.

— Разрешите вопрос, господин президент. Что значит – ТЭГРА?

— А ничего не значит. Просто хорошее звучное сочетание. Пусть публика сама ломает голову. Непонятное всегда вызывает страх, а я хочу, Дуган, чтобы вашей ТЭГРЫ боялись – до судорог. Наша власть еще слишком непрочна, а выстраивание нового механизма управления страной потребует многих месяцев. Вы, Дуган, должны обеспечить мне эти месяцы! Наносите опережающие удары! Заранее изымайте всех, кто может возглавить недовольных! Не останавливайтесь ни перед какими

деньгами, чинами и законами!

— Все будет сделано, мой президент! Единственное, нам на первое время придется ограничиваться точечными операциями. Недостаток кадров…

— На первых порах закрывайте квалифицированными людьми только основные посты. Остальное – по возможности. И привлекайте побольше ребят из Союза "Возрождение".

— Но, господин президент, они же…

— Ничего, Дуган. Не бойтесь быть жестокими! Для нас главное – продержаться эти несколько месяцев, а потом все понемногу придет в норму. Сейчас же вам надо поднимать как можно больше шума! Лучше пусть будут перегибы, чем недостаток рвения! Кто-то все равно должен сделать грязную работу, а я не знаю никого, кто бы справился с этой задачей лучше вас. Когда вы закончите, я с большим шумом сниму вас с должности и отправлю наводить порядок за границей.

— Тогда я постараюсь закончить побыстрее, мой президент! — рявкнул Буремен. — Я всегда мечтал о хороших турпоездках!

— Вот и хорошо, — улыбнулся Кирстен. — А пока – действуйте. Посильную помощь в этом будет вам оказывать прокурор Тревис… Присаживайтесь поближе, Тревис. На вас я хочу возложить руководство Чрезвычайной комиссией по расследованию, о которой я тоже собираюсь объявить завтра.

— Каковы будут мои обязанности, господин президент?

— Вы займетесь очищением страны. Гордана переполнена всякими жуликами, гангстерами и проходимцами, в ней царят коррупция и взяточничество! Вы должны выкорчевать все это с корнем! В своей работе вы будете опираться на ТЭГРУ, которая будет выполнять ваши указания. Вам передадут все собранные нами материалы на политиков и воротил местного масштаба – дайте всем им ход! Я рассчитываю на вашу волю и абсолютное бесстрашие!

— Я вычищу Гордану, — мрачно сказал прокурор Тревис. — Я соберу под свою команду всех фанатиков, бессребреников и честных идиотов и натравлю их на ваших врагов!

— Хорошо, Тревис, — кивнул Кирстен. — Только держите в узде вашу гвардию и не давайте ей слишком много воли. Такая сила может быть опасна, в первую очередь, для нас самих. И еще, помните, что для вас это – не очередной политический маневр. Вы теперь в моей команде, я освобождаю вас от всех забот, но требую взамен игры только по моим правилам!

— Не беспокойтесь, господин президент. Я могу играть за любую команду, но отныне я с вами. Вы можете на меня

рассчитывать.

— Хорошо. Теперь вы, Ронайс. От вас зависит очень многое. Утечка во время процесса произошла, и это плохо. Не скрою, мне бы хотелось не доводить дела до крайних мер, но если пресса и телевидение не будут на нашей стороне, наша сегодняшняя победа превратится в поражение! Перед лицом пришельцев мы не можем позволить себе терять силы на внутренние раздоры! Поэтому завтра я подпишу декрет о создании нового органа, назовем его, скажем, Комиссия по нравственности. Вы возглавите эту комиссию, и если какая-либо газета попробует выступить против нас, вы ее закроете! Не считаясь с последствиями! Последствиями займется ТЭГРА!

— Я надеюсь, что до этого не дойдет, господин президент. Самое главное, телевидение в наших руках. А газеты пусть себе кричат – это будет даже полезно: пусть пар уйдет в свисток, а наиболее заядлые крикуны сами выроют себе могилу. Гордана всегда гордилась своей свободной прессой, пусть она и остается свободной… в рамках дозволенного. Я считаю, господин президент, что неформальные методы контроля дают больший эффект.

— Хорошо, Ронайс. Оставляю этот вопрос на ваше усмотрение. Но "Утреннюю звезду" вы мне погасите!

— Да, господин президент! Комиссия по нравственности закроет ее одновременно с десятком бульварных листков. Я уже нашел несколько таких – лживых, скандальных и непристойных.

— Очень хорошо, Ронайс. Я верю в вашу квалификацию. Пусть будет побольше шума, а под его прикрытием мы будем делать настоящие дела. Ленни, я отправляю в отставку Бауля и делаю вас министром иностранных дел. Избавьтесь от всех политических назначенцев, а остальным придется ударно поработать. Я даю вам четыре недели на то, чтобы подготовить международную конференцию по новому мировому порядку. Гордана должна стать властелином континента не только де-факто, но и де-юре!

— Мы постараемся успеть, — сыто мурлыкнул из своего угла Ленни Чоллон. — Основные документы и декларация о создании Западной Конфедерации уже готовы. Но я пока не могу поручиться, что все страны континента изъявят покорность.

— Тогда шире привлекайте к переговорам военных. Генерал Могли, я дам вам военное министерство. Со времен Дахранской войны им руководили штатские, но я считаю, пора восстанавливать историческую справедливость.

— Господин президент, я считаю, что принесу вам больше пользы, оставаясь в строю. Пост министра – это политическое

назначение, а я военный и ничего не понимаю в политике.

— Тем лучше, генерал. Я хочу, чтобы вы превратили министерство в настоящий военный штаб! Пусть переговоры с пришельцами завершаются на уровне экспертов, а вы соберете военных специалистов и подготовите новую концепцию вооруженных сил Горданы с учетом наших задач и наложенных на нас ограничений. Гордана должна иметь хорошо обученные и мобильные войска, подготовленные именно для небольших локальных операций для наведения порядка. Мы даже так и назовем их – Миротворческие силы! И не стесняйтесь, генерал. Может быть, в стране есть военные старше и влиятельнее вас, но за вами опыт реально осуществленных операций!

— Я понял, господин президент, — коротко кивнул генерал Могли. — Мы выполним свою задачу.

— И вот что, генерал. Как у вас продвигаются дела с атомным оружием?

— Я скажу, — подал голос Сеймор Скэб. — Среди беженцев из Вилканда нам удалось обнаружить группу ученых, работавших в центре атомных исследований в Муизе. За несколько дней до войны им в помощь было отправлено несколько специалистов из Чинерты. Многие из этих людей сейчас здесь. В настоящее время они продолжают исследования на базе одной из лабораторий "Рене Супертек". О каких-то результатах пока еще говорить рано, но предварительные расклады обнадеживают.

— Вот это – хорошая новость, — оживился Кирстен. — Не жалейте для них ничего! Одной атомной бомбой нам, конечно, не победить пришельцев, но, хотя бы, нам будет, чем сражаться. Как продвигаются другие исследования?

— Мои специалисты докладывают, что уже серьезно продвинулись в изучении языка и письменности пришельцев. Конечно, работу очень сильно тормозит то, что мы не смеем применять записывающую аппаратуру…

— Лучше ее и не использовать. Пришельцы слишком склонны полагаться на технику, мы же сделаем ставку на людей. Пусть все идет, как идет. За последнюю неделю произошло что-то заслуживающее внимания?

— Нет. Мы продолжаем поставки по согласованному графику, они строят свои базы. Изменения могут произойти весной, когда пришельцы приступят к более основательному завоеванию Востока. Очевидно, тогда на нас будут возложены дополнительные обязанности по поставкам ресурсов. В обмен они обещают свою технику.

— Это сейчас не важно. До весны, надеюсь, мы уже разработаем систему, которая переложит тяжесть поставок на

плечи наших соседей по Западному континенту. И до весны же нам необходимо будет решить проблему с беженцами.

— Теперь все сдвинется с мертвой точки, господин президент. Пока меня сдерживало, в основном, только отсутствие денег и полномочий.

— Вы получите все, Сеймор, только действуйте. Нужно срочно разгружать лагеря для беженцев, они понадобятся нам для других целей. Дуган, сколько лагерей готово у вас?

— Двенадцать, господин президент. Семь на юге, в районе плато Пурона, два на островах и три на севере. Каждый может принять от двух до шести тысяч человек. На первое время этого хватит.

— Ну-ну. Только потом чтобы вы мне не говорили, что новых изолируемых некуда девать.

— С этим не возникнет проблем, господин президент! Еще одиннадцать лагерей войдут в строй до конца года. Причем, некоторые из них задумываются как трудовые: изолируемые будут добывать свинец и медную руду. Это значительно снизит расходы на их содержание.

— Помню. Это ваша идея, Вайкел?

— Да, господин президент, — долговязый Тейно Вайкел совершил своими длинными ногами очередное циркульное движение. — Более того, я бы предложил преобразовать в трудовые все лагеря для изолируемых.

— Посмотрим. Но для этого нужно перемещать их в новые точки, а это требует времени. У нас же есть и более насущные задачи. Вайкел, я назначу вас министром финансов…

— С вашего позволения, господин президент, я, как и раньше, буду действовать из-за кулис. Нынешний министр финансов достаточно компетентен, чтобы…

— Хорошо, не буду настаивать. По министерству внутренних дел пока тоже не намечается никаких кадровых сдвигов. Мы просто постепенно реорганизуем полицию, а часть ее функций возьмут на себя ТЭГРА с одной стороны и дружины СОП – с другой. Вернемся к экономике. Господин Форк, где вы?

— Я здесь, господин президент, — невысокий седой человек с кустистыми бровями, похожий на отставного военного, чуточку приподнялся в своем кресле, стоявшем несколько в стороне от остальных. — Я уже думал, что вы обо мне и не вспомните.

— Я о вас помню всегда, — усмехнулся Кирстен. — Надеюсь, я не слишком шокирую вас, если скажу, что "Заявление Двенадцати" изначально должно было быть "Заявлением Тринадцати"?

— Я всего лишь скромный бизнесмен, — миллиардер Пикас

Форк, владелец гигантской промышленно-торговой империи из нескольких десятков компаний разного профиля, слегка наклонил голову. — Но, осмелюсь предположить, это обстоятельство было вызвано не только тем, что вам не нравится число тринадцать?

— Отчасти, — кивнул Кирстен. — Я всегда считал вас самым опасным противником и одновременно потенциальным союзником. Ваша частная спецслужба эффективнее всех горданских государственных структур этого профиля, вместе взятых. Я знал, что вы знаете, как минимум, частично, о моих планах, а вы знали, что я это знаю. Если бы вы присоединились к Стайсу, я бы постарался уничтожить вас в первую очередь, но вы предпочли остаться нейтральным. Теперь вы необходимы мне. Я нуждаюсь в вашей помощи, чтобы принять наследство ваших скончавшихся коллег.

— Союз на равных, — медленно произнес Форк.

— Согласен. Мое дело – политика, а вы займетесь экономикой. Ваши компании производят одежду, телевизоры, детские игрушки – все то, что нужно людям и пользуется спросом. У вас нет большой необходимости наживаться за счет государства, и вы заинтересованы в росте благосостояния его граждан. В этом мы с вами сходимся. Я назначу вас министром промышленности, коммерции и торговли и попрошу, чтобы вы курировали программу обустройства восточных беженцев.

— В свое время вы слегка поторопились, предложив "тридцатке" слишком выгодные условия, — как бы невзначай заметил Форк.

— Не спорю, это была моя ошибка. Но мы постараемся извлечь пользу и из нее. Мне всегда хотелось проверить, так ли банки "тридцатки" неприступны для проникновения извне, как о них говорят. Раз уж вы будете работать вместе с ними…

— Достаточно, — мягко оборвал президента Форк. — Я уже услышал все, что хотел услышать. Я буду с вами работать, Кирстен. Но, подумать только, что бы сказал мой покойный папа, если бы узнал, что мне придется стать министром?…

— Ну что же, — Лёрид Кирстен обвел взглядом всех своих соратников. — Задачи поставлены, цели заданы – теперь к делу! Вперед, господа! И как можно больше агрессивности и напора! Тогда нам никто не сможет противостоять!

— Но кто-то же должен этому противостоять! — Майдер Билон повернулся к Орне Маруэно, комкая в руках ни в чем не повинный газетный лист. — Теперь, получается, вся власть в стране оказалась в руках Кирстена!

— Это будет тяжело, Майдер, — Орна печально покачала головой. — Ты же видишь, все произошло вполне законно, в силу веских причин и чрезвычайных обстоятельств. И парламент, действительно, тормозил оказание помощи беженцам.

— Что ты хочешь этим сказать, Орна?

— Я хочу сказать, что большинство людей сейчас просто не увидят причин для протеста. А когда они поймут, уже будет, наверное, слишком поздно.

— Но ведь ваше Движение будет бороться?

— Будет. Но смотри, Майдер, ты ведь сказал "ваше Движение", а если ты выбираешь чью-то сторону, тебе надо будет пройти этот путь до конца.

— Не понимаю, Орна. Ты меня отговариваешь?

— Да, Майдер. Тебе, может быть, все это еще кажется игрой, но она уже давно идет всерьез. "Утренняя звезда", очевидно, скоро будет закрыта, а многих из нас, возможно, ждут аресты и тюрьмы.

— Нет! У нас это невозможно!

— Мне тоже хочется в это верить, но на всякий случай мы готовимся к самому худшему. Подумай, Майдер, ты ведь еще можешь вернуться к своей прежней жизни.

— Уже не могу. Иначе я перестану уважать себя. Не знаю, Орна, может быть, в последнее время мне слишком везло, но я продолжаю верить в свою удачу. И разве Движению не пригодится неплохо пишущий журналист, который умеет оказываться в нужном месте в нужное время и задавать правильные вопросы? Или ты боишься, что я составлю тебе конкуренцию?

— У нас профессия журналиста считается очень вредной и потому дефицитной, — улыбнулась Орна. — Тид Грумман не боится честной конкуренции.

— Вот и хорошо! Стану какой-нибудь Риной Траверс и буду писать… О чем там у вас пишут?

— Ты такой смешной, Майдер! Обо всем у нас пишут! Как в любой нормальной газете. Вот дам тебе телефон главного редактора "Утренней звезды", он тебе сам расскажет. Ты ведь собираешься возвращаться в Реперайтер?

— Собираюсь, — вздохнул Билон. — Но я был бы не против как-нибудь выбраться сюда, в Зейгалап. Если работа позволит.

— У нас тут работы мало, — махнула рукой Орна. — Вот я на будущий год закончу университет, сама в Реперайтер поеду!

— Это хорошо! — обрадовался Билон. — А пока я тебе буду звонить. Из уличных автоматов.

— Звони, — кивнула Орна. — И береги себя. Но все-таки, еще раз подумай. У нас и в самом деле очень тяжело, и если ты хочешь сотрудничать с нами только из-за того, чтобы быть

поближе ко мне, лучше не начинай. Я не стану думать о тебе хуже, честное слово.

— Понимаешь, Орна, — Майдер Билон взял ее за руки. — У меня уже был случай убедиться, насколько у вас тяжело. На шоссе, не доезжая Зейгалапа. Но я не отступлю. Знаешь, эти парни с той стороны с самого начала сделали одну очень серьезную ошибку.

— Какую?

— Они решили опираться только на ложь и силу…

Глава 68. Ржавчина

— Странно, что это такое? Этого раньше не было, — произнес Кука на своем ломаном баргандском, разглядывая небольшие темно-рыжие пятна на тыльной стороне ладоней. — Я не хочу иметь ржавые руки!

На его слова никто не обратил особого внимания, лишь случайно проходивший рядом Драйден Эргемар машинально взглянул на ржавого цвета пятнышки, похожие на чернильные кляксы, да Стана, подруга Куки, прижалась к нему и сжала его руки своими узкими ладошками. Баргандским Стана не владела, как не знала и никаких других языков, кроме своего родного картайского, но эта парочка уже давно понимала друг друга без слов.

Когда двадцать четыре человека вынуждены три недели ютиться в аквариуме из прозрачного пластика, им волей неволей приходиться учиться понимать друг друга. А в случае необходимости, и окружать себя невидимым барьером, позволяющим отгородиться от всех остальных внутри тесной клетки, где невозможно уединиться ни на секунду – даже если забыть о наблюдающих сверху камерах и пришельцах, постоянно находящихся за прозрачной стеной.

Вот и сейчас трое или четверо вовсю заняты какой-то работой. Входят, выходят, говорят о чем-то между собой – пластиковая завеса не пропускает звуки – возятся с пробирками и что-то делают у странно выглядящих аппаратов, установленных на столах вдоль стен… К этому все уже давно все привыкли и перестали обращать на пришельцев внимание, один только упорный Дилер Даксель, по-прежнему стремящийся разобраться и понять, был готов наблюдать за ними целые дни напролет. Пожалуй, интереснее было бы следить за лесным муравейником; там, если приглядеться, можно найти больше логики и смысла.

Впрочем, чего только не сделаешь от скуки? В маленьком аквариуме совершенно нечем заняться. Запасы новых историй истощились даже у таких великолепных рассказчиков как Дилер Даксель и Эстин Млиско, а с большинством товарищей по несчастью нельзя перекинуться больше чем парой слов из-за незнания языков друг друга. В такой ситуации даже непонятные исследования и процедуры, которые проводят со здешними обитателями пришельцы, выглядят если не как развлечение, то как желанное разнообразие.

Увы, но сегодня не будет и этого. Нынешний день у пришельцев выходной – одна из немногих вех, по которым можно

ориентироваться в этом мире, ограниченном стенами, где время измеряется сном, раздачами пищи и периодическими угасаниями бело-лиловых светильников под потолком. Мире, где слова "вчера" и "завтра" теряют смысл, где постепенно сбиваются с хода даже внутренние часы, и где все становится непрочным, зыбким и неопределенным.

Оказывается, и время можно подчинить – если отнять у человека возможность его измерять. И как говорит Даксель, при желании пришельцы теперь могут манипулировать ими, заставляя их ускорять или замедлять жизненный цикл, сокращать их личные сутки до шестнадцати часов или растягивать до двадцати пяти, а то и вовсе лишить их временных ориентиров, окончательно выбив из под ног последние остатки здравого смысла, за который все они еще цепляются как за гнилую соломинку.

А может быть, так оно уже и происходит? Или вот на выбор другой вариант: пришельцы загнали их во временную петлю и обрекли на проживание одного и того же бесконечного дня, где каждая новая фаза замкнутого цикла повторяет следующую…

Эргемару всегда приходила на ум мысль о цикличности времени, когда он видел эту пару. Неисправимый пессимист Даксель, постоянно ожидающий от пришельцев каких-либо козней, и картаец Тухин, убежденный сторонник точки зрения: "Давайте не будем думать о пришельцах слишком плохо". Спор между ними начался еще с первого дня и с тех пор не прекращался, то и дело вспыхивая коротким дымным пламенем. За прошедшие долгие дни и недели спорщики уже высказали друг другу все возможные аргументы, не приблизившись к взаимопониманию ни на йоту. В последнее время они все больше напоминали Эргемару двух игроков, день за днем разыгрывающих один и тот же многократно изученный и расписанный во всех учебниках дебют. Они могли играть в эту игру целыми днями – вслепую, в режиме блица, мимоходом, занимаясь совсем другими делами. Все равно на каждую реплику следовал давным-давно найденный и выученный ответ.

Сегодня они говорили на баргандском, который Тухин знал не хуже, чем Даксель – картайский.

— …Во всем этом нет ничего чудовищного, — с терпеливой интонацией повторял Тухин. — Они напали на нас, потому что были сильнее. Если бы мы вышли в космос раньше и обнаружили их, то тоже, наверное, решили бы их завоевать.

— Однако здесь и сейчас это они завоевывают Филлину, — холодно парировал Даксель. — Это на наши города падают бомбы, и это они убивают нас, а не мы – их.

— Увы, во всех войнах кто-то погибает, — пожал плечами Тухин. — Но ведь пришельцы не убивают всех подряд только ради убийства. Мы-то здесь живы!

— А те, кто раньше не возвращался снизу? Или ты ни разу не видел, как оттуда по ночам выносят трупы?

— Но ведь это было раньше, — с легким раздражением протянул Тухин. — Это были другие пришельцы! Теперь же к нам относятся совсем по-другому! Нам рассказали, для чего мы здесь, объясняют, что с нами делают, и просят у нас сотрудничества…

Эргемар про себя не мог не признать, что в этом Тухин прав. В первый же день, когда они только отходили от многочасовой санитарной обработки, перед ними выступил один из пришельцев. Начал он совершенно неожиданно – извинился перед филитами за смерть нескольких их соотечественников. Мы очень мало знали о вас, говорил пришелец, и из-за этого поначалу возникали трагические недоразумения. Мы не умели правильно лечить вас, не знали, что многие привычные для нас вещества являются для вас смертельным ядом, не были знакомы с вашими обычаями и порой видели в них угрозу. Мы ученые, а не военные, сказал, по-человечески разводя руками, пришелец, и некоторым из нас было страшно. Мы боялись вас, и из-за этого многие из нас пытались погасить этот страх жестокостью. Теперь же этих людей здесь больше нет, и мы хотим начать отношения с вами… как это говорят у вас… с чистого листа.

В будущем нам предстоит вместе жить на этой планете, продолжал пришелец, а может быть, и бок о бок осваивать космос. Поэтому мы хотим как можно больше знать о вас – выяснить, как функционирует ваш организм, не опасны ли для вас наши болезни, а для нас – ваши, как помогать вам, если кто-то из вас вдруг получит увечье или почувствует недомогание…

С тех пор в исследованиях принимали участие только добровольцы, которым платили небольшими блестящими жетонами с выгравированными на них надписями на чужом языке. В обмен на эти жетоны можно было приобретать у пришельцев еду и напитки в дополнение к их пайку, покупать шампунь и душистое жидкое мыло и даже получать странные предметы с кнопками и мигающими окошечками, в которых нужно было укладывать в ряды цветные кубики. Через это развлечение прошли все. Одним, как, например, Эргемару, однообразное занятие скоро надоело, другие же до сих пор неподвижно просиживали целые часы, нажимая на кнопки и выстраивая ряды из кубиков с неправдоподобной быстротой…

— …Скотину перед убоем тоже неплохо кормят, — говорил тем временем Даксель. — И уж наверняка стараются попусту не

волновать… чтобы, не дай бог, не похудела. Я, например, очень хорошо помню, как меня сюда за побег отправляли. И главный пришелец тогда, наверно, случайно признался – он сказал, что у меня нет никаких шансов вернуться на свободу. И у всех нас – тоже!

— Но нам же дали ответ и на этот вопрос, — скучающе пожал плечами Тухин. — Пришельцы захватывали нас, чтобы мы на них работали. Сюда попадали только те, кто работать не мог. Тебя и всех остальных просто пугали. С нами ничего страшного не случится.

— Как можно верить пришельцам?! — бросил Даксель?

— А почему ты сам сослался на начальника лагеря? — усмехнулся Тухин. — Мы оба верим пришельцам – только разным.

Даксель немедленно ответил ему короткой фразой по-картайски, и оба они продолжили спор на этом языке. Эргемар вздохнул и побрел к своей койке.

На уголке его кровати осторожно пристроился Карвен – грузный усатый фидбаллориец с широким смуглым лицом. Он сидел, вытянув вперед сжатые кулаки, и, не мигая, смотрел в глаза напряженно застывшего напротив Эстина Млиско.

— Вот эта, — Млиско, усмехнувшись, хлопнул Карвена по правой руке.

Карвен разжал кулак. На ладони лежала блестящая металлическая кругляшка.

— Угадал, — лаконично признал он на ломаном баргандском. — Три – пять. Играем дальше.

Он заложил руки за спину и с неподвижным лицом начал перекладывать жетон из ладони в ладонь. Млиско слегка расслабился, наблюдая за Карвеном с довольной улыбкой. Он, как и Карвен, был большим любителем этой игры и проводил за ней целыми часами.

За игроками со своей койки следила и Санни – высокая крупная девушка с миловидным круглым лицом. Эргемара не удивило бы, если именно она и была наградой победителю очередного раунда. Добрая Санни не отказывала никому, исправно помогая разряжать напряжение, возникающее в тесной клетке, где содержатся более двух десятков людей обоего пола, одетых только в короткие балахоны, почти ничего не скрывающие, при том, что среди них присутствуют молодая супружеская пара, живущая так, будто на следующий день они расстанутся навсегда, и почти не вылезающие из койки Кука со Станой. Эргемар сам несколько раз уединялся с Санни в тесной кабинке душевой, и в ее теплых ласковых объятиях ему всегда

становилось хорошо и спокойно. Наверное, то, что они все еще не передрались друг с другом в этой скуке и тесноте, было в немалой степени ее заслугой…

Заметив, что Эргемар смотрит на нее, Санни помахала ему рукой, отчего ее балахон слегка задрался, обнажив полноватые бедра. Эргемар с усилием отвел взгляд, встретившись со слегка ироничной улыбкой Диля Адариса.

Чинетский инженер был еще одной опорой, на которой держалась вся их группа. Не зная ни одного иностранного языка, кроме своего школьного баргандского и нескольких слов на картайском и венсенском, он, тем не менее, всегда был среди людей, что-то рассказывал, помогая себе жестами, гасил вспыхивающие конфликты, успокаивал, ободрял, читал молитвы и словно распространял вокруг себя атмосферу спокойной просветленной уверенности. Все в их аквариуме подчинялись и повиновались жесткому решительному Млиско и деловитому Дилеру Дакселю, но слушали именно Адариса, считая его чем-то вроде духовного руководителя.

Сейчас Адарис разговаривал с Тихи и Рустеном – молодыми супругами, потерявшими друг друга в первые дни войны и встретившимися только в плену. Рустен держал свою жену за руку, будто все еще боясь потерять ее, и что-то рассказывал Адарису, помогая себе свободной рукой. Рустен был венсенцем и почти не говорил ни по-чинетски, ни по-баргандски, но им с Адарисом это почему-то не мешало общаться.

В другой день Эргемар, возможно, присоединился бы к ним, но сегодня ему не хотелось ни с кем разговаривать. Деликатно отодвинув в сторону Карвена, он улегся на свою койку, уткнув лицо в мягкий валик, заменяющий подушку.

Лежа ничком с закрытыми глазами, Эргемар представлял, будто готовит вертолет к вылету, проводя все необходимые процедуры как за себя, так и за первого пилота. Он не торопился: вслед за проверкой приборов и оборудования его ждал воображаемый полет с аэродрома Дурдукеу до базы геологов в Черепашьем ущелье.

Впрочем, на это у него все равно уйдет не больше получаса, а затем продолжится все тот же бесконечный день. Чем его заполнять, Эргемар пока не представлял. Ему смертельно надоело однообразие.

Ночью Куке стало плохо. В бреду он метался на своей постели, что-то хрипло крича на своем языке. Встревоженная Стана хлопотала вокруг него, пытаясь напоить тепловатой безвкусной водой из бачка и придерживая голову, чтобы он не

ударился о пластиковую спинку койки, но ничего не помогало.

Своими криками Кука разбудил почти всех. Диль Адарис первым спустил ноги на пол и, на ходу поправляя измявшийся балахон, поспешил к его койке. За Адарисом потянулись и остальные.

Кука был без сознания. Драйден Эргемар буквально чувствовал исходящий от него жар. На его руках и ногах, серых в тускло-лиловом свете ночных плафонов, темнели большие, неправильной формы пятна. Эргемар осторожно дотронулся до одного пятна и тут же отдернул руку. Пятно было сухим, твердым на ощупь и казалось очень горячим.

По какому-то совпадению, именно в этот момент Кука перестал голосить. Его закатившиеся глаза, наконец, сфокусировались на лицах обступивших его людей. Запекшиеся губы дрогнули. Слабым, прерывистым голосом, казавшимся очень тихим после его протяжных воплей, он прошептал какую-то непонятную фразу.

— Что он сказал? — спросил в никуда Дилер Даксель. Кука был родом из Зеннелайра, и здесь его родного языка не знал никто.

— Он хочет пить, — сухо прозвучал в ответ женский голос. — Он говорит, что ему очень жарко, и просит всех расступиться – мне кажется, он сказал, что ему не хватает воздуха.

Эргемар удивленно повернулся. Эти слова на хорошем баргандском языке произнесла невысокая худенькая женщина с короткими темными волосами, занимавшая крайнюю койку в самом дальнем ряду. На вид женщине было лет сорок пять, и все ее считали тихопомешанной. Целыми днями она, ни с кем не общаясь, сидела на своей койке, скрестив ноги, и разговаривала сама с собой на непонятном языке или делала странные гимнастические упражнения, похожие на замедленный танец. Эргемар даже не знал, ни как ее зовут, ни из какой она страны.

Между тем таинственная женщина, кажется, повторила свою фразу по-картайски. Этот язык понимали здесь почти все, и люди, понимающе кивая, расступились в стороны. Возле койки Куки остались только Стана с кружкой воды и Диль Адарис.

— Откуда вы знаете этот язык? — спросил Эргемар у маленькой женщины, возвращающейся к своему месту. — И кто вы?

— Я и не знаю, — женщина посмотрела на Эргемара снизу вверх спокойными темными глазами. — Но я из Галингейстера, а наш язык похож на зенне. Кое-что я поняла, а об остальном просто догадалась.

— А как вас зовут? — смущенно улыбнулся Эргемар. —

Простите, но я не помню вашего имени.

— Его и в самом деле не так-то легко запомнить, — был ответ. — Меня зовут Хеннауэрте Ленневере. Впрочем, вы можете звать меня просто Хенна.

— Вы хорошо говорите по-баргандски и по-картайски, — сказал неслышно подошедший Даксель. — Я могу спросить, почему вы это так успешно скрывали? Здесь ужасно не хватает новых собеседников.

— Может быть, я немного перестраховалась, — пожала плечами Хенна. — Дело в том, что я оказалась здесь именно из-за своего знания иностранных языков…

— Как так? — перебил ее Даксель.

— Я слишком охотно демонстрировала свои познания, пытаясь наладить взаимопонимание в своей бригаде. На пятый день меня отправили сюда. Как мне изволил сообщить пришелец, который меня доставил, я слишком много знаю.

— А сколько языков вы знаете? — заинтересовался Даксель. — Мне кажется, здесь уже нет смысла скрывать.

— О, не так много. Я синхронно перевожу с баргандского и картайского и владею гранидским, чинетским и вилкандским. Кажется, в последнее время я начала немного понимать и венсенский.

— Фантастика, — восхищенно сказал Эргемар. — Вы по профессии переводчик?

— Да. Я работала в одном из банков "тридцатки".

— Случайно не в "Морском Торговом"? — спросил Даксель.

— Нет. В "Вольном Купеческом". А чем вызван ваш интерес?

— У меня счет… — немного смущенно начал Даксель, но не договорил.

Плафоны под потолком вспыхнули ярким светом, и за прозрачными стенами появились силуэты нескольких пришельцев. Увидев людей, собравшихся вокруг койки Куки, трое из них сразу же отправились в приборную секцию и начали облачаться в свои прозрачные скафандры.

Эргемара всегда притягивала эта процедура. В обычном состоянии скафандры как бы висели на стене в соседнем пластиковом аквариуме, чуть подрагивая на растущих из их спин широченных гармошках. Через эти переходники пришельцы смешно залезали внутрь скафандров, засовывая в них поочередно ноги и руки, а затем их помощники или ассистенты снаружи делали что-то у них за спиной, и гармошки послушно сжимались до тонких пуповин шлангов, позволяя пришельцам почти свободно передвигаться по своему отсеку или даже заходить в клетку, где содержались филиты, проходя внутрь через овальные

двери-мембраны, проницаемые только с внешней стороны.

Сейчас пришельцы явились к ним не с пустыми руками. Внутри своего отсека они собрали и поставили на столик с колесиками небольшой кубический аппарат с мигающими лампочками и тянувшимся от него длинными разноцветными шнурами. Толкая перед собой этот столик, пришельцы по очереди прошли через мембрану входа и осторожно, чтобы не перепутать шланги, приблизились к койке, где неподвижно лежал Кука. В ярком свете ламп кожа на его ногах и руках приобрела цвет ржавчины. Пятен было так много, что они налезали друг на друга, а на ладонях и ступнях и вовсе сливались, почти не оставляя места для неповрежденной кожи.

— Он заболел, — зачем-то сообщил пришельцам Тухин, показывая на Куку. — Вы будете его лечить? Вы знаете, что с ним?

— Мы должны сначала это выяснить, — глухо произнес автоматический переводчик на скафандре одного из пришельцев. — Соблюдайте спокойствие. Вашему товарищу будет оказана необходимая помощь.

Переводчик не передавал эмоции, но Эргемару показалось, что пришелец взволнован. Хотя, отметил про себя Эргемар, все трое действовали очень слаженно и рационально, словно заранее были готовы к такому развитию событий.

Так, и сейчас они стянули с Куки балахон, быстро и четко взяли у него кровь из руки повыше локтя и вены в паху, а затем облепили его проводами и нацепили на него толстую повязку, напоминающую младенческий подгузник.

— Он должен лежать неподвижно, чтобы не оборвать и не перепутать провода, — сказал пришелец. — Все продукты естественного выделения организма будут задерживаться и перерабатываться внутри… (раздался прерывистый писк, как всегда бывало, когда переводчик не мог подобрать нужного слова). Его можно поить и кормить, но пока лучше ограничиться питательным напитком, который входит в состав ваших пайков. Мы будем наблюдать за ним и всеми вами. Прибор трогать запрещено, виновный будет наказан.

На этом пришельцы развернулись и ушли, оставив столик с прибором у койки. Звонко хлопнули мембраны, и стены снова затвердели непроницаемой прозрачной пленкой. Один из пришельцев сразу же вылез из своего скафандра и присоединился к тем, кто ждал его снаружи, остальные двое остались в приборной секции и принялись за какие-то исследования.

— Не нравится мне все это, — мрачно сказал Даксель, глядя, как один из пришельцев что-то пишет тонким черным

фломастером на большом плакате, висящем на стене возле двери.

— А что именно? — лениво поинтересовался Эстин Млиско. Он выглядел совершенно расслабленным, но Эргемар уже знал, что это означало внимание и полнейшую концентрацию.

— То, что на этом плакате двадцать четыре строки – по одной на каждого из нас.

— Это может быть совпадением, — пожал плечами Млиско.

— Да. Но я готов поклясться, что седьмой сверху – это я. Когда я проходил обследования, я следил за пришельцами. Они делали какие-то записи в разграфленных блокнотах, и всегда в первой графе стояла одна и та же группа символов… вот эта. А в следующей строке, скорее всего, идешь ты. Мы у них проходим не под именами, а под какими-то кличками, но я почти уверен, что не ошибаюсь.

— Что еще тебе кажется? — спросил Млиско тем же расслабленным тоном.

— Мне кажется, что вон то слово сверху означает "дни". Одна графа соответствует одному дню, и надпись сейчас появилась только в одной клетке в пятом столбце. Пятый день – чего? Что было пять дней назад?

— Ты требуешь слишком многого, — пробормотал Эргемар. Он вряд ли мог вспомнить о том, что происходило позавчера. Дни были слишком похожи друг на друга.

— По-моему, именно пять дней назад Кука получил свой дезодорант, — сказала Хенна. После того, как пришельцы ушли, она не вернулась в свой угол, а осталась с ними.

— Дезодорант? — пробормотал Даксель. — Помню…

Обычно на свои жетоны они приобретали у пришельцев более полезные вещи, и дезодорант, доставшийся Куке, выделялся на этом фоне своей ненужностью. Эргемар с усилием вспомнил, как Кука с потешной серьезностью экспериментировал с небольшим темно-синим пластиковым флакончиком, прыская из него на разные части тела и развлекая своих соседей.

— И все-таки, я не уверена… — пробормотала Хенна. — Все эти дни так сливаются друг с другом.

— А давайте спросим, — предложил Эргемар.

— Кого?

— А самого Куку. Теперь мы сможем понять его.

Но услуги переводчицы не понадобилось. Кука был в сознании и охотно отвечал на своем неправильном, но достаточно беглом баргандском.

— Да, наверное, как раз пять дней прошло, — так, примерно, говорил Кука. — Я даже сам удивился, мне он и не нужен был совсем, пришелец мне его бесплатно дал, как бы в подарок. И

толку от него никакого не было – он почти ничем не пахнул. Я другим предлагал – никто никакого запаха не почувствовал. Я на следующий день его в мусор выкинул.

— А что-то еще о нем запомнилось? — напряженно спросил Млиско.

— Да, в общем, — Кука осторожно повел рукой, стараясь не запутать цветные проводки. — Пришелец как-то странно с ним обращался. Достал из какого-то прозрачного… контейнера, что ли… и держал так… двумя пальцами, словно боялся раздавить…

— …И все равно это ничего не доказывает, — шепотом говорил Тухин Дакселю.

Яркий свет уже погасили, и под потолком опять горели только тускло-фиолетовые светильники.

— По отдельности – ничего, — согласился Даксель. — Но все вместе заставляет задуматься.

Тухин задумался.

— Но ведь пришельцы начали его лечить, — наконец сказал он.

— Это все только датчики, — подал голос со своей койки Эргемар.

— Что?

— Я летчик и неоднократно проходил медосмотры. То, что они нацепили на Куку, выглядит по-другому и работает, наверно, по другому принципу, но это датчики.

— Ну и что? — пожал плечами Тухин. — Очевидно, им самим нужно разобраться, что же у него такое. Помните, они предупреждали, что их болезни могут оказаться опасными для нас?

— Вот именно, — пробормотал Даксель.

— Ребята, — попросил Эстин Млиско. — Успеете еще поспорить. Подождите до утра.

Утром ржавые пятнышки появились на руках у Станы и еще пяти человек в их углу. Все они потом вспомнили, что несколько дней назад пользовались дезодорантом Куки.

— Кажется, ты был прав, — мрачно сказал Дакселю Эстин Млиско, наблюдая, как пришелец заполняет новые графы на плакате. — Шестой столбец, одни и те же надписи в шести клетках и новая запись в седьмой.

— И все равно, это может быть совпадением, — отозвался со своей койки Тухин.

Млиско удивленно приподнял бровь.

— Интересное заявление, — саркастически сказал он. — Что

меня всегда удивляло, так это умение некоторых людей не замечать очевидных вещей, если они не хотят их замечать. Скажи, почему ты все еще продолжаешь верить пришельцам?

— Потому что нам больше некому верить и не на что надеяться. Мы в полной их власти. И мне хочется думать, что они не обратят ее нам во зло. Иначе… что нам остается тогда?

Млиско промолчал. А Драйден Эргемар поймал себя на том, что ищет доводы в поддержку Тухина.

По крайней мере, пришельцы не оставили их на произвол судьбы, пропустив наутро через самый масштабный медосмотр, какой им только пришлось здесь проходить. По окончании процедуры на каждого надели по три тугие повязки – на левую руку повыше локтя, правую ногу под колено и вокруг торса. В этих повязках, наверняка, тоже были лишь датчики, но все равно с ними было как-то спокойнее.

Кука тоже получил точно такие же повязки. Провода с него сняли, и теперь он лежал в обычном балахоне под присмотром Станы. После медосмотра ему стало лучше, и он даже смог встать с постели и, придерживаясь за спинки коек, доковылять до туалета. Ржавые пятна по-прежнему покрывали его руки и ноги, но, похоже, не доставляли ему никаких неприятных ощущений. Кука даже утверждал, что они будто бы стали меньше. Это настраивало на оптимистичный лад.

На следующее утро от этого оптимизма не осталось и следа. Ночью Куке снова стало худо, он громко бредил и в жару метался на своей койке, исходя обильным потом. Стана самоотверженно ухаживала за ним, но к утру и она слегла, а вскоре почувствовали недомогание и остальные пятеро заболевших. Пластиковый аквариум в одночасье превратился в душную больничную палату, заполненную хриплыми стонами и сдавленными проклятиями.

Помогая Санни стаскивать с Куки насквозь мокрый балахон, Эргемар обратил внимание, что ржавые пятна распространились у него почти по всему телу. Ступни и кисти рук приобрели почти сплошной ржаво-коричневый цвет. Кожа на них затвердела, натянулась и походила на коросту.

И, что было хуже всего, ржавые пятна на руках и ногах появились еще у трех человек, которые не только не пользовались подозрительным дезодорантом, но даже близко не подходили к Куке, когда он его испытывал. Успокоительное предположение о том, что болезнь была вызвана аллергической реакцией, исчезло сама собой.

Подавая больным кружки с водой, вытирая едкий пот с их тел или меняя тяжелые, наполненные жидкостью "подгузники" (пришельцы щедро оставили целый ящик), Эргемар чуть ли не

поминутно со страхом смотрел на свои руки, ожидая появления на их страшных ржавых отметин, но болезнь пока обходила его стороной. Однако к вечеру число заболевших увеличилось еще на три человека.

Ночь была ужасной. В тусклом лиловом свете плафонов их аквариум выглядел как преддверие ада. Казалось, что жар, идущий от тел больных, заполняет весь объем пластиковой клетки. Серая кожа людей покрылась тускло отблескивавшими каплями пота, мокрые балахоны липли к телу, воздух был тяжелым и душным. Все здоровые по очереди заходили в душевую кабинку, чтобы постоять хотя бы несколько минут под прохладными потоками воды, но это помогало не надолго.

Кука был теперь покрыт темными пятнами с головы до ног. Кожа на ступнях и кистях рук покрылась трещинами, из которых сочилась кровь, черты лица заострились. Он продолжал со страшной скоростью терять жидкость, просто плавая в поту. По распоряжению Млиско в него вливали целые литры воды, но это мало что меняло. Кука уже давно не приходил в сознание и непрерывно о чем-то отрывисто говорил в бреду, но даже Хенна не могла разобрать его слова.

Неясное бормотание Куки, в которое то и дело вплетались стоны кого-то из других больных, уже стало привычным фоном, и когда оно стихло, никто вначале не обратил на это внимания. Только Тихи, поднесшая ему очередную кружку с водой, вдруг выронила ее, разразившись плачем на груди подоспевшего на помощь Рустена.

— Он умер! — всхлипывала Тихи, и ее поняли все.

Эстин Млиско, опустившись на колени перед койкой Куки, осторожно прикрыл его мокрой простыней.

— Конец, — подтвердил он, проведя рукой по лицу покойного.

Эргемар вспомнил из просмотренных кинофильмов, что так прощались с погибшими на фронте.

Вокруг койки уже собрались все, кто мог держаться на ногах. Диль Адарис глухо читал заупокойную молитву на чинетском.

— Покойся с миром, — произнес он в конце по-баргандски. — Прими, Единый, его чистую душу. Пусть он при жизни верил в других богов, но смерть одна на всех…

Хеннауэрте Ленневере машинально перевела его слова на картайский.

— Он займет место на светлой стороне, — откликнулся Карвен. — Добрый бог, прими его в свое воинство!

Хенна перевела и его, на этот раз на баргандский, и Эргемар с уважением посмотрел на грузного фидбаллорийца. Карвен, как

и Кука, был дуалистом, то есть, верил в вековечную борьбу двух вселенских богов – светлого Гланиуса и темного Хыгураша. Однако с точки зрения ортодокса Карвена, житель Зеннелайра, где равно почитали обоих богов, полагая, что свет невозможен без тьмы, был страшным еретиком. Здесь, в плену у пришельцев, их прежние религиозные и национальные различия становились чем-то пренебрежимо малым…

А пришельцы появились только утром. Они принесли с собой сверток, напоминавший большой спальный мешок. Вынув из него белое прозрачное пластиковое полотнище, они деловито упаковали койку с лежащим на ней мертвым телом Куки в большой овальный кокон. Закончив, они молча развернулись и по одному стали возвращаться на свою половину.

— Подождите! — окликнул последнего пришельца Тухин. — А когда вы будете нас лечить?

Пришелец обернулся и смерил Тухина равнодушным взглядом сверху вниз.

— Лечить? — донесся из динамика размеренный голос. — Это пока не входит в условия эксперимента. Вы должны гордиться, что можете послужить великой Империи. Благодаря вам, мы движем вперед науку.

Звонко щелкнула мембрана, и они снова остались одни. Потрясенный Тухин обхватил голову и опустился на чужую койку.

— Я не верю! — простонал он. — Не верю!

Тыльная сторона его ладоней была словно покрыта крупными веснушками, однако все уже знали, что это означало в действительности.

— Будьте вы все прокляты! — закричал вдруг Млиско. — Вот вам ваша наука!

Подцепив краешек повязки у себя на руке, он с треском сорвал ее с себя и бросил на пол. Через полминуты та же участь постигла и повязку под коленом. Даксель, тоже стащивший повязку со своей руки, стал помогать Млиско, сдирая с его спины покрытую мельчайшими крючочками ленту, цеплявшуюся за мохнатую подложку словно репейник.

— Немедленно остановитесь! — прозвучал сухой голос из динамика. — Верните датчики на место!

— Это еще почему?! — крикнул Млиско.

Не дожидаясь, пока Даксель полностью освободит его торс, он вскочил с койки и занес ногу над валявшимися на полу повязками.

— Если вы сорвете эксперимент, мы будем вынуждены повторить его над другой группой, — раздался усиленный автоматическим переводчиком голос пришельца. — И поскольку

вы потеряете для нас ценность, для нас не будет смысла испытывать на вас действие вакцины.

— Он врет, не так ли?! — прошептал Даксель. — Им нельзя верить!

Млиско заколебался. Наконец он нагнулся, поднял с пола повязку и стал неуклюже напяливать ее обратно себе на руку. Эргемар помог ему обтянуть второй повязкой руку и поправить ленту на груди. Даксель выжидал не меньше минуты, но увидев, что его никто не поддерживает, сдался.

— Очень хорошо, — прокомментировал голос из динамика. — Но если вы и дальше будете препятствовать наблюдениям, эксперимент будет прекращен.

— Проклятье! — процедил сквозь зубы Млиско. — Они слишком крепко взяли нас за горло.

Даксель безучастно сидел, опустив руки. Он казался сломленным, но все же заставил себя встать, чтобы принести воды одному из больных.

Внутри пластикового аквариума зависло отчаяние, перемешанное с безумными надеждами. В этот день больных стало уже больше чем здоровых. Рустен, ни на кого не обращая внимания, словно застыл, крепко обнимая Тихи. На ее руках, обвившихся вокруг его шеи, темнели неправильной формы ржавые пятна. Тухин неподвижно лежал ничком, закрыв лицо руками. Ржавчина распространялась по нему с неимоверной быстротой. Темные кляксы росли прямо на глазах, все ближе подползая к локтям и коленям.

Первым сорвался Грувец – невысокий молчаливый молодой венсенец, который целыми днями неподвижно просиживал на своей койке, лихорадочно нажимая кнопки и укладывая в ряды цветные кубики. Он внезапно отбросил пустую кружку, из которой только что напоил другого больного, и, словно взбесившийся бык, с кулаками набросился на прозрачную стену. Нечленораздельно крича, он исступленно колотил ее, пинал и, ломая ногти, пытался разорвать полог, но только все больше съезжал вниз, пока не оказался лежащим на полу. Пришельцы, работавшие снаружи, равнодушно посмотрели на него и вернулись к своим занятиям.

Диль Адарис опустился на корточки перед поникшим Грувецом, осторожно помог ему подняться и, будто маленького мальчика, повел за руку к койке. У Адариса тоже началась ржавчина, мелкие темные пятна усеивали его руки до самых локтей, но инженер словно не замечал их. Казалось, он успевал быть везде, помогая лежачим больным и подбадривая остальных. Он постоянно что-то сбивчиво говорил на смеси чинетского и

баргандского, мучительно пытаясь протолкнуть свои мысли сквозь узкое горлышко чужого языка и сердясь, что ему не хватает слов.

Хенна, некоторое время наблюдала за страданиями Адариса, а затем тихо подошла и встала рядом, и Эргемар впервые увидел работу квалифицированного переводчика-синхрониста. Адарис проникновенно говорил по-чинетски короткими рублеными предложениями, а как только он замолкал, его слова тут же подхватывала Хенна, повторяя ту же фразу по-картайски и воспроизводя при этом даже нужную интонацию.

— О чем он говорит? — шепотом спросил Эргемар у Дакселя.

— Не бойтесь смерти, — повторил Даксель по-баргандски. — Для тех, кто верует в Бога, это не конец, а новое начало истинной жизни. Полюбите Его, раскройте перед Ним свое сердце, и Единый примет вас в свои объятия и не оставит вас в миг кончины вашего существования в этом мире.

Адарис говорил довольно долго, но затем Хенна начала спотыкаться, делать паузы, подыскивая правильное слово, а затем и вовсе смолкла, бессильно разведя руками.

— Вы устали? — спросил ее Эргемар. — Знаете, я никогда не думал, что у переводчиков такая трудная работа.

— На серьезных переговорах и конференциях мы обычно сменяемся через каждые пятнадцать минут, — согласилась Хенна. — Синхронный перевод очень изматывает. Но сейчас мне просто не хватило слов. Моя тема – финансы, о них я знаю все и могу переводить любой профессиональный разговор, а вот в религии я не очень сильна.

— А о чем он говорил еще? — поинтересовался Эргемар.

Хенна горько усмехнулась.

— Что для того чтобы спастись, нужно просто верить в Бога. Когда придет беда, проси Его о помощи, и он поможет…

Небеса оставались глухими к их мольбам. Ночью скончались еще шестеро человек – все, кто заболел на день позже Куки. Последней, уже утром, отошла Стана. Она умирала тяжело и страшно – все ее тело с головы до ног приобрело ржаво-коричневый цвет, густые темные волосы посерели и выпадали целыми прядями, кожа на руках и ногах растрескалась как рассохшаяся земля. Несколько раз Стана приходила в себя, просила пить, жаловалась на жар и боль во всем теле, а затем снова теряла сознание. Пришельцы, снова появившиеся в их аквариуме, бесстрастно смотрели на ее агонию, а когда она стихла, вытянувшись на мокрых простынях, деловито закатали ее койку в белый пластик.

— Как мерзко все это выглядит, — брезгливо сказал

Даксель. — Словно коконы каких-то гигантских гусениц.

— А вдруг это и в самом деле коконы?! — вдруг пришло в голову Эргемару. — И потом из них что-то вылупится!

— Что вылупится?!

— Какое-то чудовище, как в кино!

Дакселя передернуло.

— Вот придет же тебе в голову! По мне, так лучше простая честная смерть, чем такое уродство!

Эргемар кивнул. За всю ночь он не сомкнул глаз и чувствовал себя очень уставшим. Едва добравшись до своей койки, он буквально рухнул на нее и погрузился в тяжелый сон, наполненный кошмарами. А когда проснулся через несколько часов, заметил на своих руках рыжие пятнышки.

Это открытие потрясло Эргемара. Он ждал этого уже несколько дней, но все равно продолжал надеяться, что болезнь не тронет его. Больше этой надежды не было. Смерть, промахнувшаяся в Граниде и на зеленой лужайке возле корабля пришельцев, все же настигла его, оставив ржавые следы своих когтей.

Эргемар понимал, что он обречен, но не мог в это поверить. Он пока не испытывал никаких неприятных ощущений и чувствовал себя вполне здоровым, насколько это возможно в такой обстановке. Рыжие пятнышки на его руках не зудели, ничем не выделялись на ощупь и почти ничем не напоминали о себе… пока.

И все же, это был конец – отложенный, а поэтому еще более ужасный. Эргемара охватили страх и дикая тоска. Ему хотелось зарыться лицом в подушку, бить кулаками по спинке койки и изо всех сил кричать "Нет!!!", словно это могло что-то изменить.

Страх перед близким небытием лишал его последних сил. Бездна, в которую он никогда не стремился заглядывать, вдруг разверзлась у него под ногами. "Смерть – это не конец существования", — повторял он про себя эту фразу, словно заклинание. Он вспоминал прочитанную в какой-то газете статью, где описывались ощущения людей, переживших клиническую смерть, напряженно думал о других мирах, в которые могла бы попасть его душа после гибели, в этот момент ему страстно хотелось верить всем религиям мира. Эргемар молил Единого о том, чтобы он в действительности существовал, шептал про себя имя светлого бога Гланиуса, жаждал, чтобы популярный среди моряков и летчиков культ Пути оказался истинным. Вечный Полет в компании таких же, как он, людей неба, совершающих бесконечное странствование по беспредельному миру, был бы не худшим вариантом потустороннего существования…

— Драйден, — мягкое прикосновение вывело его из транса. — Ты мне поможешь?

Эргемар с усилием поднял голову. Возле его койки стоял, слегка придерживаясь за спинку, Диль Адарис, державший в руке чистый "подгузник".

— Помоги, пожалуйста, — повторил Адарис. — Ты приподними, а я поменяю.

— Хорошо, — Эргемар заставил себя подняться на ноги.

Его посетила новая страшная мысль: кто будет заботиться о нем, когда уже никто не сможет держаться на ногах. Он поспешно отогнал ее. Рустен, сам больной, не отходил от Тихи, Грувец полностью ушел в себя, Тухин находился в полной прострации, и каждая свободная пара рук была на счету.

Через несколько часов свалился Диль Адарис. Он внезапно выронил полотенце, которым вытирал пот с тела одного из больных, и медленно опустился прямо на пол. Эргемар и Млиско помогли Адарису добраться до койки. Он был весь мокрый и горячий, а ржавые пятна доходили у него до бедер и плеч.

Выход из строя Адариса страшно поразил всех. Чинетский инженер, казалось, успешно сопротивлялся болезни. Последние двое суток он почти непрерывно бодрствовал, ухаживая за больными, поддерживая, успокаивая, а теперь и он лежал без сознания, что-то шепча в бреду. Адарис был настоящей душой их маленького общества, и теперь эта душа умирала.

К этому времени среди них уже не осталась ни одного здорового. Последними признаки болезни появились у Млиско и Хенны. Надежды на спасение не было.

Тусклые ночные плафоны погрузили всех в тяжелый ступор. Вокруг стонали и бредили на разные голоса тяжелые – кому-то из них уже было не суждено дожить до утра.

Сил не оставалось почти ни у кого. Хотелось просто лежать и тупо ждать неизбежного конца. Внезапно Санни, единственная, кто еще пытался что-то делать, отбросила в сторону кружку, из которой она пыталась напоить лежавшую без сознания Тихи, стянула через голову балахон, взяла за руку сидевшего без движения Млиско и потащила его за собой в кабинку душевой. Спустя некоторое время они вышли, и Санни снова отправилась туда с Дилером Дакселем.

Эргемар наблюдал за ней почти равнодушно. Нечеловеческое напряжение последних дней сделало свое черное дело, и у него больше не было сил ни бороться, ни сопротивляться. Когда Санни мощным рывком подняла его с постели, он покорно потащился за ней, желая только, чтобы его поскорее оставили в покое.

Однако уединившись с Санни в тесной кабинке, Эргемар

вдруг почувствовал, что просыпается. Его тело внезапно воспрянуло и теперь возвращало к жизни сломленный и уставший дух. Прохладная вода, хлынувшая на них из душа, окончательно освежила его, и Эргемар почувствовал себя снова живым.

— Спасибо, Санни, — с благодарностью сказал он, нежно проведя рукой по ее мокрым волосам. — Ты не представляешь, что ты для меня сделала.

— Все хорошо, — ответила она ему по-баргандски и легонько подтолкнула его в грудь. — Иди.

Она буквально вытолкнула его из кабинки, а сама присела у койки понурого грузного Карвена. Его тоже нужно было возвращать к жизни…

Они собрались в тесный кружок все вшестером. Последние, кто мог еще держаться на ногах: Млиско, Даксель, Эргемар, Карвен, Хенна и Санни.

— У нас еще есть в запасе полдня, — твердо сказал Млиско, обведя всех спокойным внимательным взглядом. — Мы должны уйти достойно. И, по возможности, захватив с собой парочку пришельцев.

Хенна перевела его слова на картайский – для Карвена и Санни. Они согласно кивнули.

— Для этого у нас будет единственный шанс, — продолжал Млиско. — Утром, когда они зайдут к нам, мы нападем на них.

— В прошлый раз их было пятеро, — с сомнением напомнил Даксель.

— Да. Но нас – шестеро. Самое главное – свалить их с ног. Они слишком неуклюжи в своих скафандрах и вряд ли ждут нападения.

— А как мы их убьем? — спросил Карвен, выслушав перевод.

— У них мягкие костюмы, — криво ухмыльнулся Даксель. — Горло ничем не защищено.

— Нет, — покачал головой Млиско. — Душить – это слишком долго, а через скафандр – еще и ненадежно. Я просто сверну им шеи. Они, конечно, успеют пустить какой-то газ, но с парочкой я успею расправиться наверняка…

Теперь оставалось только обсудить диспозицию и расписать роли. Они договорились наброситься на пришельцев, когда те будут возиться с коконами. По крайней мере, трое из них в это время будут заняты и не станут глядеть по сторонам.

Странное дело, но после этого Эргемару стало легче. Он снова был готов ухаживать за больными, вытирая пот и меняя им "подгузники", и даже темные пятна на руках больше не пугали его. Если повезет, они погибнут в бою, как подобает смелым мужчинам и женщинам, а не сгорят в огне болезни, угасая в поту

и стонах.

И именно Эргемар первым увидел двоих пришельцев, скользнувших в комнату, не зажигая света. Один из них сразу же залез внутрь скафандра, а второй остался снаружи, как обычно, помогая своему напарнику превратить переходную гармошку в узкий шланг.

Все как по команде побросали работу, напряженно следя за пришельцем. Он немного повозился в приборном отсеке, а затем двинулся по направлению к мембране входа. В руке у него был странный предмет, напоминавший большой блестящий пистолет с длинным толстым стволом и тоненьким шпеньком, высовывавшимся из дула.

Мембрана с хлопком разошлась и снова сошлась за спиной у пришельца. Карвен медленными шагами двинулся в сторону стены, словно собираясь набрать в кружку воды. На самом деле, он отрезал пришельцу путь к отступлению. Млиско изготовился к броску.

— Спокойно! — уверенным тоном приказал Даксель. — Не трогать!

— Меня не трогать! — повторил пришелец. Он стоял посреди их аквариума, с испугом переводя взгляд с одного филита на другого. — У меня есть лекарство. Кто хочет первый?

С этими словами пришелец поднял свой "пистолет" дулом вверх и покачал им из стороны в сторону.

— Я первый, — Даксель короткими шагами подошел вплотную к пришельцу.

Тот приказал ему закатать рукав балахона и приставил "пистолет" к руке Дакселя повыше повязки над локтем. Раздался сухой щелчок. Оранжевая лампочка на рукоятке мигнула и снова загорелась.

— Готово, — пришелец снова поднял "пистолет" дулом вверх. — Кто следующий?

Филиты переглянулись. Даксель стоял целый и невредимый, разглядывая появившуюся на руке еле заметную темную точку. И тогда Эргемар в такт колотившемуся сердцу сделал несколько шагов навстречу пришельцу. "Выстрел" не причинил ему никакой боли, что-то словно несильно ударило ему по руке, и пришелец тут же отставил свой аппарат в сторону.

— Второй есть, — сказал он. — Кто хочет еще?

Хотели все. Хенна привела под руку испуганную Санни, вернулся со своего боевого поста Карвен, с кривоватой усмешкой подошел к пришельцу Млиско.

— Готово, — снова произнес пришелец. — Больше никто не хочет?

"Больные! — словно ошпарила Эргемара внезапная мысль. — Необходимо помочь и им!"

Он совершенно забыл, что у пришельца есть переводчик, и знаками стал показывать на соседние койки, где лежали без сознания Тихи и Рустен. Пришелец без промедления повторил свою процедуру, но оба они так и не очнулись.

— Все, — сказал пришелец, снова поднимая "пистолет" дулом вверх. — Восемь доз. Больше не положено.

— Подождите, — Даксель загородил ему путь. — Еще одну, пожалуйста! Вот ему (он показал на Диля Адариса). Всего одну! Я прошу вас!

Млиско, Эргемар, Карвен, Хенна и Санни встали плечом к плечу рядом с Дакселем. Млиско, вытянув вперед руки, начал демонстративно разминать пальцы. Его взгляд не предвещал пришельцу ничего хорошего.

— Я прошу вас, — повторил Даксель. — У вас еще горит оранжевый свет.

— Мы очень просим! — медленно и раздельно добавил Млиско. — Пожалуйста.

Пришелец явно колебался. Несколько секунд он молча смотрел на филитов, а затем склонился к койке Адариса. Раздался еще один щелчок. Оранжевая лампочка на "пистолете" погасла.

— И мне, и мне, пожалуйста! — воззвал со своей койки очнувшийся Тухин. — Мне тоже!

Пришелец не отреагировал. Все расступились перед ним, и он, держа "пистолет" на весу, двинулся к выходу.

— Не уходите! — завизжал Тухин. — И мне лекарство, и мне! Я ведь помогал вам! Я рассказывал вам обо всем! Не бросайте меня!!!

Мембрана хлопнула, выпуская пришельца обратно. Крик Тухина оборвался на высокой ноте.

— Видать, и пришельцы стукачей не любят, — громко и злорадно сказал Млиско. — Только вот не обвели ли они нас опять вокруг пальца?…

За ночь умерло еще двое больных. Четверо пришельцев, пришедшие, чтобы закатать койки с погибшими в белые коконы, закончили свое дело беспрепятственно. Нападать на них никто не решился. Неожиданный ночной визит сломил их волю к сопротивлению вернее, чем страх и ужас перед близкой смертью.

А вскоре случилось чудо. Тихи, уже давно не приходившая в сознание, вдруг привстала на постели и попросила пить. Ржавые пятна, покрывавшие почти все ее тело, побледнели и словно усохли. Она постоянно порывалась вскочить с койки и помочь

Рустену, который по-прежнему испытывал сильный жар, но по-матерински заботливая Санни (хотя она вряд ли была старше самой Тихи) удерживала ее в постели.

К вечеру Рустен уже смог встать и счастливо обнять жену. Диль Адарис очнулся и попросил есть. У Млиско, Санни и Эргемара ржавые пятна полностью исчезли, а у остальных съежились до крохотных бледных клякс, уменьшавшихся буквально на глазах.

Однако больные, не получившие лекарства, сгорали с неимоверной быстротой. К исходу следующих суток в живых остался один Тухин. Он хрипло стонал, то и дело выкрикивая что-то непонятное, и обливался потом. Ржавчина покрыла его почти полностью, и только на лице и груди оставались непораженные участки. Кожа на руках и ногах покрылась кровавыми трещинами. Никто не сомневался, что он не доживет до утра.

Ночью Санни, ухаживавшая за Тухином, разбудила Эргемара и Дакселя.

— Умер? — спросил Эргемар и вдруг осекся.

Тухин был в сознании. Все его тело покрывал обильный пот, он тяжело дышал, но темно-серые в тускло-лиловом свете пятна будто начали уменьшаться и отступать.

— Ты был прав, — прошептал Тухин, глядя в упор на Дакселя. — Тысячу раз прав. Пришельцы – это нелюди, их надо уничтожать везде, где только возможно. Но я выживу, назло им – выживу!

Он и в самом деле выжил. После того как кризис миновал, его состояние начало быстро улучшаться. Пришельцы, пришедшие утром запаковывать его койку, не могли поверить своим глазам и долго совещались между собой, отключив переводчики. А затем устроили всем выжившим очередной грандиозный медосмотр.

— Кажется, мы пока будем жить, — сказал Даксель, вытягиваясь на своей койке. — Только вот что будет дальше?

Эргемар пожал плечами. Четырнадцать белых коконов на месте коек умерших не располагали к оптимизму.

— А хорошо бы выбраться отсюда, — мечтательно произнес Млиско. — Хотелось бы увидеть солнце. Интересно, какая погода сейчас там, снаружи?…

Глава 69. Нарушение законов

Снаружи шел дождь. Мелкие частые капли мягко шлепали по бетону, поднимали рябь на многочисленных лужах и скатывались по непромокаемому комбинезону. Резкие порывы ветра бросали холодные брызги прямо в лицо, и Куоти зябко повел плечами и натянул край капюшона еще ниже, до самых глаз. Будучи уроженцем тропической 45-й провинции, он плохо переносил холод.

Однако дело было не только в плохой погоде, да и плюс восемь градусов – не такая уж и низкая температура. Это, скорее, предстоящий ему объем работ вызывал у него мороз по коже. Строители, торопясь досрочно уложить плиты покрытия для будущего космодрома, для скорости не стали оставлять выемок под электрокабели, и теперь эта задача ложилась тяжким грузом на плечи Куоти.

Как назло, проектанты и не подозревали о подобных трудностях. План космопорта был покрыт, словно паутиной, густой сетью подземных линий электропередач. Всего, как уже успел подсчитать Куоти, ему требовалось уложить почти полторы дюжины километров кабелей, пробив под них в сверхпрочном керамито-бетоне канавы почти метровой глубины и шириной, по меньшей мере, в полметра. Как справиться с этой работой в отведенные для нее три стандартных месяца, имея в качестве средств механизации лишь бригаду филлинских рабочих, вооруженных кирками и ломами, Куоти пока не представлял.

Весь согнутый под грузом тяжких дум, он понуро вошел в канцелярию рабочего лагеря и доложился по всей форме его начальнику.

— Да, я извещен о вас, — сухо кивнул начальник лагеря. — Сочувствую, на вас свалили непростую задачу. Что же, попробую помочь, чем могу. Вам уже приходилось работать с филитами?

— Нет, — покачал головой Куоти. — В последнее время я занимался энергоснабжением охранных периметров. Признаться, я никогда не имел под началом даже кронтов.

— Это даже хорошо, — одобряюще заметил начальник лагеря. — Будь у вас опыт такой работы, здесь он бы вам только помешал. Филиты намного смышленее кронтов, им вполне можно доверять, если уметь правильно с ними обращаться и не поворачиваться спиной.

— Что, были случаи…? — начал Куоти.

— У нас – нет. На базе "Север" были три нападения и одна попытка группового побега. В конце концов, большую часть

местных пришлось изъять, а оставшихся разбавить рабочими отсюда и с Центральной базы. Да вы не волнуйтесь, для вас самое главное – найти общий язык с бригадирами и поставить им четкую задачу, а они уже организуют работу остальных. Отнеситесь к филитам как к своим обычным подчиненным – корректно и без пренебрежения. Если они будут задавать вопросы о цели работ, ответьте. Когда они осознают, что делают, они, как правило, работают лучше.

— Я понял, господин старший офицер второго ранга, — наклонил голову Куоти.

— Вот и ладно. Раз нам нужен труд филитов, в наших интересах, чтобы они работали хорошо, верно? Я дам вам седьмую бригаду. Они раньше дробили камень, из которого потом изготавливались стандартные блоки, но основные стройки у нас уже закончены, и в таком большом количестве материалов нет необходимости. Это неплохая бригада, у нее весьма толковые начальник и заместитель, я думаю, вы с ними поладите. Подумать только, они додумались присоединить колесики к носилкам, в которых они таскали щебень. Это увеличило выработку чуть ли не вдвое. Может быть, они что-то придумают и для решения вашей задачи.

— Для решения моей задачи нужен хотя бы один кабелеукладчик, — вздохнул Куоти. — Или, на худой конец, шахтный проходчик с плазменным режущим факелом.

— Учитесь использовать то, что под рукою, младший-один, — покровительственно заметил начальник лагеря. — Ладно. Я вызываю бригадира и заместителя седьмой, а вы заберете их и поставите перед ними задачу.

Начальник лагеря снял со стойки микрофон и начал отдавать необходимые распоряжения, а Куоти следил за ним, ощущая, как его сердце убыстряет ход. Он все еще слабо представлял себе, как ему вести себя с филитами и что им приказывать. "Отнеситесь к ним как к обычным подчиненным", — посоветовал ему начальник лагеря, но стал бы он давать своим подчиненным заведомо невыполнимые приказы?

Кроме того, у Куоти был приказ Центра об оказании любой возможной помощи жителям планеты. Когда он занимался охранным периметром, исполнять этот приказ было легко. Ему удалось вставить в несколько распределительных щитов специальные реле, на несколько секунд отключавшие автоматические защитные установки после первых пристрелочных выстрелов. Филит, попавший под их огонь, таким образом получал шанс спастись бегством.

Однако что ему делать с целой группой филитов, для которой

он три месяца будет повелителем, хозяином, властителем над их жизнью и смертью? И может ли он вообще как-то помочь им?

Куоти подозревал, что знает, почему именно ему поручили весьма нелегкую и ответственную задачу по прокладке электрических сетей, хотя на базе хватало офицеров постарше и поопытнее его. Проложить кабели необходимо, но в срок это сделать совершенно невозможно: филиты с их примитивными инструментами не выполнят работы не только в три месяца, но и в три года. Когда выяснится, что план строительства сорван, начальство будет вынуждено принять меры. Его самого серьезно никто не будет наказывать, так как его чин и квалификация заведомо не соответствуют сложности и ответственности полученного задания. В худшем случае, ему влепят строгий выговор, что на какое-то время задержит его производство в старшие офицеры; если у начальства хватит совести и желания, это ему как-то негласно компенсируют. Потом из Метрополии пришлют, наконец, настоящий кабелеукладчик, с которым вся работа будет выполнена за две-три дюжины дней… Хуже всего в этой истории может прийтись именно филитам, которых вполне могут обвинить в саботаже, чтобы свалить на них все задержки в ходе строительства. А если учесть, что к тому времени нужда в туземных рабочих существенно снизится, ничего хорошего это седьмой бригаде не предвещает…

За всеми этими мало приятными размышлениями Куоти и не заметил, как бригадир и его заместитель появились в канцелярии, за толстым стеклом, отделявшим помещение конторы от коридора, ведущего со стороны лагеря.

— Уважаемый старший начальник, — отрапортовал бригадир начальнику лагеря. — *Гзури* и *хсиу* седьмой бригады по вашему приказанию прибыли!

Куоти вздрогнул. Начальник лагеря мог говорить об отличии филитов от кронтов, но термины здесь использовались самые что ни есть кронтэйские. К нему самому филит обратился как к *"ахтантагаи"* — это слово практически не использовалось в современном языке и имело оттенок глубокого униженного подчинения, слова *"гзури"* и *"хсиу"* также были взяты из лексикона кронтэйских рабочих отрядов и представляли собой пренебрежительные клички, которыми господа награждали надсмотрщиков за рабами.

Но филиты, похоже, не были посвящены в подобные лексические тонкости, а начальник лагеря, очевидно, принимал все это как должное.

— С этого дня ваш рабочий отряд (он снова употребил принятый для кронтов термин *"лмири"*) поступает в постоянное

распоряжение нового начальника ответственных работ (*"таанхтагаи"* — еще одно слово из того же ряда). Вы будете подчиняться ему и выполнять все его указания. Сейчас вы отправитесь вместе с ним, и он поставит вам новую задачу. Вы поняли?

— Да, уважаемый старший начальник! — почтительно ответил бригадир, невысокий плотный филит с большим красным ромбом на груди комбинезона.

Его заместитель, повыше, потоньше и помоложе на вид, согласно кивнул. Как уже успел заметить Куоти, их мимика и жесты были вполне понятными.

— Вот и все, — начальник лагеря отключил микрофон и переводчик и повернулся к Куоти. — Теперь идите к воротам, там они будут вас ждать. Сейчас вам выпишут пропуск на две головы… Вы при оружии?

— Простите? — не сразу понял Куоти. — Нет, господин старший офицер второго ранга. Да у меня, вообще-то, и нет личного оружия.

— Это плохо, — пожевал губами начальник. — По инструкции положено сопровождать пленных только вооруженным лицам… Ладно, возьмите, повесьте на пояс это. Пусть это всего лишь пугач для шумовых эффектов, но откуда им знать? Так вы будете выглядеть солиднее.

— Спасибо, господин старший офицер второго ранга, — поблагодарил Куоти, вешая на пояс тяжелую кобуру с устрашающе выглядевшим устаревшим спортивным пистолетом. — Разрешите идти?

— Идите, младший один. И постарайтесь вернуться не позже, чем через три часа. Иначе седьмую бригаду некому будет вести к ужину.

Оба филита уже ждали его у ворот лагеря. Они сидели рядышком под козырьком проходной, укрываясь от дождя. Их комбинезоны были такими же непромокаемыми, как у Куоти, но головы их были непокрыты, и темные волосы уже успели покрыться мелкими капельками влаги. Над плечом каждого из филитов были прикреплены небольшие датчики, которые не только подавали сигналы о местонахождении, но и служили им пропусками за пределы лагеря. На крошечных экранчиках датчиков можно было прочитать, в чье распоряжение они переданы и для какой цели. Сейчас Куоти, приглядевшись, мог различить на них собственные имя и звание, а также стандартную формулу "выполнение назначенных работ".

При виде Куоти оба, не спеша, поднялись на ноги.

— *Таанхтагаи наэрму*… — начал бригадир, но Куоти оборвал его.

— Отставить. Идите за мной.

Для начала, Куоти хотел зайти на склад, чтобы взять разметчик. Пусть работа и была невыполнимой, но, по крайней мере, стоило воочию представить себе ее масштаб. Филиты покорно топали за ним, подняв воротники комбинезонов, и негромко переговаривались между собой на непонятном для автоматического переводчика языке.

Куоти хотелось бы знать, о чем они говорят. Он желал поскорее наладить контакт с филитами, но не представлял, с чего начинать. Для них он, наверняка, был лишь врагом, уничтожающим их мир и убивающим их соотечественников. Как рассказать им, что не все *кээн* таковы? Как убедить их, что он хочет им помочь? Что сделать, чтобы они увидели в нем пусть не друга, но хотя бы союзника?… Ответов на эти вопросы не было. Вероятно, ему мог бы помочь Стрелок, Реэрн, но он сейчас на Центральной базе, а простому младшему-один не так-то легко пробиться к вечно занятому зампотеху для разговора без свидетелей и следящих устройств…

— Как вас зовут? — обернувшись, задал Куоти первый пришедший в голову вопрос, чтобы только нарушить затянувшееся молчание.

— Я прошу прощения, — неуверенно наклонил голову бригадир. — Вы что-то спросили? Я не понял.

— Я спросил, как вас зовут, — повторил Куоти, стараясь говорить размеренно и простыми фразами. — Назовите ваши имена.

— Мое имя Кен Собеско, — ответил бригадир, и в его голосе, приглушенном переводчиком, Куоти уловил удивленную интонацию. — А моего заместителя зовут Гредер Арнинг.

— У вас непростые имена – для нас, — отметил Куоти.

— Нас здесь не называют по именам, — с неожиданной горечью вдруг сказал заместитель бригадира. — Мы просто *гзури* и *хсцу* — вероятно, так вам будет легче.

— Вы не должны называть себя так, — поморщился Куоти. — Вы знаете, что означают эти слова?

Оба филита покачали головами из стороны в сторону, и Куоти догадался, что это означает "нет". Он сам сделал бы маятниковое движение ладонью перед собой.

— *Гзури* — так называют раба, который следит за другими рабами, чтобы они хорошо работали, — попробовал объяснить Куоти.

— Я понял, это надсмотрщик, — кивнул Гредер Арнинг. — А

что такое *хсиу*?

— Когда-то давно так называли злого духа, который стоит за спиной у человека и подталкивает его под локоть, мешая что-либо делать. Но теперь это тоже означает надсмотрщика, но менее важного, чем *гзури*.

— Хорошее значение, — вполне искренне рассмеялся Гредер Арнинг. — И очень похоже на наше. У нас такого надсмотрщика называют спиногрызом – тем, кто грызет спину.

— Да уж, — согласился Куоти. — Но я не думаю, что вам понравится, если я буду вас так звать.

— Э-э-э… — неуверенно начал Кен Собеско. — Прошу прощения, но, может, вы сначала скажете, как нам звать вас? Как я понимаю, *таанхтагаи наэрмугдолнистоу* тоже означает что-то не слишком приятное?

— Это означает "начальник ответственных работ", — нахмурился Куоти. — Но так может говорить только раб своему господину. Обращайтесь ко мне "господин младший офицер первого ранга".

— У нас к военным также обращаются по званию, — кивнул Кен Собеско. — Очень знакомо.

— Вы тоже военный? — с интересом спросил Куоти. — Офицер?

— Да, капитан (Собеско четко произнес это непонятное переводчику слово). Тоже что-то вроде младшего офицера первого ранга.

— Как интересно. Тогда как вас называют? Капитан Кен Собеско?

— Только в торжественных случаях. Обычно меня называли просто капитан или, если обращался младший по званию, господин капитан.

— Договорились, — кивнул Куоти. — Я тогда буду звать вас "капитан", вы не против? А кто вы, Гредер Арнинг?

— Я не военный, — покачал головой заместитель. — И, господин младший офицер первого ранга, зовите меня Гредер.

— Хорошо. А Гредер – это ваше личное или родовое имя?

— Личное. В неофициальной обстановке у нас принято называть друг друга по личным именам. А можно спросить, как зовут вас?

— Это является какой-то вашей традицией? — удивленно повернулся к Арнингу Куоти.

— Нет, — не менее удивленно пожал тот плечами. — Просто мне показалось, что называть вас все время господин младший офицер первого ранга – это слишком длинно, во всяком случае, на нашем языке.

— Ну, мое имя тоже не слишком короткое, — усмехнулся Куоти. — Полностью оно звучит так: Ээси Луарви ди-Куоти Укунаатси.

— Ой! — взялся за голову Арнинг. — Мне это никогда не выговорить.

— О, все не так страшно. В обычном разговоре мы употребляем, как правило, только так называемое взрослое имя, в данном случае, Куоти.

— А что означает все остальное? — спросил Арнинг.

— Ээси Луарви – это так называемые детские имена, их дают родители при рождении ребенка. Вообще-то принято давать одно имя, но в той провинции, где я вырос, имен обычно несколько. Когда-то каждое имя имело своего духа-покровителя, и считалось, что чем больше имен, тем больше защиты.

— У нас есть то же самое, — восхищенно сказал Арнинг. — Пусть не в моей стране, но кое-где детям дают несколько имен, и по той же самой причине! А Уку… и так далее – это ваша фамилия? Или, как вы говорите, родовое имя?

— Верно, — кивнул Куоти. — Но его употребляют, как правило, только в официальных случаях.

— А слово "ди" что-то значит? — вдруг задал вопрос Собеско.

— Да, — Куоти заколебался. Он чувствовал, что ему будет сложно объяснить филиту сложную полунаследственную иерархию титулов-приставок. — Это символизирует мое положение в обществе – не очень высокое, но и не низкое.

— Такие добавления к имени имеют все? — быстро спросил Арнинг.

— Да. Все граждане Империи.

— От рождения и до смерти?

— Нет. Титул получают при достижении совершеннолетия – в зависимости от заслуг родителей, успехов в учебе, планируемого рода занятий молодого человека и еще некоторых факторов. И если он поднимается в обществе, то и титул ему могут поменять. Например, если я когда-нибудь стану суперофицером, то мне присвоят титул "не" или даже "ро".

— Это делается автоматически или кто-то принимает такое решение? — поинтересовался Арнинг.

— Это довольно сложный механизм, и я расскажу о нем как-нибудь позже, — сказал Куоти. — Сейчас давайте помолчим.

За время разговора они уже успели почти дойти до складского комплекса, и Куоти опасался, что кто-то может их услышать. Не то, чтобы пленным официально запрещалось сообщать какие-либо сведения об Империи, но Куоти не без оснований предполагал, что его откровенность будет признана

явно излишней.

Возобновился их разговор только на поле будущего космодрома. Дождь наконец перестал, и Куоти, откинув капюшон, шел впереди, вглядываясь в большой лист с планом. За ним Гредер Арнинг катил тележку разметчика, оставляющую за собой две толстые белые линии, между которыми должна была пролечь выемка под кабель, а Кен Собеско следил за тем, чтобы при частых остановках краска не расходовалась зря, периодически закрывая и открывая вентиль.

— Господин младший офицер первого ранга, разрешите спросить: что это будет? — в конце концов не удержался Арнинг.

Куоти невесело усмехнулся. Они как раз дошли до того места, где строители, очевидно, в виде исключения, оставили выемку нужной глубины и ширины.

— Это должна быть точно такая же канавка. В ней надо будет проложить кабели.

Кен Собеско, обернувшись назад, выразительно посмотрел на паутину белых двойных линий, пересекавших широкую посадочную площадку во всех направлениях.

— Это еще не все, — заметил Куоти. — Мы едва наметили половину.

— Какой на это дается срок? — деловито спросил Собеско.

— Девяносто ваших суток.

— Не мало, — оценивающе заметил Собеско. — При наличии хорошего инструмента…

— У вас не будет хорошего инструмента, — жестко сказал Куоти. — И не будет никакой техники. Здесь просто нет ни того, ни другого. И, к сожалению, керамито-бетон поддается только очень хорошему плазменному резаку.

— Так что же нам тогда остается?! — недоуменно произнес Арнинг.

— Ваши лопаты и кирки. И, конечно, плюс смекалка.

— Но то же невозможно! — запротестовал Арнинг. — Разве ваши начальники этого не видят?

— Мои начальники видят все, — устало вздохнул Куоти. — Однако работа, которую запланировано сделать, должна быть сделана… даже если ее сделать нельзя. Когда вы сорвете сроки, вас и меня накажут, а мое начальство получит право обратиться в Метрополию и попросить, чтобы прислали нужную технику.

— У вас очень странная логика… — вздохнул Арнинг, но его прервал Кен Собеско.

— Гредер, не лезь в чужой город со своим законом. Господин младший офицер первого ранга, скажите, а те буры, которыми

делали шурфы в каменоломнях, не возьмут этот бетон?

— Перфораторы? — переспросил Куоти. — Наверное, возьмут. Только что это даст?

— Можно просверлить очень много отверстий друг возле друга. Так, чтобы они почти сливались. А потом заложить взрывчатку. Если у нас умеют делать направленные взрывы с большой точностью, наверняка это могут делать и у вас!

— Сложно сказать, — задумался Куоти. — Не знаю, есть ли на нашей базе такие специалисты по взрывам… Но у вас интересная идея… Стоп! Перфораторы можно использовать для расточки и рихтовки! Если, как вы говорите, просверлить очень много отверстий, то потом можно будет разрушить перегородки… Нет. Невозможно. Слишком много возни. Мы не успеем.

— Но, по крайней мере, это шанс, — настаивал Собеско. — В конце концов, в бригаде больше тридцати человек, а ваши перфораторы бурят довольно широкие отверстия. Или их тоже мало?

— Да, нет, они-то как раз есть в достаточном количестве… Вы, пожалуй, правы, нужно попробовать!… Только давайте сначала закончим разметку…

Ежедневная видеоконференция генерала Пээла с начальниками баз подходила к концу.

— У кого-то еще есть вопросы? — привычно спросил Пээл, уже закрывая свой электронный блокнот.

— Ваше превосходительство, у меня есть одна проблема, — подал голос начальник базы "Восток". — Это касается укладки кабелей на космодроме.

— Продолжайте, — слегка поморщился Пээл.

Ему было неприятно вспоминать эту историю. Пусть он формально не нес никакой ответственности, так как во время укладки покрытия еще не имел никакого отношения к строительству базы, но неизбежный срыв графика работ из-за глупой спешки постоянно портил ему настроение.

— Младший-один Куоти, которому поручено выполнение этой работы, обратился ко мне с докладной, — продолжил начальник базы. — Он просит предоставить ему тридцать шесть перфораторов КС-41-16Г и четыре плазменных резака ТФ-1…

— У нас где-то, оказывается, есть плазменные резаки? — удивленно спросил Пээл.

— Да, ваше превосходительство, по ведомости, четыре штуки числятся на складе базы "Север".

— Что же, я думаю, для ускорения работ их следует передать вам, — заметил Пээл. — Это вся проблема?

— Нет, ваше превосходительство. Весь вопрос в том, что эти резаки и перфораторы младший-один Куоти предлагает передать филлинским рабочим, которые находятся в его распоряжении. Согласно предварительным расчетам, в таком случае работы по прокладке кабелей удастся выполнить в срок, но как тогда быть с запретом на обучение представителей низших рас обращению со сложной техникой? Перфораторы подпадают под этот запрет, ваше превосходительство. Не говоря уже о резаках…

— Я понял вас, суперофицер, — оборвал его генерал Пээл. — Кто-то хочет высказаться по этому вопросу?

Среди офицеров штаба, также присутствовавших на утреннем совещании, началось шевеление.

— Разрешите, я скажу, — подал голос Реэрн. — Мне кажется, нужно выделить младшему-один Куоти все, что он просит. Этому запрету уже больше трехсот лет, и он давным-давно устарел. Обученные кронты вполне успешно справляются и с более сложной техникой, а здесь мы, к тому же, имеем дело с филитами, которые изначально более развиты, чем кронты.

— Гос-сподин суперофицер третьего ранга, — вежливо прошипел тэон, суперофицер второго ранга Трегуин. — Неужели вам необходимо напоминать, что законы Империи обязательны к исполнению независимо от того, сколько им лет?! Мы высшая раса, избранная самими Великими Звездами для великой цели, но чтобы выполнять свой долг, нам необходимо, в первую очередь, повиновение Императору! И не нам судить, готовы ли отсталые народы к принятию от нас Звездного Света или, в данном случае, нашей техники!

— Я бы хотел напомнить вам, — спокойно сказал Реэрн, — что все приведенные вами соображения относятся к кронтам и исключительно к кронтам. Как постановило командование соединением еще в начале филлинской операции, запреты и ограничения, принятые к кронтам, не распространяются на филитов. Замечу, что по прямому указанию флаг-маршала Таорза нашим союзникам на Западном континенте были переданы технические устройства, более сложные чем перфораторы или резаки.

— Я полностью согласен с суперофицером Реэрном, — добавил начальник базы "Запад". — У меня сейчас работают свободные местные, которые применяют собственную, причем, достаточно сложную технику. Да и, в конце концов, нам нужно ввести космодром в строй в намеченные сроки или нет?!

— Меня несколько удивляет ваша беспечность, суперофицер, — заметил из своего угла начальник Службы Безопасности Центральной базы. — Не забывайте, что здесь мы

имеем дело с пленными врагами! И перфораторы и, тем более, плазменные резаки могут быть использованы как оружие! Во имя безопасности граждан Империи я требую отказать младшему-один Куоти и усилить контроль над филлинскими рабочими! Всякая возможность саботажа и диверсий должна быть пресечена в корне!

Начальник спецотдела базы посмотрел на эсбиста злобным взглядом, но так ничего и не сказал. Вероятно, он придерживался той же точки зрения, но не хотел соглашаться со своим соперником.

— По-моему, вы слегка преувеличиваете, — повернулся к эсбисту Реэрн. — Филиты зарекомендовали себя вполне лояльными и надежными работниками, и на хорошее обращение они всегда отвечают усердным трудом. И не забывайте, господа, наша главная задача – завершить строительство баз в намеченные сроки и с теми силами, которые у нас есть. Иного выхода, кроме как использовать филитов, у нас просто нет.

— Филиты не заслуживают хорошего обращения, — проворчал начальник базы "Север". — Это опасные и коварные твари, которые только и ждут, чтобы взбунтоваться. Я потерял за две дюжины дней четырех человек, а вы еще предлагаете вооружить их плазменными резаками…

— Еще бы они у вас не бунтовали, — едко заметил его коллега с базы "Восток". — Вы же выгоняли их на мороз без теплой одежды и кормили объедками. У меня, почему-то, не было за все время ни одного случая бунта…

— Да вы… — начал было отвечать "северянин", но генерал Пээл резко оборвал его.

— Достаточно! Кто-то еще желает высказаться? Суперофицер Мивлио?

Заместитель по вооружению пожал плечами.

— Я думаю, безопасность, конечно, должна быть, но закончить строительство в срок все же важнее…

— Благодарю вас, суперофицер. Я тоже считаю, что для нас первейшим законом является график работ, которые мы обязаны выполнить всеми находящимися в нашем распоряжении средствами. Я приказываю в виде исключения передать младшему-один Куоти все запрошенные им перфораторы и два исправных плазменных резака. При этом, господин суперофицер второго ранга (взгляд на эсбиста), я бы хотел, чтобы вы взяли под свой контроль обеспечение безопасности при выполнении пленными работ на территории космодрома.

— Господин генерал второй величины, хочу заметить, что этого недостаточно – поднялся с места эсбист. — По-настоящему

действенные меры безопасности возможно принимать только в комплексе. Я официально прошу передать под контроль СБ все лагеря пленных и их использование на любых работах!

— Хорошо, вы получите такое право. Но при условии, что это не повлияет на темп работ и не потребует отвлечения от основных служебных обязанностей персонала баз. Вы согласны? Очень хорошо. Я подпишу приказ в течение дня.

На этом генерал Пээл закрыл совещание. Он был полностью доволен его исходом. Сегодня неразрешимая проблема с прокладкой кабелей на базе "Восток" вдруг стала разрешимой, его подчиненные в очередной раз показали, кто чего стоит, а бдительный и ретивый не по уму начальник планетной СБ теперь будет заниматься пленными, а значит, меньше лезть в повседневные дела на базах. Кстати, если все завершится благополучно, не мешало бы поощрить этого младшего-один Куоти. Неплохо было бы организовать ему какой-нибудь приятный сюрприз…

Куоти догадывался, что в этот момент на Центральной базе, можно сказать, решается его судьба. Наверное, поэтому ему буквально кусок не лез в глотку. Вот уже больше получаса он трудился над своим утренним пайком и все никак не мог справиться.

Кантина, одно из первых введенных в строй зданий базы, была полупустой. Лишь в углу недалеко от Куоти что-то праздновала группа людей в штатском – эсбисты из Отдела Специальных Исследований. Несмотря на ранний час, там было шумно и пьяно, однако, приглядевшись, Куоти отметил, что веселятся они как-то натужно, через силу, словно пытаясь заглушить в себе какие-то неприятные ощущения.

Больше всех старался старший группы – высокий, крупный, можно сказать, откормленный детина с сытой физиономией. Его грубые шутки и громкий гогот разносились по всему залу. Куоти видел, как заходившие в кантину офицеры космофлота неприязненно косились на шумного эсбиста, но никто из них не решался вмешиваться.

Поэтому эсбиста, волей-неволей, слушали все.

— …Вот сидим мы как-то с парнями в ресторане "Золотой кувшин" на Киилинарэ-второй… — начал он очередную историю.

Куоти резко встал и тут же снова сел. Ресторан "Золотой кувшин" на Киилинарэ-2! Это же пароль Перевозчика, о котором когда-то говорил ему Реэрн! Куоти много раз прислушивался к разговорам эсбистов из Специальных Исследований, ожидая, что кто-нибудь из них упомянет его, и вот – дождался! Но неужели

Перевозчик – это сам руководитель группы? Он производил неприятное впечатление, и Куоти не хотелось думать, что такой человек мог быть его товарищем.

Однако случай необходимо было использовать. Куоти торопливо дожевал последний кусок, встал и не спеша подошел к столу, за которым пировали эсбисты.

— Прошу прощения, — вклинился он в первую же паузу. — Я слышал, вы говорили о ресторане "Золотой кувшин" на Киилинарэ-2. Так чем он знаменит, этот ресторан?

— О, там умеют великолепно готовить запеченных куилков.

Услышав отзыв, Куоти вздрогнул. Его произнес не старший группы, а другой эсбист, худой и длинный, сидевший на другом конце стола.

Что там дальше? Куоти мучительно вспоминал сказанный ему больше двух месяцев назад пароль. Ах, да…

— Говорят, чтобы подстрелить куилка, нужно быть хорошим стрелком, — торопливо сказал он, не позволяя возникшей паузе затянуться.

— Верно, — длинный эсбист смотрел на Куоти с каким-то испугом. — Да, для этого надо быть хорошим стрелком. Они, знаете, так и прыгают, так и прыгают…

— Ну вот, пошли охотничьи рассказы, — натужно рассмеялся кто-то из эсбистов.

— Может, мы… э-э-э… пообщаемся в другом месте, — неловко предложил длинный. — У вас… э-э-э… есть немного времени?

— Да, конечно, — Куоти слегка поклонился. — Господа, вы не возражаете, если я ненадолго похищу у вас собеседника?…

Они вышли из кантины и медленно пошли прямо по полю в сторону складов.

— Вы – Перевозчик? — первым делом спросил Куоти.

— Он самый. А кто вы? Я вас, кажется, знаю. Вы работаете здесь на базе, да?

— Да. Младший офицер первого ранга Куоти. Отвечаю за прокладку электросетей.

— Понятно, — нервно кивнул эсбист. Он был весь какой-то возбужденный и суетливый. — Вы от Стрелка?

— Да, — подтвердил Куоти. — Но, очевидно, дальше вы будете держать связь именно со мной.

— А где сам Стрелок? — настороженно оглянулся эсбист. — Он тоже здесь?

— Послушайте! — укоризненно протянул Куоти. — Ну нельзя же задавать такие вопросы!

— А, все ваши детские игры в конспирацию! Бросьте! Скажите

лучше, что вам от меня надо?

— Информацию, — коротко сказал Куоти. — Что вы и ваши коллеги делаете на Филлине?

— Ах, это?! — эсбист сжал голову в плечи и суетливо потер ладони. — Служим Державе, конечно. Создаем оружие для войны с филитами. Ма-аленькое такое оружие. Можно сказать, микроскопическое!

— Я понял, — медленно произнес Куоти.

— Что, что вы поняли?! У нас получилось! Практически с первого раза!

— Что?!

— Вы знаете пятнашку? — возбужденно прошептал эсбист, ломая руки. — Да бросьте, наверняка болели в детстве! Помните, по всему телу идут мелкие темные пятнышки, которые потом исчезают сами собой через несколько дней. У филитов они не исчезали! Они разрастались и разрастались, пока не пожирали их целиком!

— Филиты умирают от пятнашки? — пустым голосом спросил Куоти.

— Нет, не все так просто, это специальный штамм, который мы вывели! — эсбист был близок к нервному припадку. — Это очень сложная и важная научная проблема. Вы ведь знаете, микробы на других планетах почти всегда безвредны для нас, мы для них чужие, а потому – неподходящая питательная среда! А чтобы "почти всегда" превратилось в вообще "всегда", работает вся медицинская служба Космофлота и Министерства колоний! Это очень нелегко – создать микроорганизмы, которые поражали бы филитов, но были бы безвредны для нас!… У них ведь совершенно иной метаболизм… И вдруг… Все удается почти с первого раза… Очевидно, мы с ними не такие разные, как кажется на первый взгляд…

— Насколько действенно это оружие? — Куоти, кажется, удалось справиться с потрясением.

— Из контрольной группы не выжил ни один! Во второй – один из пятнадцати! Остальные все умерли – сгорели за четыре-пять дней!… Я сам вводил вакцину, у меня было восемь доз и одна резервная, они просили меня, и я не мог отказаться, я использовал и ее!… Но я никогда не забуду, как кричал тот, кто оказался десятым!… Он у меня и сейчас перед глазами… Он тоже хотел выжить…

Эсбист резко оборвал себя и криво усмехнулся, словно оскалился.

— Вы, вероятно, считаете меня истериком, да? Я не солдат, я ученый. Моя работа – сидеть за наноманипулятором и

конструировать гены… Я люблю эту работу, она мне всегда нравилась… Вы знаете, как здорово узнавать, создавать что-то новое!? Только я никогда… никогда раньше не видел, что я создаю!…

— Подождите, — оборвал его Куоти. — Вы говорите, от этой болезни есть вакцина?!

— Да, нам было приказано создать и ее. Она действует! Во второй группе все благополучно выздоровели, в третьей не заболел ни один, как мы ни старались их заразить… Это удивительно! Их организмы сами начали вырабатывать антитела, только они не успевали… Вакцина просто наставляла их защитные клетки на правильный путь…

— И что будет теперь дальше? Когда это оружие будет применено?

— Не знаю, — помотал головой эсбист. — И никто не знает. Мы должны были только разработать его. И мы выполнили эту работу досрочно!

— Какой был вам поставлен срок? — немедленно спросил Куоти.

— Год. И еще полгода резервных. Наш главный пока не будет рапортовать. Зачем? Здесь хорошо, мы получаем оклады по наивысшей ставке, начальство далеко и ничем не досаждает… Теперь можно будет, не торопясь, завершить исследования… Даже поработать по своей теме… Вы знаете, какая у меня тема? Вы когда-нибудь слышали о биоблокаде? Абсолютный иммунитет ко всем внешним воздействиям, болезнетворным микроорганизмам, токсинам, даже вирусам! Это важнейший вопрос, над ним уже бьются не одну дюжину лет! Здесь, на Филлине, у меня есть уникальная возможность продолжить исследования! Мы получили такой интересный материал! И нам предоставлен уникальный набор аппаратуры… Знаете, я пошел работать в Службу Безопасности именно потому, что у них всегда самая лучшая аппаратура…

Прерывистый писк браслета связи оборвал его монолог.

— Простите, — Куоти оттянул рукав мундира.

— Младший-один! — услышал он возбужденный голос адъютанта начальника базы. — Где вы ходите? Генерал Пээл дал добро на ваш запрос! Шеф вызывает вас к себе! Немедленно!

— К сожалению, мне надо бежать, — развел руками Куоти, повернувшись к эсбисту. — Огромное вам спасибо, вы очень помогли нам. Возможно, с вашей помощью мы сможем спасти жителей планеты. Давайте встретимся сегодня вечером, чтобы обсудить вопрос связи.

— Вечером не получится, — деловито заметил эсбист. — У

нас сегодня вечером совещание. Давайте завтра, после завтрака. Или, если я не смогу, я сам найду вас днем.

— Идет, — кивнул Куоти. — Осталось только решить, о чем мы только что разговаривали, если этим поинтересуется кто-то из ваших коллег. Вы, кажется, увлекаетесь охотой?

— Верно. А как вы догадались?

— По паролю со словом "стрелок" и "охотничьим рассказам". Будем считать, что я тоже фанат охоты, только с фотоаппаратом. Договорились?

— Договорились. Что же, тогда до встречи. И, как говорится, ни пуха, ни пера…

— Не густо, — заметил Куоти, оценивая результат дневной работы.

— Не беспокойтесь, господин младший офицер первого ранга, — утешил его Собеско. — Прошло всего лишь два дня. Мы еще только учимся. Самое главное, что оно работает.

— Хочется верить, — пробормотал Куоти.

Тем не менее, он должен был признать, что филит прав. Выемка получилась слегка кривоватой, с неровными стенками и бугристым дном, но в нее все же можно было уложить кабель и закрыть его сверху бронированной крышкой. И больше шестидесяти метров за два дня, первый из которых целиком ушел на освоение инструментов и отработку технологии – это совсем неплохой результат.

— …И нам еще этот корабль мешал, господин младший офицер первого ранга, — продолжал успокаивать его Собеско. — Если бы не он, мы бы точно больше сделали.

Куоти кивнул. Разгрузка транспортного корабля, севшего на недостроенном космодроме вчера вечером, здорово осложнила им работу. По требованию эсбиста, наблюдавшего за ними, как только к филитам приближался очередной грузовой транспортер, они должны были останавливаться и, бросив инструменты, застывать на месте, пока он не проедет. Куоти это страшно раздражало, филитов, кажется, тоже, но игнорировать приказы начальника планетной СБ они не могли.

Сейчас эсбиста, к счастью, уже не было. Собрав весь инструмент на грузовую тележку, он повез его обратно на склад, оставив Куоти конвоировать бригаду к лагерю.

— Господин младший офицер первого ранга, — осторожно понизил голос Собеско. — Сегодня утром вы обещали нам рассказать о вашей планете…

— Я помню, — кивнул Куоти. Он сам с нетерпением ждал, когда ему представится новая возможность побеседовать с

филитами. — Стройте бригаду.

— Есть! — откликнулся Собеско, подняв раскрытую ладонь к плечу. — *Лмири, хнау!*…

Пропустив перед собой колонну, Собеско с Арнингом слегка поотстали и пошли рядом с Куоти.

— Вы говорили, у вас на планете нет государств, — нетерпеливо начал Арнинг. — Это значит, что все управляется из единого центра?

— Верно, — кивнул Куоти. — Наша держава состоит из Метрополии, которая делится на сорок восемь провинций и Особый Столичный Округ, десяти планет-колоний и еще около двух дюжин планет без постоянного населения, которые мы называем форпостами.

— А мы к чему относимся? — задал вопрос Собеско.

— Наверное, вы станете колонией. Но для этого должна быть проведена большая торжественная церемония. Должен приехать кто-то из членов Императорского Дома, и население планеты должно принести ему клятву на верность.

— Вами правит император? — заинтересовался Арнинг.

— Нет. Император – это священный символ государства, мы ему поклоняемся. Считается, что наша правящая династия пришла с Неба. Ей больше трех тысяч лет, но она ни разу не прерывалась.

— Это знакомо, — заметил Арнинг. — У нас тоже есть государства, где существуют короли и императоры, но они, как говорится, только царствуют, а не правят.

— А кто тогда правит у вас? — спросил Собеско.

— Выше всех Совет Пятнадцати.

— Что это такое? Правительство? Или что-то вроде совета старейшин?

— Не понимаю, — сделал отрицающий жест Куоти. — Переводчик не знает ваших слов.

— Ну, что такое Совет Пятнадцати по конституции?

— Опять не понимаю, — повторил Куоти. — Что такое конституция?

— Это?… — Собеско замялся, и ему на помощь пришел Гредер Арнинг.

— Конституция – это свод законов, где говорится о принципах управления государством, порядке формирования органов власти, разделении полномочий между ними, правах граждан.

— У нас такого нет, — признался Куоти. — А у вас такие своды законов есть в каждом государстве?

— Почти в каждом. Так все-таки, что такое Совет

Пятнадцати? Кто его формирует?

Этот вопрос поставил Куоти в тупик. Он никогда раньше не задумывался о подобных вещах.

— Никто, — наконец сказал он. — Совет Пятнадцати просто есть и все. Он – самая верховная власть.

— То есть как? — не понял Арнинг. — А кто тогда назначает членов Совета Пятнадцати? Разве не Император?

— Нет, определенно нет. Сами члены Совета решают, кто должен входить в его состав. Например, когда полтора года назад умер прежний Председатель Совета Пятнадцати, новым стал Оонк, который раньше был простым членом Совета, только возглавлял Службу Безопасности. Тогда девять человек было выведено из Совета Пятнадцати, а девять новых вошли. А в этом году поменяли еще одного.

— Подождите, — сказал Собеско. — Так в Совет Пятнадцати входят руководители различных государственных служб?

— Обычно нет. Кто-то из членов Совета может возглавлять какое-то министерство, или Службу Безопасности, или командовать Военным Космофлотом, но это, по-моему, бывало только изредка. Как правило, Совет Пятнадцати выше подобных вопросов.

— А кто может стать его членом? — задал новый вопрос Арнинг.

— Ну… — Куоти снова надолго задумался. — Бывает, что в Совет Пятнадцати включают кого-то из губернаторов или руководителей министерств. Но как это происходит и по каким принципам идет отбор, я не знаю. Это всегда решает сам Совет Пятнадцати.

— Кажется, я понимаю, — медленно сказал Собеско. — Но тогда у вас наверху должна идти постоянная борьба за власть.

— Да, наверно, — согласился Куоти. — Да, когда умер Коог, нового Председателя Совета Пятнадцати не могли назначить почти две дюжины дней. Не знаю, может, так было и раньше. Но такая система существует у нас уже почти тысячу лет, и все как-то всегда образовывалось. А как управляется общество у вас?

— По-разному, — сказал Арнинг. — В некоторых государствах, например, на Круглом океане, есть короли или князья, они руководят своими странами самолично и передают власть по наследству. В других местах короли, как у вас, только царствуют, но реальная власть принадлежит парламентам… Не понимаете? Это такие собрания, в которых заседают уважаемые люди, которые принимают законы и назначают министров.

— А, понимаю, — кивнул Куоти. — У нас тоже есть такое. Это называется Большой Совет. Он утверждает законы, которые

недостаточно важны, чтобы по этому поводу издавать Императорские Указы.

— Подождите, — недоуменно сказал Арнинг. — А что же тогда делает Совет Пятнадцати?

— Совет Пятнадцати управляет. Всем. Насколько мне известно, именно он назначает всех членов Большого Совета, руководителей министерств, управителей колоний, губернаторов, окружных, районных начальников, директоров крупных предприятий…

— У вас крупные предприятия принадлежат государству? — спросил Арнинг.

— У нас все принадлежит государству. Земля и все, что в ней или на ней, находится в собственности Императора. Хотя, конечно, у нас встречаются частные владельцы, но это незаконно.

Кена Собеско интересовало другое.

— А каким образом Совет Пятнадцати справляется с таким огромным объемом работы? Как он может всех контролировать?

— На это у него есть Канцелярия. Там готовят все законы и Императорские Указы, следят за их исполнением, подбирают кадры и расставляют их на нужные посты.

— Так получается, у вас всем управляет Канцелярия Совета Пятнадцати? — удивленно произнес Арнинг. — А кто же тогда контролирует ее?

— Наверное, если кто-то будет делать то, что не понравится Совету Пятнадцати, он слетит со своего поста, — неуверенно сказал Куоти. — Я, вообще-то, не совсем знаю, как это функционирует.

— Ну а что написано в законах?

— Я не знаю законов, в которых говорилось бы о Канцелярии Совета Пятнадцати, — признался Куоти. — Она просто есть, и все, как и сам Совет. Они управляют так, как считают нужным. Кстати, почему вы все время спрашиваете о законах? У нас они или жестокие, или глупые, и их никто не исполняет. Например, по закону, вам не имели права выдавать перфораторы и резаки.

— Ну и бардак же у вас, — с чувством сказал Собеско. — Как вы только еще в космос вышли?

— Да вот вышли, и раньше вас, — довольно резко ответил Куоти. Ему вдруг стало как-то обидно за державу. — Расскажите лучше, как это делается у вас. Вы сказали, в некоторых ваших государствах власть принадлежит… как их… пар-ла-ментам?

— Да. Туда люди избирают своих представителей на определенный срок, обычно – четыре или пять лет, — объяснил Арнинг. — При этом, во многих государствах нет ни королей, ни императоров, одни парламенты, это называется республика. Хотя

чаще всего в республике люди сами избирают себе правителя, которого называют президентом. Он и управляет, а парламент контролирует его и принимает законы.

— Интересно, — заметил Куоти. — А как они знают, кого избирать?

— Это и есть самый больной вопрос, — проворчал Собеско. — Считается, что человек, который хочет быть избранным, должен рассказать, что он хочет делать и какие законы принять. Это называется программа. Люди должны сравнить программы всех кандидатов на должность, посмотреть, что из себя представляют они сами, а потом выбрать самого достойного.

— Выбрать? — поднял брови Куоти. — Кандидатов несколько?

— Да. Но чаще всего выбирают не достойных, а тех, кто умеет лучше всех болтать и обещать. Или тех, у кого много денег. Чтобы люди узнали кандидата и проголосовали за него, нужно встречаться с ними, выступать по телевидению, радио, печататься в газетах. Все это стоит больших денег. А иногда бывает, что власть поддерживает одного из кандидатов, заставляя людей выбирать именно его.

— Но я хочу сказать, что так бывает не всегда, — торопливо продолжил Арнинг. — У Кена в стране выборные депутаты больше заботились о себе, чем о людях, и восемь лет назад военные прогнали их и взяли власть в свои руки, хотя от этого всем стало только хуже. На самом деле, обычно люди выбирают не отдельных кандидатов, а целые большие группы единомышленников, которые называются партиями. Та партия, которая получила большинство голосов, управляет государством, но если она будет управлять плохо, через четыре года люди выберут другую партию. То же самое и с президентом. Если он будет плох, люди изберут себе другого.

— На мой взгляд, сложновато, — заметил Куоти. — Но я смотрю, у вас так много способов управления. Как вы только знаете, какой из них лучше, а какой хуже?

— Этого никто не знает, — хмыкнул Арнинг. — Но если судить по экономике, наилучших результатов добивались как раз страны, где принято выбирать правителей, это называется демократия. По крайней мере, там люди могут открыто заявлять, что им нравится, а что – нет. А у вас это как-то возможно?

— Нет, — помрачнел Куоти. — У нас считается, что все должны повиноваться Императору и думать так, как приказывает государство.

— И что, все и действительно так думают?

— Нет, не все!

После этого наступило молчание. Собеско и Арнинг переглянулись.

— Кто-то идет, — пробормотал Собеско, ускоряя шаг.

Они с Арнингом выдвинулись вперед, и теперь все выглядело как обычно: офицер космофлота сопровождает колонну рабочих. Несколько пришельцев в летных комбинезонах, идущие навстречу, скользнули по ней равнодушными взглядами.

— Куоти! — один из них вдруг остановился. — Это ты?!

— Штурман Боорк? — Куоти тоже с удивлением остановился, делая колонне сигнал следовать дальше без него. — Приветствую! Откуда ты тут взялся?

— Да вот, теперь старший штурман на транспорте, — Боорк кивнул в сторону громады грузового корабля. — А ты здесь?

На пленных Боорк усердно старался не смотреть.

— Как видишь, — развел руками Куоти. — Вообще-то, я сейчас немного занят. Давай встретимся чуть попозже, хорошо? У тебя время есть?

— Мы вылетаем только послезавтра, так что есть, — кивнул Боорк. — Свяжись со мной по браслету, ладно?…

— …Вот я и опять здесь, — вздохнул Боорк, заканчивая свою историю. — Как будто ничего и не изменилось… Вы все так же воюете?

— Да нет, уже не воюем, — сказал Куоти. — У нас сейчас что-то вроде временного перемирия. Они стараются держаться подальше от нас, мы строим базы и, насколько мне известно, налаживаем контакты с западными…

— Все равно, это не надолго, — с горечью произнес Боорк, и уголки его рта собрались в жесткие складки. — Ведь скоро и второй этап, верно? И тогда мы окончательно уничтожим этот мир…

— Это как-то слишком безнадежно, — повел плечами Куоти. — Я надеюсь, что до этого не дойдет. А может быть, столкнувшись с этим миром, мы изменимся сами?… Расскажи лучше о Тэкэрэо, вы ведь пришли оттуда? Никогда не был на этой планете.

— Да я сам только в порту и был, — развел руками Боорк. — Так что рассказать особенно нечего. Колония как колония. Хотя, конечно, чувствуется: это какой-то немного печальный, ущербный мир. Я читал, несколько десятков тысяч лет назад там произошла какая-то катастрофа, в которой погибли почти все виды животных и растений. Там и сейчас очень бедный растительный и животный мир. Выжившие, конечно, размножились, но они все равно не успели заселить все опустевшие ниши…

— Да, здесь все, конечно, не так, — заметил Куоти. — В этом саду, когда поспели плоды, где-то через дюжину дней после твоего отъезда, по ночам целый зоопарк собирался. Я пару раз ночью даже ходил, специально снимал со вспышкой.

— А сейчас здесь пусто, — Боорк, нагнувшись, поднял с земли светло-коричневый глянцевый лист. — Я… тогда… любил здесь гулять. А теперь листья наполовину облетели, плодов не осталось, никого нету… Совсем здесь пусто стало…

Последний вывод был явно преждевременным. Веленсиновый сад по-прежнему привлекал к себе визитеров. Полускрытые частоколом древесных стволов от Куоти и Боорка, по тропинке не спеша шли двое, занятые, по всему, деловой беседой.

— Какая странная пара, — одновременно сказали Куоти и Боорк и оторопело посмотрели друг на друга.

— Вот это да! — наконец обрел дар речи Боорк. — Что ты имел в виду?

— Вон тот толстый – это старший среди местных эсбистов, — объяснил Куоти. — Из отдела Специальных Исследований.

— Вот как? — со странной интонацией произнес Боорк. — Тогда все еще страннее. Рядом с ним – наш суперкарго. Пройдоха, каких мало, и, по-моему, связан с Синдикатом. Интересно, какие у него могут быть дела с сотрудником Службы Безопасности?

— Это точно, — пробормотал Куоти. — Но давай не будем показываться им на глаза, а просто пойдем отсюда, пока они нас не заметили…

Между тем, странная парочка продолжала разговор, так заинтриговавший двух младших офицеров космофлота.

— …Здесь пока еще все слишком неопределенно, — жаловался толстый эсбист. — Проклятый зампотех Реэрн лезет во все дыры. Я пока могу предложить вам только партию филлинских сувениров.

— Вообще-то, сейчас меня интересует более ценный товар, — вкрадчиво заметил суперкарго. — Говорят, вы распоряжаетесь кучей подопытных филитов?

— Допустим, — фыркнул эсбист. — Ну и что?

— У меня есть заказ на большую партию. Не меньше семи-восьми дюжин.

— Вы с ума сошли! — взвизгнул эсбист. — Это же строжайше запрещено!

— Будто то, чем занимаемся мы с вами, не запрещено.

— Но это же совсем другое дело! — все не мог успокоиться эсбист. — Они записаны на мне! Я не могу так просто передать их, кому попало!

— Восемь дюжин, — медленно сказал суперкарго. — По две

сотни за штуку.

На лице эсбиста страх боролся с вожделением.

— Зачем вам именно филиты? — наконец с подозрением спросил он. — За те же деньги вы можете нанять вдвое больше кронтов.

— Моим заказчикам не подходят кронты, — со значением произнес суперкарго.

— Ах, так?! Я, признаться, не понимаю…

— Не понимаете, и не надо, — хладнокровно сказал суперкарго. — Так вы сможете обеспечить партию?

Эсбист задумчиво пожевал губами.

— М-м-м… Вероятно, я мог бы списать пару дюжин на проведение опытов… Но что делать потом? Как вы сможете незаметно погрузить их на корабль, а потом выгрузить на Тэкэрэо?

— Это уж мои проблемы, — усмехнулся суперкарго.

— Не-ет! Это и мои проблемы! Мое имя не должно фигурировать ни при каких обстоятельствах! Нет, я не участвую в этом деле. Это слишком опасно.

— А вы не думали, что, отказываясь, вы рискуете не меньше?

— Что?! Вы пытаетесь меня шантажировать?!

— Что вы, господин суперофицер третьего ранга! Просто хочу напомнить, что наши отношения несут в себе не только взаимную выгоду, но и взаимную ответственность. И не беспокойтесь так о доставке груза, право слово! На Филлине все системы контроля находятся еще в самом зачаточном состоянии, и обойти их не представляет ни малейшего труда. А на Тэкэрэо у меня все схвачено. Конечно, существуют печальные случайности в виде ваших коллег по Службе, но ведь такой риск есть всегда, верно?

— Ладно, тьма с вами, — проворчал эсбист. — Я найду для вас семь или восемь дюжин. Но не по двести, а по двести шестьдесят.

— О, это другой разговор! — обрадовался суперкарго. — Двести тридцать, и мы в расчете!

— Ладно. Завтра вечером я вызову труповозку и сообщу вам по браслету. С ее водителем договаривайтесь сами. И помните, после того, как филиты окажутся за воротами, они официально мертвы! Так что, в случае чего, выкручивайтесь самостоятельно.

— Вы так добры, господин суперофицер третьего ранга! Пожалуй, и филиты, если бы знали, оценили бы ваш гуманизм. Подумать только, вместо безвременной смерти и мусорного конвертера – увлекательная поездка на другую планету и много здоровой работы на свежем воздухе!

Глава 70. Прыжок в неизвестность

Очередной бесконечный день подходил к концу. Времени у них опять было в избытке, и они бесцельно растрачивали его, разменивая часы на уходящие в пустоту минуты, занятые (если здесь применимо это слово) ленивыми разговорами и пустяками.

Четырнадцать белых коконов до сих пор оставались на своих местах, безмолвные и пугающие. Правда, Рустен как-то полусерьезно утверждал, что порой слышит внутри них какое-то гудение и постукивание, но его слова больше никто не мог подтвердить. По ночам они тускло блестели в мертвенно-лиловом свете, и если кто-то просыпался и открывал глаза, то обычно уже не мог заснуть до самого утра.

Как ни странно, больше всех страдал бессонницей железный Эстин Млиско, и сейчас он дремал, зарывшись лицом в валик-подушку. Рядом тихо беседовали о чем-то Даксель и выздоравливающий Тухин, в углу Хеннауэрте Ленневере тренировала разговорный чинетский с Дилем Адарисом, Рустен и Тихи, как обычно, были поглощены друг другом, а фидбаллориец Карвен – Санни.

Все как-то были заняты, и Драйден Эргемар делал то, чем обычно занимался в такие минуты и часы: сидел на койке, полузакрыв глаза и скрестив ноги, и мысленно повторял очередной летный маршрут. Сегодня он выбрал полет до лагеря Хольна и никак не мог сосредоточиться. Пустыня была однообразной и сливалась в однотонную песочно-бурую пустошь внизу, а приметная скала-ориентир, похожая на четырехугольную храмовую башню, все никак не хотела становиться на место.

Наверное, поэтому Эргемар первым заметил, что что-то изменилось.

— Смотрите, — сказал он громко, показывая рукой в нужном направлении. — Нас, кажется, хотят выпустить отсюда!

Двое пришельцев, торопясь, возились с пластиковым пологом в дальней стороне их аквариума, там, где он вплотную прилегал к голой стене с одинокой дверью, ведущей в санпропускник. Наконец, им удалось соорудить что-то вроде переходной гармошки, и один из пришельцев, с трудом ворочая через толстый пластик, нажал на ручку двери. Чуть скрипнув, она отошла в сторону, и внутрь проникла легкая струйка чего-то банно-медицинского. После стерильной атмосферы аквариума этот запах показался необычным и резким до одури.

Примерно с минуту все смотрели на приоткрывшуюся перед ними дверь… к свободе? Нет, только в другую камеру их тюрьмы.

Никто не решался идти первым. Раньше они мечтали вырваться из опостылевшей прозрачной клетки, но теперь она казалась каким-никаким, но убежищем, защитой перед неизвестностью впереди.

— Идите все в дверь, — недовольно сказал один из пришельцев в переводчик. — Быстрее!

Ему повиновались. Дилер Даксель медленно встал с койки и, не оглядываясь, медленно пошел вперед. Остальные потянулись за ним. Санни помогала идти еще не совсем оправившемуся после болезни Тухину.

За дверью ничего не изменилось. Та же анфилада комнат с различными аппаратами, гигиеническими принадлежностями и форсунками, из которых струился влажный, пахнущий лекарствами густой пар. Все с наслаждением сбросили с себя опостылевшие балахоны. После крохотной кабинки душевой с тепловатой водичкой и склизким полужидким мылом настоящая баня была удовольствием.

Но всерьез насладиться им не дали. Невидимые пришельцы через динамики ускоряли, торопили, подгоняли их, и после утомительной из-за своей поспешности процедуры десятеро голых людей оказались в небольшой прохладной комнате с широкими стеллажами вдоль стен. На стеллажах лежали кучи одежды, какие-то сумки, внизу в беспорядке была разбросана разнообразная обувь. Все было чистым, но каким-то затхлым, нежилым, словно пролежавшим кучей на каком-то складе многие дни подряд.

— Смотрите, это мой рюкзак! — вдруг удивленно воскликнул Диль Адарис. — Точно! И все вещи на месте!

Это послужило сигналом. Все начали увлеченно копаться на стеллажах, разыскивая свою одежду. Драйдену Эргемару долго не везло, и вдруг его сердце радостно заколотилось. Перерывая груду рубашек, среди которых все походили на его, он вдруг нащупал небольшой твердый предмет. Бронзовая звезда, его медаль за взорванный танк, единственная вещь, которую он сохранил от своей прежней жизни, нашлась на том же месте, где он ее оставил – приколотой внутри нагрудного кармана.

Там же, рядышком, он нашел и старенькие спортивные штаны, которые он получил уже здесь взамен его брюк, разрезанных и разорванных в далеком гранидском госпитале, где ему фиксировали сломанную когда-то ногу.

— Нет, это не дело, — полностью одетый Даксель придирчиво разглядывал Эргемара. — На дворе зима, а нас еще неизвестно, куда поведут. Одевай это. Кажется, тебе должно подойти.

— Что это? — спросил Эргемар, глядя на протянутую ему длинную сине-черную куртку из плащевой ткани, коричневый свитер и прочные брезентовые брюки. — Это же не мое…

— Это Куки, — жестко сказал Даксель. — Я помню, это была его куртка. Он был почти такой же по росту и телосложению, как ты. Одевайся, не трать время.

Динамик уже разрывался от нетерпения. Механический голос переводчика не передавал интонации, но ясно чувствовалось: пришельцы спешат и раздражены задержкой.

Эргемар, стараясь не думать о мертвом Куке, натянул брюки и свитер и рассеянно пошел к открывшемуся выходу, держа куртку в руках. Ему еще никогда не приходилось одевать вещи умершего человека. От этого он ощущал неловкость, словно он был мародером, ограбившим труп на поле боя.

Выйдя наружу и пройдя по узкому коридору, они вдруг оказались в толпе людей, которая куда-то медленно продвигалась, словно просачиваясь через узкую щель. Поднявшись на цыпочки, Эргемар увидел впереди свободное пространство и двух вооруженных пришельцев, без проволочек разделявших филитов на два потока. Один из них, большой и толстый, смутно знакомый Эргемару (кажется, он время от времени появлялся в большом зале за стенками их аквариума, хотя обычно не задерживался в нем надолго), держал в одной руке маленький черный микрофон, и динамик под потолком не умолкал ни на секунду.

— …Тишина, молчать, всем соблюдать тишину!… По одному, по одному, быстро!… Направо, направо, тоже направо, налево… Быстрее, быстрее! И тишина! Кто нарушает тишину, будет наказан!

Тишины в тесном коридоре все равно не получалось. Кто-то ворчал из-за того, что ему наступили на ногу или заехали локтем в бок, другие неожиданно встречали знакомых, третьи держались за четвертых, чтобы не потеряться в толчее. Эргемар старался не отрываться от Дилера Дакселя, Млиско, Адариса и Хенны. Они впятером словно образовывали некую плотину, вокруг которой плотный людской поток замедлялся и прекращал бурлить.

С высоты своего роста Эргемар уже хорошо видел впереди узкий проход, через который все по одному протискивались в крохотную комнатку, разделенную барьером на две части. Пришелец, размахивая свободной рукой, разделял толпу на два потока, направляя людей куда-то в сторону невидимых из-за двери проходов.

Все происходило очень быстро.

— Направо! — невысокая ладная девушка, длинные

рыжевато-каштановые волосы собраны в растрепанный хвостик.

— Направо! — плечистый молодой парень с потрепанной дорожной сумкой в руках.

— Налево! — хрупкий юноша, даже со спины производящий впечатление нездорового.

— Налево! — лысый старик в измятой шляпе с широкими полями и грязном костюме.

— Направо! — слегка опередивший остальных Карвен…

— Я все понял, — прошептал на ухо Эргемару Даксель. — Это отбирают на какие-то работы! Похоже, нас сразу не убьют!

— Соблюдать тишину! — строго прикрикнул пришелец. — Направо!…

Эргемар почувствовал, что его сердце снова куда-то неприятно проваливается. Ему не приходило в голову, что пришельцы могли проводить какой-то отбор, и не задумывался, что значит не пройти его.

Но времени думать уже не оставалось. Проход был рядом.

Млиско смело переступает через порог. Грудь колесом, плечи расправлены, молодцеватый вид, пришелец, почти не глядя, показывает ему рукой – направо… Хенна – короткий взгляд – направо… Диль Адарис – пришелец секунду колеблется, но все же кивает – направо… Даксель слегка подталкивает Эргемара в спину, и он вылетает чуть ли не на середину комнатки, пришелец резким жестом отправляет его в правую сторону, где виднеется широкая открытая дверь, а за ней – большое помещение, наполненное народом…

Следом за Эргемаром спешит Даксель. Туда же, направо, отправляют и Рустена с Тихи, Санни, Тухина – даже ему удается пройти отбор… Понемногу и в этой комнате становится тесно.

— Внимание! — возвещает громовой голос под потолком. — Всем соблюдать спокойствие и порядок! Выходить по одному и строиться снаружи в шеренгу!

Дверь в глубине комнаты распахнулась, и Эргемар почувствовал дуновение прохладного свежего воздуха, пахнущего влагой, мокрой землей, опавшими листьями и еще чем-то невыразимо прекрасным. Этот воздух возбуждал и пьянил, страх перед неизвестностью куда-то улетучился, от подступившего восторга хотелось кричать и размахивать руками. Что бы ни ждало их впереди, они вырвались из своей тюрьмы!

Неровная длинная шеренга слегка колебалась в ярком свете прожекторов. С непривычки почти всем было холодно, и люди, дрожа, жались друг к другу. Впереди виднелся забор из нескольких рядов проволоки, за которым начиналась темнота, а где-то сбоку поревывала, слегка ворочаясь, какая-то огромная

темная масса.

— Слушать всем, — раздался из темноты механический голос переводчика, усиленный динамиком. — Справа по одному все заходят в транспортер, потом вас отвезут на новое место, где вы будете работать. Вести себя спокойно и тихо. В случае беспорядка все будут уничтожены. Выполнять все приказы. Ясно?… Первый, пошел!

Где-то за пределами видимости началось шевеление. Длинная очередь понемногу двигалась куда-то вправо, но проклятые прожектора светили прямо в лицо, не позволяя различить подробности. Механичная процедура отупляла, и Эргемар, ни о чем не думая, сначала медленно передвигал ногами, держась в затылок Дакселю, а когда тот вдруг побежал вперед, заспешил вслед за ним, стараясь не отставать. Впереди из темноты выплыли очертания огромного фургона с распахнутыми дверцами и опущенной вниз металлической дырчатой лесенкой. Все по очереди поднимались по ней и исчезали внутри, словно в пасти громадного зверя.

Один из прожекторов светил прямо в фургон, и лица людей с черными тенями глазниц и ртов выглядели, как на контрастных фотографиях. В холодном воздухе от дыхания поднимался пар, словно растворяющийся в яростном бело-лиловом свете. Держаться там было совершенно не за что, и все молча жались друг к другу и к гладким светлым металлическим стенам без единого отверстия. На секунду Эргемару показалось, что он глядит внутрь огромного трейлера-рефрижератора.

Эргемар был одним из последних. Лесенку отцепили, створки дверей с лязгом захлопнулись, и внутри наступила полная темнота и тишина, прерываемая лишь звуками дыхания множества людей и чьим-то хриплым кашлем. Где-то снаружи негромко заурчал мотор, огромный транспортер тронулся с места и медленно покатил куда-то в неизвестность.

Все это продолжалось еще одну бесконечность. Эргемар никогда не страдал клаустрофобией, но и ему становилось не по себе в этой темноте и тесноте. Откуда-то раздавались чьи-то сдавленные рыдания. Кто-то поблизости вполголоса жаловался по-баргандски на недостаток воздуха. "Душегубка", — выплыло из тьмы сознания Эргемара какое-то странное слово, будто само собой материализовавшееся из ночных кошмаров. Эта машина с герметичным металлическим кузовом была душегубкой, он почему-то знал это точно, хотя и не понимал, что это такое, и не знал, из какой бездны пришло к нему это понятие.

Транспортер остановился с резким толчком, снаружи послышались неясные звуки, затем дверцы кузова снова

распахнулись, и внутрь брызнул свет. Но это был уже не прожектор, а всего лишь обычный, хотя и яркий галогеновый фонарь.

— Всем выходить! — раздался громкий голос, произносящий баргандские слова с резким акцентом.

Эргемар отметил про себя эту странную неправильность и вдруг осознал: это был голос человека, а не механического переводчика.

Конечно, это тоже были пришельцы. Они стояли втроем, направив на филитов стволы коротких автоматов с толстыми стволами. Кроме них, в круге света оказался высокий прямоугольный корпус еще одного фургона с полураспахнутыми дверцами. Еще дальше во тьме угадывались очертания каких-то низких широких зданий, с их стороны не пробивалось ни одного огонька.

— Стоять здесь! — приказал один из пришельцев. Кроме оружия он держал в руках небольшой плоский прямоугольный предмет, в который периодически заглядывал. — Всё оттуда (он махнул рукой в сторону второго фургона) — переместить туда! Потом – переместиться самим!

Странно, но его поняли сразу. Во втором фургоне оказались большие мешки, набитые чем-то мягким и сыпучим. Они были не слишком тяжелыми, но неудобными, и перегрузка слегка затянулась.

— Быстро, быстро! — кажется, все пришельцы в этот день куда-то спешили.

Подгоняемые этими настойчивыми понуканиями, они просто забросили внутрь последние два десятка мешков, а затем сами заняли места в новом фургоне. Он был несколько больше по размерам, из-за чего теснота стала менее мучительной, вдоль стенок были протянуты какие-то балки, за которые можно было придерживаться, а сквозь щели в кузове проникал свежий воздух.

Новая поездка оказалась короче первой. Вскоре фургон медленно поднялся по какой-то пологой ребристой поверхности, чуть дрогнул на стыке, сделал несколько поворотов и остановился. Снаружи послышались шаги, дверцы снова раздались в стороны, и знакомый пришелец, появившийся в проеме, приказал им выходить – быстро и тихо.

Массивный кузов загораживал обзор, но у Эргемара возникло впечатление, что они находятся внутри большого ангара, напоминающего трюм крупного судна. Под ногами слегка подрагивал ребристый металлический пол, под высоким потолком тянулась цепочка редких светильников. Внутри было холодно, значительно холоднее, чем снаружи, и как-то промозгло,

словно металл, окружавший их со всех сторон, промерз насквозь и не успел оттаять, продолжая забирать тепло.

Но оглядеться по сторонам им не дали. Пришелец сделал какое-то движение, и часть железной стены отошла в сторону, образовав небольшую дверь в форме прямоугольника с закругленными краями и очень высоким порогом. Повинуясь команде пришельца, все они зашли внутрь и очутились в странном помещении, напоминавшем внутренность огромного улья или вокзальную камеру хранения. Все стены, кроме одной, примыкающей к ангару, представляли собой ряды больших прямоугольных ячеек глубиной около двух метров. В узких промежутках между ячейками к стенам были прикреплены металлические лесенки, позволявшие взобраться на верхние ярусы.

Дверь за спиной мягко закрылась, снова отрезав их от окружающего мира, но это уже мало кого волновало. Кажется, они достигли своего пункта назначения.

— Честно говоря, мне не совсем понятны здесь всего две вещи, — пробормотал, обращаясь к Эргемару, Дилер Даксель. — Во-первых, почему все это надо было делать обязательно ночью, и, во-вторых, почему все пришельцы так спешили?…

Боорк уже заканчивал предвзлетную подготовку, когда в рубке, наконец-то, появился запоздниившийся суперкарго.

— Где вы были? — немедленно напустился на него капитан. — Из-за вас мы могли задержать отход! Почему до сих пор не обеспечена герметизация трюмов?!

— Все будет, шеф, — примирительно ухмыльнулся суперкарго. — Надо было небольшое дельце провернуть. Хотел свозить в мусоросборник шесть тонн отходов, а они, гады, не приняли. Пришлось обратно везти.

Капитан понимающе кивнул, а Боорк про себя удивился оборотистости третьего помощника, ухитрившегося найти какой-то товар даже на Филлине.

Провоз контрабанды был обычным и почти разрешенным видом бизнеса на транспортных кораблях. Как правило, она путешествовала под видом "отходов" – некондиционного или испортившегося в пути груза, мусора и прочего балласта, от которого следовало избавляться во время стоянок в космопортах. Однако неизменно оказывалось, что портовые службы в силу каких-то причин не принимали корабельного мусора, и "отходы" продолжали путешествовать от звезды к звезде – то в виде нелегальных пассажиров и их личного имущества, то в виде потребительских товаров, предназначенных для продажи на

черном рынке, то в виде инопланетных предметов роскоши…

Эта система действовала почти открыто и с молчаливого одобрения командования, которое тоже имело свой процент со всех этих перевозок. Под запретом находились разве что только наркотики, оружие, драгоценности и еще кое-какие рискованные предметы. Суперкарго, который согласился бы взять на свой корабль такой груз, рисковал своей головой, так как замять подобную историю в случае поимки стоило очень дорого, а если в дело впутывалась Служба Безопасности, то практически невозможно.

Интересно, что они везут с собой на этот раз? Слова суперкарго означали, что он вывез с корабля шесть тонн балласта (для этих целей обычно использовались мешки с песком) и вместо них погрузил шесть тонн неучтенного товара. В любой другой обстановке Боорк не стал бы совать нос в это дело, удовлетворившись небольшой добавкой к официальной заработной плате по окончании рейса, но все, связанное с Филлиной, вызывало у него болезненное любопытство. Слегка покосившись на своего напарника – молодого, только что с летного училища, младшего офицера второго ранга Тлиинкха, Боорк вызвал на свой дисплей схему распределения массы, необходимую для расчета действия гравикомпенсаторов. И сразу же нашел искомые шесть тонн (вернее, шесть тысяч двести сорок семь килограммов) в одном из служебных помещений, примыкающих к грузовым трюмам.

— Что-то не так? — обеспокоено спросил Тлиинкх. Настройка гравикомпенсаторов была его обязанностью.

— Нет-нет, все нормально, — успокоил его Боорк. — Нужно только внести небольшие коррективы. И проверь, пожалуйста, герметичность отсеков.

— Слушаюсь! — с радостью откликнулся Тлиинкх.

Он погрузился в работу, а Боорк, глядя на увлеченного младшего штурмана, почувствовал неловкость. И дело здесь было даже не в том, что проверка герметичности входила в его обязанности, — в конце концов, каждый младший штурман должен учиться, чтобы стать старшим, просто Тлиинкх с его немного наивным энтузиазмом и юношеским максимализмом слишком напоминал Боорку самого себя, каким он был несколько лет назад. Это было первое назначение Тлиинкха и второй его рейс в должности штурмана корабля, и Боорк старался по возможности оградить восторженный романтизм молодого пилота от слишком быстрого столкновения с грубой реальностью. Поэтому, чувствуя себя старым циником, Боорк ничего не сказал своему напарнику и просто вывел на экран спецификации

странного подсобного помещения. Зачастую по этим данным можно было догадаться о характере перевозимого груза.

Итак, площадь – около ста квадратных метров, высота – четыре с лишним, три стены составлены из каких-то странных камер-ячеек метр на метр и в глубину два, четыре примыкающих помещения, судя по их небольшому размеру, — то ли подсобки, то ли кладовки… Боорк недоуменно помотал головой. Где-то он уже сталкивался с подобным расположением, но вот что это было?… Ладно, пойдем дальше. Обязательное условие: атмосфера и нормальная гравитация в течение всего полета, прыжковая защита камер по типу один, подключение к системам регенерации воздуха и очистки воды… Неужели?…

Точно! Боорк вспомнил, для чего предназначены такие помещения. В них перевозили с планеты на планету кронтэйских рабочих. Значит, у них на борту филиты?! Но это же строжайше запрещено! Их всех предупреждали об этом!

— ??!

— Прошу прощения, — Боорк с трудом вернулся к реальности, осознав, что к нему обращается капитан корабля. — Что вы сказали, господин старший офицер первого ранга?

— Я спрашиваю, приведен ли корабль во взлетную готовность? — раздраженно повторил капитан. — Мы и так задерживаемся! Поторопитесь!

— Все будет сделано вовремя, — ответил Боорк, заставив себя говорить спокойно. — Через двадцать минут корабль будет готов к отходу.

Капитан кивнул, и Боорк возвратился к привычной работе. Он действовал почти автоматически, но внутри него все кипело. Кто-то увозит филитов с их родной планеты, а он опять ничем не может им помочь!

Убедившись, что они предоставлены самим себе, они начали понемногу осваиваться в странном помещении. В стенах нашлись четыре дверцы, которые можно было, открыть, потянув в сторону. За ними оказались две небольшие туалетные комнаты и две умывальные со знакомыми душевыми кабинками. Других выходов из их новой тюрьмы не обнаружилось, но сейчас это никого особо не интересовало: снаружи уже давно была ночь, и всем хотелось спать. Ячейки в стенах подходили для этого как нельзя лучше. Изнутри они были покрыты чем-то мягким, по размерам – достаточно велики, чтобы не испытывать дискомфорт. К тому же, вход можно было задернуть легкой занавеской, что создавало иллюзию уединенности.

Было заметно, что они – не первые жильцы в этом странном

обиталище. Все вокруг было не новым и слегка потертым, металлический пол в центре помещения блестел, словно по нему уже прошлись тысячи ног, а внутри выбранной им ячейки на третьем ярусе Эргемар заметил процарапанный на мягком покрытии короткий ряд каких-то непонятных символов, не похожих на уже знакомые (по надписям на упаковках пайков) буквы пришельцев.

Снизу еще доносилась какая-то возня, но Эргемар уже засыпал, когда его внезапно пробудил громкий гул. Он шел будто бы отовсюду, стены пронзила странная мелкая дрожь, возникло и вдруг снова пропало ощущение перегрузки, как во время тренировки на центрифуге. Эргемар закрыл и снова открыл глаза. Они все были заперты внутри огромного улья, но чувства говорили ему, что сам этот улей куда-то стремительно движется вместе со всеми его обитателями!

Правда была настолько невероятна, что воспринималась только по частям.

Они двигались! Они находились внутри космического корабля пришельцев! И этот корабль улетал прочь с Филлины! Если раньше они могли считать себя просто в плену, то теперь между ними и родиной должны были пролечь бесчисленные километры межзвездной пустоты.

Они уходили в иные миры, может быть, навсегда и, похоже, первыми среди людей Филлины. Однако в нынешних обстоятельствах Эргемару как-то не слишком хотелось быть первопроходцем.

Пробив атмосферу и набрав скорость, космический корабль уходил прочь от Филлины. Гул разгонных двигателей смолк, его сменил легкий шорох маршевого реактора. Гравикомпенсаторы привычно гасили возникающие перегрузки, и лишь легкая вибрация громадного корпуса напоминала о его стремительном движении. Экипаж покинул места, занятые по взлетному расписанию, и вернулся к повседневным обязанностям. А в это время в небольшом помещении, зажатом между грузовыми трюмами, восемьдесят с лишним человек решали, как им жить дальше.

Взлет разбудил и ошеломил всех. Уже давно снова стало тихо, а люди все еще неподвижно лежали внутри спальных ячеек, пытаясь осознать новый поворот в своей судьбе. Наконец, подтягиваясь на руках и извиваясь, как червяк, всем телом, из своей ячейки неуклюже выбрался Дилер Даксель. Спустившись вниз по лесенке, он встал в центре помещения и обвел взглядом устремленные на него десятки глаз.

— Меня зовут Дилер Даксель, — негромко сказал он. — Я баргандец, до войны работал заместителем директора сталелитейного завода в Шуане. Наверное, все вы поняли, что произошло. Пришельцы доставили нас на свой корабль, и теперь мы летим в космосе неизвестно куда. Я не знаю, что нас ждет в будущем, и не могу сказать, сколько времени нам придется провести вместе. Но, так или иначе, мы должны жить и действовать сообща. Я предлагаю всем нам перестать быть просто скопищем незнакомых друг другу людей разных национальностей и вероисповеданий и стать единой командой. Мне кажется, так нам легче будет остаться в живых и, может быть, вернуться домой. Я приглашаю спуститься сюда всех, кому есть что сказать, и кто чувствует свою ответственность за жизни других. Вместе мы должны понять, что нам делать теперь.

Еще до того как Даксель закончил говорить, рядом с ним встала Хенна.

— Мое имя Хеннауэрте Ленневере, — произнесла она по-баргандски. — Я из Галингейстера. Моя профессия – помогать людям помочь понять друг друга.

Почти без запинки она повторила речь Дакселя еще четыре раза – на чинетском, картайском, гранидском и вилкандском.

Внутри комнаты-улья поднялся легкий шум. Люди смотрели друг на друга, коротко переговаривались между собой, но пока никто не двигался с места.

Драйден Эргемар вдруг почувствовал, что какая-то непонятная сила тянет его вниз, туда, где стояли плечом к плечу Дилер Даксель и Хеннауэрте Ленневере. Выскользнув из своей ячейки, он начал спускаться по лесенке лицом к стене и, лишь оказавшись внизу, увидел, что он не одинок.

— Мне тоже есть, что сказать, — услышал он слегка насмешливый голос Млиско. — Я воевал с пришельцами в Тороканских Воротах, и у меня есть к ним кое-какие счеты. До этого я пятнадцать лет был наемником на Круглом океане и из всех наук больше всего постиг науку выживания. С Дилером я познакомился в плену у пришельцев, в нашей клетке, куда мы с ним угодили за побег. Я готов подтвердить, у него классно варят мозги, и он почему-то всегда знает, что надо делать. А у меня когда-то под началом были полторы сотни славных ребят, и нам удалось пройти парочку нелегких кампаний почти без потерь. Я надеюсь, я еще не забыл старые навыки.

— Славно сказано, — прогудел в ответ мощный бас, принадлежащий человеку таких размеров, что ему, наверное, было тесно в спальной ячейке. На вид лет пятидесяти, он немного походил на Млиско обветренным и прокаленным на солнце

лицом, но был намного крупнее, наверное, почти двух метров ростом, и своей кряжистостью и могучим телосложением напоминал борца-тяжеловеса. — Я Корк Корвейс, у меня было свое хозяйство в Чинерте, недалеко от Галаны. Я не мастер говорить, войну закончил всего лишь сержантом в пехоте и никогда не руководил никем, кроме себя самого, своей бабы и пацанов. Но мне нравится, что вы тут говорили. Вместе мы – сила. Если бы мы там, на прежнем месте, все держались друг за друга, мы бы разнесли эту проклятую базу пришельцев по кирпичику! Можете рассчитывать на меня!

Он хлопнул Дакселя по плечу так, что тот едва устоял на ногах, и встал рядом с ним, сразу же оказавшись великаном, окруженным карликами.

Следующий человек говорил по-картайски, и Хенна переводила его слова на баргандский язык. Он назвался Димо Роконаном, преподавателем статистики в университете города Пюйк, Венселанд. Роконан был невысок ростом, сухощав, слегка сутулился и не производил впечатления лидера. Но, как он сказал, он не мог остаться в стороне. Достаточно веская причина, по мнению Эргемара, испытывавшего сходные побуждения.

Внезапно Эргемар понял, что пришла и его очередь.

— Мое имя – Драйден Эргемар, — несмело начал он. — Я горданец, был пилотом вертолета, участвовал в нескольких геологических экспедициях. Я был одним из тех, кто видел пришельцев, когда они были еще в Зерманде, я воевал с ними в Акесе вместе с Дилером (засунув руку в карман рубашки, Эргемар достал и показал всем медаль). Здесь один пришелец хотел убить меня, а другой защитил. Затем они вылечили мне сломанную ногу, а потом хотели убить, заразив смертельной болезнью. Я видел и знаю, что пришельцы не одинаковы, они могут принести и смерть, и спасение. Может быть, когда-нибудь это поможет нам…

Закончив, Эргемар отошел в сторону, уступая место последнему оратору – женщине лет сорока с короткой прической и жестким выражением лица. Женщина была довольно привлекательной, но ее словно окружала какая-то невидимая аура, вызывающая оторопь.

— Добра Сланско, Да-Джаннай, — коротко представилась она. — До войны – следователь прокуратуры…

— Легавая! — бросил кто-то из угла по-баргандски.

— …и я думаю, некоторые мои знания и навыки могут оказаться полезными и здесь, — закончила она как ни в чем не бывало. — Я знаю жизнь так, как ее знают немногие из вас, и умею судить как по закону, так и по заслугам.

— Ну что же, — подвел итог Даксель. — Нас семеро, это, по-моему, хорошее число. Предлагаю где-нибудь присесть и обменяться мнениями. А остальным советую ложиться спать – вряд ли в нашем положении что-либо существенно изменится за ближайшие несколько часов.

Они устроились прямо на полу, между двумя дверями в умывальные комнаты, подстелив под низ собственные куртки.

— Конечно, неплохо было бы начать с того, что занимает всех больше всего, — сказал Даксель. — Но, увы, на этот счет у нас нет абсолютно никакой информации. Мы не знаем, ни что нас ждет впереди, ни даже как долго будет продолжаться наш полет.

— В одной книге я как-то читал, что к звездам нужно лететь долгие годы, — заметил Эргемар.

— Ну, надеюсь, этого все же не произойдет, — без тени улыбки откликнулся Даксель. — Но давайте не гадать, а сосредоточимся на наших самых насущных проблемах. Как я понимаю, какое-то время мы должны будем провести здесь взаперти, а совместное обитание нескольких десятков людей в такой скученности чревато проблемами.

— Кстати, не мешало бы выяснить, сколько нас, — вставил Димо Роконан. Он плохо говорил по-баргандски, но понимал почти все.

— Вот и займитесь этим завтра с утра. Надо будет устроить здесь что-то вроде переписи. Заодно, узнаем, есть ли среди нас врачи, артисты, священники и представители других полезных для нас профессий. Теперь, нам нужно решить вопрос о поддержании порядка. Надеюсь, морить нас голодом пришельцы не станут, но, как правило, они просто бросают на всех ящик продуктов – делите, мол сами.

— Без проблем, Дилер, — ухмыльнулся Млиско. — Мы с Корком эту проблему решим.

— Это точно, — прогудел Корвейс, выслушав перевод на чинетский. — Подберем пару надежных хлопцев, и все пойдет путем. Но и мы сами должны себя блюсти – нам лишнего ничего не нужно!

Все согласно кивнули в ответ. Млиско пробормотал что-то одобрительное. Похоже, они с огромным чинетом сразу же нашли общий язык.

— Хочу обратить особое внимание, что около трети из нас – женщины, — сказала Добра Сланско. — Это чревато различными инцидентами.

— Тем более, что здесь есть какая-то явно уголовная компания, — встревожено заметил Роконан. — Их четверо или пятеро, они, кажется, переговариваются на баргандском…

— Шпана подворотная, — презрительно бросила Сланско. — Им нужно разок дать отпор, и они подожмут хвосты. Самое главное, мы не можем себе позволить быть равнодушными. Любые проявления насилия, особенно, насилия над женщиной, нужно гасить в зародыше!

— Обязательно, — кивнул Даксель. — И давайте, разделим весь этот улей на секторы, и каждый из нас станет заниматься одним из них. Нам надо, прежде всего, помогать людям, чем-то занять их, оторвать от вынужденного безделья. Пусть люди привыкнут обращаться со своими проблемами к нам, а мы каждый день станем вот так собираться всемером и обсуждать, что случилось и что нужно сделать. И я думаю, самое главное, что мы познакомились друг с другом и выяснили, что одинаково смотрим на многие вещи. А теперь предлагаю тоже лечь спать. Уж чего-чего, а времени у нас будет еще навалом…

В этом помещении свет не выключали, так что день ничем не отличался от ночи. К счастью, у нескольких человек сохранились часы – предмет в их положении совершенно бесценный. Было десять минут шестого утра неизвестно какого дня, когда многих разбудил странный шум и лязг. Открыв глаза и высунув голову из ячейки, Эргемар увидел, как в одной из стен открылась небольшая ниша, внутри которой стояли несколько картонных ящиков.

Поспешно спустившись вниз, Эргемар вместе с подоспевшим Димо Роконаном перетащил ящики на металлический пол и слегка вздрогнул от того, что ниша мгновенно захлопнулась, снова превратившись в монолитную стену.

Внутри двух ящиков были стандартные пайки, хорошо знакомые Эргемару. В третьем, самом тяжелом, находились несколько больших пластиковых канистр, очевидно, с питьевой водой. Эргемар с облегчением почувствовал, как у него с души свалился небольшой камешек: похоже, морить их голодом пришельцы не собирались.

Внезапно кто-то оттолкнул его прочь от ящиков. Оторопев, Эргемар молча смотрел, как крепкий парень вытаскивает целую упаковку из двенадцати пайков и уносит ее прочь.

— Эй, постой! — крикнул Эргемар ему в спину. — Положи на место!

Парень не остановился, хотя спина его дрогнула. Тогда Эргемар догнал его и встал перед ним, закрыв дорогу.

— Верни обратно, — твердо сказал Эргемар. — Будет завтрак, тогда получишь свою порцию.

— А чё ты тут распоряжаешься? — протянул парень на

баргандском. — Самый главный, да?!

За его спиной уже вырисовались еще трое, и Эргемар понял, что это та самая шайка, о которой вчера предупреждал Роконан. Он поискал глазами венсенца, но его не было видно.

— У нас должен быть порядок, — Эргемар старался говорить спокойно и уверенно. — Мы должны убедиться, что хватит на всех. Я прошу вас подождать не более получаса.

Парень не спеша сунул упаковку кому-то из своих спутников и недобро прищурил глаза. Он был на пару лет младше Эргемара, но крепче и выше ростом. Сломанный нос и шрамы на кулаках говорили, что он не дурак подраться. С тоской Эргемар понял, что у него практически нет шансов.

— Я не буду ждать, — медленно и с угрозой произнес парень. — Ты меня понял?!

— Бус! — обеспокоено окликнул его один из подручных. — Шухер!

— Это кто здесь такой нетерпеливый? — произнес знакомый голос с недоброй интонацией, и Эргемар с огромным облегчением увидел рядом Эстина Млиско. Еще дальше демонстративно закатывал рукава огромный Корк Корвейс, за его спиной совершенно потерялся довольный Димо Роконан – очевидно, это он привел помощь.

— Да я чё? Я ничего… — пошел сразу же на попятную парень. — Все нормально, командир. Я только есть захотел, и все… Чего это вы ко мне пристали?

— А почему вы здесь распоряжаетесь? — раздался чей-то недовольный голос. — Оставьте людей в покое!

Эргемар обернулся и поморщился, как от зубной боли. Голос принадлежал некрасивой крепкой женщине лет сорока с лишним – судя по интонации, типичной базарной скандалистке.

— Мадам, успокойтесь, — миролюбиво предложил Млиско. — Я всего лишь хочу убедить молодого человека немного подождать с завтраком. Согласитесь, неудобно, когда одни едят, а другие на них смотрят.

— А какое вам до этого дело?! — голос женщины приобрел силу и визгливый тембр. — Кто вам дал право здесь командовать?! Почему это вы должны мне указывать, когда я должна завтракать?! И почем я знаю, что вы станете приказывать в следующий раз?

Оглядевшись по сторонам, Эргемар понял, что к словам скандалистки прислушиваются. Люди, вчера равнодушно наблюдавшие за самовыдвижением семерки лидеров, сегодня пока не высказывали желания им подчиняться. Никто не хотел, чтобы им командовали.

Конфликт назревал, и Эргемар не видел выхода из него. Они могли опираться только на доверие: прибегнув к грубой силе, они бы превратились в точно таких же бандитов как Бус и компания. Сам же Бус, стоя в сторонке, довольно ухмылялся. Стычка оборачивалась в его пользу.

— Послушайте! — в центр круга, образовавшегося вокруг Эргемара, Млиско и упаковки с пайками, вдруг протиснулся Диль Адарис. — Послушайте! Мы же все люди с одной планеты! Неужели мы и здесь будем затевать свары между собой, а пришельцы будут смотреть на нас и презрительно называть нас дикарями, не способными даже договориться о дележке пайков?! Вы хотите, чтобы среди нас главенствовали только наглость и сила?! Но разве мы звери, а не разумные существа, в которых горит искра Божия! Эти люди вчера сами вызвались взять на себя ответственность за всех нас. Я хорошо знаю четверых из них и говорю вам – они не будут искать легкой жизни для себя и не используют власть во зло! И если вы сейчас не доверяете им, что вам вчера мешало самим спуститься вниз?!

Адарис говорил по-баргандски, грамматически неправильно, но убежденно и искренне. Незаметно рядом с ним оказалась Хенна, начавшая переводить его слова на картайский.

Это возымело свое действие. Люди начали расходиться, стараясь не смотреть в глаза друг другу. Иные, наоборот, приблизились, задавали Эргемару, Млиско и Хенне какие-то вопросы и всячески демонстрировали, что признают их авторитет. Даже Бус со своей компанией как-то сникли и поспешили ретироваться, пробормотав что-то вроде извинений.

За завтраком была организована перепись. Димо Роконан, иногда с помощью Хенны, задавал вопросы и записывал ответы в пожертвованную кем-то тетрадь. Всего их оказалось восемьдесят восемь человек – пятьдесят шесть мужчин и тридцать две женщины – от очаровательной восемнадцатилетней вилкандки, которой очень подходило ее имя Элльи, то есть "бабочка", до шестидесятипятилетнего венсенца, получившего немедленно прозвище папаша Гитри.

Больше всего в их группе оказалось венсенцев – шестнадцать человек, но вообще здесь собрался настоящий интернационал. Среди них были баргандцы, картайцы, чинеты, фидбаллорийцы, вилкандцы… — всего представители четырнадцати стран, худо-бедно способные объясниться друг с другом, за исключением маленького печального жителя Кюнандорга, который в одиночку представлял здесь эту небольшую страну. Он говорил только на своем языке, которого не знал никто из присутствующих, и только печально повторял: *"Хошита, ло косе. Нюр хенан"*, что, по-

видимому, означало, что он очень извиняется, но не может никого здесь понять.

Но, так или иначе, жизнь началась понемногу налаживаться. Ящики с пайками и канистры с водой продолжали появляться в нише – регулярно, но с довольно странными интервалами. Поразмышляв над этим вопросом, Дилер Даксель предположил, что сутки у пришельцев короче, чем на Филлине, и их длительность составляет не двадцать часов, а немногим более семнадцати. Главными проблемами, как и ожидалось, оказались избыток ничем не занятого времени и скученность почти девяти десятков людей разного пола, возраста и стереотипов поведения в замкнутом пространстве. То и дело среди них вспыхивали какие-то мелкие конфликты из-за очереди в туалет или душевую, случайных толчков, даже ночного храпа. Эти споры пытались гасить в зародыше, не позволяя им перерасти в серьезную вражду, однако единственными подходящими механизмами были увещевания и переселение одного из ссорящихся в другое место – благо свободных ячеек было больше трех десятков.

С вынужденным бездельем боролись любыми средствами. У Адариса в рюкзаке сохранилась колода карт, и теперь она почти постоянно переходила из рук в руки. Один из углов их улья оккупировала группа из примерно десятка картежников, разбившихся на несколько пар, играющих друг с другом на вылет. В другом углу нашедшимся у кого-то другого цветным мелком было расчерчено несколько игровых полей, и еще несколько человек дни напролет резались друг с другом в битву, перемещая фигурки, сделанные из обрывков картонных ящиков и упаковок с пайками. Все игры – за этим строго следила добровольная группа "блюстителей порядка", созданная Млиско и Корвейсом, — были исключительно "на интерес".

В других местах занимались более интеллектуальными занятиями. Желающие под руководством Хенны изучали иностранные языки – как было решено на общем собрании, каждый из них должен был хотя бы немного понимать на одном из трех "основных" языков – баргандском, картайском и чинетском. Условными вечерами устраивалось что-то вроде импровизированных концертов, на которых каждый мог показать, на что он способен. Как вскоре выяснилось, у гиганта Корвейса очень неплохой голос, а сам он знает бесчисленное число чинетских народных песен. Вилкандка Элльи изумительно танцевала, и в такие минуты со своими развевающимися светлыми волосами она становилась и в самом деле похожей на порхающую бабочку. Но больше всех поражал маленький застенчивый хенанец, который по-прежнему не мог толком ни с

кем объясниться. С помощью пустых и частично наполненных водой канистр он виртуозно исполнял множество известных и никому не знакомых ритмов, иногда подпевая себе негромким приятным голосом.

Наконец, все они очень много разговаривали – рассказывали о себе, своей работе, приключениях в довоенные времена, обсуждали различные проблемы, иногда достаточно абстрактного характера. Под негласным запретом были только три темы: война, оставшиеся на Филлине семьи и их собственная судьба. Впрочем, совсем не обсуждать интересующую абсолютно всех тему о цели их полета в неизвестность было совершенно невозможно, и свои версии по этому поводу изобретали почти все, кому этого хотелось. Так, Эргемар, перечитавший за свою жизнь немало фантастических романов и рассказов, полагал, что их везут на родную планету пришельцев, чтобы показывать туристам в чем-то типа зоосада или тематического парка. Более реалистически мыслящий Даксель про себя склонялся к идее, что у пришельцев взбунтовались их неведомые рабы, и филитов теперь везут, чтобы их заменить. В пользу этой версии говорили процедура отбора, спешка, а также то, что всех их срочно выдернули из какого-то явно важного и секретного учреждения. В конце концов, говорил Даксель, может быть сейчас в космосе находится не одна, а десятки или сотни таких же групп. Возразить на это было нечего, как впрочем, и подтвердить эту версию – по причине полного отсутствия дополнительной информации.

Шел одиннадцатый день по их счету, когда однообразие их существования было нарушено. Это была ночь, почти неотличимая от дня, и люди отдыхали в спальных ячейках. Внезапно всех пробудил громкий голос, раздавшийся из ниоткуда. С тревожными и угрожающими интонациями он трижды произнес одну и ту же непонятную фразу на языке пришельцев.

— Что это? — Эргемар высунул голову наружу, встретившись взглядом с обеспокоенным Дакселем, занимавшим соседнюю ячейку. — Что это может быть?

Не совсем проснувшийся Даксель пожал плечами.

— Не знаю. Может быть, на них кто-то напал. Или какая-то авария. Мне кажется, нужно сохранять спокойствие и ждать. Может быть, нас это и не коснется.

Но тут же голос заговорил снова. На этот раз пришелец говорил на ломаном баргандском, стараясь воспроизвести все интонации.

— Всем занять спальные места! Соблюдать тишину! Не

бояться! Кто останется снаружи – увечье или смерть, увечье или смерть! Всем внутрь!

— Мне страшно! — раздался в тишине чей-то испуганный голос!

— Сохранять спокойствие! — закричал со своего места Даксель! — Мы должны исполнить то, что требуют пришельцы! Скройтесь внутри и, что бы не творилось, не выходите наружу!

И затем добавил, так тихо, что его расслышал только Эргемар:

— По крайней мере, если я ошибаюсь, об этом, скорее всего, уже не узнает никто.

Несколько длинных минут не происходило ничего. Нервное напряжение, вызванное ожиданием неизвестного, достигло предела. И тут неожиданно погас свет. Внезапно все погрузилось в кромешную тьму, наполненную неясными всхлипами и бормотанием. Над всеми нависло предчувствие чего-то страшного. Эргемар чуть не закричал, ощутив, как какая-то сила словно приподняла его в воздух, подвесив посредине ячейки будто внутри мягкого, но непроницаемого кокона.

— Не бойтесь! — услышал он поблизости громкий голос Дакселя. — Не сопротивляйтесь! Это не продлится долго!

Из внешней тьмы доносились и другие крики на разных языках. Люди пытались успокаивать друг друга, звуки извне помогали им не сойти с ума от страха в темноте и неизвестности.

Кокон с застывшим внутри Эргемаром мягко качнуло, и вдруг весь мир словно взорвался вокруг него. На какое-то бесконечное мгновение Эргемар будто перестал существовать. Он со страшной скоростью летел сквозь туннель, сотканный из тьмы и вспышек слепящего света, пробивал собою бесчисленный ряд прозрачных мембран, странные символы и понятия клубились вокруг него в виде переплетающихся разноцветных лент… Эта картина была эстетически совершенна и прекрасна некой чужой, удивительной и грозной красотой. Казалось, как в вещем сне, еще один неуловимый миг – и ты поймешь всё, но тут в мозгу словно сработал невидимый предохранитель, и Эргемар снова ощутил себя лежащим внутри спальной ячейки в корабле пришельцев. Снаружи несильно, в полнакала, горели светильники, на его глазах они начали понемногу разгораться.

Эргемар почувствовал, как его охватывают разочарование и тоска. Да было ли на самом деле то странное ощущение потустороннего полета вглубь Вселенной и не пригрезились ли ему иные миры? И действительно ли он почти прикоснулся к краешку абсолютного познания?…

Снаружи снова послышался голос из динамика. На этот раз

он был торжественно-спокоен, поздравляя всех с успешным завершением… чего? Что только что довелось им пережить? Как подозревал Эргемар, он нескоро получит ответ на этот вопрос.

В одно мгновение совершив прыжок в пятнадцать стандартных световых лет, корабль вышел в окрестности Имперской колонии Тэкэрэо и приступил к торможению. Им оставалось еще десять филлинских суток полета.

Посадка не была для них совершенной неожиданностью. Сразу же после прыжка (который был для них не прыжком, а лишь очередной встречей с неизвестным) Даксель предположил, что это странное явление означало середину полета или окончание первого из нескольких промежуточных циклов. То, что он оказался прав, кажется, больше всех удивило его самого: остальные уже успели уяснить, что Даксель ошибается крайне редко.

И снова были мгновенные толчки нескомпенсированных перегрузок, рев посадочных двигателей, вибрация корпуса, возмущенный гул пробиваемой насквозь атмосферы… И когда все смолкло, и корабль застыл без движения, они решили, что впереди их ждет новая дорога.

Но сначала не было ничего. Больше суток – ничего. О них словно забыли, и даже ящики с пайками не появились в нише в ожидаемый час. От голода они не страдали – с прошлых раз у них оставался кое-какой резерв продуктов, но новая неопределенность и неизвестность тревожила и раздражала. У Эргемара возникла ассоциация с пассажирами, чьи рейсы неожиданно оказались отменены, ожидающими в ночном аэропорту сообщений об улучшении погоды.

Закончилась эта пауза неожиданно и очень буднично. Просто с легким шумом раскрылась дверь, и показавшийся в проеме пришелец поманил их наружу, где уже стоял наготове знакомый фургон. Можно было подумать, что он так и оставался на этом месте во время всего полета.

Эргемару ужасно хотелось хотя бы одним глазком посмотреть на планету пришельцев, и он был крайне разочарован. Снаружи опять была ночь, через щели в кузове не было видно ничего, кроме неясных темных силуэтов и световых пятен, а когда фургон остановился и им приказали выходить, они опять оказались в огромном складе или ангаре, заполненном большими металлическими контейнерами с неизвестным содержимым. Эргемару даже подумалось, а не привезли ли их опять в трюм какого-либо космического корабля, и только то, что пол под ногами был не металлический, а покрытый чем-то вроде бетона,

говорило против этой версии.

Но оглядеться по сторонам им опять не дали. Впереди виднелось нечто, напоминающее хвостовую часть транспортного самолета с опущенной аппарелью, и несколько вооруженных пришельцев резкими жестами стали загонять их внутрь. Едва последний филит взобрался по наклонному помосту, он затворился, снова погрузив их в темноту. Послышалось негромкое ворчание моторов, и летательный аппарат приподнялся в воздух и сначала медленно а потом быстрее и быстрее заскользил куда-то вперед и вверх.

Этот слепой полет продолжался более трех часов, которые показались им вечностью. Места внутри было слишком мало, и они стояли, стиснутые как в переполненном трамвае. Летательный аппарат шел довольно плавно, но его то и дело толчком приподнимало или опускало вниз, из-за чего возникало ощущение, словно в неисправном лифте. Один из таких спусков неожиданно оказался посадкой. Их в последний раз тряхнуло, а уже через секунду их транспорт прочно стоял на твердой земле. Несколько минут спустя помост медленно опустился, и они снова увидели свет – сумеречный, неяркий, но это был все же свет, а не беспросветная темнота ночи.

Чужая планета на первый взгляд не производила никакого впечатления. Они находились на широкой поляне, поросшей вполне обычной на вид невысокой травой и окруженной лесом, неясно синеющим в отдалении. Небо было серым, солнце, очевидно, еще не взошло, и рассмотреть детали не было никакой возможности. Прямо впереди обзор закрывал невысокий пологий холм, внутрь которого открывались широкие ворота, из которых тянуло чуть сладковатым запахом.

В эти ворота их и повели пришельцы, вооруженные знакомыми короткими автоматами. Недолгий путь по полутемным коридорам привел их в большое ярко освещенное длинное помещение, напомнившее Эргемару тот улей, внутри которого они жили на корабле.

Дилер Даксель мог бы сказать, что их новый дом отличается от барака в лагере для пленных на Филлине лишь размерами – здесь могли разместиться уже не три дюжины, а больше сотни человек. Кроме того, тут не было окон, но зато сразу две двери – по одной в торцах. Сейчас одну из дверей запирали снаружи, а вторая, напротив, наоборот, медленно отворялась. За ней появился человек, самый обычный на вид мужчина лет пятидесяти, одетый в высокие сапоги, черные облегающие брюки и светло-серую короткую куртку непривычного покроя, обхваченную на талии широким поясом. Глаза у человека

лихорадочно блестели. Он неподвижно смотрел на заполнивших зал филитов, не в силах отвести от них глаз.

— Кто это?! — недоуменно спросил кто-то.

Это возглас словно пробудил странного незнакомца. Он сделал короткий шаг вперед и глухо прокашлялся.

— Вы с Филлины? — медленно спросил он по-баргандски. — Вы меня… понимаете?

— Понимаем, — ответил за всех Даксель, оказавшийся вместе с Эргемаром в первом ряду. — Где мы?… Куда мы попали? И кто вы?

— Планета Тэкэрэо… Десятая колония… *Доэсти Тэмловиноэ*… Великой Империи… — было заметно, что баргандские слова даются незнакомцу с трудом. — Я Эми нга-Дауге… Эмьюлзе Даугекованне… Имею здесь должность *макериисти*… младший мастер…

— Вы из Галингейстера? — внезапно спросила Хенна, выйдя вперед.

— Да… Но это было давно, страшно давно… Какой сейчас год?!

— Семьдесят третий, — машинально ответил Даксель. — Был, во всяком случае, когда нас увозили.

— Двадцать шесть лет… — Эмьюлзе Даугекованне медленно взялся за голову, его качнуло, и, чтобы не упасть, он был вынужден опереться о стойку. — Прошло двадцать шесть лет…

— Вы провели здесь все эти годы? — спросил Эргемар. Он чувствовал, как его переполняет сочувствие к этому странному человеку.

— Здесь… и в других местах… Присаживайтесь, я расскажу вам обо всем. У нас есть много времени… очень много…

Двадцать шесть лет тому назад двадцатичетырехлетний автомеханик Эмьюлзе Даугекованне из Галингейстера, отправившийся на заработки в Барганд, был похищен посадочной партией с имперского корабля Дальней разведки. Вместе со всеми филлинскими сувенирами и диковинами он был доставлен на передовую базу на Тэкэрэо, где им немедленно занялась прибывшая с Метрополии секретная комиссия из Министерства колоний. Несколько месяцев Даугекованне активно помогал пришельцам изучить баргандский язык, рассказывал им о Филлине, расспрашивал об Империи, понемногу сам узнавал слова из языка пришельцев… Затем комиссия улетела сдавать отчет, да так и не вернулась обратно. Все сведения о Филлине были засекречены, база Дальней разведки перенесена в другую колонию, а о самом Даугекованне как-то забыли, и он остался на

Тэкэрэо – не известно зачем и не известно, для чего.

— …Там был один *ниска*… офицер, он хотел помочь мне, — рассказывал Даугекованне, говоря по-баргандски все увереннее и увереннее. — Он помог мне выучить язык, потом я понемногу начал работать на их… *даалсхун*… базе. *Кээн*… пришельцы… плохо умеют *матаскеиру*… работать… руками. Я скоро был у них механиком, чинил разные вещи. Это было не так трудно, их механизмы не очень сложные… Потом тот же офицер добился, чтобы я стал *нга*… Это когда кто-то из другого народа становится гражданином Империи. *Нга* — это очень низкий ранг, но раньше я был вообще никем…

— А как вы его получили? — нетерпеливо спросил кто-то.

— Надо было выучить наизусть все… *тэмолоноэграни*… титулы Императора… Это было трудно, их очень много, но я выучил… А через короткое время того офицера перевели в другое место, а я остался. Работал с разными людьми, потом попал сюда…

— Что значит – сюда? — спросил Даксель. — Где мы? И что мы здесь будем делать?

— Это плохое место, — покачал головой Даугекованне. — Здесь плантации, выращивают сугси. Это такой… *ргонундра*… наркотик… Такие таблетки – розовые, красные, темно-бордовые… Их называют пилюли счастья. Их делать незаконно, и выращивать сугси незаконно. Но они очень дорогие, и некоторые это делают. Я – очень удобный работник. Я чужой, у меня почти нет прав, мне ничего не нужно. Я не пойду сообщать в *Таэтзигэси*… Службу Безопасности…

— Так мы будем работать на мафию?! — удивленно произнес Эстин Млиско. — Вот это да! Нас привезли сюда из-за секретности?

— Нет. Раньше здесь работали… *кронтэани*… Это тоже другой народ, их много лет назад покорила Империя. Они такие невысокие, небольшие, безволосые, кожа у них немного зеленоватого цвета. Их очень много, они работают везде, где нужен дешевый труд. С ними обращаются *гзишлма*… по… скотски…

— Вот они, эти таинственные рабы! — прошептал Даксель на ухо Эргемару. И громко продолжил: – Они восстали?

— Нет… *Кронтэани*… смирные. Но для них сугси – яд. Они от него болеют и скоро умирают, не могут собирать долго. Для нас – нет. Я как-то даже пробовал пилюли счастья. Самую слабую – розовую. Чуть-чуть болела голова – и все. Ничего не почувствовал.

— А как оно выглядит, это сугси? — задал вопрос кто-то из

задних рядов, кажется, Роконан.

— Пойдемте, Я покажу. Сегодня – я только показываю и рассказываю, работать будем завтра. Идите за мной…

Снаружи находился большой двор, мощеный бетонными плитками, обнесенный забором и накрытый сверху легким навесом. Даугекованне открыл широкие двустворчатые ворота, они прошли через них и оказались словно в огромной оранжерее. Далеко вдаль тянулись ряды невысоких густых кустов, похожих на подушки. Такие же ряды раскинулись в стороны, насколько хватало взгляда. Повсюду редким частоколом стояли высокие столбы, на которых была натянута маскировочная сетка, и все внизу было покрыто зелено-коричневыми тенями неправильных очертаний.

— Здесь всего так много! — выразил кто-то общие чувства.

— Много, — согласился Даугекованне. — Но нужно собирать только это – видите, на самых концах веточек маленькие розовые листочки. На каждом кусте их каждый день вырастает всего по несколько штук. Как только лист становится темным, он уже не пригоден, в нем нет нужных веществ. Сугси всегда маскируют. Он не любит солнечного света и заметен с воздуха. На Тэкэрэо зеленые растения, а сугси выдает себя красноватым оттенком.

— Мы будем только собирать эти листья? — на всякий случай уточнил Даксель.

— Нет, не только. Вы завтра разделитесь на две группы. Одна будет собирать, вторая – носить полные корзины. Потом – меняться. Здесь очень длинный день, длиннее нашего. Но зато и долгая ночь, можно отдохнуть. И еще мне нужно пять человек, работать на переработке листьев. С другими *риисти*… мастерами.

— А много этих мастеров? — спросил Даксель. — И вообще, сколько здесь народу?

— Три мастера, все *кээн*… Я – четвертый. И еще шесть *ангах*. Это тоже другой народ, они будут следить за вами, чтобы вы хорошо работали.

— Надсмотрщики, значит, — недобро протянул Млиско. — И какие они – эти *ангах*?

— Какие? Очень… непохожие на нас… Смотрите, вон идет один из них. Это старший. Он был великим воином, и у него целых три имени. Его зовут Грибрнхраур Фркрстраб Гркнхрагр.

— Ну и имечко! — засмеялся кто-то.

Несколько человек поддержали смех, но тут же умолкли, глядя на вырастающую перед ними устрашающую фигуру. Ангах совершенно не походил ни на филитов, ни на имперцев. Он был огромен, выше двух с половиной метров, и у него были четыре здоровенные мускулистые руки с широченными ладонями и

толстыми длинными пальцами. Похожее на бочку тело ангаха было покрыто густой порослью темно-коричневых курчавых волос, а из мощной шеи вырастала куполообразная лысая голова с близко посаженными крупными красноватыми глазами, подобием носа и широким ртом, похожим на пасть жабы. Ангах не носил никакой одежды, кроме набедренной повязки, пропущенной между его волосатых ног, похожих на колонны. Место, которое можно было назвать талией, обвивал широкий шипастый пояс, с которого свешивались сразу четыре внушительных на вид дубинки. В одной из своих четырех рук ангах нес тушку какого-то животного и слегка помахивал ею, задевая кусты.

Поравнявшись с неподвижно застывшими филитами, ангах прорычал что-то членораздельное и встал перед Даугекованне по стойке "смирно", опустив все четыре руки и забросив мертвое животное на плечо. Даугекованне сказал ему что-то в ответ на языке пришельцев, показав рукой на стоящих вокруг филитов, тот снова рявкнул, по-видимому, в знак согласия, и пошел прочь. Добыча по-прежнему свешивалась у него с плеча.

Вблизи Эргемар хорошо рассмотрел мертвое животное. Это был довольно мерзкий на вид зверь, напоминающий крысу, но размером с хорошую собаку. Мощные сильные лапы с тяжелыми когтями и пасть, полная острых зубов, показывали, что это хищник.

— Это такие здесь водятся? — поежившись, спросил Эргемар.

— Да, в лесу таких много. Здесь везде лес, на сотни километров. Плантации обнесены забором, и местные звери сюда не попадают. *Ангах* охотятся на них в лесу. Они любят охоту, особенно на хищников. Опасный хищник – больше чести.

— А откуда они вообще взялись, эти ангахи? — поинтересовался Роконан.

— Планета Каангахорэ, седьмая колония Империи. Они там живут, совсем дикие. Иногда их ловят, тогда привозят на другие планеты. Они воины, верно служат. *Кронтэани* их очень боятся. Один *ангах* — все *кронтэани* работают, не разгибаясь. Я сказал, вы и так хорошо работаете, вас нельзя бить…

Эмьюлзе Даугекованне и сам не знал многих вещей о народе ангахов с планеты Каангахорэ. Эта планета, обращающаяся вокруг активного бело-желтого солнца спектрального класса F, была настоящим раем для биологов. Эволюция пошла там по другому пути. Тамошние рыбы впервые вышли на сушу, передвигаясь не та двух, а на трех парах плавников, и произошедшие от них животные не имели себе аналогов ни на одной другой планете. В

плотной атмосфере Каангахорэ летали быстрые птицы, оснащенные, словно стрекозы, двумя парами крыльев, в степях паслись шестиногие антилопы, на которых охотились шестиногие хищники с хватательными передними конечностями, даже местные тюлени плавали с помощью шести ласт, используя заднюю пару, словно рули.

Вероятно, будь природные условия Каангахорэ несколько иными, там могли бы возникнуть летающие разумные существа с руками, ногами и крыльями или четвероногие кентавры, но большая часть планеты была покрыта непроходимыми джунглями, и разум по капризу эволюции достался на ней лесным жителям – четвероруким. До прихода имперцев, случившегося свыше четырехсот лет назад, они жили даже не в каменном, а в деревянно-костяном веке, строя свои поселки в глубине огромных лесов.

Ученые до сих пор спорили о том, к какой из известных им групп животных были ближе всего четверорукие ангахи, но свои территории они защищали с яростью больших кошек и свирепостью медведей. Уже четыреста лет в лесах Каангахорэ шла непрерывная малая война между двумя расами, понемногу превратившаяся в ритуал.

Как ни странно, несмотря на свою дикую внешность, ангахи вовсе не были примитивными дикарями. За четыреста с лишним лет общения с имперскими колонистами они сделали огромный скачок в своем развитии. Не отказавшись от привычной охоты, они начали выращивать на лесных делянках съедобные растения и грибы, всерьез занялись животноводством, научились выплавлять железо из встречающейся в изобилии болотной руды, в совершенстве изучили искусство скрадывания и маскировки, вооружились луками и даже трофейными иглометами…

В последние десятилетия войну между имперцами и ангахами можно было бы назвать "странной войной". Отошли в прошлое, хотя и не забылись, нападения ангахов на поселки колонистов и ответные рейды "чистильщиков", уничтожавших лесные деревушки до последнего ангаха. На границе лесов и окультуренных территорий возникли стихийные меновые рынки, очень популярные у обеих сторон, а короткие схватки в глубине лесов обычно заканчивались бескровно.

Трудно сказать, кто первым ввел этот своеобразный кодекс чести – ангахи или постоянно размещенный на планете корпус Звездной Гвардии, но с некоторых пор проявлением доблести стало не убийство противника, а его пленение. Имперцы выкупали своих в обмен на продовольствие, металлы, керамику и другие полезные в хозяйстве вещи, а пленные ангахи часто

соглашались отработать несколько лет на других планетах. Как правило, их использовали в качестве телохранителей и надсмотрщиков над кронтами: и в том, и в другом случае они не знали себя равных. Закончив срок службы, ангах возвращался домой, в свое племя, обогащая его новыми предметами, понятиями и идеями, и помогая своему народу пройти еще один небольшой отрезок пути к цивилизации.

Понятно, что Эмьюлзе Даугекованне, уже сам привыкший называть себя Эми Дауге, не знал обо всем этом. Извиняя его, следовало, правда, заметить, что о некоторых тонкостях ситуации на Каангахорэ вообще мало кто знал за пределами самой планеты и парочки ближних колоний и форпостов.

Однако филитам вряд ли стоило бы надеяться на милость ангахов. Они были воинами и презирали рабов, и могли великолепно отличить младшего мастера Эми Дауге, которому следовало подчиняться, от его соотечественников, которых следовало подчинять.

Общую мысль высказала Добра Сланско.

— Так что, мы теперь рабы у преступников? — тихо спросила она. — И это – навечно?

Штурман Боорк испытывал самые мерзкие колебания. Он сидел в кабинке почтового отделения на базе Тэкэрэо-3 и никак не мог решиться. Написанный текст уже слабо мерцал на экране у него перед глазами, голова кружилась после бессонной ночи, а рука непроизвольно дергалась между клавишами "ввод" и "сброс", не зная, которую выбрать.

Послание было коротким.

"Согласно достоверным сведениям, на военном транспорте второго класса "Ваарингa" с Филлины на Тэкэрэо была, в нарушение законодательства, доставлена группа филитов, вероятно, для проведения нелегальных работ. Перевозка организовывалась третьим помощником капитана "Ваарингa" старшим офицером второго ранга Гзааргом. Вывоз филитов с корабля произошел ночью с седьмого на восьмое число третьего месяца по планетному календарю, очевидно, под видом отходов".

Боорк с самым несчастным видом пересматривал текст – наверное, уже в десятый раз. Он никогда не был доносчиком и не хотел им быть. Третий помощник никогда ему не нравился, в нем было что-то опасное и хищное, иногда Боорку казалось, что именно он, а не капитан является настоящим хозяином на корабле. Но, кем бы он ни был и с кем бы он ни был связан, суперкарго все же не производил впечатления законченного

злодея и всегда делился своими прибылями с экипажем. Заявлять на него в Службу Безопасности (это было значительно надежнее, чем в спецотдел Космофлота) было предательством, вероятно, обрекающим суперкарго если не на смерть, то на суд, каторгу и бесчестие.

Но с другой стороны, Боорку хотелось помочь филитам, которые не имели здесь ни одного шанса вернуться обратно. Он был полностью уверен в их присутствии на корабле во время полета и окончательно убедился в этом, заметив, как один из помощников суперкарго выносит из подозрительного помещения груду ящиков от упаковок с пайками и пустые канистры. По крайней мере, как это не парадоксально, Служба Безопасности, считающаяся наименее коррумпированной в Империи организацией, была единственной силой, которая могла вернуть филитов домой. И, в конце концов, неужели все то, что он сделал сегодня ночью, было зря?!

Глубоко вздохнув, Боорк нажал на "ввод". Теперь послание уже находилось в памяти почтового компьютера, и даже в стертом виде оно могло быть найдено и прочитано. Однако, решившись, Боорк уже шел до конца.

Руки привычно быстро стучали по клавишам, печатая адрес. 82 – код Тэкэрэо, 010101 – обозначения провинции, округа и района и, наконец, 6666 – известное всем обозначение местного отделения Службы Безопасности. Прикусив губу, Боорк снова решительно нажал на "ввод". Текст на экране пропал, вместо него появилась стандартная табличка: "Послание отправлено по назначению".

Боорк медленно вышел из почтового отделения. Он до сих пор не был уверен, правильно ли он поступил, но обратного хода уже не было.

Скоро что-то должно измениться.

Глава 71. Плато Пурона

Редакция газеты "Утренняя звезда" была взята приступом. Раздался сильный хлопок, массивная входная дверь повисла на одной петле, покачнулась и рухнула, а внутрь ринулся плотный поток людей в камуфляже и черных шерстяных шлемах-масках с прорезями для глаз, ноздрей и рта. Двое охранников, пытавшиеся помешать вторжению, были немедленно скручены, брошены на пол и связаны тонким капроновым шнуром, а основная масса налетчиков ворвалась в офис, потрясая короткими десантными автоматами с навинченными глушителями.

— Всем на пол! Лечь! Я сказал, лежать! Руки за голову!

Недостаточно проворных сбивали с ног, поддавая прикладами. Других выталкивали из кабинетов и укладывали в коридоре – вперемешку мужчин и женщин. Повсюду были слышны испуганные крики, ругань и женский визг. Со звоном и лязгом сбрасывались со столов пишущие машинки, разлетались под ударами прикладов стеклянные дверцы шкафов, хрустели переворачиваемые тумбочки, грубые ботинки топтались по разбросанным бумагам.

Но основная масса налетчиков не отвлекалась на погром. Поток людей в камуфляже словно легион тропических муравьев стремился все дальше и дальше, затопляя редакцию зелено-бурой волной.

Небольшая приемная. У столика с пишущей машинкой испуганная секретарша прижимает к груди папку.

— На пол!…….! Руки за голову!… Да заткните кто-нибудь эту сучку!

С грохотом распахивается дверь в кабинет, большую часть которого занимает длинный стол с расставленными вокруг стульями. Из-за стола навстречу налетчикам поднимается невысокий человек лет пятидесяти.

— Вы – Кайр Линион, главный редактор газеты?! — азартно спрашивает один из людей в камуфляже.

— Да. А кто вы такие?! И снимите маску – я не желаю говорить с людьми, которые прячут свои лица.

Голос Линиона холодно спокоен и тверд, и это немного сбивает спесь с налетчиков. Один из них стягивает с головы шлем-маску и приглаживает рукой коротко стриженые волосы.

— Тайная государственная полиция ТЭГРА. Обер-шарлейтенант Месснер.

— Вот как? И чем вызвано ваше беззаконное вторжение?

— Почему беззаконное? — ухмыляется Месснер. Он снова

полностью овладел собой. — Вот распоряжение Комиссии по нравственности о закрытии вашей газеты.

— Я не признаю такой комиссии, — голос главного редактора по-прежнему спокоен и в нем проскальзывают презрительные интонации. — Ее деятельность противоречит Конституции Горданы, конкретно, статье о свободе слова.

— Вы можете думать что хотите, господин Линион, — насмешливо замечает Месснер. — Но сейчас вы пойдете с нами.

— Это арест? На каком основании, позвольте спросить? Распоряжение еще одного антиконституционного органа – так называемой Чрезвычайной комиссии прокурора Тревиса? Его не подтвердит ни один суд!

— Вы хотите жаловаться в суд? — Месснер откровенно развлекается. — Да хоть самому баргандскому императору! Мы – ТЭГРА, мы можем все!… Увести его! И пришлите сюда пару ребят с мешками – пусть упакуют все бумаги!

Двое людей в масках заворачивают главному редактору руки за спину и выталкивают его прочь из кабинета. Месснер, все еще держа свой шлем-маску в руке, не спеша обходит вокруг стола, садится на редакторское место и задирает ноги, ставя их прямо на столешницу.

— Эй, у кого там есть фотик? А ну, щелкните меня здесь на память!

Внезапно звонит телефон. Месснер лениво протягивает руку к аппарату.

— Я могу поговорить с господином Линионом? — звучит в трубке далекий голос.

— Его нет. Кто это говорит?! Ваше имя?!

Неясный возглас и сразу же короткие гудки. Месснер пожимает плечами, кладет трубку обратно на аппарат и принимает более удобную позу.

— Так у кого там фотоаппарат?!…

— Вот черт!

Майдер Билон бросил трубку так резко, словно в ней сидела змея. Чужой полицейский окрик до сих пор тревожно шумел у него в ушах. Похоже, на своем новом месте он не проработал и двух недель.

И все же Билон не был уверен до конца. О том, что "Утреннюю звезду" собираются закрыть, было известно еще в ходе процесса Джойвара. Такое решение должна была со дня на день принять недавно созданная организация со странным названием Комиссия по нравственности. Однако вероятность полицейского налета среди бела дня считалась незначительной – Кирстен и так

победил, зачем ему опускаться до силовых методов?…

Может быть, на месте случайно не оказалось ни главного, ни его секретарши, которые всегда отвечали ему условленной фразой? Такого, правда, еще ни разу не случалось, но вдруг? Обстановка нервная, мало ли что могло произойти?…

Правда, успокаивать себя вряд ли имело смысл. Билон понимал, что должен разобраться во всем сам. Выйдя из телефонной будки, он отправился к своему автомобилю. И пятнадцать минут спустя он уже сворачивал на неширокую, но оживленную улицу недалеко от центра, где на первом этаже высотного здания располагалась редакция "Утренней звезды".

То, что он увидел, заставило его резко притормозить. Пространство вокруг здания было огорожено широкой красно-белой лентой, какой обычно пользовалась полиция, и какие-то вооруженные люди в камуфляже и черных масках, закрывающих все лицо, нетерпеливыми жестами отгоняли в сторону зевак и прохожих. Прямо ко входу был подогнан огромный фургон с броской надписью "Мясо", и в него, кажется, заводили людей, держащих руки за головой. Рядом было припарковано несколько темно-фиолетовых микроавтобусов с затененными стеклами.

Чей-то нетерпеливый сигнал сзади вывел Билона из оцепенения. Он тронулся с места и медленно проехал мимо редакции, словно обычный зевака, привлеченный непонятным событием. Вблизи было видно, что входная дверь сорвана с петель, а стены вокруг выщерблены и покрыты копотью. Также, хотя фургон и заслонял вид, Билон успел заметить среди людей, которых выводили из здания, нескольких знакомых ему сотрудников "Утренней звезды".

Один из охранников в маске, заметив интерес Билона к происходящему, сердито махнул ему автоматом – проезжай, мол, и Билон покорно увеличил скорость. Здесь уже все было ясно.

Через три квартала Билон медленно остановил автомобиль у обочины и в смятении опустил голову на руль. Он знал, что за Движение взялись всерьез, и ждал чего-то подобного – но не так скоро. На некоторое время ему стало страшно – только сейчас он понял по-настоящему, какую дорогу выбрал, и что на ней может ожидать его самого. Однако обратного пути уже не было: статья о процессе Джойвара неделю назад как вышла в свет, и всем, кому надо знать, уже, наверняка, давно известно о том, кто скрывается за наспех выбранным псевдонимом Рина Траверс.

Поэтому вместо того чтобы и дальше паниковать и жаловаться на судьбу, Майдер Билон вылез из машины и из ближайшей телефонной будки позвонил в Зейгалап Орне Маруэно.

— То, чего мы опасались, произошло, — сказал он ей и в нескольких фразах описал увиденное.

Орна несколько секунд молчала.

— Наверное, тебе лучше на время уехать из Реперайтера, — услышал он наконец ее голос.

— Я тоже так думаю, — откликнулся Билон. — Я могу приехать к тебе?

— Да, конечно. И лучше бы тебе это сделать уже сегодня!

— Я так и поступлю, — заверил ее Билон. — Я выеду вечером и буду у вас где-то к утру.

— Позвони, как только будешь в городе, — попросила Орна. — Я буду ждать. Береги себя.

— Ты тоже. До встречи.

Повесив трубку, Билон снова почувствовал себя бодрым и собранным. Появление новой задачи всегда действовало на него мобилизующе.

К вечеру Билон мог быть вполне довольным собой. За полдня он проделал громадную работу и теперь чувствовал себя полностью готовым к новым испытаниям. Большая часть его денег была переведена на номерной золотой счет в одном из банков "тридцатки", а остальное было снято в виде наличных и теперь покоилось в нагрудном кармане рубашки, заколотом булавкой. Свою прежнюю квартиру, в которой он так и не успел толком обжиться после возвращения из Зерманда, Билон сдал, вернув ключи управляющему домом. Большую часть вещей он перевез в камеру хранения, заключив договор сроком на год, а меньшая часть, заботливо упакованная, находилась в багажнике и на заднем сиденье его автомобиля, заправленного бензином "под пробку". Правда, Билон так пока официально и не уволился из "Курьера", но появляться на старом месте работы, как ему казалось, пока не стоило.

В подступающих зимних сумерках Билон двинулся в путь, направляясь к шоссе на Зейгалап. Перегруженный автомобиль медленно поднялся по въезду на автостраду, а затем Билону пришлось притормозить, пропуская колонну из десятка больших грузовых фургонов. Несколько секунд он равнодушно следил за ними и вдруг его словно ударило током. Все фургоны были одинаковые – белые с широкой красной полосой по бортам, надписью "Мясо" и красочными изображениями окороков и колбас. Точно такой же он видел не далее как сегодня утром у редакции "Утренней звезды"! Сразу же за грузовиками двигался микроавтобус – из-за темноты Билон не мог различить его цвет, но почти не сомневался, что он был темно-фиолетовым.

Пропустив колонну, Билон пристроился ей в хвост, держа впереди себя заслон из нескольких машин. Это не составляло ему труда – фургоны шли довольно быстро, и даже при желании он вряд ли бы мог обогнать их на своей тяжело груженой "Алорре". Так, словно связанные невидимой нитью, они и двигались сквозь зимний вечер и ночь.

Через несколько часов Билон начал уставать, а проклятые фургоны все перли и перли вперед. Километров тридцать не доезжая Зейгалапа, колонна свернула на новое шоссе, ведущее почти точно на юг. Почти не колеблясь, Билон поехал за ними следом, хотя чувствовал, что скоро заснет прямо за рулем.

У первой же бензоколонки он свернул с дороги, дозаправил автомобиль и выпил целых две чашки самой крепкой скайры в придорожном кафе. Это взбодрило его и помогло ему снова придти в себя. Дорога ночью была почти свободной, и уже через двадцать километров он снова увидел далеко впереди габаритные огни фургонов. На всякий случай, Билон снова снизил скорость, чтобы не слишком приближаться к колонне. Он и так опасался, что в заднем микроавтобусе могли заметить слежку, и не желал лишний раз попадаться им на глаза.

Под утро колонна снова свернула – на этот раз на юго-запад. Теперь вместо общенационального шоссе под их колесами лежала какая-то дорога местного значения, к счастью, достаточно оживленная, чтобы маскировать автомобиль Билона в потоке машин. Увидев впереди объявление: "До следующей заправки сто двадцать километров", Билон снова остановился. От Реперайтера он уже проделал свыше девятисот километров, и бензин был опять почти на исходе. Кроме того, он и сам был вымотан до предела. Вчерашний день, наполненный заботами, и больше трети суток, проведенные за рулем, выжали из него почти все силы.

Прихлебывая обжигающе крепкую скайру, Билон вдруг вспомнил, что в это время он уже давно должен быть в Зейгалапе. Купив в кассе кафе пригоршню жетонов, он снял трубку телефона в углу и позвонил Орне.

Она сняла трубку мгновенно, словно дежурила у аппарата.

— Ты где? — спросила она его. — С тобой все в порядке?

— В порядке, — Билон вовремя подавил зевок. — Только ты извини, у меня внезапно обнаружилось одно срочное дело, так что я сейчас в одном кафе где-то между Лаской и Кармайлем.

— Так далеко? — забеспокоилась Орна. — У тебя в действительности все в порядке?

— Да, — Билон старался успокоить ее. — Честное слово. Просто возле Реперайтера я наткнулся на интересную колонну

грузовиков и сейчас еду по ее следам.

— Только будь осторожен, пожалуйста, — попросила его Орна. — Не рискуй зря. Если что – звони, я буду на связи.

— Думаю, ничего не случится, — Билон чувствовал неловкость из-за того, что заставляет тревожиться Орну. — Я не собираюсь рисковать. Обязательно позвоню, как только что-то узнаю.

— Хорошо. Береги себя, — откликнулась Орна и отключилась. А Билон продолжил свою погоню.

С восходом солнца сразу стало не по-зимнему тепло, и это в очередной раз напомнило Билону, как далеко он забрался на юг. Вокруг простиралась унылая холмистая полупустыня, покрытая редкими однообразными полушариями колючих кустов. Местность оживляли только странной формы известняковые обнажения, то и дело поднимающиеся из буро-песочной почвы, и невысокие обрывы с полосатыми складками слоев породы. Справа еле угадывалась в начинающем прогреваться воздухе невысокая горная гряда. Машин попадалось совсем мало, и Билон отстал от колонны более чем на два километра, легко находя ее по широкому шлейфу пыли.

Так прошло еще более двух часов. Внезапно облако пыли начало смещаться куда-то вправо. Повернув голову, Билон увидел, как колонна фургонов, которые уже давно потеряли свою белую раскраску, медленно движется по узкой проселочной дороге, почти тропе, пропадающей среди холмов. Темно-фиолетовый микроавтобус, который ранее держался почти вплотную, остановился, и из него вышли несколько человек.

Сворачивать на грунтовку вслед за фургонами Билон не решился, тем более, что микроавтобус по-прежнему торчал в сотне метров от съезда с шоссе. Он просто проехал мимо, постаравшись запомнить ориентиры и как можно точнее отметить это место на своей импровизированной карте, которую он рисовал на листочке в блокноте.

Билон был почти уверен, что таинственной колонне оставалось до цели совсем не долго – иначе микроавтобус продолжал бы и дальше сопровождать ее. Теперь на повестку дня вставала новая задача: как вернуться к цивилизации и при этом найти местечко, где можно подремать хотя бы несколько часов.

…После третьего гудка трубку, наконец, подняли, и Майдер Билон услышал голос Орны Маруэно.

— Привет, — радостно сказал он. — Это я.

— Где ты? — услышал он в ответ. — Ты уже приехал?

— Да, я уже в Зейгалапе. Мы можем встретиться?

— Конечно, Майдер. Приезжай на наше старое место, на площадь адмирала Скайнирда.

— Вообще-то, я уже там, — заметил Билон. — Я не хотел звонить слишком рано.

— Тогда жди, — засмеялась Орна. — Я буду через час. Выдержишь?

— Да уж придется, — с покаянной интонацией протянул Билон. — Сам виноват – слегка опоздал…

— Да, всего лишь на сутки…

Орна повесила трубку, а Майдер Билон, широко зевая, потащился обратно в кафе за очередной чашкой скайры. После того, как он снова провел за рулем целую ночь, ему отчаянно хотелось спать.

Там же, в кафе, его и нашла Орна, появившаяся не через час, а всего лишь спустя сорок минут.

— Привет, — непринужденно сказала она, присаживаясь за столик. — Ты уже позавтракал?

В своей короткой курточке и берете на темно-русых волосах она была необыкновенно хороша.

— Привет, — Билон чуть не поперхнулся скайрой. — Извини, я хотел идти встречать тебя чуть попозже.

— Ничего страшного, — весело улыбнулась Орна. — Я просто не люблю, когда меня ждут. Видишь, я уже здесь, так что можешь не торопиться.

— А куда мы сейчас поедем? — спросил Билон, дожевывая последний тост.

— Ко мне, конечно. Только если ты не против, не поедем, а пойдем. Это рядом, а кроме того, там негде оставить машину.

Орна Маруэно жила в небольшом трехэтажном доме посреди университетского кампуса. Там было очень людно и шумно: в разных местах играла музыка, по асфальтовым дорожкам среди зарослей деревьев и кустарников то и дело сновали велосипедисты, все было заполнено торопящимися молодыми людьми, не спеша прогуливающимися парочками, деловитыми профессорами… Майдер и Орна ничем не выделялись в этой толпе и полностью растворились в ней, а вот появление здесь на забитом вещами и запыленном вездеходе с реперайтерскими номерами, как запоздало осознал Билон, наверняка привлекло бы внимание.

Поднявшись на площадку первого этажа, Орна открыла ключом крайнюю левую дверь и пропустила Билона вперед.

— Это ты Орна? — послышался из глубины квартиры мужской голос. — С гостем?

Майдер Билон вздохнул про себя. С Орной его пока ничего не

связывало, кроме нескольких бесед по телефону, и он ни разу не интересовался ее личной жизнью. Что же, наивно было бы полагать, что она совершенно свободна. Как говорится, у каждой хорошей девушки уже, как правило, кто-то есть…

Однако вышедший их встречать мужчина не слишком походил на возлюбленного Орны, и Билон самую малость приободрился. На вид ему было не меньше сорока, он был невысок, темноволос и носил очки с тонкими стеклами в роговой оправе.

— Здравствуйте, господин Билон, — сказал он смутно знакомым голосом. — Рад вас здесь видеть.

— Простите, — Билон остановился в дверях. — Вы меня знаете?

— Ну, а я что говорила!? — с веселым азартом воскликнула проскользнувшая в комнату Орна. — Стоило вам покрасить волосы, изменить прическу и надеть очки, и вас никто не узнаёт!

— Что?! — Билон еще раз вгляделся в собеседника. Очки долой… Осветлить волосы… — Вы Райнен Фремер?

— Вот я и раскрыт, — депутат парламента от Движения за демократию сделал шуточный поклон.

— Я тоже рад вас здесь видеть, — сказал Билон, присаживаясь на небольшой диванчик, где уже устроилась Орна. — Я думал, вас тоже…

— Нет, к счастью, до этого не дошло, — Райнен Фремер погасил улыбку. — Но, к сожалению, мало кто из руководства Движения, помимо меня, остался на свободе. Мы неплохо подготовились к переходу в подполье материально и технически, но оказались не готовы, в первую очередь, психологически. Предупреждения о намечавшихся арестах поступили, в основном, вовремя, но почти никто не решился на немедленное бегство…

— "Утренней звезды" тоже больше нет, — сухо добавил Билон. — Я позавчера сам видел, как оттуда выводили всех.

— Нет, газета по-прежнему существует, — покачал головой Фремер. — У нас остались резервные типографии, есть люди – в основном, те, кто находился вне Реперайтера. Вероятно, "Звезда" уменьшится в объеме, будет выходить лишь раз в две недели или даже два раза в месяц, но она сохранится.

— И к кому мне теперь обратиться? — спросил Билон. — Кто теперь ее главный редактор?

— Пока – я, — спокойно ответил Фремер. — На какое-то время мне придется совмещать несколько постов, но я надеюсь, что справлюсь. Правда, не хочу скрывать – нам будет очень тяжело, теперь каждому из нас грозит арест. Господин Билон, я прошу вас, взвесьте свои силы. Быть постоянно преследуемым – в

высшей степени неприятное ощущение, а для вас еще существует возможность вернуться обратно. Более того, скажу, что на своей прежней работе в "Курьере" вы сможете оказать нам немалую помощь.

— Я уже решил, и причем давно, — резко сказал Билон. — Я не желаю служить лжи, а роль агента-двойника не для меня. Собственная безопасность меня волнует, но, если можно так выразиться, не чрезмерно. Признаться, меня куда больше беспокоит, не грозит ли что Орне. Вряд ли об утечках с процесса Джойвара так быстро забыли. Кое у кого может появиться настойчивое желание выяснить, кто такой Тид Грумман, внештатный корреспондент "Утренней звезды".

— Не тревожься за меня, Майдер, — приветливо улыбнулась ему Орна Маруэно. — То дело уже давно раскрыто, закрыто и сдано в архив. При уборке в зале суда, где проходил процесс, нашли спрятанный магнитофон и два подслушивающих устройства. Было решено считать, что они находились там с самого начала, и никакого Тида Груммана среди зрителей не существовало.

— Хорошо, если так, — с облегчением вздохнул Майдер Билон и снова повернулся к Фремеру. — Тогда я хочу задать новый вопрос вам, господин главный редактор. О чем будет писать новая "Утренняя звезда"? Если она будет протестовать против беззаконных арестов, надругательства над демократией и нарушения прав и свобод граждан, что тогда в ней буду делать я? Политика, как вы, вероятно, заметили, — это не моя тема.

— Что же, в свете последних событий вы задали очень своевременный вопрос, — признал Фремер. — Вы, очевидно, тоже обратили внимание, что вовсе не Движение является сейчас основной мишенью властей. Наших лидеров тоже активно арестовывают, но я бы сказал, мимоходом, а все газеты и телеканалы заполнены сообщениями о задержании государственных чиновников, депутатов, предпринимателей, крупных мафиози. Все они обвиняются в воровстве, казнокрадстве, взяточничестве, злоупотреблениях…

— И что характерно, все это – чистая правда, — добавил Билон. — Народ в восторге и рукоплещет правительству, которое твердой рукой наводит порядок в стране. А что думаете по этому поводу вы? Встанет ли Движение на защиту этих людей, с которыми, что ни говорить, поступили не по закону?!

— Нет, не встанет! — жестко ответил Фремер. — Бессмысленно протестовать против нарушения буквы закона, когда попран его дух, и безнравственно объединяться со старым непримиримым врагом против нового! Не далее как вчера у меня

была встреча с одним чисто конкретным деятелем, который предложил Движению союз против Кирстена. Мы никогда не пойдем на него, каким бы выгодным с тактической точки зрения он ни казался. Возможно, я плохой политик: у меня есть принципы. Но отказаться от них я не могу – ни сам, ни за своих товарищей.

— А что по поводу попранной демократии? — осведомился Билон. — Каковы ваши принципы на этот счет?

— Желающие порыдать над погибшей демократией найдутся в этой стране и помимо нас, — с легкой иронией произнес Фремер. — Некоторые газеты только этим и занимаются уже две с лишним недели подряд. Но мне кажется, вместо абстрактной борьбы за права человека нам следует заняться борьбой за права конкретных людей.

— Признаться, раньше мне чаще приходилось слышать иное, — заметил Билон, чисто для поддержания разговора.

— Я же как-то говорил вам: у нас весьма пестрая организация. Но по большому счету, Движение изначально выступало не за демократию, а за достойную жизнь людей, просто демократия казалась нам наиболее подходящим средством достижения этой цели. По крайней мере, она давала людям возможность самим избрать себе честную и порядочную власть. Что же, теперь они этой возможности лишены…

— И не сильно страдают по этому поводу, — снова вставил реплику Билон.

— Очевидно, демократия пришла в нашу страну слишком рано. Люди успели увидеть все ее недостатки, но еще не научились пользоваться ее достоинствами. Теперь наша задача состоит в том, чтобы донести до них правду о том, что является альтернативой демократии. Новая "Утренняя звезда" не будет плакать об утерянной свободе, которая слишком часто превращалась в нашей стране в господство воров и негодяев. Вместо этого она будет рассказывать о преступлениях, которые будет творить новая власть, пришедшая ей на смену. С нашей помощью они должны убедиться, что вместо плохого они получили худшее.

— А если этих преступлений не будет? — тихо спросил Билон. — Что, если Кирстену, пусть жестоко и с нарушением законов, но удастся навести в стране порядок и построить для людей достойную жизнь? Например, не далее как два дня назад по телевизору говорили, что готовится закон о медицинском страховании, которого вы всегда добивались… Люди ведь и в самом деле не испытывают особой потребности в демократии. Чаще всего они хотят иметь лишь достойную работу, которая

позволяет жить, не тревожась о деньгах, чистые улицы без хулиганов и торговцев наркотиками, уверенность в завтрашнем дне, надежное и сильное государство, которое не грабит, а защищает своих подданных, спокойствие за судьбу своих детей…

— Если такое произойдет, я сам с радостью пойду на службу Кирстену, — так же тихо ответил Фремер. — Но пока я что-то не верю в эту идиллию. Для Кирстена власть не средство, а цель, и он не любит мирно сосуществовать с теми, кого считает противниками – справедливо или нет. Я предвижу, что наиболее заметными и влиятельными организациями в нашей стране скоро станут тайная полиция ТЭГРА и Чрезвычайная комиссия Тревиса…

— Трудно назвать благополучным государство, где в один прекрасный день бесследно исчезают несколько тысяч человек, — отрывистым голосом добавила Орна. — У нас на факультете на прошлой неделе арестовали двух профессоров, никто даже не знает, за что…

— А они и в самом деле бесследно исчезли? — спросил Билон. — Я слышал…

— В городе уже никого из них нет, — сказал Фремер. — Родственникам говорят, что все они живы, просто на время изолированы. Но люди уже до того напуганы, что даже боятся протестовать.

— Знаете, а я, кажется, что-то видел, — медленно произнес Билон. — Я ведь не зря задержался в дороге на целые сутки…

— Мне кажется, это правдоподобно, — наморщил лоб Фремер, выслушав рассказ Билона. — До меня доходили сведения о строительстве каких-то секретных объектов где-то на юге… Где, еще раз, вы в последний раз видели эти фургоны? Орна, посмотри, кажется, на полке есть атлас…

— Вот, — Билон открыл нужную страницу. — У меня в машине есть карта, там все это показано более точно. Мы двигались вот по этой дороге, а где-то здесь они повернули направо, вот сюда…

— Плато Пурона, — медленно прочитала Орна. — Никогда не слышала…

— Ну, вот и пригодились мои знания учителя географии, — невесело усмехнулся Фремер. — Мрачное место, скажу вам. Плато Пурона – это самое сердце гор Вариа, очень древнего хребта, от которого уже почти ничего не осталось. Безводная пустыня, голые холмы, изъеденные эрозией, резко континентальный климат, осадки – только весной и то незначительные… Люди там никогда не поселялись, и я не помню, чтобы там что-либо добывали. Если разместить там

заключенных, их будет стеречь не охрана, а безводье и убийственный климат… И все-таки, тяжело поверить, что людей повезли туда. На плато Пурона просто ничего нет, все надо завозить – по-моему, это слишком сложно…

— А давайте я проверю, — предложил Билон. — У меня вездеход, возьму запасы воды, провизии… Попробую проехать по следам этих фургонов – наверняка их еще можно проследить!

— Это чересчур рискованно! — строго сказал Фремер. — В этих краях можно запросто бесследно пропасть, даже если там нет никаких секретных лагерей. Плато Пурона – не место для экскурсий!

— У меня, между прочим, есть опыт подобных поездок, — заметил Билон. — Я полтора года прожил в Зерманде и не один раз ездил на точно таком же вездеходе по Великой Пустыне. А если я кого-то там встречу – так у меня до сих пор есть удостоверение обозревателя газеты "Курьер", а более пропрезидентского издания и найти трудно. Все, что мне нужно, — это надежная связь! Подумайте, какую бомбу вы получите, если лагеря действительно там!

— Ну вот, и вы туда же, — печально вздохнул Фремер. — А я то думал поручить вам присмотреть между делом за Орной, чтобы она не совалась во всякие авантюры.

— А вот и не вышло, дядя Райнен! — Орна задорно усмехнулась и даже слегка показала язык. — Это я буду присматривать за Майдером, чтобы он не попадал во всякие переделки!

— Он ваш дядя?! — Майдер Билон уловил ключевое слово.

— Да, троюродный.

— На самом деле, у нас более сложная степень родства, — уточнил Фремер. — Если точно, мама Орны – сводная сестра жены моего двоюродного брата. Просто так вышло, что мы познакомились во время моей предвыборной кампании в прошлом году. Надеюсь, в досье ТЭГРЫ эта связь не прослеживается.

— Так кому мне отправить материал после того, как я его напишу? — деловито спросил Билон. — Как я понимаю, особых возражений против моей экспедиции на плато Пурона нет?

— Будто я что-то могу возразить, — пожал плечами Фремер. — Для нас и в самом деле крайне важно получить информацию об арестованных. Но будьте предельно осторожны и берегите себя. Вы здесь очень нужны, и причем – не только с точки зрения интересов работы.

Орна Маруэно слегка покраснела и посмотрела в сторону. А Майдер Билон почувствовал, что он полностью счастлив.

Стоп!

Где-то далеко впереди что-то блеснуло отраженным светом склоняющегося к закату солнца, и Майдер Билон остановил машину и поднес к глазам бинокль. Ошибки не было – дорогу (вернее, проложенную колесами колею) в том месте, где она ныряла в ущелье, перегораживал шлагбаум. У обочины, в притирку к круто поднимающейся вверх скальной стене, стояла небольшая будочка с вывеской наверху. Из-за дальности расстояния Билон даже в бинокль не мог различить, что там написано, но это он знал и так. "Секретный объект. Въезд воспрещен!" – такие объявления попадались ему уже трижды за истекшие сутки. За день он сделал огромный крюк вокруг плато Пурона, двигаясь с восточного сектора в южный, и пытаясь проникнуть внутрь, всякий раз натыкался на кордоны. Похоже, секретным объектом была вся территория плато.

Вздохнув, Билон подтянул поближе к себе коротковолновую рацию, находившуюся на соседнем сиденье.

— Встретил КПП в семнадцатом квадрате, — коротко сообщил он, наладив связь. — Возвращаюсь на трассу.

— Вас понял, — ответил ему далекий голос. — Советую уходить. Не рискуйте. Вы сделали все, что могли.

— Завтра утром попробую еще раз, — упрямо сказал Билон в микрофон. — Следующая связь через час. Отбой.

Билон был не удовлетворен собой. Он узнал немало, но это были сплошные косвенные данные, без единой зацепки, которую можно было бы использовать для статьи. Он сам видел прокладываемую в пустыне гравийную дорогу, уходящую от основной трассы в сторону плато, снова наблюдал за длинными колоннами грузовых фургонов, идущих в сопровождении микроавтобусов с затененными стеклами, слышал разговоры о появлении новых клиентов в придорожных кафе…

Все складывалось в единую мозаику: примерно месяц назад в этих забытых богом и людьми краях началась какая-то активность, через тонкие нити горных дорог и троп на плато потянулись грузовые автоколонны, над древними разрушенными горами вдруг стали летать современные вертолеты. Не хватало только главного элемента мозаики – никто не знал, что находится внутри этой паутины. Это мог быть какой-то военный объект, секретный завод, даже база пришельцев, и лишь наравне с другими версиями – тайные концлагеря.

Длинный нетерпеливый гудок мигом вернул Билона к действительности. Он поспешно съехал на обочину, пропуская очередную колонну – несколько больших крытых грузовиков с

тщательно зашнурованными пологами, два знакомых бело-красных фургона с надписью "Мясо", несколько автоцистерн, в которых, похоже, было не горючее, а обычная вода. Замыкал колонну, как всегда, микроавтобус, только на этот раз не фиолетовый, а темно-зеленый.

Обреченно Билон смотрел, как микроавтобус останавливается, и из него выходят несколько вооруженных людей в камуфляже без знаков различия. Один из них, перебросив на грудь короткий десантный автомат, сделал Билону недвусмысленный сигнал – "Выходи".

— Кто вы такой? — нелюбезно спросил его человек в камуфляже, небрежно просматривая протянутые Билоном документы. — Журналист?

Билон затаил дыхание. Сегодня днем он уже прошел через подобный допрос, неожиданно наткнувшись на КПП, где ему недвусмысленно посоветовали убираться прочь. Остается только надеяться, что здесь еще никто не знает о нем.

— Да, журналист, — учтиво сказал он. — Из газеты "Курьер".

— Вы выполняете задание редакции? — в вопросе явно чувствовалось удивление.

Было очень соблазнительно сказать "Да", но Билон не поддался искушению. Такой обман было бы слишком легко раскрыть.

— Э-э-э… В общем-то, нет, — осторожно начал он. — Просто я… э-э-э… случайно проезжал мимо и заметил кое-какие… э-э-э… странности. Как известно, загадки – хлеб для журналиста.

— От таких загадок может быть несварение желудка, — коротко усмехнулся человек в камуфляже. — Здесь секретный объект. Проезд строго воспрещен.

— А могу ли я где-то получить хоть какую-то информацию на этот счет? — вежливо спросил Билон. — Вы ведь, кажется, не военные…

— Тайная государственная полиция ТЭГРА, — значительно сказал человек в камуфляже. — Вам все ясно? Возвращайтесь домой и не забивайте себе голову такими загадками. Вы поняли?

— Понял, — покорно наклонил голову Билон. — Разрешите ехать?

— Разрешаю, — прозвучал вальяжный ответ, и Билон и в самом деле поспешил убраться куда подальше.

День уже завершался и Билон, вернувшись на трассу, остановился поужинать в придорожном кафе. Убедившись, что никто на него не обращает внимания, он присел в уголке и развернул на столике карту. Проклятое плато, похожее на неправильный овал размером семьдесят на сорок километров, по-

прежнему манило его, однако хода внутрь для него не было. На карте было отмечено несколько троп, ведущих к небольшим приискам, где около ста лет назад пытались добывать серебряную руду, но Билон не сомневался, что все они тоже перекрыты.

Но ведь не обязательно ехать по дороге, — пришла ему в голову новая мысль. В Зерманде он не раз выезжал в пустыню, где никаких дорог не водилось в принципе. Здесь местность выглядит более пересеченной, но она вполне проходима. Еще раз внимательно взглянув на карту, он обратил внимание, что с северо-востока подступы к плато выглядят менее сложными. Горы Вариа, обтекающие плато в меридиональном направлении, были там низкими и не такими крутыми и обрывистыми, кроме того, в этом секторе почти не было дорог. Как подумалось Билону, ТЭГРА наверняка не успела взять под контроль все подступы к плато и следит, главным образом, за наиболее удобными подъездами. Это давало ему шанс остаться незамеченным.

Билон двинулся в путь еще затемно. Ему надо было проехать по шоссе более пятидесяти километров, и он не хотел, чтобы кто-то заметил, как он съезжает с трассы.

Этот этап его предприятия прошел успешно. Дорога была совершенно пустынной, более того, от нее в нужную сторону сворачивала слегка намеченная на пыльной голой земле колея. Вовремя различив ее в полумраке рассвета, Билон покинул шоссе и покатил к едва угадывающейся на горизонте неровной зубчатой стене.

Колея, время от времени скрывающаяся под песчаными наносами, успешно вела его на протяжении целого часа, пока не оборвалась перед несколькими полуразвалившимися домиками на краю наполовину высохшего озерца у самого подножья гор. Затем Билону удалось проехать еще несколько километров по дну узкого неглубокого ущелья и даже подняться по слежавшейся осыпи по пологому склону, но дальше подъем становился слишком крутым для вездехода.

Закончив очередной сеанс связи, Билон решил подняться на вершину гряды и уже оттуда поискать удобных подходов. Открывшаяся его глазам картина оказалась для него совершенной неожиданностью. Неровное, покрытое холмами и изрезанное оврагами плато вдруг появилось прямо под ним. Более того, всего в нескольких километрах внизу он увидел то, что искал.

Забыв обо всем, Билон разглядывал в бинокль широкую ровную площадку, застроенную двумя десятками одинаковых низких бараков. По углам площадки стояли сторожевые вышки, на которых можно было заметить вооруженных часовых,

смотрящих вовнутрь, а между вышками, словно тонкие линии, тянулись два ряда проволочного ограждения. Большое пространство внутри квадрата вышек было свободно от строений, и на нем были видны ряды стоящих людей. Они выглядели как-то странно, и Билон до рези вглядывался в стекла бинокля, пока не понял, что все они одеты в диковинные робы из белых и темных вертикальных полос. В углу площадки стоял большой пыльно-белый фургон с почти скрытой под пылью красной полосой и рисунками мясных продуктов по бортам. Задние дверцы были распахнуты, и оттуда сыпались крошечные фигурки людей в обычной гражданской одежде.

— Если это не лагерь, тогда что? — пробормотал Билон, чрезвычайно довольный собой.

Теперь оставалось только спуститься вниз, чтобы захватить фотоаппарат с телеобъективом, сделать пару десятков снимков и сматываться, пока не заметили. Но в первую очередь Билон взялся за рацию.

— Я в шестом квадрате, — лаконично сказал он. — Вижу на плато лагерь, большой лагерь для заключенных. Охрана, колючая проволока и все такое прочее. На глаз, больше тысячи человек. Собираюсь вернуться сделать фотоснимки.

— Понято, — напряженно откликнулся связист. — Все очень рады вашему успеху. Будьте осторожны. Вам передают: берегите себя. Отбой.

— Отбой, — повторил Билон, непроизвольно расплываясь в широкой улыбке.

Он не знал, кто поддерживает с ним связь и даже где он находится. Однако ему было очень приятно думать, что близкие ему люди постоянно помнят о нем.

С фотоаппаратом на груди, он стал медленно подниматься по склону и вдруг чуть не свалился вниз, оглушенный громовым шумом. Прямо у него над головой из-за гребня вынырнул военный вертолет. Он пролетел над Билоном, на секунду исчез за стеной ущелья и снова появился, целеустремленный и неотвратимый. У подножья склона, на который чуть меньше часа назад поднялся на своем вездеходе Билон, была небольшая ровная площадка, и вертолет явно собирался на нее сесть. Дверца сбоку фюзеляжа была уже распахнута, и оттуда высовывался ствол пулемета.

Тоскливо следя за тем, как вверх по склону быстро поднимаются несколько вооруженных людей, Билон в последний раз взялся за рацию.

— Меня засекли, — торопливо сказал он в микрофон. — Сейчас будут брать. До свидания.

И, не дожидаясь ответа, выключил аппарат связи и вышел из машины, подняв вверх руки.

Судя по горам, виднеющимся далеко на горизонте, это был не тот лагерь, который он видел, однако Майдеру Билону в данный момент было не до новых открытий. Люди, взявшие его в плен, обошлись с ним довольно вежливо, по крайней мере, без рукоприкладства, но в их молчаливой сдержанности ощущалась угроза. И сейчас, идя в окружении пятерки конвоиров вдоль глухого забора со спиралями из колючей проволоки наверху, Билон чувствовал себя очень сильно не в своей тарелке.

Не говоря ни слова и не тратя времени, его завели в длинный одноэтажный каменный дом, провели по коридору и затолкнули в одну из комнат, убранную в крайне аскетическом стиле. Из всей мебели в ней были только поцарапанный шкаф, канцелярский стол с телефоном и грудой бумаг и стул, на котором сидел человек в странном черно-глянцевом мундире. При виде Билона он поднял голову.

— Старший капитан Прейн! — вырвалось у Билона. — Прошу прощения… господин полковник.

— Оставьте нас, — хмуро приказал Прейн, и конвоиров словно ветром вынесло из кабинета. — Садиться не предлагаю – не на что. Скажите лучше, как вы, господин Билон, очутились здесь? Что вас сюда принесло из самого Реперайтера?

"А что – вас?" – хотелось спросить Билону, который до сих пор не мог придти в себя от изумления, увидев бывшего заместителя начальника отделения полиции в районе Гамбрук в секретном лагере на плато Пурона и в чине полковника. Однако задавать вопросы было сейчас не ко времени.

— Понимаете, несколько дней назад я ехал по Реперайтеру и вдруг обратил внимание, что перед редакцией "Утренней звезды"… — осторожно начал Билон.

Он надеялся, что Прейну неизвестно о последних изменениях в его трудовой деятельности, и пытался, не скрывая основных фактов, представить себя не в меру азартным репортером, готовым ради сенсации проникнуть даже в те места, куда не следует.

Кажется, его уловка сработала. А может быть, бывший полицейский просто не захотел докапываться до сути.

— Вот застряло у вас шило не в том месте, — сказал он с досадой, выслушав рассказ Билона. — Говорили же вам – секретный объект, держитесь подальше! Так нет – потянуло за сенсацией! И что мне теперь с вами делать?!

— Я готов дать любую подписку… — деликатно произнес

Билон, но Прейн оборвал его энергичным взмахом руки.

— Какая еще подписка?! У меня есть прямые инструкции: нарушители режима секретности задерживаются на объекте до особого распоряжения!

— Но это невозможно! — запротестовал Билон. — Я не могу так просто пропасть без вести! Меня будут искать! Есть люди, которые знают, куда я поехал!

— А никто и не говорит, что вы пропадете без вести, — спокойно заметил Прейн. — Если кто обратится, мы так и ответим: временно изолирован на секретном объекте. Я вот думаю, к какому делу вас здесь приспособить… Ладно, — он поднял трубку телефона. — Лейтенанта… шар-лейтенанта Гарвонса ко мне!

— Вы теперь ТЭГРА? — с интересом спросил Билон.

— Да, — проворчал Прейн. — Кстати, по-новому я не полковник, а штандарт-комиссар… Ладно, успеете еще выучить.

Билон ошеломленно помотал головой. В ТЭГРА, похоже, почему-то решили скопировать звания штурмовых отрядов времен войны на независимость Горданы, когда полк почему-то назывался штандартом, а рота – шаром.

Спустя несколько минут в дверь деликатно постучали, и в кабинете появился молодцевато выглядящий молодой человек в темно-сером свитере и легкой черной кожаной куртке.

— Вызывали, господин штандарт-комиссар? Так я явился.

— Прибыл! — недовольно проворчал Прейн. — Гарвонс, три дня назад вы подавали мне рапорт о необходимости введения еще одной штатной единицы в канцелярии лагеря. Сегодня у меня появилась возможность его удовлетворить. Это Майдер Билон, до недавнего времени – журналист в газете "Курьер". Он потратил уйму сил и пару суток, чтобы пробраться к нам и в конце концов достиг своей цели. Теперь он ваш, Гарвонс. Можете использовать его так, как вы указали в вашем рапорте. Забирайте его и идите!

— С удовольствием! — Гарвонс повернулся к Билону. — Эй, парень, а я тебя где-то видел!

— Наверно, в зеркале, — хмыкнул Прейн. — Вы случайно не родственники? Изрядное сходство налицо. Ладно… Идите, близнецы!

Даже выйдя на улицу, Билон продолжал с интересом разглядывать Гарвонса. Бесспорно, шар-лейтенант был повыше ростом и помускулистее, но лицом они были и в самом деле удивительно похожи. Сходство усиливалось тем, что неделю назад Билон побывал в парикмахерской, и теперь его прическа напоминала короткую "армейскую" стрижку Гарвонса.

— Привет, — добродушно сказал Гарвонс. — Тебя Майдер

зовут, так? Зови меня Крост… когда начальство не видит, конечно. Ты журналист? Здорово. Будет, о чем словом перекинуться, а то сидишь один в канцелярии, от скуки можно подохнуть. Законопатил меня папаша в эту дыру…

Билон молчал, но Кроста это, похоже, не беспокоило.

— Тут главная беда – скука. Делать совершенно нечего. Даже зэки уже воют. Их тут специально весь день на плацу держат, следят, чтобы они между собой не разговаривали. Так они уже сами вызываются что-то делать. Аж дерутся между собой, уморы, кому нужник чистить…

Навстречу несколько зэков в черно-белых полосатых балахонах в сопровождении одного вооруженного конвоира тянули большую тележку с мусором, и Крост потянул Билона на обочину. Тележка обдала их удушливой вонью нечистот. Билон, взглянув на заключенных, отвел глаза. В одном из них он узнал адвоката Стоу Вигеса, руководителя Движения за демократию в районе Гамбрук.

Крост понял молчание Билона по-своему.

— Ничего, Майдер, скоро привыкнешь. Здесь, вообще-то, зэков сильно давить не положено, у нас всего лишь тип "А", изоляционный лагерь.

— А есть еще какие-то типы? — заинтересовался Билон.

— Конечно. Есть тип "Б", то есть рабочие. Там зэки не бездельничают, как у нас, а полезным трудом заняты. Потом есть тип "В", каторжные. Говорят, бывают еще лагеря типа "Г", но это, скорее всего, байки.

— И много таких лагерей? — осторожно спросил Билон.

— Не знаю. Не интересовался. Да и не наше это дело. Вот, смотри. Мы уже пришли.

Забор слева превратился в обычную проволочную ограду, и за ней Билон увидел широкую грунтовую площадку, на которой рядами сидели люди в полосатых балахонах, поджав под себя ноги. Между рядами прохаживались несколько фигур в черном, поигрывая длинными резиновыми дубинками. За площадкой виднелись ряды бараков, сторожевые вышки, а за ними простиралась пустынная равнина, равномерно покрытая серо-зелеными кочками кустарников. Унылый ветер поднимал над ними легкие султанчики пыли. Прямо впереди было еще одно длинное одноэтажное здание, похожее на коробку с дырками окон. Весь пейзаж производил настолько гнетущее впечатление, что Билон содрогнулся.

— Ничего, привыкнешь, — безжалостно сказал Крост. — Иначе отдашь концы. Ты не надейся, мы все здесь застряли надолго. Мне папаша так и сказал: будешь, мол, торчать в самой

глухой дыре, пока не поумнеешь. Пару лет, это уж наверняка…

— Пару лет? Здесь?! — простонал Билон. — Это невозможно…

Он изо всех сил боролся с навалившимся на него отчаянием. Это не конец, говорил он себе. Это ни в коем случае не конец! Я обязательно вырвусь отсюда!

Конец второй книги

Одесса – Регенсбург – Одесса – Киев

1986–1991-1998-2001